

Философия и методология науки

*Допущено
Министерством образования
Республики Беларусь
в качестве учебного пособия
для магистрантов учреждений
высшего образования*

Под редакцией доктора
философских наук профессора
Ч.С. Кирвеля

Минск
«Вышэйшая школа»
2012

УДК [1+001.8](075.8)

ББК 87я73

Ф56

Авторы: *В.В. Анохина, А.А. Бородич, И.В. Бусько, П.А. Водопьянов, А.П. Ждановский, А.И. Зеленков, Н.А. Кандричин, П.С. Карако, В.В. Карпинский, Ч.С. Кирвель, Н.К. Кисель, А.А. Лазаревич, И.А. Медведева, Л.Л. Мельникова, В.Т. Новиков, О.В. Новикова, О.А. Романов, О.Г. Шаврова, Н.С. Щекин*

Рецензенты: кафедра философии Института подготовки научных кадров Национальной академии наук Беларуси (доктор философских наук профессор *А.И. Осипов*); доктор философских наук *А.С. Лаптенюк*

Все права на данное издание защищены. Воспроизведение всей книги или любой ее части не может быть осуществлено без разрешения издательства

Философия и методология науки : учеб. пособие / Ч. С. Кирвель [и др.];
Ф56 под ред. Ч. С. Кирвеля. — Минск : Выш. шк., 2012. — 639 с.
ISBN 978-985-06-2119-1.

Представлен современный взгляд на основные проблемы философии и методологии науки в связи с процессами глобализации и кардинальных изменений в сферах экономики, политики, культуры на рубеже XX—XXI вв. Дается системное и методически обоснованное изложение курса «Философия и методология науки». Рассматриваются сложные дискуссионные вопросы современного философского знания.

Предназначено аспирантам, магистрантам и соискателям, будет полезно студентам, изучающим курс философии, а также тем, кто интересуется актуальными проблемами философии и науки.

УДК [1+001.8](075.8)

ББК 87я73

ISBN 978-985-06-2119-1

© Оформление УП «Издательство
“Вышэйшая школа”», 2012

ПРЕДИСЛОВИЕ

Необходимость адаптации образовательного опыта, накопленного в ведущих университетах мира, и передовых инновационных технологий в сфере специализированной подготовки аспирантов и магистрантов ставит перед современной высшей школой ряд новых нетрадиционных задач. Прежде всего это задача органичного соединения углубленной профессиональной подготовки и программ ее социокультурной адаптации. Речь идет о формировании и развитии осмысленной потребности не только овладевать методами научного и педагогического творчества, эффективно решать актуальные научно-исследовательские проблемы, но и адекватно оценивать роль и значение новых научных идей для развития общества, определять их ценностное и антропологическое измерение. Такая стратегическая ориентация в развитии специализированного образования соответствует магистральным тенденциям динамики современной науки, все более интенсивно интегрирующей инструментально-технологические и социокультурные параметры научного познания.

В связи с этим принципиально важно так организовать учебный и научно-исследовательский процесс в аспирантуре и магистратуре, чтобы он органично соединял в себе конкретно-научные задачи с общеметодологической подготовкой, предполагающей адекватное восприятие и рефлексивную оценку приоритетов своей профессиональной деятельности. Необходимо положительно оценить сложившуюся в отечественной высшей школе традицию, согласно которой успешная подготовка научно-педагогических кадров предполагала систематическое изучение курса философии и формирование на этой основе навыков рефлексивно-методологического мышления.

В современной ситуации роль и значение философско-методологической подготовки аспирантов и молодых ученых еще более возрастает. Это определяется комплексом объективных процессов, происходящих в обществе и формирующих проблемное поле социодинамики в начале XXI в. Фронтальное внедрение науки и современных информационных технологий в важнейшие сферы жизнедеятельности общества, глобализация мирового развития, перманентное обострение экологических проблем, возникновение многочисленных центров региональной напряженности в связи с процессами трансформации и модернизации постсоциалистических и развивающихся государств, феномен массовизации культуры и становление нелинейных и виртуальных моделей жизни сознания — эти и многие другие явления актуализируют проблемы философско-мировоз-

зренческого и логико-методологического уровня. Их профессиональное и творческое осмысление требует серьезной и акцентированной подготовки будущих ученых и педагогов.

Способствовать выполнению этой кардинальной задачи призван курс «Философия и методология науки», который в соответствии с решением Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь рекомендуется для изучения в аспирантуре и ориентирован на задачи философско-методологического обеспечения научно-профессиональной деятельности аспирантов, магистрантов и соискателей, творческое осмысление ими соответствующей философской проблематики, имеющей непосредственное отношение к вопросам логики, методологии, социологии науки и образования.

Вместе с тем в структуре курса «Философия и методология науки» важное внимание уделяется и традиционной философско-мировоззренческой проблематике, хотя рассматривается она в акцентировано современном контексте, не повторяя общих положений из базового курса философии, который изучается в вузах.

Важно, рассуждая в этом контексте, иметь в виду специфику философии, которая предполагает теоретическое осмысление совокупного опыта истории общечеловеческой культуры с целью выработки целостного теоретического мировоззрения.

Следует подчеркнуть, что частные науки (физика, химия, биология и др.), несмотря на все свои достижения, не в состоянии дать ответы на мировоззренческие, смысловые (вечные) вопросы. Ибо при ближайшем рассмотрении обнаруживается, что эти вопросы не имеют научного решения. Их постановка и осмысление всегда были в компетенции философии, поскольку только она обладала подлинными возможностями выразить глубинные основания культуры и форм бытия человека в мире. Видимо, поэтому постоянный интерес к философским проблемам испытывают многие ученые и представители различных отраслей знания и профессий.

Как в прошлом, так и в настоящем фундаментальные открытия в той или иной области знания совершались людьми универсально образованными, прекрасно ориентирующимися в общей социальной картине мира, в литературе, искусстве, истории и т.д.

Речь идет о самоопределении человека в мире, о поисках им своего пути в обществе, о потребности понять себя, осмыслить свою жизнь и судьбу. Все эти проблемы чрезвычайно важны для человека, затрагивают самую суть его бытия. Каждый из нас может и должен решить эти проблемы самостоятельно, однако из этого не следует, что всякий раз надо изобретать средства их решения. Эти средства создавались в ходе развития различных сфер культуры человечества. В наиболее концентрированном виде они представлены в философии, которая профессионально была сориентиро-

вана на их поиск. Отсюда — необходимость при решении всех этих проблем опираться на уже накопленные знания, на предложенные мыслителями различных эпох и народов варианты их понимания и интерпретации.

Цель философии — формирование теоретически обогащенных умов, способных к критическому и творческому восприятию окружающей действительности, к постановке и анализу сложных вопросов, к поиску самостоятельного ответа на важнейшие проблемы человеческого бытия. Задача философии — воспитание человека высокогуманного и нравственного, с развитым чувством гражданского долга и любви к отечеству. Иными словами, назначение философии — содействовать возвышению человека, доказать «существование человека как человека» (Э. Агацци). И в осуществлении этого своего назначения философия должна быть мужественной и последовательной. Философия должна противостоять всем, кто оскорбляет и унижает человека в других и в себе самом, кто под видом утверждения общечеловеческих ценностей и реализации идеи «нового мирового порядка» стремится осуществить свой корпоративный, эгоистический интерес. В этом великая миссия философии.

Роль философии становится особенно заметной и важной в периоды кризисов культуры, в переходные эпохи, когда прежние идеалы, принципы и нормы уже не действуют, а новые еще не сложились. Именно с такой ситуацией мы столкнулись сегодня. Современная полная противоречий и неожиданностей фаза развития человечества, открывая людям немало новых перспектив и возможностей, в то же время кардинальным образом изменила нашу планету, поставила перед людьми трудноразрешимые, не имеющие аналогов в прошлом проблемы и грозит им всевозможными потрясениями и катаклизмами.

Сегодня со всей остротой встает ряд судьбоносных вопросов. Как остановить процесс разрушения природы и в то же время обеспечить общество необходимыми для поддержания материального производства и жизни ресурсами? Как предотвратить антропологический кризис, подрывающий человеческую идентичность, сохранив здоровье людей? Как обеспечить свободное развитие личности, не поступаясь социальной регуляцией общественных процессов? Философия, обладая многовековым опытом критически-рефлексивного размышления над самыми фундаментальными проблемами человеческого бытия, может и должна помочь людям в осмыслении и решении этих сложных и животрепещущих вопросов современности, в поисках ответа на вызов времени.

Одну из важнейших своих задач авторы данного учебного пособия как раз и усматривают в том, чтобы обозначить перспективные точки роста и проблемы, которые ожидаются в ближайшем и обозримом будущем. Не быть рабом обстоятельств и диктата времени, а быть способным противостоять им — вот главное, к чему необходимо готовить будущую элиту общества.

Перед лицом глобальных проблем именно философия может дать человеку ничем не заменимую духовную опору и поддержку. Философские прозрения и научная методология позволяют выявить в потоке событий и многообразии путей исторической эволюции те стратегии развития социума, которые способны открыть для человека длительную историческую перспективу и вместе с тем дать ему ценностно-мировоззренческие ориентиры, помочь избавиться от духовной растерянности и страха перед будущим.

Цель издания — оптимизировать изучение нового курса «Философия и методология науки» на уровне постдипломного образования, а также оказать научно-методическую помощь магистрантам, аспирантам и соискателям в процессе подготовки и сдачи экзамена кандидатского минимума по данной дисциплине.

При разработке учебного пособия авторский коллектив опирался на значительный опыт преподавания философии и философских дисциплин на постдипломном уровне образования, который накоплен в различных научных и образовательных центрах Республики Беларусь и других стран постсоветского пространства. В нем также учтены достижения и результаты исследований в области философии и методологии науки, полученные в последние десятилетия в различных школах, направлениях, жанрах европейской и мировой философской мысли.

В последние годы не только в странах СНГ, но и в Республике Беларусь выходит достаточно много учебной литературы, посвященной этой проблематике. Таково веяние времени. Однако авторы полагают, что данное издание является определенным шагом вперед в рассмотрении и интерпретации актуальных вопросов преподавания философии и философских дисциплин на постдипломном уровне. Такое допущение базируется на глубоком убеждении — современное философское образование должно быть системным и технологически обеспеченным. Именно из этих презумпций исходили авторы, стараясь представить комплексную, системно сконфигурированную и тщательно продуманную в методологическом отношении версию дисциплины «Философия и методология науки».

Вместе с тем мы понимаем, что полное и исчерпывающее решение такой задачи является несомненной идеализацией и едва ли достижимо в современных условиях бурного и интенсивного роста научных и философских знаний. Авторский коллектив с признательностью воспримет все критические замечания, направленные на улучшение и конструктивное совершенствование предложенной версии учебного пособия по дисциплине «Философия и методология науки».

Авторами отдельных глав и параграфов являются:

В.В. Анохина (гл. 11, § 1—3; гл. 22, § 1), А.А. Бородич (гл. 1, § 1—4; гл. 2, § 2—4; гл. 3, § 1; гл. 17, § 1, 3, 5; гл. 18, § 3; гл. 21, § 1, 4), И.В. Бусько (гл. 11, § 4, 5, гл. 13, гл. 16, § 2), П.А. Водопьянов (гл. 3, § 2; гл. 4, § 3; гл. 6, § 1; гл. 16, § 2;

гл. 19; гл. 22, § 3), А.П. Ждановский (гл. 2, § 1; гл. 5, § 1;), А.И. Зеленков (предисловие, гл. 1, § 5, б; гл. 4, § 1; гл. 10, § 1; гл. 12; гл. 13; гл. 14; гл. 15; гл. 17, § 2, 4; гл. 18, § 1, 2; гл. 22, § 1), Н.А. Кандричин (гл. 7, § 1—3; гл. 8, § 1, 3, 5; гл. 9, § 1—3; гл. 21, § 2, 3), П.С. Карако (гл. 2, § 1), В.В. Карпинский (гл. 5, § 2, 3, 5, б;), Ч.С. Кирвель (предисловие, гл. 1, § 1, 2; гл. 3, § 1, 3; гл. 8, § 2, 4—6; гл. 9, § 1, 2, 4; гл. 10, § 2, 3; гл. 17, § 1; гл. 21, § 1; гл. 22, § 2—4), Н.К. Кисель (гл. 2, § 1; гл. 14; гл. 15; гл. 19), А.А. Лазаревич (гл. 17, § 3), И.А. Медведева (гл. 20), Л.Л. Мельникова (гл. 4, § 2, 3; гл. 6; гл. 12, § 1—4; гл. 15; гл. 19; гл. 20), В.Т. Новиков (гл. 5, § 1, 4; гл. 7, § 1—3; гл. 8, § 1, 3—5; гл. 9, § 1—3; гл. 21, § 2, 3), О.В. Новикова (гл. 5, § 4; гл. 7, § 1—3; гл. 8, § 1, 3, 5; гл. 9, § 1—3), О.А. Романов (гл. 7, § 4, 5; гл. 8, § 4, 6; гл. 9, § 1, 2; гл. 22, § 2), О.Г. Шаврова (гл. 5, § 1, 2), Н.С. Щекин (гл. 9, § 3).

Профессор А.И. Зеленков,
профессор Ч.С. Кирвель

РАЗДЕЛ I

ФИЛОСОФИЯ И ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ГЛАВА 1. СТАТУС И ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ ФИЛОСОФИИ В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

1.1. Философия, мировоззрение, культура

Существует множество различных суждений относительно того, что собой представляет философия. Ее характеризуют как теоретическое выражение духа эпохи, квинтэссенцию человеческого опыта, как систему наиболее общих законов действительности, методологию организации языка науки, как рефлексию над ценностями культуры. Многообразие определений философии объясняется богатством ее содержания и смысловой глубиной. Каждая из приведенных характеристик по-своему оправдана. Однако систематическое изучение курса философии и методологии науки предполагает анализ основополагающих вопросов, затрагивающих суть философского знания. Необходимо рассмотреть философию как специфическое воззрение на мир; сопоставить ее с другими историческими типами мировоззрения, понять, как она выделилась из первоначально недифференцированного взгляда на действительность, выступающего в мифопоэтической форме; показать, что дает человеку философское мировоззрение для самоопределения в социоприродной реальности.

Философия возникает и утверждается как одна из форм духовной культуры, представляющей собой специфический механизм эволюции общества. Культура преодолевает чисто биологическое приспособление к среде обитания. Опираясь на культуру, человек обустроивает и облагораживает окружающий мир. Не менее важно и то, что культура служит способом универсального развития личности.

В символах культуры закодированы способы жизнедеятельности различных человеческих общностей. В культуре формируются конкретные схемы природопользования и вырабатываются принципы отношений личности к обществу и к самой себе. Таким образом, культура является необходимым условием создания и наращивания цивилизационного ресурса общества — индивидуальных и социальных ценностей, банка информации, средств производства, социальных технологий, транспорта и системы коммуникаций.

Философия возникает в обществе тогда, когда культура достигает достаточной степени зрелости. Известный французский философ *Р. Декарт* (1596—1650) подчеркивал: «народ тем более цивилизован и образован, чем лучше в нем философствуют»¹. Не случайно первые философские учения появляются в VII—VI в. до н.э. в трех центрах цивилизации — Древней Греции, Древнем Китае и Древней Индии. Показательно совпадение времени их формирования с развернувшейся в этих центрах «железной революцией». Не менее симптоматично пробуждение в тех обществах пристального интереса к человеческой самости. Философия и стала той формой культуры, которая открыла человека как уникальное существо, находящее в собственном духовном мире необходимые ресурсы для саморазвития и освоения жизненного пространства.

Изучение философии начинается с ее анализа как одной из форм **мировоззрения**. Наличие наряду с философией других форм и типов мировоззрения (обыденного, мифологического, религиозного, художественного, научного) показательно уже само по себе: оно свидетельствует о крайней необходимости и социальной востребованности различных форм духовного освоения мира. *Мировоззрение* показывает, ради чего человек живет и действует, каков смысл вовлеченных в орбиту его деятельности вещей, процессов и событий, как следует выстраивать приоритеты в освоении природы и обустройстве общества. Без такой информации в принципе невозможна человеческая деятельность.

Однако в отличие от других форм и типов мировоззрения философия является профессиональной деятельностью по исследованию и разработке смысловых проблем, представленных в системе ценностей, ядро которых образует геном той или иной культуры, в существенной мере определяющий специфику общества, содержание и структуру социальных институтов, характер природопользования, тип экономики, форму рациональности, понимание человека, взаимоотношение личности и общества, специфику межчеловеческих отношений. Внефилософское мировоззрение обычно формируется стихийно или является побочным продуктом основной деятельности.

Актуальность философского анализа фундаментальных принципов бытия человека в мире резко возрастает при смене режимов цивилизационного развития, когда прежние ценности девальвируются и теряют свою привлекательность и, чтобы выжить, общество вынуждено выдвигать новые притягательные для людей идеалы и предлагать необходимые для реализации целей средства. Именно в такое время мы живем. Техногенная цивилизация — лидер современного общества по экономическому, военному и техническому потенциалу — имеет неоспоримые достижения в матери-

¹ *Декарт, Р.* Сочинения: в 2 т. Т. 1 / Р. Декарт. М., 1989. С. 302.

альном производстве, науке, техническом творчестве, медицине, повышении качества жизни. Но она столкнулась с неразрешимым в ее рамках противоречием между стремлением безгранично наращивать материальное производство и ограниченностью естественных ресурсов планеты.

Сегодня в условиях глобальных угроз необходима новая стратегия цивилизационного развития. Важнейшими философскими задачами на данном этапе истории становятся задачи по осмыслению и объяснению истоков, характера и тенденций движения волн цивилизационного развития, кульминационными точками которых являются эволюционные кризисы; поиск факторов роста тех составляющих общества, которые переводят общество в такой режим функционирования, где устраняются угрозы, ведущие к его разрушению.

Мировоззрение есть способ духовной ориентации человека в действительности, предполагающий целостное видение мира, понимание и оценку характера взаимоотношений человека с жизненной средой. Определенное мировоззрение присутствует в сознании каждого человека. Оно содержит в себе представления об устройстве и эволюции мироздания, о положении человека в космосе и источниках нашей активности, о реальных возможностях духовного и практического освоения предметного и социального миров.

Необходимо подчеркнуть, что философские вопросы мировоззренческого содержания возникают не только при решении крупномасштабных задач социально-культурной жизни. Не меньшее значение они имеют в судьбах отдельных людей. Трудно найти человека, который никогда не задумывался бы о конечности своего существования, не спрашивал себя, какой должна быть его жизнь, чем определяются его успехи, кто вообще он такой и зачем существует, что представляют собой жизнь, смерть, счастье? От ответов на подобные вопросы зависит то, как личность себя позиционирует и как она включается в социум.

В структуре мировоззрения можно выделить две стороны — мироощущение и миропонимание и два уровня — обыденный и теоретический.

Мироощущение состоит в эмоционально-чувственном отображении действительности. Каждое явление, имеющее для нас значение, мы переживаем. Оценивая через переживание какое-либо событие, мы определяем свое к нему отношение, что мотивирует наши поступки. Сюжеты собственной жизни, судьба близких людей, достижения культуры неизбежно находят эмоциональный отклик в наших сердцах.

Миропонимание носит интеллектуально-рациональный характер. Оно воплощается в системе понятий, идей и теорий. Атомистическая теория строения материального мира, созданная Демокритом, концепция внутреннего человека, отстаиваемая патристикой, материалистическое понимание истории К. Маркса — вот некоторые образцы миропонимания.

Обыденное мировоззрение формируется стихийно. Оно — результат обобщения практического жизненного опыта. Его логическую базу образует здравый смысл. Обыденное мировоззрение опирается на проверенный практикой многих поколений опыт. Фиксируется оно и транслируется в естественном языке. Часто его смысложизненные идеи выражаются в форме притч, аллегорий и пословиц. Меткими высказываниями, полными глубокого социального смысла, богата белорусская культура. Вот лишь некоторые из них: «Родная земля — мать, чужая сторонка — мачеха», «Где дело, там и слава». Однако обыденное мировоззрение опирается на локальный опыт и не может носить общезначимого характера. Его установки носят рецептурный характер, зависящий от определенной ситуации частного порядка. Отсутствует функциональная и логическая связь таких установок между собой. Поэтому обыденная картина мира оказывается весьма мозаичной и фрагментарной.

Поднимаясь на *теоретический уровень*, мировоззрение достаточно успешно преодолевает такие недостатки. Теоретическое мировоззрение представляет собой совокупность приведенных в систему знаний, убеждений и верований, отображающих человекомирные отношения. Их разработка является прежде всего задачей профессиональных философов, которые владеют методами исследования смысложизненных вопросов, досконально знают историю развития мировоззренческих идей, знакомы с различными жизненными коллизиями и располагают способами их разрешения.

Анализ структуры мировоззрения убеждает, что философское осмысление мира становится возможным тогда, когда мировоззрение достигает теоретического уровня. В истории общества философии предшествовали такие типы мировоззрения, как мифология и религия. Обращение к ним позволяет полнее уяснить пути становления и сущность философии.

Мифология возникает на ранних этапах становления человечества. В архаическом сознании фантастические представления о мире и человеке, построенные на ассоциативных связях, уживались с объективным знанием, базирующимся на наглядно-действенных и наглядно-образных обобщениях эмпирического материала. Это обеспечивало приспособление древних людей к окружающей среде и мысленное упорядочивание множества самых разных сюжетов, возникающих в их деятельности.

Мифология оказала огромное влияние на процесс очеловечивания первобытных людей, преодоление ими зоологических инстинктов и обретение навыков созидательной деятельности. Особенно впечатляет мощное воздействие мифологии на формирование норм и правил поведения людей в нарождавшихся человеческих сообществах.

Миф стал средством осознания взаимной связи различных явлений, но наши далекие предки еще только подходили к объяснению этой продуктивной догадки. Поэтому появились удивительные в своей первобытной

простоте рассуждения. Так, место любого явления в мироздании рассматривалось по аналогии с отношениями в родовой общине, поскольку более-менее понятными были только кровнородственные связи. Солнце, луна, звезды, атмосферные явления, наземные и подземные предметы и события — все это представляло как отношения родителей и детей, дедов и внуков, братьев и сестер. В первобытном сознании весь мир казался огромной общиной, где ветер, река, медведь и человек находились в родственных отношениях. Причем первобытный человек мог легко переносить свои качества на окружающие предметы, полагая, что животные, растения и камни могут, как и он, мыслить, хитрить, совершать добрые или злые поступки.

Мифологическое сознание специфику природных стихий объясняло через их происхождение. Мифы повествуют о рождении земли, неба, воды и других элементов Вселенной. Показательно, что каждый из них получал персональное воплощение. В языческие времена предки белорусов зимние холода представляли в виде сурового бога Зюзи.

В мифах связь человека с природой оказывается непосредственной. Поэтому человек легко отождествлял себя со зверем, деревом, Луной. С этим связан феномен оборотничества. Миф допускал переход людей в иную форму бытия, например превращение человека в волка.

Несмотря на, казалось бы, алогичность мифологического сознания, в нем содержалось конструктивное начало. На заре человечества люди заметили действительную противоречивость бытия, где одновременно представлены порядок и беспорядок, космос и хаос, способные переходить друг в друга. Люди учились пользоваться этой закономерностью.

Миф сыграл выдающуюся роль также в *консолидации людей в социальные сообщества*. Через него человек пытался уяснить происхождение своего племени, выявить источник единства его обычаев, традиций и нравов. Миф признавал единого для данной общины предка — *тотема*, который почитался священным. Миф сообщал также о культурных достижениях народа: использовании огня, приручении животных, возникновении ремесел и т.д. В мифе о Прометее повествуется, как этот герой вопреки воле богов научил людей пользоваться огнем и передал им навыки кузнечного мастерства. Важное значение имело то, что миф раскрывал содержание утвердившихся обычаев.

Таким образом, миф выполнял существенные социальные функции:

- социализацию первобытных людей, в процессе которой они приобретали надприродные навыки и качества культурогенного характера;
- создание целостного образа мира;
- трансляцию накопленного опыта;
- объединение людей в первые исторические сообщества.

Мифологическое осмысление действительности — это детство человечества. Данное обстоятельство предопределило его специфические черты. Мифологическое сознание имело, во-первых, *синкретический характер*; в нем соседствовали хозяйственные рекомендации, моральные императивы, космологические, социальные и антропологические представления, облеченные в художественную форму (легенды, сказания, предания или былины); во-вторых, мифу было присуще *чувственно-образное мышление*: (еще не сформировались навыки отвлеченных рассуждений); первобытный человек не отличал созданные его воображением субъективные образы от реальных предметов; в-третьих, происходила *антропоморфизация природных явлений*; в-четвертых, *совершалась персонификация естественных вещей и процессов*.

Со временем миф утратил ведущее положение в формировании и развитии мировоззрения. Консервативность мифологического мышления, создающего некую окаменевшую картину мира, становилась преградой при неожиданной смене жизненных обстоятельств и необходимости принимать нестандартные решения, вводить более эффективные формы деятельности и обновлять общество.

Но миф не исчез окончательно. Мифологические сюжеты используют художники и писатели, что позволяет им более выразительно и точно передавать свое понимание жизненных драм. Мифы сохраняются также в политической практике. Минувший век знаком с мифологемами о превосходстве одной расы или одного социального класса над другими, которые оказали деструктивное воздействие на социальные процессы.

Следующим историческим этапом мировоззрения стала *религия*. В мировых религиях — христианстве, исламе, буддизме — происходит осознание того, что определенная вещь и наша мысль о ней — это не одно и то же. Возникло основание для удвоения мира на природную и сверхприродную реальности.

Подобное понимание сущего стало предпосылкой для более глубокого понимания человека. Религия отмечает, что у человека есть не только тело, способное перемещаться, и даже не только душа, способная переживать и мыслить (это не было тайной и для античных мыслителей), но еще и дух, вбирающий знания, добродетели, совесть и волю. Так была осознана фундаментальная особенность культуры: поведение людей определяется не только внешней ситуацией, важное значение имеет *внутренняя мотивация поступков* — человек способен на самоосуществление.

В религиозной форме делается попытка постичь социокультурный механизм продуцирования ценностных ориентиров и последующей интериоризации их индивидуальным сознанием. Так в христианстве возникает идея Бога, который понимается как Абсолютное Благо. Он является источ-

ником и носителем высших ценностей — любви, милосердия, сострадания, совести, доброжелательности и т.д. А поскольку Бог признается трансцендентной личностью, постольку хранимые им ценности носят надындивидуальный характер по отношению к каждому отдельному человеку. Но с помощью веры любой человек может к ним приобщиться, и тогда они становятся ориентирами его поведения. Концентрируя внимание на внутреннем мире человека, религия способствует формированию духовности.

Вместе с тем статичность миропонимания, догматизм, отсутствие критической саморефлексии, настороженное отношение к любым новациям, отставание от перемен в социальной и культурной сферах ограничивают религиозное мировоззрение. Однако и сегодня у религии немало сторонников.

Философия как исторический тип мировоззрения достаточно успешно преодолевает изъяны мифологического и религиозного сознания. Ее появление стало подлинным интеллектуальным переворотом в жизни древнего общества. Это было движение «от мифа к Логосу», в ходе которого наглядно-образное мышление уступило место рационально-теоретическому рассуждению. Философия уже не отождествляет предмет с его образом, а стремится к объективному истолкованию явлений.

Принципиальной особенностью философии является *ориентация на свободный поиск истины и логическое доказательство выдвигаемых положений*. Это разводит ее с религией, которая опирается на веру. Если религиозное мировоззрение догматично, то философское — критично. Философия начинается с сомнения. Нередко она оспаривает, казалось бы, очевидное и устремляется к познанию скрытого смысла вещей и процессов. Пионеры древнегреческой философии Фалес, Парменид и Демокрит задумались над тем, что представляет собой бытие. Между тем погруженный в обыденное мировоззрение человек даже не замечает такой проблемы. Действуя порой вопреки привычным представлениям, философы будоражат общественную мысль, побуждая людей осознанно относиться к нормам и правилам индивидуальной и коллективной жизни.

Движение философской мысли между старых и новых ценностей не дает окоченеть отжившим и переставшим отвечать реальности нормам культуры, препятствующим гуманизации жизни. А такая опасность существует, ибо всякая культура стремится к собственному сохранению. Вот почему философия критически относится к феноменам культуры. О таком ее пафосе убедительно свидетельствуют ирония Сократа, универсальное сомнение Р. Декарта, нигилизм Ф. Ницше.

Но философы ставят под сомнение некоторые обычаи, традиции и нормы отнюдь не для того, чтобы разрушить социум. Напротив, они стремятся понять и доказать, какие жизненные принципы выдержали проверку временем и способны служить дальше, а какие надлежит заменить.

1.2. Специфика философского знания и проблемное поле философии

Философия призвана вырабатывать целостный взгляд на мир и на место в нем человека. Слово «философия» (от греч. *phileo* — любовь + *Sophia* — мудрость) означает любовь к мудрости. Ввел слово в оборот древнегреческий мыслитель Пифагор (ок. 580—500 до н.э.).

Одной из кардинальных проблем философии является определение смысла и целей человеческого существования. Жизнь людей в окружающей среде, где они добывают вещество и энергию, протекает в их активном взаимодействии. Люди связаны и друг с другом, что позволяет им согласовывать действия и кооперировать усилия. Такие взаимоотношения требуют обоснования человеком избранной жизненной позиции. Этим занимается философия. Уникальность человеческой деятельности состоит в ее адаптивно-адаптирующем характере: *люди приспосабливаются к миру, изменяя сами условия существования*. Они испытывают острую потребность в предпосылочных знаниях, которые разрабатывает философия. Философия стремится показать, насколько человек свободен в своих поступках и в чем его зависимость от природы, социальных институтов и собственной биопсихической организации.

Обозначить предметную область философии непросто. Если к этой задаче подходить с привычными мерками науки, ее не решишь. Дело в том, что философия содержит не только определенные знания, но и ценности: она показывает не только то, *каков объект в своем реальном существовании, но и какой он несет социально-культурный смысл, каким с позиции человека достоинством он обладает*.

Обращает на себя внимание следующее обстоятельство: мир интересует философов не сам по себе, как это характерно для представителей частных областей знания: он имеет для них значимость потому, что является сферой существования людей и полем их деятельности.

Существуют три основные концепции по вопросу специфики философского знания. Согласно *первой концепции*, философия занята поиском первоначал бытия. Эта концепция восходит к Аристотелю (348—322 до н.э.), который ввел термин «метафизика» для обозначения области познания, исследующей общие принципы организации сущего, возвышающиеся над знаниями о естественных явлениях природы. С тех далеких времен понятие «метафизика» часто используется как эквивалент понятия философии. *Вторая концепция* своеобразие философии усматривает в характере философского мышления. Австрийский философ *Л. Витгенштейн* (1889—1951) полагал, что философия призвана распутывать клубок из разных значений слов, осуществляя селекцию осмысленных высказываний. *Третья концепция* определяет философию как учение о коренных принципах бытия человека в мире.

Анализ названных концепций выявляет продуктивное начало в каждой из них. Действительно, существование всякого конкретного явления покоится на некоторых инвариантных основаниях, или первоначалах, иначе оно утратило бы свою целостность и определенность. В качестве таковых выступают субстратное, атрибутивное, структурное, генетическое, функциональное и номологическое начала. Концепция, ставящая акцент на философии как особом мышлении о мире, интересна тем, что затрагивает вопрос о двуединстве человека, пребывающем одновременно в мире вещей и мире идей. Человек постоянно стремится достичь согласия между предметным миром, знаниями и своими действиями. Наконец, третья концепция фиксирует внимание на том, что человек существует в пространстве выработанных культурой принципов, которые по мере их интериоризации становятся регулятивами поведения. Но абсолютизация любой из этих концепций может довести правильную в определенных границах мысль до абсурда. Тогда появляются теории, где внешнепредметная сторона жизни едва ли не фатально обуславливает судьбы людей, где мысль оказывается оторванной от реальной действительности творческой силой, а принятые некогда правила поведения вступают в противоречие с конкретной практикой общественных отношений.

Достаточно полно проблемное поле философии очертил немецкий философ *И. Кант* (1724—1804). Он был убежден, что философия призвана ответить на четыре основных вопроса: что я представляю как человек? Что я могу знать? На что я могу надеяться? Что я должен делать? Эти вопросы указывают на фундаментальные формы отношения человека к миру: бытийственную, познавательную, ценностную и практическую. Такие отношения обуславливают структуру философского сознания, представленную в четырех важнейших разделах данной дисциплины: *онтологии* — теории бытия, *гносеологии* — теории познания, *аксиологии* — теории ценностей и *праксиологии* — теории деятельности. С учетом современного состояния философского знания перечень структурных элементов философии можно расширить, включив в него социальную философию, изучающую отношения человека с общественными институтами; философию истории, исследующую эволюцию общества в аспекте взаимодействия объективных условий и субъективных сил; философскую антропологию, рассматривающую человека как универсальное существо, выступающее субъектом собственного жизнеустройства; этику — учение о нравственности; эстетику — учение о прекрасном и историю философии.

Таким образом, можно сделать вывод, что проблемное поле философии охватывает систему разнообразных отношений человека к миру. **Философия** есть форма духовной деятельности, направленной на производство фундаментальных идей о характере взаимосвязи человека с жизненной средой, служащих основой его самоопределения и самореализации.

Возможность постичь смысложизненные вопросы вытекает из биполярности философской мысли. У нее два вектора — внешний относительно человека и внутренний. Поэтому философы рассматривают явления с учетом интересов, потребностей и возможностей человека.

Изучение онтологической проблематики проясняет естественно-природные и социально-культурные предпосылки существования человека. На пороге третьего тысячелетия перед философским сообществом в полный рост встает проблема теоретического осмысления взаимоотношения человека с природой и обществом в условиях разворачивания глобализационных процессов, нарастающего экологического кризиса и становления информационного экономического уклада. В наше время резко интенсифицировался процесс энергетического и вещественного обмена общества и природы. До опасных пределов сжимается саморегулирующаяся часть природы. Интернационализация экономической деятельности, углубляющееся международное разделение труда с дальнейшей его специализацией и кооперацией сопровождаются проявлением виртуального капитала, сулящего односторонние преимущества транснациональным корпорациям и ослабляющего контроль со стороны государств за развитием национальных экономик. Неоднозначны последствия и в сфере информационной деятельности. С одной стороны, происходит создание банков информации, формируется инфраструктура для быстрой ее обработки и обмена, неизмеримо расширяется сфера коммуникации. С другой стороны, складывается практика манипуляции массовым сознанием посредством СМИ, возникает техническая возможность контроля за личной жизнью граждан, а использование стандартизированных способов коммуникации ведет к значительной утрате смысловой полноты общения.

Философское исследование процесса познания раскрывает его возможности и очерчивает его границы. Философы стремятся выявить и описать структуру и формы познавательной деятельности, обосновать методы науки, установить критерии истины. Они решают также задачу определения места познания в системе духовной деятельности.

Современная философия пришла к выводу, что одного познания недостаточно для духовного освоения мира. Важное значение имеют также аксиологические отношения с окружающей действительностью. Анализ аксиологических, или ценностных, отношений с миром обнаруживает достоинство социокультурных феноменов, раскрывает иерархию жизненных приоритетов людей, выявляет эталоны и образцы поведения, устанавливает сущность истины, добра и красоты.

Философия дает ответ на удивительную загадку открытости человека миру, его способности находить решение проблем, поставленных неожиданно возникающими новыми обстоятельствами. Неслучайно немецкий философ и социолог *Х. Плеснер* (1892—1985) называл человека «существом

эксцентричным»¹. Реализовать себя человеку позволяет его способность практически действовать, доопределяя природу и развивая общество. Практика интегрирует все другие формы отношений человека к миру и служит концентрированным выражением уровня развитости человека и его социальной силы.

Двуединство философского взгляда на действительность, когда в поле зрения находятся и внеположенные нам вещи, и наши представления о них, позволяет видеть предметы в их социально-культурном измерении. Это очень существенно отличает философию от иных форм сознания, которые выделяют только внешние человеку стороны явлений. Философ получает, таким образом, замечательную возможность проникать своим разумом в глубинный смысл вещей. За внешней оболочкой событий он видит их внутреннее единство, их единство с гражданской историей и индивидуальными судьбами отдельных людей. Философское мышление проблематизирует реальность, выявляя присущие ей противоречия. Оно вырабатывает различные системы ценностных ориентиров, служащих критериями социальной и культурной значимости явлений, способствующих возвышению личности и мотивирующих индивидуальные и коллективные действия людей.

Исследуя систему мир — человек, философия стремится постичь бытие в его целостности и единстве. Она доказывает, что за видимым многообразием природных и социальных явлений, процессов и событий имеется глубинная внутренняя связь, обеспечивающая единство сущего. Анализ противоречивого сочетания единства и многообразия мира, выяснение положения, которое в нем занимает человек, а следовательно, рассмотрение специфического способа бытия человека в мире составляют содержание философского знания, что отличает его от узко заданной предметности дисциплинарного изучения явлений.

Используя рациональный метод объяснения действительности, философия тяготеет к понятийной организации знаний, применяет логически выверенную аргументацию и ориентируется на последовательное, непротиворечивое и системное изложение материала. Этим она отличается от мифологии, религии и искусства. Хотя философы порой прибегают к метафоре, гиперболе, аллегории и художественному образу, данные тропы играют у них вспомогательную роль.

1.3. Проблема научности философии

Будучи одной из важнейших составных частей культуры, философия взаимодействует с другими ее секторами, в частности с наукой. В этой связи возникают принципиальные вопросы о соотношении этих важнейших

¹ Плеснер, Х. Ступени органического в человеке / Х. Плеснер // Проблема человека в западной философии. М., 1988. С. 126.

сфер духовной деятельности. Каков теоретический статус философии и науки? В чем состоит взаимосвязь философии и специальных наук? На какие эмпирические основания опираются философское и частнонаучное знания? Ретроспективный анализ их развития свидетельствует о тесной генетической и актуальной связи этих форм культуры.

Философия явилась первой исторической формой теоретического знания. В античном мире в самом начале своего развития она приняла синкретический (от греч. *synkretismos* — соединение) характер, исследуя не только универсальные принципы взаимоотношения человека с миром, но и конкретные явления природной и социальной действительности. Это объясняется неразвитостью знаний того времени о естественных явлениях и процессах, отсутствием природо- и обществоведения как таковых. Поэтому философия выступила в форме натурфилософии. Существенное значение для генезиса науки имело то, что *философия задавала образцы развития теоретического знания вообще.*

Взаимоотношение философии и науки, так же, как и философии и других форм духовной деятельности, изменялось в ходе развития культуры. В античном обществе доминировала философия, создавая теоретическую базу для конкретно-научного познания. Культура средневековой Европы на первое место выдвигает религию.

Начиная с эпохи Возрождения со становлением техногенной цивилизации возрастает статус науки в культуре. А с середины XIX в. наука уже претендует на господство в сфере интеллектуальной деятельности. Происходит ее экспансия в другие области культуры, что имело неоднозначные последствия. Так, гибридизация науки и производства резко повысила его эффективность, сократила удельный вес живого труда, существенно расширила номенклатуру выпускаемых промышленностью изделий, инициировала зеленую революцию в сельском хозяйстве, обеспечила массовизацию потребления. Вместе с тем наметилась опасная тенденция к непомерной эксплуатации человеком природы с помощью открытий науки, все чаще нарушающая условия самоорганизации природных комплексов и порождающая целый букет экологических проблем. Вызывают беспокойство и попытки использовать науку в целях переделки природы самого человека, что ставит под вопрос сохранение его идентичности.

Стало очевидным снижение роли религии в регуляции межличностных отношений, что резюмировал Ф. Ницше в знаменитом афоризме «Бог умер»¹. Серьезные проблемы создает наука на современном этапе своего развития и в области нравственных отношений. Они связаны, в частности, с вопросами поддержания оптимального баланса биосферы, трансплантации органов, использования транквилизаторов, стероидов и анаболиков, эвтаназии и т.д.

¹ Ницше, Ф. Так говорил Заратустра / Ф. Ницше. Сочинения в 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 8.

Усложнение взаимоотношений науки и других форм культуры чрезвычайно актуализировало философские проблемы ее развития. В XIX в. О. Конт, Дж.С. Миль, Г. Спенсер, Дж. Гершель начинают активно исследовать социокультурные аспекты функционирования науки. Они заложили краеугольные камни новой дисциплины — **«философии науки»**, которая окончательно конституировалась во второй половине XX в. Ее разделом стала *методология науки*. В нем рассматривается строение науки, разрабатываются и обосновываются методы научного познания, выявляются факторы роста научных знаний и условия его качественного обновления.

Можно найти ряд общих черт у науки и философии. Как теоретические виды знаний они не просто описывают действительность, но и объясняют ее. И та, и другая пользуются логическими доказательствами, применяют различные фигуры абстрактного мышления. У науки имеется свой категориальный аппарат; то же у философии. Только понятия науки описывают ту или иную ограниченную сферу либо сторону действительности, а *философские категории* носят предельно широкий характер и обладают статусом всеобщности. Это хорошо заметно, если сравнить понятия физики «масса», «трение», «нуклон» с философскими категориями «пространство», «необходимость», «сознание». Как наука, так и философия стремятся к истинному знанию, которое выступает у них самодостаточной конечной целью. Между тем в иных сферах деятельности истина играет служебную инструментальную роль средства.

Однако наука и философия не сливаются в некое неразличимое единство, а сохраняют внутри духовной культуры *относительную самостоятельность*. Это объясняется как положением, которое каждая из них занимает в культуре, выполняя в ней собственные социальные функции, так и предметной направленностью данных форм, особыми методами познания и характером получаемой информации.

Наука исследует реальный мир, а не наши мысли о нем. Она стремится по-возможности отвлечься от субъективной стороны знаний и выделить их объективную составляющую. Философия, между тем, изучает в первую очередь содержание сознания людей — мысли, чувства, убеждения, верования, концептуальные построения. Во вторую очередь она синтезирует эти элементы сознания, осуществляет их теоретическую сборку, выстраивая целостную картину мира, в которой находится место и человеку с его представлениями, желаниями, влечениями, и предметной действительности, подчиняющейся законам самоорганизации и саморазвития.

В науке большое значение придается эмпирическому познанию. Одной из основных процедур подтверждения истинности знаний выступает верификация материалов. Достоинством такой проверки является выход ученого в предметную действительность, а недостатком — уязвимость (единственный случай несовпадения опытных данных с рассматриваемым положением делает его несостоятельным).

Философское знание носит сверхчувственный характер. Философов интересует не столько естественное бытие вещей и процессов, сколько их социокультурный смысл. Это дает возможность выявить фундаментальные основания человеческой жизни и развития общества.

Показательно кумулятивное развитие науки. Нелепо вторично открывать закон всемирного тяготения, как неразумно сегодня изучать физику по работам М. Фарадея или Дж. Максвелла. Философия же постоянно совершает челночное движение, возвращаясь к поставленным предшественниками вопросам, но решая их на современном уровне, задействуя накопленный многовековым развитием культуры опыт¹.

Специальные науки, изучая свойства вещей, выявляя отношения между объектами, устанавливая регулярность протекания некоторых процессов, обогащают наши знания о соответствующих явлениях. Эти знания могут найти применение в практических действиях по освоению окружающей среды, утилизации вещества и энергии. Но специальные науки не могут дать ответ на выдвигаемые развитием общества мировоззренческие, смысло-жизненные вопросы прежде всего в силу частного характера добываемого ими знания. Они препарируют единый социоприродный мир, разбивая его на отдельные фрагменты, выделяя в нем определенные стороны и рассматривая их как самостоятельные обособленные сущности. Такой подход вполне оправдан при решении локальных задач. Однако коренные проблемы бытия человека в мире требуют иного подхода. Здесь весьма кстати тип постижения действительности, который русский философ А.С. Хомяков весьма удачно именовал «цельным знанием».

Практическое значение философии не менее велико. Во-первых, она выдвигает идеалы и обосновывает нормы, задающие отношение людей к своему жизненному миру и направляющие их действия. Во-вторых, определяет место и роль науки в широком социокультурном контексте жизнедеятельности. В-третьих, осуществляет рефлексию над методологией научного познания.

Постановка и осмысление мировоззренческих проблем — извечное дело философии. Наука и философия пользуются разными способами исследования реальности. Если наука стремится к предельной объективности анализа, если ученый пытается рассмотреть вещи и процессы по возможности в их натуральном бытии, избегая субъективного влияния на содержание знаний, то усилия философа на то и направлены, чтобы понять объективный мир как место пребывания человека-субъекта, где он может осуществить себя как личность.

Наука фиксирует то, что существует. Философия сопрягает сущее с должным. Философские сюжеты изображают действительность с позиции

¹ Лешкевич, Т.Г. Философия науки / Т.Г. Лешкевич. М., 2005. С. 20.

человеческих идеалов. Тем самым философия устремляет людей на преодоление возникших в жизни трудностей и выстраивание действий в соответствии с представлениями о добре, справедливости, доблести, солидарности и благородстве. Философские теории обосновывают нормативный характер поведения индивидов и социальных общностей, блокируя деструктивные поступки, девиантные действия и ориентируя на социально значимое и культурно оправданное решение проблем бытия человека в мире.

Очевидна взаимодополняемость философского и специально-научного знания. Философское осмысление действительности осуществляется при широком использовании конкретно-научного материала, который при этом, однако, перерабатывается в соответствии с решением онтологических, гносеологических, аксиологических и других смысложизненных проблем. В свою очередь наука использует интеллектуальный инструментарий философии — методологии, категории, принципы, законы. Конечно, он приспосабливается к особенностям дисциплинарно организованного знания. Например, понятие пространства приобретает специфические черты в математике, физике и социологии.

Отнюдь неслучайно испытывают неослабевающий интерес к философии представители частных наук. Знаменитый физик А. Эйнштейн писал: «Философские обобщения основываются на результатах науки. Но, однажды возникнув и получив широкое распространение, они очень часто влияют на дальнейшее развитие научной мысли, указывая на одну из многих линий эволюции»¹. Все дело в том, что каждый из нас сначала член общества, гражданин государства, личность, исполняющая разнообразные социальные роли. И только потом специалист в какой-либо конкретной сфере.

Известно, что одни и те же научно-технические достижения можно использовать как на благо, так и во вред людям. Нож в руках хирурга и нож в руках разбойника служат диаметрально противоположным целям. Философия позволяет увидеть неоднозначность социальных результатов, производимых продуктами человеческого разума, указать на тупиковые и социально опасные линии действия с ними, но вместе с тем она же разрабатывает схемы поведения конструктивного порядка. У науки нет критериев социальной значимости своих открытий. Их разработкой занимается философия, которая рассматривает науку в социальном, культурном и человеческом измерениях.

Исторически сложились четыре точки зрения на вопрос о соотношении философии и науки: 1) Аристотель и Г. Гегель считали, что философия включает в себя науку; 2) О. Конт и его последователи рассматривали философию как одну из наук; 3) Ж.-П. Сартр и другие сторонники экзистенциализма относят философию и науку к разным областям знания; 4) наи-

¹ *Эйнштейн, А.* Сборник научных трудов: в Т. 4. / А. Эйнштейн. М., 1968. С. 393.

более обоснованным представляется понимание философии и науки как *различных форм духовной деятельности, которые частично совпадают, пересекаются.*

Взаимодействие философии и науки всегда оказывало заметное влияние на духовную жизнь людей, а вместе с тем и на разворачивание социальных процессов. Информатизация современного общества, глобализация экономики и интенсификация кросс-культурных отношений усложняют общественные процессы и порождают новые мегариски. Все это повышает ответственность субъектов социальных действий за последствия предпринимаемых акций. Накопленный научный потенциал обладает огромной социальной силой. Важной задачей философии в беспрецедентных условиях нынешней цивилизационной трансформации являются социально-гуманитарная экспертиза науки, анализ ценностей, позволяющих преодолеть губительный для природы технократический подход к использованию результатов научной деятельности, и определение перспектив устойчивого экологобезопасного развития общества, повышающего качество жизни и обеспечивающего возвышение личности.

1.4. Культурные традиции и типология философии. Философия и национальное самосознание

Философия отличается многообразием идей, учений, школ, течений и направлений, которые с разных сторон описывают и объясняют бытие человека в мире. Плюрализм философского знания суть следствие многоплановости и многосторонности взаимоотношения человека и среды его существования. *Г.В.Ф. Гегель* (1770—1831) справедливо связывал многообразие способов философского осмысления действительности с бесконечной сложностью бытия. К этому можно добавить, что плюрализм философского мышления не в меньшей степени определяется безграничностью духовного космоса человека.

Однако многообразие философских систем не означает их абсолютной несовместимости. Общность философских учений, исследующих человекомирные отношения с разных сторон и применяющих специфический категориальный аппарат и собственную методологию, состоит, во-первых, в их соответствии критериям синтаксической непротиворечивости, семантической подтверждаемости и прагматической эффективности; во-вторых, в наличии метафилософских предпочтений: переживания событий, понимания явлений, разработки аналитических процедур, плюрализма трактовок и множественности языковых игр¹.

¹ Канке, В.А. История философии. Мыслители, концепции, открытия / В.А. Канке. М., 2003. С. 389.

Важное значение в освоении форм и методов философского анализа явлений имеет приобщение к истории мировой и отечественной мысли. Творчество философа несет следы близкого ему цивилизационного жизнеустройства, соответствующего экономического уклада, разделяемого им вероисповедания, состояния науки, искусства и т.д. Огромную роль в движении философской мысли играет личностное начало. Присущий эпохе стиль мышления, установки, идеалы и принципы массового сознания находят своеобразное воплощение в интеллектуальной деятельности конкретного мыслителя. Вот почему в одних и тех же социокультурных условиях появляются разные философские учения. Объяснимо и то, что каждая самобытная цивилизация и всякая историческая эпоха выдвигают свои проблемы, формируют специфический способ мышления, рождают собственные сюжеты бытия человека в мире. Следовательно, находятся духовные скрепы, которые объединяют, казалось бы, самые далекие учения. Много было в средневековой Европе различных объяснений сущего, но над всеми философскими конструкциями витала идея о запредельном миру Божественном Абсолюте.

Специалисты выделяют западную и восточную формы развития философского знания. В.Ф. Овчинников и некоторые другие авторы добавляют к ним русскую философию¹. Овчинников полагает, что акцент духовных поисков Запада направлен в сторону абсолютной истины, Востока — абсолютного смысла, а России — абсолютного добра. За основу классификации он берет геополитический признак. По мнению авторов работы, эта концепция нуждается в терминологическом уточнении. Вне отмеченного признака оказываются культурогенные и цивилизационные факторы. В этом делении отсутствует и временная компонента. Между тем *региональные, цивилизационные и культурообразующие признаки теоретического мировоззрения удачно вписываются в ряд геосоциокультурных типов философии.*

Каждый геосоциокультурный тип философии обладает своими отчетливо выраженными содержательными характеристиками и своим стилем мышления. Существенно различается в пределах каждого такого типа решение фундаментальных смысложизненных вопросов, касающихся человека и его предназначения, природы и ее сущности, духовности и места этого феномена в судьбах людей.

Так, в восточной философии проводится мысль о сквозной связи всего сущего. Акцент сделан на процессуальности бытия. Реальность здесь предстает как непрерывный поток взаимопревращения различных явлений. Поэтому выделение индивидуальных образований признается условным.

¹ Овчинников, В.Ф. О понятии исторического типа философии / В.Ф. Овчинников // Вопросы философии. 1996. № 10. С. 173.

Отдельные вещи — лишь момент непрерывной трансформации мира. Их существование относительно, а сами они призрачны.

Посему и человеческое «Я» в восточных учениях оказывается расплывчатым и нечетким. В буддизме дело доходит даже до отказа от личностного начала. Включенный в поток трансформации Универсума, человек попадает в зависимость от различных желаний и страстей. Выход здесь видится в направлении активности внутрь. Ставится задача через рефлексию достичь Просветления, или ясного понимания, что низшие формы бытия должны служить высшим и что ориентация на внешнюю предметную сторону действительности вовлекает человека в поток бесконечных превращений и делает жизнь сплошным страданием. Значит, необходим самоконтроль, чтобы устранить страсти, мешающие правильному поведению.

Социальная направленность восточной философии нацелена прежде всего на сохранение сложившихся форм коллективной жизни людей. Она обосновывает жесткое закрепление функций за разными социальными группами, отличается детальной разработкой правил поведения в семье каждого ее члена и каждого чиновника на государственной службе в соответствии с его рангом. Выработанные в таком обществе ценности, идеалы и принципы ориентируют на приспособление к природе и наличным социальным структурам.

Запад между тем породил иной тип философии. К Новому времени у нее четко оформились и рельефно проявились специфические черты. Природа здесь понимается как субстанционально однородное, но предметно структурированное образование. Ее функционирование подчиняется действию непреложных естественных законов. Поведение людей признается автономным. Человек как разумное существо противопоставляется бездушной природе. Сложилось представление, что призвание людей, овладевших законами бытия, — покорять косную природу и преодолевать случайности истории.

Западная философия становится органической частью проективной культуры общества, где высокую значимость приобретают достигнутый успех, служебная карьера, богатство, высокий уровень потребления. Право здесь превращается в несущую конструкцию межчеловеческих отношений, которая связывает разрозненных индивидов системой обязательных норм в единый социум. А механизм демократии призван согласовывать разнородные интересы социальных групп, поддерживая стабильность общества. На видное место в динамике социокультурных отношений выдвигается наука, одной из важнейших задач которой является генерирование идей для новых образцов техники и технологии.

Односторонняя ориентация на инструментальную сторону человеческих действий порождает безудержный социальный активизм, формирующий агрессивно-валонтаристское отношение к природе и вызывающий соблазн навязать обществу надуманную жесткую схему поведения людей.

Большой интерес на нынешнем повороте истории вызывает русская философская мысль. Подчеркивая ее высокий самостоятельный мировой статус, В.С. Степин отмечает: «Русская философия «серебряного века» не редуцирует ни к философским течениям Запада, ни к философии Востока»¹. Русские философы в конце XIX — начале XX в. выдвинули ряд идей, которые созвучны современным социокультурным процессам, связанным с преобразованием цивилизационных основ общественного мироустройства.

Н.Ф. Федоров, Ф.М. Достоевский, В.С. Соловьев, С.Н. Булгаков, А.А. Богданов, Н.А. Бердяев, А.Л. Чижевский, В.И. Вернадский и целая плеяда других выдающихся представителей русского ренессанса выработали новое воззрение на действительность, ядро которого образует представление о двуединстве человека и природы, разума и жизни. В лоне русской философии зародилась продуктивная мысль о самоорганизации сущего, охватывающей все уровни бытия — от неорганической материи до пронизанного токами разума социума. Она прочно вошла в содержание постнеклассической науки, сложившейся на исходе XX в.

Огромный духовный потенциал, накопленный каждым геосоциокультурным типом философии, содержит широкие возможности для выбора жизненных ориентиров, соразмерных требованиям нашего времени, и определения как индивидуальной, так и общественной жизненной перспективы. Важно только не ограничиваться некой одной философской системой, а вступать в диалог, вовлекая в него разные идеи, даже возникшие в иных геосоциокультурных типах, и решительно раздвигая свой интеллектуальный горизонт.

Геосоциокультурные типы философии формируются в совершенно конкретной человеческой среде и принимают более или менее явно выраженную национальную окраску. Хотя философия Китая и философия Индии принадлежат к одному и тому же восточному геосоциокультурному типу, между ними имеются очень большие национальные различия. В китайской философии религиозное мировоззрение никогда не играло сколько-нибудь заметной роли, между тем как в философской мысли Индии его роль достаточно велика. Существенное влияние в Китае на развитие философии всегда оказывала иероглифическая форма письменного языка, сдерживая процесс ее рационализации и усиливая ассоциативно-образную сторону интерпретации явлений, чего не было в Индии. Само кредо китайской философии «внутренняя мудрость и внешнее величие» вряд ли могло сформироваться в каком-либо ином обществе, лишенном китайской духовной ауры с неумной жадной человека самоутвердиться и достичь величия в мирской жизни. Что касается русской философии, то здесь геосоциокультурный тип совпадает с национальной формой выражения.

¹ *Степин, В.С.* Российская философия сегодня: проблема настоящего и оценки прошлого / В.С. Степин // Вопросы философии. 1997. № 5. С. 6.

Философия служит важнейшим фактором формирования и развития национального самосознания.

В о - п е р в ы х, она осуществляет рефлексию над универсалиями, или ценностно-мировоззренческими представлениями, конкретной культуры. Экспликация универсалий переводит их в категориальную форму и делает явными, что облегчает процесс самоидентификации народа. Выдающийся белорусский мыслитель Ф. Скорина (ок. 1490—1541), например, отстаивал идею личностного отношения к вере, переводя на теоретический уровень принцип толерантности, сложившийся в условиях поликонфессиональной среды ВКЛ и интенсивных контактов белорусов с другими народами, действовавший в неявной форме.

В о - в т о р ы х, изучение философии расширяет духовный потенциал индивида через приобщение к ценностно-мировоззренческой структуре иных культур. Философия сопоставляет и сравнивает разные системы жизненных смыслов, выделяет и анализирует созданные отдельными культурами ценности, находя среди них общие и взаимодополнительные. Это позволяет глубже осмыслить специфические черты культуры своего народа, понять, какое он занимает место в системе кросскультурных отношений, и обосновать принципиально возможные пути его дальнейшего развития.

В т р е т ь е х, философы разрабатывают ценностно-мировоззренческие предпосылки трансформации культуры и программируют на этой базе развитие национального самосознания.

Так совершается обратное-поступательное движение от феноменов национального самосознания к их теоретическому воспроизведению и от философских конструктов необходимого и должного характера социоприродных и внутрисоциальных отношений к их опредмечиванию в символах национального самосознания. Подобная работа философов особую остроту приобретает на нынешнем этапе развития белорусского общества, в условиях обретенного государственного суверенитета. А.С. Майхрович среди первоочередных задач, стоящих перед философской общественностью нашей страны, назвал исследование «процессов установления государственности и формирования нации»¹.

В процессе становления и развития белорусского национального самосознания в результате внешних вызовов и внутренних противоречий случались исторические разрывы с утратой некоторых элементов духовного опыта. Вот почему укрепление национального самосознания предполагает устранение образовавшихся лакун (от лат. *lacuna* — пропуск, пробел). Но приобретенный опыт — это лишь исходный материал для решения нашим обществом неведомых прошлому проблем. Переход к рыночным от-

¹ *Майхрович, А.С.* Современная духовная ситуация и философия / А.С. Майхрович // Философия в современном мире. Материалы научной конференции. Минск, 2001. С. 7.

ношениям в условиях, когда сам капитализм меняет форму (в частности, стихия рынка укрощается планом и государственным регулированием), утверждение президентской формы правления, поиск страной достойного места в глобализирующемся мире означают выстраивание таких приоритетов, с которыми раньше не сталкивалось общество. В таком социально-культурном контексте актуализируется проблема выдвижения и обоснования новых идеалов, принципов и норм, релевантных современному этапу развития Республики Беларусь.

Временное сечение историко-философского процесса демонстрирует не менее богатое разнообразие способов связи фундаментальных философских идей с антропосоциоприродной системой. Не удивительно, что специалистами выдвигаются различные основания для классификации исторических типов философии. Каждое основание затрагивает один какой-либо аспект многогранного процесса исторического развертывания философской мысли. Как правило, такие классификации оказываются взаимодополнительными. Наиболее простая из них — выстраивание процесса развития философии в хронологической последовательности возникновения, эволюции и смены идей. Хотя она и не вытекает из сущности этого процесса, зато служит своеобразной его фотографией, систематизирует и организует эмпирический материал. Полезна классификация, где основанием деления служит характер отношения человека к миру. Применительно к западной философии это созерцательный, умозрительный, деятельностный и социально-экологический исторические типы¹. В классификации выделена существенно важная сторона антропосоциоприродных связей и показана роль философии в осмыслении исторически изменчивых способов жизнедеятельности общества. Некоторые авторы выбирают уже иное основание для классификации. Таковым у них выступает главный на данный период предмет философского исследования. Странники этого подхода показывают, как философия последовательно переходила от онтологического этапа к гносеологическому, а затем к аксиологическому и антропологическому². Не отрицая плодотворности подобного подхода, заметим, что он хорош только для западного геосоциокультурного типа. Сильная его сторона — в обозначении ведущего на каждом отдельном этапе развития истории вектора духовного интереса.

Достаточно очевидна некоторая условность всякой классификации исторических типов философии. Наряду с объективными факторами на выбор исследователем соответствующих оснований влияют намеченные им цели и возникшие задачи. Целесообразно вначале выделить историче-

¹ Философия: Ростов н/Д., 1995. С. 40—43.

² *Большаков, В.П.* Философия: ее смысл, предмет, проблематика / В.П. Большаков. Новгород, 1995. С. 11—16.

ские типы философии, связанные с функционированием ценностных регулятивов, общественных идеалов и социальных норм в определенных цивилизационно-культурных условиях, — например, философия традиционного общества и философия техногенного общества на Западе. Своеобразие каждого такого исторического типа и их различия достаточно полно изучены и известны. В частности, они по-разному решают один из основополагающих философских вопросов о бытии человека в мире. Традиционный тип философии ищет опору человеческому существованию вне самого индивида: в гармонии мироздания, или в Божественном Абсолюте. Между тем философия техногенного общества доказывает, что сила, возможности и величие человека заключены в нем самом. Затем можно продолжать классификацию уже в границах каждого отдельного типа, применяя хронологическое и другие основания в зависимости от решения конкретных задач. В пределах, например, традиционного исторического типа философии выделяют философию древнего и средневекового обществ, а в философии техногенной цивилизации различают философию эпохи Возрождения, философию Нового времени и новейшую, или современную философию. Нередко классификация на этом не останавливается, а продолжается и дальше. Так, в европейской античной философии различают периоды натуралистический, гуманистический, большого синтеза, эллинистических школ и неоплатонизма.

Идеи, выдвигаемые в ходе историко-философского процесса, объединяются в различные духовно-организационные структуры. Анализ таких структур раскрывает диалектику единства и многообразия философии, формирует панорамное видение совокупного философского знания. К основным формам концептуальной организации философии относятся учения, школы, течения и направления.

Философское учение представляет собой совокупность упорядоченных воззрений, которые затрагивают универсальные стороны взаимоотношений человека и природы, человека и социально-культурной среды. Чаще всего философское учение связывается с именем определенного мыслителя — например, учение Демокрита или учение Джордано Бруно. Иногда, говоря о философском учении, выделяют не всю систему взглядов того или иного мыслителя, а лишь ее фрагмент, посвященный решению какой-либо важной проблемы: учение об идеях Платона, гносеология Канта и т.п. Когда у основателя определенного учения появляются ученики, продолжающие развивать его идеи, тогда формируются *философские школы*. При всем содержательном различии в решении некоторой проблемы представителями разных философских школ их сближает согласие по базовым положениям. Широкую известность, в частности, получили школы платоников, картезианцев, марксистов. Множество школ, предлагающих альтернативные варианты развития единых исходных принципов, образует *философское течение*. Еще не-

давно весьма популярны были такие течения, как неопозитивизм и экзистенциализм. Самыми масштабными образованиями в историко-философском процессе выступают *философские направления*. Они охватывают целый ряд философских течений и существуют в продолжение длительного времени, переходя из эпохи в эпоху. Материализм и идеализм, сенсуализм и рационализм, религиозная и светская философия служат примерами философских направлений.

Сторонники материализма за первооснову сущего принимают чувственно данную объективную реальность. Материалистические учения содержательно неоднородны. Вульгарный материализм признает материю единственно сущей реальностью. Немецкий естествоиспытатель К. Фогт заявлял, что мозг производит мысль так же, как печень выделяет желчь. Но вульгарный материализм лишается возможности постичь природу духовного мира. Специфика натуралистического материализма состоит в ориентации на данные естествознания и их обобщение. Его достоинство — в исследовании общих черт строения материи и объяснении некоторых ее фундаментальных свойств. А главный недостаток заключается в попытке истолковать бытие человека и общества преимущественно природными факторами. Ярким представителем натуралистического материализма был французский философ П. Гольбах. Отмеченные недостатки в значительной мере преодолевает диалектический материализм, созданный немецкими мыслителями К. Марксом и Ф. Энгельсом. Для него характерен анализ явлений в совокупности их внешних и внутренних отношений. При этом принимается во внимание способность объектов изменяться во времени.

Идеализм, напротив, в качестве первоначала сущего признает духовную реальность. Различают объективный и субъективный идеализм. Когда духовный мир наделяется признаками самостоятельного существования, независимо от природы и человека, тогда перед нами образец объективного идеализма, а если реальность рассматривается лишь как содержание сознания, то идеализм принимает субъективную форму. Создателем наиболее масштабной системы объективного идеализма был немецкий философ Г.В.Ф. Гегель. Среди представителей субъективного идеализма выделяется английский епископ Дж. Беркли.

Сенсуализм и рационализм выражают уже иной аспект философии, связанный с проблемой получения знаний. Если сенсуалисты в качестве главного способа познания выделяют чувственную данность явлений, то рационалисты — разум. Видным представителем сенсуализма был англичанин Дж. Локк, а рационализма — француз Р. Декарт.

Религиозная философия за исходную точку анализа действительности принимает некоторое сверхприродное и самодостаточное начало. В развитых теистических системах таковым является Бог. основополагающие идеи религиозной философии разрабатывали и средневековой церковный дея-

тель Августин Аврелий (Блаженный), и современный философ-неотомист Э. Жильсон, и другие мыслители. Светская философия исходит из признания только естественного мира, отрицая существование супранатуральной реальности. У нее не менее богатая история — от древнегреческого философа Ксенофана до представителей постмодернизма, сформировавшегося в конце XX в., — М. Фуко, Ф. Льютара и др.

Существует несколько точек зрения по вопросу о способах философского анализа бытия — релятивистская, монистическая и моноплюралистическая.

Согласно релятивизму, любые философские знания относительны, в них не найдешь устойчивое ядро. Проживавший в Древней Греции Пиррон (ок. 365—275 до н.э.) полагал, что коль нет ничего достоверного, то надо воздерживаться от любых окончательных суждений.

Сторонники монистического объяснения бытия считают, что среди великого множества учений лишь одно выражает истинное положение. Такой подход не был чужд даже очень известным философам. Его элементы встречаются в теоретических системах Аристотеля, Фомы Аквинского, А. Шопенгауэра и др.

Наиболее обоснована моноплюралистическая концепция. Суть ее состоит в признании единства историко-философского процесса, но выступающего в самых разнообразных формах. Защищая ее, хотя и не всегда последовательно, Г.В.Ф. Гегель отмечал: «*История философии* показывает, во-первых, что кажущиеся различными философские учения представляют собой лишь одну философию на различных ступенях ее развития; во-вторых, что особые *принципы*, каждый из которых лежит в основании одной какой-либо системы, суть лишь *ответвления* одного и того же целого»¹.

Возникновение, формирование и развитие философии демонстрирует, как определенная культура требует адекватного ей мышления, которое бы не просто отображало действительность, но еще и оправдывало сущее, поддерживая его устойчивость. Но философское сознание способно на свободный полет мысли, которая не слепо движется за наличным бытием, а высвечивает коренные принципы, на которых держится культура.

1.5. Социокультурный статус и функции философии в современном мире

Философия — это сложный и изменчивый феномен культуры, который нельзя идентифицировать ни с одной ее формой. Она может сближаться с наукой, искусством, религией, иногда даже принимая их облик и внешнюю определенность. Тем не менее философию нельзя отождествить ни с одной

¹ Гегель. Энциклопедия философских наук: в 3 т. Т. 1. / Гегель. М., 1974. С. 99.

из форм культуры или их синкретичной совокупностью. Она представляет собой уникальный духовный феномен, поскольку ее фундаментальной интенцией являются осмысление и рационализация различных образов мира и человека, сложившихся в важнейших сферах духовной культуры.

Во второй половине XX в. в развитии техногенной цивилизации, определяющей стратегии социодинамики современных обществ, обнаружилось фундаментальные проблемы и противоречия. Глобальные кризисы (экологический, антропологический, социокультурный) заставили критически отнестись к прежним идеалам прогресса и целям социального развития.

В современной философии рассматриваются принципиально новые интерпретации природного и социального мира, обосновываются новые цели и идеалы человеческой деятельности и общения, разрабатываются новые перспективы самого человека. Предпосылки для формирования этих мировоззренческих ориентаций создаются внутри самой техногенной цивилизации и связаны с ее изменением от индустриальной к постиндустриальной фазе развития. При этом особое значение приобретают следующие тенденции социодинамики: а) становление глобальной цивилизации и взаимодействие различных культур и стилей жизни; б) кризис прежних идеалов господства и подчинения, ориентированных на силовое преобразование природы и общества; в) формирование этики ненасилия и культуры общечеловеческих ценностей; г) радикальные изменения в сфере науки и научной рациональности, направленные на создание гибких и человеко-размерных технологий деятельности и методологий мышления.

В этих условиях происходят значительные изменения в реализации важнейших функций философии.

Мировоззренческая функция философии состоит в том, что она вырабатывает обобщенную систему взглядов на мир и место в нем человека, разрабатывает цели и идеалы развития человеческого общества и культуры. Данная функция философии связана с осмыслением таких фундаментальных проблем, как природа человека и смысл человеческой жизни, происхождение человечества и его историческое предназначение.

В XXI в. мировоззренческая функция философии приобретает особое значение, поскольку безусловно актуальной становится проблема разработки и обоснования принципиально новых мировоззренческих идей и перспектив развития. Это определяет интерес современной философии к социально-экологической проблематике, вопросам нравственности, свободе и ответственности человека, поиску аутентичных форм личностного бытия, проблемам морального выбора и самоопределения человека в сложном и меняющемся мире.

Методологическая функция философии включает разработку научной картины мира, обоснование образа познания и формирование обобщенной модели взаимодействия науки, общества и человека. Реальное проявле-

ние методологической функции философии определяется конкретным историческим контекстом и предполагает взаимосвязь философии и научного познания по следующим основным параметрам и направлениям:

- *кумулятивная подфункция* означает обобщение и интеграцию совокупного научного знания и формирование на этой основе общенаучной картины мира;

- *регулятивно-эвристическая подфункция* проявляется в разработке системы принципов и норм научно-познавательной деятельности, призванных оптимизировать исследовательский поиск и задать ему методологические ориентиры;

- *логическая подфункция* подразумевает разработку категориально-понятийного аппарата научного мышления, который используется в ситуациях революционной смены парадигм и исследовательских программ в науке для осмысления и экспликации ее предмета, средств и методологического потенциала.

Для современной науки методологическая проблематика приобретает особо важное значение, поскольку существенно усложняются исследуемые объекты, радикально изменяются средства познания и субъект научно-познавательской деятельности. Пространство философско-методологической проблематики расширяется. В нем все более отчетливо начинают доминировать такие темы, как социокультурная и этическая детерминация методологических программ научного исследования; объективность научного знания и критика методологии «натуралистического объективизма»; интеграция социально-психологических, исторических и логических факторов научного познания в его методологических программах и концепциях; проблемы роста знаний и научных революций; методологический потенциал глобального эволюционизма, синергетики и информационных технологий в современном научном познании; современные формы коммуникации в науке и становление «мыслительных коллективов» как референтных субъектов научно-познавательной деятельности.

Социально-критическая функция оказывает значительное влияние на формы и принципы организации социальной жизни, обосновывает стратегические цели и приоритеты развития общества и культуры. Более конкретно эта функция проявляется в обосновании системы социальных целей и ценностей, идеалов переустройства общества исходя из различных идеологических представлений и социально-классовых интересов. В рамках философского сознания также разрабатываются программы социальных изменений и трансформаций в аспекте их технологической эффективности и адекватных форм реализации.

Социально-критическая функция философии становится особенно актуальной на переломных этапах общественного развития. В эпоху перемен ранее сложившиеся картины мира и системы ценностей перестают соот-

ветствовать потребностям общества в формировании новых видов, направлений и способов жизнедеятельности. В результате ряд проблемных ситуаций, обусловленных объективными изменениями условий и образа жизни людей, остается неразрешенным. Это проявляется в возникновении разрывов и противоречий в целостной системе социальной деятельности, а также в несоответствии между стихийно формирующимися ее формами и доминирующими в обществе ценностями и идеалами.

1.6. Основные исследовательские стратегии в постклассической философии

В развитии европейской философии Нового и Новейшего времени выделяют две эпохи:

- классическая эпоха — период, охватывающий эволюцию европейской философской мысли XVII — первой половины XIX вв. (до Г.В.Ф. Гегеля включительно);
- постклассическая — развитие европейской философии с середины XIX в. до настоящего времени.

Классическая философия обнаружила ряд специфических черт, касающихся способов постановки проблем, использования понятийно-категориальных средств, общей стилистики мышления.

Постклассическая философия ориентирована на преодоление базовых характеристик классического философствования. Она стремится к радикальным трансформациям, касающимся развития категориального аппарата философии, осмысления регулятивов деятельности философа. Критическому переосмыслению подвергается также язык философской классики, ее аналитический инструментарий. Постклассика проявляет интенцию к новым духовным ориентациям и технологиям мышления, отражающим изменившиеся представления о социальных функциях философии, историческом призвании философствования.

Для выявления сущностных характеристик постклассического философствования следует сопоставить соответствующие позиции классики и базовые установки постклассической философской мысли. К основным параметрам сопоставления относятся:

1) способы постановки онтологических проблем. Отметим метафизическую ориентацию классического мышления. Классическая философия стремилась к выработке знания, вскрывающего самые глубокие, фундаментальные основания бытия. Она претендовала на систематическую целостность, завершенность, отражающие естественную упорядоченность самого мироустройства. В классике утверждалась идея гармонии между организацией бытия и субъективной организацией человека, когда мыслительные акты однозначно соответствуют связям и дифференциациям объектов.

Отрицая метафизику классической философии, постклассика указывает на историческую изменчивость самого бытия и отказывается строить свое содержание как систему законченного знания. Онтологической базой философствования становится не универсальное всеобщее, а исторически развивающееся конкретное бытие. В качестве онтологического основания мира выступает уже не «абсолютный дух», а «воля» (А. Шопенгауэр), «труд» (К. Маркс), «чувственность» (Л. Фейербах), экзистенция как поток неповторимых моментов человеческой жизни (С. Кьеркегор);

2) трактовка субъект-объектного отношения. Классическая философия исходит из презумпции автономного субъекта, выделенного из окружающего мира и наделенного способностью мысленного проникновения в структуры бытия и постижения их глубинной сущности. Будучи выделенным из системы повседневных социально-экономических связей и зависимостей, философский субъект наделен способностью познания мира в ее предельно мыслимой форме. Субъект способен к рациональному самонаблюдению, соотнесению тех или иных мыслительных содержаний с элементами чувственного опыта и структурами объективной действительности. Субъекту противостоит мир объектов, раскрывающихся перед познающим разумом и его эвристическими способностями.

Постклассическая философия стремится преодолеть субъект-объектную оппозицию. Она исходит из признания факта онтологической вовлеченности субъекта, укорененности его познавательной и практической деятельности в структурах исторической и культурной традиций вплоть до полного «растворения» субъекта в историческом бытии (идея философствования без субъекта, концепция «смерти субъекта»);

3) понимание регулятивов познавательной деятельности. Для классики характерно стремление к объективной «вечной истине», преодолевающее на этом пути множество препятствий и прежде всего предрассудков, обусловленных самой природой человека, его психофизической организацией, несовершенством языка и форм общения, исторической ограниченностью любых видов практики.

Постклассика трактует знание через выявление его эффективности, практичности, утилитарности. Истина должна прежде всего согласовать экзистенцию с формами социальной организации, «приспособить» человека к миру;

4) особенностью применяемого категориального инструментария. В качестве главного инструмента познания в философской классике выступает разум. Целью познания является воспроизведение фундаментальных оснований бытия в самоорганизованных системах непротиворечивого знания. Пафос классического философствования — это пафос системосозидания. Связи философских понятий, конструируемых разумом, отражают системность самого бытия, а категории (случайность, необходимость, причинность, форма) наполняются объективно-онтологическим содержанием.

Постклассика расширяет поле философской рефлексии, выходя за пределы рациональных оснований бытия мира и человека. Мир не только познается. Он прежде всего переживается субъектом, изначально этому миру сопричастным. Этим обстоятельством обусловлено появление в постклассическом философствовании новых категорий (экзистенциалов), совершенно невысказанных в контексте классического мышления: «страх», «забота», «сподручность», «заброшенность», «экзистенция». Неудивительно, что стремящаяся к выражению такого рода опыта постклассическая мысль использует такие средства, как интуиция, «вчувствование». Размывая границы между философией и наукой, мыслители обращаются к использованию различных литературных форм (эссе, афоризм, символическая поэма, пьеса).

В развитии постклассической философской мысли можно выделить три этапа.

Первый этап характеризовался процессами размывания гегелевской системы идеалистической диалектики, стремлением к переосмыслению предмета и социальной роли философии. Обнаружила себя тенденция к освобождению философии от метафизики и крайнего рационализма (Л. Фейербах, С. Кьеркегор, К. Маркс). Усилиями этих мыслителей европейская философия осуществила коренной поворот к анализу исторически конкретного бытия, отвернувшись от абстрактно-спекулятивных форм мышления. Подобного рода импульсы были усилены в творчестве Ф. Ницше, основателя философии жизни, заменившего гегелевский абсолютный разум категорией жизни как бесконечного процесса мирового становления. Тем самым он продолжил развитие философской программы А. Шопенгауэра, видевшего в основании мироздания волю.

Второй этап ознаменовался тенденцией к переосмыслению наработанных мыслительных конструкций, их приспособиванием к изменяющейся социальной действительности: неокантианство (Г. Риккерт, В. Виндельбанд, Г. Коген, П. Наторп, Э. Кассирер), неотомизм (Ж. Маритен, Э. Жильсон). Неотомисты пытались трансформировать мировоззренческий и интеллектуальный потенциал философии Фомы Аквинского, привнося ее в соответствие с духовно-религиозными запросами современного мира. В рамках философии жизни оформляется интуитивизм А. Бергсона, морфологическая программа исследований цивилизаций О. Шпенглера. Праксиологические аспекты знания исследует прагматизм (Ч. Пирс, У. Джемс, Д. Дьюи), к изучению структуры человеческой психики, тайн подсознания обращается психоанализ (З. Фрейд, К.-Г. Юнг).

Третий этап развития постклассической философии оформился к середине XX в. В его содержании следует отметить следующие относительно автономные программы и стратегии философствования:

- социально-критическая стратегия исторически восходит к марксистской философии, воспринимая ее интенцию к выполнению функций со-

циальной критики. Неомарксизм представляет собой совокупность концепций, противопоставивших себя ортодоксальному марксизму. Он не является сколько-нибудь однородным образованием, включая в себя политические, правовые, культурологические теории;

- аналитическая стратегия обращается к анализу языка как особого феномена человеческого бытия, структурам научного знания, проблематике языковых игр;

- экзистенциально-феноменологическая программа исходит из критического отношения к объективизму классической философии. Ее основы были заложены немецким философом Э. Гуссерлем. Феноменология обратилась к исследованию особой формы существования — человеческому бытию. Бытие выступает как «в себе самом себя проявляющее» и как таковое не поддается познанию средствами науки и логики, но требует особых интуиций для своего постижения. Эта методологическая установка была развита в философии экзистенциализма. Экзистенциалисты рассматривали человека как особое сущее, задающееся вопросом о смысле своего существования, стремящееся к творчеству, к реализации своей свободы и жизненного призвания, к поиску своей аутентичной сущности в контексте неподлинных форм социальных коммуникаций.

Многие современные философы заявляют о конце эпохи философии и кризисе традиций академического философствования. Тотальная критика разума и принципов интеллектуализма породила экзотические проекты трансформации философии в формы художественно-литературной критики и различных типов «гибридных дискурсов». После того как Ницше показал, что истина — это мобилизованная армия метафор, а Фрейд, Витгенштейн и Хайдеггер продемонстрировали атрибутивную роль случайности в жизни человека и общества, претензии классической метафизики существенно поблекли. «Смерть Бога», забвение бытия, деконструкция — эти и многие другие понятия и смыслообразы современной философии призваны убедить в сокрушении классической философской традиции объективного и социально значимого познания и обосновать начало эры секуляризации философии. В последние десятилетия XX — начала XXI в. заметно активизировались тенденции антиинтеллектуализма, релятивизации культуры и радикальной критики метафизических абсолютов. Актуализацию этих тенденций нередко связывают с феноменом постмодерна как определенной общекультурной ориентацией современного западного общества, проявляющейся в искусстве, литературе, архитектуре. Влияние постмодернистских идей сказалось и на развитии философии. Ж. Делез, Ф. Гваттари, Ж.-Ф. Лиотар, Ж. Деррида, Р. Рорти и другие в своих сочинениях неоднократно заявляли об исчерпанности традиционных форм философствования и необходимости перехода к состоянию постметафизического мышления. Философии оставляют лишь удел ироничного воззрения на происходящее либо соблю-

дения принципов солидарности в обсуждении вечных философских вопросов. Во многом эти и подобные рассуждения адекватно воспроизводят специфику современной социокультурной ситуации и роль философии в ней. Однако это не означает, что крах надежд на объективистский и универсалистский стиль философствования, породивший феномен отчаяния разума, должен привести к абсолютной дискредитации истины и реализма. Без них исчезают фундаментальные основания этоса культуры и цивилизации, возникает угроза хаоса и торжества иррационализма. Такая перспектива делает весьма проблемным воплощение в истории принципов демократии и гуманизма. Поэтому на переломе эпох в условиях глобального мировоззренческого выбора философия призвана отчетливо зафиксировать и реализовать свои конструктивные и созидательные функции в развитии познания и жизнедеятельности современного общества.

ГЛАВА 2. ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ БЫТИЯ

2.1. Категория бытия как начало философского анализа мира

Одной из специфических особенностей становления и развития философии является иницилируемый ею непрерывный поиск предельных оснований бытия природного, социального и человеческого миров. Начиная с глубокой древности он в многообразных версиях осуществляется философскими системами. Поскольку в своих истоках философия древних цивилизаций Индии, Китая, Греции тяготела к космогонической проблематике и стремилась отыскать первоначала мироздания в качестве источника и основания всего сущего, постольку первые философские концепции оформились как *учения о природе*, или *натурфилософия*.

Для натурфилософского периода античной философии характерной явилась постановка проблемы архэ (от греч. *arche* — начало) — единой основы мироздания (старшие физики) и проблемы интегрального единства множественных миров (младшие физики). На этапе зрелой классики античной философии (Платон, Аристотель) стремление к созданию натурфилософских космогонических моделей сменилось устойчивой ориентацией философского мышления на постижение сущности и устройства бытия как такового, оформившейся в рамках онтологии.

В проблемном поле классической философии развитие онтологии представлено в нескольких версиях. Одна из них актуализирует стремление к умозрительному постижению сверхчувственных основ бытия и восходит

к учению элеатов (Парменид, Зенон), впервые эксплицировавших проблему бытия в античной философской традиции. За видимым многообразием вещей и явлений они пытались открыть и объяснить их скрытую, лишь разумом постигаемую инвариантную основу. Учение о первичных основах всякого бытия, или о сущности мира, получает оформление в *метафизике* («первой философии») Аристотеля. В дальнейшем традиционная метафизика разрабатывается в различных концепциях европейской философии — учении Платона, средневековом реализме, гегелевской философии, неотомизме и др. Вместе с тем оживляется (начиная с эпохи Возрождения) интерес к натурфилософской аппликации онтологической проблематики — умозрительному истолкованию природы в ее целостности (Н. Коперник, А. Парацельс, Дж. Бруно, Т. Кампанелла).

В Новое время в силу стремительного развития естествознания натурфилософские построения отходят на второй план. На исходе развития классической философии натурфилософия наиболее полно оказывается представленной в творчестве Ф. Шеллинга.

Отталкиваясь от «критической философии» И. Канта, обозначившей новое понимание проблемы бытия в контексте деятельностной парадигмы, онтологическая тематика в европейской философии постепенно обретает новые черты и направления развития. С одной стороны, успехи развивающегося естествознания, фундирующие синтетическое описание природного бытия в рамках первых научных картин мира, и позитивистская критика предшествующей онтологии обуславливают (начиная со второй половины XIX в.) отказ от традиционного рассмотрения онтологических проблем в духе классической метафизики и натурфилософии. Вместе с тем в философии марксизма, с одной стороны, обнаруживается стремление к исследованию основных форм бытия с позиций материалистической диалектики в союзе с развивающейся наукой; с другой — в онтологическую тематику неклассической философией XIX—XX вв. включаются новые феномены, расширяющие ее проблемное поле: психологические, логические, языковые.

В процессе исторического развития философского знания происходит смещение исследовательского интереса в рассмотрении различных проявлений бытия. Если для классической философии этот интерес аккумулировался преимущественно в плоскости философского изучения природы и соответствующих ей форм бытия и их познания, то в постклассической философии в качестве центральной онтологической проблемы выступает *бытие человека и его духовный опыт*. Поворотным моментом в развитии онтологии человеческой субъективности явилась философская концепция М. Хайдеггера, акцентировавшая внимание на фундаментальном характере человеческого бытия. В XX в. эта тема получила наиболее детальную разработку в экзистенциально-феноменологической философии, непосредственно обратившейся к аналитике человеческого существования и выявив-

шей ряд аксиологических параметров бытия человека в мире. Хайдеггер показал, что новоевропейский человек перестал признавать свою зависимость от каких бы то ни было абсолютов, будь то природа или Бог. Такой мировоззренческий поворот стал побуждающим мотивом волюнтаристского вторжения в природу и общество не считаясь с их способностью на самоорганизацию.

Постмодернистская философия, исходящая из трактовки реальности как текста, подчеркнуто артикулирует бытие лишь в качестве разнообразных дискурсивных практик, реализующихся в коммуникативных языковых играх. Вместе с тем в философии никогда не исчезал и по сей день не исчезает интерес к изучению различных видов и форм бытия. Основные виды бытия, «*материальное*» и «*идеальное*» «*духовное*», предстают в формах *природного*, *социального*, *духовного* и *человеческого* миров. Под влиянием современной информационно-компьютерной революции ряд авторов сегодня склоняются к необходимости исследования и так называемого виртуального бытия.

Наряду с категорией бытия в философии используется понятие *небытия*. Если мир в целом вечен, то любые конкретные вещи, процессы и состояния преходящи, временны. Отбыв свой срок в мире, они исчезают, переходя в небытие: сменяются поколения людей, другим становится ландшафт, даже звезды гаснут. Однако небытие не равнозначно понятию «ничто». Переход в небытие одних вещей дает начало новым вещам и новой жизни. Небытие *относительно*. Взаимооборачиваемость бытия и небытия обеспечивает непрестанное обновление мира.

В ходе исследования проблемы бытия в рамках классической философии сложился развернутый категориальный аппарат, логический каркас которого наряду с такими универсалиями культуры, как «бытие» и «небытие», констатирующими, что нечто существует или не существует, включает в себя ряд других категорий: материю, движение, пространство, время и т.д.

В истории классической философии важную роль играл субстанциальный подход к проблеме мироустройства. Суть его состояла в поиске основания бытия — *субстанции*, под которой понималось то, что существует в себе самом и благодаря самому себе, а не в другом и благодаря другому. Наряду с понятием «субстанция» в данном подходе использовались такие категории, как «субстрат», «модус», «акциденция», «атрибут». Под субстратом понималась основа конкретного проявления бытия. В содержании категории «модус» фиксировалось свойство предмета, присущее ему не постоянно, а лишь в некоторых состояниях — в отличие от понятия «атрибут», характеризовавшего свойство предмета, без которого он не может ни существовать, ни мыслиться. Акциденция выступала как констатация преходящего, случайного свойства предмета, которое может быть элиминировано

без изменения его сущности. В основе современных научных представлений о мире лежит идея его сложной системно-структурной организации. Вхождение этой идеи в научный контекст, сопровождавшееся в истории естествознания многочисленными трудностями, в XX в. во многом определило направление научного поиска в областях физики микромира, космологии, химии, биологии, экологии и других сферах научного исследования. Значительный вклад в разработку представлений о структурной организации Универсума наряду с философией и естествознанием сегодня вносит системная методология, представленная в современной науке общей теорией систем.

Системно-структурная организация Универсума может быть репрезентирована с помощью таких философских категорий, как «система», «элемент», «структура», «часть», «целое», отображающих разные аспекты взаимосвязи отдельных фрагментов материального мира.

Категория «система» фиксирует ограниченную и организованную целостность, в рамках которой связи между множеством относительно самостоятельных взаимодействующих частей (элементов) по ряду параметров превосходят связи с элементами других целостностей.

Содержательная корреляция связывает категорию «система» с понятием «элемент». Еще Аристотель определял элемент в качестве неделимой первоосновы вещи. В динамике системы элементы могут ассоциироваться в относительно самостоятельные группы, называемые подсистемами.

Категория «структура» характеризует совокупность внутренних связей объекта, его строение. Под структурой понимается такой способ связи элементов в системе, благодаря которому она обнаруживает свойства, характерные для нее как целостности и качественной определенности.

Современные философия и наука подтверждают идею, что разные виды бытия генетически и структурно связаны между собой. Так, человек представляет одно из тел природы, но совершенно уникальное: он способен мыслить; его поведение носит ярко выраженный социальный характер. Вместе с тем человек самостоятельно определяет свои поступки. На уровне человека бытие обретает неведомые прежде возможности целенаправленного перманентного преодоления вселенского хаоса и движения ко все более высокой организации.

2.2. Становление и развитие идеи о единстве бытия. Понятие материи

Наращение сложности социоприродных и внутрисоциальных отношений при разложении архаического общества вскрыло ограниченность объяснительных возможностей мифа, скованных локально-родовыми тради-

циями. Категория бытия прорывает этноплеменной партикуляризм и традиционализм миропонимания, характерной чертой которых являлась петрификация (от греч. *petra* — камень, скала) действительности, где события происходят вне времени и пространства, вновь и вновь повторяя то, что уже случилось. Такое видение действительности было направлено на поддержание устойчивости и сохраняемости рода — племени. Новое — это неосвоенное, неизвестное. Оно содержит угрозу разрушения сложившегося уклада жизни. Этим объясняется приверженность архаических обществ оправданным прошлым опытом способам природопользования и отлаженным формам внутриобщинных отношений.

Положение существенно меняется в античном мире, важной чертой которого оказывается движение «от мифа к логосу». Неслучайно именно в это время (VI в. до н. э.) в Древней Греции формируется философия, важнейшей задачей которой становится поиск фундаментальных оснований бытия человека.

Происходит осознание того, что установление бытийственного статуса предметов и процессов — лишь начало философского осмысления мира. Для познания сути явлений недостаточно просто зафиксировать их существование. Надо еще установить, что они собой представляют, найти место, которое они занимают в ряду других явлений, и показать их значимость для человека. Происходит ограничение и конкретизация категории бытия. Это привело к открытию достаточно плодотворного приема, суть которого в том, чтобы выявить *единое во многом, объяснить бесконечное качественное разнообразие сущего на основе некоторых общих принципов*. В этих целях было введено понятие материи. Первоначальный его смысл — общая основа и активное начало вещей.

Исторически сложилось несколько разных значений этого понятия. Причем каждое последующее снимало и аккумулировало в себе ту часть его содержания, которая выдержала проверку временем. Древние философы высказывают интересное и смелое предположение, что существует некоторое объединяющее начало для того невообразимого множества явлений, которое открывается человеку в опыте.

Их стремление найти за предстоящим взглядом хаосом разнородных явлений единую вечную сущность оказалось весьма продуктивным в том смысле, что можно было свести разрозненные знания о действительности к достаточно стройной системе и создать цельную картину мира. На этой основе вызревают *знания о структуре объектов, механизме причинных связей и отношений*.

В истории философии сложились два главных подхода к объяснению сущности материи — онтологический и гносеологический. Исторически первым был **онтологический подход**, когда ее пытались понять исходя

из характера бытия вещей и явлений. Сначала материя рассматривалась как *особое качественно специфическое вещество*, которое доступно непосредственному восприятию. Древнегреческий философ Фалес, например, полагал, что первичной сущностью, из которой возникают и в которую превращаются в конечном счете все вещи, является вода. Другие принимали в качестве первоосновы то воздух, то огонь, а некоторые склонялись к мысли, что имеется даже несколько корней вещей.

Но уже Демокрит заметил, что данные теории не могут объяснить, как одно вещество превращается в другое. Остается неясной также природа исходного вещества. Демокрит предлагает *атомистическую теорию*, которая единство бытия объясняет качественным однообразием элементов, образующих абсолютно фундаментальный уровень мироздания. Мыслилось, что атом является неизменной частицей со сплошным интерьером (внутренним строением), а посему и неделимой, обладающей величиной, формой и весом, но лишенной температуры, цвета, запаха и других подобных качеств. Атомистическая концепция объясняла возникновение вещей соединением атомов, а качественное разнообразие сущего выводила из предположения, что *атомы могут соединяться различным образом*.

Представление о мельчайших обособленных и взаимодействующих частичках оказалось поразительно продуктивным. На основе атомистической теории был открыт закон сохранения вещества. Опираясь на эту теорию, Дальтон установил количественные соотношения элементов вещества, что позволило объяснить ряд особенностей его строения и свойств, положило начало становлению химии. В модифицированном виде атомистическая концепция работает и в современной науке.

Ученые Нового времени развивают идеи атомизма, перенося акцент на анализ свойств, которые присущи вещественной стороне действительности. В ранг универсальных возводятся такие свойства предметов, как масса, протяженность, непроницаемость, механическое перемещение и т.п. Происходит дальнейшая унификация и обобщение взглядов на материю. Так, Д. Дидро и Л. Фейербах рассматривают ее уже как просто вещество независимо от его качества, обладающее своим химическим составом, определенным агрегатным состоянием, температурой, весом, электрическим зарядом и т.д.

Онтологическое определение материи выделяет в ней важное свойство — субстанциальность. Если материя мыслится как субстанция единого бытия, тогда перед нами материалистический *монизм* (от лат. *monos* — один). В качестве субстанции материя признается основой всех вещей и явлений. Сознание, дух рассматриваются при этом в качестве функционального свойства особым образом организованной материи.

Если не замечать функциональной природы сознания, тогда можно прийти к противоположным выводам, когда дух оказывается субстанцией бытия. Это уже будет идеалистический монизм. У Платона, например,

основу бытия образует мир идей, между тем как материальные вещи оказываются только их бледными тенями. Некоторые философы (Р. Декарт и др.) придерживались *дуалистической концепции* (от лат. *dualis* — двойственный), признавая материю и сознание двумя равноправными субстанциями, что вело к расщеплению бытия, схематизировало материю, лишая ее качественного разнообразия, и порождало большие трудности при объяснении сущности сознания. Еще одним вариантом воззрения на субстанцию является *плюрализм*, когда все сущее предстает рассыпанным на множество самостоятельных уникальных образований, каждое из которых оказывается отдельным, неповторимым миром. У Анаксагора такими мирами являются гомеомерии, или семена вещей. А.Г. Лейбниц говорит о монадах, которые воспроизводят в особой форме весь остальной мир, только с разной степенью полноты.

Следует отметить, что несомненной заслугой философов-материалистов явилось, во-первых, *признание независимости природы от сознания*, ее первичности по отношению к миру идей; во-вторых, утверждение, что существует *общая для всех вещей и явлений объективная основа*; в-третьих, *обоснование мысли о самообусловленности материальных процессов*; в-четвертых, выдвижение идеи дискретного строения материи, результатом чего явилось *понимание объекта как сложного образования*, обладающего своим составом элементов и структурой. Вместе с тем сложившиеся представления о материи несли на себе следы исторической ограниченности, что выразилось в следующем:

- материя чаще всего рассматривалась как *особое вещество*, выступающее по отношению к любым другим образованиям в *качества первоначала*;
- материальная общность вещей виделась в *единообразии их структурных элементов*;
- ограничение материи каким-либо одним видом естественных образований *сужало поле зрения исследователей*: вне его оказались *общество и жизнь человека*.

В традиционной теории материи некоторые частные свойства, присущие лишь отдельным локальным проявлениям бытия, приписывались всей материи. Кроме того, игнорировался динамический аспект бытия — признавалась незыблемость таких свойств материи. Между тем в конце XIX и начале XX в. был сделан ряд выдающихся открытий, которые никак не укладывались в прокрустово ложе традиционных философских взглядов на материю. Прежде всего было обнаружено, что помимо вещества существуют физические поля. Ученые открыли рентгеновские лучи, пронизывающие вещество, зафиксировали самопроизвольный распад некоторых видов атомов, выявили зависимость массы тела от скорости его движения, обнаружили электрон — структурный элемент атома.

Перед учеными встали принципиальные вопросы: как быть с казалось бы незыблемыми фундаментальными положениями, утверждавшими абсолютную неизменность и неделимость атомов, их непроницаемость, и что делать с бытовавшим признанием массы за меру количества материи — ведь масса утратила свое постоянство? В этой ситуации вполне логичным оказался переход **к гносеологическому объяснению сущности материи.**

Существенный вклад в развитие учения о материи внес марксизм. Он преодолевает созерцательность во взглядах на материю. К. Маркс замечает: «Главный недостаток всего предшествующего материализма... заключается в том, что предмет, действительность берется только в форме *объекта*, или в форме *созерцания*, а не как *человеческая чувственная деятельность, практика*, не субъективно»¹. Марксизм выходит за пределы узконатуралистической трактовки категории материи, распространяя материалистический подход на объяснение социальной реальности.

Краеугольный камень в современное понимание материи заложил Г.В. Плеханов. Знакомый с открытиями естествознания, распатавшими старое представление о материи, он полагает: «Материей должно быть признано то (в «себе» *сущее*), что посредственно или непосредственно действует, или может действовать на наши внешние чувства»². Материя рассматривается им как такая реальность, которая противостоит нашему сознанию, вызывает в нас определенные ощущения и порождает идеальные образы. Онтологический аспект здесь сохраняется, но в особой форме. Нет больше указания на какие-либо конкретные реалии, но зато подчеркивается самодостаточность материи, ее первичность по отношению к сознанию.

Итак, *понятие материи* обозначает независимую от сознания самостоятельную реальность, которая является субстанцией и общим содержанием всех вещей и явлений. Воздействуя прямо или косвенно на наши органы чувств, она обнаруживает себя и становится достоянием нашего сознания. В этом определении содержатся основные моменты диалектической концепции материи. Во-первых, материя рассматривается здесь как *объективная реальность*, т.е. признается ее самодостаточность и независимость от сознания. Во-вторых, отмечается тот существенный факт, что как активное начало материя оказывается *глубинной основой всех процессов, всех конкретных вещей, отношений и свойств*. В-третьих, понятие материи выражает *инвариантное содержание объективных реалий*. В-четвертых, *подчеркивается познаваемость мира*, вступающего в контакт с обладающим разумом человеком.

¹ Маркс, К. Тезисы о Фейербахе / К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения в 50 т. Т. 3. М., 1961. С. 1.

² Плеханов, Г.В. Избранные философские произведения: в 5 т. Т. 3. / Г.В. Плеханов. М., 1957. С. 469.

Бесконечно многообразный материальный мир сохраняет свою целостность благодаря внутренне присущему ему единству. Выделяют субстратное, генетическое, номологическое и атрибутивное единство мира. *Субстратное единство* подтверждается методом спектрального анализа, обнаруживающего в различных частях вселенной одни и те же элементы из периодической системы Д.И. Менделеева. Показателем *генетического единства* служит факт образования сложных систем из относительно более простых. О *номологическом единстве* свидетельствуют законы, определяющие идентичный характер процессов в самых разных по своей природе объектах: в частности, закон всемирного тяготения указывает на силу, которая удерживает Луну на околоземной орбите, и он же ограничивает возможности спортсмена преодолеть планку на определенной высоте. Наконец, атрибутивное единство означает существование всеобщих свойств материи — структурности, движения, пространства, времени.

Но как устроен мир, в котором мы живем? Научные знания свидетельствуют: человек — продукт длительной эволюции материи и находится в теснейшей связи со всем мирозданием. Геофизические явления, например, прямо влияют на его здоровье, работоспособность, настроение и характер производственной деятельности.

История философии знает две противоположные концепции строения материи — дискретную и континуальную.

Дискретная концепция строения материи отстаивала точку зрения, согласно которой материя прерывна. Она состоит из отдельных обособленных друг от друга объектов. Классическим ее представителем был Демокрит.

Континуальная, напротив, утверждала, что материя представляет абсолютно непрерывную, сплошную среду. Одним из ее видных сторонников был Декарт. Обе концепции абсолютизировали одну сторону материи и не замечали другую. В этом их историческая ограниченность.

Реально материи присуща *дискретно-континуальная структура*. Мир состоит из бесконечного множества автономных образований. Но в природе нет абсолютно изолированных объектов. Земля — вполне самостоятельный космический объект, но в то же время она является частью солнечной системы. Гравитационные силы накрепко привязывают ее к нашему светилу.

Единство прерывности и непрерывности — яркое свидетельство того, что упорядоченность, определенная организованность есть неотъемлемое свойство материи. Всеобщность и универсальность связей реальных вещей и явлений означает также всеобщность и универсальность структурной организации материи. Любые формы и виды материи оказываются более или менее сложными образованиями, связанными как с более глубокими уровнями ее строения, так и с другими внешними для них системами.

Всеобщий характер структурной организации материи выражается в следующих принципах:

- материя неоднородна;
- материальному миру свойственна системная упорядоченность;
- в природе существуют некоторые множества объектов, относящихся к одному типу строения; они образуют отдельные уровни структурной организации материи;
- объекты, принадлежащие к разным уровням строения материи, могут вступать между собой в отношения подчинения и образовывать сложные иерархические системы.

Единство прерывности и непрерывности материи является важнейшим условием перехода от объектов одного рода к объектам другого рода. Такой способ организации бытия с необходимостью предполагает *качественное многообразие материального мира, его неоднородность*.

Разнокачественные объекты постоянно взаимодействуют, в результате чего устанавливаются различные связи, объединяющие группы таких объектов в отдельные системы. И атом, и человек, и галактика — все это отдельные своеобразные системы. Системность — важнейшая черта структурной организации материи.

Многие системы имеют целый ряд близких признаков строения, способа связи элементов, характера функционирования. Они составляют *особые классы объектов*. В общем контексте мироздания совокупность таких объектов выступает как определенный уровень структурной организации материи — уровень атомов, например, молекул макроскопических тел и т.п.

Находящиеся на разных структурных уровнях объекты также могут взаимодействовать. В таких процессах одни из них выполняют функцию элементов, а другие — систем. Причем последние включаются в еще более масштабные системы. Так формируются очень *сложные многоуровневые образования*, представляющие собой *своеобразную иерархию*, где принадлежность к элементу или системе оказывается относительной: они могут меняться местами. В обозримой части мира иерархический ряд начинается физическим вакуумом и элементарными частицами, которые имеют ничтожно малые размеры (примерно 10^{-13} см), и заканчивается Метагалактикой, величина которой 10^{28} см. Несмотря на невообразимо огромную скорость, с которой движется свет, ему требуются миллиарды лет, чтобы пересечь Метагалактику.

Как далеко простирается иерархическая структура нашего мира? Окончательный ответ наукой пока не получен. Есть любопытные гипотезы с казалось бы невероятно фантастическими выводами, но давно известно, что именно «сумасшедшие» идеи двигают науку вперед. В частности, утверждается, что микромир и мегамир могут переходить друг в друга, а Вселенная

как бы замыкается. Более того, по некоторым данным, при неполной замкнутости Вселенной она оказывается тождественной исчезающе малой элементарной частице, а элементарная частица, напротив, в определенных условиях может стать равной гигантской Вселенной.

Впрочем, связь микромира с крупномасштабной структурой Вселенной уже находит естественнонаучное подтверждение и сегодня не вызывает сомнений. Ученые считают, что толчком для эволюции нашей Вселенной послужил фазовый переход физического вакуума из одного состояния в другое. А такой космический объект, как звезда, представляет собой стянутый электромагнитным и гравитационным полями огромный сгусток плазмы, которая образована скоплением микрообъектов — элементарных частиц, атомных ядер и ионов.

Все материальные системы непосредственно или опосредованно связаны. В подходящих условиях одни из них порождают другие. Хорошей иллюстрацией этой мысли служит превращение встретившихся электрона и позитрона в фотоны, поток которых воспринимается как излучение. На определенном этапе развития материального мира складываются благоприятные условия для появления жизни.

Как и вся материя, живая природа подчиняется закону структурной организации. В ней выделяются следующие уровни: доклеточная организация живого, клетка, многоклеточные организмы, надорганизменные системы, биосфера. Живая природа неизмеримо превосходит неорганический мир уровнем сложности своего строения. Обмен веществом, энергией и информацией становится для нее необходимым условием существования. Обязательность этих факторов, связанных с глубинной сущностью жизни, делает ее хрупкой и чрезвычайно уязвимой. Условия существования живой природы выполняются при узких и очень жестких внешних параметрах — температурного режима, наличия пищи, требуемого состава воздуха, определенного уровня внутреннего разнообразия (большую опасность для сохранения диалектического равновесия биосферы представляет исчезновение видов, популяций и биоценозов). Нарушение параметров блокирует способность живого к самовоспроизводству и чревато его гибелью. Все это накладывает на человека, оказывающего сильное возмущающее воздействие на окружающую среду, высокую ответственность за сохранение жизни на Земле.

Одним из результатов эволюции стал человек, благодаря которому биологическое поведение было преобразовано в социальное действие. Появился новый тип материальной системы — человеческое общество, и мир вступил в такой этап своего существования, который связан уже с целенаправленной трансформацией природы и формированием системы артефактов.

Общество также оказывается структурированным. Индивид, семья, различные социальные группы, этнические общности, классы, государства, человечество в целом — его структурные единицы. Они очень подвижны. Не-

которые из них безвозвратно исчезают, другие только складываются, третьи хотя и сохраняются, но при этом существенно изменяются. Так, на протяжении истории не раз менялись формы брачно-семейных отношений. Дифференцированность общества, взаимоотношение между его структурными подразделениями позволяет ему с той или иной эффективностью выполнять социальные функции.

Структурное многообразие материального мира делает актуальной задачу выявления и классификации различных видов материи. Широко распространено мнение, что имеются два основных вида материи (вещество и поле), сегодня устарело. В какой-то мере оно оправдано для описания явлений макромира, да и то ограничено сферой неживой природы. Дело вот в чем. Вещество и поле противопоставлялись на том основании, что вещество связывалось с дискретными объектами, характеризующимися высокой концентрацией массы и энергии в малых объемах пространства. Поле, напротив, понималось как непрерывная среда, представляющая собой лишенную массы покоя субстанцию. Однако в квантовой теории элементарные частицы рассматриваются как элементы соответствующих полей — электронно-позитронного и т.п., а поля в свою очередь предстают как квантованная среда, элементы которой подобны частицам, обладающим корпускулярными и волновыми свойствами, поэтому противопоставление вещества и поля здесь утрачивает смысл. Что касается жизни, то ее никак не опишешь в терминах вещества и поля. Тем более это невозможно сделать, когда речь идет о таких сложных явлениях, как социальные процессы. Логически оправданной будет *классификация, связывающая основные виды материи с определенными уровнями ее структурной организации*. Физический вакуум и элементарные частицы (атомы — молекулы — макротела — биологические системы — социальные системы — планеты — планетные системы — галактики — системы галактик — Метагалактика) образуют разноуровневый ряд видов материи.

Было бы неверно думать, будто структура материального мира всегда одна и та же. Она является результатом исторического развития. В ходе эволюции возникают все новые ее формы и виды. На каком-то этапе развития мира на Земле зародилась жизнь, а затем сформировалась высшая форма жизни — общество.

2.3. Динамизм бытия. Материя и движение

Размышляя над тем, что дает нам возможность проникать своим разумом в бытие вещей и явлений, мы приходим к выводу: для этого недостаточно обладать способностью мыслить — должно быть еще нечто, коренящееся в самом материальном мире. Философия видит такую причину в движении материи. «Все течет, все изменяется», — подводил итог своим размышлениям о сущности бытия родоначальник диалектики Гераклит.

Мы видим дерево, потому что световые лучи, отражаясь от него, воздействуют на сетчатку глаза; мы слышим звуки рояля, так как игра на нем вызывает колебания воздуха, которые воспринимаются мембраной нашего уха. Очевидно, получение первичной информации о различных явлениях было бы невозможно без нашей включенности в универсальный процесс движения, в ходе которого мы взаимодействуем с различными предметами, что фиксируется нашими органами чувств в форме цветов, звуков, запахов и т.д.

Вещи взаимодействуют, обнаруживая те или иные свойства. Если представить такой объект, который выпал из потока универсального движения, то о нем было бы невозможно что-либо сказать. Он никак себя не проявлял бы.

Как и структурность, **движение** — это неотъемлемое свойство материи, ее атрибут. Однако эта истина не лежит на поверхности явлений. Ограниченный по-преимуществу механическими процессами повседневный опыт создавал впечатление, что всякое тело либо перемещается, либо сохраняет в неизменности свое положение. Это побуждало к противопоставлению движения и покоя. А поскольку материя отождествлялась с вещественной природой, то ее бытие признавалось абсолютно нерушимым. Вырисовывалась картина, где материя и движение представляли разными обособленными феноменами. Крайними точками такого понимания действительности стали взгляды античных авторов Кратила и Парменида. Первый утверждал, что все сущее есть никогда и нигде не прерывающееся изменение, в котором невозможно выделить никакую вещь. Бытие Кратил приравнивал к движению. Воззрения второго диаметрально противоположны: мир вечно пребывает в абсолютном покое, представляя цельную однородную среду.

Наиболее распространенным в истории философии было представление, согласно которому естественным состоянием предметов является покой. Их движение объяснялось воздействием внешних факторов. Применительно к миру в целом такая трактовка движения оформилась в деистическую *концепцию первоталчка*. Ранее других к ней обратился Аристотель (384—322 до н.э.): он высказал мысль о вечно покоящемся боге, выполняющем функцию перводвигателя¹. Так произошел разрыв единой сущности на материю, признаваемую косной и инертной субстанцией, и движение как чистую активность.

Впервые вопрос о единстве материи и движения сформулировал в развернутом виде английский философ *Дж. Толанд* (1670—1722). В рамках господствовавшего в ту пору механистического воззрения на природу он пошел дальше своих современников, утверждая, что движение отнюдь не есть нечто внешнее для материи, а ее коренное свойство².

¹ Философия древности и средневековья / редкол.: В.В. Соколов [и др.]. // Антология мировой философии: в 4 т. Т. 1, ч. 1. М., 1969. С. 450—451.

² Европейская философия от эпохи Возрождения по эпоху Просвещения / редкол.: В.В. Соколов [и др.]. // Антология мировой философии: в 4 т. Т. 2. 1970. С. 496.

Новейшие взгляды на движение не ограничивают его механическим или каким-либо другим отдельным процессом. Еще Ф. Энгельс высказал верную и емкую мысль, что понятие движения суть абстракция, служащая общим выражением всякого процесса, любого изменения¹. *Движение* есть такой атрибут материи, который, по существу, является способом ее бытия.

Движение всегда представлено в конкретных процессах взаимного превращения элементарных частиц, расширения Метагалактики, метаболических явлениях в живых системах, материального производства в обществе и т.п. Их остановка ведет к прекращению существования данного объекта и переходу образующего его субстрата в иное качественное состояние. Так, прекращение обмена веществ означает трагическую развязку в жизни организма — его гибель.

Движение материи абсолютно. Это значит, что любые вещи, явления участвуют в тех или иных процессах, претерпевают всевозможные изменения. Но это, конечно же, не означает, что в мире нет никакого постоянства. Парадокс в том, что устойчивость, стабильность явлений — это опять-таки *результат движения особого рода*. В самом деле, структура есть инвариантный аспект системы, суть которого в наличии строго определенных связей между ее элементами. Но связь с необходимостью предполагает взаимодействие.

Взятое из механики понятие покоя после его философского обобщения расширяется, приобретая смысл устойчивости, стабильности. В мире все время происходят необратимые изменения, но всегда он так или иначе организован, упорядочен. *Покой*, собственно говоря, есть не что иное, как сохранение материальными системами своей качественной определенности. Как это ни парадоксально, но именно внутренние процессы материальной системы поддерживают ее устойчивость.

Всеобщность движения и покоя породили в истории культуры традицию разделять все сущее на вещи и процессы. У нее есть некоторые основания. Когда более важно выявить устойчивые, инвариантные аспекты интересующих нас явлений, мы делаем акцент на понятии «вещь», а когда надо проследить и описать их текучесть, изменчивость, акцент переносится на понятие «процесс». В действительности *вещи и процессы неразделимы*. Современная наука убедительно свидетельствует, что нет вещей вне процессов, равно как не бывает процессов вне вещей. Хорошо известно, что атом сохраняет свою целостность и стабильность благодаря взаимодействию ядра и электронной оболочки. Ясно, что абсолютное противопоставление вещей и процессов неправомечно.

Наряду с движением, направленным на сохранение материальной системы, существует другой его тип, который отличается тем, что связан с качественным изменением объекта. Большой интерес представляют те качествен-

¹ Маркс, К. Сочинения: в 50 т. Т. 20. / К. Маркс, Ф. Энгельс. С. 563.

ные изменения, которые носят направленный и внутренне обусловленный характер, т.е. являются развитием. Эволюция звезды, созревание организма, модернизация общества — вот различные модификации этого процесса.

Познание различных форм движения обогащает наши представления о структуре движения, без которых картина мира была бы неполной. Многообразие форм движения предполагает множество наук, которые их изучают, в связи с чем вполне понятен интерес ученых к систематизации форм движения материи. Заметные результаты на этом пути были достигнуты Платоном, Аристотелем, Бэконом, Энгельсом.

С позиций современной науки целесообразно различать общие и специфические формы движения материи. *Общие формы движения* не связаны с каким-либо особым материальным носителем и проявляются на различных структурных уровнях материи, т.е. они представляют отдельные типы функционирования различных в своей вещественной основе систем. *Специфические формы движения материи*, напротив, связаны со строго определенными материальными носителями. Совокупность таких форм совпадает с иерархией структурных уровней материи. К общим формам движения относятся такие, как механическая, тепловая, кибернетическая, электромагнитная и гравитационная. В качестве основных специфических форм движения обычно выделяют взаимопревращения элементарных частиц и полей, внутриатомные процессы, химические превращения, молекулярные процессы, происходящие в различных агрегатных состояниях вещества, геологическую форму движения, биологические процессы, общественную жизнь, различные космические процессы и т.д. Наши знания о формах движения материи являются открытой системой. Обнаружение новых уровней структурной организации материи, новых типов материальных процессов добавляет в классификацию новые формы движения.

Существует множество качественно своеобразных форм движения материи. Жизнь, в частности, принципиально отличается от физических и химических процессов. Органические системы способны получать, воспроизводить и использовать информацию. Борьба за существование, размножение, изменчивость и наследственность — все это характеризует жизнь. Каждый тип материальных процессов подчинен своим специфическим закономерностям. Нельзя объяснить физическими и химическими факторами, почему олень вступает в схватку с волком, спасая своих детенышей. *Редукционизм* (от лат. *reductio* — возвращение) как способ объяснения явлений путем полного сведения высших форм движения к низшим оказался несостоятельным.

Однако неверно и обратное, когда высшие формы движения отрывают от низших. Так поступают *виталисты*, которые полагают, будто жизнь не содержит в себе более простых процессов. Тем самым они лишаются возможности физико-химического анализа явлений живой природы.

Качественное различие форм движения материи вовсе не отрицает их взаимосвязи: *высшие и низшие формы движения имеют как генетические, так и структурные отношения*. Высшие формы движения не только возникают на основе низших, но и включают их в свой состав, хотя и в существенно преобразованном виде, что выражается в подчинении относительно простых процессов более сложным. Вникая в сущность социальных явлений, мы убеждаемся, что они предполагают и механические, и электрические, и химические, и биологические, и многие другие процессы, используемые человеком в материальном производстве. Однако здесь они уже функционируют не сами по себе, а направляются обществом. Мудрость человека — в умении достигать намеченных целей, включая силы природы в механизм социальных действий.

В окружающем нас мире наблюдается поразительная согласованность качественно различных процессов, что наводит на мысль: не только отдельные простые процессы и типы движений образуют основу для появления более сложных, но и сами они подчиняются законам целого, представляя собой различные его стороны, звенья и этапы. Хорошо известно, что дифференциация биосферы на специфические уровни функционирования обусловлена ее развитием в качестве единой целостной системы. Известный русский философ Вл. Соловьев высказал мысль о влиянии целого на функционирование частей. Рассуждая о физической природе человека, он отмечал: «в организме человеческого мозг или сердце имеют значение не как равные всем члены, а сообразно своему особенному назначению, играют роль главных органов, которым должны служить все другие для сохранения целостности всего организма, а следовательно, и самих себя»¹.

Высшие формы движения и сводимы, и несводимы к низшим — такова диалектика природы. Поэтому метод редукции, несомненно, обладает определенной эвристической ценностью. Им пользуется биолог, привлекающий физические и химические знания для постижения тайн жизни. Его применяет химик, когда, исследуя вещество, опирается на законы квантовой механики. Нельзя только забывать о границах применения этого метода. Для науки важно *установить субординацию качественно различных процессов*, понять, как более простые из них *вписываются в высшие формы движения*.

Еще один вывод, который можно сделать, логически следует из положения о взаимной связи различных форм движения, их способности в соответствующих условиях переходить друг в друга. Он заключается в требовании дополнить редукцию противоположным методом, который бы позволял интегрировать формы движения, участвующие в тех или иных сложных процессах. Теоретическое воплощение такой метод находит в принципе

¹ Соловьев, В.С. Философские начала цельного знания / В.С. Соловьев // Сочинения: в 2 т. Т. 2. М., 1988. С. 144.

целостности. Так, понимание специфики социальных явлений помогает разобраться в механизме развития техники, ассимилирующей непрерывно пополняющийся арсенал качественно специфических природных процессов.

2.4. Природа пространства и времени

Пространство и **время** представляют важнейшие атрибуты бытия. Каждая культура вырабатывает собственное понимание данных феноменов, позволяющее субъектам ориентироваться в жизненной среде и осваивать ее ресурсы. Соответствующие понятия выражают структурную организацию объектов и их изменение. Для практической деятельности крайне необходимо определить местонахождение осваиваемого объекта, его размеры, форму и соотношение частей. Большое значение имеет также информация о смене этапов в развитии систем, темпе происходящих процессов, ритме сменяющихся событий. Существенный экономический эффект дает, в частности, сокращение продолжительности технологических процессов в производственной деятельности.

Уже на ранних этапах развития общества, когда безраздельно господствовало мифологическое сознание, наши далекие предшественники осмысливали культурные различия особых мест. Центр противопоставлялся ими периферии. Центр — это освоенное и обустроенное место. Периферия между тем оказывается областью неизвестного, а посему таит в себе опасность. Показательно название в средневековой Руси области, расположенной за пределами южных окраин государства, — Дикое поле. Обладая плодородными землями, эта область была вожделенной мечтой многих. Но со стороны Дикого поля кочевники делали частые набеги на Русь, неся разорение и смерть. Постепенно, однако, Дикое поле заселялось русским народом, обустраивалось и окультуривалось.

Наши предки осознавали свою зависимость не только от пространства, но и от времени. Они видели, как сменяются поколения людей, как одни виды хозяйственной деятельности уступают место другим, замечали, что природе присущ определенный ритм: день сменяется ночью, чередуются лето и зима. У древних народов складывалось представление, что в мире происходит движение от хаоса к космосу, т.е. от беспорядка к порядку. Но хаос никогда не исчезает окончательно: он окружает освоенное пространство со всех сторон, проникая в ткань самой коллективной жизни людей. Борьба хаоса и космоса — вечная необходимая сторона сущего. Такой взгляд на мир явился основой циклического толкования времени. Из этого следовал вывод, что человек своими действиями может либо способствовать упорядочению жизненной среды, либо ее разрушать. Задача виделась в разумной организации и окультуривании жизненного пространства. А это считалось достижимым через овладение временем.

В повседневной жизни редко кто задумывался над тем, что же такое пространство и время. Приобщаясь к культуре, мы невольно усваиваем и циркулирующие в ней взгляды на эти явления. Создается впечатление их очевидности и простоты. Иллюзорность подобных представлений развеивается, когда дело доходит до теоретического осмысления пространства и времени. Известный средневековый философ Августин Блаженный делится своими размышлениями: «Что же такое... время? Пока никто меня о том не спрашивает, я понимаю, несколько не затрудняюсь; но, как скоро хочу дать ответ об этом, становлюсь совершенно в тупик»¹.

Сложность феноменов пространства и времени, их связь, с одной стороны, с движущейся материей, а с другой — с культурой свидетельствуют о фундаментальности порождаемых ими философских проблем. В истории философской мысли возник спектр различных трактовок этих явлений. Их можно свести к двум фундаментальным подходам — *субстанциальному* и *реляционному*, между которыми развернулось драматическое соперничество. Сторонниками субстанциальной концепции были такие крупные мыслители, как Демокрит и Ньютон. Они полагали, что пространство и время образуют своеобразную сцену, на которой разыгрываются все события естественной истории. Так, пространство созданной Демокритом теории, — это пустота, в которой движутся атомы. Пространство объективно, бесконечно и однородно. Что касается времени, то в границах субстанциальной концепции оно суть некий независимый от происходящих событий мировой поток. Согласно этой концепции, пространство и время оказываются самостоятельными сущностями, объемлющими материальный мир и сосуществующие с ним. Приняв логику, по которой пространство и время никак не связаны с пребывающими в них телами, приходится признать абсолютную неизменность этих феноменов, что противоречит всему опыту познания мира. Субстанциальная концепция, несомненно, явилась результатом сильного упрощения реальных связей и отношений. В частности, Ньютон допускал мгновенную передачу воздействия одного тела на другое. Пространство выступало при этом в качестве посредника такого взаимодействия. Эта философская установка явилась одной из причин введения в научный оборот понятия эфира, который изображался как очень тонкая сплошная и абсолютно неподвижная среда. Предполагалось, что в ней осуществляется движение материальных тел и что именно она служит переносчиком их взаимодействия. Еще одним источником схематизации пространственно-временных явлений стало то, что всему материальному миру приписывались отношения, вытекающие из геометрии Эвклида. Но его теория является абстрактным обобщением только макроскопического опыта.

¹ Раннехристианская философия / редкол.: В.В. Соколов [и др.]. // Антология мировой философии: в 4 т. Т. 1, ч. 1. 1969. С. 586.

М. Фарадеем было доказано, что воздействие не может быть мгновенным. Неклассическая наука поколебала самые основы субстанциальной концепции — представление об абсолютном пространстве и времени. Оказывается, все события имеют свои специфические пространственные и временные характеристики.

Появление неевклидовых геометрий, доказавших принципиальную допустимость различных пространственных структур, и теории относительности, обосновавшей зависимость пространственно-временных параметров от поведения материальных систем, серьезно подорвало позиции сторонников субстанциальной концепции. Необходимо, однако, отметить, что позитивным итогом развития субстанциальной концепции явилось, во-первых, положение об объективности физического пространства и времени и, во-вторых, признание их необходимым условием бытия отдельных вещей и явлений.

Реляционная концепция занимает видное место в работах Аристотеля, Лейбница и Эйнштейна. Философский смысл реляционных представлений заключается в том, что пространству и времени придается статус всеобщих тесно связанных сторон материального мира. По Аристотелю, пространство без тел не бывает. Лейбниц же подвергает решительной критике мысль об абсолютной природе пространства и о пустом потоке времени. Философ полагает, что время есть порядок следования чувственно воспринимаемых явлений, а также отношение между сменяющими друг друга событиями, определяемыми этим порядком. Таким образом, философия обосновала неразрывную связь пространства, времени и материи, которая впоследствии была подтверждена естествознанием.

Реляционная концепция пространства и времени прочно утвердилась в современной научной картине мира. Ряд ее положений весьма успешно разрабатывается специальными науками — физикой, космологией, геологией, биологией психологией и историей. Философия интегрирует знания о пространстве и времени, добываемые разными науками, и придает им категориально-мировоззренческий статус.

В зависимости от того, принадлежит пространство и время самой действительности или входит в содержание нашего отображения мира, оно может быть либо *реальным*, либо *перцептуальным*, либо *концептуальным*. Реальные пространство и время являются формами существования материи. Вместе с тем они же образуют универсальные условия существования конкретных материальных систем. Пространство и время реальны потому, что все явления материальной действительности подчинены объективным отношениям координации и субординации. Можно сказать, что *пространство* — это всеобщая форма существования материи, выражающая структурность, протяженность и взаимное расположение различных систем.

Категория пространства характеризует организацию материального мира как результат его становления. При этом мы отвлекаемся от тех изменений и процессов, которые к нему привели.

Категория времени, напротив, указывает на непрерывную изменчивость явлений, определенную направленность процессов и их необратимость, фиксирует тот факт, что всяким процессам свойственен характерный ритм. При этом приходится отвлекаться от уже присущим материальным системам в той или иной мере стабильности и устойчивости. Следовательно, *время* — это всеобщая форма существования материи, выражающая структурность и длительность объективных процессов, а также реальную последовательность событий.

Характеризуясь своей пространственно-временной структурой, каждый объект существует вместе с тем в более масштабном пространстве той материальной среды, частью которой сам является и включен в поток времени, вызванного происходящими в ней процессами. Последние пространственно-временные отношения образуют естественные условия его бытия. Именно на этом основании различают биологический возраст человека — тот, который связан с его собственным временем, и паспортный — тот, который измеряют вращением Земли вокруг Солнца. Между ними может быть весьма заметное расхождение.

Структурированность материи и ее движение с необходимостью предполагают наличие пространственных и временных свойств у предметной действительности. Эти философские рассуждения находят солидное обоснование в современной науке. Специальная теория относительности рассматривает метрические параметры физического пространства и времени в их тесной корреляции. Из нее следует, что время движущихся относительно системы отсчета тел замедляется, а их линейные размеры сокращаются в направлении движения. При этом наблюдается любопытная зависимость пространственных и временных параметров тел. Суть ее в том, что сокращение пространственного интервала неизбежно ведет к такому же увеличению временного и наоборот. Эффект проявляется при больших скоростях, сопоставимых со скоростью света. Развивая дальше эту тему, общая теория относительности рассматривает пространство и время как функцию тяготеющих масс. Тела с большой массой искривляют пространство, т.е. происходит изменение его метрики (она отклоняется от евклидовой), и замедляют бег времени.

Реальные пространство и время характеризуются *определенной размерностью*. В окружающем нас макроскопическом мире у пространства три измерения, а у времени одно. Это эмпирически установленный факт. Современные исследования показывают, что трехмерность пространства обуславливает возникновение и существование устойчивых систем — атомов, макротел, планетных систем.

Одним из основных свойств реального времени является его однонаправленность — оно течет только из прошлого через настоящее в будущее. Нельзя вернуть прожитое время, как бы мы того ни хотели. Время неумолимо движется только вперед — его ход необратим. Пока не найдено достаточно убедительных объяснений этого феномена. Некоторые ссылаются на известный факт расширения Метагалактики. Но где же связь между данным явлением и стрелой времени, направленной в будущее? Интересна попытка объяснить однонаправленность времени увеличением энтропии физических систем, т.е. нарастанием их неупорядоченности. Однако это правило указывает лишь на тенденцию, присущую материальным системам. Оно отнюдь не является чем-то непреложным. Второе начало термодинамики, описывающее процесс энтропии, не исключает в принципе, что брошенный в чашку с горячим чаем лед станет еще холоднее, зато будет продолжаться нагрев воды за счет высвобождаемой от охлаждения льда энергии, но считает такую вероятность ничтожно малой. Неубедительны и попытки вывести временной порядок из той истины, что все имеет свою причину, а любые происходящие события неизбежно вызывают определенные следствия. Здесь происходит нарушение логики рассуждений: чтобы доказать причинно-следственную связь событий, приходится в свою очередь прибегать к учету временного фактора — причина всегда предшествует следствию.

Осмысление сущности бытия давно приводило философов к проблеме бесконечности мира в пространстве и времени. Чаще всего они обращали внимание на ее количественный аспект. Пространственная бесконечность мира понималась как безграничное распространение во всех направлениях известных типов материальных систем, а бесконечность времени — как монотонное продолжение известных процессов. Но уже Гегель заметил ущербность подобного толкования бесконечности, называя ее «дурной». Диалектическое понимание пространственно-временной бесконечности мира принимает в расчет также качественный аспект этого явления. Бесконечность мира предстает как его неисчерпаемость. Можно говорить об экстенсивной и интенсивной неисчерпаемости материи, или о бесконечности пространства *вширь* и *вглубь*. Пространство *бесконечно вширь*, потому что принципиально невозможно существование абсолютно замкнутых материальных систем. Закрытые для одних видов взаимодействия, они открыты для других взаимодействий. Даже гипотетические черные дыры не изолированы от действия гравитационных сил. У каждой системы есть выход вовне. Пространство *бесконечно вглубь*, потому что материя очень сложна, любой объект внутренне дифференцирован, а в природе отсутствуют какие бы то ни было абсолютно фундаментальные образования.

Время также *бесконечно*, что выражается в принципиальной незамкнутости и внутренней сложности любых материальных процессов, в их качественном многообразии.

Для практической деятельности важное значение имеют не только реальное пространство и время, но и то пространство и то время, которые представлены в нашем сознании, т.е. *перцептуальное* и *концептуальное* пространство (время). Дело в том, что реальное пространство и время даны нам опосредованно через наши восприятия и мышление. Одним из первых на неразрывную связь пространственно-временных представлений с тем, как наши органы чувств упорядочивают вызванные предметами внешнего мира впечатления, указал И. Кант, для которого пространство и время были формами чувственного созерцания.

Перцептуальное и концептуальное пространство и время по сути являются отражением в сознании человека *реальных пространственно-временных отношений*. Перцептуальное пространство и время есть сформированный с помощью органов чувств и прежде всего зрения образ последних, а концептуальное пространство и время — это абстрактно-теоретическое описание и объяснение таких отношений. Перцептуальное и концептуальное пространство и время позволяют человеку более-менее успешно ориентироваться в реальных пространственно-временных отношениях, но полного совпадения их с этими отношениями нет.

Перцептуальное пространство и время зависят не только от воздействующей на человека предметной среды, но еще и от его психического состояния, от силы воображения, от прошлого опыта. Глядя на Луну, мы видим небольшой диск, но наш опыт корректирует зрительное восприятие: он свидетельствует, что Луна — это достаточно большое космическое тело. Человеку свойственно и чувство времени, которое основано на том, что клетки тела, а также легкие, сердце, почки и другие органы функционируют в определенном ритме, выступая в роли внутренних часов. Боксер на ринге, например, чувствует близкое окончание раунда.

Если образы перцептуального пространства и времени носят чувственно-конкретный характер, то концептуальное пространство и время предстают в *абстрактно-символической форме*. Они отражают реальные отношения через философские категории и специальнонаучные понятия. Результатом отражения являются многомерные и бесконечномерные математические пространства, пространство и время классической механики или специальной теории относительности и т.д.

Концептуальное пространство и время преодолевает границы непосредственного чувственного отражения и запечатлевается в моделях, которые все глубже отражают реальные пространственно-временные структуры. Однако ни одна теоретическая модель не может воспроизвести всего богатства пространственно-временных отношений.

Многообразие бытия, существование своеобразных видов материи и особых форм ее движения вполне естественно сопровождается разнообразием специфических форм пространства и времени. Серьезные и основа-

тельные аргументы выдвигаются сегодня против концепции, утверждающей, будто все без исключения процессы происходят только в физическом пространстве и времени.

Уже в неорганическом мире наблюдаются весьма существенные различия пространственно-временных структур на разных уровнях строения материи. Ряд ученых отстаивает идею квантования пространства и времени в глубинах мироздания. Прорабатывается также положение, согласно которому тонкие структуры материи обладают большим числом измерений, нежели наше ближайшее окружение.

Большим своеобразием отличается биологическое пространство и время. *Пространство живой материи проявляется в сложной многоступенчатой организации биосферы, в ее особой связи с географическим пространством.* Уникальной и существенной особенностью биологического пространства является левосторонняя ориентация молекул живых систем. Одна из показательных черт биологического времени — ритмическое повторение органических процессов — ассимиляции и диссимилиации, смены состояний сна и бодрствования, периодического напряжения и расслабления сердечной мышцы и т.п. Подобные процессы хорошо скоррелированы.

Биологическое пространство и время имеют исключительно важное значение для жизни организма. Благодаря ему животное вписывается в окружающую среду, синхронизирует свои процессы с природными. Приспосабливаясь к внешнему миру, животное меняет биоритмы своего организма, подготавливая его к будущим действиям. *Пространственно-временные факторы*, таким образом, оказываются *необходимым звеном приспособления животного к условиям обитания и существенной предпосылкой, определяющей характер его поведения.*

Наука раскрывает специфические пространственно-временные структуры, одни из которых как бы накладываются на другие, образуя необходимые условия существования последних. К таким структурам относятся и социальное пространство и время. Именно в нем непосредственно существует человек, а физическая, геологическая и биологическая формы пространства и времени оказываются по отношению к нему внешними условиями бытия. Несомненно их влияние на социальное пространство и время, а вместе с тем и на жизнь людей. Но верно и обратное: социальное пространство и время, будучи одним из важных проявлений активно-деятельностного отношения человека к предметной действительности, воздействует на объекты природы, внося изменения в их пространственно-временную организацию. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратить внимание на те изменения, которые под влиянием людей происходят в биосфере — резкое расширение зоны культивируемых растений и одновременное сокращение площади лесов, миграция и быстрый рост численности одних видов животных и исчезновение других

и т.д. В этом невиданный прежде драматизм современной истории. На человека возлагается ответственность уже не только за себя и общество, но и за сохранение природы.

Социальное пространство и время наполнены *человеческими смыслами*. Это объясняется специфическим отношением людей к миру. Основа этого отношения — целеполагающая деятельность. Примечательно, что социальное пространство организуется по законам человеческого бытия. В нем функционально выделяются жилая, производственная, рекреационная и другие зоны, исторический облик которых, их место в жизни людей, а также возникающие связи людей и социального пространства подчиняются сложившимся общественным отношениям. Например, в средние века преобладал сельский тип поселения, а фундаментом производства было ручное земледелие, между тем как в современном обществе большая часть населения проживает в городах, а производство приобрело индустриальный характер: оно насыщено сложной техникой и все шире использует ин-формационные технологии.

Человеческий смысл социального времени обнаруживается прежде всего в действиях людей. Вызываемые к жизни человеческой активностью события — это уже не просто результат объективных обстоятельств: в решающей мере они зависят от желания, воли, знаний и умения людей. Динамика социального времени сопряжена с постановкой целей и поиском средств, позволяющих их достичь. Возводят ли строители дом, доказывает ли ученый теорему, ведет ли космонавт свой корабль — все эти действия развертываются в социальном времени и имеют определенный смысл.

Социальное время служит показателем того, как меняются общественные явления. В архаический период жизни людей их способность к целеполагающим действиям была невелика. Особое значение придавалось прошлому опыту, носителями которого являлись представители старшего поколения, пользовавшиеся огромным авторитетом. В давние времена на Беларуси даже существовал культ предков, отголоском которого в наши дни является праздник «Деды». Неслучайно, именно пожилые люди осуществляли власть в родоплеменном обществе. Тогда и сложилось представление, что прошлое безусловно лучше настоящего. Любопытно, что прошлые события в средние века на Руси называли «передними» (считалось, что они ближе к началу мира), тогда как настоящие признавались «задними».

Переход к техногенной цивилизации сопровождался расширением и усилением целеполагающих действий. Высокую оценку получает способность людей к созиданию нового. Устремленность в будущее определяет смену характера социального времени, которое становится линейно направленным.

Социальное время по мере развития общества как бы уплотняется. Происходит заметное ускорение процессов в различных сферах жизнедеятельности, что легко проследить, наблюдая развитие производительных сил, распространение урбанизации, рост образованности населения и т.д.

ГЛАВА 3. ПРИРОДА КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКОГО И НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

3.1. Понятие природы. Природные предпосылки жизнедеятельности человека и общества

До недавнего времени в учебной литературе природные факторы развития общества рассматривались по преимуществу как нечто сугубо внешнее, лежащее за пределами собственно социальной эволюции. Природное при таком подходе исключалось из круга внутренних связей, присущих социальному процессу. Жизнь общества оказывалась своеобразной границей, переходя которую природное как бы теряло свое качество. Вследствие этого вопрос о природных факторах общественного бытия людей рассматривался в советской (а в значительной степени и в постсоветской) литературе как второстепенный, анализировался бегло и поверхностно, в соответствии с однажды найденной и утвердившейся схемой. Суть этой схемы — придание доминирующего значения социально-экономическим и технико-технологическим факторам развития общества, которые якобы обеспечивают чуть ли не абсолютную независимость общества от различных природных условий.

Опасаясь принизить значение отношений собственности, советские обществоведы предпочитали рассматривать природу как несущественное обрамление социальных процессов. Эстафету умаления роли географического фактора в направленности и характере развития общества переняли современные «экономические детерминисты», которые тоже (лишь с обратным знаком) все свели к отношениям собственности.

Общество не только по своему происхождению *генетически связано с природой*: мы живем среди природы, получаем из нее необходимые для нашей жизнедеятельности вещество и энергию. Следовательно, *существует еще и структурная связь общества и природы*.

Можно выделить три основных вида естественных предпосылок существования и развития человека и общества: геофизические, биологические и демографические.

Геофизические предпосылки охватывают различные космические явления, такие, как солнечное тепло и свет, магнитная оболочка земли, а также явления земного порядка — всевозможные ландшафтные зоны, климатические и почвенные характеристики местности, залежи минералов, водоемы и т.п.

Биологические предпосылки включают поля и леса, луга и пастбища, многочисленный животный мир планеты. В своем единстве все это образует биосферу. Существенное значение для общества имеет то, что к ней принадлежит и человеческая популяция.

Демографические предпосылки затрагивают проблемы воспроизводства человеческого рода. Численность населения, его плотность, возрастная структура, динамика его изменения, характер миграции оказывают значительное влияние на состояние экономики, на темпы и пропорции всего общественного развития.

Отношение людей к среде обитания не является прямым. Оно опосредуется способом материального производства, уровнем развития науки и техники, типом общественных отношений и характером социальных потребностей. Взаимодействие общества и природы разворачивается в форме практической деятельности. Как люди используют ресурсы природы, что они могут получить от нее, во многом зависит от нашей культуры, от приобретенных знаний, от применяемых нами способов деятельности. Важное значение имеет нравственная сторона использования природных богатств. *Сугубо утилитарное потребительское отношение к природе опустошает и разрушает ее.* Опасность подобного взаимодействия человека и природы была глубоко осознана в философии русского космизма. Ее основоположник *Н. Федоров (1829—1903)* выдвинул *идею онтологического равенства человека и природы.* Он обосновывает их равную необходимость для развития общества.

С развитием культуры менялись исторические типы природопользования: присваивающее хозяйство, аграрный и индустриальный типы образуют последовательный ряд их зарождения.

Исторически первым стало *присваивающее хозяйство.* Его отличало непосредственное потребление людьми продуктов природы. Важнейшее значение данного типа состоит в том, что именно на его основе происходило выделение пралюдей из животного царства. Тому есть множество подтверждений. На заре своей истории человеку уже удалось обуздать стихию огня, поддерживая его и используя для обогрева и приготовления пищи. Наши далекие предшественники научились приспособлять естественные укрытия для жилья. Они собирали дикорастущие плоды, охотились и ловили рыбу. Шкуры животных служили им одеждой. Первобытные умельцы создают деревянные, каменные и костяные орудия для охоты, разделки туш животных и обработки шкур. Большим достижением стало приручение и одомашнивание некоторых видов животных. Могучим средством социализации первобытного человека с выходом из животного существования явился *язык.* Обозначая словами окружающие предметы, люди наделяли их смыслом, вовлекая в сферу собственной жизни. Происходило очеловечивание и освоение предметного мира. Лес, луг, болото, медведь, другие животные, как и сам человек, занимают посредством языка свое строго определенное место в сознании первобытного охотника и собирателя с выделенными в них свойствами, функциями и социальным назначением. Язык открыл замечательную возможность закреплять приобретенный опыт, ак-

кумулировать его, обмениваться им и наращивать его. Он позволял также консолидировать совместные действия людей, многократно умножая их социальную силу. Возникла перспектива потенциально бесконечного развития общества.

Вместе с тем появились новые риски и угрозы. Применение весьма эффективных орудий охоты привело к исчезновению многих крупных копытных, служивших основным источником пропитания. Разразился глубочайший антропологический кризис — население сократилось на один-два порядка.

Спасением стал переход к *аграрному типу природопользования*, совершенный в эпоху неолита (десять тысяч лет назад) и растянувшийся на две тысячи лет. Существенно возрастает обратное воздействие общества на природу. Хозяйство становится *производящим*. Земледелие и скотоводство оказываются его основными формами. Это позволило обеспечить население стабильным источником пропитания. В результате резко возросла численность населения. Там, где раньше могла прокормиться только одна семья охотников-собирателей, становится возможной жизнь нескольких десятков семей земледельцев или кочевников-скотоводов.

Новый способ взаимоотношений общества с природой, суть которого в ее преобразовании и производстве таким образом необходимых для жизни продуктов, вызвал радикальные перемены в важнейших сферах деятельности. Наблюдается бурное развитие ремесел, обслуживающих производство и потребление созданных продуктов. Происходят дифференциация и кооперация различных видов деятельности, усложняется социальная структура общества. Возникают первые протогосударства (Ур, Урук, Эриду, Лагаш, Умму) с весьма сложной системой управления обществом. Запасы природных ресурсов кажутся беспредельными в сравнении с потребностями людей. А природа признается способной в полной мере восстанавливать взятые у нее ресурсы. В производстве используются сила человека и животных, энергия воды и ветра.

В XVIII в. осуществляется переход к *индустриальному типу природопользования*. Одним из результатов индустриального типа природопользования стал *скачкообразный рост народонаселения*. В середине XIX в. на Земле проживал 1 млрд человек, а в начале XXI в. численность населения нашей планеты уже достигла 7 млрд. Это породило букет неведомых прошлой истории проблем: вопрос оптимальной численности населения, сбалансированность его половозрастного состава, а также рождаемости и смертности, пополнение производства квалифицированными трудовыми кадрами, процессы миграции и межкультурной коммуникации, обеспеченность материального производства сырьем, а населения продовольствием и др.

С середины прошлого века разворачивается научно-техническая революция, существенно интенсифицирующая процесс природопользования. Ее маркерами являются новые материалы, превосходящие по ряду свойств естественные, генетически модифицированные продукты, нанотехнологии, изменяющие на атомно-молекулярном уровне структуру и свойства вещества, автоматы, работающие в агрессивных средах и выполняющие тончайшие операции, космическая техника, телевидение, интернет, мобильная связь.

Научно-техническая революция превратила всю планету в поле деятельности человека. В результате антропогенного воздействия на огромных территориях изменился рельеф местности. Третья часть суши используется под поля, луга и пастбища. Люди создали колоссальные оросительные системы. Происходит бурный рост городов: два века назад в городах проживало лишь 3% населения, а сегодня в них уже сконцентрировано больше половины жителей планеты. Общество фактически преобразует природу. Оно создает вторую искусственную среду, или техносферу. Образование искусственной среды означает, что общество перешло *к неведомой прежде форме эволюции, которая совершается на основе механизма культуры.*

Вместе с тем нынешний способ природопользования порождает множество трудноразрешимых проблем. Есть ли предел росту потребления природных ресурсов? Специалисты убедительно доказывают, что мы к нему уже подошли. Выдержит ли биосфера антропогенное давление на нее? Факты свидетельствуют, что она деградирует: сокращается биоразнообразие, быстро уменьшаются лесной массив планеты и ареал обитания животных, слабеет их иммунная система, нарушается репродуктивная функция. Способен ли человек биологически и психически приспособиться к стремительно расширяющейся техносфере? Ведь он появился на Земле, когда условия жизни были совершенно иными.

Реалии XX—XXI вв., стремительное нарастание значимости экологических и демографических проблем для судеб человеческого сообщества, более глубокое уяснение идей философской классики по этим вопросам ведут нас к принципиальному изменению подхода к пониманию места и роли природных факторов в общественной жизни. Экологический императив, осознание естественных «пределов роста» и явной опасности экологической катастрофы буквально взламывают устоявшиеся представления о характере взаимосвязи природы и общества. Выяснилось, что природа — отнюдь не какая-то нейтральная среда, в пределах которой может «во всю горизонталь» гулять «прометеев» человек, стремясь подчинить ее своему произволу, а один из *базовых факторов социальной эволюции.*

Если говорить в целом о естественной среде, то следует отметить, что она существует в двух видах: как *внешние природные условия*, с которыми так или иначе взаимодействуют люди, и как *внутренние качества индивидов — генетический фонд популяции.* И в форме внешнего, и в форме вну-

треннего влияния природа может выступать как фактор, способствующий успешному развитию (теплый, мягкий климат, плодородные почвы, богатые ресурсы и т.д.), или как фактор, препятствующий и ограничивающий возможности прогрессивно-поступательных изменений (зона рискованного земледелия, ослабленный иммунитет у населения и т.д.).

Природное поле жизнедеятельности общества может быть модифицировано благодаря человеческой практике и расширено за счет «очеловеченной природы», состоящей из продуктов деятельности и артефактов культуры, технологий и образцов цивилизации (дома, фабрики, заводы, дороги, мосты и т.д.). Внутренняя природная среда (наследуемые биологические задатки) также может изменяться благодаря человеческим усилиям (тренировки, закаливания, умственные упражнения и т.д.). Однако воздействие человеческой практики на естественную среду далеко не всегда благотворно. Оно может быть крайне неблагоприятным и даже губительным как в отношении внешней природной среды (истощение ресурсов, экологические катастрофы, эрозия почвы и т.д.), так и в отношении внутренней природной среды (снижение выносливости, рост числа заболеваний, ослабление защитных сил организма и т.д.). Последнее означает, что и наследственная организация индивидов может деформироваться, подвергаться разрушительному воздействию в процессе роста и расширения масштабов человеческой деятельности.

Природное начало универсально: оно во всех направлениях пронизывает общественную жизнь. Поэтому не далек от истины современный философ В.С. Барулин, когда пишет, что «общество представляет собой не что иное, как определенное природное образование»¹, что оно в рамках бесконечной эволюции природного мира предстает как один из высших этапов эволюции природы. Другие авторы, подчеркивая значение природных начал в жизни общества, определяют последнее или как природно-социальный организм², или квалифицируют историю человечества как социоестественную³, или, пытаясь оттенить роль и значение природных факторов в развитии производительных сил общества, говорят о «природно-производственной основе»⁴ и т.д.

Говоря о глубокой укорененности природного как в индивидуально-личностном, так и в общественном бытии людей, следует различать понятия «природа» и «географическая среда общества». **Природа** — это все существующее, весь мир в бесконечном многообразии его форм. Данное по-

¹ Барулин, В.С. Социальная философия / В.С. Барулин. М., 1999. С. 370.

² Соколов, С.В. Социальная философия / С.В. Соколов. М., 2003. С. 96.

³ Губозов, Н.А. Природа и общество / Н.А. Губозов // Социальная философия. М., 2003. С. 50.

⁴ Гринин, Л.Е. Философия, социология и теория истории / Л.Е. Гринин. Волгоград, 2000. С. 128.

нятие употребляется в одном ряду с понятиями «универсум», «вселенная». **Географическая среда** — это только земная природа, включенная в сферу человеческой деятельности и образующая необходимое условие существования общества, та часть природы, с которой общество непосредственно контактирует на данном историческом этапе. Географическая среда, таким образом, представляет единство природного и социального. Для обозначения сферы взаимодействия природы и общества применяются различные термины — «антропосфера», «социосфера», «техносфера». Если взять природу в целом, в ее постоянстве и практически малозаметной изменчивости в сравнении с быстротекущей общественной жизнью, то ее влияние на социальные процессы действительно может показаться весьма ограниченным. Именно по причине достаточно медленного по человеческим меркам изменения природных факторов социального бытия ученые, которые занимались изучением общественной жизни, не очень интересовались людьми как естественной составляющей биосферы. В результате этого целый пласт важнейших проблем выпал из поля зрения общественных наук.

Но если посмотреть на природу как на совокупность географических (природно-климатических) условий, в рамках которых функционирует и развивается общество, т.е. природу в узком значении слова, то тут открывается совершенно иная картина. Мы видим, что эти условия выступают таким фактором, который не только может ускорять или замедлять динамику социальных изменений (в недалеком прошлом к этому обычно и сводилась роль природных факторов), но и придавать специфическую, неповторимую направленность в развитии социальных организмов, определять типы хозяйствования, уклад и образ жизни народов.

Можно утверждать, что в становлении и развитии локальных цивилизаций, в формировании их неповторимого облика и специфических черт естественная среда обитания сыграла ничуть не меньшую роль, чем различного рода социокультурные факторы (в частности, религия). Именно особенности естественной среды и тип религии, которую выбирали те или иные народы, в наибольшей степени обусловили цивилизационное многообразие человечества.

Вместе с тем следует отметить, что ряд исследователей с удивительным упорством исключают природные факторы из числа движущих сил социальной эволюции. Все они исходят из ложной, методологически ошибочной предпосылки о том, что социальное можно объяснить только через социальное и никак иначе. Такой подход в первую очередь характерен для всей дюркгеймовской традиции и ортодоксальных марксистов. Стремление объяснить социальное только через социальное, исключая все естественное, природное, биологическое, чрезвычайно сужает и ограничивает возможности адекватной теоретической интерпретации жизнедеятельности общества, выступает причиной односторонних точек зрения и концепций.

Часто говорят, что развитие науки и техники ведет ко все большей независимости человеческих сообществ от их непосредственных географических условий, что в сходных природно-климатических условиях у народов бывает весьма разный общественный строй и, наоборот, одинаковый строй может иметь место при весьма различных условиях. Акцентируется внимание на том, что без качественных революций в способах производства не может осуществиться переход к новой общественно-экономической формации, что смена этих формаций не может быть объяснена влиянием географической среды хотя бы потому, что она происходит гораздо быстрее, чем изменение в географической среде, и т.д.

Такие аргументы не убедительны. Если с ними согласиться, то надо признать, что становление капиталистического способа производства (точнее сказать, индустриального общества) именно в Западной Европе является результатом каких-то специфических способностей населения этого географического региона, т.е. результатом особых расовых характеристик западноевропейцев (кстати сказать, многие исследователи так считали раньше и продолжают считать теперь). В действительности исходная, базовая причина кроется не в каких-то уникальных расовых характеристиках западноевропейских народов, а в природно-климатических условиях того региона, который они заселили.

Если обратиться к древнейшей истории человечества, то можно определенно утверждать, что неолитическая революция, положившая начало производящей экономике, осуществлялась прежде всего в силу *климатических изменений*, связанных с окончанием ледникового периода при переходе от плейстоцена к голоцену. Географическая среда в этом процессе имела исходное формообразующее значение. Глобальные изменения климата явились важнейшими движущими причинами перехода человечества от присваивающего хозяйства к производящему. Вообще спонтанные изменения естественной среды обитания (климата, уровня моря, тектонической активности и т.д.) практически неизбежно вели, ведут и будут вести (разумеется, там, где эти изменения имеют место) к изменениям существенных социологических характеристик человеческих обществ. Только глобальные изменения климата, приведшие к быстрому исчезновению крупных млекопитающих — основы рациона питания верхнепалеолитического населения, — вызвавшие мучительное вымирание большей части этого населения, и могли стать мощным стимулом для вынужденного поиска альтернативных источников пищи. В ряде областей, примерно совпадающих с вавилонскими очагами доместикации, в качестве одного из альтернативных путей эволюции совершенствовался сбор злаков, были изобретены зернотерки, серпы и т.п., т.е. закладывались предпосылки для перехода к земледелию со всеми вытекающими отсюда социальными и культурными последствиями.

Причины размежевания земледельческо-животноводческих и животноводческо-земледельческих линий социокультурной эволюции также коренятся в *географических условиях*. Животноводческо-земледельческая линия развития, достигшая полноты своего раскрытия в обществах кочевников-скотоводов, утвердилась исключительно в специфических природных условиях, а именно в зоне Евразийских степей и полупустынь Аравии и Сахары. Общепризнанно, что в зависимости от различных природно-климатических зон возникали и развивались существенно различающиеся хозяйственные типы и уклады. Назовем основные из них: 1) самый архаичный тип представлен охотниками и собирателями тропических лесов; 2) охотники северной лесной зоны, уровень хозяйственной организации которых соответствует эпохе неолита — патриархально-родовая организация; 3) морские охотники Арктики, находящиеся на стадии распада родового строя; 4) оленеводческий тип хозяйства, для которого характерны зачатки социальной классовой дифференциации; 5) степное кочевое скотоводство, характерное для степных регионов; 6) ручное палочко-мотыжное земледелие; 7) плужное земледелие, которое возникло примерно между 15° и 40° северной широты в V—III тысячелетиях до нашей эры.

Именно в последнем регионе появились древнейшие цивилизации: Месопотамия, Египет, Иран, Северная Индия, Китай. По климату, рельефу местности, свойствам почвы этот регион был на редкость благоприятен для земледелия. Развитию земледелия способствовало расположение в долинах мощных рек, разливы которых несут плодородный ил: в Месопотамии — Тигра и Евфрата, в Египте — Нила, в Северной Индии — Инда и Ганга, в Китае — Хуанхэ и Янцзы. Недра региона отличались богатством полезных ископаемых (в частности, металлами). Социальному развитию содействовали удобные естественные пути сообщения. Наконец, все эти древнейшие цивилизации являлись в большей или меньшей мере изолированными и защищенными природными условиями географических областей, естественные границы которых очерчивались морями, горными массивами, девственными лесами и безлюдными пустынями.

Зерновое земледелие (пшеница, рис, просо и т.д.) вывело человечество на цивилизационный уровень развития, основанный не на приспособлении к окружающей среде, а на ее преобразовании. Интересно то, что развитие земледельческой цивилизации пошло двумя, явно отличными друг от друга путями: восточным и западным. Здесь перед нами возникает вопрос фундаментальной важности: почему?

Исследователи полагают, что различие в системе экономических отношений на Востоке и Западе связано прежде всего с ролью государства. Является государство субъектом собственности или не является, возникают или не возникают в обществе отношения «власть — собственность» — это обстоятельство имеет основополагающее значение; оно выражает суть дела

при объяснении причин типологического различия Востока и Запада. Почему на Востоке (Шумер, Египет, Китай и т.д.) складывается социокультурная система, в пределах которой отдельный человек (семья, домохозяйство) лишается автономии самообеспечения по отношению к отчуждаемой от общества власти, а ее носители выполняют не только административно-политические, но и собственнические (прежде всего по отношению к земле, воде и прочим природным ресурсам) и организационно-хозяйственные функции, а на Западе наоборот: получают развитие автономия личности и гражданское общество? Почему, далее, в восточных странах верх берет коллективизм, а в западных странах — индивидуализм, два различных типа мировоззрения и человеческого поведения? Почему на Востоке стал культивироваться тип коллективности, ставящей интересы коллектива выше интересов индивида и соответственно появились в массовом количестве люди служивые — воины, пахари и властители, а на Западе возникли индивидуалистические общества?

И в этом случае придется признать исходным природно-климатический фактор. Древнейшие восточные цивилизации (деспотии) возникли и получили свое развитие в долинах великих рек. Это обстоятельство обусловило необходимость коллективного труда больших, многотысячных масс людей для выполнения жизненно важных ирригационно-мелиоративных работ, террасирования горных склонов и т.д. Сама специфика организации труда в бассейнах великих рек не могла не вести к формированию жесткой централизованной власти, к государству, тотально доминирующему над обществом, организующему и контролирующему все основные сферы его жизнедеятельности. Этим объясняется также то, что у восточных народов утвердилась не частная, а общественно-государственная собственность. Следует отметить, что речные цивилизации, или, как их иногда называют, гидроцивилизации, в которых утвердился «азиатский способ производства» (К. Маркс), оказались чрезвычайно устойчивыми, способными в большинстве случаев преодолевать собственными силами периодически возникающие кризисные состояния. Благодаря хорошо организованной, один раз возникшей системе ирригации, кардинальная перестройка которой всегда была сопряжена с большим риском, более или менее стабильному характеру урожаев, а также множеству других причин социокультурного (прежде всего религиозного) характера эти древнейшие цивилизации не имели жестких стимулов к улучшению приемов земледелия и в целом к модернизационной стратегии развития. Они оказались необычайно консервативными, оставаясь в течение длительного времени почти неизменными. Настоящей опасностью для них явился только вызов со стороны буржуазно-индустриального Запада.

Намного больше труда и инициативы требовали от земледельца природные условия в древней Европе, в частности на Балканском и Аппенинском полуостровах, где в дальнейшем сложилась культура Греции и Ита-

лии — основных стран античного мира, ставших новой ступенью в истории развития человечества. В отличие от неподвижного Востока, где люди по необходимости были жестко привязаны к плодородным речным долинам, требовавшим ежегодного воспроизводства однажды освоенных жизненных циклов, граждане маленьких независимых городов-полисов греческого Запада, как, впрочем, и их северные соседи-кельты, германцы и др., вынуждены были находиться в непрерывном поиске, путешествовать, торговать, мигрировать, создавать или осваивать что-то новое.

В отличие от Востока основой социокультурной системы Запада стала принципиальная (хотя и выступающая в разных исторических формах) автономия семейных хозяйств, обусловившая формирование социально-экономической самостоятельности хозяина-собственника. Взаимодействие этих самостоятельных в социально-экономическом отношении собственников, осуществляемое по преимуществу на уровне горизонтальных связей, и обусловило уникальность западноевропейского социокультурного типа. Причем главной особенностью, отличающей западноевропейскую цивилизацию от всех других, явилась надстроечная роль государства по отношению к хозяйствующим субъектам, обладающим полноправным гражданским статусом. Государство в этом случае было призвано работать на обеспечение интересов сообщества хозяев-собственников. В противоположность Востоку оно не стало, если, конечно, не считать отдельных исключений фактического установления диктатуры над обществом (Римская империя, фашистская Италия, нацистская Германия), стержнем и системообразующей основой жизнедеятельности западноевропейских социумов. Благодаря этому гражданам западноевропейских обществ удавалось в значительной степени избегать прямого и непосредственного вмешательства государства в их частную жизнь.

Опять же, если мы поставим вопрос об исходных, базовых причинах формирования столь непохожего, можно сказать, абсолютно уникального типа общества, то и здесь придется в указать на географические (природно-климатические особенности Западной Европы). Исторически подобный тип общества мог сформироваться только там, «где еще на первобытном уровне было возможно ведение хозяйства силами отдельной семьи»¹. Общество данного типа могло получить развитие лишь в том регионе, где не было необходимости создания таких социокультурных систем, которые жестко подчинили бы домохозяйства надобщинным, а в перспективе — раннегосударственным институтам. «Наилучшие условия для реализации такой возможности были в древней Европе»². Западное общество стало ко-

¹ Павленко, Ю.В. Происхождение цивилизации: альтернативные пути / Ю.В. Павленко // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000. С. 122.

² Там же.

лыбелю индустриальной цивилизации благодаря прежде всего специфике тех условий, в которых шел распад родовой общины и первичное классовообразование в Средиземноморье. Все дело в том, что в Греции, в ряде областей Передней Азии, в береговой части Италии и Адриатического бассейна ведение хозяйства не требовало серьезных скоординированных усилий. «Именно это обстоятельство «спасло» Европу от деспотической формы правления (в отличие от Востока, где необходимость ирригационного земледелия и отражения нашествий кочевых племен требовала мобилизации огромных масс людей), именно благодаря ему у ее населения выработались те *религиозные, ценностные и политические* ориентации, которые через сотни лет в полной мере смогли реализоваться в постиндустриальных странах»¹.

Уникальная природная среда западноевропейского региона и предопределила в существенной степени судьбу населяющих его народов. Разумеется, были и другие факторы, обусловившие специфику западноевропейского пути развития, но исходным выступил именно природно-климатический фактор.

Частнособственнический тип хозяйствования, получивший в силу природно-климатических причин успешное развитие, а также пробившие себе дорогу в жизнь еще в античной Греции принципы рационализма закономерно привели к утверждению в Западной Европе в период Нового времени фабричного производства, буржуазных отношений и парламентаризма, утилитаризма и меркантилизма и вообще всего того, что рельефно отличает Запад от других цивилизаций.

Взглянем на карту мира, и мы увидим, что для того, чтобы тому или иному народу стать процветающим и могущественным в Северном полушарии, необходимо было жить на прибрежных равнинах между 30 и 45 параллелями. Именно в этом поясе возникли великие цивилизации прошлого в Европе и Африке, Азии и Америке.

Разумеется, степень влияния различных природных факторов на социальную динамику в различные исторические эпохи и в различных регионах мира не одинакова. Но, как свидетельствуют факты, ослабление зависимости в одном отношении неизбежно сопровождается усилением зависимости общества от условий естественной среды в другом отношении.

Известно, что возможность расширенного воспроизводства любой популяции, оказавшейся в благоприятных условиях, является универсальным свойством живого. Это в полной мере относится и к человеческим сообществам. Однако большую часть времени существования общества проявление этого фактора определялось действием своеобразного «экологического маятника»: при росте числа населения сокращается несущая способность

¹ *Иноземцев, В.Л.* Глобальный конфликт XXI в. Размышления об истоках и перспективах междоцивилизационных противоречий / В.Л. Иноземцев, Е.С. Кузнецова // Полис. 2001. № 6. С. 132.

земли, возникают заболевания и т.д., что в конечном счете приводит к сравнительно быстрому вымиранию значительной части популяции. Действие этого маятника практически определяло демографическую динамику всех донеолитических сообществ людей.

Свершившийся переход от охоты и собирательства к производящему хозяйству кардинально изменил роль и значение демографического фактора, поскольку на два-три порядка повысил несущую способность земли. А.В. Коротаев пишет, что, «по всей видимости, в течение нескольких тысячелетий неолитической революции и периода, непосредственно за ней следующего, именно демографический фактор выступал в качестве основной движущей силы социального развития»¹.

Репродуктивный рост, многочисленное потомство были на протяжении большей части существования человечества одним из важнейших показателей жизненного успеха людей (вспомним древнее пожелание: «Чтобы нивы ваши и жены ваши были плодородны»). Естественно, что качество и уровень жизни постоянно увеличивающегося числа населения в том или ином регионе планеты не могли возрастать без разного рода инноваций, повышающих производительность труда. И вот на этом, казалось бы, весьма прогрессивном, пути развития демографический фактор весьма часто ставил людям коварные ловушки. Обычно получалось так, что дополнительные ресурсы, полученные в результате успешной инновации или даже целой серии таких инноваций, довольно быстро потреблялись (съедались) возросшей массой человеческой популяции. В результате качество и уровень жизни большинства населения возвращались к исходному уровню или даже становились ниже.

Возрастающая плотность населения рано или поздно приводит к ухудшению обеспеченности большинства народа землей. Людям приходится обрабатывать все менее и менее плодородные участки, сокращать срок перелога, вкладывать все большее количество труда в восстановление плодородия почвы, получая все меньшую отдачу от своих дополнительных затрат. Например, с середины XI до XIX в. валовой внутренний продукт Китая вырос в несколько раз, но еще в большей степени выросло население, вследствие чего доход на одного человека сократился примерно на 25%². И это при том, что средняя продолжительность рабочего дня увеличилась. В итоге люди, работая больше, получали меньше жизненных благ, опускались на более низкий уровень жизни. И такого рода ситуация типична для всех доиндустриальных обществ.

¹ Коротаев, А.В. Социальная эволюция. Факторы, закономерности, тенденции /А.В. Коротаев. М., 2003. С. 15.

² Мельянецов, В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность / В.А. Мельянецов. М.,1996. С.61.

Важно иметь в виду, что существует устойчивая связь демографии, экономики и форм власти. Демографический фактор определенно влияет на изменение структуры общества, его социальную стратификацию. А структурные изменения общества детерминируют иную логику его развития и тем самым весьма существенно влияют на исторический процесс в целом. В сущности, наряду с вмещающим пространством (характеристиками естественной среды обитания и их изменениями) динамика демографических процессов является исходной, ключевой в становлении и развитии цивилизаций как специфических социокультурных образований.

В течение длительного исторического времени демографический фактор выступал не просто одной из наиболее значимых движущих сил социокультурной эволюции вообще, но эволюции по восходящей линии, роста уровня организации социумов, их внутренней дифференциации, способности этносов к инновациям, к адекватным ответам на вызовы среды. Демографический фактор оказывал также определенное воздействие и на духовные процессы, выступал импульсом к формированию новых идеологий и мировоззренческих ориентиров.

На приспособленных территориях для развертывания эффективной хозяйственной деятельности население увеличивалось быстрее, людям приходилось жить все теснее, возрастала взаимозависимость. Данное обстоятельство неизбежно вело к ускорению перемен, к появлению новых форм отношений между людьми и в целом к усложнению жизни. Там, где земля была плодороднее, а жизненное пространство меньше, процесс всевозможных новаций и изменений шел быстрее. Все это требовало новых норм и правил поведения и соответственно новых форм контроля за их соблюдением.

В настоящее время демографический фактор продолжает оставаться существенной движущей силой социальной эволюции человечества, хотя при этом его роль не всегда бывает исключительно конструктивной. Причем давление демографических процессов на жизнь современных социумов принципиально различается в многочисленных государствах третьего мира и развитых странах Западной Европы, Японии и Северной Америки. В наиболее развитых странах этот фактор начиная со второй половины XIX в. стал постепенно утрачивать свою значимость, уходить на периферию в сравнении с такими движущими силами социальной эволюции, как «механизм развертывания потребностей», «исследовательская активность»¹ и другие источники современного общественного развития.

Правда, необходимо иметь в виду, что процесс утери демографическим фактором своей значимости в современных развитых странах будет, как представляется, продолжаться до определенной критической точки, за ко-

¹ *Коротаев, А.В.* Социальная эволюция. Факторы, закономерности, тенденции / А.В. Коротаев. М., 2003. С. 41.

торой он может стать (и похоже, уже становится) *решающим для судьбы наиболее богатых и пока еще процветающих государств*. Здесь прежде всего следует указать на практически необратимый процесс наплыва в Западную Европу и Северную Америку иммигрантов из стран третьего мира. В случае еще большего демографического роста в иммигрантских группах населения (а именно это сейчас и происходит) в сравнении с титульными нациями (коренным населением) может произойти не только изменение самого субъекта социально-исторического процесса в результате возросшего числа людей, принадлежащих к иной культуре, но и трансформация всей, традиционной для той или иной страны, ценностно-нормативной системы общества. В тот момент, когда инкорпорированная этническая группа по численности превзойдет доминирующий этнос, станет возможной смена социокультурных детерминант страны в целом или ее конкретной территории, где эти процессы имеют ярко выраженный характер. Так, усиление афро-мусульманской или латиноамериканской цивилизационной доминанты может существенным образом изменить систему структурирования социума, приоритетов внутренней и внешней политики, повлиять на расклад сил межцивилизационного взаимодействия в глобальном масштабе, вызвать непредсказуемые социально-политические метаморфозы, привести к утере многими развитыми государствами собственной качественной определенности, своей идентичности.

Таким образом, и современная действительность наглядно демонстрирует роль и место в социально-историческом процессе демографического фактора. Неслучайно большинство современных исследователей рассматривают его в качестве важнейшей движущей силы социокультурной эволюции. Единственное исключение здесь составляет, пожалуй, марксизм как в своей классической, так и в догматической версии. Отдельные высказывания о значимости демографического фактора можно найти в работах Ф. Энгельса¹. Последнее, однако, не меняло общей картины.

3.2. Социально-экологическая стратегия природопользования

Среда обитания людей является процессом и результатом взаимодействия общества и природы, завершающихся созданием необходимых условий для жизни человека и общества. Она представляет особую гиперсистему, структурными уровнями которой выступают природа и общество. Интегральными элементами этого суперсложного образования являются эволюционное развитие природы и вектор человеческой деятельности, направленный на ее преобразование.

¹ *Маркс, К. Сочинения: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. Т. 20. С. 184.*

Начало такому пониманию взаимодействия общества и природы было положено *В.И. Вернадским* (1868—1945) в книге «Биосфера» (1926 г.). Понятие «биосфера» имеет многозначную трактовку, однако оно наиболее часто употребляется для обозначения особой оболочки Земли, в состав которой входят живые организмы и среда их обитания. Границы распространения жизни простираются в пределах литосферы на 10 км, атмосферы — на 30 и гидросферы до нижних слоев океана — на 13 км.

Основополагающей идеей учения о биосфере Вернадского явилось обоснование теснейшей взаимосвязи неорганической и органической природы. Он раскрыл исключительную значимость постоянно идущего процесса синтеза и разрушения органического вещества на земной поверхности и показал, что все остальные явления биосферы связаны с этими процессами и определяются ими. В результате синтеза образуются сложные, богатые энергией, органические соединения, которые в процессе разложения распадаются на исходные минеральные соединения, что сопровождается высвобождением большого количества энергии.

При этом сами обменные процессы, протекающие между живой и неживой природой, характеризуются исключительной интенсивностью и масштабностью. Живые организмы оказали и оказывают существенное влияние на состав атмосферы, гидросферы и литосферы, на перераспределение химических элементов, создание почв, образование минеральных соединений и другие процессы земной поверхности. В результате аккумуляции солнечной энергии зелеными растениями на протяжении длительной геологической истории происходило образование полезных ископаемых — каменного угля, нефти, торфа, горячих сланцев, сапропелей, почвенного гумуса.

В формировании и развитии биосферы исключительно велика роль бактерий и низших водорослей, способствующих разрушению горных пород, накоплению в тех или иных регионах химических соединений. Живое вещество оказывает существенное влияние на все основные характеристики биосферы и, по словам В.И. Вернадского, охватывает и перестраивает все химические процессы биосферы, представляя собой мощную геологическую силу, растущую с ходом времени¹.

Все основные биогеохимические функции обеспечивают поддержание динамического равновесия в биосфере за счет сохранения постоянства химического состава атмосферы и гидросферы, направленности геологических процессов, относительного постоянства климатических условий, образования биохимических продуктов в ходе эволюционного процесса.

¹ См. *Вернадский, В.И.* Химическое строение биосферы Земли и ее окружение / В.И. Вернадский. М., 1965. С. 127.

В свете этих представлений живое вещество, преобразующее все процессы земной поверхности, носит поистине глобальный характер и вполне сопоставимо с геологическими факторами, а нередко и превосходит их. Оно предстает как важная часть целостной системы, отражающая качественно новое состояние земной поверхности.

Современные представления о влиянии живого вещества на формирование биосферы, об условиях и неравномерности распространения жизни, о вещественно-энергетическом составе биосферы легли в основу понимания биосферы как многокомпонентной целостной системы, обладающей высоким потенциалом самоорганизации и способностью к эволюционным изменениям. Биосфера, таким образом, является результатом исторического взаимодействия неживого и живого вещества, которые появились на определенном уровне развития природы. Их возникновение означало появление нового, более высокого уровня самоорганизации природы. Активная, преобразующая роль живого вещества привела к возникновению нового типа динамической устойчивости, обеспечившего ускорение эволюционного развития природы.

Следующей ступенью эволюции природы стало появление человека, наделенного разумом, и формирование на этой основе ноосферы — сферы разума. Понятие «ноосфера» используется в целом ряде эволюционных концепций для обозначения разума как особого природного явления. В 1927 г. его впервые использовал французский философ Э. Леруа. Новым смыслом оно наполнилось в учениях П. Тейяра де Шардена и В.И. Вернадского. Данное понятие является базовым для построения ноосферных концепций, основополагающая идея которых состоит в признании того, что разум возникает в результате непрерывного развития материального мира и постепенно становится ведущим фактором этого развития. Разум человека рефлексивен, благодаря чему человек не просто преобразует природу в соответствии со своими потребностями — он осознает результаты своей деятельности, результаты материального воплощения своих проектов. Именно поэтому Тейяр де Шарден, считал личность наименьшей структурной единицей ноосферы, формирование которой происходит значительно позже появления человека. Тейяр де Шарден начальной точкой ее формирования признавал неолитическую революцию, а В.И. Вернадский — начало XX в., когда уже не осталось территорий, не освоенных человеком.

В понятии ноосферы содержится идея материального единства мира. Человеческий разум рассматривается здесь не просто как результат природной эволюции, но как сама эволюция, представленная в другой форме. Это означает, что современное состояние природы определяется состоянием разума.

В ходе эволюции живой природы биосфера превращается в ноосферу как общая закономерность мегацикла развития жизни. Ноосфера представляет собой высший этап развития природы, результат совместной эволюции общества и природы, направляемой человеческим разумом. В условиях превращения человеческой деятельности в глобальную геологическую силу именно разум должен обеспечить стабилизацию условий жизни на планете. Достижение этой цели возможно при условии совместной, взаимосвязанной эволюции общества и биосферы, представляющей суть коэволюционной стратегии. Термин «коэволюция» в широком смысле означает сотрудничество, согласование, взаимозависимое или сбалансированное, сопряженное развитие. Его широкое распространение связано с представлением о том, что эволюционирующие системы неживой, живой, социальной и искусственной природы образуют новую сложную и противоречивую целостность, в которой они взаимозаменяются, трансформируются, сосуществуют, взаимозависимо развиваются и благодаря этому способны сохранить свою автономию и возможность воспроизводства. Иными словами, коэволюция выступает как механизм, обеспечивающий возникновение нового качества в становлении самоорганизации систем, их кооперирования в более общую целостность.

Господствующая до сих пор установка на покорение природы в условиях мощного антропогенного пресса должна уступить место ее сохранению, поскольку уже сегодня человечество столкнулось с явлениями кризисного характера, угрожающими его существованию. В этих условиях необходимо формирование нового мировоззрения, основанного на понимании мира, космоса и человека как единой органической целостности, где все подсистемы взаимосвязаны между собой и зависят друг от друга. Новое мышление рассматривает человечество как закономерную ступень развития космической эволюции.

Вместе с тем эти основополагающие установки современного мировоззрения всецело игнорировались в ходе исторического развития общества. Антропоцентристская ориентация, основанная на признании самоценности человека в природе, закреплённая в сфере различных форм общественного сознания, послужила определяющей причиной остроты современной экологической ситуации. Глобальный экологический кризис, затронувший практически все страны мирового сообщества, неизбежно ставит вопрос о выживании человечества, поскольку необратимые изменения окружающей среды в течение сравнительно короткого времени неизбежно приведут к условиям, в которых станет невозможным процесс адаптации человека и его выживания.

Новое видение биосферы основано на представлениях о взаимозависимости всех ее компонентов как единого целого и прежде всего взаимозависимости большого и малого биологических круговоротов, обусловив-

ших формирование биосферы как целостной системы, поддерживающей себя в устойчивом состоянии. Осознание тесной взаимозависимости процессов, протекающих в биосфере, определяет стратегические направления природопользования. До недавнего времени экономическая оценка природных ресурсов производилась на основе затрат на их добычу и переработку. В настоящее время важно учитывать и экологический ущерб для экосистемы в целом с целью сохранения пригодной для обитания среды. В контексте рационального природопользования крайне важно добиваться того, чтобы количественные показатели в использовании природных ресурсов не опережали темпы их восстановления. Иными словами, коэффициент использования ресурсов не должен превышать коэффициент их восстановления, поскольку объемы потребления многих жизненно-важных ресурсов уже превысили физически допустимые нормы. И если не будут приняты меры по существенному сокращению потребления ресурсов, то в ближайшее время произойдет спад производства промышленных и сельскохозяйственных товаров со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Для предотвращения такого рода негативных последствий необходимо резкое повышение эффективности использования материальных и энергетических ресурсов, поскольку существующие способы их переработки и использования малоэффективны и сопровождаются многочисленными отходами. В связи с этим разработка экологобезопасных технологий по уменьшению отходов производства является важнейшим стратегическим направлением современного природопользования. Предотвращение негативных тенденций сложившегося сугубо потребительского вектора развития цивилизации возможно на пути переориентации экономического развития с чисто количественных показателей производства товаров широкого потребления на повышение производительности в использовании ресурсов. Как показывают расчеты, проделанные на основании современных методов, в настоящее время вполне реальным является повышение производительности ресурсов в четыре раза.

Особое значение имеют исследования в области биотехнологии и генетической инженерии, позволяющие использовать преимущества эволюции живой природы и технического творчества. Те совершенные регуляторные системы, которые приобрели живые организмы в ходе длительной биологической эволюции, становятся объектом внимания конструкторов технических устройств и переносятся в сферу технического знания. На этом пути достигнуты существенные результаты в области авиастроения, при строительстве подводных лодок, создании различного рода приборов предсказания сейсмических колебаний, шторма и др. В настоящее время в сфере технического творчества предстоит много сделать для создания технических устройств по принципиальной схеме эволюционного процесса. Осо-

бую значимость имеют знания в области экономного использования вещественных и энергетических ресурсов. Например, коэффициент полезного действия двигателей внутреннего сгорания не превышает 20%, в то время как на уровне воспроизведения жизни (на уровне полового процесса) он достигает 80%.

Во многих случаях миниатюризация технических устройств происходит преимущественно на основе замены традиционных материалов искусственно созданными на биохимической основе.

Важную роль в определении путей рационального природопользования играет разработка энергосберегающих технологий, поскольку в настоящее время весьма значительны потери энергии при ее трансформации и передаче на значительные расстояния. Наряду с этим поиск альтернативных источников энергии (ветра, воды, солнечной энергии, энергии приливов, получение энергии из биомассы и многое другое) — весьма важная задача современной науки, поскольку технические и экономические возможности для достижения данных целей вполне реальны. Однако этому мешают мировоззренческие, политические и психологические стереотипы мышления, поскольку укоренившиеся представления о чисто количественных показателях экономического развития всегда служили стимулом экономического процветания, личного обогащения, повышения уровня материального потребления, карьерного роста и т.д., что предопределило в целом успехи промышленной цивилизации. Эти успехи были достигнуты благодаря завоеваниям научно-технического прогресса, который всецело был ориентирован на достижение конкретных результатов в научной деятельности без учета их экологических последствий. Такого рода прагматическая установка, сохранившаяся до сих пор, должна уступить место формированию мировоззренческих установок, ориентированных на сохранение пригодной для обитания среды. Решение подобной задачи возможно при условии сохранения качественных характеристик биосферы, определяемых закономерностями эволюционного процесса. Важную роль в этом плане играет соблюдение требований экологического императива, определяющего границы антропогенного воздействия на природные экосистемы. Социально-экономическое развитие должно быть ориентировано на разработку таких технологий и методов производства, которые бы не превышали предельные параметры экосистем, обеспечивающие их функционирование. Задачей сельскохозяйственного производства является создание таких экосистем, которые бы обладали достаточной продуктивностью при сохранении их стабильности и устойчивости. Именно поэтому новая стратегия во взаимодействии общества и природы предполагает их взаимосогласованное развитие на основе коэволюционной стратегии, которая задает новые направления для организации научного знания, определяющие пути дальнейшего социально-экономического

развития. Формирование коэволюционной стратегии предполагает синтез естественнонаучных и гуманитарных дисциплин на основе утверждения особого — рефлексивного отношения человека к самому себе и к природе. До сих пор этика, как правило, была ориентирована на изучение критической оценки ценностей, а также отношений людей. В настоящее время большое значение имеют систематизация и критическая оценка ценностей и взаимоотношений людей и природного окружения. Эти теоретические положения получают обоснование в концепции сохранения биологического разнообразия, основная идея которой сводится к пониманию того, что сохранение сложившегося разнообразия видов является и сохранением биосферы в целом.

С выбором новых путей социально-экономического развития связано изменение шкалы сложившихся человеческих потребностей, которое до сих пор преимущественно связывалось с удовлетворением материальных и духовных потребностей и не учитывало потребности в чистом воздухе, воде, пище и т.д., определяющих нормальную жизнедеятельность людей. Экологические потребности — это потребности, связанные с поддержанием качественных параметров окружающей среды, сложившихся в ходе длительной биологической эволюции, с сохранением жизненнопригодной среды обитания человека.

Поддержание качества окружающей среды в значительной мере зависит от знания основных закономерностей эволюции живой природы, поскольку адаптация человека к изменениям среды обитания происходила в ходе длительного исторического развития. Высокие уровни загрязнения, а также интенсивное потребление природных ресурсов во многих случаях привели к нарушению механизмов саморегуляции природных экосистем, резкому нарушению сложившегося равновесия и утрате качества среды обитания. На протяжении длительной биологической эволюции биосфера самовосстанавливала различного рода повреждения, в то время как изменения в окружающей среде под влиянием антропогенной деятельности приводят к односторонним изменениям, ускоряющим темпы и скорость эволюционного процесса. Резкое изменение параметров окружающей среды вследствие нарастающего загрязнения, синтеза новых химических соединений, не встречающихся в природе, коснулось прежде всего низших форм жизни, что привело к нарушению взаимного приспособления высших и низших организмов. По этой причине происходит нарастание различного рода инфекционных заболеваний (болезни крупного рогатого скота, птичий грипп, кишечная палочка и многое другое), представляющих угрозу и для человека. Все это порождает необходимость согласования социально-экономического развития с законами биосферы в контексте требований экологического императива. Экологический императив как совокупность условий, не допускающих выхода системы

за пределы нормального функционирования, за пределы резкого нарушения экологического равновесия, накладывает определенные ограничения на масштабы человеческой деятельности в природных экосистемах.

Известно, что степень устойчивости экосистемы зависит от наличия биологического разнообразия, определяющего параметры нормального ее функционирования. Чем выше степень биологического разнообразия, тем выше степень устойчивости системы. В случае утраты биологического разнообразия упрощается структура экосистемы и снижается ее устойчивость. При этом региональные особенности экосистем существенно влияют на их возможности противостоять возмущающим воздействиям, в том числе и антропогенным. Так, самоочистка реки в условиях Крайнего Севера достигается на расстоянии 2000—3000 км, в то время как в условиях умеренного пояса данный показатель составляет 200—300 км. Знание этих особенностей подсказывает стратегию экологической политики для разных регионов по степени антропогенной нагрузки на экосистемы.

Изучение стабильности биосферы — ключевая проблема современной науки, от эффективного решения которой зависит дальнейшая судьба цивилизации. По резонному замечанию Н.Н. Моисеева, достижение коэволюции человека и биосферы означает такое развитие человечества, которое не разрушает стабильности биосферы, ее гомеостаза, сохраняет для него необходимый эволюционный канал.

Как биологический вид человек до сравнительно недавнего времени подчинялся законам биосферы, был не в состоянии оказать большое влияние на существующее в природе экологическое равновесие, жил в условиях коэволюции с биосферой. Однако достижения научно-технического прогресса, ориентированные на повышение уровня жизни людей, негативно сказались на протекании эволюционных процессов, привели к утрате качественных параметров окружающей среды. Преодоление этих негативных последствий человеческой деятельности возможно при условии ее ограничения с целью сохранения основных характеристик биосферы, сложившихся в ходе длительной биологической эволюции.

Биосфера как сверхсложная динамическая система, представленная ключевым многообразием составляющих ее компонентов, в ходе длительного геологического времени эволюционировала в направлении повышения (возрастания) своих гомеостатических свойств за счет возникновения все новых и новых видов. Это приводило к преобразованию структуры биосферы и ее основных функций.

Наличие необходимого видового разнообразия обеспечивает защитные функции биосферы от различного рода повреждений, определяет ее «помехоустойчивость» и сохранение жизни, несмотря на резкие изменения климатических условий в течение геологического времени. По этой причи-

не сохранение биологического разнообразия — одно из важнейших условий современной экологической политики, направленной на поддержание целостности и устойчивости биосферы.

Важное значение в сохранении и поддержании устойчивости биосферы имеет иерархичность ее строения, представленная рядом соподчиненных уровней: от организменного до биосферного. Иерархическое строение биосферы обеспечивает эффективное и экономное использование энергии на отдельных уровнях ее организации, причем с повышением уровня биологической интеграции эффективность использования энергии на каждом из них снижается. Так, на уровне клеток и тканей она достигает 80%, в то время как на биосферном уровне, аккумулирующем солнечную энергию, она составляет 0,01—1%. Чрезмерно высокое использование энергии на клеточном уровне — условие сохранения воспроизводства жизни, несмотря на кризисные явления в геологической истории Земли. Отсюда вытекает, что в самой основе жизни заложена способность совершенствования механизмов стабилизации биосферы, которая выступает как основная тенденция ее эволюции.

Эти особенности жизни — свидетельство того, что основной тенденцией эволюции биосферы является повышение ее стабильности на всех уровнях организации, поскольку данное атрибутивное свойство обеспечивает сохранность жизни, несмотря на резкие колебания факторов окружающей среды в ходе геологической истории. Именно поэтому при разработке оптимальной экологической политики необходима ориентация на согласование хозяйственной деятельности с законами природы, поскольку в реальной практике природопользования данное обстоятельство чаще всего не учитывается.

Новые ценностные ориентации в сфере научного познания, в различных отраслях промышленного и сельскохозяйственного производства настоятельно диктуют необходимость перехода экономики на экстенсивный путь развития — исходя из учета взаимосвязанности процессов в природе и определения места в ней человека. Речь идет о формировании установок нового экологически ориентированного мышления, основанного на принципах совместного, сбалансированного соразвития человека, общества и природы.

Сохранение пригодной для обитания среды предъявляет особые требования к природоохранной деятельности в целом, которая должна быть ориентирована на сохранение природных экосистем в диапазоне тех характеристик, которые допускают нормальную жизнедеятельность людей. Выполнение поставленной задачи предполагает введение системы запретов на те виды деятельности, которые ведут к утрате естественных свойств экосистем, формирование новых ценностных ориентаций по отноше-

нию к природе, отход от сложившихся представлений о месте и роли человека в биосфере.

Осознание тесной взаимозависимости процессов, протекающих в биосфере, определяет контуры новой системы природопользования. Если ранее ресурсы природы рассматривались как отдельные компоненты природы, то в настоящее время при их добыче необходимо учитывать экологический ущерб, наносимый природным комплексам. Это вызывает необходимость формирования культуры нового типа — экологической культуры, главное внимание в которой должно быть уделено сохранению устойчивости природных экосистем и биосферы в целом.

Экологическая культура позволяет четко обозначить неразрывное единство человека и природы, способствует утверждению экологического стиля мышления и новой методологической функции науки, ориентированной на сохранение природы. Ее ценности призваны способствовать развитию мировоззренческих ориентаций и формированию творческой личности.

Экологическая культура предъявляет особые требования к определению путей дальнейшего развития цивилизации, поскольку техническое могущество, основанное на достижениях науки, привело к созданию особой среды обитания — искусственной реальности. Такого рода реальность представляет угрозу нормальной жизнедеятельности человека, поскольку противостоит его биологической природе.

Преодоление подобных опасных тенденций тесно связано с формированием единого глобального мышления, основанного на осознании взаимозависимости развития мирового общества и предотвращении угрозы экологической катастрофы. Если ранее ресурсы природы потреблялись без учета их роли в экосистеме, то в условиях биосферной культуры их использование требует затрат на восстановление нарушенных территорий. Это изменяет сам характер экономического развития, его переориентацию на путь экстенсивного развития. Данное обстоятельство предполагает формирование новой системы мирового устройства, предусматривающей эффективные способы контроля за всеми сферами производства со стороны государства. Новый способ теоретического и практического освоения окружающего мира исходит из признания ценности всего живого на Земле как необходимого условия сохранения целостности и устойчивости биосферы. Биоантропоцентризм как ценностная установка поведения и деятельности человека является определяющим в условиях приближения к биосферному веку, поскольку индустриальное давление на природу достигло угрожающих масштабов и уже в настоящее время человечество перешло пороговые пределы устойчивости биосферы. Согласно произведенным расчетам, величина этого порогового уровня может быть определена на основе анализа круговорота

углерода как наиболее распространенного химического элемента в живой природе и потребления биологической продукции крупными животными и человеком.

Согласно современным данным, биота способна регулировать и стабилизировать окружающую среду, если величина потребления человеком первичной биологической продукции не превышает 1—2% всей продукции биосферы. Остальная мощность биоты (99—98%) определяет функцию стабилизации окружающей среды. Исходя из этого, предполагается, что реальная антропогенная нагрузка уже превысила допустимую по крайней мере в 2 раза.

По этой причине страны мирового сообщества должны принимать меры по снижению индустриального давления на биосферу с целью сохранения качества окружающей среды, которое зависит от сохранности экосистем, хозяйственной нагрузки на территории и уровня потребления чистой продукции биосферы. Именно поэтому столь важное значение в современных условиях приобретает система экологического образования, ориентированная на усвоение систематизированных знаний об окружающей среде, приобретение умений и навыков природоохранной деятельности, формирование общей экологической культуры. В качестве одного из важнейших условий экологического образования должно быть право на благоприятную окружающую среду, достижение которого возможно на основе формирования подлинно человеческого отношения к природе, определения допустимой меры ее преобразования, познания основных закономерностей социоприродного взаимодействия и формирования норм поведения, допускающих дальнейшее существование человека.

В условиях сложившейся экологической ситуации необходимы незамедлительные действия по управлению социоприродными процессами и в первую очередь ограничение роста численности населения и экономического роста в развитых странах, сохранение биологического разнообразия, уменьшение энергопотребления на основе накопления знаний и совершенствования технологий. Решение этих неотложных задач предполагает отказ от традиционных стереотипов мышления и переход на принципиально новый способ теоретического и практического освоения мира.

3.3. Природно-географические детерминанты социокультурного и цивилизационного бытия восточнославянских народов

История восточнославянских народов (может быть, в большей степени, чем каких-либо иных), дает убедительные доказательства того, что экономический и культурный облик этносов в значительной мере предопреде-

лен их месторасположением на планете. «Все цивилизации являются в некоторой степени результатом географических факторов, — писал Г.В. Вернадский, — но история не дает более наглядного примера влияния географии на культуру, чем историческое развитие русского народа»¹.

Важнейшей природно-географической особенностью восточнославянских стран является их северное расположение с характерным для него неустойчивым, по преимуществу холодным и резко континентальным климатом. Это обстоятельство оказало глубокое воздействие на все стороны жизнедеятельности восточнославянских народов, обусловило наряду со всем прочим принципиальное отличие их цивилизационного пути движения от народов западноевропейских стран, где господствует умеренно теплый, океанический климат. Если, например, говорить о России, то это единственная в мировой истории великая держава, воздвигнутая чуть ли не на фундаменте вечной мерзлоты. Российский север включает в себя две трети (11 млн. кв. км) территории Российской Федерации.

Славяне, пришедшие на среднерусскую возвышенность, а затем дальше на Север, стали отличаться не только от западных народов, но и от тех славян, которым удалось задержаться в традиционных местах обитания. Предки современных восточнославянских народов, заселившие тысячи лет назад территории, которые по совокупности своих параметров были малопригодны для эффективного земледелия, не могли быстро создать компактно проживающие большие сообщества из-за постоянной потребности перемещаться в поисках пищи. Мелким группам добытчиков, слишком далеко оторвавшимся от своего племени, не было смысла возвращаться назад. В итоге связь рвалась, появлялись новые стойбища. Природная среда не способствовала повышению плотности населения. Причем восточнославянские этносы, осевшие на территориях неустойчивого (рискованного) земледелия, не только не могли достичь высокой плотности населения в больших городах, как это, например, происходило в регионе Средиземноморья и в Западной Европе, но не могли существовать и малыми группами (типа отдельной семьи), потому что в этом случае не обеспечивался достаточный баланс добываемой и потребляемой доли сообщества для его выживания. А это означает, что не только города, но и фермерство развиваться не могли. «Сельская община в 100—200 человек — вот оптимальный размер русской самовоспроизводящейся единицы на протяжении тысячелетий, вплоть до совсем недавнего времени»². *Все это не могло не формировать устойчивые модели экономического поведения и соответствующую идеологию.*

¹ Вернадский, Г.В. Русская история / Г.В. Вернадский. М., 1999. С. 12.

² Шахназаров, О. История развития общества: русский путь / О. Шахназаров // Общество и экономика. 2000. № 2. С. 155.

В науке до конца не решен вопрос, почему центром формирования русского народа стала такая неудобная для стабильного пропитания континентальная центральная полоса. Исследователи выдвигают разные гипотезы, спорят. В самом деле, «один из главных истоков государственности и цивилизации Руси город Ладога в устье Волхова (исток, как доказала современная историография, изначальный; Киев стал играть первостепенную роль позже) расположен именно на 60-й параллели северной широты»¹. Вплоть до сегодняшнего дня на этой широте везде господствует почти «первобытный образ жизни». «Никакие племена планеты, жившие в *этих широтах* с их климатическими условиями, не смогли создать сколь-нибудь развитую цивилизацию... Сложившиеся тысячелетия назад вблизи 60-й параллели северной широты и в зоне континентального климата государственность и цивилизация Руси, в самом деле, уникальное явление; если ставить вопрос «теоретически», его как бы вообще не должно было быть, ибо ничто подобное не имело место на других аналогичных территориях планеты»².

Нет на нашей планете более холодной страны, чем Россия. Ее среднегодовая температура $T_a = -5,5^\circ\text{C}$, тогда как среднегодовая температура всех других северных стран мира характеризуется намного более благоприятными показателями. Так, среднегодовая температура Исландии $T_a = +0,9^\circ\text{C}$, Финляндии (северный сосед России) $+1,5^\circ\text{C}$ ³. Даже Канада, которая своими природно-климатическими и температурными условиями ($T_a = -5,1^\circ\text{C}$) представляется наиболее близкой к России, по ряду существенных параметров не может быть сопоставима с нею. Это объясняется прежде всего тем, что в южной части территории Канады, составляющей менее 10% площади страны, проживает более 90% населения⁴ и все ее северные города лежат на широтах Киева или Курска (в частности, самый северный город Канады — Эдмонтон лежит на широте Минска и Орла). В этом отношении существование России — неповторимое чудо истории. Русский народ создал свою державу в таких широтах, где великого государства не могло и не должно было быть... нигде в мире — ни в Северной Америке, ни на Скандинавском полуострове нет земледельства, нет постоянного земледельческого населения в Тайге. Нигде в мире нет в северных широтах таких крупных городов, как Архангельск, Иркутск, Якутск, Воркута, не говоря уже о Норильске и Магадане!»⁵.

¹ Кожин, В.В. Победы и беды России / В.В. Кожин. М., 2000. С. 9.

² Там же. С. 9, 10.

³ Клименко, В.В. Россия: тупик в конце туннеля? / В.В. Клименко // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 77.

⁴ Кожин, В.В. Заметки на полях — но об очень важном / В.В. Кожин // Наш современник. 2001. № 1. С. 192.

⁵ Стариков, Е.Н. Схватка бульдогов под ковром / Е.Н. Стариков // Наш современник. 1996. № 9. С. 101, 102.

Природно-климатическая среда — один из фундаментальных факторов исторической судьбы народов, определяющих основные векторы их социокультурного развития. В России она не только в прошлом, но и сейчас воздействует на все сферы и стороны экономической жизни. В сельском хозяйстве, например, русскому крестьянину для того, чтобы получить такой же объем продукции, как в Западной Европе, необходимо обработать вдвое большую площадь, причем в необычайно сжатые сроки, поскольку вегетационный сезон в России намного короче, чем в западноевропейских странах. «У нас, — пишет С. Кара-Мурза, — на целый месяц короче вегетативный период, а на главные работы (пахота, сев и уборка) климат дает всего 25 дней, в то время как в Европе, даже Швеции — 40. Сегодня ... менее 5% земель России сравнимы по естественному плодородию с земельным фондом США»¹. Сказанное в значительной мере, если не полностью, касается и сельского хозяйства Республики Беларусь. Неслучайно ее сельскохозяйственные угодья называют зоной рискованного земледелия.

Особенно сильно влияет на урожайность, а, следовательно, и окупаемость произведенной сельскохозяйственной продукции, ее конкурентоспособность количество выпадающих на той или иной территории осадков. Объясняя причины процветания США, Э. Хангтингтон в своей книге «Пружины цивилизации» подчеркивает, что большая часть территории США находится в зоне устойчивых осадков, равномерно распределяющихся в течение года. С его точки зрения, эта природная особенность является самой важной предпосылкой для обеспечения устойчивых урожаев США. При этом Хангтингтон установил, что такие условия существуют лишь в отдельных регионах мира: в большинстве стран Западной и Центральной Европы, Японии, значительной части Австралии и Новой Зеландии, а также Канады. Не удивительно, что именно в этих странах стали возможными «потребительская цивилизация» и «общество благоденствия».

Читая иные академические труды, можно подумать, что закономерности хозяйственной жизни всегда и везде пробивают себе дорогу и действуют в абсолютно одинаковых условиях, что они функционируют в некоем идеально чистом пространстве, вакууме, и никоим образом не детерминируются местными факторами природно-климатического, географического и социокультурного порядка. Такая позиция наших экономистов — следствие пространственного заблуждения, ложной веры в повсеместную применимость неких общих принципов независимо от местных условий. Вплоть до сегодняшнего дня эту проблему пытаются обсуждать скорее маргиналы от экономической науки, представители смежных профессий, географы, этнографы, метеорологи и т.д., но не экономисты-профессионалы.

¹ *Кара Мурза, С.Г.* Россия: что значит «не быть Западом»? / С.Г. Кара Мурза // Наш современник. 1997. № 9. С. 121.

В современной академической экономической науке вряд ли встретим рассмотрение в качестве базового фактора экономического развития условий, вытекающих из особенностей и характера природно-климатической и географической среды. В частности, тот факт, что в восточнославянском регионе, в том числе и на Украине, климат, несмотря на все природные метаморфозы последних лет, остается все же континентальным, почти никем не учитывается при анализе процессов товарообмена и конкурентоспособности производимой продукции. Никто не хочет обращать внимание на то, что населенная часть Швеции покрыта буковыми лесами и что в столице Англии Лондоне растут пальмы и т.п., а в России, даже в Краснодарском крае, отопительный сезон длится шесть месяцев. Выход растительной биомассы в силу исключительно естественных причин (количество солнечных дней, температура, осадки) с 1 га в 2 раза ниже, чем в Западной Европе, и почти в 5 раз ниже, чем в США. В России период стойлового содержания скота 180—212 дней, а в Ирландии и Англии скот пастется практически круглый год. Из-за обширной континентальной территории и низкой плотности населения транспортные издержки в цене продукта в России составляют до 50%, а во внешней торговле они в 6 раз выше, чем в США и т.д.¹

Восточнославянские земли — это такая часть нашей планеты, где климат и география оказывают существенное отрицательное влияние на производительность труда и конкурентоспособность создаваемой промышленной и сельскохозяйственной продукции. Как справедливо пишут в связи с этим два американских исследователя, «трудно найти другую нацию, которая в своем развитии испытывала бы такое огромное влияние географических факторов, как русские»². Замалчивание этого обстоятельства или непонимание его вызывают немалое удивление.

Можно, например, понять, почему наши экономисты в своих расчетах и прогнозах не учитывают менталитет народа, веками выработанные архетипы и структуры народного сознания, в том числе и архетипы коллективного бессознательного. Менталитет подобен туману: он везде есть, но в руки его не возьмешь, не взвесишь и не измеришь. Но тот факт, что экономическая наука до сих пор отказывается учитывать легко верифицируемое, подтвержденное богатым статистическим материалом и математическими расчетами влияние природно-климатического, географического, территориального фактора на хозяйственную жизнь народов и стран, остается большой загадкой.

¹ *Кара Мурза, С.* Плодотворные ошибки Ленина / С.Г. Кара Мурза // Наш современник. 1999. № 10. С. 184, 189.

² *Gavin, W.J.* Russia and America: A philosophical comparison / W.J. Gavin, T.J. Blakeley. Boston, 1976. P. 11.

С точки зрения возможностей экономического роста и социально-политической динамики особенно важно то, что страны Запада окружены незамерзающими морями и пронизаны реками, которые или вообще не замерзают, или покрываются льдом на короткое время, что в сравнении с сухопутными дорогами обеспечивает намного более дешевую транспортировку тяжелых грузов и товаров. Разумеется, и в восточнославянских странах водные пути имеют большое значение, но здесь они используются только полгода. Благодаря мощному теплому морскому течению Гольфстрим, а также общему характеру климата Скандинавии зимняя температура в южной Норвегии и Швеции в среднем на 15—20 (!) градусов выше, чем в других находящихся на той же широте землях, а снежный покров, если изредка и бывает, то не долее месяца, между тем как на той же широте в районе Ладоги — Новгорода снег лежит 4—5,5 месяца! Стоит также упомянуть, что зима в Кубанской степи, расположенной почти на 2000 км южнее Скандинавии, все же продолжительнее и суровее, чем в южных частях Норвегии и Швеции¹.

Климатические пояса в Европе расположены парадоксальным образом: климат становится более холодным не с юга на север, а с запада на восток, а иногда даже наоборот, с севера на юг, а точнее с побережий вглубь континента. А это значит, что по суровости зимнего климата практически одинаковы обитаемая часть Норвегии, юг Швеции, Дания, Нидерланды, Бельгия, Западная Германия, Восточная и Центральная Франция, север Италии, Хорватия, Албания, северная Греция, приморские районы Турции, южный берег Крыма и побережье Кавказа. Средняя температура января там выше нуля. И это происходит при том, что Норвегия больше чем на 3000 км севернее Греции! Очевидно, Западная Европа представляет собой не имеющий аналогов регион нашей планеты. Нигде на Земле нет места, расположенного так близко к полюсу и столь теплого².

В сущности, уникальность российского хозяйственно-экономического, социально-культурного и психолого-социального развития предопределена главным образом *необычайным колебанием природных процессов*. В континентальной части Центральной России, где сформировалось ядро русской нации, они таковы, что трудовые усилия людей давали неслыханно большой разброс достигаемых результатов. Факты поразительны. Например, обследование, проведенное в царской России по всем уездам 25 губерний (в основном центральной России) в период между 1891—1915 гг, «показывают, что соотношение максимального и минимального урожая по годам в Самарской губернии 7,3 раза, Воронежской — 7,05, Казанской — 5,67,

¹ Кожин, В.В. Победы и беды России. М., 2000. С. 9.

² Паршев, А.П. Почему Россия не Америка / А.П. Паршев. М., 2000. С. 40—41.

Симбирской — 6,2 раза»¹. Нигде в мире нет такого разброса. В Европе природная колебательность максимум 1,5—2 раза. «Следовательно, — как справедливо подчеркивает российский исследователь Г.А. Гольц, — важнейший фактор, влияющий на формирование русского характера (и, естественно, характера и специфики экономического развития. — *Ч.К.*), непредсказуемость результатов труда. Сколько ни вкладывай — неизвестно, то ли будет урожай, то ли нет»².

В целом, «объем совокупного прибавочного продукта общества в Восточной Европе всегда значительно меньше, а условия для его создания значительно хуже, чем в Западной Европе. Это объективная закономерность, отменить которую человечество никак не в силах»³.

Особенности географического положения и тесно связанные с ними особенности исторического пути России наложили глубокий отпечаток на характер русского народа, других народов России, на формирование структур и архетипов их сознания, в том числе и коллективного бессознательно. Такие факторы, как гигантская территория при отсутствии естественных природных границ, ее ограждающих, геокультурный размах и разнородность регионов, расположенность между разными полюсами цивилизационного развития человечества — Европой и Азией, постоянное военное давление на границах, богатые залежи полезных ископаемых и т.д., не могли не выступить детерминантами в формировании и развитии духовно-ментальных структур и в целом особенностей исторического пути развития российского общества. Глубоко прав был Н.А. Бердяев, когда говорил о соответствии в России географии физической и географии душевной.

Взять, например, такой аспект. Многие с явной неудовлетворенностью говорят об абсолютном доминировании в истории России государственно-го, державного начала над личностным, индивидуальным, о сверх меры централизованной и жестокой государственной власти, о ее неподконтрольности и вседозволенности. Действительно, такой феномен в русской истории имел место. Но он тоже в значительной степени объясняется объективными условиями исторического бытия России. Огромные пространства, почти не имеющие естественных оградительных рубежей, природных границ, непрерывные угрозы и нашествия со стороны воинственных соседей, нахождение на перекрестке Великого шелкового пути и пути «из варяг в греки» требовали мощного объединительного и защитного механизма, сильного централизованного государства. Можно определенно утверждать,

¹ Универсальное и специфическое в российской истории // *Общественные науки и современность*. 1999. № 3. С. 88.

² Там же. С. 88, 89.

³ *Милов, Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса / Л.В. Милов. М., 1998. С. 572.

что, если бы русский народ не смог проявить своего гения в государственном строительстве, в создании мощной централизованной государственной и военной машины, восточнославянские, да и некоторые другие народы едва ли существовали бы сегодня на Земле и вряд ли где-либо слышно было бы русскую речь. Так что вопрос об оценке характера российской государственности нельзя решать так однозначно негативно. К тому же следует отметить, что не такой уж беспредельной тираничностью и жестокостью отличалась русская государственная власть. Если взять, например, статистику казней в России и Европе начиная со времен Ивана Грозного и вплоть до XX в., то она свидетельствует отнюдь не в пользу Европы¹.

Отрицательное воздействие природно-климатической и географической среды на издержки производства в восточнославянских странах *всепроникающе* и *многоаспектно*. Так, восточные славяне живут по сравнению с западноевропейскими народами в более дорогих и менее комфортабельных домах. Стоимость строительства жилых домов, гражданских и промышленных объектов в восточнославянских странах в 2–3 раза выше (в зависимости от вида строительства), чем в Европе. Соответственно выше и амортизационные выплаты, а здания менее долговечны. Чтобы, например, российский рабочий просто выжил, когда температура воздуха ниже 10 градусов, ему надо построить это самое жилье, с толстыми стенами и глубоким фундаментом, отапливать его от 6 до 8 месяцев, обеспечить себя теплой одеждой и хорошим питанием (в условиях холодного климата требуется больше калорий) и т.д. Удовлетворение всех этих потребностей почти совсем лишает восточного славянина многих других «радостей» жизни — автомобилей, круизов, дорогой бытовой техники и т.д.

Насаждаемое мнение о том, что русские жили и живут хуже и беднее, чем их западные соседи из-за своей лени и головоунытия просто поражает своей неправдой и абсолютным непониманием специфики исторической судьбы русского народа. С учетом всей совокупности особенностей естественной среды обитания русских становится очевидно, насколько талантливей и трудолюбивей они должны были быть, чтобы добиться подобия в качестве и уровне жизни с теми, с кем их сравнивают. «Так, среднестатистическому материковому русскому 60-й параллели только для обеспечения жизнедеятельности ежегодно необходимы *4 т условного топлива*, которые не нужны тому же среднестатистическому американцу 35-й параллели, обосновавшемуся на узком — сравнительно с Россией — участке суши, омываемой с двух сторон океанами. Один только этот показатель объясняет различия в целях и характере экономического поведения, в культуре и социальных приоритетах, в размерах жилища и пищевом рационе, в ритме му-

¹ *Кожин* В.В. Судьба России / В.В. Кожин. М., 1990. С. 52–54.

зыки и женских украшениях... непонимание этих объективных закономерностей является источником подражательных действий, имеющих для русского общества весьма негативные последствия»¹.

Обратимся к простой иллюстрации. Представим себе два одинаковых завода с равным уровнем развития технологии и подготовки кадров, расположенных где-нибудь в районе Витебска или Екатеринбурга (там, кстати, сосредоточено большое количество промышленных предприятий) и на Западе, где-нибудь на берегу моря в Нидерландах или во Франции. Себестоимость продукции, произведенной в восточнославянском регионе, оказывается на мировом рынке в 1,5—1,7 раза выше, чем продукции, произведенной в Нидерландах или Франции. Это происходит потому, что ровно настолько больше в условиях нашего климата и географии необходимо затратить средств на энергоресурсы, коммуникации, транспорт и т.д.

Следствия этой простой арифметики просто трагичны: в условиях открытого общества (мира без границ) коллапс российской неконкурентоспособной промышленности неизбежен. Частные предприниматели в этой ситуации, не желая работать в убыток, немедленно направят свою деловую активность и имеющиеся в их распоряжении свободные средства туда, где они еще могут приносить прибыль. Например, на вывоз древесины, редкоземельных металлов, нефти, газа и т.д. Что, собственно, и произошло в России. В конечном итоге, все это неотвратно ведет к безграничной власти транснациональных корпораций над Россией в целом и над всеми ее регионами в отдельности. А это в свою очередь означает, что трансформация России в пропагандируемое идеологами нынешней модели глобализма открытое общество есть верный путь к ее гибели как сколь-нибудь значимого государственного образования на мировой арене.

Всякая экономика (рыночная в том числе) развивается и функционирует в определенных конкретно-исторических условиях и не может быть нейтральной по отношению к ним. Уже только поэтому экономическое развитие носит многовариантный характер и не является одновариантным для разных регионов, стран, цивилизаций. Попытка же рассматривать лишь одну экономическую систему (в данном случае капиталистическую рыночную экономику) как образец — модель для всеобщего подражания, как некий универсальный, всегда тождественный самому себе механизм, способный в принципе функционировать в любой стране, были бы только на то желание и воля политической элиты и деловых кругов, есть не что иное, как новая эпохальная иллюзия.

Капиталистическая рыночная экономика, которой ныне так стремятся придать характер универсальности, возникла и получила возможности для своего бурного развития только в определенных, можно даже сказать уни-

¹ Шахназаров, О. История развития общества: русский путь / О. Шахназаров // Общество и экономика. 2000. № 2. С. 156.

кальных, условиях и обстоятельствах. Хорошо известна мысль выдающегося немецкого социолога XX в. Макса Вебера о том, что капитализм случается с человечеством только один раз в истории и больше не повторяется, поскольку для его зарождения нужно стечение ряда благоприятных обстоятельств, которые очень резко соединяются вместе, т.е. само становление и функционирование капиталистического общества детерминировано целым рядом факторов и условий природно-климатического, исторического и социокультурного порядка.

Таким образом, природно-климатический фактор, «местопребывание» и «местонахождение» того или иного народа в первую очередь определяют тип и формы хозяйствования, которые у него возникают и развиваются. Подобно тому как плужное земледелие только и могло возникнуть примерно между 15° и 40° северной широты, так и капиталистическая рыночная экономика могла сформироваться и получить соответствующее условие для своей экспансии лишь примерно в такой же природно-климатической среде (Западная Европа). Во многих других регионах, в частности в природно-климатических условиях восточнославянских стран, успешное функционирование рыночной экономики типа западноевропейской было объективно невозможно. Как показано в ряде публикаций, мучительно тяжелой и беспросветно-тупиковый характер рыночных реформ в значительной степени объясняется объективными преградами, лежащими на пути вестернизации России. «Такой объективной преградой, — пишет российский исследователь Е. Стариков, — является природно-климатические условия, минимизирующие прибавочный продукт, который в условиях России приходилось буквально «выдирать» из хозяйства на принципиально нерыночной, принудительно-неэквивалентной основе. Попытка заменить принципиально-силовую перекачку (редистрибуцию) скудных ресурсов их свободной (рыночной) циркуляцией приводит в условиях бедного общества к еще большему обнищанию и люмпенизации»¹.

Пора осознать, что дальнейшая либерализация экономики восточнославянских стран, прежде всего в направлении максимальной открытости и минимальной государственной протекционистской защиты, неизбежно ведет в характерных для этих стран природно-климатическом и социокультурном контекстах к полному экономическому краху. В условиях «максимальной внешней открытости» в восточнославянских странах вообще не будет своей перерабатывающей промышленности — основы социально-экономического и интеллектуального развития и трамплина для прорыва в постэкономическое общество.

¹ *Стариков, Е.Н.* Схватка бульдогов под ковром / Е.Н. Стариков// Наш современник. 1996. № 9. С. 101,102.

Именно в природно-климатических, географических и социокультурных особенностях восточнославянской цивилизации кроются причины многократных неудач либеральных реформ. Реформаторы различных мастей уже 300 лет пытаются вывести устойчивый маятник российского бытия на режим другого маятника — европейского или западного типа. По разным оценкам, за последние 300 лет было предпринято 14 таких попыток¹. Хотя, по существу, нет никаких оснований утверждать, что западно-европейский маятник лучше или хуже восточнославянского. Он просто другой, но этим обстоятельством наши реформаторы всегда пренебрегают. Как бы там ни было, однако на территории восточнославянских стран устойчиво воспроизводится один и тот же тип культуры, который слабо трансформируется, несмотря на изменяющиеся внешние формы, и который однозначно себя проявляет во времена социальных потрясений.

Ряд авторов совершенно справедливо, на наш взгляд, считают, что стремления стать Европой, войти в европейский дом, которые в царской России наиболее концентрированно выражали сначала Александр II, а затем П.А. Столыпин и его последователи, привели через февральский государственный переворот и временное правительство к Октябрьской революции². А в условиях современности попытки «перестроить» российское общество по западноевропейским образцам, без учета его фундаментальных цивилизационных особенностей поставили русский народ на грань выживания.

Если бы люди, взявшиеся в свое время осуществлять рыночные реформы в России и других восточнославянских странах, хотя бы в незначительной степени обладали чувством национальной почвы, должным уважением к специфике и исторической судьбе своих народов, то им нетрудно было бы понять, что всеобщая капитализация в этих странах путем полного разрушения государственной собственности и целостного народнохозяйственного комплекса, созданного ценой невероятных жертв и усилий народа, в принципе неприемлема.

История как бы насмехается над волюнтаристическими устремлениями и действиями целой череды поколений российских реформаторов, которые с завидным постоянством пытаются внедрить в социальную среду умозрительные проекты, не отвечающие ее природе, навязать обществу путь развития без учета его собственных внутренних эволюционных тенденций. Месть истории в таких случаях неотвратима. Например, чтобы полностью внедрить денежную психологию, необходимо иметь в России других людей. Учитывая особенность российского бытия и культуры, следует по крайней мере идти на компромисс, не механически имитировать западную экономику, а создавать другую (свою) психологию экономики. И только

¹ Гольц, Г.А. Культура и экономика: поиски взаимосвязей / Г.А. Гольц // Общественные науки и современность. 2000. № 1. С. 26

² Кара Мурза, С.Г. Столыпин — Отец Русской революции / С.Г. Кара Мурза. М., 2003.

на основе осознания, освоения уникальности российского бытия «открываются возможности для выхода на поле реально действующих механизмов, которые можно использовать в конструктивном поле прогнозирования и управления»¹. Отсюда ясно, что проблему модернизации такой большой и холодной страны, какой является Россия, невозможно решить путем разрушения трансторических структур, обеспечивающих в течение столетий выживание социума в суровых природно-климатических условиях, и механического заимствования неолиберальной, монетаристской модели развития общества, которая, как свидетельствуют факты сегодняшнего дня (прежде всего глобальный финансово-экономический кризис), изживает себя даже там, где она первоначально получила импульсы для своего становления и экспансии. Следовательно, России, как и другим восточнославянским народам, сегодня необходима такая национальная стратегия, которая предполагает адекватный вызовом современности *творческий, научно объективный синтез трансторических структур и механизмов инновационного развития*.

Необходимо отметить, что вплоть до современной эпохи демократизации Россия вместе с близкородственными ей народами в целом успешно модернизировалась и всякий раз оказывалась в состоянии дать ответ на возникающие трудности и препятствия, прежде всего на военно-технологические вызовы Запада. Всемирно известный английский историк А. Тойнби выделил три крупных вызова, на которые Россия дала успешный ответ. *Первый* вызов — вызов природы: суровая природная среда, не позволяющая осуществлять интенсивное земледелие — оно могло быть только экстенсивным. Ответом было расширение территории на Восток и коллективизм (община). *Второй* вызов — монгольское завоевание, которое грозило уничтожить Русь. Ответом стала духовная консолидация народа, укрепление восточно-православной христианской религиозности, а также переход к оседлому земледелию. *Третий* вызов (пожалуй, самый жесткий) — вызов Запада, который начиная с Нового времени стал превращать весь мир в арену своего интереса и действия. Для предотвращения угрозы со стороны Запада России нужно было срочно модернизироваться. И ей это удалось: Россия — одна из немногих стран, которая не была колонизирована Западом.

Следует особо подчеркнуть, что природа восточнославянских народов сама по себе не является исключительно плохой, ущербной или дефективной. Она просто *другая*, чем в Западной Европе, и соответственно предполагает *другой путь развития*. Более того, в ряде отношений природа восточнославянских народов прекрасна и великолепна, таит в себе огромные, еще не раскрытые возможности. Здесь речь шла лишь о том, что природа восточнославянского суперэтнуса не способствовала успешному разверты-

¹ Голыц, Г.А. Культура и экономика: поиски взаимосвязей / Г.А. Голыц // Общественные науки и современность. 2000. № 1. С. 26.

ванию частнопредпринимательской экономики, основанной на принципе получения максимальной прибыли, уступила в этом отношении западноевропейским территориям. Опираясь на многочисленные факты, можно утверждать, что природные основы бытия восточнославянских обществ не только не способствовали, но и препятствовали становлению капиталистической экономики западноевропейского типа. Плохо ли это, если иметь в виду дальнейшие перспективы развития общества? Думаем, что неплохо. Тот тип экономики, который получил возможность для своего становления и развития в западноевропейском регионе и который все еще преподносится в качестве модели — образца для развития всех остальных народов мира, к настоящему времени полностью себя исчерпал. Попытки утверждения западноевропейской модели развития общества, ориентированной на свободный рынок с интенсивным производством и расширенным потреблением, являются абсолютно несовместимыми с экологическим императивом современности.

А вот что касается природных богатств России, ее недр, ее сырьевых и энергетических ресурсов, то они в условиях современных глобальных трансформаций могут обеспечить неисчислимые преимущества не только самой России, но и всему восточнославянскому миру.

Справедливости ради следует сказать, что и в прошлом именно «вмещающие пространства» позволили русскому народу создать мощное государство и особую локальную цивилизацию. Заселяя новые необжитые или почти необжитые территории огромного евразийского континента, русские люди, несмотря на всю суровость климата, смогли там не только выжить, но и продемонстрировать необычайно быстрый рост населения и жизненную энергию. Об этом свидетельствует таблица сопоставления роста числа населения в России и ряде стран Западной Европы, приведенная в книге нашего знаменитого соотечественника И. Солоневича «Народная монархия» (табл. 3.1)¹.

Таблица 3.1. Сопоставление числа населения в России и ряде стран Западной Европы, млн. чел.

Страна	1480 г.	1580 г.	1680 г.	1780 г.	1880 г.	1895 г.
Россия (только европейская)	2,1	4,3	12,6	26,8	84,5	110,0
Австрия	9,5	6,5	14,0	20,2	37,8	44,8
Англия (без колоний)	3,7	4,6	5,5	9,6	35,0	39,3
Франция (без колоний)	18,6	14,3	18,8	25,1	37,4	38,4
Италия	9,2	10,4	11,5	12,2	28,9	31,2
Испания	8,8	8,2	9,2	10,0	16,3	19,0

¹ Солоневич, И. Народная монархия / И. Солоневич. Буэнос-Айрес. 1973. С. 153.

Огромные территории и природные богатства России при сравнительно редком населении как раз и создавали возможность довольно быстрого количественного роста русского народа. Леса кишели зверьем, водоемы — рыбой, добывать их было легко. Ничего подобного не могло быть в Западной Европе, которая в силу своих благоприятных природно-климатических условий была с древних времен весьма густонаселенной. Там охота всегда была привилегией господствующих классов, аристократии. В России же охотились и ловили рыбу все желающие, не говоря уже про сбор ягод и грибов.

Говоря о причинах более интенсивного роста населения в России, чем в западных странах в тот период, следует обратить внимание и на то обстоятельство, что Русь всегда знала баню, а в Европе баня прочно вошла в быт людей только в XIX в. Возможно, поэтому многие эпидемии, выкашивавшие население Западной Европы, в том числе и Великая чума, останавливались где-то на границе польских и русских земель¹.

Таким образом, уникальные природно-географические условия, в границах которых проходит жизнедеятельность восточнославянских народов, в существенной мере повлияли на их исторические судьбы — экономическое развитие, геополитические отношения и менталитет. Успешное решение сложнейших современных проблем, стоящих перед восточнославянскими народами, невозможно без учета климатических особенностей их местобитания, сырьевой базы экономики, пространственно-временных особенностей, занимаемых ими территорий и геополитического фактора. Сегодня природные богатства восточнославянского региона (огромные запасы пресной воды, самые большие в мире массивы хвойных лесов, множество стратегически важных полезных ископаемых) при их умелом хозяйственном использовании могут стать весомым преимуществом в условиях современной глобальной конкуренции.

Подчеркнем, что предлагаемая природная интерпретация целого ряда феноменов социального бытия, рассмотрение его в аспекте взаимоотношения природы и общества никак не противоречат другим ракурсам изучения человеческой истории. Ибо в реальности ни один подход к анализу общественной жизни, какой бы значимый и плодотворный он ни был, не может выступать в качестве универсального. Глубоко прав был Н. Бор, когда говорил, что никакое сложное явление нельзя описать с помощью одного языка (на основе одной какой-либо концепции или парадигмы). Истинное понимание может дать только голограмма, т.е. рассмотрение явления в разных ракурсах, его описание с помощью различных интерпретаций.

В разные времена те или иные контексты рассмотрения движения социума имеют разную значимость для формирования того информационного поля, в котором целесообразно (актуально) изучать разворачивающи-

¹ Какие мы, русские? // «Комсомольская правда» в Беларуси от 13 марта 2002 г.

еся события и осуществлять прогнозирование вероятных поворотов социокультурной эволюции. В обозримой перспективе, как представляется, определяющее значение в исторической судьбе народов нашей планеты будет иметь характер взаимоотношения общества и природы.

ГЛАВА 4. ФИЛОСОФИЯ ГЛОБАЛЬНОГО ЭВОЛЮЦИОНИЗМА

Принцип глобального эволюционизма является одной из фундаментальных составляющих современной научной картины мира и тех методологических стратегий, которые позволяют трактовать неорганические, органические и социокультурные системы как сложно структурированные и развивающиеся комплексы. Концепция универсального или глобального эволюционизма сложилась и получила достаточно широкое признание в последней трети XX в. Согласно этой концепции, системные объекты различной природы, как и мир в целом, находятся в состоянии динамических взаимодействий и постоянной нестабильности. В результате не только биологические и социальные системы, но и физические объекты, включая Метагалактику, рассматриваются как эволюционирующие, изменяющиеся во времени объекты. Стрела времени становится универсальным философско-методологическим конструктом в этой динамической картине мира, привнося в нее дух перманентных потрясений и преобразований. Радикальность нового взгляда на мир становится в полной мере понятной тогда, когда мы окинем ретроспективным взглядом многовековую историю научного и философского познания.

Начиная с первых мифопоэтических представлений о природе Космоса и вплоть до космологической модели А. Эйнштейна постулат постоянства мира во времени оставался незыблемым. И только к середине XX в. принцип развития начинает активно ассимилироваться в физическом познании, обретая к концу века очертания глобального эволюционизма

Процесс становления этой философско-методологической парадигмы с определенной долей условности может быть представлен как состоящий из трех относительно автономных стадий:

- 1) развитие идеи динамизма и изменчивости мира в различных исторических формах диалектической философии;
- 2) разработка эволюционных представлений и освоение методологического потенциала идеи развития в дисциплинарно организованных отраслях естественнонаучного и социально-гуманитарного знания;
- 3) формирование концепции глобального эволюционизма в современной науке и культуре.

4.1. Идея динамизма бытия в различных формах диалектической философии

Уже первичные мифологические и философские интуиции древних мыслителей пронизаны представлениями об универсальной изменчивости мира. В них отражаются реальные процессы изменений, характерные для явлений неживой и органической природы, социальной жизни и духовного творчества. Попытки осмысления этих процессов, динамики и изменения явлений окружающего мира стимулировали становление особого стиля мышления, в котором наряду с идеей устойчивости и гармонии бытия присутствовала и интенция мыслить реальность как перманентно изменяющуюся и пребывающую в непрестанном движении. Правда, следует отметить, что эти представления об изменчивости мира и его перманентном движении еще не означали идеи развития в полном и строгом смысле этого категориального понятия. Однако уже в философии Гераклита из Эфеса идея всеобщей изменчивости мира обретает статус конститутивного принципа и выражается через образ потока, течения всего сущего. Этот смыслообраз потока означает, по существу, образно-эмоциональное описание универсального процесса изменений в его системной и внутренне противоречивой природе, понятийно еще не оформленное. Так возникает традиция умозрительного, или философского, обоснования идеи динамической организации бытия. Наиболее полно эта традиция находит свое отражение в *диалектике* — специфическом философском учении о движении, изменении и становлении всего сущего. С момента своего зарождения диалектика уделяет особое внимание описанию и объяснению сложной противоречивой природы процессов движения. Причем референтами этих процессов являются не только объекты и предметы материального мира, но и феномены идеальной сферы: понятия, идеи, концепции. Именно поэтому этимология самого термина диалектика происходит от древнегреческого слова *διλεκτική*, что означает искусство вести беседу или спор. Очевидно, что здесь присутствует акцент на подвижность, изменчивость и текучесть языка.

Принято выделять несколько важнейших этапов развития диалектических учений в истории философии. Как правило, к ним относят античную диалектику; диалектику немецкой классической философии; материалистическую диалектику, представленную в рамках марксистско-ленинской философии; диалектические идеи и концепции, разработанные в трудах представителей постклассической философии. По мнению Гегеля, подлинным изобретателем диалектики в античной философии являлся *Платон*. В его учении диалектика впервые встречается в свободной и объективно обоснованной форме диалогического движения мысли. Причем, согласно Платону, это мыслительное движение наиболее адекватно может быть выражено в понятийной форме, когда идея воплощает себя в стихии интеллектуального мира диалогов. В этом смысле диалектические мотивы в фи-

лософии Сократа должны оцениваться как своеобразная пропедевтика к утверждению культуры диалектического мышления в античной философии. У Сократа диалектика в согласии с общим характером его философствования имеет еще субъективную форму иронии, а сам сократический метод приведения к противоречию взаимоисключающих субъективных суждений способен породить лишь ее отрицательную форму.

Множество диалектических идей и стихийных догадок о вечном изменении и движении всего сущего как противоречивом потоке бытия содержалось в философских прозрениях элеатов (Ксенофан, Парменид, Зенон), Гераклита и других философов античности.

Как известно, именно в творчестве *Аристотеля* древнегреческая философия достигает наивысшей точки своего развития, обретая черты высокой классики. Несмотря на существующие мнения относительно того, что отличительной чертой философии Аристотеля является строгий эмпиризм и метафизический рассудочный характер, следует отметить немаловажный вклад мыслителя в развитие диалектических представлений. Он состоит прежде всего в том, что именно в философии Аристотеля диалектика впервые обретает статус целостного учения о категориях, в системной совокупности которых отражаются взаимосвязь и внутренне противоречивая природа движения всего сущего.

Таким образом, в древнегреческой философии достаточно убедительно развивается диалектический взгляд на мир и на основе умозрения формируется исторически ***первая версия диалектической философии***.

В эпоху Возрождения и Нового времени диалектические идеи высказывались и обосновывались в трудах различных философов и мыслителей (Н. Кузанский, Дж. Бруно, Г. Лейбниц, Б. Спиноза и др.). Однако господствующей формой и доминирующим стилем мышления в этот период становится *метафизика*, которая абстрагировалась от учета всеобщей связи явлений и их динамики. Основной акцент в исследованиях природных и социальных объектов переносится на процедуры аналитического расчленения сложных комплексных объектов, классификации и систематизации накопленного знания. Большинству философов и ученых этой эпохи была чужда мысль о диалектичности бытия и соответствующей ей диалектичности мышления.

Особый интерес к разработке диалектического метода мышления возникает в немецкой классической философии, в рамках которой разрабатывается ***вторая историческая форма диалектики***. У ее истоков стоял *И. Кант* (1724—1804), автор концепции так называемой *трансцендентальной диалектики*, которая убедительно обосновала теоретическую несостоятельность догматической метафизики как метода мышления. Диалектика у Канта становится неотъемлемым атрибутом познавательной деятельности философского разума, однако в ней преобладает отрицательная инстанция, столь ярко продемонстрированная Кантом в его учении об ан-

тиномиях чистого разума. В итоге кантовская версия диалектики оказывается отрицательной и не приводит к идее постижения противоречий развивающихся объектов в мышлении.

Работу по обоснованию диалектической природы развивающегося духа продолжили И. Фихте и Ф. Шеллинг. Но лишь в философии Гегеля диалектика обретает свой подлинно аутентичный вид и разрабатывается в последовательной и целостной форме универсальной теории развития. По справедливой оценке Ф. Энгельса, Гегель впервые в истории мировой философии представил весь природный, исторический и духовный мир в виде процесса, т.е. в непрерывном движении, изменении и развитии. Он построил грандиозную систему философско-теоретического знания, которая, по замыслу немецкого мыслителя, призвана была в форме философско-категориальных определений выразить логику становления и развития природы, общества и человеческого познания. Однако гегелевская концепция диалектики была развита на объективно-идеалистической основе, которая предполагала последовательное обособление духа от предметно-чувственного мира природы, социальной жизни и истории. Это обстоятельство определило глубоко спекулятивный характер гегелевской диалектики. Подлинной субстанцией развития у него оказывается постулированный без всякого рационального обоснования Абсолютный дух, который в процессе своего исторического развития порождает природу, а затем и человеческую субъективность. Философским смыслом всех этих спекулятивных допущений являлась онтологизация мысли, которая произвольно трактовалась как вечная и объективно существующая духовная субстанция мира. Эта исходная философско-мировоззренческая предпосылка гегелевской диалектики была существенно конкретизирована в двух фундаментальных принципах его философии: 1) принципе единства диалектики, логики и теории познания, где конкретно воплощался тезис о тождестве бытия и мышления в его гегелевской интерпретации; 2) принципе телеологической природы развития, который призван объяснить механизм начала развития Абсолютного духа посредством развертывания имманентной ему цели, направленной на рефлексию и самопознание.

Принципиально идеалистический характер гегелевской диалектики и характерные для нее приемы спекулятивного философствования были подвергнуты резкой критике в процессе последующего развития европейской философии. В рамках теологического антигегельянства немецкого диалектика критиковали за пантеизм и даже атеизм (Х. Хенгстенберг, К. Эшенмайер, Ф. Якоби и др.). Ф. Шлейермахер и К. Зольгер, отталкиваясь от идей позднего Шеллинга, критиковали диалектику Гегеля с позиций романтизма. Критике панлогизма немецкого диалектика посвящено множество страниц философских сочинений А. Шопенгауэра, С. Кьеркегора, Л. Фейербаха и других известных философов той эпохи. Однако наиболее последователь-

ной и конструктивной эта критика спекулятивно-идеалистической природы гегелевской философии оказалась тогда, когда К. Маркс и Ф. Энгельс на ее основе сформулировали программу позитивной разработки теории материалистической диалектики. Но обоснование и развитие такой теории не могло реализоваться в русле мировоззренческих постулатов философской антропологии Л. Фейербаха. Оно стало возможным лишь на почве марксистской философии в связи с обоснованием материалистического понимания истории. Так возникает и концептуально оформляется **третья историческая форма диалектики**, которая является универсальной философской теорией развития и эффективным методом познания сложных развивающихся систем органической, неорганической и социальной природы. Материалистическая диалектика является важнейшим теоретическим компонентом в системе философии марксизма и представляет собой учение о всеобщей связи и развитии природы, человеческого общества и мышления. Как философская теория материалистическая диалектика включает в свой состав три базовых содержательных компонента. К ним относятся принципы, законы и категории. В качестве основных принципов выделяют: а) принцип материального единства мира; б) принцип всеобщей связи; в) принцип развития.

Законы материалистической диалектики являют собой такой компонент в ее содержании, который позволяет корректно проинтерпретировать основные мировоззренческие вопросы, связанные с пониманием развития как формы необратимого, направленного и качественного изменения сложноорганизованных системных объектов.

Закон единства и борьбы противоположностей отвечает на вопрос об источниках и движущих силах развития, трактуя их как имманентный процесс разворачивания внутренних диалектических противоречий изменяющихся систем.

Закон взаимного перехода количественных и качественных изменений характеризует развитие как единство континуальности и дискретности, прерывности и непрерывности развития, раскрывая, таким образом, механизм этого процесса.

Закон отрицания отрицания позволяет теоретически выразить общую структуру, прогрессивную направленность и форму реализации целостных циклов развития изменяющихся объектов.

В качестве важнейших категорий материалистической диалектики обычно выделяют общее — особенное — единичное; содержание и форму; необходимость и случайность; причину и следствие; сущность и явление и др. Каждая из этих категорий, а также их системная совокупность позволяют задавать философско-теоретическое пространство интерпретации развивающихся систем в различных функциональных и предметно-содержательных аспектах их существования и познания.

В постклассической философии диалектическая проблематика, как правило, концентрируется в таких направлениях и стратегиях развития философской мысли, как социально-критическая и экзистенциально-феноменологическая. Постклассические версии диалектического философствования, с одной стороны, были органично связаны с тенденцией радикальной критики рационалистической традиции, резюмированной в философии Гегеля в его концепции панлогизма. С другой стороны, в рамках неомарксистской доктрины в XX в. активно развиваются различные варианты диалектики «праксиса», «негативной диалектики», «авангардистской диалектики эстетического нигилизма» и др.

В любом случае в постклассической философии развитие диалектических представлений органично связано с критической реакцией на рационализм и гипостазированием иррационалистических основ философствования. Одна из линий этой иррационализации диалектического мышления была связана с философской деятельностью позднего Ф. Шеллинга, а также Э. Гартмана, А. Шопенгауэра. В ней обнаруживают себя своеобразный «объективизм» и традиционная для немецкой классики ориентация на сверхличностное начало. Другая линия, наоборот, демонстрирует методологию «личностной устремленности» и гипертрофированного субъективизма. Эта линия достаточно ярко обнаруживает себя в творчестве С. Кьеркегора и Ф. Ницше.

В противоположность логически-понятийной (количественной) диалектике Кьеркегор развивает свой диалектический проект, претендуя на разработку особой «экзистенциальной диалектики», которую он оценивал как «качественную». В ней воспроизводится своеобразная субъективная логика существования личности, переживания ею своей уникальности и неповторимости. «Качественная диалектика» предстает у Кьеркегора как своеобразный метод раскрытия трагедии человеческого существования, превращая объективные противоречия, свойственные этому существованию, в экзистенциальную напряженность личностного бытия. Главный недостаток классических версий диалектики (в частности, ее гегелевского варианта) он видит в гармонизирующей тенденции, в стремлении примирить противоположности в высшем синтезе. Свою же экзистенциальную диалектику Кьеркегор, наоборот, трактует как логику перманентного свободного выбора между противоположностями, чреватую трагическим столкновением жизненных альтернатив.

Эту линию тотальной субъективизации диалектики продолжил Ницше, который окончательно порывает с европейской традицией рационалистического философствования и предлагает особую эстетически выверенную форму «риторической суггестии», в которой обращение к иррациональной стихии бытия находит свое адекватное и неповторимое воплощение. Изобретая собственный язык диалектического философствования — язык эмоций и пророчеств, символов, иносказаний и аллегорий, Ницше, по суще-

ству, реализует программу подлинной «эмансипации» иррационализма как мировоззренческой основы постклассических версий диалектики.

Одна из первых неомарксистских концепций диалектики была предложена в книге Д. Лукача, известного венгерского философа («История и классовое сознание. Исследования о марксистской диалектике», 1923). В ней автор обозначил основные мировоззренческие и методологические ориентиры диалектической философии, сопряженной с базовыми постулатами неомарксизма в его леворадикальной интерпретации. В толковании диалектики, данном Лукачем, обнаруживаются мотивы, восходящие к неокантианству, философии жизни и, конечно же, к гегелевской философии и неогегельянским версиям диалектического мышления. Отличительная особенность концепции социальной диалектики Лукача в том, что теоретические построения Гегеля истолкованы и модернизированы в духе основополагающих идей и категорий «Капитала» К. Маркса. Это придало концепции очевидную социально-практическую заостренность и явилось причиной повышенного внимания к ней со стороны радикально ориентированных слоев западноевропейской интеллигенции. Данное обстоятельство в значительной степени объясняет то, что модель диалектической философии, которую обосновал Лукач в названной книге, стала во многом парадигмальной для всех других версий диалектики, «возводимых» в дальнейшем на базе философских оснований неомарксизма.

Прежде всего это относится к творчеству представителей Франкфуртской школы (М. Хоркхаймер, Г. Маркузе, Т. Адорно), которые, разрабатывая свою версию критической теории, особое внимание уделяют обоснованию так называемой негативной диалектики. В 1966 г. выходит специальная работа Адорно «Негативная диалектика», где франкфуртский философ ставит перед собой нетривиальную задачу обосновать радикальную несостоятельность и отчужденный характер «позднебуржуазного общества», спасти и гипостазировать все «нетождественное», «иное», т.е. не интегрированное в «тотальное господство» буржуазной социальности. Именно такая кардинальная деструкция существующего миропорядка или, как выражается Адорно, «неудачной цивилизации» является наиболее полной импликацией искомого влечения к небытию, составляющего основной философский пафос негативной диалектики.

Аналогичные (в определенном отношении) идеи обсуждает и Ж.-П. Сартр в своей концепции «диалектики праксиса». Она представлена французским философом в работе «Критика диалектического разума», первый том которой вышел в 1960 г. Ранее в своем фундаментальном философском трактате «Бытие и ничто» Сартр развивает концепцию «негативной диалектики» на основе принципов экзистенциально-феноменологического философствования. При этом авторитетами для него являются Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, Г.В.Ф. Гегель. Переходя же к анализу диалектики исторического процесса,

Сартр однозначно объявляет себя учеником Маркса и только Маркса. Поэтому реальная диалектика для него становится логикой труда, которая ответственна за процесс «тотализации» работников, участвующих в процессе опредмечивания собственных индивидуальных проектов. Правда, Сартр допускает существенную модификацию теории аутентичного марксизма, заявляя, что только индивидуальная практика органически диалектична и только ее присутствие свидетельствует о реальном наличии экзистенциального проекта личной свободы, а также о возможности успешной «тотализации» материальных условий и компонентов трудовой деятельности. Несмотря на эту вполне понятную дань экзистенциалистским мотивам, в своей концепции «диалектики праксиса» Сартр осуществляет самое фундаментальное в постклассической философии исследование диалектической логики исторического процесса. Социально-политический эффект названной концепции оказался весьма уязвимым, поскольку инициировал культ революционного насилия и радикальных форм борьбы за индивидуальную свободу против материальной необходимости. Однако в целом диалектические идеи социальной антропологии Сартра оказались значительным достижением в развитии неомарксистской диалектики.

Парадигмальное пространство современной философии органично включает в себя диалектическую мысль, посредством которой осуществляется рефлексия над противоречивыми процессами развития человека, общества и природы в глобализирующемся мире. Это означает, что и для многих других школ и направлений современной западной философии (герменевтика, персонализм, эволюционная эпистемология и др.) весьма характерны диалектические мотивы и ориентации. Сегодня трудно говорить о наличии и разработке относительно завершенных и концептуально обобщенных теорий диалектики. Скорее можно вести речь о диалектической направленности и имманентной устремленности современного философствования к осмыслению сложной архитектоники развивающегося мира, его культуры и социотехносферы. Именно таким образом современное философское сознание пытается ассимилировать и теоретически выразить фундаментальную идею динамизма и изменчивости бытия во всех проекциях и формах его объективации.

4.2. Развитие эволюционных представлений в естествознании и социальных науках

Становление эволюционных идей в науке осуществлялось на протяжении достаточно длительного периода времени. С разной степенью интенсивности и в различных контекстах эти идеи обнаруживают себя в развитии биологии, геологии, палеонтологии, психологии, социологии и других научных дисциплинах. Безусловным лидером в разработке и ис-

пользовании эволюционных идей является биологическое познание. Именно в биологии принцип развития получил наиболее полное и фундаментальное обоснование.

Одна из первых попыток создания целостной эволюционной теории принадлежит *Ж.-Б. Ламарку* (1744—1829). Основные идеи своего эволюционного учения он изложил на страницах известного сочинения «Философия зоологии» (1809). Согласно Ламарку, природе свойственно стремление к постоянному совершенствованию своих форм посредством наследования организмами благоприобретенных свойств. Используя принцип градации, французский мыслитель и натуралист расположил живые организмы в определенном порядке — от простого к сложному. Эволюционные представления Ламарка оказали значительное влияние на развитие других отраслей естествознания — в частности, геологии. Так, его идея о доминанте постепенных, накапливающихся во времени незначительных изменений, приводящих впоследствии к радикальным трансформациям, легла в основу учения Ч. Лайеля (1797—1875) о геологических процессах.

Свое дальнейшее развитие эволюционные представления Ламарка и Лайеля получили в работах *Ч. Дарвина* (1809—1882). Благодаря Дарвину впервые на научных принципах была создана целостная концепция эволюции органической жизни, определены движущие силы изменений, происходящих в живой природе. В знаменитом сочинении «Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь» (1859) он раскрыл такие важнейшие эволюционные механизмы, как изменчивость, наследственность, естественный отбор.

Изменчивость трактуется британским естествоиспытателем как атрибутивное свойство живого существовать в широком диапазоне форм и модификаций. В силу этого возникает потенциальная возможность разнообразных переходов от одной формы к другой, которые в итоге создают динамическую напряженность и приводят к мутациям — случайным изменениям в характеристиках биологических видов. Причинами мутаций могут быть космические излучения, химические и геологические воздействия, климатические факторы и иные изменения в окружающей среде. Под их воздействием живые организмы либо погибают, либо получают новые признаки, далеко не всегда повышающие их возможность адаптироваться к изменившимся условиям существования. Лишь очень незначительная часть организмов приобретает новые свойства, которые становятся основой формирования нового биологического вида.

Наследственность в дарвиновской концепции рассматривается как свойство живых организмов сохранять материальную и функциональную преемственность поколений. Вследствие этого в живой природе устанавливается непрерывная и направленная линия изменений организмов, обеспечиваются нарастание и аккумуляция положительных признаков. Дарвин от-

мечает, что благодаря этому свойству эволюция живых существ не происходит в форме резких и радикальных изменений, а, наоборот, осуществляется только короткими и медленными шагами. Отсюда его утверждение: «Natura non facit saltus» (природа не делает скачков).

Естественный отбор, согласно Ч. Дарвину, является основным движущим фактором биологической эволюции. Он выступает необходимым следствием непрерывной борьбы за существование, которая пронизывает все пространство жизни на Земле. Самые жесткие формы борьбы характерны для особей одного и того же вида, поскольку их контакты и состязание наиболее часты и неизбежны. Именно благодаря естественному отбору эволюционный процесс приобретает направленный и прогрессивный характер, интегрирует в себе неисчислимое множество происходящих в природе изменений.

Эволюционная теория Ч. Дарвина завершила формирование биологии как научной дисциплины, заложила основы такой картины биологической реальности, в которой принцип развития выполняет функции основополагающего начала.

Интенсивное развитие биологического познания, накопление новых эмпирических и теоретических знаний потребовали существенной модификации и уточнения дарвиновской теории. С появлением в XX в. синтетической теории эволюции, с развитием генетики, популяционной экологии значительно изменяется и дополняется та картина биологической реальности, которая была представлена и обоснована в учении Дарвина. Основной единицей эволюции признается не отдельный организм, а популяция. Выявляются молекулярно-генетические механизмы наследственности. С позиции эволюционных изменений рассматриваются биогеоценозы и биосфера в целом. Эволюционная парадигма становится доминирующей в современной биологической картине мира. Биология начинает оказывать активное воздействие на другие научные дисциплины, которые открывают для себя *возможность эволюционных интерпретаций не только предметных областей, но и методов их концептуального освоения.*

Использование принципа эволюции, разработанного биологией, в исследовании явлений, происходящих на разных уровнях организации бытия, обусловило необходимость концептуального обоснования правомерности такой экстраполяции, развернутого анализа сущности и механизмов самого процесса развития с опорой на мощный эмпирический и теоретический пласт знаний, *накопленный конкретными науками* при изучении динамических процессов. Это удалось сделать синергетике.

Синергетика возникла в 70-е гг XX в. У ее истоков стояли такие исследователи, как И. Пригожин, И. Стенгерс, В.И. Арнольд, Р. Том, А.А. Самарский, С.П. Курдюмов, Е.Н. Князева, Н.Н. Моисеев, У. Матурана, Ф. Варела, Э. Янч и др. Термин «синергетика» ввел в научный оборот немецкий ученый Г. Хакен.

Развивая основные положения общей теории систем, возникшей в 50-е г. XX в., сторонники синергетических идей сделали вывод, что о развитии имеет смысл говорить только применительно к системным объектам, способным к самопреобразованию. Синергетика возникла как направление междисциплинарных исследований, основной задачей которого является исследование *закономерностей процесса самоорганизации* в системах различной природы. В широком смысле под самоорганизацией понимается присущая бытию способность к усложнению элементов и созданию в ходе своего развития все более упорядоченных структур. В более узком смысле самоорганизация — это фазовый переход системы из менее упорядоченного в более упорядоченное состояние. Самоорганизация включает в себя такие процессы, как *самоструктурирование, саморегуляция и самовоспроизведение*.

Самоорганизующиеся системы обладают рядом признаков, к числу которых прежде всего относится *открытость*. Открытая система — это система, способная постоянно обмениваться с окружающей средой веществом, энергией и информацией. В открытых системах всегда есть две зоны: 1) *источники* — зона подпитки энергией из окружающей среды; в результате такой подпитки происходит нарастание структурной неоднородности системы; 2) *стоки* — зона сброса энергии, где происходит сглаживание этой неоднородности.

Самоорганизующимися могут быть только *сложноорганизованные системы*, состоящие из подсистемных элементов. К числу таких систем можно отнести общество в целом, каждую его сферу, живой организм, атом, поскольку последний также включает в себя подсистемы — ядро и электронную оболочку, которые в свою очередь состоят из подсистемных элементов — элементарных частиц.

Важным признаком самоорганизующейся системы является наличие в ней *синергетического* (кооперативного) *эффекта*, сущность которого заключается в том, что не только стабильные состояния, но и изменения системного объекта обусловлены совместными действиями его микроэлементов. Именно такие кооперативные взаимодействия являются *источником развития системы*.

Синергетика обращает внимание на то, что определяющую роль в динамике бытия играют *неустойчивые, неравновесные* состояния, характерные для самоорганизующихся систем. При сильном отклонении системы от равновесия возникает особое динамическое состояние — *диссипативные структуры*. Они свидетельствуют о том, что на микроуровне системы появились флуктуации. Под *флуктуациями* понимаются *случайные отклонения* мгновенных значений величин от их средних показателей (от состояния равновесия). Чем сложнее организована система, тем более чувствительна она к флуктуациям. Даже незначительные отклонения от

равновесия на микроуровне могут вызвать изменение ее макроструктуры. На основании этого можно сделать вывод, что мир в целом весьма хрупок и неустойчив.

Наличие флуктуации — показатель хаоса на микроуровне системы. Флуктуации могут спровоцировать необратимые процессы, в результате действия которых прежняя система либо качественно изменится, либо вообще разрушится. Согласно синергетике, *механизм развития* представляет собой процесс рождения новой структуры, нового порядка, связанного с новой дифференциацией элементов системы.

Переломный, критический момент, характеризующийся неопределенностью будущего состояния системного объекта, в синергетике получил название *точки бифуркации* — точки «разветвления» возможных путей эволюции системы. «Зона бифуркации» характеризуется принципиальной непредсказуемостью, поскольку неизвестно, сохранится ли хаос в системе или возникнет новая, более упорядоченная структура. *Возможность спонтанного возникновения новых структур (порядка) из хаоса — важнейший момент самоорганизации системы.* Точка бифуркации — это, по существу, начальная точка изменения системы. Именно к проблеме *начала развития* приковано внимание синергетики.

Долгое время считалось, что самоорганизация присуща только живым системам. Предполагалось, что открытость не может являться характеристикой неживых систем, поскольку обмен веществом, энергией и информацией приводит их исключительно к хаосу и разрушению. Однако многочисленные данные, которыми располагает современная наука, дают основания рассматривать значительную часть неживых объектов в качестве открытых систем, для которых характерны неустойчивые, неравновесные состояния.

В XX в. развитие таких фундаментальных наук о неживой природе, как физика, химия, космология, позволило установить тот факт, что поведение значительной части неживых систем определяется их предшествующей эволюцией, их «историей». А это является одним из признаков самоорганизации. Стало очевидным, что исследование не только живых, но и неживых систем требует *учета временной координаты.* При этом речь идет о *внутреннем времени, связанном с самопреобразованиями системы.*

Синергетика описывает феномен развития в терминах конкретных наук, однако ее обобщения и выводы содержат глубокий философско-мировоззренческий смысл. Доказав, что самоорганизация — это свойство, присущее системам различной природы (от физических объектов до социальных явлений), она предложила новую модель динамичного мира.

Синергетика указывает на творческую роль хаоса в процессе развития, объясняет, каким образом и почему он может выступать в качестве созидательного начала, конструктивного механизма эволюции, показывает, как из хаоса *собственными силами* может развиваться новая организация. Синерге-

тика исходит из того, что порядок и беспорядок связаны между собой таким образом, что одно из этих явлений обязательно включает в себя другое. Так, на каждый миллиард тепловых фотонов, пребывающих в беспорядке, приходится по крайней мере одна элементарная частица, способная стимулировать в данном множестве фотонов переход к упорядоченной структуре. Получается, что порядок и беспорядок существуют как два аспекта единого целого.

Синергетика обращает внимание на то, что именно *через хаос осуществляется связь разных уровней организации* как внутри отдельных системных объектов, так и уровней бытия в целом, поскольку в соответствующие моменты — моменты неустойчивости — малые возмущения, флуктуации, могут разрастаться в макроструктуры. Из этого общего представления следуют выводы, имеющие отношение и к социальной практике. Согласно им, усилия, действия отдельного человека не бесплодны — они далеко не всегда растворены, нивелированы в общем движении социума. В состоянии неустойчивости социальной среды действия каждого отдельного человека (а не только действия масс или социальных групп) могут влиять на макро-социальные процессы. Отсюда вытекает необходимость *осознания* каждым человеком своей *ответственности за судьбу всей социальной системы, того общества, в котором он живет*.

Синергетика открывает новые принципы суперпозиции, обосновывает новые правила сборки сложного эволюционирующего целого из частей и построения сложных развивающихся структур из простых составляющих. Объединение структур не сводится к их простому сложению: при объединении имеет место перекрытие тех областей, где локализованы структуры с дефицитом энергии. Целое уже не равно сумме частей. Оно не больше и не меньше их суммы — оно *качественно иное*. Появляется новый принцип согласования частей в целое — *установление общего темпа развития входящих в целое составляющих*, что обеспечивает сосуществование структур разного возраста в одном темпомире. Данный принцип, а также понимание общих закономерностей организации эволюционирующего целого могут использоваться в качестве методологических оснований в социальной практике для выработки правильных подходов к построению сложных социальных, геополитических целостностей, к объединению стран, находящихся на разных уровнях развития, в мировое сообщество.

Согласно синергетике, для сложных систем, как правило, *существуют альтернативные пути развития*. Развитие рассматривается как *многовекторный, нелинейный процесс*. Важную роль в выборе системой своего дальнейшего пути развития играет *случайность* как однократно действующая причина. Именно она способна перевести систему с траектории прежней необходимости на новую ступень функционирования и развития. Хотя путей эволюции (целей развития) много, но в тот момент, когда путь выбран,

в точках ветвления (точках бифуркации) начинает действовать некая пре-
дeterminedность разворачивания процессов. Становится очевидным доминирующее направление развития, остальные векторы «закрываются», возврат в прежнее состояние становится невозможным.

Синергетика обращает внимание на то, что настоящее состояние системы не только определяется ее прошлым, ее историей, но и строится, *формируется из будущего в соответствии с грядущим порядком*. Применительно к человеку, например, это означает, что его сегодняшнее поведение обусловлено как прошлыми обстоятельствами жизни, так и будущим, т.е. проектом жизни, который он сам сконструировал. Таким образом, синергетика меняет наше представление о времени, утверждая, что *настоящее — это точка пересечения двух направлений движения: из прошлого и из будущего к настоящему*. Будущее «временит», определяет настоящее.

Синергетика дает знания о том, *как правильно взаимодействовать со сложными системами и как эффективно управлять ими*. Оказывается, главное — не сила, а правильная топологическая конфигурация, «архитектура» воздействия на сложную систему. Малые, но правильно организованные (резонансные) воздействия на сложные системы могут оказаться очень эффективными. Тысячелетия назад это свойство сложной организации было угадано родоначальником даосизма Лао-Цзы и выражено им в парадоксальной форме: слабое побеждает сильное, мягкое побеждает твердое, тихое побеждает громкое и т.д. В рамках синергетики становится очевидным, что *сложноорганизованным системам нельзя навязывать пути их развития*, а необходимо понять, как выводить системы на эти пути. Проблема управляемого развития принимает, таким образом, форму *проблемы самоуправляемого развития*.

Синергетика раскрывает закономерности и условия протекания быстрых, лавинообразных процессов, а также процессов нелинейного, самостимулирующегося роста. Это позволяет понять, как можно инициировать такого рода процессы в открытых нелинейных средах (например, в экономической сфере с целью достижения экономического подъема), а также определить требования, выполнение которых позволит избежать возможного распада сложных структур вблизи моментов максимального развития системы.

Синергетика подтверждает возможность описания сложного *относительно простым способом*. Есть все основания предполагать, что сверхсложная, бесконечномерная, хаотизированная на уровне элементов среда может описываться, как и всякая открытая нелинейная система, небольшим числом фундаментальных идей и образов, а возможно, и математических уравнений, определяющих *общие тенденции разворачивания процессов*. Основания для такого вывода дает изучение структур-аттракторов (от англ. to attract — притягивать, привлекать). *Структуры-аттракторы* — это структуры, способные притягивать другие элементы и связи системы, и на-

правлять процесс самоорганизации в определенное русло. Если система попадает в поле притяжения определенного аттрактора, она неизбежно эволюционирует к этому относительно устойчивому состоянию (структуре). Структуры-аттракторы (направленности или цели) относительно просты по сравнению со сложным (запутанным, хаотичным) ходом промежуточных процессов, происходящих в системе. Выход на относительно простые, симметричные структуры-аттракторы означает *свертывание сложного*.

В настоящее время синергетика приобрела *статус общенаучной исследовательской программы*. Наблюдается проникновение ее идей в самые разные, даже весьма отдаленные от естествознания, области науки. Сегодня с позиции теории самоорганизации объясняются многие явления — от рождения Вселенной до практического менеджмента, от законов познания до законов урбанистики. Синергетика не просто меняет понятийный строй мышления — она отчасти перестраивает и наше мироощущение, восприятие пространства и времени, наше отношение к жизни. Синергетика открывает другую сторону мира, его изнанку — его нестабильность, нелинейность и открытость, возрастающую сложность формообразований и их объединений в эволюционирующие целостности.

Синергетика внесла существенные коррективы в понимание развития. Она пересмотрела содержание и статус таких понятий, как форма, структура, случайность, возможность и других, расширила представление о причинно-следственных отношениях. Синергетика предложила свой вариант ответа на вопрос об источнике, механизме и начале развития. Если диалектика в качестве источника развития признает противоречия, то, согласно синергетике, *изменения происходят благодаря кооперативным взаимодействиям элементов системы*. Диалектика трактует механизм развития как переход от количественных изменений к качественным, для синергетики развитие — это *образование новых структур, нового способа связи элементов системы*. Она рассматривает развитие как *процесс спонтанного структурогенеза*. В отличие от диалектики синергетика прежде всего пытается решить проблему начала развития, стремится обнаружить те точки, те состояния, в которых возможно появление принципиально нового.

4.3. Концепция глобального эволюционизма как новый образ динамической организации Универсума

Основные идеи синергетики послужили инновационной методологией для обоснования концепции глобального эволюционизма, согласно которой процессы эволюции во Вселенной несут *универсальный характер*. Это открывает возможность *одинаковым образом описывать процессы, происходящие в неживой и живой природе, а также в обществе*. Подоб-

ные идеи были высказаны еще в начале XX в А.А. Богдановым (1873—1928) в работе «Тектология: Всеобщая организационная наука» (1913—1922), однако развернутое экспериментальное и теоретическое обоснование они получили значительно позже.

В основу формирования **концепции глобального эволюционизма**, так же, как и синергетики, были положены *принципы системности и развития*. Принцип системности позволил рассматривать Вселенную (в той области, в какой она доступна наблюдению человека) как самую большую систему из всех известных науке. С позиций принципа развития Вселенная была представлена как эволюционирующая система, которая на определенных этапах своего становления создает разномасштабные системы с такими качествами, как открытость и неравновесность. Возникшие подсистемы Вселенной являются целостными образованиями, обладающими автономией и имеющими собственные направления развития.

В становлении концепции глобального эволюционизма важную роль сыграл *принцип «экономии энтропии»*, согласно которому сложные системы имеют преимущество перед простыми, поскольку они способны в наибольших масштабах и наиболее эффективно использовать внешнюю энергию. Именно этот принцип позволил объяснить направленность эволюции Вселенной в сторону усложнения ее организации и роста разнообразия. В контексте философского знания принцип экономии энтропии можно интерпретировать как научную конкретизацию диалектического закона отрицания отрицания, указывающего на доминирование в процессе развития вектора прогресса.

Рассмотрение процесса эволюции Вселенной с позиции «экономии энтропии» предполагает признание такого свойства самоорганизации, как информативность. *Информативность* — это способность системы любого уровня создавать, накапливать, хранить и использовать информацию, в том числе и о направлении своего развития. Современная наука уже может объяснить, как решаются информационные задачи живыми организмами. Однако она еще не готова ответить на вопрос, как реализуется свойство информативности на уровне неорганического мира.

С целью уточнения и конкретизации движущих сил и основных механизмов развития Вселенной в концепции глобального эволюционизма были использованы некоторые положения эволюционной теории Ч. Дарвина. В связи с этим универсальный (глобальный) эволюционизм нередко характеризуют как принцип, обеспечивающий экстраполяцию эволюционных идей, получивших обоснование в биологии, на все сферы действительности¹.

¹ *Степин, В.С.* Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция / В.С. Степин. М., 2003. С. 643—644.

В дарвиновском учении, как уже отмечалось ранее, эволюция органического мира получила научное объяснение на основе анализа таких факторов, как наследственность, изменчивость и отбор. В рамках концепции глобального эволюционизма эти факторы трактуются расширительно. Под наследственностью понимается способность системных объектов сохранять свои базовые характеристики, несмотря на постоянно происходящие изменения. Изменчивость выражает любые проявления стохастичности и неопределенности, возникающие на всех уровнях организации бытия. Отбор представляет собой сохранение наиболее устойчивых образований среди множества возможных допустимых значений. На каждом уровне организации бытия существуют свои правила отбора.

Проанализированные выше подходы, принципы и идеи легли в основу эволюционной парадигмы, используя которую глобальный эволюционизм предложил развернутую онтологическую картину развивающейся Вселенной.

Теоретические представления о происхождении Метагалактики и становлении ее как гигантской суперсистемы, где все составляющие тесно связаны, оформлялись под влиянием *теорий расширяющейся и раздувающейся Вселенной*. Разработка теории расширяющейся Вселенной началась с открытия советским ученым А.А. Фридманом (1888—1925) ее нестационарности, установления факта ее изменения во времени, что положило начало формированию *эволюционной космологии*. Гипотеза об эволюционной динамике Метагалактики, сформулированная им в работе «Мир как пространство и время» (1923), получила свое эмпирическое обоснование в 1929 г. благодаря открытию американским ученым Э.П. Хабблом феномена красного смещения. Суть этого явления состоит в том, что у всех далеких источников (галактик, квазаров) наблюдается понижение частоты излучения, смещение его в сторону красного спектра, что свидетельствует об удалении этих источников друг от друга и от нашей Галактики, т.е. о «разбегании» галактик.

А.А. Фридман предложил три возможные модели развития Вселенной в зависимости от радиуса кривизны ее пространства: две модели расширяющейся Вселенной и модель пульсирующей Вселенной.

Согласно теории расширяющейся Вселенной, расширение началось примерно 15—20 млрд. лет назад из точки сингулярности (от лат. *singularis* — отдельный, одиночный) в первую секунду после Большого взрыва. Первоначально Вселенная была очень горячей и плотной, но по мере расширения она охлаждалась и возникали галактики. Галактики, с одной стороны, образовывали скопления, а с другой — сами распадались на звезды. В процессе рождения и гибели звезд первых поколений образовались тяжелые металлы. Следующей ступенью космической эволюции стало появление новых звезд и разнообразных космических тел.

Однако теория расширяющейся Вселенной не могла ответить на вопрос, какие процессы происходили в ней в течение первой секунды после взрыва. Ответ на него предложила теория раздувающейся Вселенной. Согласно ей, расширение началось с инфляционной фазы, которая продолжалась 10^{-32} с. Диаметр Вселенной за это время увеличился в 10^{50} раз. Следующей стала фаза с нарушенной симметрией, на которой появились различные элементарные частицы. В нашей Вселенной (Метагалактике) асимметрия сохраняется, поскольку в ней вещество преобладает над антивеществом.

Теории расширяющейся и раздувающейся Вселенной принципиально меняют наше представление о мироздании. Во-первых, они научно обосновывают идею космической эволюции, эволюции неорганического мира. Во-вторых, они позволяют установить связь между мега- и микромиром, доказывая, что возникновение элементарных частиц связано с эволюцией Вселенной. В-третьих, согласно им, Метагалактика не является чем-то однородным и изотропным: она состоит из множества вселенных, в которых свойства элементарных частиц, величина энергии вакуума, размерность пространства-времени могут быть различными. Наша Вселенная является лишь частью вселенной как целого. В-четвертых, источником космической эволюции является нарушение симметрии между веществом и антивеществом.

Принципиально новым этапом эволюции Вселенной стало появление органических систем. Концепция глобального эволюционизма строится на признании единства живой и неживой природы. Теоретическое обоснование этой идеи было предложено В.И. Вернадским еще в начале XX в. В своих работах он показал, что живое вещество активно воздействует на неживую природу, изменяя ее структуру и организацию, что приводит к образованию новых минеральных соединений. Однако сами органические системы существуют благодаря постоянному обмену веществом и энергией с окружающей средой. Появление живых систем с их способностью сохранять свою автономность привело к формированию высокоинтегрированной целостной системы — *биосферы, обладающей самоорганизацией и способностью к эволюции за счет теснейшей взаимосвязи с неорганической природой*. Согласно Вернадскому, биосфера представляет собой особое образование, структура и функции которого определяются особенностями Земли и Космоса, поэтому изменения в ней следует рассматривать не только в историческом, но и в геологическом времени.

Эволюция биосферы сопровождалась появлением новых системных качеств и специфических функций. К их числу относится *автопоэзис* — способность органической системы к самовоспроизведению и сохранению автономности по отношению к окружающей среде. Особенностью живого вещества является также наличие *обратных отрицательных связей*, обеспечивающих стабилизацию протекающих в нем процессов. Изучение механизмов функционирования органических систем позволило сделать важ-

ный вывод, что по мере усложнения организации систем одновременно происходит ускорение процессов развития и понижение уровня их стабильности. А это значит, что по мере своего усложнения мир становится все более хрупким.

В концепцию глобального эволюционизма внесла новые идеи волновая, или квантовая, генетика. Ее исходным принципом является признание *корпускулярно-волновой природы гена*, в структуре которого выделяют две стороны: ген-частицу (вещество) и ген-волну (поле). Ген-вещество и ген-поле не исключают, а взаимодополняют друг друга. В рамках волновой генетики достаточно четко сформулированы две гипотезы. Согласно первой из них, информационные процессы в биосистеме связаны с *волновыми эффектами*. Вторая гипотеза представляет собой идею о *знаковом характере* процессов в генетическом аппарате высших биосистем, что может указывать на возможное родство знаковых структур ДНК и речевых образований. Разделяя эту точку зрения, американский лингвист *Н. Хомский* (р. 1928) предложил концепцию «универсального грамматического ядра», согласно которой для всех человеческих языков характерен общий набор правил. Поскольку сущность человеческого языка инвариантна, каждый ребенок способен освоить любой язык.

Таким образом, волновая генетика стремится соединить живое и неживое, используя принцип корпускулярно-волнового дуализма. Одновременно с этим она пытается проложить мостик между биологической и социальной реальностью через поиск общей основы информационных процессов в высших биосистемах и человеческом обществе.

В концепции глобальной эволюции проблема возникновения человека занимает особое место. Эта проблема формулируется как *антропологический*, или *антропный, принцип*. Антропный принцип фиксирует наличие связи между крупномасштабными процессами, происходящими во Вселенной, и появлением в ней жизни, разума и космических цивилизаций. На эту связь одними из первых обратили внимание советские ученые *А.Л. Зельманов* (1913—1987) и *Г.М. Идлис* (1928—2010). Дальнейшим этапом разработки данного принципа явилось установление того факта, что свойства нашей Мегалактики обусловлены *значениями ряда фундаментальных физических параметров*. Наиболее существенны три группы параметров: константы физических взаимодействий; массы элементарных частиц (электрон, протон, нейтрон); размерности пространства. Структура нашей Вселенной «восприимчива» к этим показателям. Даже небольшое их изменение привело бы к исчезновению во Вселенной одного или нескольких элементов ее структуры: ядер, атомов, звезд, галактик и т.д. В конечном счете стали бы невозможными прогрессивная эволюция Вселенной и появление человечества.

Антропный принцип пока не имеет общепринятой формулировки. Наоборот, число его определений непрерывно растет. Наибольшим влиянием, пожалуй, пользуются формулировки, предложенные английским астрофизиком *Б. Картером*. Причем он сформулировал «сильный» и «слабый» варианты антропного принципа. Сущность «слабой» версии этого принципа можно определить следующим образом: объективные свойства нашей Вселенной таковы, что на определенном этапе ее эволюции они привели к появлению познающего субъекта. Если бы свойства Вселенной были другими, их просто некому было бы познавать. Такой точки зрения придерживаются А.Л. Зельманов, Г.М. Идлис, И.А. Розенталь, И.С. Шкловский, П. Дэвис и другие космологи. Антропный принцип в его «слабой» версии предполагает правомерный вопрос: было ли появление человека, а в дальнейшем и человеческой цивилизации уже запрограммировано в том состоянии Метагалактики, с которого началось ее развитие, или этот процесс был обусловлен законами ее дальнейшей эволюции и самоорганизации? Современная наука пока лишь ищет ответ на этот вопрос.

«Сильный» вариант антропного принципа гласит: «Вселенная должна быть такой, чтобы на определенной стадии допускать появление наблюдателя». Подобная формулировка вполне допускает наличие трансцендентных, сверхъестественных сил, которые смогли бы реализовать проект появления человека.

Сегодня ученых интересует не только вопрос о том, как связано появление человека с закономерностями эволюции Вселенной, но и проблема взаимоотношений человека и биосферы, на определенном этапе развития которой он возник и в которую он непосредственно включен. Взаимосвязь человека и биосферы достаточно противоречива. С одной стороны, постоянно возрастает роль антропогенного фактора, что приводит к изменению структуры биосферы. При этом меняются не только численность видов растений и животных или их система связи, но и некоторые климатические характеристики — например, увеличивается среднегодовая температура на планете, уменьшается количество осадков в результате осушения болот и т.д. С другой стороны, в процессе социального развития резко возрастает число природных факторов, обуславливающих функционирование социума. Если первобытный человек зависел преимущественно от климатических условий (в то же время он был к ним неплохо адаптирован, мог переносить ледниковые периоды, наводнения и другие катаклизмы), то современное человечество очень сильно зависит от энергетических ресурсов Земли, от имеющихся запасов полезных ископаемых, а также от качества окружающей среды.

В ситуации резкого изменения качественных характеристик биосферы весьма актуальной становится проблема перспектив существования и дальнейшего развития самого человечества. По мнению *Н.Н. Моисеева* (1917—

2000), одной из конструктивных идей, обосновывающих возможность сохранения цивилизации на основе разумного управления биосферой, является *идея ноосферы*. Согласно последней, такая суперсистема, как «Вселенная», с помощью человека обретает способность не только познавать саму себя, но и направлять свое развитие по пути компенсации или хотя бы ослабления действия дестабилизирующих факторов¹. Обеспечение стабильности биосферы предполагает использование *коэволюционной стратегии*, т.е. согласования поведения и деятельности человека с закономерностями развития биосферы.

Самими учеными концепция глобального эволюционизма оценивается по-разному. В ее содержательной интерпретации присутствуют полярные точки зрения: от восторженных отзывов до ее полного отрицания. Но при всей неоднозначности оценок данной концепции несомненным остается одно — она обладает значительным *эвристическим потенциалом*, поскольку позволяет углубить понимание развития, рассматривая эволюцию неорганической, органической и социальной сфер как единый процесс, подчиняющийся закономерностям самоорганизации.

Концепция глобального эволюционизма позволяет обнаружить целый ряд проблем, решение которых позволило бы конкретным наукам сделать шаг вперед. К их числу можно отнести следующие:

- мера допустимого проецирования схемы эволюционного развития нашей Вселенной (Метагалактики) на другие вселенные;
- правомерность экстраполяции закономерности биологической эволюции на космические процессы (что демонстрирует концепция глобального эволюционизма);
- механизмы обеспечения перехода от неживого вещества к живому;
- закономерности возникновения системных свойств;
- роль отрицательных обратных связей в обеспечении внутреннего постоянства органической системы, механизмы их действия;
- «синергетические эффекты» (социальные и антропологические последствия), к которым может привести происходящий процесс глобализации;
- способность человеческого Разума осуществить коэволюционный проект и др.

Концепция глобального эволюционизма определяет контуры исследовательской программы для науки *в целом*. В рамках глобального эволюционизма становится очевидным, что сложные системы нельзя описать с помощью языка одной науки. Чем глубже наука проникает в свою предметную область, тем отчетливее осознается необходимость ее диалога с другими конкретными науками. Принципы глобального эволюционизма становятся

¹ Моисеев, Н.Н. Глобальный эволюционизм / Н.Н. Моисеев // Вопросы философии. 1991. № 3. С. 11.

основой синтеза знаний в современной науке. Они позволяют объединить дисциплинарные онтологии и построить общенаучную картину мира, в центре которой находится человек.

Данная концепция создает теоретическую основу для понимания человека в качестве результата и объекта космической эволюции как естественного и закономерного этапа в развитии нашей Вселенной, как погруженного в окружающий его мир и ответственного за него. Такое понимание предполагает синтез естественнонаучного и социогуманитарного знания, определение «человекоразмерности» природных и социальных процессов, а также экологических и аксиологических императивов самой человеческой деятельности.

Таким образом, в современной науке и культуре концепция глобального эволюционизма обретает статус подлинно научной методологической стратегии познания природы и социокультурных явлений, поскольку она не ограничивается только описанием и классификацией развивающихся объектов, а органично соединяет требования эволюционной интерпретации систем самой различной природы с принципом их системного анализа. В результате процесс развития понимается как динамика самоорганизующихся систем разной степени сложности, в которой происходят направленные во времени изменения от одного типа организации к другому. Глобальный эволюционизм становится реально действующей методологической программой современного научного познания, ибо позволяет рассматривать в органической взаимосвязи и обусловленности явления неорганической и органической природы с реальным учетом влияющих на их функционирование и развитие социоантропогенных факторов.

ГЛАВА 5. ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕКА В ФИЛОСОФИИ

5.1. Понятие философской антропологии и основные стратегии осмысления человека.

Проблема происхождения человека в философии и науке

В течение своей истории человечество накопило огромный массив знаний и информации о неорганическом мире, флоре, фауне, устройстве общества, его экономической и политической жизни, истории и культуре. Но как ни удивительно, в наименьшей степени человек смог постичь себя, свое происхождение, смысл своего существования, свое назначение в мире. Это неслучайно, поскольку определяется сложностью самого феномена человека и многообразием форм его социально-культурного бытия.

Слова известного французского мыслителя XVII в. Б. Паскаля «Что за химера человек? Какая невидаль, какое чудовище, какой хаос, какое поле противоречий, какое чудо! Судья всех вещей, бессмысленный червь земляной,

хранитель истины, сточная яма сомнений и ошибок, слава и сор вселенной? Кто распутает этот клубок?.. Узнай же, гордый человек, что ты — парадокс для самого себя»¹ рельефно проявляют диалектическую противоречивость человеческой природы. Она не поддается строгому рационально-дискурсивному анализу, так же, как невозможно понять самого человека, его действия и поступки исходя из признанных канонов научной рациональности. В данном случае возможности наук ограничены, но они открывают возможности для философской рефлексии, которая, ставя задачу достигнуть объективно-истинного знания о рассматриваемых явлениях человеческого бытия, признает в качестве принципиальной установки сосуществование его различных интерпретаций. Такая философская рефлексия составляет предмет философской антропологии.

Философская антропология — составная часть философии, в которой рассматриваются вопросы о сущности человека и его отношении к природе, обсуждаются проблемы происхождения человека, его физического, психического и духовного бытия в мире, осмысливаются перспективы существования и раскрываются законы его биологического, ментального и социального развития.

В научной и учебной литературе термин «философская антропология» используется в трех смыслах²:

1) термин, означающий традиционное для философии знание, предполагающее философскую рефлексия над проблемой человека и его местом в природной и социальной истории. Подобным образом понятие «философская антропология» берет начало в древности. В частности, в европейской философской традиции ее становление обычно связывают с творчеством Сократа, для которого характерна переориентация философии с рефлексии над бытием природы на рефлексия над бытием человека. Отличительной особенностью подобного рода понятий философской антропологии является отсутствие у нее официального статуса самостоятельного раздела философии (подобно онтологии или гносеологии в классической философии) или философской дисциплины (подобно этике или эстетике). Философское знание о человеке существовало в инкорпорированной в другие разделы классической философии форме;

2) термин, отмечающий наличие относительно самостоятельного раздела философского знания о человеке и его бытии в мире. В этой интерпретации философская антропология рассматривается как система специализированной исследовательской деятельности со своим, достаточно четко очерченным предметом, устоявшимися традициями и методологическими программами познания, объективными критериями оценки и закрепления

¹ Паскаль, Б. Мысли / Б. Паскаль, М., 1995. С. 110.

² См., например, Гуревич, П.С. Философия человека: в 2 ч. / П.С. Гуревич, М., 1999. Ч. 1. С. 20—21.

полученного знания. Возникновение таким образом понимаемой «философской антропологии» стало свидетельством так называемого «антропологического поворота» в философии, происходившего в конце XIX — начале XX в. и ознаменованного самым пристальным вниманием философии в наше динамичное и жестокое время (по образному сравнению О.Мандельштама, в «век-волкодав») к познанию и пониманию человеком самого себя.

3) термин, фиксирующий существование специализированной философской школы, получившей в качестве собственного названия — название «школы философской антропологии». Это оказалось знаменательным, поскольку основатели школы — немецкие философы М. Шелер и Г. Плеснер, их последователи А. Гелен, А. Портман, Э. Ротхакер, М. Ландман и ряд других мыслителей — прямо заявили о кризисе наших знаний о человеке. Они обратили внимание на парадоксальность сложившейся ситуации: созданы история метафизики, история философии природы, история этической и научной мысли, но самого интересного, поучительного и близкого человеку — истории философии самого человека не существует. Поэтому представители данной школы поставили перед собой задачу осуществления целостного и комплексного анализа феномена человека на основе соединения естественнонаучных и философских знаний о нем¹.

Сопоставляя основные смысловые интерпретации термина философская антропология, легко убедиться, что они не противоречат, а, скорее, дополняют друг друга, хотя более точным можно считать второй из них: понимание философской антропологии как раздела современной философии, в котором ставятся и обсуждаются фундаментальные проблемы человеческого бытия. В таком значении философская антропология получила развитие в конце XIX—XX вв. во многих концептуальных проектах, кроме одноименной школы: в неотомизме, персонализме, тейярдизме, марксизме, неомарксизме и постмарксизме, «философии жизни», фрейдизме и неофрейдизме, экзистенциализме, русской религиозной философии и некоторых других.

Философская антропология является специфическим знанием о человеке.

Специфика философско-антропологического подхода определяется:

- комплексным изучением феномена человека и признанием неправомочности, как это иногда происходит в конкретных науках, его редукции к одной из его ипостасей. При этом не важно, к какой модели человека приводит подобная редукция — биологизаторской, психологизаторской или социологизаторской. Важно, что в итоге перед нами предстает не реальный человек во всей сложности и многогранности его качеств, а своеобразная эрзац-модель, в которой могут быть скрупулезно воспроизведены отдельные детали анатомии, физиологии или психики человека, но будет утеряно главное — целостность человеческого образа;

¹ Проблема человека в западной философии: Антология. М., 1988; Это человек: Антология. М., 1995.

- имплицитно присущим философии стремлением раскрыть сущность познаваемых явлений и процессов. В изучении человека именно такой подход и свойствен философской антропологии, поскольку, по мнению М. Шелера, «специальные науки, занимающиеся человеком и все возрастающие в своем числе, скорее скрывают сущность человека, чем раскрывают ее»¹. Поэтому если философия предполагает раскрытие, используя выражение Аристотеля, «предельных оснований бытия», то философская антропология старается осмыслить сущностные и в этом смысле «предельные», метафизические основания бытия человека;

- стремлением совместить теоретическое и эмпирическое знание о человеке, гармонизировать знание о сущности человека и знание о ее проявлениях в различных ситуациях существования индивида. Решение этой задачи предполагает обращение к конкретно-научному знанию, полученному в изучающих человека естественных и социально-гуманитарных дисциплинах, что позволяет философской антропологии избежать крайностей излишнего теоретизирования и «заземлить» философскую рефлексию над антропологической проблематикой;

- постановкой и обсуждением в ее рамках мировоззренческих проблем, осмысление и решение которых непосредственно не связано с достижением прагматического, тем более утилитарного знания. Проблемы смысла жизни, смерти и бессмертия, свободы, о которых речь пойдет ниже, значимы для человека прежде всего тем, что размышление над ними всегда носит сугубо личностный характер, пробуждая и оттачивая его самосознание.

- принципиальным плюрализмом; так же, как и в философии в целом, в философской антропологии не существует монополии на истину: наоборот, каждая из ее фундаментальных проблем имеет широкий спектр интерпретаций в зависимости от принадлежности мыслителя или целой школы к той или иной философской традиции. Эта особенность рельефно отличает философскую антропологию от религиозной антропологии или естественнаучной системы антропологических знаний.

Во всей философско-антропологической традиции (классической и постклассической) можно выделить следующие стратегии осмысления человека: натурализаторскую, социологизаторскую и рационалистическую, экзистенциально-персоналистскую (приведенная типология предложена Е.В. Хомич). Каждая из перечисленных стратегий выражает некую общую направленность философского мышления. При этом в контексте конкретных учений зачастую обнаруживается сложное и противоречивое переплетение различных подходов.

¹ Шелер, М. Положение человека в Космосе / М. Шелер // Проблема человека в западной философии: Антология. М., 1988. С. 31.

Натурализаторская интерпретация предполагает трактовку человека как природного существа, особенности которого генетически и функционально определяются естественной средой его обитания. Сторонники натурализма рассматривают человека в единстве с остальными представителями живой природы, которые отличаются от него менее сложной организацией, но обладают сходством с ним, поскольку также подчиняются всеобщим естественным законам. Человек в данном случае оценивается как высокоразвитое живое существо — наиболее совершенное произведение органического мира, в жизнедеятельности которого осуществляется «план природы».

В рационалистической стратегии сущность человека объясняется наличием у него разума, сознания. Наиболее распространенными в рамках данной стратегии являются определения человека как рационального существа, или разумного животного. Разум в данной стратегии выступает как высшее начало и абсолютная ценность, основа познания мира и поведения человека.

Философия классического рационализма в целом, от Платона до Гегеля, отличается стремлением к открытию в человеке и мире предельных субстанциональных оснований сущего. В связи с этим разум понимается предельно широко: не только как отличительная способность человека, но и как основание природно-космического бытия. Представление о разумном устройстве мира, наличии в нем внутренней логики и порядка существует в рационализме наряду с убеждением в том, что человек силой своего разума способен постичь этот мир и устроить его на разумных началах.

Социологизаторская стратегия в определении человека и его сущности устанавливает приоритет общества и культуры. Человек характеризуется в ней как общественное существо, продукт социального развития. Подчеркивается, что человек не существует вне общества и только в обществе он может действительно реализовать себя. Социальные связи и отношения становятся главной детерминантой и объяснительным принципом развития личностных качеств человека, которые образуются по меркам этих отношений.

В неклассической философии социальная сущность человека подчеркивается в марксистской концепции личности. Человек в ней рассматривается как сознательное, активное, предметно-деятельное существо. Своеобразие человека, по К. Марксу, определяется его сущностью, которая представляет собой «совокупность всех общественных отношений». Согласно марксистской концепции, сущность человека формируется в контексте социальных связей и отношений в конкретно-исторической форме и изменяется в ходе развития общества.

Становление и обретение популярности *экзистенциально-персоналистской стратегии* связано с «антропологическим поворотом», сделавшим человека центральной темой философских поисков. При этом намечается новый путь антропологических размышлений, идущий не от бы-

тия вообще к бытию человека, а от человеческого существования к миру в целом, как он видится человеку и «выстраивается» вокруг него. Одним из наиболее ярких проявлений данной тенденции в философии XX в. является *экзистенциализм*. «Антропологический поворот» в экзистенциализме становится поворотом от классической «философии сущностей» к философии человеческого существования. Представители экзистенциализма (К. Ясперс, М. Хайдеггер, Г. Марсель, Ж.-П. Сартр, А. Камю) обращаются к конкретному опыту существования человека в мире и его отличительным особенностям.

Экзистенциалисты исходят из критической оценки возможностей объективно-научного познания в постижении специфики человеческого бытия. Поскольку деятельность человека укоренена в существовании «здесь и теперь», он открывает себя в непосредственном переживании и постоянном самоопределении, конституируя себя в мире как конкретную индивидуальность. Человек в экзистенциализме предстает как «бесперывная неустойчивость», не имеющая завершенной определенности; из всего сущего он выделяется своей способностью превзойти заранее установленные пределы посредством проекта собственного существования. Различая подлинное и неподлинное бытие, экзистенциалисты противопоставляют подлинному существованию человека унифицированное, анонимное, безличное и безответственное — существование «как все». Подлинное существование утверждается в экзистенциализме как уникальный опыт творчества, свободы и личной ответственности человека.

Стремление утвердить личность в качестве первичной творческой реальности и высшей духовной ценности отличает *персонализм*, развивающий философско-религиозную концепцию человека. Персонализм сформировался в конце XIX — первой половине XX в. в России в работах Н. Бердяева и Л. Шестова и США, где выразителями его идей были Б.П. Боун, Дж. Ройс, Э.Ш. Брайтмен, Р.Т. Флюэллинг. В 30-х гг. XX в. персонализм получил развитие во Франции в творчестве Э. Мунье, Ж. Лакруа, М. Недонсель, П. Рикера.

В персонализме обосновываются уникальность и исключительность личности как высшей ценности — «венца мира». Призванием человека, согласно персонализму, является не созерцательная жизнь, а активная деятельность, направленная на всестороннее развитие самого себя и творческое преобразование мира. Творческие возможности личности считаются в персонализме безграничными. Более того, в своем пределе, достигая трансцендентных высот, личность становится тождественной Богу-творцу как высшей творческой личности. Религиозность и нравственность рассматриваются персоналистами как наиболее значимые предпосылки преобразования мира на гуманистических основах и создания общества всеобщего взаимопонимания.

Разработка и обоснование синтетической концепции человека в неклассической философии осуществляется в «философской антропологии» как самостоятельном направлении исследований, возникшем в конце 1920-х гг. в Германии и затем распространившемся в ряде других стран. Представителей этого направления М. Шелера, Г. Плеснера, А. Гелена объединяет стремление утвердить человека в качестве главного предмета филосоfovания.

Они обосновывают мысль о том, что однозначное и исчерпывающее знание о человеке недостижимо, поскольку познаваемый объект является многозначным и открытым по своей сути. Наиболее перспективный путь антропологических исследований, по мнению философов, связан с разработкой учения, которое изначально исходило бы из бытия самого человека и придерживалось антропологических принципов в истолковании реальности.

Среди фундаментальных проблем философской антропологии и наук о человеке особое мировоззренческое значение имеет **проблема происхождения человека**, в осмыслении которой можно выделить несколько концептуальных подходов. К числу важнейших концепций антропосоциогенеза и культурогенеза человека, а также других приобретших популярность представлений о происхождении человека относятся:

- *креационистская концепция*, предложенная в рамках религиозного мировоззрения. Человек выступает здесь как результат Божественного творения, созданный по «образу и подобию» Бога. Обладая разумом, свободой воли, творческими способностями, человек занимает высшую ступеньку в иерархии живых существ. Креационизм акцентирует внимание на уникальности человека, несводимости его сущностных сил к характеристикам сотворенного бытия;

- *эволюционная концепция*, впервые разработанная в теории Ч. Дарвина. Теория утвердила идею развития живой природы, которая не была создана раз и навсегда (как полагал креационизм), а прошла путь сложной эволюции, порождения одних видов «живого мира» другими. В этом контексте и сам человек трактуется как один из видов животных, связанных с миром природы генетическими узами. Подобие зародышей человека и обезьяны однозначно указывает на наличие генетической связи между этими видами. Подтверждение ее существования Ч. Дарвин видел в подобии физических признаков человека и обезьяны; в известных антропологии феноменах «ненормальных возвратов» (случаях рождения детей, тело которых отличалось сплошным волосным покровом и т.п.). Существенный недостаток дарвиновской теории заключается в редукции «феномена человека» к его физической организации, к человеческому телу;

- *трудовая теория* антропосоциогенеза, предложенная Ф. Энгельсом. В рамках марксистского подхода она объяснила возникновение человека, указав на действие двух факторов:

1) природно-биологических, включающих в себя похолодание климата Земли и исчезновение обширных широколиственных тропических лесов, в которых обитали непосредственные предки человека. Сохранить свое существование они смогли, приобретя новые физические признаки (прямохождение, что позволило гоминидам легко передвигаться по поверхности земли; изменения, коснувшиеся передних конечностей, способствовали удерживанию орудий и манипулированию ими; изменившаяся в ходе эволюции гортань приспособилась к извлечению членораздельных звуков; увеличение объема мозга, его структурная трансформация привели к появлению второй сигнальной системы, обеспечившей человеку развитие речи);

2) социальных, среди которых трудовая деятельность с использованием искусственно произведенных орудий; появление языка, позволившего психическому отражению действительности отделиться от непосредственно переживаемых потребностей, фиксировать социально значимые характеристики объектов, хранить информацию о производственном, житейском опыте в объективированной знаковой форме, передавать ее от человека к человеку, от поколения к поколению; морально-нравственные запреты и табу на близкородственные половые связи и на убийство сородича; неолитическая революция, предполагавшая изготовление каменных орудий труда и ознаменовавшая переход от присваивающего хозяйства к хозяйству производящему;

- *игровая модель* (Й. Хейзинга, Е. Финк), которая видит важнейший фактор возникновения человека в игре. Анализ архаичных форм культуры приводит к выводу об их игровой природе, порождающей мир символических форм деятельности, имеющих весьма значимую роль в процессе антропогенеза;

- *психоаналитическая концепция* З. Фрейда, связывающая появление человека и человеческой культуры с утверждением культа, в основании которого лежат тотем и табу. Восстание сыновей против отца в первобытной орде привело к убийству предводителя общины, который был обожествлен в форме тотема как прародителя рода. Регулирование сферы сексуальных отношений, вызвавших некогда эту трагедию, и стало источником появления религии и морали, определивших собой дальнейшее развитие культуры и человека;

- *семиотическая модель* (Э. Кассирер, Т. Роззак, Л. Мэмфорд), трактующая человека как единственное существо, способное к построению знаковых систем. Культура рассматривается здесь как знаково-символическая реальность, основу которой составляет язык. Посредством знаков языка выделяются те или иные объекты и процессы действительности, которые наделяются значением и смыслом. Восприятие реальности человеком оказывается, таким образом, возможным в перспективах и ракурсах, задаваемых языком. Один из создателей этой модели Э. Кассирер отмечал: «Человек сумел открыть новый способ приспособления к окружению. У человека между систе-

мой рецепторов и эффекторов, которые есть у всех видов животных, есть и третье звено, которое можно назвать символической системой... Вместо того чтобы определять человека как *animal rationale*, мы должны, следовательно, определить его как *animal simbolicum*»¹ — символическое животное;

• *уфологическая гипотеза*, указывающая на якобы избыточную сложность структур мозга, функциональных возможностей сознания человека по отношению к требованиям, предъявляемых человеческому роду со стороны земной цивилизации, связывает первоначальное появление разума с инопланетными мирами, откуда он якобы и был занесен на Землю. Она не соответствует канонам научной рациональности, хотя и пользуется определенной популярностью у почитателей жанров фэнтези и научной фантастики.

5.2. Природа и сущность человека. Человек как био-, социодуховный феномен

За весьма длительную историю существования антропологической мысли было создано немало концепций и представлений о природе человека натуралистического, социологизаторского, религиозного и другого характера. Теоретической основой современной концепции онтологии человека (его онтологической структуры или природы) является идея многоуровневой природы человека. Она противостоит, с одной стороны, различного рода одноуровневым истолкованиям природы человека (ее сведения только к какому-то одному уровню, будь то биологический, социальный, духовный уровень бытия). С другой — данный подход противостоит и явно неполной трактовке природы человека как системы, состоящей только из двух уровней — биологического и социального. Эта двухуровневая трактовка является широко признанной и продолжает, как считает С.А. Лебедев, «кочевать из одной книги в другую в виде стандартного клише»².

Идея многоуровневой природы человека, его онтологической структуры — это, по сути, установление организации человека, его состава как многомерного существа. Данный подход представляет человека как целостное единство биологически-наследственного и социально-приобретенного. В его составе специально выделяется и духовная составляющая (начало), которая позволяет рассматривать человека как сверхсложную, многоуровневую и вместе с тем целостную систему, а именно понимать его как био-, социодуховное существо. Тогда по своей организации и составу (природе) он выступает как «воплощенный» дух или одухотворенная телесность, т.е. его природа интегральна — единство био-, социодуховных начал.

¹ Кассирер, Э. Опыт о человеке: введение в философию человеческой культуры / Э. Кассирер // Проблема человека в западной философии. М., 1988. С. 28, 30.

² Лебедев, С.А. Онтология человека / С.А. Лебедев // Человек. 2010. № 1. С. 27.

Духовное начало в человеке как элемент его природы является обозначением внутреннего субъективного мира человека, его ценностно-смыслового содержания. Духовность — это обретение культуры, поэтому она есть показатель существования определенной иерархии ценностей, целей и смыслов; в ней концентрируются проблемы, относящиеся к высшему уровню духовного освоения мира человеком. Духовность есть интегративное качество, относящееся к сфере смысложизненных ценностей, определяющих содержание, качество и направленность человеческого бытия и «образ человеческий» в каждом индивиде¹.

Сфера духовной жизни — это не просто усвоение элементов культуры и нравственных ценностей. Это и осмысление, и переживание личностью жизненного опыта. Содержание духовности объединяет мысль, знание и чувство, а сама духовность выступает как определенное качество человеческого бытия. Духовность — это выход человека за рамки узко эмпирического бытия, преодоление «себя» вчерашнего в процессе обновления и совершенствования, восхождение личности к своим идеалам, ценностям и реализация их в своем жизненном пути. Таким образом, духовность — это проблема жизнетворчества человека как экзистенциального существа.

Осмысление многоуровневой природы человека сегодня не вписывается в рамки одномерного (и даже двумерного) познания и линейного стиля мышления. Ее современная интерпретация базируется на синергетической методологии. Действительно, принцип синергии как совместного, согласованного действия всех структурных уровней природы человека (биологического, социального и духовного) предполагает учет их взаимного подчинения. При этом важно иметь в виду, что не только высшее подчиняет низшее, но и наоборот, хотя и в различных отношениях. При этом они не могут существовать друг без друга. Так, например, природное в человеке сохраняет свою автономность даже будучи облекаемо в социальные и технологические формы деятельности.

В человеке есть мера каждого уровня его природы, и пресечение границ этой меры искусственно (с помощью новейших технологий) или естественным путем — путем перехода в нечто иное есть прекращение его бытийности, а в конечном счете и существования как уникального субъекта социально-исторического развития в известной части Вселенной. Любые попытки обосновать перспективы развития человека с сугубо технологических или, более того, технократических позиций несостоятельны и неприемлемы с позиций реального гуманизма.

Теоретическое конструирование человека как особого рода бытия предполагает решение и проблемы сущности человека. По мнению С.А. Лебедева, из многоуровневой природы человека «с необходимостью следует и

¹ Буева, Л.П. Духовность, художественное творчество / Л.П. Буева // Вопросы философии. 1987. № 2. С. 119.

представление о многомерной сущности человека»¹. Ни одно из известных одномерных определений человека (человек разумный, человек политический, человек деятельный, человек экономический, человек играющий, человек любящий, человек символический, человек творящий, человек религиозный и др.) не может полностью выразить его сущность. И это неудивительно, так как на абсолютизации тех или иных свойств человека строились целые философские системы, в основе которых лежит один из атрибутов человека, принятый за его сущностный признак. Многомерное понимание сущности человека не может быть представлено только каким-нибудь одним уровнем его бытия (например, только социальным) и определяться совокупностью всех существующих общественных отношений, как это имело место в марксистском понимании сущности человека. Сущность человека не только многомерна, но и многоуровневая. Она отражает сущностные черты всех трех уровней его природы и существования, о которых говорилось выше.

В основе факторов формирования сущности человека лежит система фундаментальных отношений, имеющих место между человеком и окружающим его миром. К числу этих фундаментальных и не сводимых друг к другу отношений, которые задают общую рамку формирования сущности человека, можно отнести онтологические, познавательные, деятельностные, практически-прагматические, этические, эстетические, коммуникационные, экзистенциальные и др. Конкретное наполнение этих отношений и тем самым формирование сущности каждого человека определяются наличными условиями его природного и социокультурного бытия, его целями и стремлениями, а также множеством экзистенциальных выборов, которые осуществляет человек в процессе своей жизнедеятельности. Таким образом, природа человека является многоуровневой, а его сущность многомерной.

В то же время существуют и принципиально иные трактовки человеческой сущности, широко представленные в современной философской антропологии. Немецкие философы М. Шелер, А. Гелен, Г. Плеснер сущность человека выводили из его родовой специфичности. Человек ими рассматривался как неспециализированное, эксцентричное существо, крайне скудно наделенное от природы инстинктами. Человек по своей природе не занимает строго фиксированного положения в мире. Его бытие — это постоянный и непрерывный процесс поиска и обретения своей, специфической ситуации в мире. Необоснованность бытия — это способность иметь множественность оснований, т.е. возможность и необходимость свободного выхода за границы каждой конкретной жизненной ситуации для создания новой, отвечающей его интересам, потребностям и ценностям. Сущность человека, таким образом, в его незавершенности, его открытости миру, свободе, способности к трансцендированию.

¹ Философская антропология: человек многомерный / под ред. С.А. Лебедева. М., 2010. С. 27.

5.3. Проекция человеческой реальности: индивид, личность, индивидуальность

Представление о человеке как о сверхсложной, многоуровневой и высокоорганизованной системе является в настоящее время достаточно естественным и очевидным. Для описания различных проекций (ипостасей) человека, его многогранности и многокачественности используются различные понятия, важнейшими из которых являются «человек», «индивид», «личность», «индивидуальность».

Наиболее общим родовым понятием является понятие человека. Человек — это субъект общественно-исторического процесса, развития материальной и духовной культуры на земле, био-, социодуховное существо, генетически связанное с другими формами жизни, но выделившееся из них благодаря способности производить орудия труда, обладающее членораздельной речью и сознанием, духовно-нравственными качествами. Понятие «человек» отражает общеродовые черты, присущие человеческому индивиду. Таким образом, оно дает самую общую и потому предельно абстрактную характеристику человеку.

Человек — концепт наиболее объемный, передающий универсальную причастность представителя *Homo sapiens* к родовой био-, социодуховной организации.

Индивид (от лат. *individuum* — неделимое, особь) — единичный, конкретный представитель человеческого рода, отдельно взятый человек. В понятии «индивид» воплощается родовая принадлежность человека. Когда мы называем конкретного человека индивидом, мы подчеркиваем, что он потенциально является человеком. Появляясь на свет как биологический индивид (родившийся ребенок), человек постепенно становится личностью.

У родившегося ребенка в генах заложены природные предпосылки для развития именно человеческих признаков и качеств, что принципиально и потенциально отличает его от детеныша животных, которого сразу же после рождения и до конца жизни называют особью, а не индивидом.

В биологическом плане *Homo sapiens* суть отдельный вид, возникший сравнительно поздно на траектории эволюции всего живого. Для человека как биологического вида характерен свой генетический код, расшифровка которого практически полностью завершена. Как биологическое существо человек может существовать только в определенном интервале физико-химических условий. Человек как представитель биологического вида *Homo sapiens* — это биологический индивид, носитель генетически унаследованных, врожденных и приобретенных свойств, обеспечивающих его адаптацию к природной среде обитания, выживание и рождение плодотворного потомства (биологическую адаптацию). В ходе антропогенеза у него сформировались и такие существенные признаки, как прямая поход-

ка, развитый мозг, способность осуществлять целенаправленную деятельность, использовать язык в процессе коммуникации, вести коллективный образ жизни и др.

Однако в понятии «индивид» отражаются не только родовые черты человека, обладающего специфическими качествами (особость природных свойств, психических способностей, деятельностного, мыслительного, жизненного потенциала). Человеку как индивиду присущи и социально обусловленные качества (прежде всего наличие у него сознания).

В социальном плане человек оказался способным проектировать и создавать социальные системы от простейших (семья, род, община) до сложных (государство, цивилизация, мировое сообщество), состоящих из множества подсистем (армия, экономика, политика, образование, наука, идеология).

Начиная с определенного момента эволюции главной заботой человека становится воспроизводство социальных систем и их совершенствование. Сам человек все более определяется совокупностью наличных общественных отношений, обслуживанием и развитием последних. В связи с этим человека можно трактовать как социального индивида, т.е. в качестве представителя определенного общества в конкретную, историческую эпоху. Человек как социальный индивид обладает комплексом социально обусловленных качеств, обеспечивающих его адаптацию к социальной среде и способность реализовать себя в различных видах социального общения и действия. Однако при всей зависимости от социальных отношений человек всегда был, в конечном счете, их творцом. Особенно значима в этом плане роль великих личностей — социальных инноваторов как в отдельных сферах общественной жизни, так и в понимании структуры общества в целом, ее проектировании и реализации. Это относится не только и даже не столько к великим государственным деятелям, полководцам, ученым, сколько к духовным лидерам, деятелям культуры в самом широком смысле этого слова, т.е. к создателям новых систем социальных ценностей (общезначимых представлений о целях, идеалах, предназначении человека). В этом смысле культура и социум когерентны, но не сводимы один к одному. Культура (если она культура) всегда взыскует высокого и должного, общество — массового и сущего. Между ними всегда существует определенный люфт, зазор, противоречие, но именно потому, что человек прежде всего творец, его культурное измерение и предназначение — быть выше совокупности господствующих общественных отношений.

Духовно-культурное измерение человека возвышает его над биологической и социальной индивидуальностью, придает ему личностную проекцию. Поэтому **личность** — это человек как представитель определенной культуры, усвоивший ее смысловой опыт и использующий его для согласования индивидуального поведения, деятельности и жизнедеятельности в целом с системой культурных смыслов, мотивов и ценностей.

Личность в философии исследуется со стороны содержательных процедур самоинтеграции — поиска смысла жизни, осмысления собственной судьбы, размышлений о жизни и смерти и способности к преднамеренным свободным поведенческим актам — поступкам¹. Понятие «личность» выражает персонифицированный способ бытия человека.

Личность в социологии исследуется в качестве продукта социальных взаимосвязей и субъекта социальной активности. В общей психологии рассматривается системное качество, приобретенное индивидом в процессе деятельности (устоявшаяся система мотивов, глубинных смысловых образований, установок). В социальной психологии личность рассматривается со стороны ее отношений с социальной группой.

Важнейшая особенность личности — умение избегать отождествления себя как определенной целостности с конкретными формами своего социального поведения. Мобильность личности, умение менять стиль поведения, чутко реагировать на меняющиеся социальные требования есть важный элемент регулирования социальных взаимодействий.

С точки зрения ролевой концепции личности, исследующей возможности человеческой способности «казаться» (Т. Парсонс, М. Вебер, Р. Липтон в социологии, Дж. Мид, М. Кун в психологии), не существует «человека вообще», существуют лишь явления, «роли» личности в обществе. Другими словами, человек всегда есть «кто-то» — носитель определенных норм, идеалов, традиций, он не бывает «ником». Однако социальная роль не означает сознательно принятое на себя актерство; социальная роль — это лишь конкретная форма проявления жизненных установок личности в определенных обстоятельствах.

Марксизм, фактически выступая сторонником ролевой концепции личности, расширяет групповой интерес до классового и общесоциального, что делает невозможным безболезненную смену ролей для личности. Обесмысливается само понятие роли. Роль превращается в признание, миссию, сростается с личностью. Изменение социальной роли оказывается возможным только с изменением самих социальных отношений, в которых существует и действует *индивид*.

Тем не менее человек как личность способен не только осознавать включенность в ролевые отношения. Он может выходить за рамки роли, для личности присущи потребность в самореализации и представление о себе как об уникальной целостности, что является важным механизмом социальной регуляции. Коммуникативные межличностные связи на этом уровне носят специфический и часто непредсказуемый характер. В психологической теории самоактуализации (А. Маслоу, Г. Олпорт, К. Роджерс) отмечается, что, дистанцируясь от роли, человек актуализирует такие качества лич-

¹ Кириленко, Г.Ч. Краткий философский словарь / Г.Ч. Кириленко, Е.В. Шевцов. М., 2003. С. 190.

ности, как потребность к самовыражению, способность к творческой активности, трансцендированию, а также самопроективность. Личность нарушает устойчивость социальных отношений, разрывает коммуникационные сети, устанавливает новые правила коммуникации. Личность в данном случае проявляет себя не как социальный индивид — носитель общих норм и ценностей, но как индивидуальность. Понятие индивидуальности отлично от понятия личности. Если личность — это попытка воплотить внутреннее во внешнем, то результат этой попытки всегда индивидуален, неповторим. Не будучи личностью, нельзя стать и индивидуальностью. Индивидуальностью может обладать только сформировавшаяся личность.

Индивидуальная самобытность делает людей подлинно неповторимыми существами. Их неповторимость не обуславливается природными факторами, которые играют важную роль в определении индивидуального бытия. Специфический узор каждого покрова пальцев рук, например, служит одним из средств установления индивидуальной идентичности и опознания человека, но не является основанием человеческой индивидуальности. Истинный смысл индивидуальной неповторимости связан не с внешним обликом человека. Индивидуальность проявляется в способе его бытия в качестве самостоятельной личности. Здесь прежде всего и коренится индивидуальная неповторимость конкретного человека.

Таким образом, индивидуальность — это такая форма существования человека, благодаря которой он, несмотря на свою природность и социальность, не растворяется в обществе, а представляет собой нечто отдельное, автономизированное, обладающее в рамках социума своей особой жизнью. Способы индивидуальной деятельности не содержатся в готовом виде в социокультурном опыте и не являются общезначимыми для всех. Каждый человек, опираясь на собственные способности и возможности, должен выработать свои индивидуальные способы и приемы деятельности, определить свою неповторимую стратегию жизни, наполнить ее личностно-неповторимым смыслом. Это обуславливает необходимость индивидуальной самостоятельности и активности человека, а следовательно, и необходимость индивидуального уровня его бытия в обществе.

В условиях, когда современное общество вовлекает человека в круговорот разнообразных связей, процессов и отношений, агрессивно навязывая ему определенные образцы, стандарты жизни, защита и развитие его самобытности и уникальности есть один из насущных вопросов нашего времени. Более того, современные тенденции омащования и нивелирования личности ставят вопрос о самом праве человека на индивидуальную жизнь, о перспективах его индивидуального бытия. Того требует и возросшая доля индивидуального вклада во все сферы общественной жизни, и индивидуальная ответственность человека.

5.4. Экзистенциально-аксиологические параметры бытия человека в мире

Человек — это тайна, и его бытие является загадкой для него самого. Стремление разгадать эту загадку, опираясь как на собственный жизненный опыт, так и на опыт других людей, порождает рефлексию, приобщая человека к осмыслению экзистенциальных, имеющих непосредственное отношение к индивидуальному и неповторимому существованию человека проблем. Это проблемы метафизического характера, которые не имеют однозначного и универсального решения, а их осмысление не предполагает достижения некоего прямого прагматического результата, требующего рецептурного и ситуативного знания. Тем не менее сама постановка этих проблем исключительно важна для человека, так как фиксирует определенную степень его духовной зрелости.

Дело в том, что человек, обладающий определенным жизненным опытом, просто не может не задумываться о том, кто он, зачем живет, что он оставит после себя ... Он не может не ставить перед собой эти вопросы, потому что размышление над ними позволяет ему осознать собственную индивидуальность и попытаться постигнуть свое предназначение в мире, почувствовать приобщенность к нему и заявить о себе как о думающем, сомневающемся, страдающем, но при этом утверждающем свою духовную суверенность существе. Тем самым обращение человека к подобным, имеющим вечный характер аксиологическим проблемам бытия всегда имело глубинный метафизический смысл, хотя в современном мире человек часто ощущает себя незащищенным перед вызовами со стороны природы и общества. Он оказывается в ситуации экзистенциального вакуума, возникновение которой известный австрийский психолог В. Франкл связывает с двойной потерей. По словам ученого, «в начале человеческой истории человек потерял некоторые из основных животных инстинктов, которые определяли поведение животного и посредством которых оно охранялось. Такая защита подобно раю закрыта для человека навсегда; человек должен совершать выбор. Вдобавок к этому при последующем развитии человек претерпел вторую потерю: традиции, которые служили опорой его поведения, быстро разрушаются. Никакой инстинкт не говорит ему, что он вынужден делать, никакая традиция не подсказывает ему, что он должен делать, вскоре он уже не знает, что он хочет делать»¹. Поэтому стремление задуматься над аксиологическими проблемами важно для современного человека, который, постигая тайны природы и преобразуя мир, оказывается не в состоянии понять самого себя, нанося вред и своему телу, и душе и духу.

¹ Франкл, В. Поиск смысла жизни и логотерапия / В. Франкл // Психология личности. Тексты. М., 1982 С. 122.

Однако не все потеряно для человека, коль он задумывается над экзистенциальными проблемами собственного бытия. Круг волнующих человека и представляющих устойчивый интерес для философской антропологии ценностно-смысловых проблем достаточно обширен (любовь и ненависть, отчаяние и вера, горе и печаль человека, его свобода, страх, одиночество, отчуждение и др.).

Среди этих проблем одно из центральных мест занимает **проблема смысла жизни**, определяющая жизненную стратегию человека и выбор им ценностных приоритетов. Очевидно, что данный выбор сугубо индивидуален и связан с личностными особенностями человека: «Мы не должны искать абстрактного смысла жизни. У каждого свое собственное призвание и миссия в жизни, каждый должен выносить в душе конкретное предназначение, которое требует своей реализации»¹.

Тем не менее можно выделить несколько имеющих стратегический характер «векторов» осмысления данной проблемы (именно векторов, поскольку спектр решений индивидуализирован и весьма широк).

Взгляды, относящиеся к *первому вектору*, характерны для людей, которые придают смыслу жизни трансцендентный и сакральный характер, связывая земное существование человека с его служением высшим ценностям и идеалам, а перспективы — с потусторонним, трансцендентным бытием. Смысл земной жизни человека видится в его творческом поиске, свойственном духовному развитию человека, и на этой основе в укреплении веры. По словам русского религиозного философа С.Л. Франка «...искание смысла жизни есть *борьба* за смысл против бессмыслицы, и не в праздном размышлении, а лишь в подвиге борьбы против тьмы бессмыслия мы можем добраться до смысла, утвердить его в себе, сделать его смыслом своей жизни и тем подлинно усмотреть его и уверовать в него»². Данное понимание смысла жизни свойственно верующим, особенно тем, которые являются активными членами церковного прихода.

Второй вектор осмысления имеет натуралистический характер, поскольку его сторонники рассматривают человека прежде всего как природное существо. Так, одни из них, являясь сторонниками эвдемонизма, видят смысл существования в достижении счастья, другие, будучи приверженцами гедонизма — в наслаждении. Правда, мнения о том, что считать настоящим счастьем, а что — подлинным наслаждением, заметно различаются. Так, если для философов-киренаиков — членов одной из школ последователей Сократа наслаждение необходимо предполагало чувственное удовольствие, причем желательно из все новых и новых источников, то для Эпикура и его адептов наслаждение означало прежде всего отсутствие стра-

¹ Франкл, В. Поиск смысла жизни и логотерапия. С. 123.

² Франк, С.Л. Смысл жизни / С.Л. Франк // Духовные основы общества. М., 1992. С. 197—198.

даний. При этом имелись в виду страдания как телесные, так и духовные, главные из которых — это страдания от страхов перед загробным миром, перед богами, перед смертью, которые мешают человеку существовать в свое удовольствие и наслаждаться жизнью.

Третий вектор имеет рационалистический характер: смысл жизни человека соотносится с его действиями и поступками в обществе. Он может быть связан с установкой человека на строгое следование семейному, клановому или государственному долгу, каким, например, должен быть, согласно Конфуцию, «благородный муж» (смысложизненный ригоризм), либо служение людям (альтруизм) и др.

Но редукция смысла жизни к целям, которые ставит перед собой человек и которые он стремится реализовать в своей практической деятельности, таит в себе опасность. В этом случае возможна прагматизация смысла жизни, подмена его стратегическими целями и тактическими задачами, которые осознанно, последовательно и расчетливо ставит перед собой человек на протяжении своего существования. Это напоминает рассмотренный М. Вебером процесс изменения образа социума в общественном сознании при переходе от традиционной к индустриальной цивилизации, охарактеризованный им как «расколдовывание мира» — его демистификацию и демифологизацию. В результате жизнь лишается глубины и загадочности, а вместе с ними и смысла. И если, как считал Э. Фромм, все смысложизненные установки могут быть сведены к двум фундаментальным — «*иметь*» (потреблять, пользоваться благами жизни, жить в свое удовольствие) и «*быть*» (отдавать, творить, реализовывать себя)¹, то рассмотренная позиция явно соответствует потребительской установке «иметь».

Наконец, *четвертый вектор* связан с рассмотрением жизни в качестве самоценности — уже в самом факте существования человека независимо от наполненности его жизни событиями с этой точки зрения заключен великий смысл. И, как отмечал французский философ В. Янкелевич, только смерть задним числом высвечивает смысл жизни².

Однако признание самоценности жизни в качестве ее смысла не обязательно финально удостоверяется после смерти человека другими людьми. Это может быть характерно и для самого живущего, если он способен к саморефлексии, а значит, к осознанию им важности самой постановки вопроса о смысле собственной жизни и попытке ответа на него независимо от содержания этого ответа.

Данный подход подводит нас к рассмотрению еще одной экзистенциальной проблемы — ***проблемы смерти и бессмертия человека***. Отношение к смерти всегда наполнено драматизмом. Оно высвечивает глубин-

¹ Фромм, Э. Иметь или быть? / Э. Фромм. М., 1986. С. 44.

² См.: Янкелевич, В. Смерть / В. Янкелевич. М., 1999. С. 432.

ные чувства человека, а сам факт смерти никого не оставляет равнодушным. Такое отношение к смерти определяется пониманием (оно было характерно еще для древних греков) того, что смерть человека — это угасание «микрокосмоса» — «человеческой Вселенной», целого суверенного и автаркичного мира человеческой субъективности, без которого, согласно поэтической фразе, «мир не полон». Отсюда обряд похорон — это не просто традиция погребения, а показатель цивилизованности общества и человека, символический акт благодарности уходящему и становящемуся прошлым, это акт демонстрации исторической «связи времен»; смерть рождает в душе живущего чувства сострадания, горести, сочувствия, пробуждает в нем те истонные качества, которые делают его человеком, но которые в будничных ситуациях дремлют в нем; смерть оттеняет главное в жизни, учит ценить ее и делать свое существование наполненным содержанием и смыслом. Действительно, «горе — это не просто одно из чувств, это конституирующий антропологический феномен: ни одно самое разумное животное не хоронит своих собратьев. Хоронить — следовательно, быть человеком... Человеческое горе не деструктивно (забыть, оторвать, отделиться), а конструктивно, оно призвано не разбрасывать, а собирать, не уничтожать, а творить — творить память»¹.

Представляет интерес периодизация этапов развития отношения к смерти человека западной цивилизации Ф. Арьеса, предложенная в работе «Человек перед лицом смерти», и осуществленный в ней их компаративный анализ². Прослеживая эволюцию бессознательных установок общества по отношению к смерти, он выделяет в этом процессе пять этапов.

Первый этап (от архаики до XII в.), названный «прирученной смертью», характеризовался взглядом на смерть как на природное зло по отношению ко всему коллективу. Похоронный ритуал был средством «приручения смерти», делаая ее понятной и нормативной (в это время страх перед покойниками отсутствовал, и кладбища располагались на территории населенных пунктов). Ритуал выполнял несколько функций — интеграции и социализации членов общности, объяснения непонятных явлений и, что особенно важно, демонстрации торжества жизни над смертью — «жизнь продолжается!». Тем самым с глубокой древности смерть воспринималась как экзистенциальный феномен, не подлежащий равнодушному отношению и забвению (вспомним крылатое выражение: «помни о смерти»).

Второй, третий и четвертый этапы, именуемые соответственно «смерть своя», «смерть далекая и близкая», «смерть твоя» по-разному артикулируют феномен смерти и связаны с доминированием разных установок по отношению к ней — ее индивидуализации, затем острого переживания

¹ *Василюк, Ф.Е.* Пережить горе / Ф.Е. Василюк // О человеческом в человеке. М., 1991. С. 232.

² *Арьес, Ф.* Человек перед лицом смерти / Ф. Арьес. М., 1992.

страха за собственную кончину, затем восприятия смерти как утраты близкого человека. Однако всегда смерть оставалась загадкой и считалась закономерным завершением человеческой жизни.

По мнению Ф. Арьеса, на *пятом этапе*, начавшемся в XX в., ситуация в корне меняется, о чем говорит само название этапа — «смерть перевернутая». Для современного общества характерна тенденция к забвению смерти, как будто ее не существует; на фоне пропаганды жизненного успеха и здорового образа жизни смерть оценивается как нечто недостойное внимания, как жизненная неудача. В целом отношение общества к смерти амбивалентно: с одной стороны, возникла «индустрия смерти», призванная облегчить умирающему человеку и его близким расставание, с другой — растет безразличие к смерти, увеличивается число суицидов. В этой ситуации актуальным является напоминание Ф.Арьеса об опасности забвения обществом угрозы смерти, ведущего к разрушению человечности, утрате современным человеком своей «самости», которому вторят горькие слова известного французского писателя и публициста А. Мальро: « Мы единственное поколение, которое не изобрело ни своих капищ, ни своих гробниц».

Успехи здравоохранения и медицины возродили старую мечту человечества о бессмертии. Казалось бы, что плохого в ней? Однако известный философ-стоик Эпиктет настаивал на обратном: «будь проклята жизнь без смерти!», ибо бессмертие — это чистая длительность, это — невозможность умереть, как наказание вечностью существования. Поэтому В. Янкелевич видит проблему в ином — в том, чтобы полнокровно прожить свою жизнь, оставив добрую память о себе: «Ведь то, что не умирает, не живет... Мертвые в каком-то смысле являются «бессмертными», ибо не могут больше умереть (...) Но кто завидует такому «бессмертию?»¹ — вполне правомерно спрашивает он.

Однако жить тоже можно по-разному, и человек, поскольку он активное, деятельное, стремящееся к самоутверждению существо, с необходимостью сталкивается с еще одной экзистенциальной проблемой — **проблемой собственной свободы**. Эта проблема также не имеет однозначного решения, и каждый человек выбирает свой вариант решения, закрепляя его своими делами и поступками.

В современном философском осмыслении феномена свободы сложились два основных методологических подхода: 1) подход, берущий начало у Б. Спинозы и Г. Гегеля. Он рассматривает свободу в соотношении с необходимостью, определяя ее как познанную или осознанную необходимость, как способность действовать с учетом внешних для человека обстоятельств. Так, согласно известному определению свободы, данному Ф.Энгельсом в «Анти-Дюринге», свобода «состоит в основанном на познании необходимостей природы ... господстве над нами самими и над внешней природой; она

¹ Янкелевич, В. Смерть / В. Янкелевич. М., 1999. С. 428, 430.

поэтому является необходимым продуктом исторического развития»¹. Это определение несет на себе отпечаток рационализма и, по сути, лишено драматизма, свойственного реальной жизни человека²;

2) подход, представляющий свободу как экзистенциальную оппозицию ответственности. В этом случае свобода квалифицируется не как некая Божественная или природная данность, а как результат деятельности самого человека. Она завоевывается и постоянно осваивается самим человеком, который на протяжении всей жизни своими поступками утверждает свое право на свободу и тем самым свое человеческое достоинство. Реализация этого права всегда осуществляется в поле социального и межличностного напряжения между человеком и обществом, индивидом и коллективом, отдельными людьми, для отношений между которыми максима «моя свобода заканчивается там, где начинается свобода другого человека» является не нормой, а только идеалом.

Парадоксальность феномена свободы состоит в том, что как активное существо человек волен мыслить самостоятельно, высказывать собственное мнение, действовать. В данном смысле можно понимать известное положение Ж.-П. Сартра: «человек осужден быть свободным. Осужден, потому что не сам себя создал; и все-таки свободен, потому что однажды брошенный в мир отвечает за все, что делает»³. С одной стороны, даже отказываясь от свободы, человек уже делает выбор, а следовательно, проявляет себя как свободное существо. С другой стороны, подобным образом понимая свобода — это свобода бездеятельности (которую следует отличать от «недеяния» в даосизме) — свобода пассивного существования, своеобразная «свобода от свободы».

В философии экзистенциализма, для которой феномен свободы является одной из главных тем рассмотрения, подобная свобода расценивается как свидетельство «неподлинного существования» человека, как выражение его конформизма. Суть проблемы в следующем. Избавившись от угнетающей его зависимости со стороны общества или коллектива, человек делает только первый шаг к свободе («*негативная свобода*»), вслед за которым возникает вопрос о том, как распорядиться этой обретенной свободой⁴.

Возможны два ответа на вопрос, возникший в данной ситуации жизненного выбора. Первый ответ: поскольку свобода всегда предполагает ответственность, она может оказаться очень тяжелым грузом для человека, при-

¹ Маркс К. Сочинения в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. Т. 20. С. 116.

² Мамардашвили, М. Мой опыт нетипичен / М. Мамардашвили // О существовании различных интерпретаций данного определения свободы. СПб., 2000. С.139–142.

³ Сартр, Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм / Ж.-П. Сартр // Сумерки богов. М., 1989. С. 327.

⁴ Суть проблемной ситуации отражена в известных словах И.В. Гете: «Свободен только первый шаг, но мы рабы другого...».

выкшего жить по принципам патернализма: появляется эффект «бегства от свободы» — добровольного отказа от нее, эффект *самоотчуждения*¹. Взамен свободы человек получает опеку общества, обеспечивающую комфортный образ жизни. Второй ответ связан с достижением «*позитивной свободы*» — утверждения себя как суверенной и независимой личности, являющейся равноправным партнером в отношениях с государством и гражданским обществом. При этом человек лишается опеки, принимая всю ответственность за свои поступки на себя.

Какой из этих двух возможных ответов даст человек — это тоже его выбор. В конечном счете каждый человек — хозяин собственной жизни и творец своей судьбы. Он сам решает вопрос о том, нужна ли ему свобода, а если нужна, то зачем? Поэтому можно согласиться с мнением поэта:

«Свобода, глядя беспристрастно, тогда лишь делается нужной,
Когда внутри меня пространство обширней камеры наружной»².

Осмысление экзистенциальных проблем не только свидетельствует о зрелости человека как личности, но и позволяет ему лучше понять и критично оценить как себя, так и других людей, дает возможность выявить существующие проблемы, увидеть перспективы и наметить стратегические пути собственного духовного совершенствования.

5.5. Антропологический кризис и его параметры

Еще полвека назад мало кто полагал, что техногенная цивилизация приведет человечество к глобальным кризисам, когда оно окажется буквально на пороге своего самоуничтожения.

Кризисные явления в развитии техногенной цивилизации превратили проблему человека в одну из главных глобальных проблем современности. В связи с этим анализ новейших антропологических явлений и трендов — одна из центральных задач современной философии. По мнению В.С. Степина, самым опасным для перспектив человечества выступает прежде всего антропологический кризис.

Мысль о том, что самым уязвимым существом на Земле является человек, возникла в ушедшем в историю XX в. Причем эта идея усваивается с большим опозданием, на ее пути нагромождено немало идеологических препятствий. Тема возможной грядущей катастрофы понятнее, если она связывается с истощением сырьевых, энергетических и продовольственных ресурсов, с загрязнением окружающей среды и другими глобальными проблемами. Современный человек уже как-то свыкся с мыслью, что он жи-

¹ Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. М., 1989.

² Губерман, И. Гарики на каждый день / И. Губерман. М., 1992. С. 9.

вет в цивилизации риска. Эсхатологичность видения мира сопрягается преимущественно с различными объективными феноменами и измерениями человеческого бытия. Однако в ряду глобальных проблем первостепенное значение начинает приобретать антропологическая проблема, понимаемая многими мыслителями как антропологический кризис.

Антропологический кризис — это предельно обостренное восприятие кризиса современного человека. Его можно трактовать многомерно: как проблематичность бытия современного человека, непредсказуемость и негарантированность его судьбы и как угрозу выживаемости человека, подрыв оснований его бытия и т.д.

Проблематичность бытия человека обусловливается рядом обстоятельств, имеет свои параметры. Одним из главных среди них, как считает В.С. Степин, выступает опасность изменения генофонда человечества, деградация биосферной телесности человека¹.

Возрастание мутагенных факторов является первым параметром антропологического кризиса. Вследствие прямого воздействия загрязненной среды (химические и радиоактивные воздействия), а также косвенного через появление все новых видов болезнетворных микробов и вирусов происходят опасные изменения генетической основы человека. Биологи пишут о растущих повреждениях генотипических структур, сформированных миллионами лет эволюции.

Действие природных факторов сохранения генофонда (естественный отбор) в человеческом обществе резко ограничено, а социальные процессы, которые вроде бы можно интерпретировать как выполняющие функцию отбора (например, войны), действуют в противоположном направлении. В войнах гибнет большое количество здоровых людей, не оставляющих потомства. Более того, современные генетические исследования выявили факты неблагоприятного мутагенного воздействия некоторых ранений на генетические структуры человеческого организма.

В последнее время многие исследователи отмечают весьма серьезный и опасный феномен: эндоэкологическое отравление межклеточной среды высших ядерных организмов радионуклидами, тяжелыми металлами и химическими токсинами. Они проникают в тканевую жидкость человека и животных и накапливаются там, вызывая мутации ДНК и раковые заболевания клеток. Главными из эндоотравителей являются химические токсины. Они стали поступать в наш организм всего 30–40 лет назад. В мире известно более 400 тыс. химических соединений, их число больше, чем число видов растений. Наибольшую опасность представляют полиароматические углеводороды и прежде всего диоксин, который в сотни раз ядовитее циан-

¹ *Степин, В.С.* Философия и эпоха цивилизационных перемен / В.С. Степин // Вопросы философии. 2006. № 2. С. 21.

нистого калия и стрихнина. Он является побочным продуктом химического производства и входит в состав дефолианта (оранж), которым уничтожались леса Вьетнама. С Д-отравлением (диоксином) связаны многие патологические проявления в человеческом организме и прежде всего потеря фертильности (способности к зачатию). Есть данные, что способность к зачатию потеряли, например, 20% американских семей, а к середине XXI в. ожидается, что таких семей будет уже 50%¹.

Считается, что время полувыведения диоксида из организма человека составляет 10 лет. Медики разработали методику ускоренного их выведения из человека. Однако применить ее ко всему человечеству, а тем более к животным и растениям практически нереально. Нереальна и приостановка выбросов эндоотравителей. Для этого надо изменить всю топливно-химическую технологию нашей экономики.

А процесс эндоэкологического отравления, как считает В.А. Зубаков, набирает скорость и уже напоминает эпидемию чумы средних веков². У населения Европы в 1974 г. частота генетических нарушений составляла 10%, а в 2001 г. возросла до катастрофической величины — 73,8%³. Как только эндоэкологическое отравление достигнет глобального размаха, начнется лавинно-необратимая мутация всех ядерных организмов.

Негативные изменения в человеческом организме, появление и стремительный количественный и качественный рост «болезней цивилизации» (сердечно-сосудистые, онкологические и др.) показывают, что новая техногенная среда обитания трансформирует и разрушает качества биосферного порядка, сформированные миллионами лет природно-биологические свойства человека.

Вторым значительным **параметром** антропологического кризиса является **возрастающее давление на человека стрессовых нагрузок**. Современная жизнь с ее быстро меняющимися социальными ситуациями, нестабильностью, обостренной конкуренцией в любых областях деятельности погружает человека в чередование стрессовых ситуаций. Перенапряжения ведут не только к росту «болезней цивилизации», но и психических болезней.

Согласно Докладу Всемирной организации здравоохранения «Психическое здоровье: новое понимание, новая надежда», потребность в организации эффективной помощи лицам с психическими проблемами, поведенческими расстройствами и т.д. является непременным условием выживания человечества в стремительно меняющейся социальной и экологической

¹ Человек и среда его обитания. М., Мир, 2003. С. 148.

² Зубаков, В.А. Итоги XX и перспективы XXI веков глазами геоэколога / В.А. Зубаков // История и современность. 2006. № 2. С. 132.

³ Алтухов, Ю.П. Генетика — целостная наука / Ю.П. Алтухов // Вестник РАН. 2003. № 12. С. 1131—1137.

среде¹. Психические и поведенческие отклонения, включая нарушения сна, нервозность, неадекватные реакции, утомляемость, депрессии, тревожность и психологический дискомфорт знакомы каждому человеку. Всемирная организация здравоохранения считает, что в определенные периоды жизни они достигают не менее 25% населения планеты, при этом поражают людей всех стран, всех возрастов, мужчин и женщин, богатых и бедных, жителей мегаполисов и сельских фермеров. К 2020 г., по мнению экспертов, депрессия как своего рода платформа подавляющего большинства психических и поведенческих отклонений выйдет на второе место печальной статистики смертности, догнав сердечно-сосудистые заболевания и опередив онкологические патологии. К тому же весьма значительная часть соматических «болезней цивилизации» имеет корни в нарушении регуляции психических функций человека.

По статистике, в США 90% населения находятся в состоянии перманентного стресса. Из них 60% испытывают стресс 1–2 раза в неделю, 30% — почти каждый день. По данным американских ученых, 2/3 всех визитов к врачу вызваны симптомами, в основе которых лежит стресс. Экономические потери США от него оцениваются в 300 млрд долл. ежегодно. 40 млн из 147 млн работающих в странах Евросоюза страдают от стрессов, что уже сейчас обходится обществу как минимум 15 млрд евро каждый год вследствие постоянных стрессов. Почти 90% населения развитых стран зарабатывают невидимую, а на самом деле системную болезнь, называемую синдромом хронической усталости. Ее признаки напоминают проявление СПИДа: быстрая утомляемость, слабость по утрам, «песок» в глазах, частые головные боли, бессонница, конфликтность и т.д. На постсоветском пространстве картина ничуть не лучше. Так, примерно 70% россиян постоянно находятся в состоянии стресса².

Чтобы избежать угнетенных состояний психики, люди все чаще прибегают к применению различных психотропных средств. Как отмечает Фукуяма, 10% всего населения США принимают антидепрессант прозак или его аналоги (если взять только взрослое, работоспособное население, то процент людей, принимающих только этот антидепрессант, удваивается)³. Однако это фармакологическое средство, повышая самооценку, блокируя неконтролируемую агрессию, имеет в качестве побочного действия ослабление и потерю памяти, сексуальные расстройства, повреждение мозга.

Третий параметр антропологического кризиса — **духовно-нравственный**: речь идет о росте девиантного поведения, зарождении новых форм посттрадиционной морали, социальной агрессии и безыс-

¹ Психическое здоровье: новое понимание, новая надежда. Доклад ВОЗ. Женева, 2001.

² Андреев, И. Л. Взаимосвязь психического и соматического здоровья человека / И. Л. Андреев, А. Ю. Березанцев // Человек. 2010. № 2. С. 136.

³ Фукуяма, Ф. Наше постчеловеческое будущее / Ф. Фукуяма. М., 2004. С. 67–73.

ходности, появлении противоречащего природе культурного и разумного человека крайнего эгоизма, потребительской психологии и т.д.

Одно из противоречий научно-технического прогресса сегодня состоит в том, что он повышает мощь и производительность труда, но в то же время насаждает потребительскую психологию. Это провоцирует все более разрастающийся кризис духовности. Вслед за необратимыми изменениями в биологической природе и сознании человека происходит деформация собственно «человеческих качеств» — способности к пониманию гуманного и прекрасного, способности сострадать. В.А. Кутырев осмысливает эту тенденцию в рамках явления, которое называет «экономизмом»: «Капиталистическая общественно-экономическая формация переросла в формацию, истинной функционирования и идеологией которой является экономизм. Экономизм — это когда через призму рентабельности рассматривается практически все, что существует..., экономизм — социально институционализованный эгоизм. В результате духовность вытесняется на периферию жизни, в филантропию, а от обозначающих ее слов остаются пустые оболочки»¹.

Антропологический кризис может осмысливаться и как расчеловечивание самого человека, что, по-видимому, и составляет его главное проявление. Если использовать веберовскую типологию, появление современного человека связано с переходом от аффективных и традиционных способов регулирования социальных отношений к ценностно-рациональному регулированию, т.е. превращением аристотелева «общественного животного» в личность. Именно этот тип человека создал всю ту совокупность феноменов, которую мы привыкли называть «духовной культурой».

Но в терминах веберовской типологии обозначено и начало конца человека как носителя культуры. Последним из веберовских типов социального действия было целерациональное поведение, т.е. поведение, рационально регулирующееся уже не духовными ценностями, но внешней целью. Возникновение этого типа, по Веберу, связано с промышленной революцией и распространением буржуазных рыночных отношений. Немецкий мыслитель использовал выделенные им типы скорее как методологический прием, но в конце своей знаменитой работы поднялся на уровень мировоззренческих обобщений. Вебер писал: «В настоящее время стремление к наживе, лишенное своего религиозно-эстетического содержания, принимает там, где оно достигает своей наивысшей свободы, а именно в США, характер безудержной страсти, подчас близкой к спортивной. Никому не ведомо, кто в будущем поселится в этой прежней обители аскезы; возникнут ли к концу этой грандиозной эволюции совершенно новые пророческие идеи, возродятся ли с небывалой мощью прежние представления и идеалы или,

¹ Кутырев, В.А. Духовность, экономизм и «после»: драма взаимодействия / В.А. Кутырев // Вопросы философии. 2001. № 8. С. 61.

если не произойдет ни того, ни другого, не наступит ли век механистического окостенения, преисполненный судорожных попыток людей поверить в свою значимость. Тогда-то применительно к «последним людям» этой культурной эволюции обретут истину следующие слова: «Бездушные профессионалы, бессердечные сластолюбцы — и эти ничтожества полагают, что они достигли ни для кого ранее не доступной ступени человеческого развития»¹.

Вебер выдвигал предположения, но уже сегодня можно определенно сказать, что победило «или»: целерациональное действие из аспекта поведения личности превратилось в ее основу и привело к возникновению другого человека — актора. Понятие актора (актера, дельца, действующателя) стало использоваться в социологии в первой половине XX в. Теперь этим понятием можно охарактеризовать особый исторический тип человека рыночно-технологической эпохи, постепенно заменяющего собой личность.

Актор — носитель рациональности как последовательного стремления к сознательно и заранее поставленной цели. Он «разумный эгоист», это человек без ценностей. Актор — продукт отчуждения (К. Маркс), социальной аномии (Э. Дюркгейм), механизации общества (Н. Бердяев), превращения закрытых, «теплых» обществ в открытые, «холодные» и цивилизованные. По мере того как личность становится актором, культура как регулятор социальных отношений заменяется технологией и социотехникой. Люди, считающие себя личностями, склонны рассматривать появление актора как завершение человека.

Однако не актором в действительности «кончается история», не им пересекаются традиции человека и гуманизма. Подлинное расчеловечивание человека возникает тогда, когда техника начинает заменять не только физическую, но и умственную его силу. Атрибут разумности делает людей подобными искусственным техническим системам. В большинстве современных теорий управления признается, что конкурентоспособность предприятий напрямую зависит от того, насколько они приобрели характер социотехнических систем, сплавляющих технику и человека в единое целое. Неслучайно в социологии с середины XX в. словосочетание «человеческий фактор» стало вытеснять и понятие личности, и понятие актора. Человек как «фактор» в отличие от личности и даже актора теряет свою самоидентичность, фрагментируется, «размывается» по системам. Если в начале своего развития науки о взаимодействии человека с техникой были озабочены приспособлением техники к человеку, то теперь вектор поворачивается в противоположном направлении. Современная инженерная психология рассматривает человека, работающего в сверхсложных автоматических или полуполуприборных системах, как звено этих систем.

¹ Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер // Избранные произведения. М., 1990. С. 207.

Защитники технологизации мира — технократы-прогрессисты (гипер-модернисты) выдвигают против человека, в сущности, единственный, но чрезвычайно серьезный довод, о котором они сами иногда сожалеют — прогресс! Он неотвратим, его не остановишь. Поистине так говорят о смерти, от которой все равно не уйдешь. Прогрессизм стал фактически смертельным аргументом. Самоотрицание человека не благо, а зло, но поскольку оно неизбежно, то его надо признать благом — такова логика фатального технократического детерминизма. Однако, освобождаясь от «человеческого, слишком человеческого» (Ницше), от гуманизма и природы, от человеческих чувств и духовности, технократы сами превращаются в роботов нулевого поколения, а пропагандируемый ими прогресс и универсальный эволюционизм выступают «прогрессом к смерти».

Для того чтобы человек имел гарантированную историческую перспективу, он не должен потерять способности каждый шаг цивилизации выверять человеческой мерой, мерой человека гуманного и духовного.

Глубинные трансформации техногенной цивилизации, поставившие вопрос выживания или гибели самого человека, требуют своеобразного антропологического выбора. Как считает В.С. Степин, данный выбор связан с изменением стратегии развития современной цивилизации¹. Не меняя базисной системы техногенной цивилизации, невозможно разрешить глобальные кризисы (прежде всего антропологический), порожденные этой цивилизацией. А радикальное изменение ценностей означает переход от техногенной цивилизации к новому типу цивилизационного развития, третьему по отношению к традиционалистскому и техногенному.

Чтобы иметь будущее, человеку необходимо оправдать свою разумность, свободу, ответственность и духовность. Человек не должен забывать завет Н. Кузанского — *Homo non vult esse nisi homo* (человек не хочет быть ничем, кроме человека).

5.6. Трансгуманизм: сущность, проблемы, противоречия

В связи с крушением социализма на территории нашей страны казалось, что время утопических проектов закончилось. Во многих публикациях марксистскому утопизму противопоставлялось трезвое и реалистическое мышление как выражение духа современного общества, занятого решением конкретных частных и процедурных задач, а не поиском путей осуществления «высокой цели». В действительности же, по мнению В.А. Лекторского, утопизм — «неотъемлемый и важный компонент каждой динами-

¹ *Степин, В.С.* Философия и эпоха цивилизационных перемен / В.С. Степин // Вопросы философии. 2006. № 2. С. 22.

чески развивающейся культуры»¹. Более того, многие важные культурные завоевания — это побочный продукт попыток реализации утопических проектов. Правда, сегодня не видно новых социальных утопий, зато появилась и стала весьма популярной новая биотехнологическая утопия. Ряд ученых и философов разрабатывают проект трансформации человеческой телесности с помощью генетической инженерии и нанотехнологий и конструирования новых физических и психологических характеристик человека. Некоторые из них даже думают о том, что можно серьезно удлинить продолжительность человеческой жизни, а в перспективе сделать человека бессмертным. При этом признается, что в случае реализации этого проекта человек в привычном смысле слова исчезнет, а его место займет некое суперчеловеческое или постчеловеческое существо. Возникло даже движение трансгуманистов, утверждающих, что смысл существования человечества состоит в создании условий для появления постлюдей. Это утопия, но, как в свое время заметил Н. Бердяев, «опасность утопии в том, что она может осуществиться».

Судьба человека в начале XXI в. все чаще рассматривается под знаком его исторического конца и вступления в эпоху постгуманизма. Идея сама по себе не нова. Еще в XX в. постгуманистическое движение вдохновлялось ницшевской философией с ее идеей сверхчеловека, а затем постструктуралистской эпистемой «конца человеческого» (М. Фуко). Но к началу XXI в. идея исчерпания и преодоления человека получила новый импульс в грандиозных успехах техногенной цивилизации в условиях информационно-компьютерной революции.

В эпоху развития высоких технологий формируется новый взгляд на возможности и перспективы человека. Сторонники этого взгляда ставят перед собой цель освободить человечество от биологических оков. Истоки нового движения, получившего название «*трансгуманизм*», его сторонники связывают с эпохой Просвещения и светским гуманизмом. По их мнению, человеку необходимо избавиться от «слепого» процесса эволюции, в основе которого лежит случайность, и начать осознанное движение к новой ступени своего биологического развития.

На формирование трансгуманизма непосредственное влияние оказали постгуманистические тенденции киберкультуры. Ее приверженцы исходят из того, что своими головокружительными успехами современная культура почти целиком и полностью обязана компьютеру — информационному двигателю, который вырвал человечество из эры фабричного капитализма и забросил в постиндустриальную эпоху. Киберкультура сформировалась к 90-м гг. XX в. в США на волне информационной революции и привела к эфемеризации человеческого труда и развеществлению потребительских

¹ Лекторский, В.А. Философия как понимание и трансформирование / В.А. Лекторский // Вопросы философии. 2009. № 1. С. 22.

товаров. Компьютер революционизировал человеческую жизнь, а информационная революция способствовала возникновению самых невероятных технологий — технологий виртуальной реальности, искусственного интеллекта и т.д. Это дало повод некоторым ее теоретикам сделать вывод о том, что человечество находится на пороге «постбиологического мира» и что из механических форм жизни, наделенных разумом и способностью саморазмножаться, «вырастут» организмы, ничуть не уступающие по сложности человеку.

В размышлениях многих ученых, писателей-фантастов и футурологов сквозит идея, что кибернетическая революция приведет в обозримом будущем к появлению разума, превышающего человеческий. И тогда сверхразумные машины станут сами распоряжаться своей судьбой, производя еще более умных потомков с еще большей скоростью. Неизбежным результатом этого будет появление сверхразвитого, технически улучшенного постчеловеческого мира, где человеческая фаза эволюции трансформируется в постчеловеческую, о которой Ч. Дарвин не мог и предположить. Приверженцы искусственно направляемой эволюции считают, что политический и социальный хаос, который мы наблюдаем во всех сферах жизни, отражает лежащий в его основе биологический кризис — конец человеческой линии.

Данные идеи приобрели особую популярность среди сторонников постэволюции, но в первую очередь среди экстропианцев (по названию американского журнала — «*Extropia*», вокруг которого они объединились под знаменем трансгуманизма).

По мнению М. Дери, трансгуманизм в настоящее время это — движение сторонников изменения биологической природы человека, трансформации человеческого вида любыми доступными средствами, но прежде всего с помощью высоких технологий. Ими могут быть загрузка сознания (экстропианцы предпочитают более модное слово «трансбиоморфот»); наномедицина; нанокomпьютерные имплантаты (молекулярные компьютеры, интегрированные в мозг и предоставляющие дополнительный объем памяти, повышающие скорость обработки информации и включающие программы для принятия решений); генная инженерия; крионика; «самотрансформационная психология» и т.д.¹

В 2004 г. участники движения, объединившись во Всемирную ассоциацию трансгуманистов, провели в Торонтском университете международную конференцию. На этой конференции обсуждались такие идеи, как полная свобода в использовании новых технологий в целях совершенствования человеческого интеллекта, поддержка стремления сделать человека более сильным и красивым, способным контролировать свои эмоции; выход человека за пределы Земли и освоение им космического пространства.

¹ См.: Дери, М. Скорость убегания: киберкультура на рубеже веков / М. Дери. М., 2008. С. 409.

Одни трансгуманисты связывают новую стадию развития человека с изменением его генетических свойств благодаря био- и нанотехнологиям. Другие считают, что новый сверхчеловек появится тогда, когда сделается невозможным его репродуктивный союз с простыми людьми.

Трансгуманизм можно определить как *интеллектуальное и культурное движение*, поддерживающее использование новых наук и технологий для увеличения познавательных и физических возможностей человека. Философской основой трансгуманизма является отказ от так называемой субстанциальной парадигмы и переход к функциональной парадигме, берущей начало в философии И. Канта и продолженной в лице Э. Кассирера с его идеей замены субстанциализма функционализмом. Само понятие «трансгуманизм» предложил Дж. Хаксли в книге «Новые бутылки для нового вина» (1957). Слово «трансгуманизм» впервые появляется в научно-фантастическом рассказе Д. Бродерика «Выращивание» (1976)¹.

Если для гуманистов важно, что человек может улучшить тот мир, в котором он живет, через рациональное мышление, терпимость, свободу и демократические формы общественного устройства, то для трансгуманистов важно, *кем может стать человек*. Если гуманисты связывают изменение человека с социальными программами и новациями, то трансгуманисты считают необходимым использовать технологические методы для выхода за пределы человеческого способа существования. Согласно учению трансгуманизма, главное — кем мы являемся как личности. В классическом гуманизме идентичность человека мыслится неотделимой от телесности как способа существования личности. Трансгуманисты, признавая информационную природу идентичности человека, полностью порывают с субстанцией. Информация не есть субстанция: она может быть связана с любым материальным носителем.

Таким образом, возникшее в 1990-е гг. в США движение трансгуманизма пытается соединить прорывы в области высоких технологий с философией преодоления природных ограничений, присущих человеку как смертному существу. Они считают, что завершается медленный этап эволюции разума в форме человека как биологического вида и начинается новый этап ускоренной эволюции разума в виде информационно-кибернетических систем, быстро сменяющихся на основе непрерывно растущих вычислительных и производительных мощностей. Трансгуманизм нацелен на возникновение так называемой сингулярности — взрывной точки развития, которая современными футурологами прогнозируется на середину XXI в.

Лучшее, на что может надеяться человек как биологическая форма разума — это на свою внутреннюю технизацию, которая дополнит технизацию и роботизацию всего социума. Биологически несовершенные органы все

¹ Летов, О.В. Человек и «сверхчеловек»: этические аспекты трансгуманизма // Человек. 2009. № 1. С.15.

более будут заменяться искусственными, нестареющими, и возникнет непрерывный энергоинформационный обмен постчеловеческого организма со всей окружающей средой.

Новую волну энтузиазма среди адептов трансгуманистического движения вызвала выдвинутая в США в 2001 г. под эгидой Национального научного фонда так называемая NBIC-инициатива. Она ставит в центр внимания синергетическое взаимодействие разных областей исследований и разработок, таких, как наноука и нанотехнология, биотехнология и наука о жизни, информационные и коммуникационные технологии, когнитивные науки. В этой инициативе четко выделяются две цели. Первая акцентирует внимание на конвергенции этих областей исследований и разработок в нанометрическом масштабе, что обещает уже в обозримом будущем (через 10–15 лет) цепную реакцию самых разных технологических инноваций, в своей совокупности обещающих глобальную трансформацию самого способа развития человеческой цивилизации. Вторая цель сосредоточивает внимание на проблеме «улучшения человека», «человеческой функциональности» или «расширения человека». По сути, речь идет о технологическом усилении человеческих способностей, модификации человеческой телесности и интеллекта.

Сторонники трансгуманизма увидели в конвергирующих технологиях практический инструмент для создания следующего поколения постчеловеческих существ¹. Трансгуманисты, в число которых входят специалисты в разных областях знания, исходят из того, что с помощью геной инженерии, нанотехнологий, компьютерных и информационных технологий, воздействуя на геновую и нервную систему человека и заменяя ряд органов на искусственные, можно сначала удлинить человеческую жизнь, а затем вообще сделать человека бессмертным. В этом случае проблема смерти, столь важная для всей исторически существовавшей культуры, теряет смысл.

Конечно, это выглядит как очередная технонаучная утопия. Можно было бы утверждать, что она совершенно фантастична, если бы в число участников движения не входили серьезные исследователи и если бы они уже не начали практической работы в направлении создания такого существа, которое будет выходом за пределы человека, каким он был до сих пор. В связи с этим можно отметить, что еще в 1999 г. в США был создан Фонд максимальной жизни, поддерживающий исследования в области борьбы со старением. Миссия фонда — повернуть вспять процессы старения человека к 2029 г. с тем, чтобы в конечном счете добиться неопределенного долголетия в молодом возрасте. В этом фонде имеются три консультативных совета — предпринимательский, медицинский и научный.

¹ Круглый стол «Социально-философские аспекты наномедицины: перспективы, проблемы, риски // Философские науки. 2009. № 11. С. 16–17.

Если будущая бессмертность существа («сверхчеловека», «пост-человека») может вызывать сомнение, то возможность вмешательства в биологическую природу человека существует. Министерство обороны США, например, финансирует исследования по созданию идеального солдата с расширенными возможностями получения сенсорной информации, увеличенной быстротой ее переработки, возросшими физическими данными. Подобные исследования (эксперименты по выходу за пределы физических возможностей) человека являются целью трансгуманистического движения, и если ставить вопрос о смысле жизни человека не как индивида, а как человечества, то трансгуманисты видят его в создании условий для замены человека «пост-человеком».

Вмешательство в сложнейшие генные и нервные структуры человека исключительно опасно. Его результаты могут быть похожими на ту экологическую катастрофу, которая возникла вследствие технологического преобразования природы. Нет никакой уверенности в том, что возникший сверхчеловек не разрушит полностью культуру с ее представлениями о человеческих возможностях, о допустимом и недопустимом, о правах и обязанностях, которая делает человека человеком. Если раньше люди мечтали о более гуманном обществе, то общество пост-людей будет антигуманным.

Бессмертие пост-людей имело бы ряд роковых последствий: отпала бы необходимость в рождении новых людей, так как определенного количества бессмертных пост-человеков было бы достаточно для решения тех проблем, которые стояли перед таким обществом; бесконечная жизнь одних и тех же существ свела бы к минимуму возможность социальных и культурных обновлений (правда, вряд ли в таком нечеловеческом обществе существовала бы культура). Исчезли бы такие главнейшие смыслоопределяющие ценности человеческой жизни, как забота о детях и стариках, понимание другого человека и его проблем, любовь к другому человеку, которая включает в себя заботу и понимание, осознание хрупкости человеческой жизни; потеряли бы смысл такие добродетели, как мужество и героизм, ибо они предполагают самопожертвование и возможность потерять жизнь.

Словом, как считает В.А. Лекторский, «исчезновение смерти означает исчезновение смысла человеческой жизни. Переход к «пост-человеку» — это не ликвидация смерти, а наоборот коллективное самоубийство человечества, ибо «пост-человек» и есть убийца человека»¹.

Конвергирующие технологии способны задать новую стратегию развития общества, цивилизации и самого человека. Они создают новую жизненную среду человека и ставят под вопрос многие привычные способы ориентации в мире и традиционные человеческие ценности. Жизненный мир че-

¹ Лекторский, В.А. *Философия, общество знания и перспективы человека* / В.А. Лекторский // *Вопросы философии*. 2010. № 8. С. 34.

ловека — это историческое и культурное понятие. Он многократно менялся и был разным в разных культурах. Сегодня под влиянием технауки происходит «взламывание» этих инвариантов. В связи с этим конвергирующие технологии нуждаются во всестороннем гуманитарном осмыслении, так как при всей их актуальной практической направленности они имеют одновременно и фундаментальный философско-антропологический характер.

Однако не только современная человеческая ситуация в целом, но и многие антропологические процессы и тренды в настоящее время еще не получили основательной философской концептуализации. Между тем современные трансформативные практики, затрагивающие основоустройство человеческого существа, ставят ряд серьезных вопросов. Среди них самый существенный связан с острой и вполне практической необходимостью иметь обоснованные критерии для оценки различных этических, эпистемологических и иных аспектов применения высоких технологий по отношению к человеку. Необходимо актуализировать заново едва ли не все базовые вопросы антропологии: о природе и сущности человеке, проекциях человеческой реальности, родовых особенностях человека, об идентичности индивидуальной и видовой, о ценностных и этических основаниях человеческого существования, пределах и границах вмешательства человека в биологические основания своего существования. Отсутствие осмысления масштабов и последствий технологической экспансии само по себе является угрожающим фактором.

В связи с этим вполне обоснованной представляется точка зрения В.А.Лекторского относительно роли философии в XXI в. Он считает, что «перспективы человека во многом связаны с тем, какую роль сможет играть философия в осмыслении созданного наукой и техникой нового мира и в ценностной ориентации в нем. Наука и порожденный с ее помощью мир — это сегодня главное проблемное поле философских исследований»¹.

ГЛАВА 6. ФИЛОСОФИЯ СОЗНАНИЯ

6.1. Сознание как предмет философского осмысления

Сознание всегда вызывало и продолжает вызывать удивление. Действительно, как немыслящая материя, биологическое вещество — мозг может содержать в себе романтические грезы, мечты, надежды, волевые устремления, личностные переживания, множество различных, нередко противоречивых, мыслей и чувств. Как сознание, будучи неосязаемым, он может

¹ Лекторский, В.А. Философия, общество знания и перспективы человека / В.А. Лекторский // Вопросы философии. 2010. № 8. С. 34.

выходить за пределы биологических, природных закономерностей и творить культуру, создавать мир предметов, аналогов которых нет в естественной среде.

В представлении о сознании наблюдается диспропорция между интуитивным и теоретическим. **Сознание** является *субъективной реальностью*, которая не дана непосредственно внешнему наблюдателю. Оно принадлежит определенному субъекту, находится «внутри» него, обнаруживается им в процессе непосредственного переживания, является результатом его активности. На интуитивном уровне человек абсолютно уверен в существовании его собственного сознания, поскольку оно дано ему непосредственно и удостоверяется фактом осознанности. Для обыденных представлений характерен вывод, что мозг — это одно, а сознание — это совсем другое. Именно на этом выводе строятся различные версии удвоения мира.

Теоретический уровень осмысления предполагает использование определенных, а сознание в силу своей сложности и закрытости постоянно от них ускользает, поэтому в философии и науке до сих пор нет его общепринятой дефиниции. Обращая внимание на этот факт ускользания, Д. Юм задавал вопрос: «А не является ли сознание фикцией?». Если английский мыслитель данным вопросом подчеркивал сложность исследуемого явления, то философы-элиминативисты с уверенностью заявляют, что сознания *как такового* нет. По их мнению, о сознании есть смысл говорить только применительно к тому, что обнаруживается интерсубъективными методами, т.е. к его внешне фиксируемым проявлениям — нейрофизиологическим процессам, поведению, различного рода текстам и тд.

При изучении сознания очевидным становится факт, что методов научного анализа здесь явно недостаточно. В конце XIX в. на это настойчиво обращал внимание биолог Т. Гексли. А в начале XX в. философ и психолог В. Вундт отмечал, что научными методами можно исследовать только конкретные формы проявления сознания, но не его сущность.

Сегодня большинство исследователей считает, что решение проблемы сознания лежит в плоскости *междисциплинарных исследований*, в которых координирующая и интегрирующая роль принадлежит философии. Философия рассматривает сознание под особым углом зрения:

- как *самостоятельный феномен*, имеющий сложную внутреннюю структуру и собственные механизмы самоорганизации;
- как *открытую систему*, которая, с одной стороны, детерминирована природными, социальными и культурными факторами, с другой — сама способна создавать модели их преобразования;
- как *динамичную целостность*, которая исследуется в контексте эволюции человечества и на уровне отдельного индивида.

Философия не только исследует сущность данного явления, его базовые характеристики, но и анализирует уровень феноменального в сознании

(конкретные формы его проявления в пространстве бытия отдельного человека и общества в целом).

Сознание является *способом бытия человека в мире*, поскольку оно помогает ему вписываться в окружающую его природную и социальную среду. Благодаря сознанию человек отличает себя от предметного мира и других людей, выявляет свои потребности, ставит цели, через реализацию которых устанавливает обратные связи с окружающим миром. По отношению к сознанию бытие есть, с одной стороны, форма его отчуждения, опредмечивания, с другой — область возможных значений, поскольку содержание сознания определяется в результате его направленности вовне. Если бытие человека рассматривать как целостность, предполагающую его включенность в природную и социальную действительность, то сознание предстает как условие этой включенности. В то же время сознание является фактором расширения горизонта бытия: человек получает все новую информацию, творчески ее преобразует, создает проекты изменения окружающей природной и социальной действительности, наполняет бытие все новыми предметами, связями, отношениями.

Специфической особенностью сознания является его *идеальность*. Имея в качестве материальной основы процессы, происходящие в мозге, сознание не сводится к ним. Оно представляет собой качественно новое, системное свойство мозга как целостности. Одной из базовых характеристик сознания является *абстрактное мышление* как способность выделять существенные характеристики исследуемого объекта и систему его существенных связей. На уровне человеческого сознания образы реальности приобретают статус самостоятельных сущностей, не имеющих непосредственной привязки к своим объектам. Это открывает возможность оперировать этими образами, моделировать новые объекты и ситуации, предвидеть возможные последствия, а следовательно, осуществлять *целенаправление*. Структурной составляющей сознания и вместе с тем его интегральным элементом выступает самосознание. *Самосознание* — это способность человека сравнивать себя с другими, отличать себя от других, контролировать свои мысли, эмоции, действия. Проявления сознания имеют *языковое оформление*, благодаря чему они становятся доступными другим людям.

Сознание представляет собой *полифункциональное явление*. К базовым функциям сознания относятся следующие:

- когнитивная, поскольку сознание обеспечивает получение знаний о мире и самом человеке, посредством которых осуществляется взаимодействие личности и общества с окружающей действительностью;
- конструктивная, обусловленная способностью сознания создавать новые объекты, связи, отношения, моделировать реальность;
- прогностическая, связанная со способностью сознания заглянуть в будущее, предвидеть наступление определенных событий и процессов;

- контролирующая, поскольку сознание предоставляет человеку возможность контролировать действительность, управлять ею, включая контроль и управление собственным поведением, желаниями и мыслями.

В качестве самостоятельной проблема сознания была поставлена в рамках новоевропейской философии. Именно тогда появился и термин «сознание», что в латинском и русском варианте означает «совместное знание». В античной и средневековой философии термин «сознание» не использовался. Для характеристики различных психических состояний человека мыслители этих периодов употребляли термины «душа» и «разум», а для обозначения наиндивидуальных духовных явлений — понятие «дух».

В историко-философской традиции сформировались два подхода к определению *онтологического статуса* духовных явлений, включая сознание: субстанциональный и функциональный.

Субстанциональная модель сознания является исторически первой. Она представлена в философских воззрениях таких мыслителей, как Платон, Аристотель, Августин Блаженный, Декарт, Гегель и др. Согласно субстанциональному подходу, вне и независимо от материальных явлений и процессов существует некая высшая духовная, разумная субстанция. У Платона такой субстанцией является мир Идей, у Декарта — *Cogito* — мыслящая субстанция, у Гегеля — Абсолютная идея и т.д. В рамках субстанционализма сознание отдельного человека рассматривается как проявление этой субстанции, а логика мышления как совпадающая с законами организации этой духовной субстанции. Содержание сознания трактуется как совокупность идей, определяющих сущностные свойства объектов.

В неклассической философии позиция субстанционализма сохраняется в рамках структурализма и постструктурализма, поскольку они сводят сознание либо к языку, либо к тексту, которые, по их мнению, имеют субстанциональный характер.

Позиция субстанционализма делает акцент на *идеальности сознания*, на его автономности по отношению к материальным процессам. В ней обращается внимание на то, что общие понятия, значения, ценности, составляющие содержание сознания, носят *универсальный характер*.

Функциональный подход рассматривает сознание в качестве результата функционирования материи, как свойство материальных систем. Данная позиция оформилась в философии Нового времени в рамках англо-французского Просвещения. Она была представлена в философии Т. Гоббса, Дж. Локка, К. Гельвеция, Д. Дидро и др. Названные мыслители рассматривали сознание, с одной стороны, как результат обобщения чувственных данных, с другой — как функцию нервной системы, мозга, отражающего реально существующие объекты и связи.

Свое дальнейшее развитие функциональный подход получил в диалектическом материализме. Во второй половине XX в. диалектико-материалистическая парадигма аккумулировала новые научные достижения,

имеющие отношение к проблеме сознания. Однако центральной в ней по-прежнему остается идея отражения. **Отражение** рассматривается в качестве *универсальной характеристики всей природы* и трактуется как *способность материальной системы любой природы воспроизводить в особенностях своей структурной организации особенности структурной организации другой материальной системы, воздействующей на нее*. Данная модель предлагает развернутый анализ уровней и форм отражения, рассматривает сознание как высший тип отражения, возникающий в точке пересечения биологического и социального. Сознание определяется в ней как *свойство высокоорганизованной материи — мозга* отражать мир в *идеальных образах*, как *чувственных*, так и *логико-понятийных*. Признавая сознание многофакторным явлением, диалектико-материалистическая парадигма тем не менее оставляет без ответа ряд принципиальных вопросов: как материальное порождает идеальное, через какие механизмы социальные процессы влияют на функционирование мозга и др.

В процессе развития философской мысли наметилось принципиальное различие классической и неклассической философии в понимании сознания. Классическая философия рассматривает его как свойство, изначально присущее человеку, как *изначальную данность*. Сознание трактуется ею как «прозрачное» для самого себя, доступное для анализа и понимания. Иную позицию занимает неклассическая философия. Она открывает *факт детерминации сознания*, ставя вопрос: «А как в принципе оно возможно?», рассматривая сознание не в терминах данности, а в *терминах процессуальности и становления*.

Один из вариантов решения проблемы детерминации сознания был предложен марксистской философией. В нем акцент был сделан на обусловленности сознания социальными и культурными факторами, что стало основой для формирования *социокультурной модели сознания*. Согласно марксизму, содержание индивидуального сознания определяется формами общественного сознания, такими, как право, мораль, религия и др. Важную роль в этом процессе играет идеология. Формы общественного сознания, будучи реалиями культуры, в свою очередь зависят от общественного бытия — от способа производства материальных благ, в котором ведущая роль принадлежит производственным отношениям. В рамках такой модели сознание рассматривается как отражение реальных условий жизни людей, как явление несамодостаточное и непрозрачное для самого себя.

Принимая во внимание факт детерминации сознания, психоанализ предложил иной вариант решения проблемы. По версии психоанализа, сознание детерминируется *глубинными бессознательными процессами*. Именно бессознательное направляет сознание на определенные объекты и события, определяет характер поведения личности. Вместе с тем психоанализ не отрицает роль культуры в формировании как сознания в целом, так

и образа «Я» как его интегративного центра. Рассматривая структуру психики, З. Фрейд, например, выделял в ней три уровня: сферу Ид (бессознательное), сферу Эго, где одновременно даны информация о реальности и о самом человеке в виде образа «Я», а также сферу Супер-Эго, представленную нормами культуры, освоенными личностью и трансформировавшимися в механизм совести. Влияние культурных норм испытывает на себе не только сознание: они выступают в роли цензора прежде всего по отношению к бессознательным влечениям. По мнению другого известного психоаналитика К. Юнга, бессознательные пласты психики всегда являются культурно нагруженными. Такая их составная часть, как коллективное бессознательное, является результатом усвоения личностью нерелективных пластов культуры, представленных в виде архетипов.

Особой популярностью в неклассической философии пользуется *экзистенциально-феноменологическая модель сознания*, предложенная представителями феноменологии и экзистенциализма (Ф. Brentano, Э. Гуссерль, Ж.-П. Сартр, М. Хайдеггер и др.). Центральным понятием данной модели является понятие интенциональности. *Интенциональность* (от лат. *intentio* — стремление) — это направленность сознания на какой-либо объект. Согласно сторонникам экзистенциально-феноменологического подхода, человек посредством интенции выделяет предмет, благодаря чему сознание становится содержательно наполненным и перестает быть пустотой. Сознание рассматривается ими не только как совокупность интенций, но и как их источник. При этом подчеркивается, что сознание имеет разную интенциональную направленность: оно может быть ориентировано на физический объект (реальный или мнимый), на идеальные объекты (формулы, ценности, идеи, концепции и т.д.), на состояние самого сознания (реального или мнимого). Опираясь на основные положения экзистенциально-феноменологической парадигмы сознания, российский философ В.А. Лекторский предлагает следующее его определение: «*Сознание* — состояние психической жизни индивида, выражающееся в субъективном переживании событий внешнего мира и жизни самого индивида, в отчете об этих событиях»¹.

В рамках экзистенциально-феноменологической парадигмы интенциональность признается основным фактором, конституирующим сознание, наполняющим его определенным значением и смыслом. Однако интенциональность не позволяет различать сознание и психику, поскольку бессознательные процессы также имеют свою направленность. Поэтому интенциональность является необходимым, но недостаточным условием сознания.

¹ Лекторский, В.А. Сознание / В.А. Лекторский // Философская энциклопедия: в 3 т. Т. 3. М., 2000. С. 589.

В целом для современной философии характерно стремление осуществить синтез различных подходов к рассмотрению проблемы сознания, которые сформировались ранее. Такая тенденция просматривается в когнитивной модели, где предпринимается попытка соединить основополагающие установки функционализма с идеями, получившими обоснование в экзистенциально-феноменологической парадигме.

6.2. Философия и когнитивные науки о сознании

Накопление материала по исследованию информационных процессов и структур оказало заметное влияние на формирование современных представлений о сознании. В отечественной философии на основе исследования информационных процессов возник информационно-деятельностный подход к сознанию (Д.И. Дубровский, А.Н. Арлычев и др.). Представления об информационных процессах стали фундаментом для разработки теоретических моделей сознания в рамках когнитивных наук. **Когнитивными** называются науки, занятые поиском объяснений высших когнитивных (познавательных) функций и ментальных процессов. К числу таких наук относятся философия (в первую очередь эпистемология и философия науки), психолингвистика, информатика, нейробиология, нейрофизиология, область искусственного интеллекта и др. В англоязычной философии в течение последних 50 лет проблема сознания в контексте синтеза когнитивных наук активно обсуждается такими философами, как Д. Деннет, Дж. Серль, Дж. Фодор, П. Черчлед, Н. Блок, Д. Чэлмерс и др. Именно им принадлежит инициатива в разработке когнитивной модели сознания.

В современной философии уже существует целый ряд *когнитивных моделей сознания*, в рамках которых сознание рассматривается как возникшая в процессе биологической эволюции особая система, способная производить знания. Согласно этим моделям, сознание следует рассматривать в контексте *информационных процессов*, без которых не может существовать ни одна живая система. Информация (от лат. informatio — объяснение, изложение) означает осведомление, сведение о чем-либо. «С теоретико-информационной точки зрения информация — это идеализированное сообщение, уменьшающее или исключающее неопределенность в выборе одной из нескольких возможных альтернатив»¹.

Все живые системы являются информационными, потому что, во-первых, они содержат генетическую информацию о способах образования живых организмов, их функционировании, а также взаимодействии с окружающей средой; во-вторых, они способны созидать когнитивную инфор-

¹ Меркулов, И.П. Введение: формирование когнитивных представлений / И.П. Меркулов // Эволюция. Мышление. Сознание. М., 2004. С. 3—4.

мацию (знания). Чтобы не погибнуть, живому организму необходимо вписаться в среду, адаптироваться к ней. А это возможно только при условии, если живая система будет способна вести информационный контроль, т.е. уметь выбирать из окружающей среды те сигналы, которые обеспечили бы ей устойчивость и защитили от опасности. Такой информационный контроль является атрибутивной характеристикой любой живой системы. Он осуществляется благодаря генетической информации, выполняющей функцию программ, на базе которых формируется когнитивная система организма и продуцируется когнитивная информация.

Когнитивная информация не является данностью, она не содержится в самой природе. Она создается, порождается когнитивной системой живых организмов на основе сигналов, извлеченных из окружающей среды. Порождение информации предполагает активность системы и наличие у нее способности к выбору альтернатив. Такая способность возникает *на биологическом этапе* глобальной эволюции, который в свою очередь был подготовлен предшествующими ступенями развития Вселенной. С информационной точки зрения биологическую эволюцию можно рассматривать как эволюцию генетической программы, закодированной в ДНК, обеспечивающей возникновение и развитие у живых организмов способности «создать» когнитивную информацию. Таким образом, в биологической эволюции можно выделить не только эволюцию поведения, но и когнитивную эволюцию. *Когнитивная эволюция* означает, что организмы развивались в направлении формирования все более сложных когнитивных систем, которые в конечном счете обеспечили появление таких высших когнитивных способностей, как высокоразвитый интеллект, определенные мыслительные стратегии, новые способы переработки и хранения информации. В связи с этим мозг человека можно рассматривать как *результат когнитивной эволюции живых систем*.

Данные генетики и нейробиологии свидетельствуют о том, что в течение последних 500 млн лет организмы, имеющие нервную систему, эволюционировали в направлении совершенствования своих *когнитивных систем* — систем организма, связанных с продуцированием знания. У млекопитающих, включая человека, 70—80% генов генома необходимы для того, чтобы сконструировать мозг, а также обеспечить его дальнейшее функционирование и развитие, включая «молчащие» гены, которые участвуют в формировании мозга в период эмбрионального развития¹. Таким образом, биологическая эволюция связана не столько с морфологическими изменениями органов, сколько с морфологическими изменениями мозга. С точки зрения когнитивных наук биологическая эволюция является преимущественно *нейроэволюцией*.

¹ Меркулов, И.П. Тенденции развития эволюционной эпистемологии / И.П. Меркулов / Когнитивный подход. М., 2008. С. 124.

Рассматривая когнитивные процессы на уровне человека, ученые отмечают, что у человека гены влияют не только на формирование мозга, но и на работу когнитивной системы — на процессы мышления, обучения, памяти и т.д. По их мнению, развитие мозга не прекращается вместе с его формированием: эволюция мозга и биологическая эволюция в целом продолжают. Мозг активно реагирует на принципиально новые когнитивные ситуации и заново запускает в работу те гены, которые когда-то принимали участие в его формировании. Тем самым наш мозг получает возможность не только обрабатывать новую информацию привычными, апробированными способами, но и вносить существенные коррективы в сами способы ее обработки.

Исследуя генезис сознания, сторонники когнитивного подхода стремятся учесть роль не только биологических, но и социально-культурных факторов. Рассмотрение возникновения сознания в контексте коэволюции биологического и социального становится для них *основополагающей методологической установкой*. Руководствуясь идеей коэволюции, некоторые представители когнитивистики (например, Д. Деннет) делают вывод о том, что сознание, язык, культура — это генетически связанные продукты функционирования самой Матери-Природы. Поэтому, считает он, перед философией стоит задача — найти и объяснить общие для природы, сознания и культуры алгоритмы.

Представители когнитивистики ставят перед собой задачу — преодолеть дуализм в понимании сознания, представив его в виде процессов, протекающих в мозге. Они пытаются объяснить такие присущие человеку и связанные с его сознанием феномены, как свобода, личность, самость, ответственность, моральность и др., оставаясь на позициях материалистического монизма, сохраняя представления о сознании как о совокупности нейробиологических и нейрофизиологических процессов.

В рамках когнитивного подхода формируется особый образ (метафора) сознания, где оно представлено в виде взаимодействующих устойчивых структур, или сетей, различного уровня. Сознание в целом понимается как *сетевое явление*. В виде сети рассматривается взаимодействие нейронов. Это нейробиологический уровень. На этом уровне действуют генетические программы обработки информации (или в терминологии когнитивного подхода биологически встроенные диспозиции). Они обеспечивают нормальное функционирование организма, согласованную работу его составных частей, а также сигнализируют о том, в какой мере окружающая природная среда создает условия для выживания человека и удовлетворения его витальных потребностей.

Когнитивный подход рассматривает сознание как информационный процесс особого рода, поскольку на уровне человека обработка информации осуществляется не только на основе генетических, но и на базе *надбиологических программ*, так называемых приобретенных диспозиций, или

социальных паттернов. Эти программы также являются сетевым феноменом. Они играют определяющую роль в возникновении и функционировании сознания.

Человек живет в обществе, пользуется системой знаний, накопленных предшествующими поколениями, руководствуется в своем поведении нравственными нормами, ценностными ориентирами, мировоззренческими установками. Он включается в окружающий его мир не столько путем использования биологических ресурсов собственного организма, сколько путем преобразования мира и создания тех условий, которые он считает необходимыми, но которые ему не предоставила природа. В связи с этим ему необходим *принципиально новый способ обработки информации* — мышление, которое базируется на таких механизмах, как абстрагирование и обобщение. Мышление фиксирует способность человека выделять основные, сущностные *характеристики объекта*, соотносить их с поставленными целями и задачами; оно работает на основе определенных алгоритмов, благодаря чему общество имеет *общезначимую информацию*, представленную в понятиях, связанных между собой в соответствии с законами логики. Сами надбиологические программы весьма разнообразны. В роли таких программ выступают освоенное человеком знание, совокупность способов деятельности, причем деятельности не только практической, но и интеллектуальной, система нормативной регуляции, система ценностей и смыслов. Эти программы включают мозг в режим «сознание» и в дальнейшем обеспечивают его работу в этом режиме. В момент рождения у ребенка таких программ нет, как нет и сознания. Есть только мозг, имеющий определенную структурную организацию со встроенными генетическими программами. Мозг необходимо «обучить» обрабатывать информацию специфически человеческим способом. Определяющую роль в усвоении надбиологических программ играют социальная коммуникация и язык. Доминантным фактором при этом считаются *паттерны языка*.

Вслед за структуралистами и постструктуралистами приверженцы когнитивного подхода настаивают на том, что в стихии языка мы творим свое бытие, самих себя и свое сознание. Содержательным элементом сознания является знание. Оно возникает в процессе кодировки поступающей информации с помощью искусственно созданных знаковых систем. Именно эти системы, по мнению сторонников когнитивного подхода, сыграли определяющую роль в возникновении интеллекта. Более того, некоторые представители когнитивистики (например, Д. Деннет) высказывают идею о том, что искусственно созданные знаковые системы языка и культуры оказали влияние на изменение органики мозга.

Статус надбиологических программ имеет не вся социокультурная информация, а только та, которая приобретает устойчивые структуры, закрепляется в процессе обучения или непосредственной жизнедеятельности

личности. Эти устойчивые структуры выступают в роли матриц, на основе которых происходит дальнейшая обработка информации, поступающей из природной и социальной среды, а также от самого организма. Благодаря таким матрицам становится возможным анализ содержания самого сознания. В зависимости от природных, социальных, культурных условий, от состояния и уровня развития собственной самости человек может менять содержание надбиологических программ. А это значит, что сознание является не только саморазвивающимся явлением, но и *самоанализирующейся и самопрограммирующейся системой*.

Как же конкретно работает механизм («машина») сознания? Разъяснения по данному вопросу предлагает, в частности, уже упоминавшийся американский философ Д. Деннет. Свою теорию он называет по-разному: «AI — процессуально-информационная модель сознания», «функционалистский физикализм», «материализм», «семиотический материализм» и др. Картина происходящих в мозге процессов, согласно Деннету, выглядит следующим образом: из внешнего мира или из организма в мозг поступает информация. Чтобы сделать эту информацию понятной и дифференцированной, мозгу необходимо ее переработать. В процессе такой переработки возникают своего рода черновые наброски — драфты (от англ. drafts — набросок, план). Согласно когнитивной модели, образ объекта не может возникнуть в какой-то одной точке мозга. Черновой набросок объекта генерируется различными участками мозга и в разных сочетаниях. Например, чтобы возник образ объекта как желтого, круглого и большого, должен активизироваться ряд связей (сетей) нейронов: во-первых, это сети, где хранится информация обо всей цветовой гамме; во-вторых, связи, в которых закодирована информация о геометрических формах; в-третьих, это сети, в которых представлена информация о размерах. Тем самым образ объекта в мозге — явление децентрированное. Драфты накладываются друг на друга, образуя сети, сначала «бессловесные», а затем и оформленные в языке. Возникшие черновые наброски и соответствующие им нейросети корректируются (редактируются) другими участками мозга, и сами становятся основаниями для корректировки последующей информации и *интерпретации других содержаний*. Интерпретация рассматривается Д. Деннетом как неотъемлемое свойство когнитивных структур и сознания в целом.

Одной из наиболее сложных проблем в понимании сознания является проблема объяснения перехода от довербального к вербальному. В дуалистических моделях эта проблема решается за счет введения посредника в виде самости (субъекта, души, агента), который наделяет смыслами поступающую информацию и вербализует ее. Когнитивный подход рассматривает сознание как совокупность процессов, протекающих в мозге, что исключает дуалистическую трактовку взаимосвязи вербального и довербального. Согласно логике когнитивизма, в мозге невозможно провести разде-

лительную (демаркационную) линию между невербальными и вербальными процессами. Связь между ними осуществляется на основе принципа взаимной коррекции и обратной связи. Содержание набросков образов влияет на выбор слов, а слова в свою очередь определяют содержание этих образов. Благодаря наличию языкового компонента отсутствует прямая связь между содержанием сознания и нейрофизиологическими процессами. Вербализуя информацию, мы как бы «выхватываем» из культуры отдельные идеи, мысли и способы их связи. Отсюда между содержанием сознания (когнитивной информацией) и реальным миром не может быть полного соответствия.

В рамках когнитивного подхода **сознание** можно определить как способность мозга продуцировать когнитивную информацию в процессе взаимодействия человека и природы, человека и социальной среды на основе надбиологических программ, не только освоенных личностью в процессе обучения, но и созданных ею в результате творческого преобразования накопленного когнитивного опыта.

В целом когнитивная модель сознания характеризуется рядом специфических черт:

- базовым понятием является понятие «знание»;
- в качестве основного познавательного механизма рассматривается процедура моделирования;
 - для моделирования человеческого мозга и протекающих в нем процессов активно используются метафоры, в том числе компьютерные;
 - исследование когнитивных объектов (явлений) осуществляется преимущественно с точки зрения их структуры. В качестве когнитивных структур обычно выделяют репрезентации, фреймы, скрипты, сценарии;
 - исследование взаимодействия человека и окружающей среды происходит на основе экологической адекватности;
 - человек понимается как познающая и адаптирующаяся к среде открытая система;
 - истинность знания трактуется как его адаптивная (эвристическая) полезность;
 - игнорируются междисциплинарные барьеры, поскольку используются данные из различных конкретно-научных областей;
 - информационный подход является ведущей методологией¹.

Когнитивная модель сознания вносит существенный вклад в развитие представлений о таком сложном и многоплановом явлении, как сознание. Она осуществляет синтез философских и естественнонаучных знаний о

¹ Баксанский, О.Е. Когнитивная философия как методологическая рефлексия когнитивных наук / О.Е. Баксанский, Е.Н. Кучер // Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного знания. М., 2004. С. 107.

данном феномене. Она расширяет горизонт постановки самой проблемы, используя новый категориальный аппарат. Предлагая новую структуру и новые механизмы («машины») сознания, когнитивная модель становится методологической основой моделирования интеллектуальных процессов.

6.3. Самосознание и самость в структуре сознания

Способность человека отличать себя от предметного мира и других людей, формировать определенное отношение к себе, оценивать свои поступки и мысли, контролировать свои действия определяет содержание такого структурного элемента сознания, как **самосознание**. Факт существования самосознания и его значимость для личности ни у кого не вызывают сомнения. Более того, на основе акцентуации этой значимости в философии сложилась позиция, сводящая сознание к самосознанию. Формирование такой позиции связано с теорией Дж. Локка о двух видах опыта. По мнению английского мыслителя, источником знания может быть либо ощущение, имеющее отношение к внешнему миру, либо рефлексия, являющаяся результатом наблюдения ума за своей собственной деятельностью. Именно рефлексия, согласно Локку, и является сознанием. отождествление сознания с самосознанием характерно для философской позиции И. Канта и Э. Гуссерля.

Самосознание представляет собой динамичное явление. Оно изменяется не только на протяжении жизни отдельного человека. Оно носит исторический характер, поскольку самосознание людей, живущих в разные исторические эпохи, отличается существенным образом.

Самосознание — сложноорганизованный феномен. Наличие в нем структурных уровней обусловлено тем, что сознание может быть направлено на различные реалии, имеющие отношение к человеку.

Первым уровнем структурной организации самосознания является *самочувствие*. Самочувствие предполагает осознание человеком своего тела как включенного в мир вещей и других людей. Характеризуя данный уровень самосознания, Х. Хид в 1926 г. ввел понятие «схема тела». Тем самым он хотел подчеркнуть, что у субъекта всегда есть модель его собственной телесной организации, что помогает ему сохранять стабильность в изменяющихся условиях, а также приспосабливаться к окружению. На наличие данного элемента в структуре самосознания указывал и П. Шиндер, подчеркивая, что Я-образ всегда содержит «картину нашего собственного тела, которую мы формируем в уме, т.е. способ, которым наше тело мы репрезентируем для самих себя»¹. Осознание информации о состоянии

¹ *Бескова, И.А.* Самость и самосознание в когнитивном развитии / И.А. Бескова // Эволюция. Мышление. Сознание. М., 2004. С. 71.

собственного тела крайне необходимо человеку. В противном случае он не отличал бы, какая информация имеет отношение к окружающему миру, а какая к нему самому.

Вторым уровнем самосознания является *уровень самоидентичности*. На нем человек осознает себя в качестве субъекта, принадлежащего к тому или иному человеческому сообществу, социальной группе, к той или иной культуре. Самоидентификация всегда предполагает сознательный личностный выбор и ответственность за него. В тех условиях, когда культура и социальные группы представляют собой устойчивые образования, процесс идентификации протекает успешно и безболезненно для личности. В ситуации, когда размываются этнические, культурные и иные границы, наблюдается кризис идентичности. Особенно остро этот кризис протекает в условиях современной глобализации, когда человеку приходится одновременно усваивать, «считывать» образцы различных культур, которые нередко плохо согласуются между собой. Это препятствует формированию устойчивой системы ценностных координат и обуславливает появление диссоциативной личности, потерявшей способность к самооценке и самоконтролю в силу отсутствия у нее точек отсчета для осуществления этих процедур.

Третьим уровнем самосознания является *саморефлексия* — обращенность сознания к внутреннему миру личности. Здесь сознание встречается с самим собой, анализирует содержание знаний, определяет характер имеющихся ценностей и смыслов, эмоций и чувств, диагностирует уровень освоения личностью приемов интеллектуальной деятельности и т.д. Именно на этом уровне в полной мере проявляется свобода, поскольку благодаря рефлексии личность получает возможность изменять свои мировоззренческие и ценностные ориентиры и тем самым вносить существенные коррективы в свой жизненный проект или даже радикально его пересматривать.

Самосознание функционирует на основе таких механизмов, как *самопознание, самоанализ, самокритика, самооценка* (самооценка предполагает не только сравнение себя с другими людьми, но и с идеалом, который представляет собой определенный прототип, на который человек хотел бы быть похожим) и *самоконтроль*.

Все уровни самосознания тесно связаны, вследствие чего возникает интегральный образ «Я», или самость. *Самость* — это представление человека о себе как об особой устойчивости, целостности, отличной от окружающего мира и других людей. Согласно таким психологам, как Дж. Килстром и Ст. Клейн, «Я» презентует наше собственное знание о себе. Классическая философия и теория личности полагали, что поведение человека устойчиво в пространстве и времени. Эта устойчивость обусловлена чертами личности, лежащими в ее основе. «Я» рассматривалось как центр, в котором собраны все качества личности. Современная философия обращает внимание на то, что поведение человека вариативно, неустойчиво в пространстве и

времени. В зависимости от того, какими мы были в тех или иных классах ситуаций, как мы себя вели, как чувствовали, какие качества проявляли, у нас формируется набор определенных представлений и понятий о себе, набор контекстно-специфических «Я». Самость в этом случае предстает как иерархия этих контекстно-специфических «Я», как определенный прототип. Современные философия и психология, делая ставку на понимание личности как *процессуальности*, подчеркивают, что «Я» состоит из историй, которые мы сами себе рассказываем о себе. Эти истории описывают, как мы стали такими, какими мы есть, что и почему мы делали и к каким результатам это привело. Такое понимание самости получило название *концепции «Я» как истории*. Ее сторонниками являются С. Эпштейн, Р. Шанк, Р. Абельсон. Когда с нами случается что-то новое, мы анализируем не только само это событие, но и себя как его участника. Это заставляет нас корректировать свое самопонимание, менять и пересказывать заново историю своей жизни, а значит, конструировать заново свое «Я».

Процесс формирования самости человека имеет два вектора.

Во-первых, самость формируется только через контакт личности с окружающей средой, т.е. через *экологическое «Я»* (термин ввел У. Найссер). Экологическое «Я» — это человек как активное начало, вовлеченное в окружающий мир. Когда мы действуем в определенной среде, мы осознаем наши действия и знаем также их значение для нас. При этом каждая ситуация объективно предполагает множество возможностей, сценариев, допустимостей. Например, если есть стакан воды, человек может выпить из него, поместить в него рыбку, выплеснуть воду на пол и т.д. Однако только часть этих возможностей воспринимается человеком как норма и еще меньшая реализуется. Допустимости — это всегда отношения между индивидом и средой. В границах этих допустимостей и возникает самость.

Во-вторых, «Я» формируется в процессе социальной коммуникации, поскольку человек является субъектом межличностных отношений. Если экологическое «Я» является активным, действующим началом в физическом мире, то *интерперсональное «Я»* — в социальных обменах. Чтобы выделить себя из окружающего мира в качестве автономности и определенной целостности, необходимо обнаружить себя не только изнутри, но и извне, как бы посмотреть на себя со стороны. Сделать это можно только посредством другого человека. Обнаруживая Другого, мы начинаем относиться к себе по аналогии с ним. И наоборот, к другим людям мы относимся по аналогии с собой. Эти два процесса помогают нам понять, что мы одновременно и отличны от других, и на них похожи.

Сравнение наших намерений с полученным результатом позволяет установить смысл нашей деятельности, дает возможность убедиться в том, что активным началом в социальной коммуникации выступаем мы сами. Таким образом, интерперсональное «Я» — это осознание человеком своей вовлеченности в социальные взаимодействия.

По мнению ряда исследователей (Л. Мюррей, У. Найссер и др.), уже младенцы, а не только взрослые имеют вполне реалистическое восприятие своей активности как в окружающем мире, так и в социальной коммуникации.

Восприятие себя как целостности обуславливает дистанцированность личности от остальной реальности. Давая человеку возможность определить, что из окружающего мира и системы социальных взаимодействий следует рассматривать как существенное, а что как незначительное, самость делает сознание личности *туннелированным феноменом*, позволяющим воспринимать мир только в узких пределах, в пределах туннеля. В структурах своей психики человек может иметь богатейшую информацию, однако ему как самости и целостности она в таком объеме не только не нужна, но и не доступна. В то же время именно самость открывает личности новые горизонты для внутреннего, духовного саморазвития, а также новые горизонты видения мира.

Важную роль в формировании и развитии самости играет не только непосредственная межличностная коммуникация, но и весь социокультурный контекст, в который личность погружена. Различные культуры содержат различные варианты отношения к самости, по-разному определяют ее значимость. Если западная культура нацеливает личность на развитие своего «Я», то восточная, наоборот, считает, что устранение самости позволит увидеть мир как целое во всех его деталях и проявлениях, достичь вершин мудрости и высшей истины. В восточной традиции самость понимается как то, что затемняет, маскирует подлинные отношения человека с миром. Самости, по мнению восточных философов, ничто не соответствует, поэтому ее следует изживать. Для западной традиции самость — это вершина, к которой должен стремиться каждый человек, поэтому развитие личности рассматривается как продвижение ее к самости как проявлению своего глубинного «Я». Такая точка зрения наиболее отчетливо представлена в позиции К. Юнга, для которого самость вообще является одним из важнейших архетипов коллективного бессознательного как структурной единицы психики человека.

Таким образом, следует отметить, что самосознание появляется не в процессе функционирования изолированного сознания, а в процессе коллективной практической деятельности, социальной коммуникации и включенности человека в культуру.

6.4. Язык и социальная коммуникация

Информационные процессы, в том числе и сознание, не могут существовать без своих материальных носителей. На уровне сознания в роли таковых выступают, во-первых, нейрофизиологические и нейропсихологи-

ческие процессы, благодаря которым информация кодируется в мозге; во вторых — язык. Язык — особая чувственно воспринимаемая семиотическая система, с помощью которой феномены сознания человека становятся доступными другим людям. К знаковым системам относятся естественные и искусственные языки, языки жестов и др.

Язык представляет собой сложную знаковую систему, которая является универсальным *средством объективации* как индивидуального сознания, так и культуры в целом. Он возникает в процессе совместной жизни и деятельности людей и становится необходимым условием их совместного проживания. Язык — это *социальное явление*. Благодаря языку субъекты взаимодействуют: организуют совместную деятельность, обмениваются накопленными знаниями и навыками, вырабатывают и закрепляют нормы регуляции общественной жизни. Таким образом, одной из основных характеристик языка является *интерсубъективность*. К числу основных характеристик языка немецкий философ XX в. Х.Г. Гадамер относит еще три¹. Первая — «реальное самозабвение языка». Эта характеристика проявляется в том, что в живом языке структура, грамматика, синтаксис и другие его параметры не осознаются: язык как бы прячется за тем, о чем он высказывается. Нужны специальные действия, чтобы выявить лингвистические параметры языка. Вторая характеристика, считает Гадамер, — это «безличность», поскольку процесс говорения относится не столько к сфере «я», сколько к сфере «мы». Говорение фактически представляет собой «игры речей и ответов». Третье качество — это универсальность языка, поскольку вне языкового пространства невозможно становление человека как личности и его познавательная деятельность.

Язык способен выразить не только *устойчивую систему знаний и представлений*, которая хранится либо в индивидуальном сознании, либо в культуре в целом. Благодаря наличию модальности (суждений возможности) он способен выразить *процессуальность* сознания, его развитие.

Язык выполняет много функций, однако вопрос об их количестве и характере не имеет однозначного решения. По мнению А.А. Гируцкого, функции языка можно разделить на две группы: *внутриструктурные* функции и *общественные*². Одной из внутриструктурных функций является *мыслемоформирующая*. Ее сущность заключается в том, что мысль становится оформленной и чувственно воспринимаемой только будучи выраженной в языке и высказанной в речи. Еще одна внутриструктурная функция — *номинативная* состоит в том, что слово способно служить средством наименования предметов и явлений. Это позволяет оперировать мыслью о вещи, выводить понятия о предмете, строить суждения и умозаключения.

¹ Гадамер, Х.Г. Человек и язык / Х.Г. Гадамер // От Я к ДРУГОМУ. Минск, 1997. С. 138—140.

² Гируцкий, А.А. Введение в языкознание / А.А. Гируцкий. Минск, 2005. С. 40—42.

К *общественным функциям языка* относятся следующие:

- коммуникативная, поскольку язык является универсальным средством общения между людьми. С помощью языка люди передают друг другу свои чувства, мысли, переживания. Язык позволяет людям не только организовать совместную деятельность, но и понять друг друга. Он служит не только способом существования, но и развития общества;

- аккумулятивная, которая свидетельствует о том, что язык является средством накопления общественного опыта и знаний, средством формирования и развития культуры. Благодаря языку накопленная информация передается от человека к человеку, из поколения в поколение;

- экспрессивная состоит в том, что язык дает личности возможность выражать свое настроение, свои эмоции;

- апеллятивная — функция побуждения и призыва к определенным действиям и др.

На разных этапах развития философии проблемы языка ставились и решались по-разному. Классическая философия демонстрировала интерес прежде всего к *языковой семантике*, стремясь решить следующие проблемы: в какой мере бытие может быть представлено в языке, как соотносятся язык и мышление, как функционирует язык в определенных социальных и культурных условиях. Классическая парадигма языка была ориентирована на изучение его *объективных параметров*. Она рассматривала язык как особую объективную реальность, как внешнее средство выражения результатов мышления. Окончательным оформлением такого понимания языка стала концепция Ф. де Соссюра. И хотя Соссюр различал «внутреннюю лингвистику», т.е. язык как устоявшееся явление, имеющее свою внутреннюю архитектуру, и «внешнюю лингвистику», т.е. условие функционирования языка в конкретном социальном пространстве, в целом он считал, что в процессе анализа динамикой языка можно пренебречь.

Рассматривая язык как семиотическую (знаковую) систему, классическая философия подчеркивала, что функция знаков заключается лишь в том, чтобы выражать идеи; при этом знаку безразлично, что обозначать. С ее точки зрения, знаки являются результатом соглашения между людьми (конвенцией), который закреплен в традиции.

Неклассическая философия исследует язык прежде всего с точки зрения *синтаксиса*, формулируя следующие основные проблемы: какова структура языка, как связаны между собой языковые отношения и их интерпретация, каково соотношение естественного и искусственного языков, какую роль играет язык в жизни человека. В рамках неклассической философии язык, по существу, отождествляется с духовным бытием индивида, трактуется как *творческий процесс*. Под языком начинают понимать любую знаковую систему, которая обеспечивает коммуникацию субъектов. Основоположником такого понимания является немецкий лингвист и философ

В. Гумбольдт. Согласно ему, язык — это внутреннее средство духовного творчества и достижения истины. Неклассическая парадигма рассматривает язык в качестве посредника между объектом и сознанием, благодаря которому предметность становится содержанием сознания. Тем самым язык предстает в роли фактора, определяющего содержание мировосприятия и миропонимания субъекта. В рамках неклассической философии проблема языка становится самостоятельной, а философия языка приобретает статус особого раздела, что означало лингвистический поворот в философии. *Лингвистический поворот* представляет собой попытку решения ряда философских проблем через анализ языка. Особое внимание неклассическая философия уделяла анализу семантического треугольника — проблеме соотношения имени (слова) с десигнатом (идеей, понятием) и денотатом (объектом). При этом обращалось внимание на то, что бытие (в более узком смысле — объект) совпадает с пространством языка (в более узком смысле — с понятием).

Неклассическая философия в лице Л. Витгенштейна сделала вывод о том, что значение слова не является исходным: оно возникает в контексте его употребления, а процесс употребления организован по определенным правилам. Эти правила (или, как их называет Витгенштейн, языковые игры) в свою очередь рассматриваются как адекватные фундаментальным структурам бытия. Направление исследования языка, для которого характерен интерес к семиотике, структуре языка, принципам его организации, получило название *аналитического*. В современной философии эта линия представлена работами известного западного лингвиста А. Вежбицкой — автора идеи создания семантического метаязыка. По ее мнению, разработку теории языка следует начать с выявления *семантических примитивов*, т.е. слов, которые являются общими для всех языков. Семантические примитивы самостоятельны, взаимопереводимы, их можно использовать для определения значений других слов. А. Вежбицкая предлагает новое «прочтение» тех идей, которые были высказаны еще Р. Декартом и Г. Лейбницем. Для Декарта такими предельно простыми и интуитивно ясными были врожденные идеи, а для Лейбница — простые понятия, являющиеся основанием для построения других понятий, которые он называл «алфавитом человеческих мыслей».

Согласно Вежбицкой, семантические примитивы образуют семантический метаязык, в структуре которого можно выделить 11 групп. В группы выделяются субстантивы (я, ты, кто-то, что-то, люди), детерминаторы и квантификаторы (этот, тот же самый, другой, один, весь и др.), ментальные предикаты (думать, хотеть, говорить, знать, чувствовать) и др. По мнению А. Вежбицкой, основными критериями включения понятий в семантический метаязык являются их самопонятность (простота) и универсальность (переводимость на другие языки). В рамках семантического метаязыка всегда дана определенная картина мира, а также представлен облик говорящего, поэтому такой метаязык может служить методологической основой для сравнения культур, национальных характеров, способов видения мира.

В неклассической философии наряду с аналитическим направлением анализа языка сформировалось и **экзистенциально-герменевтическое**. Экзистенциально-герменевтическая парадигма предлагает рассматривать язык как особую целостность, а не делить его на части. Сторонниками такого подхода являются М. Хайдеггер, Г. Гадамер и др. Они рассматривают язык не как средство выражения мыслей, не как систему знаков или значений, а как культурно-историческое пространство, культурно-исторический контекст, пространство бытия человека. Важнейшей проблемой в рамках экзистенциально-герменевтического подхода является проблема понимания.

Постмодернистская философия делает акцент на *языковой прагматике*, на анализе такого структурного элемента языка, как текст. Ее интересует взаимодействие текстов, т.е. феномен интертекстуальности. Постмодернистская философия, следуя за М. Хайдеггером, понимает язык «как дом бытия», как средство, через которое человек открывает бытие и конструирует его. Постигание смысла бытия отождествляется тем самым с его конструированием.

Однако как бы ни рассматривали философы проблемы, связанные с языком, неоспоримым остается факт, что язык является способом выражения мысли. Он выполняет важную коммуникативную функцию — служит средством передачи социальной информации, знаний. Эта передача осуществляется как в пространстве — в процессе непосредственного общения людей друг с другом, так и во времени — от поколения к поколению, обеспечивая тем самым непрерывность роста знаний, в том числе и научных.

6.5. Сознание и интеллект. Проблемы искусственного интеллекта

Проблемами искусственного интеллекта ученые начали заниматься еще в 50–60-е гг. XX в. В первый период исследования философы обсуждали вопрос: «Может ли машина мыслить?», а программисты с помощью маломощных ЭВМ решали задачи распознавания образов и речи, понимания естественного языка, доказательства теории и т.п. В целом рассматривались проблемы, связанные с моделированием деятельности органов чувств и мышления.

Второй этап исследований начался в 70-е гг., когда стало очевидно, что воспроизведение функционирования органов чувств человека с помощью компьютерных программ не принесло практических результатов. Доминирующими стали теоретические исследования в области *способов представления и использования знаний*. Был создан целый ряд теоретических моделей знания: семантические сети, теория фреймов и др. 1982 год — поворотная веха в разработке искусственного интеллекта, поскольку именно тогда встал вопрос о том, будут ли вестись разработки по искусственному интеллекту во всем мире. Именно в этот период в США началось массовое

производство персональных компьютеров. Тогда же обнаружился и семантический пробел — различие между естественным языком и языками программирования.

В последние годы особых достижений в разработке искусственного интеллекта не наблюдается. Речь идет не столько о трудностях, возникающих в ходе теоретических разработок, сколько о практической пользе от их внедрения в повседневную жизнь.

Существует ряд причин, обуславливающих сложность создания искусственного интеллекта, максимально приближенного к сознанию человека.

Первая причина связана с тем, что большинство форм сознания (ощущение, восприятие, представление, воля, вера, эмоции, интуиция и т.д.) не являются алгоритмическими по самой своей сути. Более того, такие проявления сознания, как ощущение и восприятие, возникают в процессе непосредственного телесного контакта человека с окружающей средой. Чтобы адекватно их смоделировать, необходимо воспроизвести в технической системе всю телесность человека. Для указанных форм сознания характерна и ситуативная изменчивость. Например, вкус одного и того же продукта может восприниматься по-разному: яблоко после лимона может показаться сладким, а после халвы — кислым.

Вторая причина заключена в особенностях самого мышления. Среди всех форм сознания мышление является наиболее алгоритмизированным. Однако проблема его компьютерного моделирования также не решена. Мышление бывает двух типов: интуитивное и логическое. *Интуитивное* мышление характеризуется тем, что в его пространстве отчетливо даны исходная проблема и окончательный результат. Промежуточное звено в виде проделанных мыслительных процедур остается неясным. Нередко именно на интуитивном уровне появляется принципиально новый вариант решения проблемы, а иногда вырисовывается и сама проблема на фоне привычного и, казалось бы, давно известного. Но если способы функционирования интуитивного мышления остаются неизвестными, то моделировать их не представляется возможным. *Логическое* мышление предполагает формирование суждения, принятие решения на основе однозначного алгоритма. Такая ситуация возможна только при наличии достаточного количества исходной информации для использования алгоритма. Логическое мышление не индивидуально. Если алгоритм известен, то его могут использовать разные люди и получать при этом одинаковые результаты. Структура алгоритма зависит от принятых аксиом, набор которых составляет основу рассуждений, и выбранных правил логики. В рамках однозначного алгоритма отсутствует возможность выбора, а значит, отсутствует творчество. Невозможность моделирования творческих процессов обусловлена также тем, что пока не раскрыты сущность и природа самого творчества.

Третья причина — проблема обучение компьютера. Компьютер с искусственным интеллектом можно сравнить с ребенком, который должен научиться познавать мир, обрабатывать информацию теми способами, которые присущи людям. Однако до конца еще не познаны сами механизмы процесса обучения, поэтому остается без ответа вопрос: как и чему обучать компьютер? Кроме того, для человека характерен процесс не только обучения, но и самообучения, что предполагает самостоятельный поиск недостающей информации среди знаний, имеющихся в культуре, а также продуцирование новых.

Четвертая причина — проблема семантического пробела, т.е. проблема перевода наших знаний на язык программирования, язык компьютера. В этом направлении частично разработана математическая теория логических выводов, аналогии, индукции, дедукции и др. Но эта теория не применима, когда сравниваются реалии, взятые из жизни, из текстов, из бытового разговора с человеком, а также реалии, полученные на основе зрительных образов. Чтобы осуществить процедуру их сравнения, необходимо ответить на вопрос, что есть знание, и представить информацию в оформленном виде, а иначе мы не получим факты. Но если нет фактов, не срабатывает логическая программа и нельзя применить правила логики.

Крайне сложно формализовать ответ на вопрос, что такое знание. Не менее сложно оформить большую часть наших знаний с помощью языка, который воспринимал бы компьютер. Например, каждому водителю понятно правило: «если расстояние от движущегося автомобиля до находящегося впереди него сокращается, нужно тормозить», то для компьютера это правило — загадка. Машина не понимает смысла слов «расстояние сокращается» — компьютеру нужно указать, с какого расстояния происходит торможение, а также с какой силой надо тормозить.

Многие наши знания являются нечеткими, размытыми, имеющими скрытый смысл. Впервые на трудность формального представления знаний обратил внимание Л. Заде. В 1965 г. он создал теорию нечетких множеств и нечетких логических выводов. Нечеткость как понятий, так и правил их обработки позволяет выстроить логические рассуждения, довольно близкие к тому, что проделывает человек в обыденной жизни. По сравнению с классической или символической логикой это открывает более широкие возможности для адекватного представления знаний.

Первый компьютер, работающий на принципах «нечеткой логики», был разработан в Японии еще в 1988 г. Т. Ямагавой. Системы, работающие по принципу нечеткой логики, находят большое применение во многих отраслях промышленности, транспорта и бизнеса. Разработаны языки программирования, на основе которых можно моделировать работу «нечетких» компьютеров.

Сегодня ученые, разрабатывающие проблемы моделирования искусственного интеллекта, считают, что экспериментальные образцы «суперразума» будут представлять собой нечеткий нейронный искусственный интеллект. По их мнению, будущие интеллектуальные системы должны иметь следующие составляющие: 1) нейронные сети; 2) базу знаний; 3) нечеткую логику. Первыми это планируют осуществить японские специалисты. По прогнозам Г. Моравека, компьютер для человекоподобных роботов появится в 2020 году, а домашний компьютер с характеристиками, сравнимыми с человеческим мозгом — к 2030. Очевидным является тот факт, что проблемы, связанные с искусственным интеллектом, нельзя решить без теоретических исследований в области эпистемологии и философии в целом, поскольку именно они дают ответ на вопрос, каковы механизмы приобретения и представления (оформления) знаний.

Если в целом характеризовать степень разработанности проблемы сознания, то следует отметить, что и сегодня этот феномен остается необъясненным. Остается непонятным, как вещество мозга производит мысли, как происходит переход от невербального уровня психики к вербальному, как связаны в процессе появления сознания биологическое и социальное. Тайна сознания еще ждет своей разгадки. И чем дальше человек продвигается по пути ее разгадки, тем острее встает вопрос: а не приведет ли вторжение человека в тонкую структуру информационных процессов к уничтожению самого человека и его Разума?

ГЛАВА 7. СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

7.1. Социальная философия и социально-гуманитарные науки в познании общества: общее и особенное

Приступая к рассмотрению социальной философии, необходимо сразу же обратить внимание на ряд проблемных ситуаций, свидетельствующих о ее диалектически противоречивом характере и определяющих дискуссионность и актуальность рассматриваемых в ней проблем.

Первая проблемная ситуация касается времени возникновения социальной философии. На протяжении всей истории человечества совместное существование людей являлось предметом познания, результаты которого прямо или косвенно сказывались на характере деятельности человека, отношениях людей, формах самоорганизации и регуляции жизни социума. С возникновением философии представления об обществе стали неотъемлемым компонентом философского знания, оставаясь, однако, длительное время на периферии внимания профессиональных философов. Вплоть до

середины XIX в. социальная философия (как, впрочем, и философия истории, во многом способствовавшая ее становлению) находилась в процессе перманентного самоопределения, связанного с поиском собственного предметного ареала, в рамках как общепhilosophического знания, так и комплекса формирующихся социально-гуманитарных наук. Произошедшая в XIX в. институционализация этих наук, приведшая к созданию социологии, политологии, культурологии, социальной психологии и других наук, способствовала кристаллизации предмета, структуры, проблемного поля и социально-культурных функций социальной философии, ставшей в XX в. одним из основных компонентов философского знания.

Тем самым в вопросе о времени возникновения социальной философии можно выделить две точки зрения, бытующие в научной и учебной литературе: 1) связь начала социальной философии с древностью — прежде всего с китайской, носившей «практически заземленный характер» и ориентированной на осмысление бытия человека в коллективном социуме и сохранение стабильности существования самого социума, а также с философией Древней Греции, рассматривавшей человека и общество как органичные компоненты упорядоченного и самоорганизующегося Космоса; 2) соотношение становления социальной философии с возникновением дисциплинарно организованного знания о человеке и обществе в рамках конкретных социальных и гуманитарных наук и разграничением предметного поля соционаучного и социофилософского познания. По мнению сторонников этой точки зрения, говорить о становлении социальной философии как относительно самостоятельного раздела философского знания можно применительно ко второй половине XIX — началу XX вв. Это время поиска путей преодоления характерного для классической философии патронажа по отношению к формирующимся наукам о человеке и обществе. И это время осознания общества в качестве самостоятельной, не сводимой к природе реальности и соответственно выявления потребности в использовании собственных методов, парадигм и исследовательских программ ее постижения.

Следует отметить, что данные взгляды принципиально не противоречат, поскольку социальная философия смогла окончательно определиться только на фоне самоопределения и институционализации конкретных гуманитарных наук, а все предшествующее развитие философских представлений об обществе и его динамике являлось своего рода прелюдией для ее оформления.

Вторая проблемная ситуация, касающаяся становления социально-философского знания, связана с определением его предмета. В частности, широко распространено мнение о том, что социальная философия предполагает философскую рефлексию над обществом и его компонентами в

их историческом развитии, раскрытие закономерностей существования и динамики всех основных сфер общественной жизни и социального бытия человека. Это определение кажется амбивалентным, так как предполагает обращение к анализу хотя и взаимосвязанных, но принадлежащих к различным формам бытия Универсума феноменов — бытию социальных структур, учреждений и институтов и бытию человека в обществе. Однако это не так. Дело в том, что социальная философия самым тесным образом связана с социальным и гуманитарным познанием, предмет которых различен. Предмет социальных (обществоведческих) дисциплин — социологии, экономики, политологии — раскрытие законов и механизмов функционирования социума. Предмет гуманитарных наук, идеалом которых Г. Риккерт считал исторические науки, — раскрытие мотивационных факторов и ценностно-смысловых параметров человека *как личности* в обществе¹.

Третья проблемная ситуация в социальной философии связана с существованием различных подходов к определению ее структуры. Так, широкое распространение получила точка зрения, согласно которой социальная философия включает в себя весь комплекс философских взглядов на общество. Эта позиция характерна для авторов большинства учебных пособий, которые в состав социальной философии включают социальную онтологию, философию истории, философию культуры, философию политики, экономическую философию, философию права, морали, религии, образования и др. Другая рассматривает социальную философию исключительно как социальную онтологию, отличая ее от философии истории и философии культуры. Основанием для подобного рассмотрения является идущая от позитивизма традиция, согласно которой проводились различия *социальной анатомии* и *социальной физиологии*, *социальной статистики*, *социальной динамики*. В частности, о следовании данной традиции свидетельствует известное учебное пособие А. Г. Спиркина, в котором вся система философских знаний об обществе характеризуется как «основы социальной философии и философии истории»².

Особенность **четвертой проблемной ситуации** в определении специфики социальной философии состоит в наличии у нее, как считают некоторые авторы (К.Х. Момджян, Я.С. Яскевич и др.), двух основных интерпретаций социального мира — рефлексивной (научно-рефлексивной) и ценностно-нормативной (валюативной). *Рефлексивное* постижение социума предполагает анализ общества в его объективном историческом развитии и ставит задачу познать социальный мир таким, каким он предстает в intersubъективном, лишенном оценок человеческом сознании. Что же касается *валюативного* осмысления социальной действительности, то оно

¹ См.: Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре / Г. Риккерт. М., 1998.

² См.: Спиркин А.Г. Философия / А.Г. Спиркин. М., 2000.

имеет предметом не мир сам по себе, а его значение для человека и соотносит общественные явления с ценностями человеческого существования. Различие моделей видится также в том, что научно-рефлексивная интерпретация связана с интересом исследователя к сущему, его стремлением представить общество как объективную реальность, лишенную влияния собственной субъективной позиции. Валюативная интерпретация ориентирована не столько на воспроизведение и изучение сущего, сколько на конструирование *должного* и *желаемого* в обществе — проектирование предпочтительных форм общественного устройства и норм взаимоотношений людей. Тем не менее рассматривать две эти модели общества как взаимоисключающие было бы неправомерно, поскольку в развитии самого общества потребности, интересы и цели людей обладают креативной силой, а следовательно, способны реализовываться в общественной практике и изменять социальную ситуацию.

Наконец, обратим внимание еще на одну значимую **проблемную ситуацию** (пятую) в интерпретации социальной философии. Ее анализ должен помочь нам в выяснении характера связи между социальной философией и социально-гуманитарными науками, а также в определении принципиальных задач социальной философии в познании общества. Что характерно для социальной философии как специфической формы осмысления общества и его динамики? Каков характер ее коммуникативной связи с современными социально-гуманитарными науками?

Чтобы ответить на эти вопросы, обратим внимание на следующие две фундаментальные особенности, атрибутивно присущие философии в целом и определяющие социокультурный статус социально-философского знания в частности.

В о-п е р в ы х, наличие у философии двух принципиально взаимосвязанных, но автономных интенций — *эпистемной* интенции, выражающейся в стремлении к достижению репрезентирующего познаваемый мир истинного знания о нем, и *софийной*, воплощающейся в ценностно-императивных рассуждениях о сущности происходящего в мире. Итогом реализации первой интенции философии (по преимуществу профессиональной) является претендующее на объективный характер отражения действительности *знание*, второй (часто понимаемой как «философствование» о мире, человеке и месте человека в этом мире) — *мнение*.

Существование этих принципиальных ориентаций, о которых говорил еще древнегреческий мыслитель Парменид, определяет своеобразие философского знания одновременно и как специфически научного, и как мировоззренческого, выходящего за строгие рамки канонов научной рациональности, следование которым является обязательным для конкретных научных дисциплин. В частности, А. Шопенгауэр даже высказывал мнение, что

«философия до сих пор терпела неудачи главным образом потому, что ее искали на пути науки, а не искусства...Философ никогда не должен забывать, что философия есть искусство, а не наука»¹.

Применительно к социальной философии эта ситуация означает, что для нее в отличие от корпуса социально-гуманитарных наук естественно и позитивно сосуществование различных, зачастую несовместимых, парадигм, исследовательских программ и теоретических моделей общества. Перефразируя высказывание современного французского философа П. Рикера, можно сказать, что социально-философские концепции не истинны и не ложны, — они просто разные. В этой парадоксальной для конкретно-научного знания ситуации проявляются богатство и продуктивность имеющей плюралистический характер социальной философии, позволяющей с разных сторон и концептуальных позиций рассмотреть единый предмет своего познания — общество и его феномены, но не претендующей на единственный и окончательный его диагноз. В связи с этим, сопоставляя философское и научное знание, известный немецкий философ К. Ясперс отмечал, что «...в философии не бывает того единодушия, которое устанавливается по поводу всего окончательно познанного. То, что признает каждый, опираясь на не терпящие возражений основания, и что становится научным знанием, не является более философией, но относится к отдельной области познаваемого»².

Во-вторых, существование двух взаимосвязанных и взаимообусловленных подходов к познанию мира, классификация и определение которых восходит к Аристотелю и комментатору его сочинений Андронику Родосскому. Это *физический подход*, основанный на регистрации, описании, обобщении и на этой основе познании непосредственно воспринимаемых явлений и процессов, и *метафизический подход*, предполагающий выход за пределы эмпирической конкретики и обращение к сущности происходящего в мире — к «предельным основаниям бытия».

В изучении общества первый путь, представляющий собой путь познания общественных событий (события людей), явлений, их индивидуализации или генерализации, доходящей до открытия эмпирических закономерностей, выступает прерогативой социально-гуманитарных наук и создаваемых ими концептуальных моделей отдельных сфер и феноменов общественной жизни. Речь идет о политологических, культурологических, экономических и других дисциплинарных концепциях. Второй путь заключается в познании общественного бытия как такового и составляет предмет социальной метафизики. Она ориентирована на раскрытие глубинных закономерностей и ценностных параметров общественной жизни — того, что скрыто под напластованиями социально-исторических со-

¹ Шопенгауэр, А. Новые афоризмы / А. Шопенгауэр. Харьков, 1898. С. 19–20.

² Ясперс, К. Введение в философию / К. Ясперс. Минск, 2000. С. 9.

бытий, что стоит за видимой хаотичностью или размеренностью, ставшей привычной и будничной чередой социальных явлений. Поэтому, «в то время как научные исследования ведутся по отдельным предметам, знать о которых каждому совершенно не обязательно, философия имеет дело с бытием в целом, которое имеет отношение к человеку как человеку, а также с истиной, которая там, где она вспыхивает, захватывает глубже, чем любое научное познание»¹.

Эти знания метафизического или метатеоретического уровня составляют **первую принципиальную особенность социальной философии** как учения об обществе.

Может показаться, что в наше непростое, полное будничных забот и тревог время — время торжества массового, одномерного и «практического человека» — обращение к метафизическому опыту социальной философии выглядит спекулятивным анахронизмом. Но прислушаемся к контраргументации русского философа С.Л. Франка, данной в другую эпоху — по его словам, «эпоху глубочайшего безверия, скепсиса, духовной разочарованности и охлажденности», наступившую после Октябрьской революции, которая, однако, в чем-то созвучна духовному климату современного общества. По словам философа, «в таком духовном состоянии самое важное — не забота о текущих нуждах и даже не историческое самопознание «...» проблема социальной философии — вопрос, что такое, собственно, есть общество, какое значение оно имеет в жизни человека, в чем его истинное существо и к чему оно нас обязывает, — этот вопрос, помимо своего постоянного теоретического философского значения, имеет именно в наше время огромное, можно сказать, основополагающее практическое значение «...» Когда человек уже не знает, что ему начать и куда идти, он должен, забыв на время о сегодняшнем дне и его требованиях, задуматься над тем, к чему он, собственно, стремиться и, значит, в чем его истинное существо и назначение. Но именно этот вопрос в применении к совместной, общественно-исторической жизни людей и есть проблема социальной философии, философского осмысления общего существа общественного бытия»².

Обращение к метафизическому измерению общества имеет важное мировоззренческое, методологическое и аксиологическое значение. Оно не уводит познание общественной жизни в область спекулятивно-схоластических рассуждений, а, наоборот, дает возможность приблизиться к реальной конкретике социального бытия. Ибо, по словам С.Л. Франка, «истинный реалист не тот, кто видит лишь то, что непосредственно стоит перед его носом, истинный реалист — тот, кто умеет, поднявшись на высоту, обозреть широкие дали, увидеть реальность в ее полноте и объектив-

¹ Ясперс, К. Введение в философию / К. Ясперс. С. 10.

² Франк, С.Л. Духовные основы общества / С.Л. Франк // Русское зарубежье: Из истории социальной и правовой мысли. Л., 1991. С. 246—249.

ности. Социальная философия и есть попытка увидеть очертания общественной реальности в ее подлинной, всеобъемлющей полноте и конкретности»¹.

Следовательно, социальная философия обращается к метафизическому осмыслению общества не как к самоцели (редукция философии к метафизике и придание последней самодовлеющего характера, как показала история, оказали негативное влияние и на саму философию, и на конкретно-научное знание)², а как к средству более глубокого и конкретного понимания общественной жизни. Последнее предполагает принципиальное единство и коммуникацию философии и обществоведения как на теоретико-содержательном, так и на методологическом уровне. Поэтому **вторая фундаментальная особенность социальной философии** заключается в гармонизации отношений между метафизическим и «физическим» (в выше означенном смысле) знанием об обществе. Это знание представлено в фактическом материале, в эмпирических обобщениях и дисциплинарных (историографических, политико-экономических и др.) социально-гуманитарных концепциях, используя которые социально-метафизические проекты обретают конкретное содержание. От характера этих отношений, таким образом, зависит как предметность социально-философского знания, так и философско-методологическая основательность концепций социально-гуманитарных наук.

Таким образом, общими у социальной философии и социально-гуманитарных наук являются прежде всего объект изучения — общество во всем многообразии форм его существования и цель — глубокое и всестороннее его рассмотрение. Различие же состоит в предметных областях познания и характере его концептуализации. Если в научном познании исследуют конкретные виды реальности — экономическую, политическую и другие, то в опирающемся на дисциплинарные и междисциплинарные исследования философском познании восходят к обладающему высоким уровнем абстрактности понятию социальной реальности.

Тем самым можно говорить о двух взаимодополняющих путях познания общества — философском и научном, для которых характерно различие в задачах и проблемных полях его исследования. Так, для философии особое значение имеет раскрытие сущности общественных процессов и анализ фундаментальных особенностей социального бытия, внимание к наиболее общим закономерностям общественно-исторического развития, обращение не только к современному, но и к «вечным» проблемам существования человека в обществе, проблемам рефлексии над общественными процессами. Принципиальным для нее является признание плюрализма

¹ Франк, С.Л. Духовные основы общества. С. 249.

² В этом смысле показательна появившаяся в период становления классического естествознания и приписываемая И.Ньютоном сентенция: «Физика, бойся метафизики!».

знаний о социуме, значимости не только знания, но также мнений и оценок происходящего в мире, в которых проявляются различные мировоззренческие позиции мыслителей.

В области социально-гуманитарных наук в свою очередь на первом месте находятся задачи изучения явлений и процессов в отдельных сферах общественной жизни, а также исследования характерных для них закономерностей, приоритетное рассмотрение актуальных и практически значимых проблем социодинамики, достижение объективно-истинного знания, обладающего статусом «общепризнанной достоверности» и лишённого какой бы то ни было личностной окрашенности.

7.2. Специфика социально-философского знания. Сущность социальной

Что же представляет собой общество в своих метафизических, «предельных основаниях» бытия? Для определения этих субстанциальных, ещё содержательно не развернутых и абстрактно-всеобщих характеристик общества используется понятие *социальной реальности*.

Необходимо отметить, что это понятие используется в литературе в различных смыслах.

В широком смысле слова социальная реальность — эквивалент понятий «общество» и «социум», и в этом смысле в нём совмещаются как функции философской категории, так и универсалии культуры. Слово сочетание «социальная реальность» в этом значении широко используется в практике научных исследований и в повседневном общении как синоним слова «общество».

В узком, специальном смысле слова понятие социальной (социально-культурной) реальности рассматривается как сугубо философский концепт — специфически философское понятие, служащее категориальной матрицей, в которой отражается сущность общественной жизни как объективно-субъективной реальности. Это понятие служит исходной «клеточкой» философского познания общества, задающей стратегию понимания социального бытия и поэтому являющейся категорией **социальной онтологии**. Понятие социальной реальности в данном смысле фиксирует прежде всего то, что характерно для общества, в отличие от другой фундаментальной формы бытия — природы и вместе с тем характеризует организованную форму совместной деятельности людей. В частности, такая интерпретация понятий общества, социума и социальной реальности встречается в учебной литературе¹.

¹ Момджян, К.Х. Введение в социальную философию / К.Х. Момджян. М., 1997.

В социальной философии можно выделить три основные субстанциальные модели понимания общества как социальной реальности. Они находят содержательную интерпретацию в концепциях конкретных социально-гуманитарных наук, а через них — воплощение в так называемых вненаучных формах социального мышления, связанных с принятием общественно значимых решений и осуществлением практических действий в сфере экономики, политики, государственного управления и др.

Общество как объективно-материальная реальность. Философский смысл данной модели заключается не в отрицании роли сознания в жизни общества, а в определении субстанции социума — его первоосновы. Такой подход, в частности, отчетливо заявлен в концепциях, получивших в философии название *экономического детерминизма* или *экономократизма*, а в политической экономии — «экономизма» (П. Лафарг, Ф. Меринг, В.М. Шулятиков, Р. Джонс). В них экономический фактор рассматривается не только как определяющий, а, по сути, единственный, от которого безусловно и однозначно зависит развитие других феноменов общественной жизни — политики, права, нравственности, науки и т.п. Заметный налет экономократизма характерен для концептуальных разработок классиков экономического либерализма *А. Смита* и *Ф. фон Хайека*. Определенные оттенки экономократизма присущи и учению К. Маркса, хотя К. Маркс в отличие от схематизировавшего и огрубившего его взгляды «догматического марксизма» понимал неправомочность редукции сущности общества к объективной реальности.

Понимание общества как объективно-материальной реальности характерно для так называемого *объективизма*, согласно которому общество существует как нечто, предшествующее каждому новому поколению или отдельному человеку, которые, появившись на свет, застают сложившиеся объективные связи и отношения, носящие характер императивов. В этом смысле общество подобно природе, составляя с ней единый Универсум.

Такое понимание социума, который существует вне сознания человека и который «задан» конкретному человеку, вступающему в отношения с другими людьми, как определяющее и решающим образом влияющее на его социальные действия начало, присуще «объективистским» философским позициям О. Конта и Э. Дюркгейма. Для Э. Дюркгейма, в частности, общество — это вещь, хотя и особого рода. Его, как «всякий объект познания... ум может понять только при условии выхода за пределы самого себя путем наблюдений и экспериментов...»¹. Иными словами, данная теоретико-методологическая модель основана на признании сугубо субъект-объектного характера познавательной деятельности, в котором общество и его феномены уподобляются природе и природным объектам естествознания.

¹ Дюркгейм Э. Социология, ее предмет, метод, предназначение / Э. Дюркгейм. М., 1995. С. 8—9.

В свою очередь для А. Смита — одного из основоположников классической английской политэкономии, за внешним непостоянством и многообразием экономических явлений скрыта их неизменная природа и характерные для них объективные закономерности. По его мнению, «человеческое общество, рассматриваемое с абстрактной и философской точки зрения, можно сравнить с огромной машиной, правильные и согласованные движения которой дают массу полезных результатов»¹. Этот идеально отлаженный механизм прост и надежен в работе, поскольку имеет, как и вся природа, Божественное происхождение, а знаменитый закон «невидимой руки рынка» является следствием Божественного Провидения.

Тем самым в картине общества, на основе которой возникла классическая политэкономия, в качестве научного идеала была использована физика И. Ньютона, а создание самой картины социума было ориентировано на идеалы и нормы естествознания, для которого объективное существование природного мира является самоочевидным.

Общество как духовная реальность. Эта модель, не отрицая значимости практической деятельности, ведущей к материальному обустройству мира, тем не менее усматривает его сущность в духовных феноменах. Сошлемся в объяснении такого субстанциального выбора на мнение С.Л. Франка, констатирующего: «Что такое есть семья, государство, нация, закон, хозяйство, политическая или социальная реформа, революция и пр., словом, что такое есть социальное бытие и как совершается социальное явление — этого вообще нельзя усмотреть в видимом мире физического бытия, это можно узнать лишь через внутреннее духовное соучастие и сопереживание невидимой общественной действительности. В этом заключается абсолютно непреодолимый предел, положенный всякому социальному материализму, всякой попытке биологического или физического истолкования общественной жизни. Общественная жизнь по самому существу своему духовна, а не материальна»².

Спектр философов и ученых-гуманитариев, приверженных этой модели, весьма широк, включая как религиозных (В. Соловьев, Н. Бердяев, К. Ясперс), так и нерелигиозно ориентированных (П. Сорокин, И. Абдиралович-Канчевский, О. Шпенглер) мыслителей. В сфере социального знания ее выражением стал *идеократизм* с присущей ему теоретико-методологической установкой в познании общества на артикулированную роль духовного фактора, имеющего как трансцендентный (религиозная социальная философия), так и имманентный, социально-антропологический характер. В этом подходе идеологемы — феномены социального мифотворчества, утопические проекты, аксиологические схемы — обретают са-

¹ Смит, А. Теория нравственных чувств / А. Смит. М., 1997. С. 305.

² Франк, С.Л. Духовные основы общества / С.Л. Франк // Русское зарубежье: Из истории социальной и правовой мысли. Л., 1991. С. 317.

мостоятельную жизнь и рассматриваются как безусловные детерминанты экономических, политических и стратификационных процессов.

Подобно экономократическим настроениям в общественном сознании («Экономика решает все!») идеократические ориентации тоже обладают способностью внедряться в сознание общества и даже использоваться в качестве регулятивов социально-исторической практики. В этом отношении показательны попытки положить идеократические концепции общества в основу своей политической борьбы против нарождающихся тоталитарных режимов в Германии и Советском Союзе в 20-х г. XX в. представителей движений консервативной революции (Э. Юнгер, О. Шпенглер, Э. Юнг, А. Меллер ван ден Брук) и евразийства (Н. Трубецкой, Л. Карсавин, Н. Чхеидзе — последний даже выражал надежду на превращение ВКП(б) с помощью пропаганды в партию евразийцев).

Понимание общества как духовной реальности иногда характеризуют как *транзитивизм*, согласно которому общество является не чем-то существующим до деятельности человека, а есть сама эта деятельность, те отношения между людьми, в которые они вступают в процессе этой деятельности, и те результаты, которые получаются в итоге ее. При этом важно, что само существование общества определяется сознанием человека, осознаваемыми им потребностями, интересами и целями. Общество, таким образом, *не дано* свыше — оно *формируется* в процессе взаимных действий людей, воплощаясь в объективированных результатах, в роли которых выступают не факты повседневности, а артефакты культуры.

В этой субстанциальной модели общество — не продолжение природы, а культурное явление, создаваемое людьми осмысленно, на основе определенных идей, духовных ценностей и идеалов. Духовность и субъектно-деятельная интенция составляют субстанцию общества, его сущность, а объективированные результаты деятельности людей служат проявлениями этой сущности.

Рассматриваемое понимание общества как духовной реальности нашло отчетливое выражение в социально-философской концепции П. Сорокина. Согласно его концепции «общество как суперсистема», развитие общества определяется культурой, в которой можно выделить два аспекта: 1) внутренний, или ментальный, связан со смыслом и значениями, составляющими содержание культурных феноменов; 2) внешний, или материальный, воплощается в имеющих ценностное значение материальных, чувственно воспринимаемых вещах и процессах. Именно способность быть носителями духовных смыслов и ценностей отличает феномены культуры от явлений природы. Таким образом, именно культурная суперсистема, в которой ценности культуры существуют в гармонической взаимосвязи и дополнительности, составляет сущность общества¹.

¹ Сорокин, П.А. Социальная мобильность / П.А. Сорокин. М., 2005. С. 46, 48—50.

П. Сорокин выделил элементы, образующие ядро всякой интегрированной культурной суперсистемы. В роли этих элементов выступают господствующие в тот или иной период развития социума представления о природе реальности, а также о природе человеческих потребностей и способе их удовлетворения. То есть можно сказать, что основу общества составляет определенный тип мировоззрения, смена которого означает качественное изменение общества в целом — социальных структур, институтов и учреждений.

В зависимости от того, каким содержанием наполняются эти элементы, можно выделить два основных типа общества. Первый из них характеризуется *идеационной культурой*, ориентированной прежде всего на удовлетворение духовных потребностей, и минимизацией физических нужд. Второй тип связан с *сенсативной культурой* и предполагает приоритетное значение удовлетворения материальных потребностей за счет эксплуатации внешней среды. Также существует третий (смешанный) тип общества — общество с *идеалистической культурой*, имеющее промежуточный, синтетический характер¹.

Рассмотренные субстанциальные модели общества имеют не только различное теоретическое содержание, но и разную методологическую презумпцию. *Объективизм* рассматривает социальный мир в его непосредственной данности человеку в качестве объективной реальности, не задаваясь вопросом о том, почему, несмотря на сознание, волю, действия людей, он воспринимается как независимый от них. *Транзитивизм* задается этим вопросом, артикулируя деятельностную сторону социального мира и стремясь найти субъективную подоплеку объективных явлений.

Тем самым оба подхода не отрицают роли в обществе как объективного, так и субъективного начал, но интерпретируют ее по-разному. Попытка их гармонизации лежит в основе третьей модели, ориентированной на их диалектическое единство в рамках понимания общества как объективно-субъективной реальности.

Общество как объективно-субъективная реальность. В отличие от первых двух субстанциальных моделей, в которых сущность общества усматривается либо в его материальности (и тогда определяющим становится общественное бытие), либо в его идеальности и субъективности (тогда приоритет отдается общественному сознанию), в этой модели заложено признание дополнительности объективной и субъективной сторон общества как системы.

Однако простая констатация того, что сущность социальности заключается в ее объективно-субъективной реальности (используем здесь категории логики), является *необходимым*, но явно *недостаточным условием* для философской интерпретации общества. Необходимость этой констатации

¹ Сорокин, П.А. Человек. Цивилизация. Общество / П.А. Сорокин. М., 1992. С.430—431.

важна не только для философского, но и для обыденного понимания общества, предполагающего, что в мире существуют обладающие сознанием, волей и интересами люди, которые, взаимодействуя друг с другом, стремятся реализовать эти интересы. Не менее очевидно и то, что в процессе коллективного сосуществования не все зависит от желаний и действий человека — многое определяется независимыми от него необходимыми и относительно устойчивыми традициями и нормами отношений между людьми. Тот факт, что эти нормы произвольны, свидетельствует о наличии в них объективного содержания. В них зафиксированы не зависящие от желания и воли конкретного человека объективные закономерности, свойственные не самим людям, а именно связям, взаимодействиям и отношениям между ними.

При рассмотрении общественных отношений происходит нивелирование интимно-личностной стороны социальной коммуникации. Личностное начало затушевывается или даже растворяется в коллективном — классе, страте, этносе и тем более в абстрактно репрезентирующих интересы человека социальных институтах — государстве, политических партиях, массовых движениях и т.п. Поэтому в обыденном сознании зачастую происходит фетишизация общества как системы взаимодействующих крупномасштабных и чуждых человеку социальных структур, функционирующих по определенным законам, а деятельность человека хотя и подразумевается, но поглощается бездушным механизмом этого функционирования.

Для социальной философии выход к «предельным основаниям бытия» общества как объективно-субъективной реальности является не итогом, а лишь первым шагом в понимании социума. Теперь предстоит сделать следующий шаг. Это шаг к рассмотрению того, *как конкретно* в теоретических моделях общества воплощается его объективно-субъективная сущность.

7.3. Общество как предмет философского анализа. Основные стратегии исследования социума

В философской и научной литературе существуют разнообразные определения общества. В частности, общество определяется как:

- выделившаяся из природы и взаимодействующая с ней реальность, характеризующаяся системной организацией и спецификой объективных законов развития;
- система (мир) человеческой деятельности, а также ее объективное условие и результат;
- система взаимодействия людей, обеспеченная их коллективным образом жизни и способствующая координации усилий в достижении поставленных целей;

- система социальных коммуникаций людей, реализующих свои интересы на основе общих ценностей культуры;
- система отношений социальных групп с характерными для них корпоративными интересами;
- система отношений больших (макросоциальных) групп — классов, этносоциальных общностей и выражающих их коренные интересы учреждений;
- система функционирующих социальных институтов, обеспечивающих стабильное развитие социума;
- система взаимосвязанных сфер (экономической, политической, социальной и духовной), в каждой из которых реализуются соответствующие потребности и интересы общества.

Любое из этих определений характеризует общество с определенных теоретико-методологических позиций, задавая его конкретную интерпретацию. Многообразие этих интерпретаций обусловливается сложным характером системной организации общества, в которой в качестве образующих ее элементов могут быть выделены различные феномены — индивиды, социальные группы, институты и учреждения с характерными для них функциональными особенностями. Используя их в качестве системообразующих, кто-то из аналитиков-обществоведов формирует свой взгляд на общество и выстраивает свою оригинальную теоретическую модель социума, кто-то — другую. В моделях всегда проступает объективно-субъективная сущность социальности, хотя акценты расставляются по-разному в зависимости от того, *что* рассматривается в качестве претендента на роль образующего систему общества феномена. В роли основных претендентов выступают *социальное действие* — индивидуально-деятельностное начало общества, связанное с субъективной стороной социальной реальности, или *структурно-функциональные институты и общности* — универсальные начала социума, в которых «пропадают» мотивы и намерения, порождающие социальные действия людей, зато проявляются закономерности, выражающие объективную сторону социальной реальности.

При всем многообразии определений общества как системы можно выделить две основные методологические стратегии его исследования — теоретико-методологический индивидуализм и теоретико-методологический универсализм. В литературе утвердилась точка зрения, согласно которой первым классическим представителем теоретико-методологического индивидуализма в Новое время был Т. Гоббс, а теоретико-методологический универсализм уходит корнями в аристотелевскую традицию.

В **теоретико-методологическом индивидуализме** (социальном атомизме, «социологическом номинализме», «сингуляризме») человек, предстает как автономный, движимый личными интересами субъект практической деятельности, чьи частные социально-исторические действия определяют общественную жизнь. Эта познавательная стратегия опирается

на социально-этический индивидуализм. Сущность *социально-этического индивидуализма* отчетливо выражена Ж.-Ж. Руссо в следующих словах: «Я предпринимаю дело беспрецедентное, которое не найдет подражателя. Я хочу показать своим собратьям одного человека во всей правде его природы — и этим человеком буду Я. Я один. Я знаю свое сердце и знаю людей. Я создан иначе, чем кто-либо из виденных мною; осмеливаюсь думать, что я не похож ни на кого на свете. Если я не лучше других, то по крайней мере не такой, как они. Хорошо или дурно сделала природа, разбив форму, в какую она меня отлила, об этом можно судить, только прочтя мою исповедь»¹.

Согласно *методологическому индивидуализму*, рассматриваемому социально-этический индивидуализм в качестве своей концептуальной основы, сущность общества представлена в самом человеке как личности, его потребностях, интересах, целях и действиях по реализации этих целей и удовлетворении интересов. Если мы поймем, *что* движет человеком, уясним мотивы и регуляторы его поведения, то поймем само общество, поскольку социальные институты и учреждения — не более чем объективации человеческих потребностей, средства их достижения.

В *теоретико-методологическом универсализме* (холизме, социологическом реализме, коммунализме) предметом рассмотрения выступает общество как система, в которой растворяется уникальность человека, а в качестве основных мотивов социального действия постулируются общественные (в частности, общечеловеческие) ценности и идеалы. Методологический универсализм основывается на мнении, что общество является реальностью, не сводимой к социальным общностям, институтам или индивидам. Согласно ему, общество — это самостоятельно существующее целое, подчиняющее себе его части и определяющее их бытие. В этом смысле стратегия универсализма социологизирует индивида и рассматривает его как экзemplификацию *общего* (как это происходит в позитивизме или классическом марксизме), что находит выражение в кредо: «не общество для человека, а человек для общества».

Сущность методологического универсализма хорошо, на наш взгляд, отражена в следующих словах Э. Дюркгейма: «Но группа устроена иначе, чем индивид, и влияющие на нее объекты — иные по своей сути. Представления, которые не выражают ни тех же субъектов, ни те же объекты, не могут зависеть от тех же причин. Чтобы понять, каким образом общество представляет себе самого себя и окружающий его мир, необходимо рассматривать сущность не отдельных индивидов, а общества»². Поэтому, стремясь постигнуть сущность происходивших, например, в древнем обществе процессов, мы с неизбежностью вынуждены будем руководствоваться методологией не индивидуализма, а универсализма, принимая за основу анализа

¹ Руссо, Ж.-Ж. Исповедь / Ж.-Ж. Руссо // Избранное. М., 1996. С. 7.

² Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Э. Дюркгейм. М., 1995. С. 14.

ценности коллективизма, традиционализма и нравственного императивизма, т.е. ценности, скреплявшие это общество и придававшие смысл жизни и поступкам людей того времени.

Методологические индивидуализм и универсализм находятся в состоянии бинарной оппозиции, исключая друг друга в качестве исследовательских стратегий. Поэтому в литературе неоднократно предпринимались попытки поиска синтетической исследовательской стратегии познания социума. Наиболее репрезентативная версия такой стратегии, получившей название *методологического партикуляризма*, характерна для немецкой философской традиции, в рамках которой было предложено понятие «индивидуальной тотальности» («тотальной индивидуальности») как промежуточного звена между обществом как общим и индивидом (частным). Используя это понятие, немецкие мыслители акцентировали внимание на «немецком духе» как, с одной стороны, уникальном явлении, присущем только немцам, а с другой — общим, скрепляющем немецкий народ факторе¹.

В зависимости от принятой стратегии, а также от того, *что* принимается в качестве системообразующего элемента общества, можно выделить несколько фундаментальных концепций социума.

Общество как реляционная система («система общественных отношений») **К. Маркса**. Исходным для понимания общества как реляционной системы является сформулированное К. Марксом материалистическое понимание истории, гласящее, что «не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»². Иными словами, материальная жизнь общества (прежде всего способ производства и те экономические отношения, которые складываются между людьми в процессе производства, распределения, обмена и потребления материальных благ) в принципе определяет духовную жизнь общества — всю совокупность общественных взглядов, желаний и настроений людей. Понимая роль субъективной стороны социальной реальности, о чем свидетельствует его замечание «история — не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека»³, К. Маркс фокусирует внимание на главном, с его точки зрения, в обществе — на системе общественных отношений, ибо «общество не состоит из индивидов, а выражает сумму тех связей и отношений, в которых эти индивиды находятся друг к другу»⁴.

Основу общества составляют производственно-экономические отношения, которые К. Маркс называет также материальными и базисными. Материальными они являются, поскольку складываются между людьми с объек-

¹ См.: Трёльч Э. Историзм и его проблемы / Э. Трёльч. М., 1994.

² Маркс К., Ф. Энгельс. Сочинения: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. М., 1961. Т. 13. С. 7.

³ Там же. Т. 2. С. 102.

⁴ Там же. Т. 46. Ч. 1. С. 214.

тивной необходимостью, существуя вне и независимо от их воли и желания — чтобы существовать, люди, ведя коллективный образ жизни, должны вступать в отношения производственной кооперации, хотя могут и не осознавать их характер. Базисными же они выступают, поскольку определяют экономический строй общества, а также порождают и существенным образом влияют на соответствующую ему надстройку. К ней относятся возникающие на данном базисе и обусловленные им политические, правовые, нравственные, художественные, религиозные, философские и другие отношения, а также соответствующие им учреждения (государство, политические партии, церкви и т.д.) и идеи. Эти отношения К. Маркс называет также идеологическими, ибо они складываются на основе обязательного осознания людьми их характера.

Такова системная организация общества в интерпретации К. Маркса, в которой надстройка не пассивна по отношению к базису, но тем не менее принципиально определяется им. Неслучайно в одной из работ К. Маркс отмечает: «Производственные отношения в своей совокупности образуют то, что называют общественными отношениями, обществом...»¹.

Общество как структурно-функциональная система Т. Парсонса. Основатель школы структурного функционализма в американской социологии XX в. Т. Парсонс, так же, как и К. Маркс, интерпретируя общество, констатирует важную роль индивидуальной деятельности людей. В своих ранних работах он исходит из того, что именно единичное социальное действие, структура которого включает актора (действующее лицо), цели деятельности, а также социальную ситуацию, представленную средствами и условиями, нормами и ценностями, посредством которых выбираются цели и средства, является системообразующим элементом общества. Поэтому общество можно понять как систему социальных действий субъектов, каждый из которых выполняет определенные социальные роли, положенные ему в соответствии с тем статусом, который он имеет в обществе. Здесь значение субъективной стороны социальной реальности очевидно, ибо, как подчеркивает американский социолог, «если что-либо и является существенным для концепции социального действия, так это его нормативная ориентация».

Однако в дальнейшем Т. Парсонс начинает использовать в интерпретации общества парадигму социологического универсализма, ориентированную не столько на изучение мотивов и смыслов индивидуальных социальных действий, сколько на функционирование обезличенных структурных компонентов общества — его подсистем. Используя системные представления биологии, он сформулировал четыре функциональных требования, предъявляемые к любым иным системам:

¹ Маркс, К. Сочинения: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. Т.6. С. 442.

- адаптация (к физическому окружению);
- целедостижение (получение удовлетворения);
- интеграция (поддержание бесконфликтности и гармонии внутри системы);
- воспроизводство структуры и снятие напряжений, латентность системы (поддержание образцов, сохранение нормативных предписаний и обеспечение следования им).

В обществе эти четыре функции социальной системы, известные под аббревиатурой AGIL (адаптация — целеполагание — интеграция — латентность), обеспечиваются соответствующими подсистемами (экономика — политика — право-социализация), каждая из которых имеет специализированный характер. Вместе с тем они дополняют друг друга как части единого социального организма, позволяя во избежание возможных противоречий соизмерять социальные действия *акторов* (субъектов действия), что достигается с помощью символических посредников — «средств обмена», в качестве которых выступают деньги (A), власть (G), влияние (I) и ценностные приверженности, обеспечивающие общественное признание и доставляющие удовлетворение от занятия любимым делом (L). В итоге достигается равновесие социальной системы и стабильное, бесконфликтное существование общества в целом¹.

Общество как результат рационализации социального действия М. Вебера. Известный немецкий социолог и социальный философ конца XIX — начала XX в. М. Вебер, являющийся основателем «понимающей социологии», также исходит из интерпретации общества как субъективно-объективной реальности. Однако в этом процессе для него определяющим в понимании того, что собой представляет современное общество, выступает характер социальных действий индивидов. Понять его — значит объяснить происходящее в обществе. В этом сущность исследовательского подхода М. Вебера, получившего название методологического индивидуализма. Системообразующим элементом в теоретической модели общества М. Вебера, таким образом, становится социальное действие, которое в отличие от обычных действий человека обладает двумя обязательными признаками — «субъективным смыслом», который придает человек своему поведению и который мотивирует поступки человека, а также «ожиданием», «ориентацией на Другого», предполагающей возможную ответную реакцию на предпринятое социальное действие.

Характеризуя социальные действия индивидов, М. Вебер выделяет четыре его основных типа, которые встречаются в современном обществе:

- аффективное — основанное на актуальных аффектах и чувствах и определяемое эмоционально-волевыми факторами;

¹ См.: Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс. М., 1997; Парсонс, Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения / Т. Парсонс // THESIS. 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 94—122.

- традиционное — побуждаемое традициями, обычаями, привычками и не являющееся достаточно осмысленным, имеющим характер социального автоматизма;

- ценностно-рациональное — характеризующееся сознательным следованием принятой в обществе или группе системе ценностей независимо от реальных его последствий;

- целерациональное — определяемое сознательной постановкой практически значимой цели и расчетливым подбором соответствующих и достаточных для ее достижения средств, критерием чего выступает достигнутый успех совершенного действия¹.

Если в традиционных (доиндустриальных) обществах господствовали первые три типа социального действия, то целерациональное действие является специфическим для западной цивилизации начиная с XVII—XVIII вв. Приобретая универсальный характер, целерациональное действие ведет к радикальной рационализации всей общественной жизни и «расколдовыванию мира», устранению ориентации на следование традиционным ценностям как предрассудкам. Формально-рациональное начало конституирует и определяет существование всех сфер общества и деятельности людей — хозяйственно-экономическую деятельность (строгая калькуляция как условие достижения результата), политико-правовые отношения (бюрократия как принцип отлаженного социального управления), образ мышления (жизненный успех как мировоззренческая ориентация).

Общество модерна в концепции коммуникативного действия

Ю. Хабермаса. Стремление преодолеть оппозицию методологического индивидуализма и универсализма характерно для интерпретации общества в концепции коммуникативного действия философа Ю. Хабермаса, который выделяет четыре типа социального действия, рассматривая подобно М. Веберу общество как результат их рационализации и объективации:

- 1) телеологическое — направленное на достижение поставленной цели на основе подбора оптимальных средств. В типологии М. Вебера телеологическому действию соответствует целерациональное действие;

- 2) нормативное — осуществляемое в соответствии с общими для социальной группы ценностями и нормами. У М. Вебера ему соответствует ценностно-рациональное действие;

- 3) драматургическое — действие, в котором участники интеракции презентуют себя в качестве возможных партнеров взаимоотношений, стремясь показать себя как «товар лицом». Драматургическое действие позволяет завоевывать симпатии, а значит, и доверие людей;

- 4) коммуникативное — действие, в котором участвующие в межличностных отношениях акторы ориентированы на достижение взаимопонимания

¹ См.: Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. М., 1990. С. 602—603.

и согласия относительно ситуации, в которой происходит это действие. Коммуникативное действие предполагает использование в процессе интеракции символических средств социальной коммуникации (прежде всего языка), что способствует установлению диалога в границах единого дискурса.

В отличие от М. Вебера Ю. Хабермас характеризует современное западное общество — общество модерна как диалектически противоречивое целое, в котором его компонентам соответствуют разные типы социально-го действия и их рационализация¹.

В частности, общество модерна состоит из системы и «жизненного мира», которые в свою очередь тоже гетерогенны: *система* включает в себя подсистемы хозяйственной и государственно-управленческой деятельности, между которыми существует постоянная борьба за влияние; «*жизненный мир*», который можно уподобить гражданскому обществу, также пронизан борьбой индивидуальной и коллективной форм общезития (стремящихся ангажировать индивидов политическими ассоциациями, негосударственными СМИ, религиозными объединениями и др.). Постоянное социальное напряжение сопутствует и отношениям системы и «жизненного мира»: система путем монетаризации и бюрократизации пытается влиять на гражданское общество и, используя терминологию Ю. Хабермаса, «колонизировать» его; последнее, естественно, не остается в этом случае пассивным, предпринимая ответные действия. Следовательно, современное либерально-демократическое общество Запада, а именно его имеет в виду Ю. Хабермас, внутренне противоречно, сохраняя свою целостность за счет существования гибкой системы «сдержек и противовесов».

Ю. Хабермас подчеркивает важную роль как системы, обеспечивающей устойчивость и стабильное развитие общества, так и «жизненного мира», иницирующего его модернизацию. Однако эта разновекторность тенденций развития общества опирается на различные типы социального действия. Если система востребует *телеологическое действие*, то весьма неоднородный и склонный к социальным инновациям «жизненный мир» предлагает опору на *коммуникативное действие*, нацеленное на достижение взаимопонимания и согласия относительно ситуации действия.

В итоге в теоретической модели Ю. Хабермаса общество эпохи модерна предстает как самоорганизующееся гетерогенное целое, в котором составляющие его части — система и «жизненный мир» — оказываются необходимыми компонентами, обеспечивающими устойчивое развитие социума. В этой модели представлен один из возможных механизмов разрешения

¹ См.: Хабермас, Ю. Демократия. Разум. Нравственность / Ю. Хабермас. М., 1992; Хабермас, Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма / Ю. Хабермас // THESIS. 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 123—136.

естественных для современного демократического общества противоречий, а сама модель демонстрирует принципиальную дополнительную роль государства, составляющего «ядро системы», и гражданского общества.

Рассмотренные теоретические модели общества соответствуют разным стратегиям исследования социальной реальности, обладают различным уровнем концептуализации и в качестве системообразующих элементов берут различные, представляющиеся их авторам значимыми, основания.

7.4. Общество как система. Основные сферы общественной жизни

Уже в древности возникли представления о сложной упорядоченности мироздания, наличии в природе и обществе органической целостности и системного единства. Так, в древнекитайской философии (Лао-цзы, Конфуций) они определялись категорией *дао*, а в древнегреческой — понятием *Логос*. Оба этих понятия выражали одну и ту же мысль о гармоничности, мудрой организованности мира, органическом единстве составляющих его частей, неба и земли, природы и общества, личности и власти. В дальнейшем эти воззрения развивались, углублялись и привели к формированию системного подхода к изучению общества. Современная социальная философия исходит из понимания общества как *сложноорганизованного системного объекта*, используя при этом общенаучную методологию анализа подобных объектов. Для лучшего уяснения проблемы рассмотрим основные положения системного подхода.

Первым и наиболее простым признаком системного объекта является его качественная определенность, выделенность относительно среды своего существования, способность быть автономным самождественным явлением, отличным от других явлений мира. Однако качественная обособленность объекта отнюдь не является достаточным признаком его системности. Поэтому *вторым* необходимым признаком системы считается гетерогенность ее строения. Это означает, что система есть объект, выделенный относительно среды своего существования и в то же время состоящий из некоторого множества автономных, также выделенных друг относительно друга частей, причем необходимым условием собственно системного единства являются взаимосвязь и взаимоопосредованность частей, а также частей и целого. Подобная взаимозависимость частей и целого проявляется в особых интегральных свойствах системы. Проиллюстрируем этот тезис на примере существования и развития живого организма. Каждый из органов (сердце, печень, легкие и т.п.) не обладает свойствами жизни, ими обладает только организм как целое. Именно этот факт позволяет нам говорить о

возникновении системной целостности, которая не сводится к сумме образующих ее частей, оказывается больше ее — больше на те интегральные свойства, которые присущи целому и отсутствуют у его частей.

Всем этим признакам отвечает человеческое общество, представляющее в терминологии российского философа К.Х. Момджяна систему «субстанционального» типа¹. Таким системам присущи: 1) возможность системы содержать внутри себя все причины своего возникновения — другими словами, общество обладает свойством *самопорождения* — *sui generis*, которое мыслители прошлого считали атрибутом субстанции; 2) *качественная самодостаточность*, под которой понимается способность системы существовать по собственным законам. Это не означает полную независимость от внешней среды, ибо самодостаточной является сущность системы, а не ее существование, что выражается в способности системы самостоятельно структурировать себя из материала среды, сохранять свою автономию от разрушительных воздействий, изменяться в соответствии с собственными импульсами, а не в соответствии с внешними «толчками».

Тип связи, характерный для систем субстанционального типа, мы вслед за Гегелем назовем органическим. Критикуя «механицизм» как «поверхностный и бедный мыслью способ рассмотрения, который оказывается недостаточным даже по отношению к природе, и еще более недостаточным по отношению к духовному миру»², немецкий мыслитель раскрывает сущность «органических» связей в системах природного и социального мира. Она заключается в том, что элементы целого не могут существовать вне его и принадлежность к целому является необходимым условием их существования. В самом деле, мы не можем предположить, что отдельные органы тела способны существовать сами по себе и при желании «договориться» о собственном существовании. Углубляя эту мысль, мы можем утверждать, что существует определенная первичность целого в отношении частей. Это не означает, конечно, что целое способно существовать до своих частей и независимо от них. Речь идет о другом — о первопричинах структурной дифференциации и функциональной организации системы, которые обнаруживаются в свойствах целого, а не в свойствах образующих его частей, взятых по отдельности. Из вышеизложенного следует, что общество как система имеет сверхсложный и иерархический характер: в нем можно выделить различные уровни в виде подсистем, компонентов, элементов, которые связаны между собой соподчинительными линиями, не говоря уже о подчинении каждого из них импульсам и командам, исходящим от системы в целом. В то же время надо учитывать, что внутрисистемная иерархич-

¹ Кузнецов, В.Г. Философия / В.Г. Кузнецов, К.Х. Момджян [и др.]. М., 1999. С.272.

² Гегель, Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. / Г.В.Ф. Гегель. М., 1974. Т. 1. С. 385—386.

ность не абсолютна, а относительна. Каждая подсистема, каждый уровень социальной системы одновременно и неиерархичен, т.е. обладает известной степенью автономии, что отнюдь не ослабляет систему в целом, но, напротив, усиливает ее: позволяет более гибко и оперативно отвечать на поступающие извне сигналы, не перегружать верхние «эшелоны» системы такими функциями и реакциями, с которыми вполне могут справиться низлежащие уровни целостности.

В социальной философии традиционно выделяют четыре основные подсистемы или сферы общественной жизни: материально-производственную, духовную, социальную и политико-управленческую. Рассмотрим каждую из них.

Материально-производственная сфера. Сущность материального производства и его роль в общественной жизни наиболее полно раскрыты в социально-философском и политэкономическом учении марксизма. Именно Маркс одним из первых рассмотрел материальную деятельность человека как детерминанту социальных процессов, показал базисный характер труда во всей системе общественного производства. Но, разумеется, марксистское прочтение данной проблемы не является единственным. Альтернативные и не менее глубокие теории были предложены, в частности, русскими мыслителями первой половины XX в., показавшими укорененность материального производства в абсолютных духовных началах бытия.

Рассматривая сущность материально-производственной сферы общественной жизни с марксистских позиций, необходимо выделить ключевую категорию. Такой категорией является «*труд*», представляющий собой сложное, многокачественное, многоуровневое явление. Трудовая деятельность носит глубоко объективный характер, т.е. осуществляется в рамках сложившихся социальных условий, наличного уровня технологий вооруженности и степени развития самого общественного человека. Это значит, что масштабы, уровень, мотивы и продукты деятельности во многом предопределены степенью развитости социокультурной системы в целом. Однако из этого не следует, что человек не может выйти за ее пределы и обречен на рабское подчинение неким безличным и довлеющим над ним силам. Напротив, человек и общество способны трансцендировать, преодолевать свою конкретно-историческую ограниченность. Но сама способность к трансцендированию осуществляется в рамках наличного материального уровня преобразования природы исходя из возможностей самого этого уровня, из тенденций изменения, ему имманентно присущих.

Свое дальнейшее развитие, конкретизацию и углубление идея труда получила в категориях производительных сил и производственных отношений.

К *производительным силам* относятся все имеющиеся в распоряжении общества ресурсы и средства, обеспечивающие процесс производства: вовлеченные в производство естественные и человеческие ресурсы, средства

производства, уровень науки и ее технологическое применение и т.д. Особенно важное место среди производительных сил развитых формаций Маркс вслед за Сен-Симоном отводил промышленности, утверждая, что страна, промышленно более развитая, показывает стране, промышленно менее развитой, картину ее собственного будущего.

Производственные отношения — другая сторона способа производства, которая выражается, по Марксу, главным образом в различных формах собственности на средства производства. Обе стороны способа производства находятся в состоянии соответствия и взаимодействия; при этом ведущую роль играют производительные силы.

В рамках марксистской парадигмы производительные силы и производственные отношения образуют экономическую основу общественной жизни. Вместе с тем они составляют настоящий «становой хребет» каждой большой общественной формации. На их основе развиваются институты и учреждения, регулирующие общественную жизнь и удовлетворяющие другие потребности, создаваемые культурой. На их основе вырастает «надстройка» культурной деятельности общества, т.е. научной, философской, художественной, религиозной и политической деятельности.

Глубокое осмысление данной проблемы на современном этапе социокультурного развития предполагает выход за пределы марксистской парадигмы — разумеется, с сохранением того ценного, что в ней накоплено. Современная социальная философия показывает, что материальное производство безусловно и самодостаточно, но само детерминируется факторами социокультурного порядка — *религиозными, цивилизационными, идеологическими*. Одна из наиболее глубоких попыток осмысления связи экономических и социокультурных процессов принадлежит русскому философу С.Н. Булгакову, которую он предпринял в книге «Философия хозяйства». Булгаков считал, что природа, достигнув самосознания и способности труда в человеке, вступает в новую эпоху своего существования, ибо хозяйственный труд — это иная сила природы, иной «мирообразующий» фактор — космогонический, принципиально отличный от остальных сил природы. Поскольку эпоха хозяйства — определенная эпоха в истории Земли и в истории космоса, космогонии можно разделить на два периода: инстинктивный, досознательный, или дохозяйственный, существовавший до появления человека, и сознательный, или хозяйственный, возникший с его появлением¹. Высшая задача сознательной хозяйственной деятельности — осуществление Божьего завета о «владении землей», новом обретении «прав на природу, некогда утерянных» человеком, о покорении смертоносных стихий, «очеловечивании» природы и «освобождении» себя. С.Н. Булгаков

¹ Булгаков, С.Н. Философия хозяйства / С.Н. Булгаков. М., 1912. С. 107.

дает следующее определение хозяйства: это есть борьба за жизнь с враждебными силами природы в целях защиты, утверждения и расширения, в стремлении ими овладеть, приручить их, сделаться их хозяином¹.

В системе философско-экономических взглядов Булгакова надо особо отметить его учение о трудовой этике. Главная мысль философа заключается в том, что религиозно-этические заповеди оказывают благотворное влияние на характер экономико-хозяйственной жизни. Речь идет о таких христианских ценностях, как личная ответственность, идеалы подвижничества и аскетизма, честности и справедливости. Смысл и значение булгаковской трудовой этики во многом совпадают с концепцией М. Вебера, выведившего современный капитализм из аскетической этики протестантизма. Булгаков впервые в рамках русской религиозной философии предпринял попытку адаптировать веберовские постулаты к российским реалиям.

В целом, с точки зрения философа, экономическая деятельность есть лишь одно из проявлений вселенской борьбы Жизни и смерти, Добра и зла, Света и тьмы. При таком подходе к науке хозяйства у нас должны быть иные критерии, чем критерий снижения себестоимости единицы продукции. Общий вывод С.Н. Булгакова следующий: теории капитализма и социализма основаны на убеждении в исключительной экономической природе человека, стремящегося понять и абсолютизировать свои материальные интересы. Такой взгляд необходимо преодолеть и установить прочную связь между *религиозно-нравственными основаниями бытия и хозяйственными материальными процессами*. Эта связь поможет открыть новые горизонты и выработать пути перехода от нынешней экономики «падшего человека» к тому разумному и любовному хозяйствованию, идея которого заложена в трудах мыслителей от византийского периода до Ф.М. Достоевского.

Духовная сфера. Духовная сфера жизни общества самая сложная. В общей структуре социума она образует высший уровень и в то же время понижает собой содержание всех остальных уровней, ибо в обществе ничего не происходит без участия духовно-интеллектуальных сил людей. Более того, именно в процессе духовного производства формируется «идеальный план» любой другой человеческой деятельности.

Духовная сфера социальной системы в качестве своих важнейших элементов имеет духовное производство, духовные потребности, духовное потребление и общение. Но поскольку в духовном потреблении и общении происходит как воспроизведение, так и создание духовных ценностей, постольку понятия «духовное производство» и «духовная сфера» можно считать не только рядоположными, но и тождественными по своей сути. Будучи процессом, духовное производство, опредмечиваясь, приобретает статус реальной действительности в виде духовной культуры.

¹ Булгаков, С.Н. Сочинения: в 3 т. / С.Н. Булгаков. М., 1993. Т. 1. С. 84.

Духовное производство есть создание ценностей духовной культуры на основе развертывания духовной деятельности и связанного с ней комплекса соответствующих отношений людей. В зависимости от характера духовной деятельности и ее направленности на созидание тех или иных духовных ценностей духовное производство дифференцируется на ряд видов: философское, научное, идеологическое, нравственное, художественное, религиозное. Субъектами каждого из них являются как отдельные индивиды и их группы, так и общество в целом. Конечным продуктом духовного производства как определенного вида человеческой деятельности являются знания и идеальные образы, опредмеченные в вещах духовной культуры и реализованные в нравственных, эстетических, религиозных, научных, правовых, политических общественных отношениях и соответствующих социальных институтах.

Понятие «духовное производство» в большей мере подчеркивает процессуальный характер духовной сферы, что в определенных контекстах является совершенно оправданным. Но не менее значимым аспектом этого социального феномена является его непосредственное присутствие в общественной жизни, или, другими словами, факт наличного бытия идеального в жизнедеятельности социума. Если с помощью понятия духовного производства удастся воспроизвести духовную жизнь общества во всех ее предметных воплощениях и общественных отношениях, то понятие общественного сознания направлено лишь на постижение этой жизни как наличного бытия идеального. Поэтому первое понятие шире второго. Можно сказать, что общественное сознание — это духовное производство, но взятое в аспекте его сущности. Оно представляет собой духовную деятельность социума, направленную на познавательное отражение в виде идеальных образов существенных характеристик общественного бытия и всей реальной действительности.

Исходя из вышесказанного, дадим определение категории «общественное сознание». Общественное сознание — это совокупность политических, правовых, нравственных, религиозных, эстетических, философских идей и представлений людей на определенном этапе развития общества, или иными словами, общественное сознание есть понимание действительности обществом в целом, классом, социальной группой и отношение к ней в соответствии с этим пониманием. Общественное сознание обладает сложной структурой и различными уровнями, начиная с житейского, обыденного, от общественной психологии и заканчивая математически выраженными законами, входящими в состав достоверного теоретического знания.

Социальная сфера жизнедеятельности людей выступает также одной из всеобщих сфер общества при анализе его с системных позиций. Однако понимание ее сущностных сторон остается на сегодняшний день довольно запутанным и противоречивым, вызывающим большие споры. В рамках устоявшейся и достаточно распространенной в научной литературе теорети-

ческой позиции под социальной сферой понимают совокупность социальных общностей (группы, классы, нации и т.д.) и отношений между ними, поскольку каждая из них преследует свои цели и защищает свои интересы. Но такая интерпретация должна быть углублена и дополнена, так как не отражает ряда существенных черт социальной подсистемы. Социальная сфера — это сфера производства и воспроизводства человека как биологического, социального и духовного существа. В ее состав входят здравоохранение, система социального обеспечения и защиты, процессы постижения культурных ценностей и продолжения рода. Значение социальной сферы предопределяется потребностью общества в многообразии человеческих типов, являющемся условием эффективного долгосрочного развития общества в целом. Если бы люди были совершенно одинаковыми по условиям своей жизни и уровню развития, то замена выбывших из общественной системы решалась бы весьма просто. Недаром сегодня стали много писать о «модульном человеке» как о массовом продукте современного западного общества. *Модульный человек* обладает стандартизированным набором готовых свойств и может быть легко встроено в любую организацию массового производства и распространения. Но, как известно, реально живущие люди занимают в обществе самое разное положение по отношению друг к другу, поэтому необходимо выяснить, каков реальный механизм воспроизводства в обществе человека в его всеобщих характеристиках. Три аспекта здесь представляются особенно важными: классовый, половозрастной и семейный.

Роль значения первого аспекта — *классовой принадлежности* в формировании личности подробно раскрыта в марксистской научной литературе. Несмотря на определенные преувеличения и даже абсолютизацию классовой принадлежности личности, которую произвел марксизм, нельзя не признать, что складывающиеся в обществе отношения собственности по поводу средств производства и произведенных ими материальных благ определяют способы распределения общественного богатства между людьми и, следовательно, особенности индивидуального потребления и развития.

Но не только отношения собственности определяют особенности воспроизводства человека в обществе. Второй существенный аспект анализа социальной сферы жизнедеятельности людей — это *половозрастное деление общества*. Дети, молодежь, люди зрелого возраста, пожилые люди и глубокие старики по-разному включены в общественную жизнь. Потребности и интересы у этих возрастных групп разные, как и способы их удовлетворения. Этот факт предопределяет различия в динамике личностного развития и порождает серьезные общественные проблемы.

Третий важнейший аспект анализа социальной сферы общества — *семья как малая социальная группа*. Она занимает особое место в социальной структуре общества. Здесь складываются взаимоотношения мужчины и

женщины, связанные с продолжением человеческого рода. Семейная жизнь и быт — это место, где человек восстанавливает свои силы, готовит себя к труду, творчеству. Кроме того, новейшие тенденции в развитии производства вызывают появление различных форм трудовой деятельности членов семьи на дому.

Таким образом, анализ социальной сферы раскрывает механизм обусловленности социального положения человека в обществе, характер приобщения его к накопленному обществом богатству и соответственно способ воспроизводства человеком своих жизненных способностей к труду, воспроизводства новых поколений.

Политико-управленческая сфера. Статус единой целостной системы общество приобретает не стихийно, а посредством сознательно осуществляемой самоорганизации и устойчиво налаженного процесса управления общественными делами. Истории известны два типа организации общественной жизни: неполитический и политический.

Неполитический был присущ первобытно-родовому строю, в рамках которого не было еще социальной дифференциации людей по их интересам и устремлениям и жизнедеятельность которого поэтому строилась на принципах самоуправления, т.е. при активном и непосредственном участии всех взрослых членов общины в решении многообразных вопросов их совместной жизни и при неформальном лидерстве вождей и старейшин.

Политический тип организации общественной жизни утверждается с появлением частной собственности и разделением общества на классы, отношения которых изначально имели антагонистический характер.

В условиях, когда интересы и цели образовавшихся классов и других социальных общностей превратились в имеющие разную направленность центробежные мотивационные силы, способные вызвать разрушение единой социальной ткани общества, потребовался особый род деятельности, специально предназначенный для регулирования отношений между социальными общностями с целью создания условий как для удовлетворения их интересов, так и для сохранения и укрепления целостности социума.

Такой род деятельности получил название политики. В повседневном словоупотреблении понятие «политика» может использоваться весьма широко. Так, мы можем говорить о кадровой политике организации, о политике главы семьи в отношении других ее членов, о валютной политике банка и т.д. Однако в науках, которые политику делают своим предметом, это понятие используется в строго определенном категориальном значении. Под политикой в этом случае понимается вид рискованной (негарантированной) коллективной деятельности в области властных отношений, участники которой пытаются изменить свой статус в обществе и перераспределить сферы влияния в контексте сложившихся исторических возможностей. В этом смысле можно сказать, что *политика* — это стремление к участию во вла-

сти (ее удержанию, использованию, захвату, ниспровержению) или к оказанию влияния на распределение власти между группами людей внутри государства или между государствами.

Для понимания сущности политики необходимо выделить как минимум две ее важнейшие особенности. В о - п е р в ы х, политика служит мощнейшим фактором объединения и разъединения людей по признаку их отношения к действующей власти. Тем самым в политической жизни формируются весьма устойчивые и хорошо организованные группы, стремящиеся определенным образом поучаствовать во власти. При этом, что особенно важно для понимания политики, каждая из противоборствующих групп стремится представить свой интерес как всеобщий (выразить его в общей форме), а поэтому пытается убедить всех в этом или даже принудительно навязать эти свои интересы обществу, используя нередко силовые или манипулятивные методы воздействия на людей. Во - в т о р ы х, политика — это не только теоретические представления о государстве и власти, но и практические действия по ее использованию в определенных целях. Это означает, что политика — сложное и ответственное дело: ею должны заниматься люди, имеющие соответствующую подготовку и высокий уровень духовного развития.

Центральное место в политике занимает проблема власти. Именно посредством власти в обществе устанавливаются и воспроизводятся политические отношения. В научной литературе сложилось несколько крупных подходов к пониманию проблемы политической власти. Так, сторонники *бихевиористского* (от англ. behavior — поведение) *подхода* понимают власть как тип поведения, направленный на изменение активности других людей. В рамках *телеологического подхода* власть рассматривается как способ достижения определенных целей, значимых для человека или группы людей. С этой позиции власть — это способность одного субъекта навязать свои цели другим субъектам. Так, например, полагает американский экономист **Дж. Гэлбрейт** (1908—2006). *Инструменталистский подход* трактует власть как возможность использования определенных средств (например, насилия) для достижения какого-либо результата. К. Маркс и Ф. Энгельс в своем «Манифесте Коммунистической партии» именно в этом теоретическом ключе говорят о власти как об организованном насилии одного класса над другим. М. Вебер, по существу, развил марксистское понимание власти, когда писал, что власть — это возможность лидера осуществлять свою волю вопреки сопротивлению тех, кого это затрагивает. Сторонники *структурно-функционального подхода* утверждают, что власть — это качество не человека, а системы социальных отношений, в которых с необходимостью возникают статусы управляющих и подчиненных, власть имущих и бесправных.

Важно отметить, что любое использование властных полномочий нуждается в обратной связи, т.е. в получении информации о том, как реально протекает управленческий процесс и каковы при этом фактические результаты. В обществе должен существовать механизм оценки полученных результатов, чтобы можно было внести изменения в ранее принятые властью решения. Это значит, что информация о процессах социума должна идти по различным каналам связи, а не только по линии властных распоряжений, идущих сверху вниз, от высших органов власти до рядового исполнителя. Если в обществе отсутствует сколько-нибудь свободное выражение мнения, общественная мысль в форме публицистики, критики, открытых выступлений интеллигенции, то властные структуры фактически оказываются без достоверной информации о результатах своей деятельности. Данное обстоятельство приводит к резкому снижению эффективности управления и в конечном счете власть теряет контроль над происходящими в обществе процессами. Наступает управленческая катастрофа, вызывающая огромные революционные потрясения.

7.5. Социальная структура общества

Важнейшей структурой общественной системы является социальная структура. **Социальная структура** — это совокупность устойчивых, функционирующих в социуме общностей и взаимосвязей между ними. Каждый человек имеет соответствующий статус, т.е. определенное место в обществе, поскольку относится к той или иной социальной группе. Это место в первую очередь определяется отношением к средствам производства, вообще к собственности, а также полом, возрастом, происхождением, уровнем образования, профессией, семейным положением и некоторыми другими характеристиками.

Теория социальной структуры имеет длительную историю развития. Уже в античную эпоху Платон, создавая свою концепцию идеального государства, особое внимание уделял анализу причин и оптимальных форм социального расслоения. Разработанная им модель общества включает три сословия: философы, управляющие государством, воины-стражи и работники (ремесленники, крестьяне). По мнению Платона, предложенная иерархия имеет в своей основе естественное неравенство людей и поэтому является справедливой. При анализе возникновения государства в качестве аргумента в пользу сословного деления общества античный мыслитель ссылается на принцип разделения труда. Полис — это совместное поселение, обусловленное общими потребностями, и их удовлетворение требует разделения труда. Поддержание и воспроизведение иерархии сословий, жесткое соблюдение раз и навсегда введенного порядка частной и политической жизни — важнейшее условие справедливого государства.

Другое представление о социальной структуре разрабатывал французский социалист-утопист Ш. Фурье. Он выделял пять классов: двор, знать, буржуазия, народ, чернь. Фурье утверждал, что между классами существуют резко враждебные отношения, обусловленные противоречием между богатыми и бедными.

Что общего во взглядах этих двух философов, отделенных друг от друга временной дистанцией более чем в две тысячи лет?

Во-первых, оба мыслителя согласны с тем, что социальная структура — это определенное множество социальных групп, различающихся исполнением тех или иных функций в обществе, а также размером богатства. В социальной жизни складываются определенные и довольно жесткие отношения групп в сфере властных структур и богатства. По мере развития общества характер этих отношений меняется: власть одних групп ослабевает, других — усиливается, богатство перераспределяется. Но вместе с тем эти отношения весьма устойчивы и на протяжении долгого времени остаются постоянными. Во-вторых, и по Платону, и по Фурье, в основе существования социальных слоев лежат определенные позиции, которые они занимают в обществе: власть, богатство, возможность или невозможность присвоения. Эти же положения составляют и теоретический фундамент современных концепций социальной структуры.

В современной социальной философии наиболее популярными и теоретически проработанными являются классовая и стратификационная теории социальной структуры.

Классовый подход был предложен немецким философом К. Марксом в рамках созданного им материалистического понимания истории. Тема классов и классовой борьбы — центральная у Маркса. Ее роль в общем теоретическом наследии Маркса настолько значительна, что последователи часто отождествляли «марксистскую точку зрения» с «классовой точкой зрения». Важно отметить, что, как писал сам Маркс, он не открывал существование классов в том или ином обществе. Несколько ранее эту работу проделали французские историки — романтики Ф. Гизо, Ф. Минье, О. Тьерри и др. Заслугой Маркса является анализ классов связи с изучением общественных отношений, носителями которых они являются. Хотя понятие класса занимает центральное место в доктрине Маркса, он нигде не дает его общего определения. Тем не менее представление Маркса о классах можно реконструировать на основании его работ и многочисленных высказываний об этом предмете. Причиной возникновения классов он считает разделение труда и возникновение частной собственности. Поэтому в первобытных обществах с коллективной собственностью на средства производства классы отсутствуют; они возникают только в так называемых антагонистических формациях.

В самом широком смысле классы, по Марксу, это любые социальные группы, находящиеся в неравном положении и борющиеся между собой. В этом отношении классы включают в себя сословия и любые более или менее значительные социальные категории, расположенные на различных ступенях социальной лестницы. Именно так понятие классов используется в «Манифесте Коммунистической партии»¹.

В более узком смысле Маркс понимает под классами такие социальные группы, которые различаются по их отношению к средствам производства. Поскольку он видит основу классового деления в производственных отношениях, постольку классы выступают как выражение этих отношений. Различная форма собственности на средства производства и, главное, наличие или отсутствие этой собственности выступают как главные критерии классовобразования.

Теоретически строгое определение класса, вполне адекватно передающее позицию Маркса по поводу классов и классовой борьбы, предложил В.И. Ленин в работе «Великий почин»: «Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы — это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства»².

Наряду с основными классовобразующими признаками необходимо выделить еще один — нахождение в оппозиции, противостоянии одного класса другому. В «Немецкой идеологии» Маркс пишет: «Отдельные индивиды образуют класс лишь постольку, поскольку им приходится вести борьбу против какого-нибудь класса; в остальных отношениях они сами враждебно противостоят друг другу в качестве конкурентов»³. Таким образом, марксистская концепция классов неотделима от его концепции классового господства и классовой борьбы.

Подводя промежуточный итог, можно утверждать, что Маркс исходит из дихотомического деления общества на классы. Классовая дихотомия выступает у него в двух формах: во-первых, в виде сквозного противостояния, с одной стороны, непродизводительных, эксплуатирующих классов, извлекающих прибавочный продукт из эксплуатации другого класса, а с другой — классов производительных, эксплуатируемых; во-вторых, существования в каждой из антагонистических формаций своих специфических пар клас-

¹ Маркс, К. Сочинения: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. Т. 4. С. 424.

² Ленин, В.И. Полное собрание сочинений. Т. 39. С. 15.

³ Маркс, К. Сочинения: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. Т. 32. С. 54.

сов, выражающих определенный способ производства. Каждый класс предполагает своего антипода, с которым он находится в противоборстве явно или скрыто, осознанно или неосознанно, реально или потенциально, в прошлом или будущем. Марксистская теория классов и классовой борьбы внесла значительный вклад в развитие теории социальной структуры, помогла объяснить многие закономерности общественной жизни. Однако наряду с неоспоримыми достоинствами данная теория имеет и свои слабые стороны. Понятие класса — достаточно крупная, «объемная» аналитическая единица, рассчитанная на изучение наиболее существенных, предельно общих социальных изменений и не предназначенная для исследования других важных, но, может быть, не столь существенно значимых перемен в современном обществе. Еще одним аргументом против классового деления общества является фиксация того факта, что в нем существуют группы, не являющиеся классами общества (чиновничество, военнослужащие, студенты и т.п.). Следовательно, социальная структура не сводится к разделению на классы. Кроме того, у представителей разных классов есть, кроме классовых, и другие интересы, в том числе такие, которые могут сближать и объединять их (например, религиозные или национальные). С другой стороны, национальные, религиозные и иные конфликты могут отодвинуть противоречия между классами на второстепенное место.

Как реакция на слабые стороны классовой теории в обществоведении возникла стратификационная теория социальной структуры. Основы стратификационного подхода заложил П.А. Сорокин. В дальнейшем теория вообрала в себя идеи М. Вебера о классах в индустриальном обществе и социальном взаимодействии. Некоторые авторы (Р. Дарендорф, Р. Коллинз) привнесли в нее идеи социального конфликта.

Под социальной **стратификацией** понимается наличие образований, представители которых различаются между собой неравным объемом власти и материального богатства, прав и обязанностей, привилегий и престижа. Такое иерархически выстроенное распределение социокультурных благ порождает социокультурное расслоение, посредством которого общество получает возможность стимулировать одни виды деятельности и взаимодействия, толерантно относиться к другим и подавлять третьи. Стратификационная теория родилась во многом как результат наблюдения и анализа исторического материала: где бы ни возникала социальная среда, она всегда оказывается определенным образом организованной, т.е. одни люди выступают в качестве лидеров, другие — исполнителей; в ней есть более, а есть менее уважаемые члены сообщества; в зависимости от статуса распределяются привилегии и награды, права и обязанности. Без такой иерархизированной шкалы отношений невозможно эффективное взаимодействие, не результативен любой вид деятельности.

Центральным понятием стратификационной теории является понятие «страта» (от лат. strata — слой, геологический пласт). Страта включает в себя множество людей с каким-то общим статусным признаком своего положения, чувствующих себя связанными этой общностью. Критерием выделения страты могут служить различные по характеру признаки — материально-производственные, социально-демографические, культурные, политические и др. Таким образом, исследователь получает возможность анализировать население по самым разным — важным, второстепенным и даже мало значащим критериям. Важно отметить, что основанием для выделения страты выступает не любой признак, а лишь статусный, т.е. тот, который объективно приобретает в данном обществе ранговый характер «выше — ниже», «лучше — хуже», «престижно — непрестижно».

Основоположник стратификационного подхода П. Сорокин выделял три основные формы социальной стратификации: экономическую, политическую, профессиональную. Обычно эти формы тесно переплетены.

Огромное значение в теории социальной стратификации имеет понятие «социальная мобильность», также предложенное П. Сорокиным. **Социальная мобильность** — это социальное перемещение или переходы людей из одних общественных групп и слоев в другие. Различают вертикальную и горизонтальную социальную мобильность. *Вертикальная мобильность* сопровождается изменением статуса человека при переходе из одной группы в другую и бывает восходящей и нисходящей. Восходящая мобильность — это продвижение к позициям с более высоким престижем, доходом и властью, нисходящая — это перемещение в социальные группы с более низкими статусными признаками. *Горизонтальная мобильность* связана с перемещением в социальную группу, равную по статусным признакам прежней.

Большую актуальность в современных обществах на постсоветском пространстве имеет проблема среднего класса. Эта проблема, изучением которой занимался еще Аристотель, на рубеже XX и XXI вв. приобрела огромное значение. Социологи рассматривают наличие мощного среднего класса как признак процветания общества. Его считают социальной опорой государства, консолидирующей общественной силой, так как он, будучи классом собственников, заинтересован в стабильности общества и правопорядке, обеспечивающем охрану личности и имущества. Для надлежащего исполнения своих обязанностей средний класс нуждается в интеллектуальной, политической, экономической свободе. Представители среднего класса свободны в выражении своих взглядов, на них трудно оказывать давление, они не допускают нарушения своих прав. Однако во многих постсоветских странах доля данного класса весьма невелика, что обуславливает высокую степень напряженности социально-политических отношений.

Важно отметить, что процессы размывания среднего класса активно идут и в странах Запада, что обусловлено ослаблением социального государства и новым витком классового противостояния.

Некоторые современные исследователи утверждают, что социальных классов в настоящее время не существует и потому рассмотренные теории ничего не объясняют. Так, У. Бек отмечает, что начавшийся в послевоенное время процесс индивидуализации ведет к размыванию и разрушению больших социальных групп — классов, сословий, слоев. Отдельные признаки классового общества, такие как безработица, бедность и социальное неравенство сохраняются, но уже носят бесклассовый характер. Общественные проблемы проявляются как индивидуальные. Поэтому безработица и нищета поражают не группу, не класс и не слой, а индивида. Он переживает их как личную судьбу.

Фактором разрушения социальных общностей являются атомизация и индивидуализация. Экономической причиной этих процессов является то, что современные рыночные институты абстрагируются от потребностей семьи, брака, материнства, отцовства и т.д. Стремление к максимальной прибыли заставляет делать ставку на потребности «социального атома», одиночки. В условиях экспансии рынка и СМИ индивидуализация приводит к своей видимой противоположности: стандартизации и унификации форм существования. Происходит нивелирование социальных и культурных различий, поскольку все живут в стандартизованных квартирах, носят одинаковую одежду, придерживаются общепринятых мнений и установок, смотрят одни и те же телепрограммы. Так формируется, по выражению У. Бека, некий гибрид индивидуализированной и в то же время массовой публики, «стандартизованное коллективное бытие разобщенных массовых отшельников». Широко распространенным становится наднациональный надкультурный, надклассовый, надсемейный способ существования людей. Они оказываются в обществе с разорванными социальными связями, с отсутствующей общностью.

Однако наряду с указанной тенденцией существует и другая, свидетельствующая в пользу классовой теории. В современном обществе сохраняется и активно углубляется социальное расслоение. Начиная с 80-х гг. XX в. в США получила широкое распространение «анклавизация», суть которой заключается в строительстве замкнутых кварталов для богатых людей. Сегодня более 30 млн американцев (свыше 12% населения) живут в 150 тыс. жилищных сообществ, где имеется вся необходимая для жизни инфраструктура: магазины, школы, бассейны, спортивные сооружения и т.д. Примерно те же процессы идут в Европе, хотя и в меньших масштабах.

Эти и многие другие факты дают основание говорить о возвращении классового общества. В западной социологии появляются работы с характерными названиями: «Возвращение социальных классов?». Некото-

рые авторы заявляют о том, что произошел возврат к классовой борьбе. Так что продолжающийся около ста лет спор о существовании классов еще не закончен.

ГЛАВА 8. ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ

8.1. Становление философии истории, ее предмет и структура

Основные теоретические модели общества призваны способствовать ответу на вопрос: «Что есть общество по своей сущности?» Такая постановка вопроса предполагает обращение к анализу субстанциальных оснований социального бытия, к тому, что Э. Дюркгейм называл «социальной анатомией», а О. Конт — «социальной статикой». Когда предпринимается попытка осуществить системный анализ сложного объекта (а именно таким является общество), исследователь вынужден абстрагироваться от его рассмотрения в развитии. Это вынужденная мера. Однако, решив поставленную задачу, он рано или поздно должен обратиться к следующему вопросу: «Как развивается общество, и что собой представляет развитие общества как системы?». Ответ на этот вопрос составляет прерогативу философии истории.

Философия истории представляет собой самостоятельный раздел философского знания, в котором изучается природа исторического процесса, фундаментальные принципы и начала исторического бытия, механизмы и закономерности исторического развития социума, а также осуществляется рефлексия над самим историческим познанием.

Процесс становления и развития философско-исторического знания подразделяется на четыре этапа.

Предфилософия истории включает в себя античные и средневековые воззрения на историю. В этот период были разработаны идеи «колеса истории», истории как «вечного возвращения» и, наконец, идея «стрелы истории» — истории как связи прошлого, настоящего и будущего.

Становление философии истории должно было начаться с осознания потребности в освоении фундаментальных проблем истолкования исторического процесса — его универсальности и направленности, смысла и цели истории, что, собственно, и составляет предмет субстанциальной философии истории. Однако для ее возникновения требовалось наличие определенных факторов: динамизма общественного развития, существования специализированного философского знания и способного подняться до уровня саморефлексии исторического сознания; наконец, появления центральной,

связующей идеи человека¹. Комплекс этих факторов постепенно начал складываться в античном мире — учениях неоплатоников и гностиков, наметивших путь к исторической интерпретации бытия. Тем не менее характерные для картины мироздания греков космоцентризм, фатализм и идея «колеса истории» не позволили дать целостное философское понимание исторического процесса.

«Отцом истории» называют обычно Геродота, однако в его повествованиях нет целостной картины исторического процесса: история распадается на отдельные, не связанные между собою хронологически картины. Идея «всеобщей истории» принадлежит римскому историку *Полибию*, который задался целью не летописного описания истории войн, а анализа динамики политических сил, взаимозависимости государств как отдельных частей всемирной истории. Однако римская историография не является даже прообразом философии истории, поскольку в ней отсутствует принципиальная для философско-исторического знания корреляция идеи направленности исторического процесса с идеей человека.

Следующая попытка самоопределения философии истории, предпринятая в средневековом христианском мире, оказалась более плодотворной. Созданную в это время христианскую историософию, представленную в трудах Августина Блаженного, митрополита Илариона, Фомы Аквинского, Иоахима Флорского, обычно квалифицируют как теологию истории, однако в ней присутствуют и религиозно-философские интерпретации исторического процесса, позволившие обозначить тип философско-исторического знания, характерный для этой эпохи, как предфилософию истории. Главным же стало возникновение христианской «идеи истории», во многом определившей новое видение мира и способствовавшей его демифологизации и демистификации. Задав интерпретационную модель, в которой развитие общества обрело направленный, целесообразный (божественное провидение) и смыслодержательный характер, христианство породило современный тип исторического сознания и заложило основания классической философии истории.

Классическая философия истории оформляется в XVIII в. В данный период происходит становление философии истории как самостоятельного раздела гуманитарного знания, формируется категориальный аппарат и определяются проблемные поля философско-исторического знания.

Философия истории возникает в двух основных философских течениях Нового времени: философии Просвещения и критической философии истории. *Философия Просвещения*, прежде всего французского (Вольтер,

¹ По мнению А.Ф. Лосева, «движение, становление, развитие, общественное развитие и специфическим образом интерпретированная структура общественного развития являются теми пятью категориями, без которых невозможно построение никакой философии истории» (Лосев, А.Ф. Античная философия истории / А.Ф. Лосев. М., 1977. С.9).

Дидро, Ламетри и др.), предприняла попытку, используя знание прошлого и настоящего человечества, открыть закономерности социально-культурной динамики общества с тем, чтобы наметить перспективы его будущего развития. В наибольшей мере эти замыслы были реализованы Тюрго и Кондорсе. Последний отметил, что «если существует наука, с помощью которой можно предвидеть прогресс человеческого рода, направлять и ускорять его, то история того, что было совершено, должна быть фундаментом этой науки. Философия должна была, конечно, осудить то суеверие, согласно которому предполагалось, что правила поведения можно извлечь из истории прошедших веков и что истины можно познать, только изучая воззрения древних»¹.

Центральная идея *философии истории Просвещения* — идея общественного прогресса — связывается с поступательным расцветом наук, всеобщим распространением знаний и нравственным совершенствованием людей. Для Кондорсе не существует сомнения в кумулятивном характере развития научного знания, а следовательно, если придерживаться концептуальной модели «просветителей», не может быть сомнения в целенаправленном совершенствовании форм организации общественной жизни. При этом линейная модель прогресса человеческого разума и общества в целом обретала не локальный — западноевропейский, а универсальный характер, будучи экстраполированной на всемирную историю человечества. Подобные европоцентристские установки отчетливо проявились в позиции Вольтера, настаивавшего на единстве и общей направленности всемирной истории и абстрагировавшегося от национально-культурных и нравственно-психологических особенностей народов.

Критическая философия истории получила развитие в творчестве Дж. Вико, Ж.-Ж. Руссо, И.Г. Гердера. Она ознаменовала возникновение особой области философского знания, предметом которой стало изучение как социально-исторической онтологии (субстанциальная компонента), так и эпистемологии исторического познания (рефлексивная компонента), и оказала решающее влияние на становление принципиально исторического видения общества. По определению Ф. Мейнеке, возникший *историзм* становится исследовательской программой социально-гуманитарных наук², произведя революцию в западном мышлении. И.Г. Гердер сумел оформить, выразить и развить идеи зарождающегося историцистского сознания, которое тем не менее оказалось внутренне противоречивым, с акцентом на проблематике историософского и лишь на рубеже XIX—XX вв. эпистемологического знания.

¹ Кондорсе, Н. Эскиз об исторической картине прогресса человеческой мысли / Н. Кондорсе // Философия истории: Антология. М., 1995. С. 45.

² См.: Мейнеке, Ф. Возникновение историзма / Ф. Мейнеке. М., 2004. С. 6—7, 436.

В целом же для классической философии истории характерны:

- признание существования в развитии общества объективных закономерностей и «природной» необходимости, объективной логики развития;
- принятие линейной, в своей основе прогрессивной модели исторического процесса;
- признание единства мировой истории и утверждение европоцентризма в рассмотрении перспектив общественного развития народов;
- «растворение» человека в общественно-историческом процессе, признание субъектом истории «великих личностей» и, следовательно, персонафикация истории.

Неклассическая философия истории как этап сформировалась после признания того, что классическая философия истории строила схемы общественно-исторической динамики умозрительным путем, не выводя свои концепты из конкретных исследований. К середине XIX в. претерпевает существенные изменения характерные для классического этапа объяснения истории через ценностно-смысловые мотивации человеческой деятельности; историческая реальность сужается до совокупности артефактов человеческой деятельности. Из поля зрения научного исторического познания исчезают проблемы, артикулирующие историю как социокультурный процесс, рассмотрение человеческой жизни подчиняется аналогии с «логикой вещей», а прогресс истории ассоциируется с научно-техническим прогрессом, что приводит к ситуации возникновения *«антропологического кризиса»* в философии истории.

Подобная интерпретация исторического процесса прослеживается в работах представителей классического позитивизма, выдвигавших идеи о возникновении «промышленного общества», «людей одной политической породы», объединенных общим духом «позитивного мышления», являющегося гарантом общественно-исторического прогресса.

Дальнейшие трансформации неклассической философии истории обусловлены ситуацией последовавшего за «антропологическим кризисом» «антропологического поворота» — возвращения человека на историческую авансцену в качестве субъекта и творца истории. Концепции немецких романтиков, А. Шопенгауэра, С. Кьеркегора, Ф. Ницше декларируют, с одной стороны, иррациональность исторического процесса, принципиальное отсутствие заданного извне смысла истории, с другой же — иррациональность человека, целью которого становится не достижение прогресса, а выживание и стремление сохранить свой «человеческий, слишком человеческий» облик. Немецкие и французские экзистенциалисты — К. Ясперс, М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр, Г. Марсель, уделяя особое внимание такой характеристике исторического бытия человека, как темпоральность, временность, делают акцент на уникальности и неповторимости каждого исторического момента как фрагмента жизни экзистирующей личности. Но после потрясений об-

щественного сознания, вызванных мировыми войнами, установлением тоталитарных политических режимов, «омассовлением» человека, вновь приобрели особую актуальность проблемы исторического бытия общества.

В качестве характерных особенностей этапа неклассической философии истории можно выделить следующие:

- распространение идеи существования локальных цивилизаций, ставящей под сомнение центральную идею всей классической философии истории — идею единства мировой истории;
- девальвация идеи социального прогресса и соответственно потеря популярности «прогрессистской» версии линейной модели истории;
- утверждение мнения о существовании множества субъектов исторического процесса, в роли которых выступают отдельные народы, нации и локальные цивилизации;
- переосмысление социально-исторической метафизики, которая оказывается непосредственно связанной с «антропологическим поворотом» в философии и персонализацией, «очеловечиванием» самой истории.

Постнеклассическая философия истории развивается в двух основных направлениях: в философии истории постмодернизма и в концепциях постиндустриального общества.

Постмодернизм выдвигает тезис о «смерти субъекта», на основе которого формирует идею «конца истории» и возникновения «постистории». Исчезновение с исторической арены человека как генератора смыслов и «творца» истории детерминирует негарантированный и поливариантный характер последней.

Однако постмодернизм постепенно вытесняется новым проектом «after-постмодернизма», в рамках которого философско-исторические воззрения претерпевают существенные изменения. Терминологические конструкты, использовавшиеся авторами концепции «преодоления истории» и активно употреблявшиеся в период расцвета постмодернизма, уступают место утверждениям о «преодолении историцизма», происходит акцентация внимания не столько на самом конце истории, сколько на конце социального начала в истории.

Манифестация «конца истории» характерна для неолиберализма: в лице *Ф. Фукуямы* неолиберализм переходит от изначальной артикуляции роли индивида в историческом процессе к декларации наступившего «конца истории», результатом чего становятся стагнация и «универсализация» истории, итоги которой отныне не зависят от деятельности человека.

Другая особенность современного философско-исторического знания выражается в смещении акцентов в образе человека от экономической его составляющей к духовной и социокультурной. Как попытка воссоздания оптимистического духа «нового прогрессизма» выступает блок *постиндустриальных концепций*. Теоретики постиндустриализма, рассматривая современное общество как переходный этап от индустриальной к

постиндустриальной цивилизации, говорят о необходимости в первую очередь перестройки сознания человека и социума, восстановления утраченной взаимосвязи общественного и индивидуального смыслов существования и, наконец, глобализации для создания единого постиндустриального общества.

Современная философия истории включает в себя две *предметные области*, подразделяясь на субстанциальную (онтологическую) и рефлексивную (эпистемологическую).

Проблемное поле *субстанциальной философии истории* предполагает осмысление таких тем:

- становление общества и специфика законов его развития;
- источник общественно-исторического процесса;
- факторы исторического развития социума;
- направленность и периодизация исторической динамики;
- субъект и движущие силы общественного развития;
- единство и многообразие исторического процесса;
- смысл истории и др.

Проблемное поле *рефлексивной философии истории* включает в себя решение следующих вопросов:

- природа и специфика исторического познания;
- объективность исторического знания;
- специфика исторического факта;
- статус понимания и объяснения в историческом исследовании;
- методологические особенности исторического описания;
- соотношения рационального и иррационального в историческом познании;
- социально-культурная детерминация исследовательской деятельности историка;
- специфика методологических программ исторического познания и др.

Различие субстанциальной и рефлексивной истории поначалу кажется принципиальным: в первом случае речь идет о социальной онтологии, изучающей историческое бытие общества как само по себе существующее; во втором — о познании этого сущего, т.е. социально-гуманитарной гносеологии. Основанием для этой дифференциации является двойственное понимание истории: 1) когда история представляет как *прошлое* «дела давно минувших дней», которые первичны в своей данности и не подлежат какому-либо пересмотру, так как они укоренены в самом социальном бытии и имеют фактографический характер; 2) как *знание о прошлом*, а значит, система наших представлений о нем, которые, как известно, очень изменчивы.

Насколько принципиально это различие, и соответственно можно ли говорить о целостности философии истории? То, что мы называем объективной историей, событиями прошлого, всегда дано в форме наших зна-

ний о них, а потому обязательно несет на себе отпечаток наших современных ценностно-нормативных ориентаций и методологических установок. Это фиксируется в центральном понятии как субстанциальной, так и рефлексивной философии истории — понятии *исторической реальности*, характеризующем состояния и события прошлого, интерпретированные с позиций современности. Отсюда следует актуальность ставшего хрестоматийным положения: «Каждая эпоха переписывает историю по-своему».

Постановка и анализ данной проблемы в философии истории предостерегает от теоретико-методологических крайностей *исторического объективизма* и *исторического субъективизма*, которые часто проявляются в научно-исторических и особенно историко-публицистических работах. Первая позиция основывается на убеждении в возможности существования правильного понимания прошлого и, следовательно, воссоздания аутентичной картины не только событий, но и мотивов поступков людей, которые породили эти события; вторая — на том, что вся история — не более чем цепь интерпретаций, а прошлое — лишь эмпирическая основа для этих перманентно осуществляемых процедур. В радикальном варианте (*М. Фуко*) прошлое, как и нынешнее, существование общества характеризуется бессистемностью, децентрализацией, принципиальной асимметричностью, а потому история (постистория) — это ретроспективный проект исследователя, выражающего свою интерпретационную модель.

8.2. Объективные закономерности и субъективный фактор в историческом процессе

В самом общем виде **объективная общественная закономерность** выступает как результат совокупной деятельности бесконечного числа человеческих поколений, сменяющих друг друга. В этой цепи поколений каждое новое поколение помимо своей воли попадает в мир социальной реальности, которая сложилась ранее и без него. Это новое поколение застает в готовом виде определенный способ производства, определенные формы общественного устройства, культуры, идеологии и тому подобное, т.е. все то, что было достигнуто предшествующими поколениями. В данной ситуации людям по необходимости приходится творить свою историю, каждый раз исходя из наличных условий, ранее сложившихся обстоятельств. Их деятельность и активность всегда разворачиваются в контексте данной им реальности, выйти за пределы которой они не в состоянии. В этой ситуации социальная реальность воспринимается как предзаданная совокупность объективных условий, сложившихся независимо от человеческого сознания и обстоятельств человеческого бытия.

Значит, обусловленность процесса развития и преобразования общества его предшествующим состоянием выступает как один из моментов исторической необходимости. Хотя каждое новое поколение и творит свою историю, но творит при обстоятельствах, которые само не выбирает. Не только в политике, экономике, науке, искусстве, но даже в быту реальная жизнь устанавливает жесткие границы человеческому своеволию, вынуждая людей тщательно соотносить субъективно желаемое с объективно возможным.

К объективным условиям бытия людей относятся также коллективные представления и общественное сознание, составляющими которого они являются. Интерсубъективное, надындивидуальное сознание, выходящее за рамки опыта отдельных людей, индивидов, может, как и многие другие социальные явления, формироваться стихийно, выступая как незапланированный продукт духовного производства. Люди практически везде — и в стране своего проживания, и в сословной или профессиональной среде, и в различных формальных организациях сталкиваются с безличными духовными образованиями — стереотипами мышления и чувствования, нормами морали и права, которые стихийно складывались в течение длительного времени и которые явно выходят за рамки их индивидуального опыта, предзаданы им, принудительно программируют их сознание и поведение, навязываются всей принятой в обществе системой социализации. Совокупность таких надиндивидуальных реалий коллективной жизни и создает объективную социокультурную среду существования и жизнедеятельности индивидов.

В целом получается так, что результаты деятельности одного поколения становятся объективными предпосылками деятельности другого поколения, и это последнее поколение изменяет современный мир, опираясь на те возможности, которые уже имеются в наличии. Поколение, находящееся на стадии присваивающей экономики — охоты и собирательства, не может перейти к капиталистическому способу производства. Нельзя от феодальной мельницы перейти к компьютерной технологии, от организации первобытной охоты шагнуть к выводам современной научной организации труда, от мифологического сознания — к теории относительности и т.п.

В этом смысле история закономерна, ибо она детерминируется целым рядом объективных факторов, имеет свою объективно-субъективную логику, задающую направление изменения как любой стороны общества, так и общества в целом. Вообще, именно детерминация сознания и поведения людей новых поколений надындивидуальными реалиями, сложившимися в результате духовного творчества и практической деятельности предшествующих поколений, позволяет нам относить человеческое общество к системам органического типа, где целое способно оказывать формирующее воздействие на свои части. С какой стороны ни смотреть, получается, что между событиями истории существуют некоторые объективно обусловленные зависимости, которые никакая свобода воли не может изменить.

Наличие этих зависимостей и позволяет нам говорить о законах истории, общественных закономерностях. Вместе с тем закономерности общества осуществляются только через деятельность людей. Нет деятельности людей — нет ни истории, ни общества. Люди творят свою историю в той мере, в какой она творит их. Это сложный взаимосвязанный процесс.

Каждому поколению объективно предзадана реальная основа того, что составляет отправной пункт его жизнедеятельности. Но каждое новое поколение не просто повторяет то, что делалось предшественниками, а действует в соответствие со своими, уже новыми потребностями и интересами, стремится реализовать свои собственные цели, в той или иной степени отличающиеся от целей людей предшествующих поколений. Зададимся в связи с этим вопросом: может ли каждое новое поколение произвольно, по своему разумению изменить дальнейшее развитие общественно-исторической ситуации, которая сложилась ранее, до него, направить движение общества в любую, какую ему заблагорассудится, сторону? Факты показывают, что каждое поколение не может сразу, самовольно изменить то, что было достигнуто предшественниками и по необходимости должно включаться в социальный процесс, который уже имеет место быть. Конечно, включившись в социальный процесс, новое поколение (одно больше, другое меньше) всегда привносит что-то свое в сложившуюся ситуацию, изменяет в той или иной степени, иногда даже, казалось бы, коренным образом, революционно, ее изначальные «параметры», но, как правило, всегда не так и не в том направлении, как ему хотелось бы. Объективный результат практически никогда не совпадает с субъективными устремлениями и целями. Почему так получается?

Дело в том, что цели у разных индивидов и групп, классов, народов и государств, как правило, не совпадают. В реальной жизни действия отдельного человека, группы, нации, государства наталкиваются на противодействие целей других людей, групп, наций, государств и т.д. В конце концов воля, цели людей сталкиваются, сливаясь в поток действий масс, классов, партий, правительств, «погашаются», дают некий общий результат, который ни от кого в отдельности уже не зависит. Данный результат и представляет собой **историческую необходимость**, определенную «равнодействующую», среднестатистическую всех сил, воли и действий, имеющих место в историческом процессе. А это оборачивается тем, что деятельность людей, как правило, приводит не к тому, к чему они стремились, а к чему-то иному, нередко даже противоположному изначальной цели. Воистину, «крот истории» роет свою дорогу в потемках.

Таким образом, в ходе человеческого взаимодействия, столкновения отдельных воли, целей, действий, воспроизводимых субъект-субъектными связями между людьми, возникают интегральные реалии общественной жизни, которые, как и вещи, не могут рассматриваться как простое порожд-

дение сознания. За мозаикой осознанных человеческих действий скрывается подспудный, более глубокий пласт истории. Как писал Гегель, «во всемирной истории благодаря действиям людей вообще получаются еще и несколько иные результаты, чем те, к которым они непосредственно стремятся и которых они достигают, чем те результаты, о которых они непосредственно знают и которых они желают; они добиваются удовлетворения своих интересов, но благодаря этому осуществляется еще нечто дальнейшее, нечто такое, что скрыто содержится в них, но не осознавалось ими и не входило в их намерения»¹. Гегель, как и впоследствии Маркс, за многообразием осознанно-целенаправленных действий людей видит глубинную общую объективную логику истории. В этом Гегель усмотрел «хитрость разума» истории. Правда, если для Гегеля логика истории базируется на разрывании разума, «мирового духа», то для Маркса она выступает как результат практической, материальной деятельности людей.

Стало быть, несмотря на то, что люди обладают способностью к целесообразной деятельности, к расширяющемуся и углубляющемуся воздействию своего сознания и воли на окружающий мир, в истории все же остается нечто такое, что неподвластно человеку и не может быть изменено какими-то бы ни было волевыми усилиями. Это «нечто» и можно квалифицировать как объективные законы социума, составляющие как бы невидимую нить, связывающую между собой многие (казалось бы, разрозненные) явления в единое целое. И хотя эти законы есть результат, итог совокупной деятельности преследующих свои цели индивидов, они тем не менее носят не субъективный, а объективный характер.

Иногда создается впечатление, что общественная закономерность действует как бы «вне» людей и «над» ними, поскольку она всякий раз оказывается не продуктом свободного целеполагания деятельности группы, правительства или индивида, а чем-то таким, что явно не совпадает с целями, которые они сознательно стремились реализовать. Парадоксальность ситуации состоит в том, что законы общества складываются в результате деятельности людей, раскрывающейся с точки зрения ее внутренних механизмов, факторов и причин, но люди при этом не господствуют над ними, а подчиняются им как чему-то надличностному и самостоятельному, попадают под загадочную логику их движения и действия.

Утверждая наличие в мире социальной закономерности, необходимо определить ее основания и условия реализации. Если исходить из понимания социального закона как необходимой, существенной и повторяющейся связи социальных явлений, субординационных или координационных зависимостей различных социальных явлений, то такие связи и зависимости так или иначе прослеживаются в разных сферах общественной жизни и са-

¹ Гегель, Г.В.Ф. *Философия истории* / Г.В.Ф. Гегель. Сочинения: в 8 т. М.-Л., 1935. С. 27.

мих сфер. Закономерная связь существует между объективными потребностями людей в пище, одежде, жилище, безопасности, средствах передвижения и развитием их способностей к удовлетворению этих потребностей, что находит свое выражение в развитии их знаний, умений, навыков, а также техники, технологии и других элементов производительных сил. Можно говорить также о закономерной связи разделения труда и социальной структуры общества, его социального и профессионального состава.

Об общественных законах позволяет говорить и тот факт, что в самой природе (биосоциальной) людей и способах их объединения есть много сходного. Сходство это лежит в единстве происхождения обществ из доисторических племен и народов, одним из свидетельств которого является происхождение языков (языковые семьи). Оно также имеет место в общности реакций на внешние воздействия со стороны природы и соседей. Само группирование людей в коллективы вызывает похожие явления, находящие свое выражение в способах объединения и решения проблем, в формах организации и управления. Эти и другие явления выступают как неотъемлемые черты любого общества и вытекают из основы существования людей как вида.

Труд как необходимое условие существования людей, как важнейший фактор человеческого бытия требует определенной организации. Поэтому любое общество — от примитивного первобытного коллектива до современных высокоразвитых государств — имеет определенные способы организации производства. В сущности, социальные законы есть законы человеческих объединений, структурирования этих объединений, функционирования и взаимодействия их частей, поведения людей как членов этих объединений и т.д. Например, чтобы большой человеческий коллектив мог достаточно долго и успешно функционировать в качестве единого целого, в нем должны сложиться управляющий орган, определенная иерархия руководителей, достаточно компетентных (адекватных делу), обладающих соответствующим опытом, волевыми качествами и т.д. И эти требования являются объективными законами организации и успеха. Игнорирование их приведет к тому, что данное объединение перестанет быть жизнеспособным, будет плохо функционировать и распадется, т.е. нарушение законов организации трудовой деятельности, государственного управления и тому подобное неизбежно сопровождается тяжелыми негативными последствиями для общества. Но нарушение законов организации общественной жизни, законов человеческого бытия не есть их отмена. Это просто поведение, по тем или иным причинам не считающееся с ними.

Раскрывая сущность социальной закономерности, необходимо отдельно рассмотреть **проблему повторяемости социальных фактов и событий**. Напомним, что социальный закон — это существенная, устойчивая и повторяющаяся связь социальных явлений. Поэтому ряд социальных философов отказывается признать существование социальных законов, опи-

раясь на внешне бесспорный факт уникальности и неповторимости социальных явлений. Исследователи, отрицающие существование объективных социальных законов, не устают подчеркивать, что в общественной жизни в отличие от природы ничего не бывает дважды, ничего не повторяется, что история людей есть бесконечный поток всегда новых, уникальных событий. То, что не повторяется, не может быть обобщено, а то, что не может быть обобщено, не поддается научному объяснению.

Повторяемость представляет собой важнейший признак закономерности, поэтому обнаружению законов, этих постоянных «правил поведения» объектов, должно предшествовать обнаружение некоторой регулярности такого поведения. В мире природных явлений это прослеживается довольно легко и часто. Например, все молекулы воды устроены одинаково и одинаковым образом ведут себя, разлагаясь на кислород и водород под действием электрического тока; астрономы не сомневаются в «правильности» космических законов и практически безошибочно определяют очередное затмение Солнца и т.д. А в обществе нет одинаковых людей, социальных групп и объединений: у каждого народа — своя особая судьба, своя история и т.д. Но означает ли это, что в конкретной общественной жизни людей — в человеческой истории вообще отсутствует всякая объективная повторяемость. Отвечая на этот вопрос, признавая уникальность исторических явлений за несомненный факт, мы тем не менее считаем, что данная уникальность имеет не абсолютный, а относительный характер. Только при поверхностном взгляде на социальную реальность в ней не обнаруживается никаких повторений, в истории людей не усматривается ничего, постоянно и регулярно повторяющегося. За уникальными, не имеющими аналогов единичными событиями стоят определенные **структуры, константные факторы** человеческого поведения, в которых воплощены его устойчивые, повторяющиеся характеристики. Любые исторические события, будь то конкретная война или конкретная революция, несут в себе родовые определенности «войны вообще» и «революции вообще», являются вариантами существенных признаков, повторяющихся на всем протяжении истории или на определенных ее этапах.

В целом полотно человеческой истории, траектория ее движения есть результат сложного, неоднозначного и постоянно изменяющегося соотношения начал объективного и субъективного характера, из игры которых, их взаимодействия и выявляются (выкристаллизовываются) базовые факторы социальной эволюции, глубинные основания человеческого бытия, которые людям необходимо знать и учитывать в своих замыслах и поступках.

Рассмотрение сущности и механизма действия социальной закономерности позволило раскрыть лишь одну сторону сложного процесса общественного развития. Исторический опыт показывает, что деятельность, активность людей реально формируют облик социальной реальности, влияют

на ход и направленность исторического процесса. Считать людей марионетками — значит предельно упрощать вопрос о характере социального развития и логике общественного бытия. Другими словами, в общественной жизни наряду с объективной закономерностью действуют субъективный фактор, воля и стремления отдельных индивидов и социальных групп.

Рассмотрение же проблемы роли и значения субъективного фактора требует постановки следующего вопроса: *каково* соотношение объективного и субъективного в истории — является ли оно постоянным, константным или их удельный вес может определенным образом меняться?

Данную проблему можно рассматривать в краткосрочном и долгосрочном планах. На относительно небольших отрезках исторического времени (*краткосрочных*) значение субъективного фактора резко возрастает в переходные периоды, когда действие внутренних закономерностей предшествовавшего уклада жизни ослабело, а закономерности нового уклада еще не сложились. Именно в этот период начинает интенсивно твориться облик будущего мира, рельефно проявляются пластичность и податливость истории. Это происходит потому, что в действии социальной закономерности как бы образуется вакуум, зазор, в который бурно устремляются свободная воля людей, их устремления и предпочтения. В *долгосрочном плане* рельефно проявляется тенденция к возрастанию роли субъективного фактора в истории. Эта тенденция обусловлена следующими причинами: постепенно растет опыт организации масс различными социальными институтами и партиями, совершенствуются технические средства связи и способы взаимодействия между людьми. Это позволяет концентрировать усилия огромных человеческих масс в определенном направлении во имя достижения тех или иных целей, в том числе и таких, которые не отвечают глубинным интересам широких слоев населения.

В XX в. субъективный фактор истории стал реальной силой, определяющей судьбы целых поколений и народов. К сожалению, возросшая роль данного фактора не принесла людям мира и справедливости, напротив, он часто принимал деструктивный характер, находил свое прямое выражение в приверженности к волюнтаристической тенденции. Примером этому может служить Октябрьская революция в России. Последняя рельефно продемонстрировала миру, что человечество вступило в новую эпоху, связанную с резким возрастанием роли субъективного фактора истории, — эпоху неизвестных ранее возможностей крупномасштабного исторического произвола и насилия и вместе с тем небывалого исторического творчества, созидания нового, ранее неизвестного. Небывало усилился государственный контроль над общественной и частной жизнью. Возможности манипулирования сознанием миллионов людей оказались беспрецедентными благодаря современной информационной технике. Сюда следует добавить и объективный процесс усиления роли управленческих функций и возросшую в

связи с этим опасность бюрократизма, возможности быстрой концентрации общественных сил не только в интересах прогресса, но и регресса и т.п. Этим в значительной степени обусловлены трагедии, организованные властью сознательно. Заложниками тоталитарных режимов в XX в. стали и дисциплинированный немец, и «стихийный» русский.

Н.А. Бердяев и Х. Ортега-и-Гассет отмечали, что тоталитаризм как жесткая система всеохватывающего контроля над жизнедеятельностью людей связан с вторжением в общественную и личную жизнь фактора техники. С их точки зрения, тоталитаризм в широком смысле есть власть техники, механизация социальных отношений, технизации стиля мышления и «машинизация» человека. Ни диктатура римских рабовладельцев, ни восточные деспотии не обладали, согласно им, возможностью такой концентрации бесконтрольной власти, которая появилась у современных государств благодаря развитию техники.

В наше время вообще стало весьма затруднительно говорить о каких-то объективных процессах, протекающих вне и независимо от субъективной воли, от субъективного фактора истории. Возьмем, например, общественные экономические отношения, которые в свое время К. Маркс в отличие от «идеологических» рассматривал как «материальные», возникающие стихийно, не проходя в своем генезисе через сознание исторических субъектов, чисто объективные. Как известно, этой точки зрения наше обществоведение придерживалось долго. Теперь, однако, мы можем утверждать, что стихийность формирования экономического базиса, неизобретаемость основных субъектов экономических отношений — экономических групп и классов (крестьянства, например) — явление не вечное, исторически ограниченного действия, т.е. оно не носит универсального характера и не может быть распространенным на все времена. При ближайшем рассмотрении оказывается, что сегодня стихийность социально-экономических процессов постепенно преодолевается, вытесняется целерациональным началом, способностью сознания влиять не только на функционирование, но и на становление экономических реалий. В качестве неудачных и удачных примеров такого рода инноваций сознания в некогда закрытой для него сфере экономических отношений может служить экономика Советского Союза, явившаяся результатом сознательного выбора в пользу огосударствления средств производства, «новый курс» президента США Ф. Рузвельта, теперешние попытки российской властной элиты сознательно «построить» экономику рыночного типа. При этом все большее число социальных явлений, некогда полностью независимых от сознания, складывается как результат целей и замыслов людей, определяется сознанием как реальной «целевой причиной» своего возникновения. Конечно, стихийность социальных процессов вряд ли когда-либо в будущем будет до конца преодолена. Это, на наш взгляд, в принципе невозможно. Тем не менее мы не можем

не признать, что сегодня в какой-то степени утверждается «плановая» история. «управляемое», «конструируемое» общество, имеют место непрекращающиеся попытки определенными силами (в частности, мировым олигархическим интернационалом) взять под свой контроль ее движение. Трагедия истории заключается здесь в том, что нарастающая сила целенаправленного воздействия на природную и социальную среду отнюдь не всегда сопровождается гуманизацией социума, а скорее ведет к разрушению фундаментальных основ человеческого бытия, оборачивается антипрогрессивными общественными изменениями. А если выразиться более последовательно, то возросшая роль субъективного фактора в истории на каждой развилке ее дорог грозит обернуться новой и еще более опасной формой угнетения и подавления людей, а применительно к нашему времени — всепланетарным тоталитаризмом.

В свете обсуждаемых проблем особый интерес вызывает **вопрос о возможностях и границах социального регулирования, сознательного управления общественными процессами**. Совершенно очевидно, что человечество к настоящему времени попало в трудноразрешимую коллизию, в крайне парадоксальную ситуацию: стихийно-спонтанное развитие общества уже невозможно, а вездесущее рациональное управление социальными процессами опасно, часто принимает деструктивный характер. Парадоксальностью такой ситуации порождены разные, порой противоположные, точки зрения по вопросу о необходимости сознательного регулирования социальными процессами. В поисках ответа на него существует по крайней мере три подхода.

Первый подход постулирует необходимость существования в обществе сознательного управления социальными процессами и тотальный контроль над жизнью людей. На практике такие устремления ведут к тоталитаризму, к превращению личности в объект абсолютной калькуляции.

Второй (либеральный) утверждает, что все беды идут от попыток самонадеянного субъекта регулировать социальные процессы. Подход опирается на принцип саморегулирования: пусть общество развивается само по себе, так сказать самотеком.

Третий (синтетический) вариант сводится к следующему: необходимость и неизбежность в условиях современности сознательного управления социальными процессами диктуются прежде всего нарастающей угрозой экологического кризиса, опасностью неконтролируемого применения ядерного оружия, возможностью разрастания разрушительных межнациональных и межгосударственных конфликтов и т.д. Сознательность в данном случае заключается в том, чтобы суметь вовремя подключить волю и разум к управлению стихийным процессом общественного развития, не ломая и не насилуя этот процесс, препятствуя деструктивным устремлениям отдель-

ных лиц и групп и т.д. В действительности неперенным условием успешного развития любого общества является гармоническое взаимодействие в нем процессов самоорганизации и организации.

Важно отметить, что субъективный фактор истории — обоюдоострое оружие, его возросшая роль чрезвычайно сложна, двойственна и противоречива. С одной стороны, его игнорирование, стремление ограничить целенаправляющее начало в историческом движении, упование исключительно на действие механизмов саморегуляции могут, как в этом нас убеждает сегодняшняя действительность, придать развитию общества катастрофический, разрушительный характер. С другой стороны, надо все же признать, что, несмотря на всю необходимость и неизбежность в условиях современности сознательного управления социальными процессами, общественная саморегуляция пока еще остается наивысшим проявлением упорядоченности и органичности движения. А это значит, что пользоваться возросшей силой субъективного фактора необходимо крайне осторожно и в определенных пределах. Отсюда также следует и то, что перед политическим руководством стран, находящихся в переходном состоянии (в том числе и перед политическим руководством восточнославянских стран), стоит задача фундаментальной важности: привести в действие механизмы общественной саморегуляции (самоорганизации) и научиться их разумно сочетать с практикой сознательного управления социальными процессами, с государственным администрированием и регулированием (организацией). Причем в каждом конкретном случае мера данного сочетания должна соотноситься с традициями, ментальностью и историческим опытом того или иного народа.

8.3. Проблема источника и факторов исторического развития общества. Эволюция и революция в динамике общества

Противоречие — это одно из основных положений диалектики как концепции универсального развития. Общество также пронизано противоположностями, в качестве которых выступают отдельные люди, социальные общности и социальные институты с различными потребностями, интересами и целями. Поэтому если экстраполировать положения диалектической концепции на общество, то можно сделать вывод о том, что источниками общественного развития выступают *социальное противоречие*, борьба субъектов исторического процесса за реализацию своих интересов и достижение поставленных целей посредством предпринимаемых социальных действий.

Однако такой вывод оказывается далеко не очевидным для общественно-знания, о чем свидетельствуют три основные версии решения проблемы источника исторического процесса, представленные в теоретических концепциях социодинамики.

Первое концептуальное решение проблемы источника исторического процесса абсолютизирует роль социальных противоречий, придавая им глобальный и решающий характер в развитии общества — «единство противоположностей (понимаемое как равновесие, гармония субъектов исторического процесса) относительно, временно, борьба абсолютна». Данная версия решения проблемы источника исторического процесса основывается на признании ведущей роли в обществе антагонистических отношений между субъектами истории, коренные интересы и цели которых в принципе несовместимы и потому развитие социальных противоречий может идти только «по возрастающей» и разрешаться в острой, конфликтной форме.

В «чистом» виде этот подход получил теоретическое выражение в интерпретации марксизмом исторического процесса как смены общественно-экономических формаций, субъектами которых выступают «основные классы» (рабы — рабовладельцы, крепостные — феодалы, пролетариат — буржуазия). Их борьба с объективной необходимостью ведет к социальной революции, означающей смену устоев общества, и к переходу к новой формации. Сущность данного подхода, выражающего позиции **социального радикализма**, представлена в словах известной французской писательницы Ж. Санд, к которым обращается К.Маркс: «Битва или смерть; кровавая борьба или небытие. Такова неумолимая постановка»¹.

Данный подход характерен также для получившей широкую известность концепции немецкого политолога *К. Шмитта*, рассматривающего политические процессы через призму противодействия «друзья — враги», и ряда других концепций, в которых мир предстает как биполярная реальность, а оценочные характеристики акторов дифференцируются на «черное и белое», «хорошее и плохое», т.е. являются оппозиционными. Неслучайно политические, религиозные и экологические движения современности, разделяющие этот теоретический подход, отличаются бескомпромиссностью и радикализмом своих действий (исламский фундаментализм, антиглобализм, троцкизм, маоизм, экологический экстремизм). Наряду с К. Марксом и К. Шмиттом в социологической и политической науках сторонниками данного подхода были *А. Токвиль*, *Г. Зиммель*, *К. Боулдинг*, *А. Бенгли*, *З.Бауман* и др.

Второе концептуальное решение данной проблемы — по сути, антитеза первому и связывает источник развития общества, используя ранее приведенную формулу, не с борьбой противоположностей, а с их консолида-

¹ *Маркс, К.* Сочинения: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. Т. 4. С.185.

цией и гармонизацией — «единство противоположностей абсолютно, а борьба относительна». Рефрен данной позиции исходит из признания ценностно-нормативного единства общества и приоритетности для всех субъектов общенациональных и общегосударственных целей, обеспечивающих стабильное и эффективное развитие общества в целом и каждого субъекта в отдельности.

Такой подход типичен для ряда социально-философских, социологических и политологических концепций, объединенных парадигмой **солидаризма**. Для них характерна исходная установка не на борьбу, а на достижение консенсуса всех участников социального взаимодействия на основе общего ориентира (прежде всего материального процветания общества, максимально использующего результаты научно-технического прогресса), что и составляет источник общественного развития.

В XIX в. солидаризм получил развитие в концепциях *О. Конта*, *Г. Спенсера*, *Э. Дюркгейма*. В XX в. наиболее яркими его выразителями стали представители школы структурного функционализма (*Т. Парсонс* и др.), *М. Вебер*, *Д. Дьюи*. *Г. Спенсер*, являющийся одним из родоначальников позитивизма и создателей социологии как науки, говорит о двух основных исторических типах общества — военном и промышленном, развитие которых определяется отношениями сотрудничества и солидарности составляющих их социальных общностей. Однако если в первом случае интеграция основана на принуждении к солидарности, то во втором — на добровольном согласии при осознании членами этих сообществ его прогрессивного значения. *Т. Парсонс* же, как следует из его структурно-функциональной концепции общества, о которой шла речь при рассмотрении вопросов одной из предшествующих тем, абсолютизирует состояние гармонии между подсистемами социума и рассматривает любой конфликт как дисфункцию. Последняя означает нарушение стабильного существования общества и оценивается как неестественное и негативное явление.

Третье концептуальное решение отмеченной проблемы основано на стремлении избежать крайностей в интерпретации статуса социальных противоречий и порождаемых ими конфликтов, присущих первым двум вариантам — тотальности конфликта и полной бесконфликтности как естественных состояний динамики социума.

Концептуальные разработки в этом направлении появились в начале XX в. в чикагской школе социальной экологии. Так, один из основателей этой школы *Р. Парк* характеризует социальный конфликт не как определяющий и результирующий момент общественного развития, являющийся его квинтэссенцией, а только как один, к тому же промежуточный, этап социального взаимодействия. Согласно *Р. Парку*, в социодинамике можно выделить четыре вида социальных взаимодействий, которые связаны временной последовательностью: *соревнование* (конкуренция) как форма борьбы

за существование в обществе способно перерасти в *социальный конфликт*, который благодаря *адаптации и аккомодации* разрешается и сменяется *ассимиляцией* и *приспособлением*, означающими установление в обществе отношений сотрудничества и социального спокойствия¹. Таким образом, у Р. Парка социальный конфликт — частный случай социального взаимодействия, а целью общественного развития является гражданский мир.

Более основательную концептуальную фундированность решение анализируемой проблемы получило в *концепции социального конфликта* (Л. Козер, Р. Дарендорф и др.). Американский социолог *Л. Козер*, например, говоря о том, что любое общество содержит элементы напряжения и потенциального конфликта, квалифицирует социальный конфликт как важнейшее звено социального взаимодействия, способствующее разрушению или укреплению социальных связей. Последнее обстоятельство зависит от типа общества. В «закрытых» обществах конфликты разделяют общество на враждебные группы и, разрешаясь через революционное насилие, ведут к разрушению сложившихся социальных связей. В «открытых» обществах им дают выход, а социальные институты оберегают стабильность социальной системы. Ценность конфликтов в «открытом» обществе заключается в предотвращении возможности окостенения социальной системы и открытия возможности для инноваций.

Близкие идеи развивает немецкий социальный философ и социолог *Р. Дарендорф*. Согласно его точке зрения, конфликты имеют универсальный характер, но конфликт конфликту — рознь. Давая развернутую характеристику различным типам конфликтов, Р. Дарендорф предостерегает против попыток подавлять конфликты, ибо, будучи естественным для общества явлением, они обязательно проявят себя, но в более острой форме. Нужно контролировать их развитие, не давая возможности местному, локальному конфликту разрастись до глобального, всеобщего уровня, грозящего «взорвать» систему изнутри. Отслеживание и рациональная регуляция противоречий и конфликтов частного межгруппового характера является условием контролируемой эволюции, сохраняющей стабильность социальной системы. Только в этом случае конфликты имеют позитивное значение и становятся двигателем социального прогресса. Согласие же — нормальное состояние общества, в котором единство общих интересов, целей и, главное, социальных действий различных противоборствующих субъектов составляет источник общественного развития.

Рассмотрение данной проблемы и различных ее решений позволяют уточнить некоторые аспекты еще одной проблемы общественно-исторической динамики, имеющей социально-философский смысл — диа-

¹ Теоретическая социология: Антология: в 2 ч. М., 2002. Ч. 1. С. 180—192.

лектики *эволюции* и *революции* в развитии общества. В литературе довольно часто их противопоставляют, связывая эволюцию с постепенными, в своей основе количественными изменениями, которые не ведут к качественному изменению всей системы, а революцию — с глубинными и коренными изменениями качества системы в целом. Эта контраверза применительно к социально-историческому развитию выразилась в противопоставлении двух путей изменения общества — *эволюционного* (оцениваемого его противниками как «плоский», реформаторский эволюционизм, чуждый социальному прогрессу) и *революционного* (рассматриваемого его оппонентами соответственно как социальный радикализм, основанный на насилии и дестабилизации общества).

В частности, по словам В.И. Ленина, теоретика и практика революционно-го движения, «революция есть такое преобразование, которое ломает старое в самом основном и коренном, а не переделывая его осторожно, медленно, постепенно, стараясь ломать как можно меньше...»¹. Заметим, что длительность как фактор времени в революции хотя и является важной, но все же нерешающей — главными выступают масштаб и радикальность изменений.

В связи с этим обратим внимание на то, что понятие социальной революции шире понятий промышленной, политической или культурной революции. Социальная революция предполагает радикальные изменения как в системе хозяйства (организации материального производства), политическом строе (устройстве государственной власти), так и в культуре (образе жизни, системе ценностей, даже менталитете народа) — иными словами, во всех основных сферах общественной жизни.

Начало социальной революции обуславливается различными обстоятельствами. Отметим некоторые способствующие революциям процессы, анализ которых лег в основу современных концепций социальной революции.

Процесс демографического роста при дефиците ресурсов. Данный процесс стал предметом анализа английского экономиста XIX в. Т. Мальтуса, который сформулировал закон убывающего плодородия почвы, гласящий, что если рост народонаселения происходит в геометрической прогрессии, то рост средств для жизни — в арифметической. Следствием этого является нехватка жизненных благ, ведущая к острым социальным конфликтам. В XX в. идеи английского ученого возродились в форме неомальтузианства, но их сущность сохранилась: демографическое напряжение является серьезной причиной социальной нестабильности, войн и революций.

Нарушения в воспроизводстве и циркуляции элиты, представляющей собой наиболее влиятельную и активную часть общества. Для изменяющегося общества характерно частичное или полное изменение состава элиты. В процессе социальной эволюции, как правило, производится ча-

¹ Ленин, В.И. Полное собрание сочинений. Т. 44. С. 222.

стичное изменение состава элиты, предполагающее вхождение в нее деятельных, одаренных и авторитетных представителей широких слоев общества и освобождение от проявивших некомпетентность или дискредитировавших себя людей. Однако, как отмечал один из авторов концепции элитизма В.Парето, иногда происходят «сбои» в циркуляции элит, обуславливаемые «засорением» каналов социальной мобильности. Очищением этих каналов и призвана заняться социальная революция, результатом которой становится полное изменение состава элиты.

Акцентируемое сторонниками концепции массового общества превращение масс в мощную движущую силу общественного развития, порождающую экономическую и политическую нестабильность, и кризисные явления. При этом в основе сопровождающихся беспорядками и насилием революционных действий масс ведущая роль принадлежит не рассудку и разуму, а эмоциям и чувствам, определяющим их импульсивный характер. Принимая во внимание особенности психологии масс, сторонники данной концепции подчеркивают значение коллективного бессознательного для мотивации их поведения и прежде всего роль политических мифов в манипулировании общественным мнением.

Крайняя неудовлетворенность масс возможностями реализации своих не только биологических, но и социально-психологических потребностей. Так, П. Сорокин писал, что «непосредственной предпосылкой всякой революции всегда было увеличение подавленных базовых инстинктов большинства населения», а также невозможность даже минимального их удовлетворения». Подавление основных импульсов деятельности людей побуждает их искать пути выхода из этой ситуации, отключая те «тормоза, которые удерживают человека от воровства, лжи, поедания запретной пищи и т.п.»¹.

Исчерпание эволюционных возможностей в менталитете общества и как следствие вызванные экстремальными ситуациями мутации характерной для общества культурной традиции. В частности, рассматривая причины и сопутствующие обстоятельства Октябрьской революции 1917 г., Н.А. Бердяев пишет: «Ленин мог это сделать только потому, что он соединял в себе две традиции — традицию русской революционной интеллигенции в ее наиболее максималистических течениях и традицию русской исторической власти в ее наиболее деспотических проявлениях». А роль «спускового крючка» в мутации менталитета сыграла первая мировая война, которая «выработала новый душевный тип, тип, склонный переносить военные методы на устроение жизни, готовый практиковать методическое насилие, властолюбивый и поклоняющийся силе»².

¹ Сорокин, П.А. Человек. Цивилизация. Общество / П.А. Сорокин. М., 1992. С. 272, 274.

² Бердяев, Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н.А. Бердяев. М., 1990. С.99,101.

Кризис в осуществлении процесса модернизации политической системы, направленного на трансформацию ее базовых институтов, норм и ценностей, а потому затрагивающего все сферы жизни общества. В рамках концепции политической модернизации рассматриваются различные модели ее осуществления: «типовая», «догоняющая», «частичная», «тупииковая». Последняя модель, согласно французскому конфликтологу Ж.Фаве, связана с игнорированием причин возникновения локального политического конфликта и перерастанием его в глобальный конфликт, разрешающийся в форме социальной революции. Выделяют различные закономерности «тупииковой» модернизации, следствием которой становится социальная революция. Так, французский мыслитель А. Токвиль вывел кажущуюся парадоксальной закономерность: революции происходят не тогда, когда в обществе плохо и становится еще хуже, а когда в обществе плохо, но становится лучше, и хочется, чтобы стало еще лучше. В русской социально-философской мысли близкую мысль высказал известный поэт Ф.И. Тютчев в письме А.Д. Блудовой: « В истории человеческих обществ существует роковой закон, который почти никогда не изменял себе. Великие кризисы, великие кары наступают обычно не тогда, когда беззаконие доведено до предела, когда оно царствует и управляет во всеоружии силы и бесстыдства. Нет, взрыв разражается по большей части при первой робкой попытке возврата к добру, при первом искреннем, может быть, но неуверенном и несмелом поползновении к необходимому исправлению...»¹.

Конфликт в развитии системы общественного хозяйства, ведущий к радикальным изменениям во всей системе общественных отношений. Он является основой для интерпретации феномена социальной революции в марксизме, который в данном вопросе выступает в роли оппонента отдающей приоритет социальной эволюции и общественным реформам концепции политической модернизации.

В марксистской теории общественного развития обращается внимание на ведущую роль объективного механизма, лежащего в основе развития общества. В частности, действие такого объективного механизма четко прописано К. Марксом в предисловии к работе «К критике политической экономии»: «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции»².

¹ Тютчев, Ф.И. Сочинения: в 2 т. / Ф.И. Тютчев. Т. 2. М., 1980. С.183

² Маркс, К. Сочинения: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. Т.13. С. 7.

Заметим, что при рассмотрении диалектически противоречивого характера исторического развития общества следует учитывать следующее обстоятельство. Революция как общественно-исторический процесс обусловлена действием двух факторов — объективного и субъективного. Абсолютизация одного из них способна привести к искажению реальной картины социодинамики. Так, абсолютизация роли объективного фактора — т.е. не зависящих от людей общественных отношений и условий, в которых осуществляется их деятельность, приводит к такой крайности, как фатализм, а абсолютизация роли объективного фактора, основанного на сознании и воле деятельности людей, формирует другую крайность — волютаризм в понимании истории.

На основании сказанного может сложиться впечатление, что для К. Маркса характерна *фаталистическая интерпретация революции*. Но в ряде других работ немецкий мыслитель говорит о том, что в обществе объективные закономерности всегда выражают себя через деятельность людей, осознающих свои жизненные интересы и ставящих определенные цели. Тем самым проявляющаяся в конфликте производительных сил и производственных отношений объективная закономерность осуществления социальной революции опосредована идейными, субъективными мотивами классовой борьбы, которые побуждают людей к действию. Поэтому существующее мнение, что К. Марксу присуща фаталистическая интерпретация революции, превращающая ее в исторически неизбежное явление, не соответствует действительности.

Волюнтаристская интерпретация приписывает революции случайный характер и ставит ее осуществление в зависимость от воли и сознания совершающих ее людей, существования таких лидеров, которые способны на решительные действия.

Очевидно, что как в развитии общества в целом, так и в осуществлении революционных изменений объективный и субъективный факторы дополняют друг друга. Это означает, что социальная революция имеет объективные основания и в этом смысле не является следствием человеческого произвола. С другой стороны, социальная революция существует не только как образ, зависящий от самих людей, а значит, являясь лишь *крайней, экстремальной формой* социального конфликта, поддается предотвращению и регуляции.

В связи с этим обратим внимание на характеристику диалектической противоречивости всемирно-исторического процесса, данную Гегелем. Именно она служит теоретическим основанием марксистского понимания взаимосвязи объективного и субъективного факторов в осуществлении социальной революции. Так, приведенные выше слова К. Маркса о существовании объективного механизма революционных изменений вполне соответствуют гегелевскому пониманию хода истории как «мерной и неотвратимой».

тимой поступи Мирового духа». Однако великий немецкий философ говорит и об «иронии истории», связанной с составляющей ее субъективный фактор деятельностью людей. Применительно к революции суть «иронии истории» выразил в письме к Вере Засулич Ф.Энгельс: «Люди, хвалившиеся тем, что *сделали* революцию, всегда убеждались на другой день, что они не знали, что делали, — что *сделанная* революция совсем не похожа на ту, которую они хотели сделать»¹.

Еще одно обстоятельство, которое следует учитывать при рассмотрении роли социальной революции в жизни общества — это недопустимость подмены ее объективного рассмотрения оценочным отношением. В литературе существуют две противоположные позиции в оценке этой роли. Первая из них связана с характеристикой социальных революций как «локомотивов истории»² и является сугубо позитивной, вторая — с оценкой социальной революции как безусловного зла для человека и общества. Как и любые оценки, данные квалификации революций весьма условны и не могут претендовать на статус истины.

В заключение отметим, что революции в обществе не являются чьей-то прихотью, а обусловлены многими обстоятельствами. Для человека социальные революции, поскольку они ведут к радикальным изменениям в обществе и его дестабилизации, всегда несут серьезные испытания и лишения. Поэтому предпочтительным для него является развитие на основе реформ, используя которые можно планомерно и поступательно осуществлять качественное преобразование общества в его же интересах.

В реальном историческом процессе эволюционные и революционные (глубинные и масштабные) изменения взаимосвязаны, дополняют друг друга. В конечном счете приоритет в обществе отдается установке на подчинение групповых интересов интересам всего социума, пониманию того, что социальные потрясения дестабилизируют его, а конструктивные реформы позволяют справиться с назревающими проблемами и являются нормой для современного демократического государства и гражданского общества.

Сущность следующей значимой для философии истории проблемы — **проблемы факторов социальной эволюции** заключается в том, *что* в большей или меньшей мере внутри общества как системы и вне его влияет на исторический процесс, определяя его качественные характеристики. От *чего* зависит динамика общества?

Среди множества факторов, влияние которых сказывается на особенностях исторического развития общества в целом и отдельных социально-культурных сообществ, рассмотрим несколько основных и охарактеризуем их.

¹ Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. М., 1951. С. 310.

² Маркс, К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 7. С. 86.

Геоклиматический фактор. Речь идет о влиянии на характер и темпы развития не только человечества, но прежде всего региональных сообществ (локальных цивилизаций, социально-культурных регионов, отдельных народов и этнических групп) размера занимаемой ими территории, географического расположения, климата, рельефа местности, удаленности или близости к коммуникативным (торговым, транспортным, культурным) путям и т.п.

Это влияние было подмечено еще в древности — в частности, *Аристотелем*, связывавшим достижения древнегреческой цивилизации с тем, что Греция расположена не в жарком или холодном, а в умеренном климатическом поясе, что обуславливает сбалансированность и гармонию ее развития. В XVI в. *Ж. Боден* высказывает мысль о том, что суровые условия природного существования, требующие большой активности от человека, обеспечивают больше потенциальных возможностей в общественном развитии у северных народов, чем у южных, а у горных — в сравнении с равнинными. В Новое время *Ш. Монтескье*, *Ж.-Ж. Руссо*, *А. Геттнер*, а в XX в. *А. Богданов*, *И. Ильин* обращают внимание на существование определенной связи между размером территории государства и существующей в нем формой правления: обширная территория — монархическое или деспотическое правление, требующее централизованной власти, а небольшая территория — республиканская форма правления и демократия.

Так, *Ш. Монтескье* в XVIII в. писал: «В стране с подходящей для земледелия почвой, естественно, устанавливается дух зависимости. Крестьяне, составляющие главную часть ее населения, менее ревнивы к своей свободе; они слишком заняты работой, слишком поглощены своими частными делами. Деревня, которая изобилует всеми благами, боится грабежей, боится войска... Таким образом, в странах плодородных чаще всего встречается правление одного, а в странах неплодородных — правление нескольких»¹.

В свою очередь *И. Мечников* и *А. Уемов* разрабатывают «водную» версию влияния географического фактора на становление и развитие цивилизаций (роль «великих рек» в возникновении древних цивилизаций Востока, затем факторов морского и океанского сообщения). В XIX в. немецкий географ *Ф. Ратцель* закладывает основы геополитики («география как судьба»), которая прямо связывает межгосударственную политическую активность и противодействие различных социально-политических блоков с территориальным фактором, а в XX в. в разработках *Р. Челлена*, *К. Хаусхофера*, *Х. Маккиндера*, *А. Мэхена* геополитика обретает статус институционального знания.

Демографический фактор. Составляющие этого фактора — численность населения, плотность расселения, баланс по половому и возрастному признакам (известно, что население планеты, прежде всего развитых стран, стареет, что создает проблемы с воспроизводством его работоспособной

¹ *Монтескье, Ш.* Избранные произведения / Ш. Монтескье. М., 1955. С. 394.

части), соотношение численности городских и сельских жителей и тому подобное неравноценны. Например, численность населения страны важна, но она отнюдь не определяет статус страны как великой державы (статус является не демографической, а социокультурной характеристикой). Однако ряд других параметров действительно свидетельствует о степени динамизма общества, ибо связан с индустриальными и модернизационными процессами современности. Так, уровень рождаемости связан с различными условиями жизни, традициями и другими ценностными ориентациями; уровень детской смертности — с проблемами материального обеспечения и социальной защиты населения; средняя продолжительность жизни, уровень смертности и, в частности, динамика суицида — с социально-психологическим климатом в обществе и его социально-экономическим состоянием; социальная мобильность и маргинализация — с «открытостью» общества и степенью его демократизации.

Технико-технологический фактор. Влияние этого фактора на развитие общества, особенно современного, сказывается как минимум в трех аспектах:

во-первых, в воздействии техники на содержание и темпы социодинамики. Техника в доиндустриальную, и особенно индустриальную, эпоху являлась мощным стимулом развития не только производственной и сопутствующих ей областей экономики — товарно-денежной, торговой, транспортной инфраструктуры, но и других важнейших сфер общественной жизни. Неслучайно метафоры «машины» и «мегамашины» стали использоваться для характеристики устройства общества в целом;

во-вторых, во влиянии технологий на образ жизни человечества и его деятельность. В первую очередь имеются в виду трудовые технологии, способствующие квалифицированному использованию технических устройств в непосредственном производственном процессе. Но если в индустриальном обществе их роль достаточно ограничена возможностями самой техники, то с переходом к постиндустриальной цивилизации потребности в новых информационных технологиях сами начинают диктовать требования к качеству новой техники (она все более становится лишь материальным субстратом для передовых технологий). Их передовой рубеж — нанотехнологии, которые стали целью, ищущей новые технические объекты в качестве средства использования;

в-третьих, в формировании особого стиля мышления, получившего широкое распространение в современном мире — технократического мышления. Целерациональный, в терминологии *М. Вебера*, или инструментальный, в терминологии *М. Хоркхаймера* и *Т. Адорно*, разум нивелирует аксиологические смыслы человеческого бытия. Исчезает ценностно окрашенный смысл существования человека в мире, остается рационально просчитанная цель, которая в свою очередь редуцируется к решению прагматических задач.

Среди других факторов обычно называют производственно-экономический, политический, этнопсихологический, интеллектуальный, культурно-исторический, в котором иногда специально выделяют также моральный, религиозный и т.д. В данном случае важна оценка статуса того или иного из названных факторов в социально-историческом развитии общества. В зависимости от нее принято говорить об *однофакторном* и *многофакторном* подходах к решению рассматриваемой проблемы. Если в первом случае какому-либо из факторов придается решающее значение (как, например, производственно-экономическому фактору в общественно-научном марксизме или технико-технологическому — в социологии позитивизма), то во втором признаются их относительная равноценность и комплексный характер влияния на исторический процесс.

8.4. Субъект и движущие силы истории. Вариативность истории и выбор путей общественного развития

Воздействие субъекта истории на исторический процесс осмысленно и осуществляется на основе осознания определенных интересов, постановки целей и задач (чаще всего идеологически обоснованных). Движущие силы истории, хотя и способны к кардинальному изменению ситуации в обществе, либо ведомы бессознательными внутренними импульсами (вспомним слова А. С. Пушкина о русском бунте: «бессмысленный и беспощадный»), либо становятся объектом манипуляций и средством для достижения целей, поставленных историческими субъектами. Данное различие субъекта исторического действия и движущих сил истории характерно как для марксистской философии, так и для некоторых других социальных теорий.

В литературе выделяются три обобщенных типа субъектов истории, которые характеризуются в зависимости от используемой стратегии социально-гуманитарного познания. Так, стратегии методологического индивидуализма соответствуют «великая личность», «герой», лидер — иными словами, «творец истории». Стратегия методологического универсализма представлена народом и человечеством, а выражающая групповую специфику стратегия партикуляризма рассматривает в роли субъекта элиты, этносы, классы и т.п.

Рассмотрим наиболее популярные подходы к решению проблемы «кто является творцом истории».

1. Подход, определяющий роль личности в истории и роль масс.

В первом варианте субъектом — творцом истории является великая личность — вождь, правитель, герой, лидер. Именно их деяния и принятые ими решения меняют ход истории и запечатлеваются в исторической памяти человечества. В рамках первого варианта имеются различные теории относительно того, насколько отдельный человек может повлиять на ход истории.

По теории «героистического детерминизма» польского социолога П. Штомпки, история есть исключительно продукт деятельности великих личностей, «героев». Общетеоретическим основанием данного подхода являются принципы *идеализма* и *волюнтаризма*. Согласно идеализму, «идеи правят миром» (Вольтер), и поскольку их разрабатывают критически мыслящие личности, то они и являются детерминантами исторического процесса.

Классическая формулировка теории «героического детерминизма» дана в широко известной работе шотландского историка и философа *Т. Карлейля* (1795—1881) «Герои, почитание героев и героическое в истории». «В каждой эпохе мировой истории мы обнаруживаем Великого человека, которого можно назвать его спасителем, той искрой, из которой разгорается пламя. История мира была биографией великих людей»¹. Карлейль проводит скрупулезный анализ нескольких категорий героев. Среди них и те, кого уподобляют богам, кого рассматривают как наместников богов (пророки и священники), и поэты, писатели, правители. Таковы Магомет, Данте, Шекспир, Кромвель, Наполеон.

Подобное решение вопроса получило широкое распространение среди мыслителей французского Просвещения XVIII в. В русской социально-философской мысли близкие идеи развивали П.Л. Лавров и теоретик народничества Н.К. Михайловский.

Последовательное применение этой теории сталкивается с серьезными трудностями. Главной из них является признание того бесспорного факта, что великие личности действовали в сложившемся социальном контексте, который определенным образом влиял на их деятельность. Если принять возражение, что данный социальный контекст есть наследие великих личностей, живших ранее, то вместо целостной картины общественной жизни мы получим раздробленную мозаику, определяемую своеволием и капризами отдельных людей.

Сторонники теории социального фатализма утверждают предопределенность курса истории, движимой внутренними побудительными силами и заблокированной от воздействия людей, в том числе и великих героев. Они рассматривают индивидов в качестве частиц, которых влекут за собой волны истории.

Одним из наиболее видных представителей данного подхода является немецкий философ *Г. Гегель*. Гегель убедительно показывает, что в ходе истории возникают противоречия между существующими порядками и появляющимися возможностями их изменить. Эти возможности содержат в себе некое всеобщее, т.е. нечто такое, что имеет огромное историческое значение. Но это всеобщее может быть первоначально реализовано лишь в деятельности отдельных индивидов, обладающих исключительными спо-

¹ См.: *Штомпка, П.* Социология социальных изменений / П. Штомпка. М., 1996. С. 326.

собностями и готовых к осуществлению всеобщего. И поэтому «историческими людьми, всемирно-историческими личностями являются те, в целях которых содержится такое всеобщее»¹.

Исторические личности появляются тогда, когда созревают необходимые условия для реализации значимых исторических проектов, имеющих всемирно-историческое значение. Но потребность в подобном проекте, как правило, еще не осознана массами. Великие личности обладают блестящим умом и понимают глубинную тенденцию исторического процесса в данный момент. Тем самым они лучше постигают суть дела, нежели остальные люди. Таким образом, с точки зрения Гегеля, появление великих людей на исторической сцене *необходимо и неизбежно*, так как дальнейший прогресс общества становится невозможным из-за накопившихся противоречий между старым и новым. Великий человек разрешает эти противоречия и спасает всех от гибели.

Согласно Гегелю и другим сторонникам социального фатализма, великие личности — это продукт исторических времен; они лучше других отвечают требованиям эпохи. Такие требования закономерны, обязательны, и на них непременно должен кто-то откликнуться. Дело не в какой-то конкретной личности — на ее месте может оказаться другая, которая в любом случае сыграет необходимую историческую роль.

Итак, существуют различные ответы на вопрос, насколько отдельный человек может повлиять на историю. Одни обращают внимание на историческую необходимость и ее роль в формировании великой личности, другие утверждают производность самой необходимости от воли великого человека. Но эти точки зрения не противоречат друг другу при условии их рассмотрения в конкретно-исторических ситуациях.

Следует подчеркнуть, что великая личность действительно может проявить себя только в особых исторических обстоятельствах. Выдающиеся люди должны найти «благоприятную почву» для своих идей, открытий. Если это им удается, то они становятся способными вести за собой других и таким образом влиять на социальные процессы, изменять курс истории. Но если их идеи не соответствуют требованиям времени, не отвечают нуждам и чаяниям масс, то никакие уговоры или принуждение не помогут. Иными словами, никто не сможет сыграть исторической роли, если социальные обстоятельства этому не благоприятствуют.

Во-втором случае субъектом — творцом истории признаются народные массы. Вплоть до XVIII—XIX вв. за народом не признавалось самостоятельной роли в историческом творчестве. Историческое творчество считалось результатом деятельности великих личностей. Переломным этапом стала Великая французская революция, наглядно продемонстрировавшая значе-

¹ Гегель, Г.В.Ф. Лекции по философии истории / Г.В.Ф. Гегель. СПб., 1993. С. 81.

ние народных масс в истории. О необходимости передачи функций управления обществом народу заговорили Г. Бабеф, Ш. Фурье, О. Бланки. Однако только благодаря работам историков-романтиков О. Тьерри, Ф. Гизо и Ф. Минье статус субъекта общественной жизни приобрело третье сословие — «простолюдины», которых они отождествили с буржуа и противопоставили двум привилегированным сословиям — дворянству и клиру. Следующий шаг в реабилитации понятия народа сделал марксизм. Именно народ творит историю — такой вывод делается марксизмом. Более того, классики марксизма сформулировали закон возрастания роли народных масс в истории, гласящий, что «вместе с основательностью исторического действия будет, следовательно, расти и объем массы, делом которой оно является»¹.

В качестве аргументов в пользу наделения народа ролью творца истории называют следующие факты: 1) народ выступает основной производительной силой, создающей необходимые для общества материальные блага, а крупные сдвиги в технологическом укладе производства подготовились накапливающимися изменениями в трудовой деятельности больших масс людей; 2) народ представляет реальную социально-политическую силу, преобразующую общество, и каждая демократическая свобода, которой по праву гордятся развитые страны Запада, появилась в свое время под напором борьбы народных масс; 3) массы формируют духовную культуру, способствующую преемственности в развитии общества, а народ создает и хранит язык, в котором закрепляются нравственные ценности и общественные идеалы. Что же касается осознания собственных интересов и целей (это превращает движущую силу истории в ее субъект), то именно здесь проявляется роль великой личности, которая, по словам *Г.В. Плеханова*, «видит дальше других и хочет сильнее других»².

Однако народ способен не только к прогрессивным, но и к регрессивным действиям, а тем более не все представители народа ведут материально-производственную деятельность. Исходя из этого, дадим более развернутую характеристику народа. Каждый народ имеет несколько атрибутивных качеств, наличие и специфика которых конституируют его как культурную целостность. Во-первых, каждый народ имеет собственную *историческую судьбу*³, выражающуюся во внутренней логике его развития, которая не мо-

¹ *Маркс, К.* Сочинения: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. Т. 2. С. 90.

² *Плеханов, Г. В.* Избранные философские произведения / Г. Плеханов. М., 1956. С. 333.

³ Н. Бердяев писал по этому поводу следующее: «Бытие нации не определяется и не исчерпывается ни расой, ни языком, ни религией, ни территорией, ни государственным суверенитетом, хотя все эти признаки более или менее существенны для национального бытия. Наиболее правы те, которые определяют нацию как единство исторической судьбы. Сознание этого единства и есть национальное сознание» (Бердяев, Н.А. Философия неравенства: Письма к недругам по социальной философии / Н.А. Бердяев // Русское зарубежье: Из истории социальной и правовой мысли. Л., 1991. С. 77).

жет быть изменена отдельными индивидами или группами. Историческая судьба предполагает наличие сверхзадачи, трансцендентной цели, стремление к которой вносит смысл в существование данного народа. Например, реализация идеологемы «Москва — Третий Рим» может быть рассмотрена как важнейшее измерение исторической судьбы русского народа. Во-вторых, *общая вера и национальная идея* духовно цементируют народ. Продумывание национальной идеи особенно важно в кризисные, переломные эпохи, когда народ ищет новые пути развития. Именно тогда создаются манифесты национальной идеи, будь то «Речи к немецкой нации» *И.Г. Фихте* или «Русская идея» *В. Соловьева*. В-третьих, атрибутом народа является *единство исторической памяти и исторической перспективы*. Одновременное присутствие в историческом бытии народа прошлого и будущего, памяти и проекта является залогом восходящего устойчивого развития. Резюмируя сказанное, отметим, что при отсутствии какого-либо из рассмотренных атрибутивных качеств народ не сможет состояться, а с утратой одного из них даже состоявшийся народ распадается.

2. *Концепция элитаризма*. Подход к решению проблемы субъекта и движущих сил истории, отраженный в концепции элитизма, оформился в конце XIX — начале XX в. и получил широкое распространение в современном общественном сознании. В этой концепции, создателями и классическими представителями которой являются итальянские социологи *В. Парето*, *Г. Моска* и немецкий политический философ *Р. Михельс*, общество подразделяется на две неравные части, меньшую из которых составляет элита. Ее главный признак — способность к сознательному и реальному влиянию на общественную жизнь, поэтому она выступает в роли субъекта исторического развития общества. Причем формирование ее, как отмечает *Р. Михельс*, это естественный процесс, так как общество не может существовать без организации, а элита обеспечивает эту организацию, будучи сама структурированным меньшинством, которому масса вверяет свою судьбу.

Общество многообразно. В нем представлены различные сферы жизни, поэтому существуют такие виды элит, как политическая, экономическая, военная, культурная, церковная и т.д. Но так как в своей динамике общество изменяется и периодически возникают новые ситуации, в каждой его сфере занимают определенную нишу ждущие своего часа (прихода к власти) несколько элитарных групп. В частности, говоря о политической жизни общества, в которой обычно периоды стабильности и нестабильности чередуются, *В. Парето* выделяет два главных типа элит, последовательно сменяющих друг друга — «львов» и «лис». Для элиты «львов» характерен консерватизм и использование силовых методов управления, «лисы» же — мастера политических комбинаций и интриг, цель которых — достижение соглашения, консенсуса между противоборствующими силами. По-

этому в стабильной политической системе преобладают элиты «львов», а в неустойчивой требуются прагматически мыслящие и энергичные деятели, новаторы — «лисы».

Таким образом, в обществе происходит циркуляция элит, и даже революция, как отмечает В. Парето, это лишь борьба элит, маскируемая под право говорить от имени народа. Аналогичную мысль высказал и Б. Шоу: «Революции никогда не помогали скинуть бревно тирании. Максимум, что они могли, это переложить его с одного плеча на другое»¹. Следовательно, незлита (масса) может выступать в роли движущей силы, но не субъекта истории.

3. *Подход к решению проблемы субъекта и движущих сил истории, связанный с феноменом толпы (массы).* Негативное воздействие толпы (массы) на общественные события просматривается на всем протяжении всемирной истории. Оно являлось предметом обсуждения еще в Древней Греции (охлократия как власть толпы). Целенаправленное изучение этого феномена началось в XIX в. и было продолжено в XX в. в работах Г. Тарда, Ф. Ницше, З. Фрейда, Х. Ортега-и-Гассета, Э. Канетти и других мыслителей, отмечавших такие особенности толпы, как восприимчивость к внушению, готовность к импульсивным действиям, возникновение стадного инстинкта, бездумное следование за лидерами и т.д. Очевидно, что рассматривать толпу (массу) в качестве субъекта истории также неправомерно.

Следует отметить, что рассмотренные подходы к проблеме субъекта истории характерны для так называемой *субстанциальной версии философии* истории, суть которой — в акценте на вопросе «кто и почему является субъектом (актером) истории?». Однако в современной социальной философии и социологии получила распространение другая версия — *реляционная*, для которой важным является не столько выяснение, кто выступает действующим лицом исторического процесса, а то, *каким образом* он действует. Причем в роли актора может выступать любой субъект.

Истоки этого подхода лежат в концепции массы как движущей силы истории, в которой масса (толпа) выступает объектом манипуляции, а потому не является творцом истории и в которой растворяется индивид, утрачивая самостоятельность действий: «Индивид распадается. Быть означает быть в деле; там, где ощущалась бы личность, деловитость была бы нарушена. Отдельный человек живет как сознание социального бытия. В пограничном случае он ощущает радость труда без ощущения своей самости; живет коллектив, и то, что отдельному человеку казалось бы скучным, более того — невыносимым, в коллективе он свободно принимает как бы под властью иного импульса. Он мыслит свое бытие только как «мы»².

¹ Шоу, Дж. Б. Справочник разрушителя / Дж.Б. Шоу // Полное собрание сочинений: в 9 т. М., 1910. Т. 1. С. 82.

² Ясперс, К. Власть массы / К. Ясперс, Ж. Бодрийар // Призрак толпы. М., 2007. С. 39.

Реляционная версия интерпретации данной проблемы получила распространение в работах *М. Фуко, П. Бурдьё, Э. Гидденса*. Э. Гидденс в связи с этим подчеркивал необходимость переосмысления в динамике общества дуализма «индивид — общество» как дуализма «агентность — структура». Для него важно то, что люди как «агенты» своей общественной судьбы делают историю и контролируют ее ход.

Возникает вопрос о возможности бессубъектной истории. Действительно, может сложиться представление о том, что в возникающем «сетевом обществе» постепенно происходит диффузия власти и концентрация ее у множества субъектов исторического действия. В частности, расширяется спектр субъектов социального действия за счет так называемых «*глобальных гладиаторов*»¹. В их числе персонал транснациональных корпораций и многочисленных экологических, религиозных, феминистских, молодежных и других международных общественных организаций, члены транснациональных и филантропических объединений, правозащитных движений, сторонники нетрадиционной сексуальной ориентации и т.д. Это представление приобретает тем более актуальный характер в условиях глобализации, в которой особенно отчетливо появляются тенденции к снижению роли национальных государств в общественной жизни и, наоборот, возрастанию роли надгосударственных объединений и транснациональных компаний.

Однако в современном историческом процессе, как и во всей прошлой истории, реальные субъекты истории никуда не исчезают. Являясь проводниками собственных интересов, они стремятся реализовать их, привлекая в роли исполнителей те социальные группы, которые традиционно считаются движущими силами истории, стремясь при этом не подчеркивать свое лидерство.

Признание субъективного фактора в качестве важнейшей движущей силы общественного развития приводит к рассмотрению проблемы *исторического выбора*, осуществляемого социальными субъектами. Исторический выбор, будучи укорененным в глубинных пластах общественного бытия, диалектически связан с принципиальной *многовариантностью социальной динамики*. Развитие социума в каждый момент истории открыто для становления нового. В итоге развитие общества носит вероятностный характер, и его будущее творится «здесь и теперь». Из любой конкретной точки его бытия исходит не одна, а целый веер потенциально возможных направлений развития, степень вероятности утверждения и практической реализации которых в зависимости от обстоятельств может заметно изменяться.

В социальной жизни характер становления нового, как правило, не предопределен содержанием старого жестко и однозначно. Новое всегда является сложным сплавом традиционных и нетрадиционных элементов, его

¹ См.: *Тоффлер, Э.* Метаморфозы власти / Э. Тоффлер. М., 2001.

природа зависит главным образом от современных социальных и политических условий. Даже специфика отрицания старого, т.е. сама форма негации, ее глубина, степень деструктивности, неизбежно оказывает определенное влияние на тенденции развития нового, в известной мере задает направленность последующему процессу общественных изменений. Но главное то, что новое обладает способностью к самодетерминации: возникающая общественная система не просто опирается на ту конфигурацию социально-политических сил, которая была характерна для предшествующей системы, но и творит соответствующие собственным потребностям социальные учреждения и организации, порождает адекватный социальный базис, который впоследствии становится ее действенной опорой. Свершившийся социальный выбор может привести к необратимым изменениям, на годы и даже многие десятилетия задать определенный вектор развитию общества. Факторы же, способствовавшие развитию истории по данному пути, могли быть с точки зрения своей общественной значимости относительно малозначимыми, во многом случайными. Однако, реализовавшись, они способны достаточно жестко определять движение общества в новом направлении. Следует отметить, что вероятность подобного развития общества многократно возрастает, если тот или иной проект его преобразования становится идеологической доктриной монопольно властвующей в обществе политической структуры.

Историческая действительность, таким образом, является в значительной мере пластичной, способной к различным переменам. В сущности, если не к истории в целом, то к миру конкретных событий понятия исторической закономерности и исторической необходимости надо применять весьма осторожно, с учетом «игры» случайностей и вариативности человеческих предпочтений.

Отсюда, на наш взгляд, можно сделать следующий вывод: неверно рассматривать историческую свободу людей исключительно как осознанную необходимость. Современный уровень социального познания требует осмысления исторической свободы как *осознанной возможности*, т.е. как возможности исторического выбора из существующих в данной ситуации альтернативных путей развития, которые история всегда «имеет в запасе». Это значит, что люди обладают способностью преодолевать историческую инерцию и творить собственное будущее, осуществлять выбор этого будущего исходя из спектра исторических альтернатив, имеющих различную степень вероятности реализации.

Благодаря отмеченным особенностям развития социума субъект истории может прокладывать (отказавшись от следования исторической инерции) новые пути истории, действовать в соответствии с существующими тенденциями развития общества либо направлять свои усилия на

изменение status quo. Подобная возможность исторического субъекта определяет, как представляется, субъективную сторону существования альтернатив истории.

Тем самым истории внутренне присуща *альтернативность*. Это обусловлено реальным существованием в жизни социума различных противоборствующих политических, экономических и социальных структур, сил и тенденций разной направленности. Последнее обстоятельство позволяет придать исторической возможности (альтернативности) онтологический статус, идентифицировать ее как особую сферу реальности, признав ее укорененность в каждой точке социального пространства и в каждый момент социального времени.

Проблема альтернативности теснейшим образом сопряжена с вопросом о роли случая в историческом процессе. Следует отметить, что социальная система является весьма чувствительной к проявлению случайности. В период социальной неустойчивости, когда происходят радикальные изменения в развитии общества и рождаются новые структуры, когда меняется диспозиция социальных сил, даже малая случайность может возыметь радикальное значение для дальнейшей судьбы общества, т.е. В «точках бифуркации» (если прибегнуть к синергетической терминологии) кажущиеся незначительными случайности могут привести к качественной перестройке системы, к коренному изменению траектории ее дальнейшего движения. В данной ситуации случайности выполняют роль импульса, способствующего появлению нового в процессе развития общества, а также расширяют диапазон возможных вариантов социального действия субъекта истории. Этим во многом объясняется тот факт, что в напряженные периоды истории роль свободной воли отдельной личности или организованной социальной группы может стать доминирующим фактором общественного развития.

Идея нелинейности социальной среды как важнейшего условия ее самоорганизации позволяет по-новому понять исторический процесс как в эволюционном смысле (различие стран и народов в достигнутом уровне социального развития), так и в мультикультурном (принципиальное социокультурное разнообразие стран и народов, находящихся на примерно одинаковом эволюционном уровне развития). Она дает возможность осмыслить социальную динамику диалектически противоречивым, многомерным и вместе с тем целостным процессом, в рамках которого взаимодействуют различные по своему содержанию и направленности социальные импульсы, оказываются тесно связанными и обуславливающими существование друг друга различные сферы социума. Понимание общества в качестве открытой, неоднородной и сложноорганизованной системы, развивающейся под влиянием разноплановых факторов и сил, показывает невозможность существования единого идеального и универсального порядка «для всех времен и народов», а также несостоятельность интерпретации истории как иерархии высших и низших ступеней.

Уже отмечалось, что многофакторность, многовариантность, стохастичность в развитии общества совсем не означают отсутствие в социальной жизни вообще причинно-следственных связей и невозможность предвидеть дальнейший ход общественных событий. Разумеется, можно согласиться с мнением о том, что случайность, стихийность или сознательная концентрация усилий людей в определенном направлении могут «сбить» общество с избранного пути развития, привести к сложным блужданиям в рамках спектра исторических альтернатив и возможностей, но сам спектр возможностей и путей развития общества не безграничен. Ветвящиеся дороги общественной эволюции имеют конечное число, в определенной мере обусловлены прошлыми событиями и обстоятельствами, предшествующей исторической практикой.

Иначе говоря, логика истории диктуется долгосрочными факторами существования: природно-климатическими, геополитическими, цивилизационными, экономическими и пр. Она не так принудительна, как это представлялось сторонниками «непреложных исторических закономерностей», бывает на своих развилках максимально открытой для всевозможных социально-утопических экспериментов, но она, как свидетельствуют факты, вовсе не безобидна и может быть довольно мстительной. В последнем нас особенно убеждают трагические последствия радикальных рыночных реформ, развернутых в России и ряде других стран СНГ.

Под покровом так называемой событийной истории скрывается глубинное течение исторического времени, которое обычно поверхностный взгляд не замечает, так же, как не замечает он движения Земли вокруг своей оси. Случайности могут весьма существенно влиять на социальный процесс, но влиять не произвольно, а в рамках определенного спектра исторических возможностей. Кроме того, когда общественная система «выбирает» определенный путь развития, дальнейшая ее эволюция происходит в рамках детерминистского поля и в соответствии с детерминистскими законами. Следовательно, случайное и необходимое в жизни социума не исключают, а дополняют друг друга.

8.5. Нелинейные и линейные модели исторического процесса. Идея прогресса

Правомерно поставить вопрос о направленности человеческой истории и ее периодизации, что составляет сущность еще одной проблемы субстанциональной философии истории. Ее актуальность задают известные слова из Библии: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем» (Еккл., 1, 9). Казалось бы, они говорят о бренности всего сущего, его бессмысленности и вечном возвращении к истокам

бытия. Однако, как отмечалось, именно христианская «идея истории» придает развитию общества закономерный, обладающий смыслом и целенаправленный характер — от прошлого через настоящее к будущему.

Дихотомичность христианской теологии истории находит выражение и в светской философии истории, в которой существуют нелинейные и линейные интерпретации исторического процесса, имеющие, правда, свой, отличный от сакрального, смысл.

Нелинейные интерпретации истории уходят корнями в глубокую древность, будучи воплощенными в представлениях о «колесе истории», круговороте событий, «вечном возвращении». Эти представления живучи и убедительны своей естественной простотой для обыденного сознания.

Данная незамысловатая интерпретация развития общества обрела новую жизнь в философско-исторических концепциях в форме **цивилизационно-циклической модели исторического процесса**. Одним из первых ее попытался теоретически обосновать итальянский мыслитель XVIII в. Дж. Вико, выделивший в истории человечества три эпохи — Божественную, героическую и человеческую, последовательно сменяющих друг друга. При этом начало «века человеческого» — это начало упадка и возврата к первобытному состоянию, за которым вновь последует возрождение «века Божественного» и так далее по этапам цикла. Подобный «циклизм» исторической динамики Дж. Вико связывал со сменой типов человеческой деятельности, придавал ему характер объективной закономерности и распространял на различные народы, делая вывод: «Таким образом, мы получили Идеальную Историю вечных законов, согласно которым движутся деяния всех наций в их возникновении, движении вперед, состоянии, упадке и конце»¹.

«Три эпохи» Дж. Вико, рассматриваемые как детство, юность и зрелость человечества, это своеобразный методологический прием, облегчающий понимание развития общества по аналогии с развитием человека как природного существа. Продолжая традицию натуралистического редуccionизма, И.В. Гете в качестве универсального средства познания социума сформулировал принцип морфологизирующей физиогномики, предполагающий рассмотрение истории общества подобно сезонным циклам природы: весна — пробуждение и цветение, лето — расцвет, осень — сбор плодов, зима — затухание как природы, так и цивилизации и культуры общества.

В дальнейшем откровенно натуралистический смысл данной аналогии постепенно пропадает, но сама она и, главное, циклическая модель исторического процесса закрепляются и становятся опорными в ряде ставших классическими философско-исторических концепций.

Во-первых, в концепции культурно-исторических типов русского историка Н.Я. Данилевского, которые «нарождаются, достигают различных степеней развития, стареют, дряхлеют и умирают», совершая тем самым зам-

¹ Вико, Дж. Новая наука об общей природе наций / Дж. Вико. Л., 1940. С. 450.

кнутый цикл развития. Что касается нарождающейся славянской цивилизации, перспективы которой оцениваются историком-славянофилом оптимистически, то у нее в отличие от других проступает не один, а ряд ценностных приоритетов, среди которых выделяется приоритет справедливого устройства общественной жизни.

Во-вторых, циклическая модель социодинамики отчетливо проступает в концепции «морфологии культуры» немецкого философа и культуролога начала XX в. *О. Шпенглера*, который также признает близость истории общества природной истории (развитию животного, дерева, цветка). Однако он делает это по несколько иной причине, стремясь выявить специфику *души культуры*, составляющей высший этап общественного развития. О. Шпенглер обращает специальное внимание на западную (фаустовскую) культуру. Она, по его мнению, с переходом западноевропейского общества на путь индустриального развития утрачивает творческий порыв и вступает в этап цивилизации — угасания культуры и господства материальных ценностей.

В-третьих, модель циклического развития лежит в основе концепции локальных цивилизаций английского историка *А. Тойнби*, в которой основными этапами социодинамики являются «возникновение — рост — надлом — распад». Распад локальной цивилизации происходит тогда, когда отсутствует достаточный Ответ на Вызов внешней географической (природные катаклизмы) или демографической (военные агрессии) среды и когда творческое меньшинство, время от времени уходящее с позиций лидера для восстановления сил, больше не возвращается, а его место занимает «подражающее большинство».

Современные нелинейные модели исторического развития общества также включают характеристику циклических процессов, которые, однако, не следует понимать упрощенно как простой возврат к исходному положению — как своего рода геометрическую проекцию цикла. Общество изменяется качественно, а это означает, что циклы его развития связаны друг с другом последовательно и поступательно. Это предполагает переход от старого состояния социума к новому, причем развитие общества отличается вариативностью и негарантированностью реализации благоприятных футурологических прогнозов и детально рассчитанных проектов социодинамики.

Такое понимание нелинейного развития общества нашло отражение в концепциях экономических циклов *Н.Д. Кондратьева*, циклов политического развития *Р. Эмерсона*, *Ф. Клинберга*, циклов американской истории *А. Шлезингера*, истории «большой длительности» *Ф. Броделя*, «волн истории» *О. Тоффлера*. Поэтому в современной социальной философии и науке все чаще говорят о циклически-волновых интерпретациях исторического процесса. В них предпринимается попытка преодолеть свойственный классической философии истории схематизм нелинейных циклических интерпрета-

ций истории, дополнив их элементами линейных интерпретаций, основывающихся на признании существования единой мировой цивилизации и характерной для современного этапа ее развития глобализации человечества.

Линейные интерпретации истории представлены в двух основных моделях, получивших название «регрессизма» и «прогрессизма». Общим для них является констатация очевидной направленности и поступательности социально-культурного развития общества, различным же — вектор этой направленности и характер смены качественных состояний социодинамики. Ключом к пониманию сущности этих моделей служат формообразующие их концепты социального прогресса и регресса, задающие магистральную траекторию развития социума: прогресс как последовательное совершенствование общественной жизни и ее переход ко все более высокому качественному состоянию (восходящее развитие), а регресс как последовательное ухудшение состояния и деструкция форм организации общества («нисходящее» развитие).

Регрессизм в интерпретации развития общества появляется в Древнем мире и выражает настроения, характерные для эпохи разложения родовых отношений и перехода к новому, во многом непонятному и внутренне противоречивому обществу периода цивилизации. Ностальгическими настроениями пронизаны концепция «возврата имен» древнекитайского философа Конфуция (VI—V вв. до н. э.) и распространенные в Древней Греции представления о минувшем «золотом веке». Так, согласно древнегреческому поэту Гесиоду (VIII—VII вв. до н.э.), первое поколение людей было создано из золота и было подобно богам, но затем началась деградация образа жизни: на смену «золотому веку» пришел «серебряный», потом «бронзовый» и, наконец, наступил полный трудов, горя и несчастья «железный век».

Позже регрессизм, связанный с идеализацией прошлого и пессимистическим истолкованием будущего человечества, нашел отражение в религиозно-богословских представлениях иудаизма и христианства, в частности в характерной для них *эсхатологии* — учении о грядущем конце истории и финальной судьбе мира. В Новое время он рельефно проявился в воззрениях французского философа-просветителя XVIII в. Ж.-Ж. Руссо, который вопреки взглядам своих современников усмотрел в развитии культуры регресс человеческой свободы, составляющей главное достоинство личности. В наше время позиции исторического регрессизма разделяются представителями достаточно распространенных идейных течений экологического пессимизма, технократического антиутопизма, религиозно-сектантского финализма.

Прогрессизм концептуально оформляется в XVIII веке — «веке Просвещения», полном надежд на всеиллие разума и веры в могущество преобразовательных возможностей человека, наделенного способностью познания природы и общества. В становлении методологии прогрессизма важную роль

сыграл *И.Ф. Шиллер*, который сформулировал две аналогии, впоследствии широко распространившиеся: сопоставление хода истории со ступенями лестницы и сопоставление разных народов с детьми различных возрастов¹.

Необходимый для укрепляющейся индустриальной цивилизации, основанной на использовании достижений научно-теоретического прогресса, рост знаний о мире породил идею социального прогресса. Согласно одному из первых ее выразителей французскому философу А. Тюрго, «вся масса человеческого рода, переживая попеременно спокойствия и волнения, счастливые времена и годы бедствий, всегда шествует, хотя и медленными шагами, ко все большему совершенству»². Другой французский просветитель Ж.А. Кондорсе, давший наиболее полную прогрессистскую концепцию в философии истории XVIII в. и выделивший десять последовательно сменяющихся друг друга исторических эпох от племенной организации человечества до эры долгожданного «действительного совершенствования человека», также связывает прогресс с развитием наук и человеческого разума.

Идея социального прогресса получила развитие в немецкой классической философии, хотя в ней критерий прогресса начинает рассматриваться более дифференцированно, а само развитие общества трактуется не столь однозначно. В частности, И. Кант, принимая идею прогресса, соотносит ее с «тайным планом природы в отношении человечества» и совершенствованием правовых, и особенно моральных, устоев общества. Г. Гегель, обуславливая закономерное развитие общества как сферы инобытия Абсолютной Идеи мировой разумностью, говорит о спиралевидной форме развития, в которой преемственно связанные и незамкнутые витки спирали образуют траекторию социального прогресса — действует «крот истории», придающий ей закономерный и направленный характер. Критерием прогресса у него служит развитие свободы, ибо «Восток знал и по настоящее время знает, что только один (*авт.*) свободен; греческий и римский мир знал, что некоторые свободны; германский мир знает, что все свободны»³. Последнее обстоятельство объясняется немецким мыслителем тем, что прусское монархическое государство, заботясь о всеобщей свободе, являет собой один из завершающих этапов развития мирового духа.

Особый вариант прогрессизма характерен для марксистской интерпретации исторического процесса как закономерной смены типов общественно-экономической формации, которую К. Маркс определял как «общество, находящееся на определенной ступени исторического развития, общество со своеобразным отличительным характером»⁴. В структуру

¹ Шиллер, И.Ф. В чем состоит изучение мировой истории и какова цель этого изучения / И.Ф. Шиллер // Собрание сочинений: в 2 т. М.-Л., 1932. Т. 1. С. 608.

² Тюрго, А.Р. Избранные философские произведения / А.Р.Тюрго. М., 1950. С. 52.

³ Гегель, Философия истории. С. 411.

⁴ Маркс, К. Сочинения: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. Т. 6. С. 442.

формации входят все существующие в данном обществе социальные отношения, характерные для него формы быта, семьи и образа жизни, но основу ее составляет определенный способ производства, а в нем — производственные отношения и производительные силы. Конфликт между ними, вызванный катастрофическим отставанием первых от вторых, ведет к смене способа производства, а значит, и типа формации, а так как в организации общественного производства прогресс очевиден, то можно говорить и о прогрессе общества в целом.

Идея прогресса, которую унаследовало современное обществознание из философской мысли XVII—XIX вв., получила необычайно широкое распространение, стала достоянием массового сознания, проникла во все слои общества, в школьные классы и студенческие аудитории, вошла в общепринятый обиход мышления и языка. В западноевропейской культуре вера в прогресс, «прогрессистское сознание», прогрессизм стали с явной поспешностью занимать «вакантное» место Бога, утратившего к тому времени свою силу и власть над людьми. В своей эволюции эта идея, скрестившись с идеологией, сама превратилась в своего рода эрзац-религию («религию прогресса»). Будучи одной из детально проработанных и изящных теоретических конструкций, идея прогресса несла в себе мощный ценностный заряд, фундаментальный оптимизм и реформаторское рвение. Среди приверженцев прогрессистского мироощущения, невзирая на их весьма частые дискуссии и глубокие разногласия относительно того, что является главной движущей силой общественного прогресса — развивающийся ли разум, рост ли производительных сил или еще что-нибудь, а также несмотря на то, что реальная действительность отнюдь не редко вступала в конфликт с данным мироощущением, сама идея прогресса оставалась непоколебимой, обнаруживала невероятную живучесть. Менялась лишь мода на слова: «прогресс», «модернизация», «трансформация», «экономический рост», «экономическая эффективность», «цивилизаторская миссия» и т.д. Но вне споров оставалось то положение, что человечество, двигаясь вперед («вверх») по восходящей линии, проходит универсальные стадии в своем развитии, что вся история социума может быть представлена как иерархия высших и низших ступеней.

Возводя в ранг закона однолинейность развития социума, идея прогресса в западноевропейском сознании обернулась определенной ранжировкой истории человечества: одни общества — «передовые», более «продвинутые» и «развитые», а другие — «отставшие» и «неразвитые» и поэтому нуждающиеся в опеке и помощи со стороны «развитых». При этом «развитые» страны выступают идеалом для «неразвитых», представляют собой картину их будущего состояния.

На практике такой взгляд позволял западноевропейским народам видеть в себе полное воплощение понятия прогресса, а соответственно, рассматривать свои общества в качестве естественных мировых лидеров, имею-

щих безусловное право проектировать и моделировать (само собой понятно, на основе «научной» теории прогресса) будущее всего человечества. Не здесь ли кроется одна из причин европоцентрического перекоса в современных глобализационных процессах?

В общетеоретическом плане идея прогресса основывалась на представлении о том, что социальный процесс может быть понят, описан, математизирован и смоделирован специалистами и учеными, что давало прямую санкцию таким сферам общественной деятельности, как социальное планирование и социальная инженерия. История, таким образом, оказывалась погруженной в перспективу будущего, начинала рассматриваться как последовательная смена стадий, неизбежно завершающаяся царством социальной гармонии (светлое будущее).

В этом смысле всепоглощающая идея прогресса оказалась весьма удобным и эффективным оружием в политико-идеологической борьбе. Ее старались приватизировать не только отдельные страны и народы, но и все политические партии. От ее имени политические деятели обвиняли и по сей день обвиняют друг друга в ретроградстве, махровом консерватизме, пещерном мышлении и т.д. Бесчисленное количество экспертов и аналитиков, говоря и действуя от имени теории прогресса, считали себя вправе бесцеремонно игнорировать все те мнения и взгляды, которые так или иначе не вкладывались в прокрустово ложе этой объяснительной парадигмы. Для них теория прогресса, возведенная в ранг абсолютной истины, выступила особым рода санкцией, легитимирующей социальные эксперименты, способные превратить огромные массы людей (разумеется, во имя их же блага) в объект беззастенчивой манипуляции. Так, во имя прогресса и в интересах научного планирования и проектирования (точнее сказать, в интересах грубой социальной инженерии) большинству не только отдельных граждан, но и стран предписывалось отказаться от права на собственный выбор и самостоятельное историческое творчество.

Все изложенное позволяет нам говорить о тирании прогресса, о его антигуманности и жестокости. «В конечном итоге, — пишет Т. Шанин, — идея прогресса превратилась в могущественную идеологию порабощения. Во имя ее вершились и вершатся акты поразительной жестокости, оправдываемые «великим будущим», а поэтому допустимые, более того, мыслящиеся как прямые обязанности элит»¹. Вспомним, с какой необыкновенной фантастической устремленностью, не взирая ни на какие жертвы в послереволюционные годы во Франции, в России и в ряде других стран внедрялась в жизнь идея «убыстрения» прогресса.

Специальный анализ данной проблемы позволяет выделить две версии общественного прогресса.

¹ Шанин, Т. Идея прогресса / Т. Шанин // Вопросы философии. 1998. № 8. С. 36.

Первая версия — прогресс может пониматься как саморазвивающийся, автоматический, естественный, неизбежный, самореализующийся. Он имманентен истории, сам себе выдает векселя и гарантии относительно непреложного торжества светлого будущего, т.е. выступает как гарантированный прогресс. И тут уже не столь существенно, обнаруживает ли он себя в форме собственно религиозного провиденциализма, действует ли от имени Бога или от имени объективной истории, находит свои источники в естественной области, в сфере проявления «железных» законов истории. Главное здесь то, что в любом случае обеспечивается конечный успех — торжество будущей социальной гармонии.

Вторая версия — прогресс трактуется как результат целенаправленной человеческой активности. Здесь решающая роль отводится субъективному фактору, человеку (отдельному индивиду или коллективу), призванному творить, конструировать исторический прогресс. В этой своей ипостаси прогресс понимается как нечто, что может и должно быть достигнуто, сконструировано, утверждено, т.е. в данном случае прогресс уже не гарантируется самим по себе ходом истории, а ставится в зависимость от творческих усилий, поиска и борьбы социальных субъектов. Тут уже прогресс требует не пассивного ожидания (поживем, увидим), а активного действия, творческой конструктивной работы.

Вполне допустимо, что эти чисто теоретические конструкции имеют отдаленное отношение к реалиям практического бытия людей. Однако при ближайшем рассмотрении вопроса выясняется, что обе эти интерпретации движущих сил прогресса часто ставят человечеству опасные ловушки. В практике реальной жизни идея автоматического триумфа прогресса, гарантированного конечного успеха (первая версия) обезоруживает людей перед теми реальными фактами и событиями, которые не вкладываются в прогрессистскую схему развития, расслабляет их волю в противостоянии актуальному злу (дескать, все само собой образуется). Возможность такого рода поворота событий, пожалуй, в наиболее красноречивой форме зафиксировал испанский философ Х. Ортега-и-Гассет: «Поскольку люди позволили этой идее затмить им рассудок, они выпустили из рук поводья истории, утратили бдительность и сноровку и жизнь выскользнула у них из рук, перестала им покоряться. И вот она бродит сейчас, свободная, не зная, по какой дороге пойти. Под маской благородного провидца будущего сторонник прогресса не думает о будущем, он убежден, что от будущего нельзя ожидать секретов, ни сюрпризов, ни существенно нового, ни каких-либо резких поворотов судьбы»¹. На деле получается, что вера в прогресс снимает всякую ответственность за будущее состояние социального бытия.

¹ *Ортега-и-Гассет Х.* Дегуманизация искусства и другие работы / Х. Ортега-и-Гассет. М., 1991.

Кроме того, вера в то, что будущее заведомо лучше и ценнее настоящего и прошлого, независимо от желания ее носителей провоцирует рознь поколений¹. В самом деле, теория гарантированного прогресса позволяет каждому новому поколению считать себя лучше всех предшествующих уже только потому, что оно родилось в более позднюю эпоху. Все мы являемся свидетелями того, как некоторые представители молодежи, одурманенные прогрессистскими идеями, считают своих родителей чуть ли не пещерными существами, не учитывая при этом, что их дети, если они тоже унаследуют веру в автоматический прогресс, будут также презирать их, торжествовать свое мнимое превосходство над ними. Преодолеть эту цепь конфликта поколений можно только развенчав прогрессистское сознание, показав самоценность жизни всех поколений и отсутствие действительного превосходства будущего над настоящим.

Мысль о том, что будущее непременно обладает каким-то превосходством над предшествующими стадиями в жизни общества, что развитие обязательно представляет собой движение вперед и вверх, ведет ко все большему совершенству, ко все новым и новым вершинам истории, явно сужает горизонты человеческого бытия, упрощает реальную, сложную и противоречивую динамику социальных изменений, мешает увидеть в мире социума многообразие форм, параллельно существующих, не отмирая и не выступая лишь этапами или ступеньками одни для других в каком-то цельном, едином и однонаправленном процессе. А в наши дни, когда технократическая модель развития, с которой, собственно, и ассоциируется «триумф идеи прогресса», «эра прогресса» и которая завела современное общество в бесчеловечный тупик, мысль о вершинности в истории, методологические установки прямо или косвенно, явно или неявно оценивать всю предшествующую жизнь как прелюдию к грядущему совершенству, как «предысторию»² становится чрезвычайно опасной, препятствует пониманию глубинной сути того общества в котором мы живем, дезориентирует людей, направляет их усилия на ложные перспективы и тупиковые пути развития.

Интерпретация прогресса как исключительно результата активности того или иного социального субъекта в реальной социально-политической практике сплошь и рядом оборачивается волонтаризмом, деструктивностью и утопизмом.

¹ Шатовалов, В.Ф. Основы философии. От классики к современности / В.Ф. Шатовалов. М., 1999.

² Русский философ П.И. Новгородцев отмечал, что почти все мыслители XVIII—XIX вв., в том числе Гегель и Маркс, «сходились в общем ожидании грядущего земного рая. Они были убеждены: 1) что человечество, по крайней мере в избранной своей части, приближается к заключительной и блаженной поре своего существования; 2) и что они знают то разрешительное слово, ту спасительную истину, которая приведет людей к этому высшему и последовательному пределу истории. Каждый из великих мыслителей по-своему выражал ту истину, которая должна спасти людей, но все думали одинаково, что такая истина есть и что они ее знают» (*Новгородцев, П.И. Об общественном идеале* / П.И. Новгородцев. М., 1991).

Сказанное, разумеется, вовсе не означает, что необходимо отказаться от прогресса, от стремления к совершенству. Речь идет лишь о том, чтобы направить прогрессистские устремления в гуманистическое русло, соотносить их с природой и потребностями живого и действующего человека, с возможностью его полноценного развития и устроенностью в этом мире, т.е., в сущности, речь идет о нравственных «противовесах» и «ограничителях» умозрительно-радикальных проектов преобразования мира.

Обобщая вышесказанное, можно утверждать, что в реальном общественном развитии сосуществуют, взаимообуславливая друг друга, такие типы развития, как *прогресс*, *антипрогресс* и *регресс*. Под **антипрогрессом** следует понимать развитие, в ходе которого возникают принципиально новые формы общественного бытия и сознания, имеющие явно деструктивный характер, приводящие к разрушению личности и социума. Например, феномен тоталитаризма, будучи детищем XX в., с его технизацией и плановостью не имеет аналогов в мировой истории и при этом отличается крайней степенью враждебности к культурным, природным и человеческим проявлениям жизни. Под **регрессом** следует понимать попятное движение, возвращение к ранним этапам социальной эволюции (которые вовсе не обязательно были хуже современных). Важно отметить, что антипрогресс зачастую выступает в форме новейших достижений современности, «передовых учений» и модных проектов, т.е. надевает на себя маску прогресса.

Неудивительно, что полный драматизма и человеческих трагедий XXI в. вызвал к жизни немало концепций, обосновывающих несостоятельность свойственного прогрессизму исторического оптимизма и иллюзорность надежд на «светлое будущее». Безусловный приоритет начинает отдаваться нелинейным интерпретациям истории, в том числе постмодернистской концепции «постыстории», за которыми закрепляется авторство таких достоинств, как отставание множественности равноправных и самоценных форм общественной жизни, акцентирование внимания на плюралистичности и вариативности исторического процесса, подчеркивании роли социально-культурных альтернатив в истории, противоречивости развития общества. Возникают концепции «пределов роста» (Дж. Форрестер, Д. Медоуз), «конфликта цивилизации» (С. Хантингтон), «золотого миллиарда» и другие, имеющие регрессистский оттенок. В состоянии эйфории от неудач перестройки и распада СССР появляется концепция «конца истории» (Ф. Фукуяма), которая, в сущности, тоже не имеет ничего общего с идеей социального прогресса человечества.

Тем не менее прогрессизм смог возродиться и в настоящее время имеет достаточно сильные позиции, оформленные в цивилизационно-стадиальной модели *линейной интерпретации истории*. Он представлен прежде всего в концепциях *постиндустриального* (Д. Белл, А. Турен) и *информационного общества* (Е. Масуда, О. Тоффлер). Своими истоками это

направление уходит в позитивистски ориентированные конструкции социодинамики начала и середины XIX в. (О. Конт, Дж. Милль, Г. Спенсер), технологический детерминизм и технократизм конца XIX—XX вв. (Т. Леблен, У. Дж. Бернхэм, Дж. Гэлбрейт и др.), рассматривавшие в качестве главного детерминанта всемирно-исторического процесса развитие науки и техники. Отсюда прогрессивная преемственность в концепциях *постиндустриального общества* трех стадий — *доиндустриальной* (традиционной, аграрной), *индустриальной* (промышленной, техногенной) и *постиндустриальной цивилизаций*, а в концепциях *информационного общества* (О. Тоффлер), трех «волн истории» — *аграрной, промышленной и информационной*.

Жизнеспособность веры в прогресс базируется на фундаментальных характеристиках человеческого бытия с его извечным разрывом реальности и желания действительности и мечты, между тем, что люди имеют и к чему они стремятся, между тем, кто они есть на самом деле, и тем, кем хотели бы быть.

Соответственно критика утвердившегося ныне типа прогресса должна быть не огульной и тотальной, а скоррелированной с реальными тенденциями развития общества, с опасностями и угрозами, которые его подстерегают. Необходимо развивать рефлексивное отношение к доминирующему ныне в мире типу прогресса, основанному на идеологии технократизма. Прогресс сегодня заключается вовсе не в продолжении развития инструментально-технической, технико-потребительской цивилизации (к чему пока еще усиленно стремятся не только многие отдельные индивиды, но и целые народы и государства), а в сохранении биосферных условий выживания человека, человеческого рода, в переориентации научно-технического прогресса с задачи повышения экономической эффективности на задачу спасения биосферы.

8.6. Формационная парадигма в философии истории

Базовое положение формационного подхода или «материалистического понимания истории», как его называл сам Маркс, можно сформулировать следующим образом. *Основой общественной жизни или фундаментом общества* является способ производства материальной жизни, необходимый для удовлетворения материальных потребностей людей; он первичен по отношению к общественному сознанию и обуславливает «социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»¹. Но сам способ производства материальных благ носит развивающийся,

¹ Маркс, К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. Т. 13. С. 7.

конкретно-исторический характер, что приводит к изменению социальной системы в целом и ее движению от этапа к этапу. Так мы выходим к категории общественно-экономической формации, которая занимает в материалистическом понимании истории центральное место.

Понятие **общественно-экономической формации** (ОЭФ) обозначает у Маркса логически обобщенный тип (форму) организации социально-экономической жизни общества, складывающийся на основе выделения у различных конкретно-исторических обществ общих черт и признаков (прежде всего в способе производства). Иными словами, это исторически определенный тип общества, представляющий собой особую ступень в его развитии («общество, находящееся на определенной ступени исторического развития, общество со своеобразным отличительным характером»).

Под формацией, следовательно, нельзя понимать какое-то эмпирическое общество (английское, немецкое и др.) или какое-то совокупное геополитическое сообщество (Запад, Восток). Формация в этом смысле высоко идеализированный, абстрактно-логический объект. Вместе с тем формация — это и реальность, выступающая как общее в социально-экономической организации жизни различных конкретных обществ¹.

Введение категории общественно-экономической формации в научный оборот имело огромное научное значение. Накопленный исторический материал, наглядно свидетельствовавший о разнообразии различных человеческих обществ и этапов их развития, нуждался в упорядочивании и систематизации. Необходимо было преодолеть хаос в исторических исследованиях, которые по преимуществу фиксировали факты и события, не имея возможности их объяснить. Для того чтобы перевести фактический материал на теоретический уровень, следовало выделить и зафиксировать в научных понятиях элементы всеобщего, повторяющегося во всех явлениях и событиях мировой истории. Другими словами, требовалось применить к анализу исторического процесса общенаучный критерий повторяемости, закономерности событий. Предлагавшийся некоторыми историками принцип выделения Древней, Средневековой и Новой истории не отвечал этим требованиям, так как не давал возможности понять, чем одна эпоха принципиально отличается от другой и каковы причины их смены.

В домарксистской философской и исторической мысли были предприняты интересные попытки создать понятие, в котором нашло бы отражение то общее, которое присуще всем социальным организмам без исключения. Однако, рассматривая общественную жизнь и историю людей, философы ставили на первое место сознание, мысли и чувства, в которых они видели основу сложившихся условий жизни и их изменений. Они считали, что не

¹ Философия истории / под ред. А.С. Панарина. М., 1999. С. 379.

экономические причины, не бытие людей определяет их сознание, а, наоборот, сознание людей творит их бытие. Так, например, Гегель ставил формы общественной жизни в прямую зависимость от уровня развития самосознания. Он считал, что причина рабства не в экономических отношениях людей, а в уровне развития их самосознания. Но вследствие чего формируется самосознание и почему оно изменяется — этот вопрос остается открытым.

Введение понятия общественно-экономической формации позволило взглянуть на эволюцию общества как на естественно-исторический процесс, сделало возможным выявить не только общее между социальными организациями, но и повторяющееся в их развитии. Все социальные организмы, принадлежащие к одной и той же формации и имеющие в своей основе одну и ту же систему производственных отношений, однотипны и, следовательно, неизбежно должны развиваться по одним и тем же законам. Важнейшей задачей исторической науки становится раскрытие законов формирования, функционирования и развития общественно-экономических формаций, т.е. создание теории каждой такой формации.

В структуре формации можно выделить несколько крупных уровней.

Во-первых, *способ производства*, который представляет объективную основу каждой формации с присущим ей единством производительных сил и производственных отношений. *Производственные отношения* — это объективно складывающиеся отношения по поводу производства, распределения и потребления различных продуктов. Будучи важнейшими общественными отношениями, производственные отношения являются базисными, исходными для формирования всех других общественных отношений: юридических, политических, моральных. К *производительным силам* относятся все имеющиеся в распоряжении общества ресурсы и средства, обеспечивающие процесс производства: вовлеченные в производство естественные и человеческие ресурсы, средства производства, уровень науки и ее технологическое применение и т.д. Напомним что особо важное место среди производительных сил развитых формаций Маркс вслед за Сен-Симоном отводил промышленности, утверждая, что страна промышленно более развитая, показывает стране, промышленно менее развитой, картину ее собственного будущего.

Производительные силы как содержание процесса производства, являются более динамичной стороной, чем производственные отношения, как форма процесса производства. Система производственных отношений данной формации и есть повторяющееся, существенное, объективное, необходимое.

Во-вторых, *социальную структуру*, или то, что К. Маркс называет общественным строем. Это определенная организация классов, социальных групп, семьи, включающая бытовые стороны жизни. В общественном строе

производственные отношения закрепляются в определенных социальных проявлениях. На данном уровне структуры общественной формации экономический фактор жизнедеятельности классов, общественных ячеек (семья, социальные институты) проявляется в отношениях социального антагонизма или товарищеского сотрудничества и взаимопомощи.

В-третьих, *систему организации и управления общественной жизнью*. В классовом обществе она приобретает форму политической власти и организации, которая является официальным выражением общественного строя в бесклассовом обществе в виде общественного самоуправления.

И наконец, любой тип общества немислим без соответствующих ему *форм духовного производства*, совокупности определенных взглядов, идей, представлений, форм и стилей мышления, возвышающихся над практическими условиями жизни.

Источником социального развития является постоянно воспроизводящийся *конфликт производительных сил и производственных отношений*. Когда неустойчивое равновесие двух сторон способа производства нарушается и производственные отношения из средств развития производительных сил превращаются в препятствие для него, они подвергаются революционному преобразованию и смене. Одновременно этот процесс выражается в разного рода коллизиях и конфликтах среди остальных компонентов социальной системы: в обострении классовой, политической, идейной борьбы и т.д. В результате происходит смена общественных формаций глобального масштаба, т.е. социальная революция. Но и после социальной революции элементы прежних формаций продолжают частично сохраняться в качестве постепенно отмирающих пережитков.

Более глубокое определение источника развития общественно-экономической формации предполагает понимание следующего обстоятельства. В реальном обществе противоречия всегда происходят между людьми и их группами. В общественной жизни взаимодействуют только люди, обладающие потребностями и интересами; они вступают в отношения сотрудничества или конфликта. Поэтому противоречие, на которое указывал Маркс, проявляется в форме классовой борьбы, где один класс воплощает в себе тенденции развития производительных сил, другой — производственных отношений. Именно классовая борьба в конечном счете, по Марксу, определяет развитие общества.

Какие же формации выделял Маркс? Базовыми ступенями исторического процесса выступают три большие общественные формации (большая триада): первичная (общая собственность), вторичная (частная собственность) и третичная (общественная собственность). Вторичная формация является экономической общественной формацией. Ее ступени — азиатский, античный, феодальный и капиталистический способы производства.

Азиатский способ производства весьма специфичен, не до конца прояснен и требует специального анализа. Античный, феодальный и капиталистический, буржуазный способы производства представляют собой общественные формации в узком смысле. Они определены Марксом на основе западноевропейской истории. В догматическом марксизме закрепилась периодизация всемирной истории, разделяющая ее на пять формаций: первобытный коммунизм (родовое общество), рабовладельческое общество, феодализм, капитализм и коммунизм, включающий в себя как начальную фазу социализм, а иногда и отождествляемый с ним.

При рассмотрении формационного подхода необходимо выделить его сильные и слабые стороны.

Сильной стороной этого подхода является способность к осмыслению всемирно-исторических инвариантов социальной эволюции, технологического и социального прогресса, необратимости изменений, соотношения уровней развития.

Бесспорной заслугой Маркса явился переход к системному рассмотрению общества. Маркс одним из первых увидел его как сверхсложную систему, организующуюся вокруг определенных принципов. Тем самым был положен конец тому подходу к истории, который выделял из ее потока отдельные направления эволюции — политические, бытовые, религиозные и тому подобные, но не охватывал общества в качестве самоорганизующегося, одновременно гомеостатического и развивающегося организма, все компоненты и стороны которого скоординированы и образуют диалектическое, т.е. внутренне противоречивое, единство.

Слабой стороной формационного подхода и наиболее серьезной является европоцентрический характер предложенной Марксом модели истории. Известно, что материалистическое понимание истории было разработано им на материале Англии и затем перенесено на всю европейскую историю, где в целом подтвердилось. Попытки осмысления неевропейской истории в терминах и на основе формационного подхода столкнулись с серьезными трудностями. Оказалось, что исторический процесс в России и на Востоке не может быть вмещен в схему пяти формаций и имеет иные закономерности. Это почувствовал уже сам Маркс, выдвинувший проблему азиатского способа производства, но так и не решивший ее. Серьезной ошибкой Маркса было то, что он воспринял европейскую историю как типичную и универсальную, тогда как в современной исторической науке, культурологии и социальной философии показано, что развитие Европы наиболее специфично и уникально.

Еще одной проблемой формационного подхода является взгляд на материальное производство как на единственную детерминанту общественного развития. Согласно известной схеме «базис — надстройка», политиче-

ские и идеологические процессы априорно рассматриваются как самостоятельные элементы «второго порядка», лишь «отражающие» структуру и изменения базиса. Это опасное положение. Если за духовной жизнью систематически не признавать самостоятельности и абсолютной ценности, то высокие мотивы и идеалы в культуре угасают, уступая место более прагматичным и приземленным мотивациям. Да и вообще, связь материального производства и духовной жизни очень сложна — в ней определяющее и определяемое постоянно меняются местами. Достаточно вспомнить знаменитую работу М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма», в которой он показал решающее значение религиозных установок протестантизма в формировании продуктивного капитализма в Европе.

Формационный анализ сводит государство к роли инструмента политического господства эксплуататорского класса, что далеко не исчерпывает его сути. Совокупность неформационных функций государства (олицетворение народности, правосудия и справедливости, хранитель целостности общества, арбитр в споре между общими и частными интересами и т.д.) превращает его в огромной силы социально-творческий фактор, который в рамках формационного подхода не может быть осмыслен адекватно. Особое значение этот пункт критики имеет для понимания государства восточнославянских народов, которое лишь в минимальной степени было «машиной для угнетения одного класса другим» (В.И. Ленин) — оно являлось средством самосохранения нации от исторического небытия.

В целом формационная теория предписывает истории однолинейный и в значительной мере телологический характер, строгую последовательность стадий развития, определенную заданность, смысл и финал этого развития — коммунизм как идеальное состояние общественной жизни. В этом отношении теория формаций является наследницей традиционно присущей христианской мысли хилястической эсхатологии¹.

Опираясь на эту критику, в начале 1990-х гг. некоторые исследователи поспешили списать марксизм в «архив истории». Но реальность оказалась значительно более сложной и драматичной. Вместо единого «европейского дома», «общечеловеческой цивилизации» и иных соблазнительных проектов стала вырисовываться куда более жесткая реальность, в которой обнаружились новые «господа» и новые «рабы», привилегированный центр и бесправная периферия. Эти отношения, складывающиеся в новом состоянии мироустройства, Н. Моисеев определил понятием «дьявольский насос», который перекачивает в страны «золотого миллиарда» на основе неэквивалентного обмена (проще говоря, грабежа) из стран «третьего» и «четвертого» миров все сколько-нибудь ценное: сырье, интеллект

¹ Философия истории: / под ред. А.С. Панарина. М., 1999. С. 381.

и т.п. Здесь самое время вспомнить Маркса: «Накопление богатств на одном полюсе есть в то же самое время накопление нищеты, муки труда, рабства, невежества, огрубления и моральной деградации на противоположном полюсе»¹. Все более и более отчетливо вырисовывается классово-антагонистическая сущность современного миропорядка. Только в отличие от классов Маркса, которые боролись друг с другом в национальных границах (французский буржуа — французский рабочий, немецкий буржуа — немецкий рабочий и т.д.), современное классовое деление происходит в глобальных масштабах. Страны «золотого миллиарда» в рамках классового подхода могут быть осмыслены как «мировой буржуа», эксплуатирующий «мирового пролетария», т.е. страны третьего и четвертого миров.

В рамках же национальных государств классовый «водораздел» проходит между элитами, ориентирующимися на глобалистские структуры и институты, и народом, сохраняющим национальную привязку к культуре, языку, почве, традиционному укладу. Можно утверждать, что ведущаяся сегодня в мире война за обладание природными и иными ресурсами, важнейшими вехами которой стали Югославия, Афганистан, Ирак, является гражданской войной богатых против бедных, власть имущих против бесправных. Никакая религиозная и цивилизационная видимость не должна ввести в заблуждение по поводу подлинной сущности этой войны — социально-классовой по преимуществу. И до тех пор, пока не будут преодолены опаснейшие тенденции мировой социальной поляризации, классовый подход Маркса будет сохранять свою актуальность.

Сегодня полностью созрели предпосылки к замене нынешней паразитарной цивилизации, основанной более на спекулятивном перераспределении благ, нежели на их производстве. Человечество стоит у «поворотного пункта», за которым просматриваются черты нового будущего. Многие исследователи предлагают свои варианты желаемого будущего: «православной цивилизации» (А. Панарин), «духовно-экологической цивилизации» и т.д. Но здесь важно подчеркнуть, что это будущее, по нашему мнению, должно мыслиться не в парадигме «плюрализма» и «конфликта цивилизаций», а в *формационной парадигме*, предлагающей человечеству новый исторический проект. Да, проект построения коммунистического общества в целом может быть расценен как утопический, но это совсем не значит, что у человечества не может быть единой судьбы, единых возвышенных целей и идеалов. Именно в рамках формационного подхода эти идеалы и могут быть представлены наиболее полно и глубоко.

¹ Маркс, К. Сочинения в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. Т. 23. С. 660.

ГЛАВА 9. РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА КАК ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС

9.1. Цивилизационный подход к истории, его разновидности. Локальные цивилизации и проблема сохранения культурной идентичности в современном мире

Существует несколько основных теоретико-методологических подходов к рассмотрению общества в его историческом развитии: историографический, культурологический, формационный, цивилизационный. Хотя последний подход получил широкое распространение в современном обществознании, единого мнения о его сущности и методологических приоритетах не существует. Такая ситуация неоднозначности обусловлена тремя обстоятельствами. *Во-первых*, полисемантическойностью самого термина «цивилизация». Под ней понимаются культура, материальное воплощение культуротворчества человечества, современное общество в целом, следующая за дикостью и первобытным варварством стадия развития человечества, этап развития общества, характеризующийся упадком культуры и др. *Во-вторых*, неоднородностью оснований типологизации цивилизаций. Чаще всего сторонники цивилизационного подхода, противопоставляя его формационному подходу, закрепляют за ним способность характеризовать длительные этапы исторического развития общества, взятого во всей совокупности материальных и духовных форм его существования. Однако в реальном исследовании подобная теоретико-методологическая всеядность не оправдывается и за основу анализа берется ограниченный набор параметров, чаще всего характер хозяйственной деятельности, властных отношений, техники и технологий, нормативного регулирования отношений, социализации, влияния религии и др. Этот объяснимый редукционизм лишает цивилизационный подход должной строгости и обоснованности как нормативов научного исследования общества. *В-третьих*, существованием трех заметно различающихся версий цивилизационного подхода, каждая из которых имеет свой оригинальный предмет рассмотрения социодинамики и опирается на собственное решение фундаментальных проблем философии истории. Речь идет о **цивилизационно-локальной**, **цивилизационно-стадиальной** (гл. 9, §2) и **цивилизационно-региональной** (гл. 9, §3) версиях данного подхода.

Охарактеризуем их применительно к современному состоянию проблемного поля цивилиографии, как иногда называют комплекс междисциплинарных исследований, в центре которого стоят философско-методологические проблемы развития общества как цивилизационного процесса.

Термин «цивилизация» (от лат. *civilis* — гражданский, государственный) появился в исторических исследованиях относительно недавно, но быстро утвердился в науках об обществе и даже проделал значительную эволюцию. Принято считать, что впервые это слово употребил маркиз де Мирабо в трактате «Друг законов» (1757). В дальнейшем его подхватили другие философы-просветители, понимая под цивилизацией триумф и распространение разума не только в политической, но и в моральной, и в религиозной области, просвещенное общество в противовес дикости и варварству, прогресс науки, искусства, свободы и справедливости, устранение войны, рабства и нищеты. В цивилизации, с точки зрения просветителей, заключается «гуманитарное начало» и «живая душа общества», т.е. тот механизм, который оберегает общество от распада и ожесточения. Цивилизация стала обозначать абсолютную ценность рациональной организации жизни европейского общества для всех времен и народов, тот единственный способ существования, к которому с необходимостью должны присоединиться все народы нашей планеты. Таким образом, в момент своего возникновения понятие цивилизации имело нормативный характер, представляя собой определенный идеал, что в значительной степени сохранилось в общественном сознании и до настоящего времени.

Описанный идеал просветители отождествляли с реальным способом социальной организации и ценностной системой государств Западной Европы XVIII в. Такое понимание цивилизации способствовало формированию «цивилизаторской миссии», с которой приходят европейцы в остальные страны мира. На протяжении первого этапа своего развития понятие цивилизации приобретало особую нагрузку в идейных обоснованиях колониального режима, в самооценке западных «культуртрегеров», возлагавших на себя бремя «белого человека», чтобы нести новые порядки «полудиким, урюмым племенам», как выражался Р.Киплинг.

Второй этап эволюции концепта цивилизации (вторая половина XIX в.) связан с критикой порядков, которые называются цивилизованными, но означают кризисное состояние общества, отказывающегося значительному большинству населения в социальной справедливости. Одним из наиболее ранних критических выступлений был трактат Ж.-Ж.Руссо «О влиянии наук на нравы» (1750), в котором он писал о пагубном влиянии на человека и общественные нравы цивилизации неравенства с ее чисто внешними и лицемерными принципами. Эта линия критики сословного, или буржуазного, общества породила различные протестные течения и привела к возникновению марксизма как наиболее последовательного учения, раскрывающего формационные противоречия различных типов общественного устройства. Признавая значительность достижений западного буржуазного общества, марксисты вместе с тем многое сделали для выявления пагубных последствий развития капитализма как в Европе, так и в других регионах. Тем са-

мым заметно уменьшается исторический оптимизм и ставится под сомнение идея прогресса. В итоге цивилизация потеряла предикат абсолютности, статичную сущность идеального состояния. Начинают развиваться представления о множестве локальных цивилизаций.

На третьем этапе (XX в.) стали доминировать представления об истории как совокупности локальных цивилизаций — социокультурных систем, порожденных конкретными условиями деятельности и особенностями людей, населяющих данный регион, и определенным образом взаимодействующих между собой в масштабах мировой истории. Причиной употребления понятия цивилизации во множественном числе стали масштабные общественно-политические изменения в Европе, бурное развитие исторического знания, этнографии, культурной антропологии, археологии, которые расширили представление о количестве и сущности настоящих и древних цивилизаций. Этнографические экспедиции рубежа XIX—XX вв. позволили выявить устойчивые характеристики незападных народов, отличные от «общепринятых» европейских. Именно на этом этапе происходит формирование цивилизационно-циклического подхода к анализу исторического развития. Его сущность заключается в том, что история человечества подразделяется на несколько самостоятельных образований — **локальных цивилизаций**, каждая из которых имеет свою собственную историю, отличается неповторимостью и уникальностью культурно-исторических событий. *Цивилизационно-циклический подход* включает в себе, как видно из его названия, две идеи: идею плюрализма в сочетании с идеей круговорота. Каждая цивилизация базируется на особых «чертах характера», «символах души», ценностях культуры, которые она выражает, развивает и воплощает в процессе жизненного цикла. Общей тенденцией развития цивилизаций является постепенное расширение степеней их свободы, отказ от одномерности, поиск оптимального соотношения цикличности и поступательности в развитии цивилизаций, признание возможности рождения новых цивилизаций посредством влияния случайных факторов (внешней среды, характера элиты, роли случая и т.п.).

Основу любой сформировавшейся и достаточно развитой цивилизации составляет некоторая совокупность устойчивых, неизменных принципов, которую называют *матрицей*, или *культурным кодом цивилизации*. В соответствии с этими принципами осуществляются производство и воспроизводство всего общества как целостного социального организма.

Цивилизации различаются своими системами ценностей, отношением к природе, труду, богатству, собственности, пониманием обязанностей человека по отношению к детям, семье, общине и т.д.

Одним из первых мыслителей, выдвинувших идею множественности цивилизаций, был Н.Я. Данилевский. Отрицая европоцентристскую схему, он предлагает новую формулу «построения истории»: история не есть про-

гресс некоего общего разума, некоей общей цивилизации, ибо таковой просто нет, а есть развитие отдельных *культурно-исторических типов*. В концепции Данилевского история человечества предстала как развитие отдельных, замкнутых культурно-исторических типов, носителями которых являются естественные, т.е. исторически сложившиеся, группы людей. Понятие культурно-исторического типа — центральное в учении Данилевского. Согласно его определению, самобытный культурно-исторический тип образует всякое племя или семейство народов, характеризующееся отдельным языком или группой языков, довольно близких между собой, если оно вообще по своим духовным задаткам способно к историческому развитию и уже вышло из младенчества.

Однако за многовековую историю человеческой культуры лишь немногие народы смогли создать великие цивилизации. Вопрос о том, сколько таких цивилизаций было в истории и какие это были цивилизации, всегда вызывал споры среди теоретиков. Данилевский выделял в качестве основных культурно-исторических типов, уже реализовавших себя в истории, египетский, китайский, ассиро-вавилонно-финикийский, индийский, иранский, еврейский, греческий, арабийский и романо-германский (европейский). Эту схему он дополнял также двумя культурно-историческими типами — американским и перуанским, «погибшими насильственной смертью и не успевшими совершить своего развития». Уже в ближайшем будущем, как считал мыслитель, огромную роль в истории предстоит сыграть новой культурно-исторической общности народов — России и славянскому миру.

Каждый культурно-исторический тип проходит определенные ступени или фазисы эволюции. По мнению Данилевского, культурно-исторические типы и народы, их составляющие, зарождаются, набирают силу, расцветают, а затем дряхлеют и умирают.

При этом Данилевский не отказывался от понятия исторического прогресса как фиксирующего момент единства истории, утверждая, что *смысл прогресса* состоит в принципиальной многоплановости развития человеческой культуры. Данилевский выделял четыре основных направления исторической жизнедеятельности народов: религиозное, культурное, политическое и социально-экономическое. Они присущи каждому культурно-историческому типу, но развиты не в равной мере. Он надеялся, что культурная односторонность может быть преодолена именно Россией и славянством и возникнет «четырёхосновный» культурно-исторический тип.

Размышляя над способом отношений между отдельными культурно-историческими типами, Данилевский был далек от благодушия. Каждая цивилизация утверждает свое право на жизнь в жесткой борьбе.

Общетеоретические положения стали у Данилевского основой видения и понимания реальных политических процессов. Более того, само построение новой модели истории предопределялось у Данилевского потребно-

стью осмыслить сложные и зачастую трагические отношения России и Запада. И здесь Данилевский выделяется бескомпромиссным антизападничеством. Европа и Россия, утверждал русский ученый, принадлежат к совершенно различным культурно-историческим типам и уже поэтому любые надежды на возможность подлинной гармонии в отношениях с Западом — не более чем утопия¹.

Многие мысли, аналогичные идеям Данилевского, выдвинул в начале XX в. немецкий философ О. Шпенглер, автор двухтомной работы «Закат Европы». Книга принесла автору мгновенную и широкую популярность. Успеху книги способствовал тот факт, что она вышла непосредственно после первой мировой войны, повергшей Европу в руины и вызвавшей рост двух новых «заокеанских» держав — США и Японии. В самой Германии «Закат Европы» стал «философским шлягером», потому что сформулированная в нем идея гибели западной культуры парадоксальным образом утешила и объединила солдат, возвращающихся с фронта, интеллигенцию, мелкую и среднюю буржуазию, неволевавшую молодежь и т.п.

Подобно Данилевскому Шпенглер видит безосновательность деления истории на Древний мир, Средние века, Новое и Новейшее время. Анализируя историю Древнего Рима, Шпенглер пишет о том, что в его истории были и свое средневековье и новое время, свой феодализм и свой капитализм. Рим начала нашей эры был крупным мегаполисом со своей инфраструктурой (Шпенглер приводит любопытный факт: некий царек из Северной Африки дал объявление в одну из римских газет о том, что он желает снять квартиру на 4—5-м этаже в центре Рима). Это типичный Нью-Йорк XX в., только со своим национальным колоритом и уровнем развития техники. Поэтому «птолемеевская» модель истории, согласно которой все культуры вращаются вокруг неподвижного центра — Европы, должна быть заменена коперниковской, предполагающей равноценность и самодостаточность отдельных культур.

История по Шпенглеру — процесс случайного зарождения, расцвета и умирания культур. Немецкий мыслитель насчитывал восемь великих культур: египетскую, вавилонскую, индийскую, китайскую, аполлоновскую (греко-римскую), арабскую (магическую), мексиканскую, западную (фаустовскую), а также предвосхищал расцвет русской культуры. Критерием, по которому Шпенглер выделял культуры, был способ восприятия каждой культурой пространства. Это восприятие определяет все остальные феномены в рамках одной культуры, начиная от парковой архитектуры до математических открытий и техники масляной живописи. Например, аполлоновская (греко-римская) культура не знала понятия «даль», поэтому в ней отсутствовали интерес к истории, голубой цвет, сумерки, образ старости,

¹ Данилевский, Н. Россия и Европа. М., 2009. С. 475.

иррациональное число, хроники. Совершенно противоположна ей фаустовская (западная) культура, в которой бурно развивается археология, присутствуют полутона, бесконечные сумерки, иррациональные и бесконечно малые числа, музыкальный и поэтический контрапункт, исторические хроники и искусственные парковые развалины.

Возникновение новой культуры — это всегда тайна. Она не может быть просчитана рационально, ибо ее развитие предопределяется не рациональной причинностью, а судьбой. Рождение культуры — это пробуждение великой души. Она расцветает на почве строго ограниченной местности, к которой она привязана, наподобие растения. Срок жизни каждой культуры 1000—1200 лет, и, когда огонь великой души затухает и она исчерпывает все свои силы, *культура превращается в цивилизацию*. Проводя аналогию с живым организмом, Шпенглер утверждает, что цивилизация — это этап старости, дряхлости и приближающейся смерти. *Культура* — это рожденный почвой организм, а цивилизация — образовавшийся из организма при его застывании механизм. Признаками цивилизации является появление городов-мегаполисов, а внутри их — городская масса, обезличенная и аморфная, научный атеизм или мертвая метафизика вместо истинной религии. Шпенглер называл это переходом от творчества к спорту, от литературы к варьете и от героев к инженерам — словом, механизацией живого. Но основным критерием цивилизации является резкое снижение рождаемости. Например, в Древнем Риме издавались даже императорские указы, которые разрешали брать бесплатно пустующие земли, заводить там хозяйство, создавать семью и растить детей. Культура, исчерпав свои силы, не имеет возможности продолжать себя даже биологически. Многие из описанных Шпенглером тенденций проявляются и в культурной динамике современной Европы. В Европе с начала XX в. наблюдается неуклонное падение рождаемости, причем именно в высокоразвитых странах. Люди не хотят иметь детей потому, что подсознательно ими владеют, по Шпенглеру, усталость, душевный надлом и безотчетный страх перед будущим. Сегодня многие исследователи западных стран, среди которых можно выделить П. Бьюкенена, автора шокирующего бестселлера «Смерть Запада», тоже с нарастающей тревогой пишут о возможном саморазрушении и гибели западноевропейской цивилизации.

Характерные для последующего развития Западной цивилизации технизация жизнедеятельности, формализация человеческих отношений, утрата духовных оснований позволяют говорить о том, что название основного труда Шпенглера было пророческим.

Важным положением культурфилософии немецкого мыслителя являлась идея об абсолютной герметичности, замкнутости великих культур. С присущей ему экспрессией О. Шпенглер писал о том, что каждой из великих культур присущ «тайный язык мироощущения», вполне понятный только тому,

чья душа принадлежит этой культуре. Даже отдельные сосуществующие во времени или сменяющие друг друга культуры герметически изолированы, ибо в их основании лежат различные, чуждые представления о мире, красоте, призвании человека и т.д. Философ предсказывал, что людям будущих культур западный мир станет казаться таким же далеким, диковинным и миолетным, каким сегодня нам представляется вавилонский мир.

Наиболее целостная и теоретически строгая концепция цивилизаций принадлежит А.Дж. Тойнби. Анализ цивилизаций Тойнби проводит как рационально мыслящий культуролог, выделяя в их истории четко определенные этапы: возникновение — рост — надлом — распад. Ни одна из перечисленных стадий не является обязательной; А. Тойнби допускает, что в принципе любая цивилизация в какой-то момент способна сойти с циклической дистанции истории.

Универсальным механизмом развития цивилизации является, как уже упоминалось, сложная диалектика *вызова—и—ответа*. Каждая цивилизация начинается с ответа на вызов — сначала природной, а потом и человеческой среды. Вызовом может быть изменение природных условий, нашествие иноплеменных захватчиков, внутренний духовный или политический кризис и т.д. Ответ дает элита, «творческое меньшинство», и до тех пор, пока она способна генерировать яркие творческие решения, цивилизация укрепляется и процветает. Воплощение ответа в жизнь проводит нетворческое, инертное меньшинство, на которое элита воздействует с помощью механизма мимесиса (подражания). Но в механизме мимесиса скрыт роковой изъян. Масса, стремясь подражать творческой элите, на самом деле уходит от нее. Творчество всегда инициативно, неповторимо и оригинально. Подражание, напротив, есть бездумное копирование и тиражирование однажды кем-то созданного или изобретенного. Поэтому импульсы творчества зачастую затухают в косной инертной среде массы. Опасность мимесиса заключается и в том, что элита может начать подражать сама себе: однажды найденный ответ дается на новые оригинальные вызовы. Творчество, как писал Маркс, это «адски тяжелое дело» и поэтому меньшинство может уклониться от генерирования новых идей. Так произошло в Советском Союзе, когда на вызов Запада, связанный с научно-техническим развитием и переходом к постиндустриализму, советская престарелая элита ответила риторикой о «решающих преимуществах социалистического строя», «абсолютном и относительном ухудшении положения рабочего класса при капитализме» и т.п. Так происходит надлом — творческое меньшинство превращается в господствующее меньшинство используя силу и принуждение, а масса — во внутренний «пролетариат». Под пролетариатом Тойнби понимает бесправную обездоленную массу людей, оторванных от своих социальных корней и поэтому постоянно испытывающих чувство неудовлетворенности. «Внутренний пролетариат» в союзе с

«внешним пролетариатом» (варварами) ввергает цивилизацию в упадок и гибель. Цивилизация при этом не исчезает бесследно; сопротивляясь упадку, она порождает «универсальное государство» и «универсальную церковь». Первое исчезает с гибелью цивилизации, тогда как вторая становится своеобразной «куколкой» — наследницей, способствующей появлению новой цивилизации.

Говоря о современной истории, Тойнби выделяет в ней пять живых цивилизаций:

- западное общество, объединенное западным христианством;
- православно-христианское или византийское общество, расположенное в Юго-Восточной Европе и России;
- исламское общество — от Северной Африки и Среднего Востока до Великой китайской стены;
- индустское общество в тропической субконтинентальной Индии;
- дальневосточное общество в субтропическом и умеренном районах Юго-Восточной Азии.

В этой классификации уже просматриваются *основные критерии*, по которым Тойнби выделял цивилизации: *религия, язык, обычаи и культура*. Особое значение Тойнби отводит религии, которую он считает «цельной и единоплавленной в сравнении с многовариантной и повторяющейся историей цивилизации»¹.

На основе изучения отдельных теорий можно выделить сущностные характеристики цивилизации.

Во-первых, цивилизация представляет собой некую целостность, отличную от ее частей. Для цивилизации характерно имманентное определение своей жизненной судьбы. Внешние силы могут способствовать или препятствовать развитию цивилизации, могут даже привести к ее разрушению, но превратить ее в нечто качественно иное они не в силах. Индивидуальность, самость цивилизации сохраняется, несмотря на изменение ее частей или давление внешних обстоятельств.

Во-вторых, каждая цивилизация обладает уникальным культурным опытом, который не может быть в полной мере воспринят другой цивилизацией. Н. Данилевский и О. Шпенглер вообще выдвигали радикальный тезис о герметичности, непроницаемости культур, неспособности их воспринять содержание иной культуры. Современная цивилизациология более сдержанно подходит к этой проблеме, но нельзя не признать, что межкультурный и межцивилизационный диалог имеет свои внутренние пределы. Дело в том, что культуры активно обмениваются информацией, заложенной в их верхних пластах; более глубинные пласты относятся к той сфере коллективного подсознания, которая не вербализуется, не являет себя в прямых

¹ Тойнби, А. Постигание истории / А. Тойнби. М., 1991. С. 524.

непревращенных формах. Отсюда становится понятно, что все, касающееся предпосылок богатства и процветания, остается скрытым от взора «реципиента», которому открывается один только внешний результат.

Подводя итог, можно вывести следующее определение цивилизации в рамках цивилизационно-циклического подхода. *Цивилизации* — это большие самодостаточные сообщества стран и народов, выделенные по социокультурному основанию и сохраняющие своеобразие и уникальность на длительных этапах истории. Эти сообщества в процессе своей эволюции проходят (тут можно согласиться с А.Тойнби) стадии возникновения, становления, расцвета, надлома и разложения (гибели). Единство мировой истории выступает как сосуществование этих сообществ в пространстве и во времени и их взаимодействие.

Цивилизационно-циклический подход имеет следующие достоинства: 1) показывает глубинную основу жизнедеятельности больших сообществ людей. Ею является надэтническая духовная традиция, имеющая, как правило, религиозный характер. Так выделяются вполне реальные индо-буддистская, конфуцианско-буддистская, мусульманская, православная и другие культурные общности. Вместо изолированных наций, которые утрачивают свое влияние в современном мире, в этом подходе на первый план выступают грандиозные конструкции, сплавленные воедино единой нормативной системой и единой верой. Единицей измерения здесь с самого начала являются не отдельные народы и государства, а великие мировые регионы, сохраняющие память о своем интеллектуальном блеске и имперском величии. Подтверждением реальности данных образований является тот факт, что большинство цивилизационных регионов в прошлом имели прецеденты государственно-политического объединения множества племен и народов в рамках великих империй; 2) служит теоретическим обоснованием ценности плюрализма культурного опыта. Вместо «единственно верного учения» он предлагает разнообразие способов жизнеустройства и вариантов прогресса, форм организации общественной жизни и систем идеалов. Это разнообразие является залогом долгосрочного устойчивого развития любой общности. Каждая цивилизация хранит в своих «кладовых» бесценный культурный опыт, который может сыграть решающую роль в выживании человечества.

9.2. Цивилизационно-стадиальный подход. Техногенная (индустриальная) цивилизация, ее достижения и проблемы

Зачатки *цивилизационно-стадиального подхода* появились в XVIII в., когда большинство философов, настаивая на единстве и поступательности мировой истории, приняли цивилизационную западноевропей-

скую модель в качестве образца для других цивилизаций и поделили народы на исторические и неисторические. Возникнув в эпоху Просвещения, парадигма европоцентризма в XX — начале XXI в., изменив и смягчив свою форму, стала основой не только теоретического мышления, но и социально-практической стратегии Запада.

В рамках данной версии цивилизационного подхода широкое распространение получила типология, согласно которой выделяются доиндустриальный, индустриальный и постиндустриальный периоды развития человечества.

Доиндустриальное (аграрное, традиционное) общество характеризуется ведущей ролью аграрного сектора экономики, приоритетом натурального хозяйства, прямым насилием как опорой власти, сословной иерархией, главенствующей ролью моральных норм в качестве основного регулятора межличностных и общественных отношений, верховенством семьи в социализации человека. В этом обществе технический прогресс носит эпизодический характер и существенно не влияет на темпы социодинамики.

Начавшаяся в XV—XVI вв. радикальная трансформация европейского общества, на которую решающее влияние оказала промышленная революция конца XVIII—XIX вв., способствовала возникновению индустриального (промышленного, техногенного) общества. Оно характеризуется ведущей ролью промышленного сектора экономики (прежде всего в индустрии), превращением капитала в рычаг власти, формированием наций и национальных государств, возникновением демократических институтов и превращением права в основной регулятор отношений в обществе, урбанизацией и снижением роли семьи в процессе социализации подрастающих поколений. Научно-технический прогресс становится системообразующим фактором развития общества и индикатором социального прогресса в целом, а главным «воспитателем» — город, задающий образцы и стандарты поведения и формирующий основы гражданского общества.

Дальнейшее развитие западного общества позволило сформулировать в 50—60-х гг. XX в. концепцию **техногенной** (индустриальной) **цивилизации**, первоначально возникшую в двух вариантах: 1) *концепции Р. Арона*, трактовавшего индустриальную цивилизацию как общество такого типа, в котором ведущая роль принадлежит развитию техники и технологий, а рационально организованная деятельность человека по активному воздействию на природную и социальную реальность определяет рост как экономики, так и политики, культуры, цивилизации в целом. Главное, по мнению Арона, не количественный рост («бег на скорость»), а сбалансированное развитие общества, создание национальной системы экономики со свободной торговлей и общим рынком; 2) *концепции У. Ростоу*, выделившего пять последовательно сменяющих друг друга типов общества: традиционное (аграрное, иерархичное, в котором власть принадлежит землевладельцам), пере-

ходное (происходит интенсификация сельского хозяйства и разделение государств по национальному признаку), общество «стадии сдвига» (эпоха промышленной революции), общество «стадии зрелости» (бурное развитие экономики на основе вложений капитала, НТП, всплеск урбанизации), «эра высокого массового потребления» (начинает доминировать сфера услуг; разветвляется широкое производство товаров массового потребления и т.д.).

Таким образом, основным критерием социально-экономического развития в концепции индустриального общества выступает динамика техники и технологии. Кроме того, развитое индустриальное общество характеризуется способностью использовать машинные технологии для оптимизации своего развития и снятия напряженности между трудом и капиталом (Д. Белл), размыванием границ между буржуазией и рабочим классом и возможностью управления социальными конфликтами (Р. Дарендорф), возникновением технотрактуры и возрастанием функциональной значимости социальной организации технических, инженерных и управленческих специалистов (Дж. Гэлбрейт).

Наряду с концепцией индустриального общества в цивилизационно-стадиальном подходе широко используется концептуальная модель, в которой в истории общества выделяются два типа цивилизационного развития — традиционный и техногенный. Эта модель имеет амбивалентный характер: с одной стороны, она характеризует развитие самой европейской цивилизации — доиндустриальной и индустриальной, описываемой как техногенная цивилизация; с другой — выделяет два типа развития мировых сообществ: традиционную цивилизацию Востока и современную цивилизацию Запада, включающую в себя индустриальную и постиндустриальную стадии развития.

В частности, наиболее репрезентативным является анализ техногенной цивилизации, предложенный *В.С. Степным*¹. Исторически первым возник традиционный тип развития и вплоть до эпохи буржуазных революций был, по существу, единственным. Древняя Индия и Китай, Древний Египет и государства майя, славянский и арабский мир в средние века — это все образцы традиционных обществ. Конечно, каждая из этих цивилизаций имела свои особенности, но все они несут в себе инвариантные черты, позволяющие отнести их к традиционному обществу. В XV—XVII вв. в Западной Европе сложился новый тип цивилизационного развития, который можно определить как техногенный, поскольку он связан с постоянным поиском и применением новых технологий, причем не только производственных, но и социального управления и социальных коммуникаций. Не-

1 См.: *Степин, В.С.* Философия и эпоха цивилизационных перемен / В.С. Степин // Вопросы философии. 2006. № 2; *Степин, В.С.*, Демократия и судьбы цивилизации / В.С. Степин, В.И. Толстых // Вопросы философии. 1996. № 10.

которые исследователи называют эту цивилизацию «западной», но, учитывая то, что ее ценности и способы жизнеустройства распространились по всему миру, правомерно называть ее техногенной.

Традиционный и техногенный пути развития радикально отличаются. Для *традиционных обществ* характерны замедленные темпы социальных изменений, а инновации в сфере производства и регуляции социальных отношений допускаются только в рамках апробированных традиций (скорость исторического времени настолько мала, что возникает иллюзия статичности общества, его тождественности самому себе; соответственно в культуре приоритет отдается традициям, канонизированным стилям мышления, образцам и нормам, аккумулирующим опыт предков). Такому обществу присущ тип социальности, базирующийся на *солидаристских отношениях*. Как показал К. Маркс, в социальных системах, не преобразованных товарным обменом, общественные связи проявляются для людей «как их собственные отношения, а не облачаются в костюм общественных отношений вещей, продуктов труда»¹. Анализ традиционного типа социальности показывает, что огромное значение в нем имеет система распределения, связанная с межличностными отношениями. Обмен продуктами в доиндустриальных социальных структурах нередко обставляется как обмен разного рода взаимными услугами, хотя бы и сугубо неравноценными. Продукт не столько продается, сколько перераспределяется, в том числе «меняется» на отношение. В отличие от буржуазного общества прибавочный продукт используется не для увеличения объема производства и получения большей прибыли, а идет на поддержание социальных отношений — через ритуалы, празднества, пиры, подарки. Огромные траты на эти цели, представляющиеся для европейского менталитета нерациональными, оправданы с точки зрения представителей традиционного общества, так как они укрепляют солидаристские отношения — главное богатство этих людей. По некоторым подсчетам, до половины прибавочного продукта в богатых доиндустриальных обществах уходило на поддержание религиозного культа и народной культуры, другая половина могла уходить на поддержание межличностных отношений, превращаясь в дары, сокровища, предметы престижного потребления и т.д.².

Для традиционного общества весьма характерным является также наследственный профессионализм. Каждый индивид принудительно включается в уже сформировавшуюся производственную ячейку с предопределенным видом занятий, нормами поведения и продолжает дело отцов и прадедов. Зачастую профессия была связана с этнической принадлежностью.

¹ Маркс, К. Сочинения: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. Т. 23. С. 88.

² Ерасов, Б.С. Социальная культурология / Б.С. Ерасов. М., 1997. С. 77.

Наряду с солидаристскими связями в традиционном обществе ярко проявляется конфликтность отношений, свойственная группам. Солидарность, как правило, распространяется на «своих» — род, общину, касту, единоверцев, но совершенно отсутствует в отношении «чужих». Но и среди «своих» существуют многочисленные градации на «высших» и «низших»: старожилы и пришлые, мужчины и женщины, земельные и безземельные.

Выделение сущностных черт, присущих традиционному типу социальности, позволяет утверждать, что в нем понижена роль индивидуального начала. Индивид соотносит себя с коллективами разного типа и уровня — родом, семьей, племенем, кастой, сословием и т.д. Человек включен в ту структуру, от которой зависят его существование и продолжение рода. Это необязательно приводит к конфликту в поведении, мышлении и образе жизни, но соблюдение верности коллективу — обязательное условие сохранения своей идентичности.

Свою специфику имеет и духовная культура традиционного общества. Во-первых необходимо выделить устойчивую *мифологизацию общественного и индивидуального сознания*. Мифологическое мышление традиционного человека устанавливает зависимость между характером социальных связей (например, раздорами между родичами) и состоянием природной среды, которая может соответствующим образом на них реагировать. Власть же над природной средой зависит от морального усовершенствования и гармонии отношений в коллективе в целом. Во-вторых, в культуре традиционного общества важное место занимают *этические принципы вины и стыда*. Их значимость обусловлена необходимостью подчинения индивидуального поведения и сознания интересам коллективного целого. Поэтому большее значение приобрела ценность стыда — озабоченности личности тем, как будут оценены ее достоинства другими, что рождает стремление избегать огласки неудачи и слабости. Но культивировалось не только чувство стыда, но и чувство вины — ориентации на ответственность индивида за свои поступки и душевное состояние. В-третьих, традиционная культура характеризуется сложным взаимодействием принципов *эгалитаризма* (уравнительности) и *иерархизма*. Эгалитаризм был порожден потребностью низовых слоев в справедливом распределении средств существования. В то же время стремление к уравнительности сосуществовало с ценностью иерархизма, что выработало у людей установку на повиновение по отношению к вышестоящим и на доминирование по отношению к нижестоящим.

Переход к новому типу цивилизационного развития, получившему название техногенного, произошел, как уже отмечалось, в XV—XVII вв., и был связан с рядом мутаций традиционных культур. Первая мутация была обусловлена возникновением и развитием античного полиса, который, хотя и относился к традиционному обществу, содержал в себе возможность раз-

вития по модели техногенного типа. Важнейшими предпосылками становления техногенной цивилизации на этом этапе стало формирование теоретической науки и опыта демократической регуляции социальных отношений. Вторую мутацию вызвала христианская традиция, согласно которой человек, являющийся образом и подобием Бога, способен понять замысел Божественного творения и активно действовать в сотворенном мире. Наконец, третьей мутацией стало формирование ренессансной культуры с ее антропоцентризмом и гуманизмом, ценностями свободы и творчества, а также резким понижением значения моральной регуляции общественной жизни.

В техногенной цивилизации *темпы социального развития* резко ускоряются, экстенсивное развитие сменяется интенсивным. В культуре высшей ценностью являются инновации, творчество, создающее новые оригинальные идеи, образцы деятельности, целевые и ценностные установки. Сама традиция теперь должна не просто воспроизводиться, а постоянно модифицироваться.

Можно выделить ряд признаков техногенного типа цивилизационного развития:

- человек понимается как активное существо, находящееся в деятельном отношении к миру, направленное вовне — на преобразование внешнего мира, как природы, так и общества (если традиционная культура провозглашает идеал минимального действия (у-вэй), основанного на чувстве резонанса ритмов мира, а мудрец на Востоке прислушивается к гармониям мира и следует им, то человек техногенной цивилизации все превращает в объект своей воли, желает управлять и ставить себе на службу);

- природа понимается как закономерно устроенный механизм, познав законы которого можно использовать их в своих целях (если человек традиционного общества чувствует свою органическую связь с природой, воспринимает ее как живой организм, то человек техногенного общества — «прометеевская» личность действует, предполагая, что кладовые природы безграничны и черпать из них можно сколь угодно долго и в любых количествах);

- формирование идеала автономии личности (если в традиционных культурах личность определяется через ее включенность в строго определенные (и часто от рождения заданные) семейно-клановые, кастовые и сословные отношения, то в техногенной цивилизации в качестве ценностного приоритета утверждается идеал свободной индивидуальности, личности, которая может включаться в различные социальные общности и обладает равными правами с другими);

- формирование особого понимания власти, силы и господства над природными и социальными обстоятельствами (отношения властвования играют огромную роль и в традиционных обществах, но там они преимущественно выступают в форме отношений личной зависимости; в техногенном мире отношения властвования становятся более опосредованными,

а на смену отношениям личной зависимости приходят отношения вещной зависимости). Власть и господство в этой системе отношений предполагают владение и присвоение товаров (вещей, человеческих способностей, информации и т.д.).

Такого рода власть привела к формированию в ряде обществ техногенного типа тоталитарных политических режимов. Дело в том, что отношения личной зависимости имманентно содержат некий предел властвования, через который властитель не может переступить. Отношения же вещной зависимости делают возможности управления людьми практически безграничными. Так, современные СМИ, которые имеют возможность вещать на многомиллионные аудитории, с помощью информации, тонко работающей с сознанием и бессознательным, ставят под контроль все сферы жизни человека и общества — досуг, быт, работу, политические симпатии, экономические практики и т.д. Средства массовой информации делают предсказуемым и просчитанным поведение людей, а это и есть подлинный тоталитаризм.

Значимой чертой техногенной цивилизации становится *резкое повышение социокультурного статуса фактора времени*. Если в традиционных обществах время понималось и переживалось как циклическое, а золотой век относился не к будущему, а к прошлому, то в техногенном обществе время начинает переживаться как необратимое движение от прошлого через настоящее в будущее. Неслучайно созданные еще в XIII в. механические часы в отмеченный период начинают устанавливаться на башнях итальянских городов, отбивая каждый час, а в конце XV в. были изобретены и часы переносного типа, т.е. в новых условиях время стало восприниматься дифференцированно, приобретая все большую ценность. Новое отношение к времени явилось не только одним из важнейших показателей возрастания личностного начала в жизни европейских городов начиная с XV—XVI вв., но и ознаменовало собой формирование и распространение в сознании широкого круга людей идеи необратимого прогресса во всех сферах жизнедеятельности людей. Напомним, что эта идея никогда не была доминирующей в традиционных культурах.

Еще одной существенной чертой техногенной цивилизации является *секуляризация общественного и индивидуального сознания*. В обществах традиционного типа религия занимала центральное место в культуре, была источником поведенческих мотиваций и смысложизненных ценностей, легитимировала правовые и моральные нормы. Переход к техногенному типу развития стал началом «смерти Бога» в культуре Запада и способствовал всплеску асоциальных стихий — преступлений, порока, разврата и т.п. Внутренняя логика развития этого принципа техногенной цивилизации привела к возникновению многих проблем и кризисов современности, угрожающих самому факту существования человечества.

И наконец, важная роль в культуре техногенного общества принадлежит *научной рациональности*. Наука, открывая законы природы и общества, делает возможным использование их на практике. В этом типе культуры научная рациональность выступает доминантой в системе человеческого знания, оказывает активное воздействие на все другие его формы. Однако превращение научной рациональности в образец для обыденной и общественно-исторической практики неправомерно. Осмысление противоречивого характера лежащего в основе техногенной цивилизации научно-технического прогресса, ее достижений и проблем диктует необходимость обратиться к вопросам о статусе технической интеллигенции в современном мире и ее влиянии на управление обществом, которые получили концептуальную интерпретацию в идеологии технократизма.

Технократизм явился концептуальным выражением предложенной еще в XIX в. *А. Сен-Симоном*, *О. Контом* и некоторыми другими мыслителями методологической установки технологического детерминизма, согласно которой опирающиеся на науку техника и технологии обладают автономностью развития, решающим образом определяют развитие общества, а их прогресс обуславливает социальный прогресс в целом.

Возникновение технократизма связано с появлением работы *Т. Веблена* «Инженеры и система цен» (1921), в которой утверждается, что социальный прогресс осуществляется благодаря техническим специалистам, объективно выражающим интересы не какой-либо группы, например буржуазии или финансистов, а техники как таковой, а значит, и всего общества, заинтересованного в этом развитии. Технические специалисты должны объединиться и, зная, как обеспечить эффективную работу предприятия, занять властные позиции в промышленности и обществе в целом.

Идеология технократизма получила развитие в 1940-х гг. в концепции «революции управляющих» *Дж. Бернхейма*, согласно которой в современном капиталистическом обществе происходят радикальные изменения, связанные с разделением функций владения собственностью и управления ею. Реальная власть в обществе должна перейти к организаторам производства — менеджерам (управляющим, администраторам, руководящим инженерам), которые, не владея собственностью на средства производства, а потому не находясь в зависимости от нее, способны осуществлять управление в интересах государства и всего общества.

В 1960—1970-х годах идеи технократизма воплотились в концепции техноструктуры *Дж. Гэлбрейта*, в которой речь идет о формировании в современном социуме иерархической и разветвленной системы технических специалистов, являющихся носителями коллективного разума и субъектами принятия масштабных решений. В это же время *Ж. Элльоль* отмечает, что технику надо понимать не только как машинное обеспечение деятельности человека, но и как стиль мышления, ориентированный на операционализм

и инструментализм в оперировании с предметами и людьми. Для технократа, по мнению этого французского мыслителя, технические средства становятся самоцелью, а люди рассматриваются в качестве придатка к машине.

Европейская культура, вступив на путь техногенного развития, добилась многих успехов. К ее достижениям (соотнося характеристики техногенного и традиционного общества) можно отнести существенное повышение материального благополучия и качества жизни всех слоев общества, расширение сферы занятости трудоспособного населения и возможности выбора отвечающей возможностям и интересам человека профессии, улучшение условий труда и повышение его качества. Среди других достоинств — развитие средств массовой информации и коммуникации, создание условий для жилищного комфорта и организации досуга, использование результатов научно-технического прогресса в сфере бытового обслуживания, торговли, образования, сокращение длительности рабочего дня и рабочей недели и увеличение свободного от работы времени, которое может использоваться человеком для реализации своих творческих способностей.

Научно-технический прогресс позволил решить многие проблемы в области медицины, доступа к материальным благам для широких слоев населения, качества и продолжительности жизни. Еще полстолетия назад мало кто сомневался, что перспективы прогресса связаны с наращиванием технико-экономической мощи и будущее откроет для человечества новые горизонты. Однако формирующаяся социальная реальность все более отчетливо свидетельствует о том, что будущее не только не становится лучше прошлого, но что его может не быть вообще.

Техногенно-потребительская цивилизация, победно шествовавшая по миру в течение последних столетий, сегодня обнаружила свою историческую несостоятельность, породив ряд глобальных кризисов и обнажив «пределы роста».

Техническая среда, обладая способностью к саморазвитию, сегодня превращается в самодостаточный мир — техносферу, пронизывающую все общество. Техносфера активно вытесняет внетехнологические способы регуляции общественных отношений, отбрасывает традиции и духовные авторитеты как препятствие для своего функционирования. В техносфере торжествует принцип расчета и пользы, а в решении социальных проблем все более начинают использоваться социотехнические способы воздействия на людей: электронный контроль, психопрограммирование, технологии манипулирования сознанием.

Техногенная цивилизация обнаруживает свою враждебность по отношению не только к человеку, но и к природе. Сущность экологического кризиса, грозящего перерасти в экологическую катастрофу, заключается в отступлении естественной природы под напором искусственно сконструированной реальности, в замещении органических, живых форм бытия

мертвыми техническими системами. Трагический парадокс эпохи заключается в том, что техническое проектирование не способно в принципе обеспечить тот уровень гармонии и совершенства, который несли в себе природные объекты. Поэтому сегодня с полным правом можно утверждать, что именно природа являет собой гармоничную систему, а неравномерно развивающаяся техническая среда, несмотря на все усилия технократических организаторов, остается несбалансированным конгломератом.

Следует реабилитировать те культурные ценности и практики, которые были реализованы традиционным обществом. Конечно, прямой возврат к традиционному типу развития невозможен хотя бы по той причине, что нынешнее количество народонаселения требует современных технологий для элементарного жизнеобеспечения. Поэтому необходим продуктивный синтез принципов и идеалов традиционного общества и техногенной цивилизации.

9.3. Цивилизационно-региональная парадигма. Восточнославянская цивилизация, ее ценности и приоритеты

В современном мире остро встала проблема сохранения культурно-цивилизационной идентичности, культивирования традиций и ценностей локальных и региональных цивилизаций, отстаивание их самоценности в едином, но многообразном мире.

Региональная версия цивилизационного подхода акцентировала внимание на особенностях развития цивилизаций Запада и Востока и механизмах их взаимодействия.

Западная цивилизация обычно характеризуется целерациональным стилем мышления, ориентированным на конкретный результат деятельности и эффективность социальных технологий, на изменение мира и самого человека в соответствии с человеческими представлениями и проектами. Европейская цивилизация при соприкосновении с иными цивилизациями обнаруживает тенденцию к социокультурной экспансии; при этом часто проявляется нетерпимость к иным культурам как низшим и неразвитым. Научная мысль Запада всегда была обращена на познание и преобразование мира, что проявлялось в ее повышенном внимании к естествознанию, к фундаментальным исследованиям. Для Западной Европы свойственна установка на инновационный путь развития, для которого характерно сознательное вмешательство людей в общественные процессы, культивирование таких интенсивных факторов развития, как наука и техника. В политической сфере для западной цивилизации характерны гарантии частной собственности и гражданских прав личности как стимула к инновациям и творческой активности, стремление к установлению гармонии общества и государства, к формированию институтов гражданского общества.

Восточная цивилизация чаще всего характеризуется как традиционалистская; при этом обращается внимание на социально-политические и духовные особенности данного региона. Среди последних отмечается господствующая авторитарно-административная система, характеризующаяся высокой степенью зависимости людей от властвующих структур и институтов. Данные обстоятельства определяют научные и духовные ориентации восточной цивилизации. Развитие научных знаний там характеризовалось не столько ростом теоретических компонентов, сколько формированием практических, рецептурных приемов деятельности, неотъемлемых от индивидуального опыта исследователя.

Длительное время господствовали представления о несоизмеримости цивилизационных оснований Запада и Востока, нашедшие свое выражение в известных словах Р. Киплинга: «О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с места они не сойдут, пока не предстанет Небо с Землей на Страшный Господень суд». Однако события XX—начала XXI в. показали наличие точек взаимовлияния цивилизаций Запада и Востока, которым есть что заимствовать друг у друга.

При этом важным посредником в данном процессе является восточнославянская цивилизация, для которой характерны многие ценности и приоритеты как цивилизации Запада, так и цивилизации Востока. И цивилизационно-региональный подход позволяет определить роль восточнославянской цивилизации в гармонизации отношений цивилизаций Востока и Запада, а также глубже осмыслить специфику самой восточнославянской цивилизации.

Правда, существование восточнославянской цивилизации часто ставится под сомнение. Об этом свидетельствует полисемантическая природа термина — наряду с названием «восточнославянская» используются понятия «русская», «русско-сибирская», «православная», «русско-православная», «восточно-христианская», «евразийская» цивилизации, из которых все-таки наименее ангажированным и соответствующим цивилизационным критериям является понятие «восточнославянская цивилизация». Одним из аргументов против признания существования восточнославянской цивилизации является незначительная численность населения, входящего в ее состав: 200 миллионов восточных славян дают лишь 3,2% населения Земли. Это самый маленький этнодемографический субстрат для локальной цивилизации, а славянских государств всего лишь 13. Однако цивилизации характеризуются в первую очередь не численностью населения, а той ролью, которую они играют в мире. Если политическая и культурная элита национальных государств подвергает критике саму идею единой восточнославянской цивилизации, то это не более чем дань исторической конъюнктуре. Ни сами народы, ни наши идейные противники не сомневаются в существовании восточнославянской цивилизации как единого и потенциально

влиятельного субъекта истории. Иначе не было бы с их стороны столь агрессивного отношения к славянскому миру в целом, интегративным процессам между Беларусью и Россией, не предпринимались бы систематические попытки дестабилизировать ситуацию и ухудшить отношения Украины, России и Беларуси.

Можно выделить ряд объективных и субъективных факторов, способствующих консолидации восточнославянских народов в рамках единой цивилизации. Прежде всего это *геоклиматический фактор*, определяющий общность природных и климатических условий. Так, Н.А. Бердяев, говоря о русском народе, отмечал, что его «душа подавлена необъятным русскими полями и необъятными русскими снегами, она утопает и растворяется в этой необъятности»¹. Отсюда он делает вывод, что русский никогда не чувствует себя организатором и склонен не к интенсивной, а к экстенсивной культуре.

Используя древнюю идею *хронотопа*, в котором круг очерчивал жизненное пространство человека и одновременно служил символом возвращающегося времени его существования, можно говорить о восточнославянском мире как об особой форме цивилизационного бытия, характеризующейся единством социально-исторического пространства и времени — своего рода уникальном цивилизационном пространственно-временном континууме.

Демографический фактор, обуславливающий стремление восточнославянских народов к консолидации, связан с их этнической близостью и широким распространением межэтнических браков, традиционно важной ролью семьи в общественной жизни.

Не менее важную, хотя и амбивалентную роль играет *экономический фактор*, связанный с тем, что длительное время в СССР существовал единый народно-хозяйственный комплекс и соответственно экономика союзных республик развивалась как единое целое.

Особое значение для консолидации восточнославянских народов имеет *политический фактор*, однако его роль также является диалектически противоречивой. Наряду с близостью политической культуры традиционалистского типа в политической жизни русского, белорусского и украинского народов, общими для них, а потому сближающими их социально-политическими идеалами и мировоззренческими установками существует и иногда отчетливо проявляется дестабилизирующая роль национальных политических элит, преследующих групповые властные интересы.

Действие описанных объективных факторов тесным образом связано с субъективным фактором: наличием воли и стремления народов к реальной интеграции, пониманием общего и специфического в образе жизни раз-

¹ Бердяев, Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности / Н.А. Бердяев. М., 1990. С. 59.

личных восточнославянских этносов и на этой основе недопущением неуважения к традициям и обычаям других народов, а также противодействием усилиям противников сближения в международном сообществе.

Речь идет о единой цивилизации, в рамках которой возможна экономическая и политическая интеграция, образование политических союзов и экономических сообществ, однако главную роль в консолидации восточнославянских народов все-таки играют духовные ценности. Сердцевиной духовных ценностей восточнославянской цивилизации являются ценности, определяющие отношение к природе (природному космосу) и обществу (социальному макрокосмосу).

Отношение к природному космосу выражают экосоциальные ценности, впитанные нами от предыдущих поколений и частично подвергшиеся аберрации (от лат. *aberratio* — уклонение) в эпоху индустриализма. Эти ценности, предполагающие особое, уважительное отношение к природе, понимание зависимости от нее и вместе с тем стремление не только приспособиться к ней, но и изменить ее, являют собой «мостик» между пониманием и отношением к природе активистской, покорительской стратегии цивилизации Запада и традиционалистским «вживанием» в природу цивилизации Востока.

В творчестве русских «космистов», в концепции ноосферы *В.И. Вернадского*, в получившей распространение в отечественной духовной культуре конца XX — начала XXI вв. концепции коэволюции человека и природы этот поиск гармонизации их взаимоотношений является свидетельством значимости для восточнославянской цивилизации экосоциальных ценностей. Так, по мнению *А.И. Зеленкова*, установка на западно-восточный синтетизм обнаруживает себя практически во всех сферах славянской духовности. Экосоциальные ценности способствуют единению восточнославянских народов, но в то же время задают достаточные четкие и важные линии демаркации между ними. «Так, если русское традиционное экосознание во многом определялось экстенсивными мотивами, скоррелированными с имперскими интенциями российской государственности, то белорусские и украинские представления о должном порядке мироустройства и отношения к природе в значительной мере зависели от локально выстроенной хуторской модели землепользования, от свойственного ей человекообразного масштаба оценки и понимания окружающей природы»¹. Цивилизация будущего, таким образом, — это экосоциальная цивилизация.

Отношение же к социальному микрокосмосу проявляется в культурно-исторических ценностях, которые также имеют непреходящий характер и являются системообразующими элементами восточнославянской цивили-

¹ *Зеленков, А.И.* Экологическая ментальность восточных славян как социокультурный феномен / *А.Н. Зеленков* // Восточнохристианская цивилизация и проблемы регионального взаимодействия. М., 2004. С. 197.

зации. Они придают ей свой неповторимый характер и тоже могут служить связующим звеном между цивилизациями Запада и Востока. Основанием для этого является их синтетическая природа, способствующая преодолению ригоризма ценностных установок как Запада, так и Востока. Если в западноевропейской социальной философии приоритетны позиции теоретико-методологического индивидуализма, радикальной формой которого становится «социальный атомизм» либерального толка, а также партикуляризм, отчетливо представленный в характерном для немецкой философии понятии «индивидуальной тотальности», то в русской философии предпринимается попытка найти синтез индивидуального, партикулярного (особенного) и универсального — собственно социального.

Вариантов достижения этого синтеза было предложено много: от версий индивидуалистической ориентации (В.Г. Белинский, А. И. Герцен), партикуляристской (Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, постславянофилы) до универсалистской (С.Н. Хомяков, А.В. Киреевский, К.Д. Кавелин, Л.П. Карсавин). Все они исходили из невозможности противопоставления высших (духовных) интересов индивида и социума, осознавая, что лишь в их дополнении и взаимопроникновении может состояться личность. Пожалуй, наиболее отчетливо это проявилось в творчестве В.С. Соловьева, отмечавшего, что «общество есть дополненная или расширенная личность, а личность — сжатое, или сосредоточенное, общество»¹, и *Н.А. Бердяева*, напрямую связавшего смысл истории со смыслом жизни человека и тем самым в своей историософии поставившего проблему интерпретации феномена человека в истории.

Тем не менее в русском философско-историческом творчестве проблема самоутверждения человека решается не через его оппозицию обществу как внешней реальности, а через гармонию с ним. При этом речь идет не о социальных институтах — это расценивается как простое содержание общества, — а о его сущности, которая, согласно *С.Л. Франку*, духовна: соборность призвана обеспечить гармонию человека и социума. Отсюда известное мнение С.Л. Франка, во многом совпадающее с размышлениями белорусского мыслителя начала XX века *В. Самойлы* (Сулимы) о существенном различии западноевропейского и отечественного мышления: декартову «мыслью — следовательно, существую» он противопоставил характерное для славянского мышления «мы существуем — следовательно, мыслим».

Таким образом, среди социокультурных ценностей восточнославянской цивилизации особо выделяется ценность коллективизма как установки на гармонизацию интересов личности, коллектива и общества в целом. Достижение этой гармонии — фундаментальная проблема, стоящая перед человечеством на протяжении всей его истории, и было бы неправильно

¹ *Лотман, Ю.М.* Культура и взрыв / Ю.М. Лотман. М., 1992.

утверждать, что в развитии восточнославянской цивилизации она была однозначно решена. В ее прошлом хорошо известны периоды явного приоритета общинного, а затем общественного над индивидуальным и личностным, проявления группового эгоизма. Но и в этом случае человек и общество осознавали неестественность и насильственность данных явлений, что находило отражение в актах философской рефлексии и осознании проблемности самой ситуации.

Ценность коллективного образа жизни нашла отражение в понимании роли государства как оплота и гаранта стабильности общества и его тесном взаимодействии с гражданским обществом. В западной философско-политической мысли можно выделить две основные традиции интерпретации взаимоотношений государства и гражданского общества.

В *англоамериканской* (атлантической) традиции гражданское общество находится в жесткой оппозиции к государству, позиционируя себя в качестве основного инициатора социального прогресса и рассматривая государство как необходимый придаток, обеспечивающий сохранение гражданского мира.

В *континентальной традиции*, в которой изначально сильны этатистские (от фр. *tatisme* — государство) мотивы, связь государства и гражданского общества предстает более многоплановой и диалектической. Здесь можно усмотреть влияние тернарной субстанциальной структуры социума на сглаживание жесткой оппозиции государство — гражданское общество. Для континентальной традиции характерен акцент на партикуляризме, опосредующем оппозицию упоминавшихся стратегий индивидуализма и универсализма. Механизм «снятия» социальных напряжений в тернарной системе показал Ю.М. Лотман¹, обратив внимание на роль промежуточного звена как своего рода центра, приглушающего противоположные импульсы, идущие от государства и гражданского общества как «социальных полюсов», и не допускающего абсолютизации интересов либо индивида, либо общества.

Отечественная социально-философская мысль в интерпретации взаимоотношений государства и права близка к континентально-европейской традиции, хотя и имеет свою специфику. Истоки становления восточнославянской цивилизации были непосредственно связаны с созданием способного обеспечить безопасность границ сильного государства. Вместе с тем отношение к государству на всем протяжении существования восточнославянской цивилизации было двойственным, что нашло отражение в характерной для русской философско-правовой мысли бинарной оппозиции «государство как орган» и «государство как организм». Смысл первого выражения имел негативное значение и фиксировал бюрократическую сущ-

¹ Лотман, Ю.М. Культура и взрыв / Ю.М. Лотман. М., 1992.

ность управленческого аппарата как инстанции принуждения, смысл второго был позитивным, оценивал государство как организатора всей общественной жизни и наделял его патерналистскими функциями.

Отсюда в качестве особой ценности восточнославянской цивилизации вытекает ценность гармонии государства и гражданского общества. Речь идет прежде всего о так называемом естественном гражданском обществе, зачатки которого появляются еще до складывания государства и которое затем, в период оформления национальных государств в XVII—XIX вв., перерастает в так называемое позитивное гражданское общество, дополняющее государство и конкурирующее с ним. Показательно, что в политической культуре (и это нашло концептуальное закрепление в философско-культурологической мысли восточнославянских народов) сквозным являлся идеал «народного государства» — государства как организма, вырастающего из гражданского общества и дополняющего его. Очевидно отличие этой интерпретации взаимосвязи государства и гражданского общества от восточной культурной традиции, утверждавшей всевластие государства, и «атлантической» модели, признающей жесткую конкуренцию государства и гражданского общества по поводу влияния. Вместе с тем показательна близость позиций по данному вопросу отечественной традиции и «континентальной» модели дополнительности государства и гражданского общества (И. Кант, Г. Гегель, М. Дюверже). Это означает, что декларируемая сторонниками атлантического глобалистского проекта идея снижения роли, а затем и фактического отмирания национальных государств имеет противников не только на Востоке, но и на Западе.

Наряду со значимой для восточнославянской цивилизации ценностью гармонии государства и гражданского общества большое значение имеет культивирование отношений как между людьми, так и между народами в целом на принципах добрососедства, социальной справедливости и равенства. Это традиционные ценности восточнославянских народов, которые зачастую невозможно рационализировать, уподобив их нормам формального права. Характерный для традиционалистской цивилизации Востока акцент на роли морали как регулятора межличностных и общественных отношений и присущая цивилизации Запада артикуляция правовой нормативной системы фактически разрывают единство этих двух основных систем социализации человека и регуляции отношений в обществе.

Осознание трудности, но и необходимости решения проблемы гармонизации этих двух нормативных систем характерно для общественного сознания восточнославянских народов, которое, признавая важность права, не могло смириться с его формально-обезличенным характером. Отсюда знаковая для отечественной социально-философской мысли *дилемма* «правды-истины» и «правды-справедливости», решаемая, как правило, в пользу последней. По существу, эта установка на поверку нормами морали

норм формального права, которое способно попирает права наций на религию, язык, культуру, свободу вероисповедания в глобализирующемся мире, была доминирующей в программном выступлении на проходившем в 2006 г. X юбилейном Всемирном русском народном соборе на тему «Вера. Человек. Земля. Миссия России в XXI веке» митрополита Кирилла, ставшего затем Патриархом Русской Православной Церкви.

Самоценностью является сама восточнославянская цивилизация, определившая возможность существования современных восточнославянских народов и являющаяся гарантом их суверенного положения в будущем, поэтому сохранение и приумножение ее традиционных ценностей и приоритетов — условие цивилизационной идентичности и самого существования восточных славян как этносоциальных общностей. Наши ценности значимы и для всего мирового сообщества, поскольку могут сделаться основой стабильности глобализирующегося мира, играя роль связующего звена между Востоком и Западом.

Республика Беларусь — составная часть восточнославянской цивилизации, своеобразие которой обусловлено ее историческим наследием, национально-культурными традициями, геополитическим положением. В своем историческом самоопределении она ориентирована на построение социально стабильного и вместе с тем динамично развивающегося общества, органично сочетающего традиционные, прошедшие испытание временем ориентации и современные векторы социальной эволюции, позволяющие включиться в общемировой экономической, политической и культурный контекст в качестве равноправного партнера. Приоритетными ценностями в этом процессе являются государственно-правовая стабильность, национально-культурная идентичность, эффективная социально ориентированная экономическая политика и свободный выбор пути развития.

9.4. «Геоцивилизационный парадокс» восточнославянского мира

Говоря о специфике социокультурного бытия славянства в целом, следует отметить, что в силу ряда исторических обстоятельств славянские народы заняли географическое положение между Западом и Востоком. Эта географическая специфика славянского мира во многом предопределяет стратегические линии его развития. Промежуточный статус славянства, его «местоположение» и «месторазвитие» на границах двух миров породили феномен пограничной, переходной личности и культуры. Славянство практически в течение всей своей истории оказывается неразрывно связанным с цивилизационными полюсами мира — отсюда все изгибы и зигзаги его истории, особый драматизм его судьбы. Постоянно так или иначе воспро-

изводящийся модус переходности — это внутренняя логика развития славянского культурно-исторического типа. Ни Восток, ни Запад никогда не исчезают из исторического горизонта славянства, и всякая натурализация славянства (то ли на Востоке, то ли на Западе) всегда оставляет впечатление неполноты, незаконченности и несовершенства¹.

Однако наиболее сильное воздействие промежуточный статус славянства оказывал на мироощущение восточнославянских народов (прежде всего их духовных и политических элит). Поиск своей идентичности, бесконечные метания из одной крайности в другую нередко определяли состояние духа высших слоев восточнославянских обществ. Это объяснялось прежде всего более трудными условиями жизни людей в восточнославянском регионе по сравнению с западноевропейской частью ойкумены. Объективно восточнославянская общность несла на себе тяготы и риски, которые были обусловлены природной средой (суровый резкоконтинентальный климат) и геополитикой (отсутствие естественных границ в условиях соседства с сильными и агрессивными геополитическими противниками превращали восточнославянские земли в постоянный театр военных действий). В реальности условия человеческого существования в восточнославянском регионе таковы, что отнюдь не каждый культурно-психологический тип личности субъективно соглашался с ними, мог принимать их и выносить. Именно близкое соседство восточнославянских народов с более эффективным в экономическом отношении Западом порождало раскол сознания, способствовало постоянному воспроизводству типа личности, оценивающей свое существование под знаком иначевозможного, в горизонте *сравнительного видения*, для которого западноевропейский опыт выступает как эталонный, имеющий нормативное значение, а свой собственный, национальный — как полуполитимный, подлежащий исправлению в процессе «модернизации» и «европеизации». В Азии условия жизни могли быть и заведомо худшими, но там доминировал человеческий тип, как правило, не знакомый ни с чем другим и оценивающий тяготы своего существования как привычно безальтернативные².

В восточнославянском мире сформировался своего рода **геоцивилизационный парадокс**, суть которого состоит в следующем: по мере расширения и укрепления международных связей, развития межкультурной и междивилизационной коммуникации восточнославянские народы по ряду признаков внешнего характера становились все ближе и ближе к Западу. Постепенно — особенно в сфере науки, техники, административной дея-

¹ Панарин, А.С. Славянский мир сегодня: очарованные странники на опасной дороге / А.С. Панарин // Восточнохристианская цивилизация и проблемы межрегионального взаимодействия. М., 2004. С. 5.

² Там же.

тельности и даже быта — многое у него заимствовалось. Соответственно этому формировалось и упрочивалось иллюзорное представление о том, что все наши несоответствия Западу легко преодолимы. При таком восприятии глубинных цивилизационных различий болезненные разочарования, крушение идеалов и фрустрация сознания были просто неизбежны. Ибо в действительности «цивилизационное расстояние» между Западом и восточнославянскими странами было не просто большим, но и принципиально непреодолимым в силу различия базовых (природно-климатических, геополитических, исторических, ментальных и др.) факторов социальной эволюции, характерных для различных регионов нашей планеты.

Горькие разочарования после явно неудачных попыток «стать» Европой как ничто другое усиливали в достаточно широких кругах восточнославянских обществ комплекс национальной неполноценности и недовольство своими странами. Опять же на Востоке такой «цивилизационной аберрации» практически не возникало. Там сама географическая отдаленность от Запады и весь уклад жизни никак не побуждали к мысли о том, чтобы подражать Западу и уподобиться ему. Даже при условии прямых сравнений восточной и западной цивилизаций в этом регионе всегда четко осознавалось: Запад и Восток — разные миры.

В отличие от устойчивого Востока, который не видел в лице Запады цивилизационной альтернативы, в восточнославянских странах революционеры-западники и радикал-реформаторы не один раз ставили своей целью коренное изменение культуры своих народов, их базовых ценностей. Они были неизменными сторонниками «религии прогресса», мечтали о сломе коллективистских ценностей и возникновении автономного индивида, как на Западе. Их главной целью была рекультурация — коренная ломка ценностей прежней культуры. На практике навязывание российскому и близкородственным ему социумам западной модели развития неизменно было сопряжено с тяжелейшими утратами и разрушениями. Почти все социальные эксперименты, ориентированные на утверждение западноевропейских ценностей и образа жизни в российском обществе, не обходились без трагических последствий. Западничество, привнесенное поляками в лице Лжедмитрия (Смутное время), унесло жизни почти трети населения России, прежде чем русский народ смог его окончательно отвергнуть. Петровская реформа, не превратив Россию в Голландию, убавила ее податное население на 20%. Февральская (белокомпродорская) революция, ориентированная на утверждение либерально-западных ценностей в российском строе жизни, и Октябрьская революция (краснокомпродорская) 1917 г., направленная на осуществление теоретического проекта, рожденного в недрах западноевропейского философского рационализма, инспирировали небывало жестокую гражданскую войну, унесшую около 15 млн жизней наиболее биологически и социально активного населения российского

общества. Последняя (нынешняя) реформа российского общества по западным образцам все еще продолжает уносить почти по миллиону жизней российских граждан в год.

Реформаторы-западники, нисколько не принимая в расчет специфику социоприродного и социокультурного бытия восточнославянских народов и не учитывая то, что в реальности социум перенимает лишь те достижения культур и цивилизаций, которые соответствуют потребностям его выживания, а другие рано или поздно все равно отвергает, с фанатичным упорством не перестают пытаться сделать Россию и Украину Западом.

В теоретико-мировоззренческом плане коренная ошибка местных западников заключается в том, что они отказывают восточнославянским народам в особой цивилизационной идентичности. И это несмотря на то, что наука уже давно отвергла европоцентризм и однозначно доказала, что цивилизованность совершенно неправомерно отождествлялась с одним только Западом. Наряду с западноевропейской цивилизацией существуют и другие вполне самостоятельные цивилизации. Сегодня никто не решится утверждать, что Китай и Индия (поскольку они отличаются от Запада) — варварские страны. Отказывая восточнославянским народам в специфической цивилизационной идентичности, наши западники применяют западный эталон и, обнаружив несоответствие этому эталону, обвиняют народы в отсталости и культурной несостоятельности. При таком подходе местные западники обречены на ненависть к своим народам. Они не хотят понять, что народы имеют право быть непохожими, иметь собственную традицию, свою судьбу и призвание в истории. Вот почему в условиях современности вопрос о цивилизационной идентичности (самоидентичности), о нашем праве быть самими собой, превратился в вопрос о праве на существование вообще, о нашем культурно-национальном бытии как таковом.

В практике реальной жизни, перенимая ввиду невозможности заимствования внутренних «смыслов» других культур лишь внешнюю форму, мы можем только потерять свое, получив взамен экзистенциальную пустоту, ощущение изгойства, комплекс неполноценности и уязвленное историческое самосознание.

Кроме того, постоянные попытки рассматривать восточнославянскую историю через призму достижений Запада имеют чрезвычайно пагубные последствия и в сфере нашего общественнознания, ибо зажатое в тиски европоцентризма оно в принципе не способно на адекватное постижение закономерного развития восточнославянского (как, впрочем, и любого другого) социума. Наблюдения за ходом, например, российской истории с нероссийской точки зрения неизбежно вело даже на редкость интеллектуально одаренных людей, исследователей крупного масштаба (С.М. Соловьева, В.О. Ключевского) ко всевозможного рода искажениям и ошибкам в интерпретации фактов и обстоятельств русской истории. Чаще всего такой под-

ход оборачивался оценкой образа жизни русского народа как неудавшейся, не реализовавшейся, не состоявшейся западной модели социального бытия. Это и понятно. «Теоретическое описание предмета, — пишет российский исследователь В.Д. Соловей, — моделью для которого выступает другой предмет, не может быть адекватно предмету, который описывается. Проще говоря, чтобы создать теорию русской истории, следует исходить из презумпции самоценности, важности и уникальности *этой* истории, а не брать за образец другую. Тем более что, как афористично сформулировал английский историк Д. Ливен, если все истории уникальны, то русская история уникальна более других»¹.

Для того чтобы избежать преднамеренных и непреднамеренных искажений и фальсификации бытия восточнославянских народов, точно выявлять основные параметры их идентичности, правильно осмыслить форму национальной идеи на разных этапах ее исторического развития, необходимо наряду со всем прочим научиться отсеивать, отфильтровывать (осуществлять интеллектуальную селекцию) всякие влияния западнического подхода к изучению русского мира. Причем это касается взглядов на восточнославянские страны как собственно западных аналитиков, так и наших авторов, которые попали под влияние европоцентрической исследовательской парадигмы.

Следует отметить, что стремление распространить закономерности, характерные для развития западноевропейской (по сути дела, уникальной и нигде более не повторяющейся) цивилизации на весь остальной мир — трудноизлечимая болезнь мирового обществознания. Корни этой болезни — в зависти к материальному благополучию Запада, в «религии прогресса», мешающие видеть иные перспективы и горизонты бытия. И это происходит в период глобального экологического кризиса, когда уже без особой исследовательской интуиции становится очевидным, что западноевропейская цивилизация, основанная на идеологии неограниченного прогресса и потребительской психологии, и сама вступила в кризисное состояние, а всему человечеству навязывает бесперспективный, тупиковый путь развития, несмотря на то, что все предшествующие попытки обществоведов интерпретировать мир исключительно в европоцентристском ключе потерпели полный крах.

Проблемы, с которыми столкнулись восточнославянские страны, настолько уникальны, настолько своеобразны и оригинальны, что никакой внешний опыт не может нам помочь их решить. Никогда и нигде, ни на Западе, ни на Востоке, никто не сталкивался с подобного рода проблемами. Вот почему у наших народов есть только один путь, одна задача: *найти свой «ответ на вызов среды», свое цивилизационное измерение, выдвинуть*

¹ Соловей, В.Д. Россия накануне смуты / В.Д. Соловей. // Свободная мысль. 2004. № 12. С. 40.

и воплотить в жизнь свой социальный проект. И только те лидеры, которые окажутся способными, опираясь на менталитет, исторический опыт и традиции своих народов, предложить какой-то новый, отвечающий требованиям сегодняшнего дня, комплекс идей и моральных, нравственных императивов будут соответствовать высоте своего положения и заслужат память потомков. Ибо только на собственной культурной матрице возможна всякая успешная модернизация, как это было, например, в Японии в XIX—XX вв., в Китае в XX в.

Обустраивая нашу жизнь, необходимо отталкиваться от нашей действительности, выявляя и развивая в ней все то, что жизнеспособно и перспективно, что возвышает и облагораживает нас, и вместе с тем искореняя в ней все негативное и уродливое. На этом пути самосовершенствования мы можем и должны заимствовать у других народов (сохраняя при этом глубинные основы и смыслы своего бытия) все то, что способно помочь нам, восточным славянам, реализовать свое предназначение в мире, дать человечеству то, что кроме нас никто не может дать. Здесь важно иметь в виду то обстоятельство, что только тот народ способен преодолеть все преграды, найти свое место, самоопределиться и утвердиться в мире, который не потерял веру в себя, который ощущает и осознает свое призвание и свою миссию в истории, имеет перед собой высокую цель.

Восточнославянские страны действительно нуждаются в модернизации, но не в вестернизации. Эта модернизация будет успешной только при осуществлении ее в нравственном контексте, отвечающем идеалам «русской правды» — равенству и справедливости. Она должна осуществляться усилиями всего народа для пользы всех и каждого. Естественно, что она будет мобилизационной, т.е. осуществляться за счет внутренних ресурсов социума, а поэтому потребует определенных жертв со стороны населения. Издержки модернизации, ее бремя должны быть равными для всех, как и все должны будут воспользоваться ее плодами. Только такого рода модернизация может вдохновить восточнославянские народы. Причем не модернизация в духе инструментально-потребительской, техногенной цивилизации Запада, а модернизация в направлении движения к духовно-экологической цивилизации будущего. В этом смысле модернизация восточнославянских стран должна быть опережающей — модернизацией, не повторяющей путь, пройденный Западом. Она должна осуществляться на основе базовых факторов социоприродной и социокультурной эволюции восточнославянских обществ.

Можно возразить сказанному, указав на то, что Беларусь и Украина изначально являются европейскими государствами. Это верно. Беларусь и Украина территориально принадлежат Европе. Однако следует четко различать два смысла понятия «Европа»: географический, в котором Европа как часть света простирается до Уральских гор, и социокультурно-ци-

визационный. В социокультурном и цивилизационном плане Европа разделена. В действительности существует несколько Европ, которые крайне несхожи. Первая Европа (Западная) — это та, которая дала миру техногенную цивилизацию, т.е. первая в мире осуществила индустриализацию и распространила (или навязала) по всему миру нормы и законы общества потребления. Первая Европа — омываемый Гольфстримом совершенно уникальный регион мира с умеренно теплым океаническим климатом. В принципе Западная Европа неповторима, поскольку сложилась и структурировалась в результате действия многих факторов, которые во всей своей совокупности больше не обнаружили себя ни в каком другом регионе мира (об этом очень убедительно писал выдающийся немецкий социолог М. Вебер). Ко второй Европе с некоторой долей условности можно отнести Чехию и Венгрию. Эти государства ближе всего к Западной Европе и по географическому расположению, и по духу. Что касается Сербии, Болгарии и Румынии, то они уже существенно иные по духу и ментальности. Польша находится где-то между второй и третьей Европой. Албанию и Косово придется отнести к четвертому лику Европы, ведь они представлены этносами, исповедующими ислам. Беларусь и Украина — тоже Европа, но по природно-климатическим, религиозным, ментально-духовным характеристикам они наиболее далеки от Западной Европы. Здесь в целом, конечно, обнаруживается такая тенденция: чем ближе к Западу, тем больше Европы; чем ближе к Востоку — тем меньше Европы. Нравится это кому или нет, но Беларусь и Украина принадлежат не к западноевропейской протестантско-католической цивилизации, а имеют прямое отношение к восточно-православной славяно-русской цивилизации. (Хотя оспорить этот тезис весьма трудно, но многие тем не менее будут пытаться это делать. Верно сказано, что, если бы таблица умножения затрагивала чьи-либо интересы, правильность ее непременно ставилась бы под сомнение.)

На принципиальное различие западноевропейской протестантско-католической и восточнославянской православно-христианской цивилизаций указывают и современные западные авторы. В частности, С. Хантингтон пишет: «Наиболее ясный ответ, против которого трудно возразить, дает нам линия великого исторического раздела, которая существует на протяжении столетий, линия, отделяющая западные народы от мусульманских и православных народов. Эта линия определилась еще во времена разделения Римской империи в IV веке и создания Священной Римской империи в X. Она находилась примерно там же, где и сейчас, на протяжении 500 лет...

...Европа заканчивается там, где заканчивается западное христианство и начинаются ислам и православие. Именно такой ответ хотят услышать западные европейцы, именно его они в подавляющем большинстве поддер-

живают *Sotto voce*¹, именно такой точки зрения открыто придерживается большая часть интеллигенции и политиков»². Переводя разговор в конкретно-политическую плоскость, Хантингтон продолжает: «Политических лидеров, которые неумело считают, что могут кардинально переkreить культуру своих стран, неизбежно ждет провал. Им удастся заимствовать элементы западной культуры, но они не смогут вечно подавлять или навсегда удалить основные элементы своей местной культуры... Политические лидеры могут творить историю, но не могут избежать истории. *Они порождают разорванные страны, но не смогут сотворить западные страны. Они могут заразить страну шизофренией культуры, которая надолго останется ее определяющей характеристикой*» (выделено нами. — ЧК.)³. И в самом деле, разве мало постсоветская действительность породила разорванных стран?

Другой западный автор, Ф. Болкестайн, в своей книге «Пределы Европы», изданной в 2003 г., пишет, что Украина и Беларусь должны стать «буфером» между Европейским Союзом и Россией. Отсюда, кстати сказать, и была придумана концепция «государств-соседей» Европейского Союза. «Соседи» в данном случае выступают как своеобразный восточный вал, разделяющий Россию и Европейский Союз.

Таким образом, западные авторы не считают Беларусь и Украину Европой. В лучшем случае они рассматривают их как элемент внешнего периметра безопасности Европы. И это неудивительно. Ведь современная Европа — это не только единые стандарты, прописанные чиновниками Евросоюза, но и общее историческое и культурно-цивилизационное наследие, к которому, как бы это кому нравилось или не нравилось, Беларусь, Россия и Украина не имеют прямого отношения. А не имеют они к этому отношения потому, что изначально принадлежат к другой цивилизации — православно-славянской.

Но если это так, если белорусский народ принадлежит к восточнославянской православно-христианской цивилизации, то, прежде чем изменять своей культурно-цивилизационной идентичности, стремиться войти в «чужой дом», т.е., по сути дела, «сдать» свою цивилизацию другой, чужой цивилизации и тем самым подорвать глубинные основания социокультурного бытия восточнославянского суперэтноса в целом, следует серьезно задуматься о реальных последствиях данных устремлений.

Еще можно было бы как-то согласиться со сторонниками «европейского выбора», если бы Евросоюз, НАТО были ориентированы на сохранение национальной идентичности (скажем, белорусскости) или на развитие национальной самосознания входящих в эти организации государств. Но ничего подобного нет даже в помине. Такая ситуация вполне естественна. Она обусловлена уже зафиксированным и подтвержденным в мировой социаль-

¹ *Sotto voce* лат. — про себя, вполголоса.

² Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. М., 2003. С. 243—244.

³ Там же.

ной литературе процессом интенсивного преодоления и отбрасывания Европой всего национального. «Европейский Союз всегда был постмодернистским проектом, призванным выйти за пределы базовых элементов модернистского мира: наций и национальных государств»¹. Так пишет английский автор Д. Шерр. Причем, тенденция к денационализации обнаружила себя в Западной Европе уже давно. Впервые ее ясно осознал всемирно известный немецкий исследователь В. Гумбольдт — создатель оригинальной и методологически эффективной версии цивилизационного подхода к анализу истории человечества. Пророчески заглядывая в будущее, он писал: «...Та власть, которой обладает над нами нами же созданная цивилизация, все определенной толкает нас в направлении универсализма, *народы под нашим влиянием приобретают намного более единообразный облик, и формирование оригинальной национальной самобытности удушается в зародыше даже там, где оно, по жалуй, могло бы иметь место*» (выделено нами. — Ч.К.)².

Пора нам научиться верно оценивать сущность, характер и направленность развития западноевропейской цивилизации. В решении этого вопроса может оказаться наиболее полезным и «взгляд изнутри», т.е. изучение концепций и теорий самих западноевропейских исследователей. Это важно потому, что всякий ложный образ, всякие иллюзии относительно сущности и характера западноевропейской цивилизации стоили и несомненно будут еще стоить незападным народам, в том числе и восточным славянам, непомерно дорого. «...Западная цивилизация имеет своей целью ни больше ни меньше как включение всего человечества в единое общество и контроль над всем, что есть на земле, в воздухе и в воде и к чему можно приложить для пользы дела современную западную технологию. То, что Запад совершает сейчас с исламом, он одновременно делает и со всеми существующими ныне цивилизациями — православно-христианским миром, индустриальным и дальневосточным, включая и уцелевшие примитивные общества, которые находятся в безвыходном положении даже в собственной цитадели — тропической Африке. Таким образом, современное столкновение ислама и Запада не только глубже и интенсивнее, чем любое из прежних, оно также представляет собой весьма характерный эпизод в стремлении Запада вестернизировать весь мир...»³. Так писал А.Тойнби еще в 1947 г. Как все сказанное им звучит и сегодня актуально и современно!

Нам, восточным славянам, необходимо, наконец, освободиться от всякого рода псевдоморфоз (термин О.Шпенглера), преодолеть ситуацию цивилизационного «пограничья», мучительной раздвоенности сознания, явно

¹ Шерр, Д. Россия и ЕС в разных координатах времени / Д. Шерр // Независимая газета. 2002. 11 декабря.

² Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. М., 1984. С. 60.

³ Тойнби, А.Дж. Цивилизация перед судом истории / А.Дж. Тойнби. М., 1996. С. 116.

усилившуюся в начале XXI в., отказаться от иллюзорных надежд «войти» в чужой дом, будь то в западноевропейский или какой-либо другой, и приступить к обустройству своего собственного дома, на своей собственной культурно-цивилизационной и природно-географической основе, вбирая при этом все самое позитивное, достигнутое в современном мире. *Только на фундаменте своей собственной истории, географии и культуры можно сохранить себя и найти свое место в современной геоструктуре мира, создать собственные формы жизни и творить свое историческое будущее.* И такой фундамент у восточнославянских народов имеется.

Восточнославянские народы, несмотря на все риски и сложности своего срединного положения между Востоком и Западом с их крайне противоположными формами социально-культурных традиций, смогли не только пережить столкновение данных традиций, но и в известной степени синтезировать их. Это был сложный и болезненный процесс, в результате которого тем не менее возникло живое, органическое образование. Плодотворность и жизненность сформировавшегося таким путем социально-политического организма была подтверждена как материально (успешные войны, расширение империи, постоянно убыстряющееся экономическое развитие), так и духовно (становление и упрочение собственной духовной культуры). В развитии восточнославянских народов совместились глубоко концептуальное мировоззрение Средневековья, включающее в себя повышенный интерес к основным вопросам о смысле жизни и истории, и постренессансная культура Запада, обладающая необычайной яркостью и индивидуальностью.

Только путем творческого синтеза импульсов Запада и Востока, Юга и Севера, а не механического заимствования ценностей лишь одного западноевропейского цивилизационного типа, восточнославянским странам как «контактной зоне Восток — Запад» можно будет органично и в полной мере самоопределиться в мире. Возможно, именно судьба «цивилизационного контактера», каким в силу своего географического положения и специфики истории выступает восточнославянский регион, позволит ему на новом витке социокультурного развития человечества осуществить синтез противоположных начал, сыграть ведущую роль посредника между различными цивилизационными типами, преодолеть их односторонность и тем самым проторить дорогу в посттехногенное (экологобезопасное) общество. Как раз именно то, что восточнославянские страны так и не вошли в машину западноевропейской цивилизации в качестве ее прилаженного блока, не только не умаляет значимости и достоинств их исторического пути, но, напротив, открывает один из реальных шансов человечеству избежать техногенной смерти, таит в себе в наш кризисный век еще не до конца раскрытые интенции и перспективы.

В рамках современного трансформирующегося мира восточнославянские народы должны *взаимодействовать и одновременно соблюдать определенную дистанцию относительно протестантско-католического Запада и мусульманско-буддийского Востока, но при этом не отчуждаться от них полностью*. Современная цивилизация потеряет свое силовое и духовное равновесие, гармонизирующее поле развития, если восточнославянские народы полностью будут ассимилированы Западом или всецело окажутся во власти Востока.

ГЛАВА 10. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

10.1. Понятие глобализации и ее системный образ

Одной из характерных особенностей современной эпохи, активно исследуемых как в естественных науках, так и в различных направлениях социальной философии, является *феномен глобализации*. Корни и предпосылки глобализационных процессов уходят в глубину истории, однако реальное их влияние на темпы и характер социокультурного развития мирового сообщества начинает обнаруживаться лишь к концу XX в., когда складывается такая система ценностей и императивов развития, в которой доминируют следующие установки:

- права человека имеют основополагающее значение;
- демократия сильнее и предпочтительнее тирании;
- рынок эффективнее плановой командной экономики;
- открытость перспективнее национальной изоляции и др.

Эта совокупность ценностей и социальных установок, активным генератором и пропагандистом которых выступил Запад, призвана была утвердить в мировом общественном мнении безусловную приоритетность неолиберальной стратегии развития. В определенном смысле глобализация явилась формой осуществления основных идей и целевых установок данной стратегии.

Термин «глобализация», эпизодически применявшийся с конца 1960-х гг., впервые был использован американским социологом Дж. Маклином в 1981 г. как концептуально-теоретический конструкт, призванный выразить характерные особенности социодинамики мирового сообщества в последней четверти XX в. Тогда же основные терминологические аспекты теории глобализации были разработаны Р. Робертсоном, который в 1983 г. в одной из своих статей дает толкование термина «globality», а в 1992 г. излагает основы своей концепции в специальном исследовании¹.

¹ *Robertson, R. Globalization. R. Robertson, L., 1992.*

Еще не получив системного обоснования и концептуально-теоретической разработки, идея глобализации приобрела статус широко распространенной объяснительной модели, призванной оправдать экспансию западных стандартов развития и унифицированных социальных форм жизнедеятельности в ареалы обитания иных культур и цивилизационных общностей. Интенсивность и методы этой экспансии позволили М. Уотерсу сделать вывод о том, что на смену постмодернизму, который был ключевым понятием в культуре 1980-х гг., приходит идея глобализации, призванная артикулировать особенности процесса перехода человечества в III тысячелетие.

Глобализация понимается Р. Робертсоном как становление мира в виде единого или общего социального пространства, обнаруживающего себя в различных культурно-идеологических конструкциях или дискурсах. Поясняя это достаточно смутное определение, Р. Робертсон утверждает, что процесс становления глобального мира (первый этап) достаточно явно обнаруживает себя со второй половины XV в., когда складываются базисные предпосылки капиталистической системы и происходит распад традиционных социальных общностей (церковь, империи и др.). На втором этапе этого процесса (начиная с 1870 г. до середины XX в.) происходит цивилизационный прорыв, в результате которого возникают национальные государства и вырабатываются юридически закрепленные принципы международных отношений. Наконец, третий этап, символизирующий стадию глобализации в точном смысле этого термина, характерен тем, что национальные системы и идентичности вынуждены приспосабливаться к глобальным обстоятельствам, а незападные общества — интегрироваться в структуру мировых отношений и взаимодействий. На третьей стадии формирования социальной «глобальности» резко возрастают экологические риски и опасности социальной дезинтеграции, распадается биполярная структура мирового сообщества, размываются экономические и политические компетенции государств и национальных структур управления.

Глобализация, понятая как исторически длительный и хронологически значимый процесс, центрирует многие современные концепции и теоретические модели социодинамики. Например, Ф. Бродель трактует глобализацию как один из этапов развития именно капиталистической системы. И. Валлерстайн полагает, что она длится уже 500 лет и охватывает историю всей «капиталистической мировой экономики». П. Дракер и Т. Левит связывают начало процессов глобализации с возникновением транснациональных компаний (ТНК) и финансовых рынков 30—40 лет назад.

Большинством исследователей разделяется суждение о многомерности и хронологической длительности процесса глобализации — он только на

исходе XX в. проявляется наиболее полно и зримо. В качестве важнейших этапов этого процесса обычно выделяют следующие периоды исторического развития европейского и мирового сообщества:

1) эпоха Возрождения как этап своеобразной протоглобализации, обусловивший становление международного рынка, основ правовых отношений между народами, идеей гуманизма, способствовавших утверждению единого секуляризированного представления о человеке;

2) рубеж XIX—XX вв., когда капиталистическая система хозяйствования переходит в империалистическую фазу и осуществляется реальная интернационализация капиталов;

3) середина XX в., когда итоги Второй мировой войны закрепляются в ряде важнейших политико-правовых документов и соглашений, обусловивших фронтальную интеграцию усилий различных стран и регионов мира в политической, экономической и социокультурной сферах (создание ООН в 1944 году, международного валютного фонда в 1944, принятия Всеобщей декларации прав человека в 1948 и др.);

4) последняя треть XX в. знаменует собой эпоху подлинной глобализации мирового развития, для которой характерны процессы фронтальной транснационализации экономики, создания глобальных финансовых и торговых сетей и корпораций, интенсивного развития информационных и коммуникационных технологий, тотальной массовизации и унификации культуры, регионализации мирового сообщества и образования различных союзов и международных объединений.

Следует признать, что дефицит четких и эксплицитных определений глобализации в подавляющем большинстве современных работ — одна из характерных особенностей нынешнего этапа анализа этого феномена в жанре социально-философских, культурологических и политических исследований. Возможно, это связано с безусловной сложностью феномена глобализации, диктующей осторожность исследователей при попытках дать ее категориальное определение. И все же большинство экспертов согласны с тем, что важнейшими предпосылками глобализации в ее современном варианте явились следующие факторы:

- информационная революция, обеспечившая техническую базу для создания глобальных коммуникационных сетей;
- интернационализация капитала и ужесточение конкурентной борьбы на мировых рынках;
- дефицит природных ресурсов и обострение экологической ситуации во всем мире;
- демографические проблемы и хаотическая урбанизация;
- интенсивное развитие высоких технологий и антропологические риски постиндустриальной цивилизации.

Исходя из этого, сущность глобализации обычно трактуется как процесс формирования мирового рынка капиталов, товаров, услуг и рабочей силы, планетарного информационного пространства, единого для большинства стран и регионов мира.

Как характерный пример типичных определений глобализации можно привести дефиницию, предлагаемую экспертами МВФ. Глобализация — это растущая экономическая взаимозависимость стран всего мира в результате возрастающего объема и разнообразия трансграничных трансакций товаров, услуг и международных потоков капитала, а также быстрой и широкой диффузии технологий.

Не менее очевидным и впечатляющим является и феномен политической глобализации, обнаруживающий себя в совокупности кардинальных изменений институциональной сферы современных обществ.

Для того чтобы эксплицировать обсуждаемый феномен и осуществить его комплексный, системный анализ в традиции категориально-методологической реконструкции сущности и функциональных характеристик данного явления, необходимо зафиксировать (хотя бы на уровне первичной аппроксимации) наиболее значимые его параметры. Речь идет о вычленении *основных измерений (граней) глобализации*, в совокупности которых проявляется ее сложная и диалектически противоречивая природа.

Объективное измерение глобализации наиболее рельефно и убедительно обнаруживает себя в развитии мировой экономики. Сегодня едва ли кому нужны особые аргументы, чтобы доказать приоритетность глобальной экономики на пространстве постиндустриального мира.

Специфическим измерением глобализации является ее социально-антропологический контекст. Активизация этого контекста задается все более очевидным доминированием связей глобального масштаба, которые приходят на смену традиционных и, как правило, локальных связей и взаимодействий членов конкретных сообществ (community). Поскольку связи глобального масштаба являются жестко предметными, функциональными и безличными, постольку они инициируют отказ от системы традиционных ценностей, цементирующих лично значимые символы веры и социокультурной идентичности в локальных сообществах. На смену высшим моральным ценностям приходят инструментально эффективные программы деятельности и общения, схемы и ориентации поведенческой активности личности, гарантирующие ей успех и эффективное разрешение возникающих проблемных ситуаций. Наступает эпоха постмодерна с органично присущей ей интенцией на распад ценностей и отказ от классических трансцендентальных иллюзий.

При всем многообразии зафиксированных измерений или граней глобализации необходимо констатировать принципиальную специфичность и концептуальную значимость именно социокультурного аспекта ее анализа и реконструкции.

Акцент на культурном аспекте глобализации позволяет нам отметить ряд весьма важных и нетривиальных утверждений. Сегодня можно трактовать процессы глобализации социокультурного пространства как закономерное следствие модернизации традиционных обществ и архаических социальных структур за пределами западной цивилизации.

Чаще всего в рамках модернизационных сценариев воздействие Запада на различные сферы культурной жизни иных цивилизационных образований оценивалось как негативное («культурная экспансия», «декультурация», «культурный империализм»). Начиная с 70-х гг. XX в. идеология модернизации в различных ее версиях становится объектом критики и конструктивной трансформации. К концу века стало очевидным, что отношения центра и множества периферийных и полупериферийных социальных систем в области культуры носят гораздо более сложный и диалектический характер, чем линейная зависимость традиционных культур от техногенной западной цивилизации.

Говоря об этом феномене, трудно удержаться от соблазна воспроизвести уже ставшие стереотипными оценки глобализации в сфере культуры как процессы распада и деструкции традиционных моральных ценностей; возникновения пугающих диспропорций между так называемой высокой культурой и популярной, или массовой, культурой; карнавализации культуры, которая благодаря техническим возможностям глобальной коммуникации утрачивает индивидуальное содержание и вообще какой-либо смысл и превращается в перманентную мозаику визуальных образов и символов клипового сознания.

Однако такая картина культурной глобализации едва ли будет адекватной и системно обоснованной. В работах М. Элброу, Э. Гидденса, И. Тирикьяна, Р. Робертсона и многих других современных исследователей данного феномена подчеркивается, что сущностными характеристиками процесса глобализации в сфере культуры являются следующие ее особенности:

1) пространственно-географическая акцентуация социокультурных изменений, раскрытие механизмов взаимопроникновения и диалога различных культурных традиций. Эта акцентуация приводит к тому, что время начинает все меньше и меньше значить в постсовременной цивилизации. В некоторых сферах жизни оно настолько сжато, что перестает восприниматься даже как символическая аллегория;

2) взаимосвязь макро- и микроуровней культурных изменений. Речь идет о том, что глобализация проникает в самые глубины социальных структур и кардинально трансформирует их сущностные основания на

уровне семьи, обычаев, стереотипов поведения, эстетических предпочтений и т.д. Эти трансформации, происходящие на микроуровне человеческого бытия, приобретают статус важнейших социокультурных мутаций, инициирующих глобальные изменения в мировом сообществе благодаря современным системам коммуникации;

3) активное продуцирование «социокультурных гибридов», в которых ситуативно и механически сочленяются различные традиции, жанры, стили и т.д. Как правило, для них характерны нестабильность, эпатажирующая экзотичность, поточные формы производства и короткий период существования (например, в сфере образования, туризма, труда все ощутимее проявляется влияние рекламы, масс-медиа, шоу-бизнеса и т.д.);

4) процесс интернационализации ценностей и жизненных стратегий поведения и деятельности, предполагающий акцентированное неприятие национально-государственных ориентаций в сфере культуры и культурной политики;

5) подчеркнутый интерес к проблемам пола, телесности, гендерных отношений, т.е. к тем феноменам, которые получили название «примордиальных» и которые, как правило, вытеснялись обществом на периферию культурного пространства, находились под моральным контролем и цензурой;

6) формирование новой концепции рациональности, в которой в качестве доминирующих утверждаются принципы социокультурного плюрализма, релятивизма и комплиментарности.

Глобальная цивилизация на первый взгляд интенсивно вытесняет ценности локальных культур на периферию современного социокультурного пространства. Однако в последние годы заявляет о себе и альтернативная тенденция этнокультурной автономизации и акцентированного стремления народов любой ценой сохранить свою национально-культурную идентичность. В таких условиях проблема поиска и обоснования адекватных форм межнациональных (и даже межцивилизационных) отношений в современном мире становится весьма актуальной.

Многомерный характер и неоднозначность социокультурных последствий глобализации порождает обилие точек зрения и концептуальных интерпретаций данного феномена в западной и отечественной литературе.

Первая группа исследователей особое внимание обращает на определяющий статус объективных трансформаций глобализирующегося мира в сфере материально-экономических и финансовых отношений, основанных на институализации мирового рынка, неуклонно возрастающем влиянии транснационального капитала и ТНК (И. Валлерстайн, К. Омаз, Дж. Нэбитт, Д. Розенау, В.Л. Иноземцев и др.).

Вторая группа, отдавая предпочтение социокультурным аспектам глобальных изменений, указывает на значимость формирования транснациональных культурных и цивилизационных пространств, которые кардиналь-

но изменяют процессы индивидуальной и коллективной социализации (Р. Робертсон, К. Уайт, А. Аппадурай, С. Хантингтон, У. Бек, А.С. Панарин, А.И. Уткин, Ю.В. Яковец, И.Ф. Кефели и др.)

Третьи исследователи подчеркивают приоритетность глобальных изменений в сфере социально-политических, институциональных и информационно-коммуникативных отношений в современном мировом сообществе (Д. Хельд, Ф. Фукуяма, М. Кастельс, З. Бжезинский и др.)

Четвертые полагают, что глобализация приводит к качественным изменениям всех сфер и сторон современной жизни и поэтому она радикально инициирует разработку принципиально новых концепций и объяснительных моделей в социологии, политологии, философии (Э. Гидденс, Ю. Хабермас, Н. Луман и др.)

В пространстве современных дискуссий о проблемах и перспективах глобализации можно выделить несколько концепций, которые активно влияют на содержание и направленность идеологических и научных дебатов относительно доминирующих тенденций и перспектив мирового развития в XXI в. К таким значимым концепциям обычно относят:

- теорию «открытого общества» К. Поппера;
- концепцию «конца истории» Ф. Фукуямы;
- «мир-системную» концепцию И. Валлерстайна;
- теорию «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона;
- геополитическую концепцию З. Бжезинского;
- теорию «глокализации» Р. Робертсона и У. Бека;
- концепцию глобализма А.С. Панарина;
- теорию «постэкономического общества» В.Л. Иноземцева;
- «мультифакторную концепцию глобализации» А.И. Уткина и др.

Результаты и последствия глобализационных изменений в современном мире противоречивы и неоднозначны. Совершенно очевидно, что они могут не только способствовать позитивной интеграции мирового сообщества с целью преодоления вызовов и угроз техногенной цивилизации, но и создавать предпосылки для их дальнейшего обострения. Своеобразной реакцией на возможность такой глобальной социокультурной мутации стало *антиглобалистическое движение*, которое сформировалось в середине 90-х гг. XX в. и с этого времени активно развивается в США, Германии, Англии, Франции и других странах Запада и Востока.

10.2. Объективные и субъективные стороны современных глобализационных процессов

Начиная со второй половины XX в. (особенно последней его четверти) в развитии современного человечества обнаружили себя две тенденции — тенденцию к интернационализации, мировой интеграции, нивелирующих

всякого рода национальные различия, и тенденцию к дезинтеграции, формированию новых и весьма жестких разделительных линий.

Совокупность этих новых явлений прямо или косвенно связана с характером и направленностью протекания на нашей планете глобализационных процессов.

Многие западные (прежде всего американские) исследователи склонны интерпретировать глобализацию как фатально predetermined неизбежный процесс, нивелирующий всякие национальные различия — от экономических до культурных. Квалифицируют его как тождественный вестернизации всего мира, как однонаправленный (безальтернативный) и в конечном итоге устраняющий суверенное «территориальное» государство. А некоторые восторженные приверженцы глобализации рассматривают последнюю не просто как интеграцию рынков на мировой основе, а как движение к миру без границ, к открытой и взаимосвязанной мировой экономике, а стало быть, к единому унифицированному человечеству. Например, японский исследователь К. Омаэ в своей книге «Мир без границ», вышедшей в 1990 г., писал: «... Экономический механизм отдельных государств стал бессмысленным, в роли же сильных акторов на мировой сцене выступают глобальные фирмы».

Взглядам сторонников, «оптимистов от глобализации» стали противостоять, причем с нарастающей силой, взгляды ее противников, «пессимистов от глобализации». В результате ученый мир до сих пор так и не выработал какого-либо согласованного подхода к данному феномену.

Противоречия и путаница в осмыслении феномена глобализации часто возникают из-за того, что некоторые понятия, с помощью которых традиционно объяснялись процессы хозяйственной и культурной взаимосвязи отдельных государств на нашей планете, теперь стали отождествляться с термином «глобализация» или подменяться им. Это прежде всего касается таких смежных, близких, но не тождественных понятию «глобализация» понятий, как «интернационализация» и «интеграция». Явления, отражаемые данными понятиями, связаны тем обстоятельством, что фиксируют факт выхода множества ранее внутристрановых процессов на международный уровень, за пределы границ отдельно взятых государств. Различие же этих явлений — во времени и условиях их возникновения, в их сущности и социально-исторических функциях, в широте охвата (количестве, наборе) субъектов (стран, государств), вовлеченных в их орбиту, в глубине и интенсивности связей данных субъектов, а также в тех результатах и последствиях, которые они выражают.

Обратимся к краткому анализу содержания и характера соотношений данных понятий.

Интернационализация открывает возможность для межгосударственного пользования чем-либо, предполагает выход чего-то ранее сугубо внутреннего за начальные рамки. Она представляет собой объединение действий нескольких отдельных субъектов экономики, политики вокруг общих задач, целей. В экономическом плане мотивом интернационализации является доступ к международным рынкам торговли. Обычно наиболее эффективно интернационализация реализуется на локальном уровне и в приложении к отдельным направлениям или сферам и видам деятельности. Главная ее функция — обеспечение постоянных и устойчивых международных связей.

Интеграция представляет собой объединение в целое каких-либо частей. В аспекте экономики интеграция выступает как объективный процесс переплетения национальных хозяйств и проведение согласованной межгосударственной экономической политики, формирования тесно взаимосвязанных экономических зон (анклавов) и имеет тенденцию к соединению всех циклов хозяйственной деятельности в единое целое. Суть интеграции — формирование глубоких и интенсивных связей крупных союзов, коалиций, социально-территориальных систем. Причем процесс интеграции обычно разворачивается и протекает на региональном уровне, в рамках отдельных территориально-географических регионов, вовлекая, как правило, в свою орбиту страны и народы, близкородственные в цивилизационном и социокультурном отношениях.

Не так давно в условиях биполярного мира человечество серьезно было обеспокоено решением целого ряда проблем глобального характера. Развивающиеся страны при поддержке Советского Союза добивались в рамках ООН установления «нового экономического порядка», который бы остановил процесс их экономической эксплуатации и дискриминации в международных отношениях. Предлагались различные способы решения продовольственной проблемы, проблемы нищеты и бедности, проблем перенаселения, экологии, рационального использования природных ресурсов, энергетической безопасности, освоения богатств мирового океана и т.д. В ходу были такие понятия, как «международное разделение труда», «международная специализация и кооперирование производства», которые также описывали тенденции к сближению национальных экономик, к всемирному социально-экономическому объединению. Однако, несмотря на обилие всех этих глобальных проблем, которые пытались решить мировое сообщество, вопрос о глобализации как таковой не возникал.

Стало быть, должно было произойти нечто весьма значимое, эпохальное, что бы вдруг заставило заговорить о глобализации, глобализационных процессах как о реальности современного мира. Этим «нечто» стал развал Советского Союза, исчезновение одного из двух полюсов развития и силы, формирование бесполюсного мира. Остался один центр силы во главе с США, олицетворяющий собой интересы и устремления представителей так

называемого золотого миллиарда. Изменившаяся таким образом историческая ситуация и позволила победителям в «холодной» войне выдвинуть свой «глобализационный проект» и попытаться навязать его миру.

Это обстоятельство делает очевидной всю некорректность попыток однозначно квалифицировать глобализацию как *исключительно объективное технико-экономическое явление*. Глобализация изначально имела ярко выраженный *политико-идеологический характер*.

Глобализационный проект, выдвинутый США и их союзниками, предусматривал такой процесс мирового развития, в ходе которого четко выстраивалась бы жесткая иерархия, вертикаль «нового мирового порядка» во главе с центром, принимающим различные управленческие решения глобального уровня, и периферией, включающей две части — зону жизнеобеспечения центра (золотого миллиарда), где сосредоточен реальный сектор экономики, и зону, состоящую из государств, от которых по возможности желательно дистанцироваться и не принимать участия в решении их внутренних проблем.

Как многомерное и сложное явление глобализация представляет собой *единство стихийно-спонтанного и целеволевого начал, объективного и субъективного факторов социальной динамики*.

Понятие глобализации в его позитивном смысле фиксирует резко возросшую в наше время взаимосвязанность мира, сжатие пространства и времени благодаря совокупному действию новых и усовершенствованных старых средств коммуникации (телевидение, радио, реактивная авиация, интернет, мобильный телефон и т.д.). Объективно возросшая взаимосвязанность мира, взаимодействие и взаимовлияние его различных частей проявляются прежде всего в том, что географические и государственные границы становятся все более прозрачными и легко преодолимыми. Потоки людей, капиталов, товаров, услуг и информации со всевозрастающей интенсивностью двигаются по планете. В итоге земной шар стал более обозримым и «маленьким». Все это позволяет говорить об утверждении в современном мире глобальной коммуникации.

Наглядным выражением глобализации явилась общедоступная возможность мгновенного и практически бесплатного получения любой информации, а также перевода любой суммы денег из одной точки мира в другую.

Можно говорить о наметившейся тенденции к некоторой унификации образа жизни, стилей поведения, взглядов, вкусов. Во всех уголках планеты люди имеют возможность носить одну и ту же одежду, потреблять одну и ту же пищу, получать информацию из одних и тех же средств массовой информации. Чуть ли не весь мир потребляет продукцию Голливуда (в различных странах мира она составляет от 60 до 100% национального кинопроката), читает разрекламированные вездесущей рекламой одни и те же книги, слушает по преимуществу англоязычную поп- и рок-музыку и т.п. При этом

национальные языки нередко засоряются английским космополитическим сленгом, синтаксическими кальками, что угрожает деформацией веками сложившихся ментальных структур, которые наряду со всем прочим непосредственно связаны с языковым своеобразием народов.

Следующий из наиболее существенных аргументов в пользу реальности и объективности глобализационных процессов — тенденция к формированию глобальной экономики, единого всепланетарного рынка, возникновение и деятельность транснациональных корпораций (ТНК), экономическая мощь которых вполне сопоставима с возможностями не только небольших, но и средних национальных государств. Транснациональные корпорации, освоившие буквально все закоулки мира, цементируют современное производство в единую глобальную систему, наглядно демонстрируя тем самым силу и мощь утвердившегося в мире «глобального экономического монстра».

Транснациональные корпорации как закономерный итог концентрации производственного и финансового капитала обрели в ряде аспектов возможность уходить из-под национального регулирования, контроля со стороны государственных и общественных структур отдельной страны. Сегодня ТНК способны как объективно, так и субъективно влиять на внутреннее положение немалого количества государств, темпы и направления их развития, на деле тем самым, ограничивая суверенитет этих государств. В своей совокупности все это означает, что на нашей планете возникли и утверждаются *новые центры принятия решений и реальной власти, способные на глобальном уровне конструировать новые правила игры для многих секторов (субъектов) современных международных отношений*. Результат этого — потеря некоторыми сильно отставшими странами возможности не только создавать, но и поддерживать на своей территории конкурентоспособные предприятия без активного вмешательства ТНК. Лишь транснациональные корпорации в состоянии извлекать прибыль из современных технологий. Отсталым странам это сделать очень трудно.

Развертыванию этого процесса в решающей степени способствовали научно-технические достижения, глобальный характер современных технологий. Оказалось, что в условиях современности новейшие технологии способны обеспечить рентабельность производства, прибыльность только на транснациональном уровне. Национальные же рамки для новейших технологий узки и не позволяют им раскрыть свои преимущества. К таким технологиям сегодня прежде всего относятся средства и инфраструктура телекоммуникаций, информационные потоки, высокоскоростной транспорт, а также распространение образовательных моделей благодаря научному и другим видам интеллектуального обмена.

Однако наряду с объективной стороной глобализационные процессы имеют и субъективную составляющую, во многом являющуюся рукотворной «сконструированной» реальностью.

Глобализация — это не только объективное следствие техноэкономического развития, но и политическое явление. Глобализацию инициировали, направляли и проводили в жизнь вполне определенные силы, а точнее сказать, транснациональные круги США, Западной Европы и Японии, реализующие в этом процессе свои экономические и геополитические интересы, не совпадающие с национальными интересами других народов и государств. Непосредственными агентами в становлении глобальной экономики явились правительства стран «большой семерки» и их международные институты — международный валютный фонд (МВФ), Всемирный банк, Всемирная торговая организация (ВТО). Причем глобализация вводилась с помощью механизма политического давления, посредством прямых действий правительства или через деятельность МВФ, Всемирного банка, ВТО и целого ряда теневых структур. Это явление осуществлялось в целях унификации всех национальных экономик вокруг набора одинаковых правил игры, обеспечивающих выгодные условия для стран—лидеров глобализации. Заметим, что в наибольшей степени избежать негативных последствий глобализации удалось тем странам, которые далеко не всегда соглашались с рекомендациями МВФ и умели настоять на самостоятельной политике (Китай, Малайзия).

В действительности страны — лидеры глобализации вовсе не ориентированы на установление равноправных партнерских отношений со слабо развитыми государствами, а, наоборот, стремятся к последовательному наращиванию различий между государствами в уровне производства. Результат этого — ослабление и дестабилизация конструктивной взаимозависимости национальных экономик и усиление социально-экономической дифференциации народов, а соответственно и господствующего положения одних стран и зависимо-подчиненного положения других. Важно понять, что такого рода ассиметричная взаимозависимость, как правило, не определяется действием нейтральных экономических сил, является следствием осмысленных действий крупнейших финансово-хозяйственных субъектов, точнее сказать, действий государств-гегемонов, создающих правовые механизмы, позволяющие или облегчающие присвоение прибавочной стоимости в любом уголке нашей планеты и защищающие результаты такого присвоения, задействовав (в зависимости от конкретных условий, силы сопротивления, значимости задачи и т.д.) все имеющиеся рычаги контроля, все меры воздействия — от предоставления кредитов до прямого вооруженного вмешательства.

Периферийное положение множества стран мира — объектов глобализации не оставляет им шансов выйти на траекторию устойчивого роста и сравняться со странами центра. Более того, их развитие направляется таким образом, чтобы они играли роль амортизатора проблем развитых стран. Сбалансированность хозяйственного развития стран периферии не-

выгодна развитым странам, поскольку позволяет им отказаться от роли донора последних. Диспаритет цен, утечка умов, отток капитала, растущие долги становятся *постоянным источником возобновления структурных диспропорций, зависимости и отсталости периферийных стран*. Именно такого рода ситуация и устраивает страны-гегемоны.

В этом смысле крах системы мирового социализма и открытие рынков с многомиллионным населением явились факторами колоссального смягчения трудностей и остроты противоречий глобального капитализма. Примечательно и то, что так называемое вхождение в мировой рынок стран бывшего социалистического содружества отнюдь не означает присоединение их к странам — лидерам глобализации, как это внушали нам в свое время проводники реформ, а оборачивается новой, еще не до конца изученной формой зависимости. Глобализация в том виде, как она развернулась в конце XX в., была бы в принципе невозможна без падения бывшей второй сверхдержавы — СССР, без разрушения биполярного мира. В этом случае все попытки США к достижению мирового лидерства, доминирования и господства (к установлению однополярного мира) были бы просто невозможны. Представляется, что вряд ли кто-либо из серьезных исследователей будет утверждать, что все эпохальные события XX в. произошли исключительно сами собой, стихийно-спонтанно, без направляющей и организующей воли.

Следовательно, можно вести речь о двух сторонах глобализации: глобализации как *естественном, стихийно-спонтанном, неуправляемом процессе* и *глобализации искусственно организуемой и управляемой*. Глобализация как естественный процесс является результатом различных незапланированных и в очень малой степени предсказуемых трансформаций и изменений в техносфере, в экономической, политической и в целом социокультурной жизни общества. Глобализация как искусственный процесс включает в себя элемент прямого или замаскированного, осознанного (просчитанного) насилия, т.е. попыток навязать силой или другими методами (подкупом, обманом, убеждением и внушением) тех или иных ценностно-мировоззренческих, экономических, политических представлений и соответствующих им решений и направленности действий. На деле рукотворная глобализация характеризует собой претензии вырвавшейся вперед в технико-экономическом развитии страны (стран) получать, используя естественный процесс взаимопроникновения различных социокультурных достижений, доминирующее положение в структуре международных отношений, придать характер универсальности своей модели развития, навязать ее всем другим странам и народам, лишив их тем самым возможности самостоятельного исторического творчества.

В сущности, объективной предпосылкой диспропорций в развитии мировой экономики, неравенства стран, народов, исходным фактором успеха одних и неудач других стала *общественная производительность труда*,

которая и предопределила возникновение трудно преодолимого барьера между развитыми странами, где производительность труда выше среднемировой, и отсталыми странами с производительностью труда ниже среднего уровня¹. Эту предпосылку общественной производительности труда правительства Западной Европы и Северной Америки стали бесцеремонно и жестко использовать в своих корпоративных интересах. И ничего удивительного в этом нет. В современных условиях любой социальный, экономический и политический процесс в принципе не застрахован от его эгоистического использования отдельными социальными группами, мировой финансовой олигархией², организованными преступными группировками и кланами.

Самым иррациональным, не имеющим никакого разумного оправдания в современной мировой ситуации является то, что процесс накопления богатства перестал сам по себе сопровождаться решением проблем, стоящих перед современным человечеством, включая даже самые животрепещущие. Бурный прогресс в развитии новейших технологий 90-х гг. XX в. никак не способствовал решению таких острых, первичных проблем человечества, как голод, болезни, отсутствие жилья, нехватка воды — напротив, развитый мир стал все более пренебрегать острой проблемой остального человечества, превращая его трудности в ресурс собственного развития. Наиболее наглядно это проявилось в сокращении помощи бедным. За первое десятилетие глобализации эта помощь уменьшилась в 1,5 раза — до 0,25% валового национального продукта развитых стран, превратив поставленную ООН цель довести эту помощь до 0,7% ВВП в несбыточную мечту. Существенно, что и международная помощь сельскому хозяйству голодающих стран за 1986—1996 годы уменьшилась в те же 1,5 раза³.

С началом глобализации прогресс в развитых странах (15% населения нашей планеты) обернулся для другой части человечества интенсивным процессом усиления нищеты, т.е. привел к росту числа бедных. В этом основное противоречие глобализации.

¹ Мы пока оставляем в стороне рассмотрение многих других причин, приведших Запад к его нынешнему превосходству над остальным миром — в частности, факт беспрецедентного грабежа западноевропейскими государствами других стран и народов в эпоху колониальных завоеваний.

² Мировая финансовая олигархия как наднациональное образование и сила, устанавливающая в мире диктатуру денег, к настоящему времени в полной мере обрела статус нового геополитического субъекта на нашей планете. Ее появление — результат крушения биполярной системы мира. Влияние мировой финансовой олигархии на современные экономические, политические и социокультурные процессы крайне одностороннее, преимущественно деструктивное и разрушительное для большинства стран и народов мира, поскольку она ориентирована главным образом на те начинания и действия, результатом которых может стать быстрая и значительная прибыль. Нарастивая свою прибыль, финансовая олигархия приближает банкротство мировой финансовой системы, о чем настойчиво предупреждают многие исследователи — в частности, известный американский политик и экономист Л. Ларуш.

³ См.: *Делягин, М.Г.* Мировой кризис. Общая теория глобализации / М.Г. Делягин. М., 2003. С. 301.

Самым тревожным является быстрое нарастание диспропорции уровня потребления стран «золотого миллиарда» и остального человечества. Как показано в докладе ООН «Глобализация с человеческим лицом» (1999), разрыв уровня жизни между пяти богатейшими и пятью беднейшими странами в 1960 г. составил 30 : 1, в 1990 — 60 : 1, в 1997 — 74 : 1. Только за последние 15 лет доход на душу населения понизился более чем в 100 странах. В 2000 г. дециальный коэффициент неравенства в распределении мирового дохода превысил 100:1¹. Еще более шокирующее неравенство обнаружилось в распределении личного богатства (включая как финансовые, так и нефинансовые активы «домохозяйств»); по шкале распределения 10% взрослого населения мира имеет в личной собственности 85% мирового богатства; при этом половина мирового населения в низшей части шкалы распределения владеет едва ли 1%².

Диспропорция потребления богатых и бедных стран настолько велика, что если распространить стандарты потребления индустриально развитых стран на остальные страны мира, то пришлось бы увеличить годовую добычу железа в 75 раз, свинца и меди — в 100, олова — в 250 раз, хотя добыча этих ископаемых и так подошла к критической отметке³. А если, например, все страны выравнялись бы по уровню потребления энергоресурсов на душу населения с США, то потребовалось бы еще 2,6 таких планет, как наша, а нефть и газ в этом случае были бы выкачаны из недр Земли за одно десятилетие. Таковы подсчеты экспертов ООН.

Но в наибольшей степени свое деструктивное начало обнаружила глобализация в денежно-финансовой сфере. Она породила новую и весьма опасную разновидность валютно-финансовых кризисов. Выяснилось, что свободно мигрирующий по миру капитал (финансовая свобода) способен порождать разрушительные «спекулятивные смерчи», оказывать мощное дестабилизирующее воздействие на национальные экономики, причем финансовые спекуляции очень часто сопряжены с включением в действие механизмов «самоорганизующихся» (самоосуществляющихся) прогнозов и пророчеств, способных «на ровном месте» обрушить банковскую систему, валютный рынок, рынок ценных бумаг «страны-жертвы». Наибольшую уязвимость по отношению к всевозможным ситуациям такого рода испытывают страны, недавно вступившие на путь рыночных реформ и в силу этого

¹ *Dikbanov, J.* Trends in World Income Distribution / J. Dikbanov. // Third Forum on Human Development. P., January 17—19, 2005. P. 12.

² «The World Distribution of Household Wealth». J.B.Davies (Canada), S.Sandstrom (Finland) and E. N. Wolff (USA). December 2006 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.wider.unu.edu>. P. 26.

³ Иванов, А.В. Время великого размежевания: от техногенной — потребительской — к духовно—экологической цивилизации А.В. Иванов // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. 1999. № 6. С. 145.

не обладающие развитыми инструментами экономической политики и необходимым опытом. При этом важно понять, что тот вариант постиндустриализма, который утверждается ныне в развитых странах, отнюдь не выступает в качестве гуманистической альтернативы индустриально-рыночной цивилизации и ведет к новым, еще более жестким вызовам природе и культуре. На практике постиндустриальное общество в его западной модели обернулось перераспределением мировых ролей: высокоразвитые страны освобождаются от индустриальной функции — перерабатывающей промышленности — и становятся центром мировой финансовой игры, а также перераспределения ресурсов. Индустриальные функции передаются определенному количеству стран второго эшелона развития, способным обеспечить успешное функционирование перерабатывающей промышленности; на остальные страны выпадает роль поставщиков сырья и дешевой рабочей силы. Причем постсоветское пространство — часть мировой периферии, богатой сырьевыми ресурсами и осуществившей в свое время собственными силами индустриализацию¹, предстоит в соответствии с данным распределением ролей деиндустриализировать и превратить в ресурсного и экологического донора западного центра силы. Такова структура мира, планируемая и выстраиваемая на нынешней фазе развития постиндустриализма.

Еще совсем недавно надежды и помыслы некоторых футурологов были обращены к постиндустриальной перспективе в развитии человечества. Переход от индустриального к постиндустриальному обществу усматривался прежде всего как переход от следования рыночным принципам к постэкономическим ценностям и активному социальному регулированию, преодолению массового производства и потребления, радикальному изменению прежних методов и форм труда, максимальному использованию творческого потенциала работников, формированию нового типа семьи и новых форм социального партнерства, повышению роли знания и изменению системы образования и т.п.

Похоже, развернувшиеся на нашей планете трансформационные процессы явились реальным препятствием на пути осуществления данных упований и надежд. И в этом нет ничего удивительного. Как свидетельствуют факты, теория и реальные процессы часто не соответствуют друг другу. Это в полной мере касается концепций постиндустриального общества. Се-

¹ Ни в коей мере не оправдывая огромных человеческих жертв, принесенных на алтарь сталинской индустриализации, все же необходимо сказать, что и капиталистическая индустриализация не обошлась без жертв. Она, как известно, сопровождалась многолетними колониальными войнами, в которых уничтожались целые народы и древние культуры, происходило разрушение местного хозяйства, культивировалось рабство, насилие, распространялся голод и т.д. Эти издержки экспансии капитализма были ничуть не меньшими, чем плата за индустриальный скачок в СССР.

годня ряд исследователей, исходя из практики последних лет, стали усматривать в замыслах «постиндустриального», «информационного» и других обществ некоторую фиктивность и относить их к числу интеллектуальных фантомов. Даже Д. Белл, выступивший в свое время одним из крупнейших теоретиков постиндустриального общества, в беседе с В. Иноземцевым о своей новой книге «Эпоха разобщенности», отметил, что проблематику, связанную с теорией постиндустриального общества, он считает пройденным этапом¹. И в самом деле, как можно считать постиндустриальным обществом такую организацию его экономической жизни, при которой индустриальное производство сконцентрировано в одних точках планеты, а печатание денег и потребление — в других. Это просто перенос производства.

Здесь важно учесть еще одно обстоятельство: творческий труд, в котором исследователи усматривали одну из самых существенных характеристик постиндустриального общества, на сегодняшний день остается уделом немногих, а большинству по-прежнему приходится довольствоваться либо рутинным трудом, либо вынужденным досугом и «расширенным потреблением». Тем самым можно утверждать, что постиндустриальное общество лишено настоящего нравственного фундамента. Современный капитализм существует и функционирует ради прибыли и частного ее присвоения. Рыночные отношения выходят далеко за пределы экономики и активно вторгаются в прежде нерыночные сферы и институты: семью, политику, образование, здравоохранение и т.п. Это дало основание некоторым исследователям назвать данный процесс *рыночным вызовом цивилизации* (А. Панарин). Если на заре возникновения постиндустриализма предполагалось, что центральным социальным институтом общества будет университет как источник творчества, то сегодня центром социума зачастую становится банк как «сборщик дани» с любой производительной активности. В самом лучшем случае постиндустриализм стал новым витком научно-технической революции, продолжением техногенного типа развития на основе более рафинированных технологий. В худшем случае он грозит выродиться в социалдарвинистские джунгли, где торжествуют экономический эгоизм, бездуховная сила, алчность, праздность.

Сегодня представляется более правомерным вести речь не о постиндустриальном обществе, а о третьей модели капитализма — *финансово-олигархическом капитализме*, который начиная с неолиберальных реформ М. Тэтчер и Р. Рейгана стал утверждаться и к началу глобального финансово-экономического кризиса (2006 г.) окончательно утвердился в евроатлантическом мире. Финансово-олигархическому капитализму предшествовали модель классического капитализма, которая хорошо известна по работам Маркса, и модель капитализма как империализма, которая тоже

¹ Белл, Д. Эпоха разобщенности / Д. Белл, В. Иноземцев. М., 2007.

довольно полно охарактеризована многими авторами, в том числе Лениным. Что касается третьей стадии в развитии капитализма — финансового капитализма, то он дал необычайно широкий простор «инстинкту потребления» и привел человечество в конечном итоге к *глобальному финансово-экономическому кризису*. Глобальный финансово-экономический кризис явился прямым следствием, порождением именно финансового капитализма, обнаружившего свой необычайно агрессивно-экспансионистский характер.

Наличие системного антикапитализма в виде Советского Союза вынуждало буржуазию западных стран включать механизм перераспределения общественного продукта в пользу значительной части среднего и рабочего классов, что было явным отклонением от логики развития и природы капитализма как такового. Само существование Советского Союза, осуществившего за короткий срок своими силами индустриализацию, первым покорившего космос, первым построившего мирную атомную электростанцию, атомный ледокол и т.п., заставляло капиталистическую систему в самом ее ядре нарушить классовую логику и в той или иной мере отступить от принципов капитализма и даже рядиться в квазисоциалистические одежды. Отсюда триумф средних классов — этого стенового хребта западноевропейской демократии. Отсюда и ориентация на становление и развитие «государства всеобщего благоденствия» (welfare state).

С крушением СССР, объективно выступавшего гарантом обеспеченной жизни низших слоев западноевропейского общества, ситуация стала меняться. Капитал начал разворачивать наступление на средний и рабочий классы непосредственно в самом ядре капиталистической системы. «Недаром, — пишет известный историк А. Фурсов, — там уже появилась социологическая теория «20 : 80». Согласно ей, в современном западном обществе меняется социальная структура: 20% — богатые, 80% — бедные, и никакого среднего класса — он размывается, тает вместе с нацией-государством, частной формой которого является welfare state»¹. Современная статистика доходов красноречиво свидетельствует: на протяжении последних десятилетий реальная заработная плата рабочих низшей и средней квалификации устойчиво снижалась, тогда как доходы высококвалифицированных работников, индивидуально занятых программистов, дизайнеров, ученых и особенно управляющих, менеджеров постоянно росли. Например, в США средний заработок промышленного рабочего примерно в 300 (!) раз ниже, чем доходы высших менеджеров крупнейших компаний. В 1980 г. этот разрыв был почти вдвое меньше². Вообще, за последние двадцать лет доля зарплаты в добавленной стоимости снизилась в США, например, с 45 до 35%,

¹ Фурсов, А. Накануне «бури тысячелетия» / А. Фурсов М., 2007. С. 178.

² Прежевальская, О.Н. Противоречия глобализации и интересы России / О.Н. Прежевальская // Власть. 2003. № 3. С. 51.

в Германии — с 47 до 45%¹. Как видим, капитал, не имея в качестве своего противовеса социалистической системы, стал действовать более агрессивно. Кстати сказать, выдающийся американский социолог Р. Коллинз также говорит о процессе быстрого превращения в современных развитых капиталистических странах части среднего класса в «типичный пролетариат». Такого рода превращение, согласно ему, неизбежно обернется дестабилизацией капиталистической системы².

Как уже упоминалось, со времени утверждения на мировой арене финансово-олигархического капитализма человечество вступило в новую фазу своего развития — фазу игрового капитализма, втягивающего в крупную спекулятивную игру всю мировую экономику. Наиболее рельефным проявлением этого стало возникновение не имеющих аналогов в прошлом финансово-экономических игровых технологий, способных подрывать национальный суверенитет многих народов. Игровые технологии изначально оказались ориентированы на дематериализацию богатства, придания ему знаковой формы для последующего включения в систему мирового информационно-электронного обмена, что на деле сплошь и рядом оборачивается откатом в развитых странах от продуктивной экономики и утверждением новой формы ростовщичества — господства электронных денег и власти виртуальной экономики, связанной с фиктивным капиталом, банка — над предприятием, а международной финансовой олигархии — над национальными экономиками, т.е., по сути, новой формой паразитизма и глобального хищничества.

Однако игровая капиталистическая экономическая система — это система апокалиптически-катастрофическая. Она вскружила голову транснациональной олигархии («головокружение от успехов»), которая в своей игре, не задумываясь, рискует всей мировой историей. Так долго продолжаться не может. Как считают многие исследователи, скоро экономизму придет конец по той или иной причине, так как эта модель нежизнеспособна ни социально, ни экологически.

10.3. Формирование региональных центров развития и силы как альтернативная глобализму стратегия развития

В древности и в средние века развитие экономики и технологических укладов не требовали тесных интернациональных и интеграционных процессов, поэтому, несмотря на различные военно-политические объедине-

¹ Greider, W. One World, Ready or Not: the Manic Logic of Global Capitalism // N.Y.: 1998. P. 75.

² На новые вызовы найдутся новые ответы. И так без конца... /Интервью В. Иноземцева с профессором Р. Коллинзом // Свободная мысль. 2010. № 11. С. 14.

ния, союзы, завоевания и т.д., имела место тенденция к раздробленности, к созданию независимых образований в виде отдельных небольших княжеств, герцогств и т.п. Позже (с развитием заводского и фабричного производства) возникла объективная потребность в формировании общенационального рынка, в возникновении крупных национальных государств. Затем появилась тенденция выхода экономических систем за рамки национально-территориальных образований, границы национальных государств стали тесными для современного технико-экономического развития.

Все это действительно так, но это не означает, что для развития современных хозяйственных структур нужна вся планета. Процессы экономической интеграции вполне успешно и эффективно сегодня протекают на континентальных и субконтинентальных пространствах, в географических регионах, населенных *родственными народами в цивилизационном и социокультурном отношениях, т.е. народами, принадлежащими, как правило, к той или иной локальной цивилизации современного мира*. Наиболее ярким примером региональной интеграции выступают страны Западной Европы, ряд государств Юго-Восточной Азии. В последнее время тенденция к региональной интеграции стала заметно проявлять себя и в Латинской Америке. Импульсивное и обостренное стремление к консолидации присуще некоторым лидерам, общественным и религиозным деятелям исламского мира. Другое дело, что США и их союзники пытались и пытаются навязать реальным интеграционным процессам свою версию направленности их развития. По сути, США стремятся сконструировать систему глобальной регуляции мировой экономики, не соответствующую действительному характеру и объективным тенденциям ее развития. Их цель — однополярный мир, которым можно было бы управлять из одного центра.

На практике глобализационный проект США, ориентированный на моноцентричность мира, оказался очередной эпохальной иллюзией, фантомом. В реальности идет интенсивный процесс *формирования самостоятельных региональных центров развития и силы, объединяющих целую группу государств, вступающих между собой в жесткую конкурентную борьбу*.

Сегодня бесспорным фактом является то, что на нашей планете наряду с существованием огромного количества стран третьего и отчасти бывшего второго мира, утративших способность к самостоятельному развитию (так называемых падающих или несостоявшихся государств), выявился целый ряд крупных стран, которые, несмотря на свое прошлое и даже нынешнее отставание от стран первого мира — лидеров глобализации, быстро создают предпосылки для перехода на более высокую ступень в мировой иерархии и начинают активно воздействовать на процесс формирования нового миропорядка, новой геоструктуры мира. В специальной литературе эти государства сейчас принято называть восходящими странами-гигантами. В эту группу государств чаще всего включают Китай, Индию, Бразилию и

Россию. Появились даже особая аббревиатура, состоящая из начальных букв в названии данных государств: БРИК — Бразилия, Россия, Индия, Китай. В последнее время стали с различной степенью определенности говорить о «втором эшелоне» восходящих стран-гигантов, к которым относят Мексику, Пакистан, Индонезию и ЮАР.

Похоже, наш мир будет еще долго, если не всегда, оставаться «многополярным», полицентрическим, ибо сама идея установления моноцентрического мира противоречит «логике социального», базирующегося, как и все в мире живое, на законе разнообразия. Ни глобальный характер современных информационных технологий, ни Интернет, ни скоростной транспорт не в состоянии сами по себе обеспечить единство мира, преодолеть его разорванность и противоречивость. В реальной жизни процесс становления новой геоструктуры мира, нового миропорядка, нового мироустройства имеет *тенденцию не только к интеграции, но и к дезинтеграции, к формированию новых и весьма жестких разделительных линий*. Если раньше основными элементами геоструктуры мира являлись национальные государства, то сегодня таковыми все в большей мере начинают выступать региональные центры развития и силы, коалиции государств, группирующихся, как правило, вокруг каких-либо наиболее мощных региональных государств-гигантов. Мир, структурируясь иначе, по-прежнему остается трагически не единым. Сегодня ряд исследователей выдвигают вполне взвешенную и аргументированную точку зрения, согласно которой «мировой системе предстоит стать *полицентрической*, а самим центрам — *диверсифицированными*, так что глобальная структура силы окажется многоуровневой и многомерной (центры военной силы не будут совпадать с центрами экономической силы и т.п.), хотя и необязательно сбалансированной»¹. Причем формирующийся новый миропорядок будет базироваться не на одной, а на *нескольких дополняющих друг друга и вместе с тем в чем-то соперничающих ценностных системах*, а его специфической чертой станет отсутствие универсального индивидуального лидерства. Ни одна страна (сколь бы сильна она ни была) не сможет навязать миру свою линию развития. Кроме того, грядущий мировой порядок, по-видимому, будет иметь не одну, а несколько точек роста и изменяться одновременно в нескольких направлениях, в том числе и взаимоисключающих.

Почему не глобализация, а регионализация становится доминирующим фактором мирового развития? Дело в том, что в современных условиях прежде всего ввиду ограниченности ресурсов ужесточается конкуренция по всем направлениям и азимутам. В ситуации ужесточения глобальной конкуренции на мировых рынках подавляющее большинство государств

¹ Баталов, Э.Я. «Новый мировой порядок»: к методологии анализа / Э.Я. Баталов // Полис. 2003. № 5. С. 33.

нашей планеты могут сохранить свой суверенитет и свою политическую субъективность только в союзе с другими государствами, путем создания коалиции государств, позволяющей им успешно противостоять давлению глобальных монополий и другим глобальным опасностям и вызовам. А вызовов этих и опасностей, как уже было показано, глобализация в своем развитии породила немало. Но у государств и народов мира, как известно, существует инстинкт самосохранения. К сегодняшнему дню его проявлением стал «переход от глобализации к регионализации, т.е. от формирования единого общемирового рынка к созданию системы региональных рынков. В их рамках в силу снижения остроты конкуренции смогут не только существовать, но и развиваться относительно менее эффективные общества»¹.

Регионализацию, таким образом, можно рассматривать как реакцию стран на вызовы глобализации, как способ ограничить ее негативное влияние на национальную экономику посредством установления внутрорегиональных предпочтений, внешних барьеров и коллективного протекционизма. «Нужно понимать, что весь мир стоит на пути создания мощных региональных союзов, которые могут выжить в конкурентной борьбе. Буквально через несколько лет мы станем свидетелями организации торгово-экономических отношений и связей не столько между странами, сколько между крупными региональными группировками, каждая из которых будет стремиться доступными ей способами накачать мускулы и стать весомым игроком, с которым считаются другие. Конкуренция будет вестись между ЕС, НАФТА (Североамериканская зона свободной торговли), Меркосур (Таможенный союз ряда государств Южной Америки), ЕвразЭС, Индией, Китаем и Японией, которые создадут зону свободной торговли в Юго-Восточной Азии»².

Некоторые авторы считают, что сегодня обозначились контуры «мира без Запада». Этот новый мир покоится, с их точки зрения, «на углубляющихся быстрыми темпами взаимосвязях развивающихся стран (через потоки товаров, денег, людей, идей), которые, на удивление, неподконтрольны Западу. В результате формируется новая, параллельная, международная система с собственными нормами, институтами и общепринятыми структурами власти... Восходящие державы начали выстраивать альтернативную архитектуру институтов и особые модели государственного управления, которые составляют каркас их собственного — и очень реального — устойчивого и легитимного (в глазах большей части остального мира) политико-экономического порядка»³.

¹ Делягин, М.Г. Предстоящий мир: некоторые базовые тенденции и требования к России / М.Г. Делягин // Мир в 2020 г. М., 2007. С. 249.

² Глазьев, С. Таможне дают «добро...» /С. Глазьев // «Завтра». 2009. № 51 (839).

³ Барма, Н. Мир без Запада / Н. Барма // Россия в глобальной политике. 2008. № 11. С. 21.

В настоящее время все более значимым фактором международной конкуренции становится и «культурный барьер», разделение человечества по цивилизационному признаку. «Социализм и капитализм конкурировали в рамках единой культурно-цивилизационной парадигмы, и силовое поле, создаваемое биполярным противостоянием, удерживало в ее рамках все остальное человечество, оказывая на него мощное преобразующее влияние. Исчезновение биполярной системы уничтожило это силовое поле, высвободив сразу две цивилизационно-культурные инициативы: исламскую, несущую мощный социальный заряд, и китайскую»¹. В результате конкуренция стала стремительно приобретать характер соревнования между цивилизациями — «и кошмарный смысл этого обыденного факта еще только начинает осознаться человечеством»².

Что же касается участников конкуренции между цивилизациями, то они разделены еще глубже, чем стороны межнационального конфликта. «Они не только преследуют разные цели разными методами, но и не могут понять ценности, цели и методы друг друга. Финансовая экспансия Запада, этническая — Китая и религиозная — ислама не просто разбивается в разных плоскостях: они не принимают друг друга как глубоко чуждое явление, враждебное не в силу различного отношения к ключевому вопросу всякого развития — вопросу власти, но в силу самого своего образа жизни. Компромисс возможен только в случае изменения образа жизни, т.е. уничтожения их как цивилизации»³. Конкуренция между цивилизациями предельно иррациональна, а потому сверхопасна и разрушительна.

И что особенно интересно: охвативший нашу планету во второй половине 10-х г. XXI в. глобальный финансово-экономический кризис стал чрезвычайно быстро ускорять процессы регионализации мира и вести к жестким противодействиям «схеме» всеобъемлющей, стандартизирующей глобализации (точнее было бы сказать — американизации). Похоже, мировой финансово-экономический кризис положит конец всяким разговорам о регионализации как ступени на пути к глобализму или о глобализации как процессе, осуществляющемся через регионализацию. Есть все основания полагать, что регионы в послекризисный период будут представлять собой (они уже в значительной мере представляют) вполне самостоятельные образования, которые изначально по своим целям и функциям направлены против глобализма, поставившего их в докризисное время в крайне невыгодные условия. А как может быть иначе, если после победы над Советским Союзом в «холодной войне» экономически развитые страны переориентировались

¹ *Делягин, М.Г.* Предстоящий мир: некоторые базовые тенденции и требования к России. С. 214—242.

² Там же. С. 242.

³ Там же. С. 242

мир исключительно в интересах своих глобальных корпораций. И сделали это так эгоистично и недальновидно, что лишили половину человечества возможностей для нормального развития. Такого рода геооперация вызвала не только глобальную напряженность, всплеск терроризма и миграций, но и ограничила возможности сбыта товаров, произведенных в самих этих странах. В результате этого данные страны (прежде всего США) навлекли на себя не только всеобщую ненависть народов бедных государств, но и сами попали в объятия кризиса перепроизводства. При этом, что особо следует подчеркнуть, эффективность евроатлантической цивилизационной модели развития повсеместно стала подвергаться сомнению и критике. Суждений в современной мировой литературе на этот счет великое множество.

Американский экономист Р. Олтман в своей статье «Геополитическое поражение Запада» пишет о том, что «глобальный финансово-экономический кризис подорвал доверие к экономике Запада, что он уведит мир от однополярной системы и смещает мировой фокус в сторону от США»¹. Британский эксперт А. Пабст заключает: «Мир больше не будет тянуться за Западом. «Атлантическая однополярность»...уже не формирует и не направляет глобальную геополитику и геоэкономику»². Дж. Ео, министр иностранных дел Сингапура, отмечает: «Развивающиеся страны уже не станут устремлять свои взоры только на Запад как источник вдохновения; они тоже повернутся к Китаю и, может быть, к Индии»³. А бывший премьер-министр Бельгии Ги Верхофстадт утверждает: «...мы в каком-то смысле возвращаемся к региональным империям и вступаем в новый век...»⁴. Итальянский экономист А. Полити констатирует: «Идеология рыночной экономики (невидимая рука, витальная сила и демократия рынка) подорвана»⁵. Д. Белл, анализируя процессы регионализации мира, приходит к выводу о том, что наша эпоха становится «эпохой разобщенности». Он подчеркивает, что, несмотря на усилия некоторых политиков сконструировать однополярный мир, реальные события идут своим чередом: «Именно поэтому, согласно ему, мы наблюдаем сегодня прецеденты региональной интеграции... Регионы — вот те политические, социальные и культурные единицы, из которых

¹ Олтман, Р. Великий крах — 2008: геополитическое поражение Запада / Р. Олтман // Россия в глобальной политике. 2009. Т. 7. № 1.

² Пабст, А. Берлинская доктрина: от атлантической однополярности к панъевразийскому сообществу безопасности / А. Пабст // Россия в глобальной политике. 2009. Том 7. № 1. С. 90.

³ Ео, Дж. Эпоха великой переоценки / Дж. Ео // Россия в глобальной политике. 2009. Т. 7. № 1. С. 29.

⁴ Верхофстадт, Ги. Три выхода для Европы: на пороге «нового века империй» / Ги Верхофстадт // Россия в глобальной политике. 2009. Т. 7. № 1. С. 26—27.

⁵ Полити, А. После «бушеномики». От бездержавной многополярности к текущим балансам / А. Полити // Россия в глобальной политике. 2009. Т. 7. № 1. С. 68.

будет строиться мир XXI в.»¹. Английский исследователь Н. Фергюссон предсказывает: «Если события будут и далее развиваться так, как они развивались в последние несколько десятилетий, двухвековому доминированию Европы, а затем и ее гигантскому североамериканскому отпрыску придет конец. Япония была лишь провозвестником азиатского будущего. Она оказалась слишком мала и слишком интравертна, чтобы изменить мир. Но те, кто идет вслед за ней — и прежде всего Китай, — свободны от этих недостатков... Европа была прошлым, США являются настоящим, а Азия с доминирующим в ней Китаем станет будущим мировой экономики»². Даже небезызвестный З. Бжезинский признает, что «500-летнее глобальное доминирование атлантических держав подходит к концу»³. Таковы оценки сегодняшней ситуации в мире. Обратим внимание на процесс ее быстрого изменения. Кто бы раньше мог подумать, что Запад прямо на глазах начнет терять статус образца развития для незападных народов и стран? Но это сейчас происходит.

Полицентричность, которая формируется на наших глазах, надо полагать, не приведет человечество к гармоничному и непротиворечивому состоянию. Теоретически «многополярность» может быть устойчивой при равных возможностях центров сил, при их соответствии классическому типу баланса сил. Но такая идеальная ситуация в истории редко случается, а если случается, то ненадолго, ибо она противоречит закону неравномерного развития государств. В реальности непременно какое-то государство или группа государств вырвутся вперед. Новый центр силы, достигнув экономической и военной мощи, равной или превосходящей потенциал ведущих государств мира, сразу же начинает требовать для себя нового статуса, означающего на деле передел сфер мирового влияния. Этой борьбы, противоречий и дисгармонии, видимо, человечеству не избежать еще долго. Как бы люди в своих помыслах и идеалах ни стремились к миру и согласию, человеческая история тем не менее остается трагически конфликтной и противоречивой. И здесь уже не так важно, какая конкретно конфигурация или геоструктура международных отношений будет господствующей в мире. Утвердится ли схема полицентрического (многополярного) мира, в котором собственной зоной влияния обзаведутся такие страны, как Китай, Индия, Россия, Бразилия и т.д., или возьмет верх другой сценарий, когда параллельно будут сосуществовать шесть или семь цивилизаций, утверждающих себя в качестве самостоятельных региональных центров мирового развития, этих противоречий и конфликтов не избежать.

¹ Белл, Д. Эпоха разобщенности / Д. Белл // Свободная мысль. — XXI. 2006. № 6. С. 6.

² Фергюссон, Н. Мир без гегемона / Н. Фергюссон // Свободная мысль. — XXI. 2005. № 1. С. 15.

³ International Herald Tribune. 2008. Dec. 17. С. 17.

Все предпринимавшиеся когда-либо попытки осуществить «полную и окончательную» интеграцию и универсализацию мира, включая современные попытки США и их союзников, в принципе не состоятельны, ограничены и преходящи. Глубокой представляется мысль М. Гейфтера о «схватке разнонаправленных развитий», которые не растворяются в «едином мире», а создают перманентный «мир миров», некую взаимозависимую целостность различий — «равноразность». Исследователь призывает отказаться «от единства, по отношению к которому различия способны быть лишь версиями или вариантами». Единство, в его понимании, это «совместимость несовпадающих векторов развития». «Мир и есть (будет?) МИРОМ МИРОВ». Поэтому-то на смену «окончательному решению» придет «НЕОКОНЧАТЕЛЬНОСТЬ МИРОУСТРОЙСТВА как способ ужиться всем вместе на Земле»¹.

Человечеству необходимо выживать. Поэтому вновь возникающим центрам силы, крупным государствам, обзаведшимся своими сферами влияния, так или иначе придется договариваться и улаживать свои проблемы. Как отдельные интеграционные экономические зоны они будут вступать в отношения скорее всего интернационализации, уступающие статусу или позиции глобализации. Судя по всему, лишь вопросы экологии, демографии, совместного освоения космического пространства и другие подобного рода проблемы приобретут всеобщий глобальный характер. Необходимость решения этих вопросов будет стимулировать взаимосвязь и взаимодействие различных центров развития и силы, объединять их. Разъединять их будет борьба за территории, богатые сырьевыми и минеральными ресурсами, за дешевую рабочую силу, за страны, еще не включенные в сферу влияния данных центров, и т.д.

Не исключено, конечно, и наступление эпохи новых «темных столетий», эпохи хаоса и анархии, для которой станут характерны упадок и крушение крупных государственных образований, грабежи, религиозный фанатизм, экономический застой, потеря основных достижений цивилизации, ее отступление в отдельные укрепленные анклавы и т.д.

Вообще, современное состояние мирового сообщества можно определить «как цивилизационный слом или как гигантскую бифуркацию», где жестко сопряжены относительно новые и весьма опасные процессы: экологический, демографический, антропологический, социально-политический, финансово-экономический, этический, религиозный и другие кризисы. Можно предположить, считает российский исследователь Л.В. Лесков, что после прохождения этой мегабифуркации мировая история в XXI в. будет развиваться по одному из следующих альтернативных сценариев:

1) униполярная глобализация по модели Pax Americana; 2) неустойчивое равновесие нескольких мировых центров силы; 3) столкновение цивили-

¹ Гейфтер, М. Мир миров: российский зачин / М. Гейфтер // Иное. Россия как идея. М., 1995. С. 90–91.

лизаций, нарастание волн терроризма, наркобизнеса, «малых» войн и т.п.; 4) распад мирового сообщества на слабо связанные центры силы, возврат к варварству, новое Средневековье; 5) экологическая катастрофа — сначала региональная, а затем и глобальная; 6) глобализация по модели партнерства локальных цивилизаций в решении общемировых проблем; 7) глобализация по модели ноосферного постиндустриального перехода в условиях качественно нового научно-технического прорыва¹.

Похоже, что к сегодняшнему дню реальный ход мировой истории отверг первый сценарий. Современное человечество движется все ускоряющимися темпами от фантома «однополярности» к полицентрическому мироустройству, что, конечно, само по себе (и здесь мы согласны с Лесковым) не гарантирует стабильного и устойчивого развития человеческой цивилизации. Только два последних из этих семи сценариев выступают как конструктивные и нетупиковые, способные обеспечить в постбифуркационном пространстве XXI в. выживание человечества, его устойчивое самодвижение и развитие. К сожалению, путь к реализации этих позитивных сценариев пока просматривается с большим трудом. «Крот истории» все еще роет свою дорогу в потемках.

Вот такими оказываются замысловатые сюжеты и пути истории на современной стадии развития человечества.

Итак, «однополярность», о которой так много писали и говорили после падения Советского Союза, оказалась непродолжительной. История в очередной раз продемонстрировала миру, что она не терпит супердержав. Каким бы мощным и доминирующим ни было то или иное государство, у него рано или поздно появляются соперники и человечество вновь возвращается к полицентрическому, «многополярному» миру конкурирующих великих государств (центров развития и силы). И даже если США образумятся и откажутся от имперских притязаний, другие страны или группы стран начнут бороться за свою гегемонию. Борьба за превосходство и доминирование всеобща и вечна.

Подставим вопрос, какую стратегическую линию развития избрать восточнославянским народам, имея в виду только что рассмотренный нами современный мировой контекст, связанный как с новыми интеграционными процессами, так и с новыми разделительными линиями.

Славянский мир вступил в III тысячелетие раздробленным и обессиленным, подверженным внутренним распрям и разрушительному внешнему воздействию. По сути, идет деславянизация мира. Однако не только славянский мир в целом, но даже восточнославянская цивилизация в отдельности (восточнославянский суперэтнос) не выработала согласованных мер по противодействию всем этим негативным тенденциям и процессам.

Между тем будущее восточнославянской цивилизации закладывается уже сегодня. Восточнославянским народам, чтобы не оказаться вытолкнутыми на обочину исторического процесса, в нищую мировую периферию,

¹ Лесков, Л.В. Синергетика культуры / Л.В. Лесков // Вестник МГУ. Сер.7. Философия. 2004. № 5. С. 31.

а занять достойное место в геополитической (финансово-экономической, демографической, экологической и т.д.) обстановке XXI в., еще более противоречивой и конфликтной, чем в XX в., необходимо выработать и осуществить *инновационную, прорывную стратегию развития*.

Что же наиболее важно в геостратегическом плане для восточнославянских народов в данный исторический момент?

Ответ один: *формирование восточнославянского цивилизационного центра развития и силы на собственной культурно-исторической основе*.

Объединяющаяся и объединенная Европа однозначно не считает православные восточнославянские народы своими и похоже, что и в обозримом будущем считать не будет. Для Азии (прежде всего Юго-Восточной) и народов исламского мира мы тоже не свои. В этой ситуации восточнославянским народам остается либо консолидироваться, объединяться и создавать свой собственный центр развития и силы, либо превращаться в «этнографический материал», почву для развития других цивилизационных центров.

Если говорить об исторических перспективах развития восточнославянских (как впрочем и всех других) государств, то следует иметь в виду чрезвычайно важное обстоятельство: в наше время более-менее надежную историческую перспективу для своего выживания и дальнейшего устойчивого развития имеют только те страны, территории которых богаты минеральными и энергетическими ресурсами, или те, которые овладели или смогут овладеть высокими технологиями. Вообще-то факторов, определяющих историческую судьбу народов, множество, но сегодня на первый план выдвинулись именно энергетически-сырьевой и технологический. В связи с этим следует обратить внимание на следующий примечательный факт. США, население которых составляет от мирового менее 5%, потребляет сырьевых и энергетических ресурсов, задействованных сегодня в мире, более 40%. Промышленность, инфраструктура, транспорт, которые обслуживают интересы этих пяти процентов, уже в течение 30 лет съедают весь кислород, образуемый наземным фотосинтезом растений на территории США. Если бы можно было каким-то образом отделить США от российской Сибири и джунглей Латинской Америки, жизнь в них прекратилась бы. Из 72 основных видов сырья, используемых США, 69 завозится из других стран. А если добавить к США другие богатые страны, обеспечившие у себя потребительский образ жизни, то уже 15% населения от мирового. Эти 15% и есть так называемый золотой миллиард нашей планеты. К настоящему времени эти 15% населения уже потребляют 80% мировых сырьевых и энергетических ресурсов, а их выброс в атмосферу углекислого газа равен 60%¹. И что интересно, «золотому миллиарду» этого уже не хватает: раскрутившийся маховик предпринимательской экономики,

¹ Крылова, И.А. Дестабилизация социально-экономической обстановки в России / И.А. Крылова // Философия и общество. 1999. № 1.

основанный на принципе получения максимальной прибыли, требует все больше и больше ресурсов. В результате в странах этого «миллиарда» или начнут снижаться достигнутые стандарты потребления, или правительствам этих стран придется усилить эксплуатацию других стран и народов. Такова объективная ситуация.

Западная цивилизация является потребительской цивилизацией. Но потребительская цивилизация помимо всего прочего не может существовать, не расширяясь за счет других цивилизаций, которые она постепенно поглощает, или, иначе говоря, потребляет.

А вот другая статистика: в России население от мирового составляет более 2%, а на ее территории, по оценке Всемирного банка, сосредоточена 1/3 мировых энергетических и сырьевых ресурсов.

На сегодняшний день это обстоятельство стало важным в выборе ориентаций и принимаемых решений в мировой политике. Здесь сконцентрированы ее основные пружины и хранятся ее ключи.

Вообще наша планета становится похожей на печально известный «Титаник», получивший пробоину в своем корпусе в результате столкновения с айсбергом. Пассажиры «Титаника», до поры до времени не располагая информацией о случившемся, суетно продолжают выяснять отношения, добиваться по причине психологической несовместимости переселения из одной каюты в другую, влюбляться, обманывать и обворовывать один другого. Но когда всем становится известно, что корабль тонет, начинается борьба за овладение спасательными шлюпками. А шлюпок этих на всех не хватает... Получилось так, что на нашем «обшаренном шарике», где все обшито, все измерено и всего оказалось недостаточно, именно Россия благодаря своему семижильному мужику, хозяйственно освоившему в свое время огромные новые территории, стала обладательницей наибольшего количества существующих в мире этих «спасательных шлюпок», сильно поделить которых начинают ныне многие¹.

¹ Интересен вопрос, почему трудолюбивые японцы, постоянно испытывая давление плотности населения, так и не предприняли попыток (вплоть до XX в.) освоить новые территории и выйти за пределы ограниченного пространства населенных ими островов, а русские, обогнув их острова, приступили к освоению американского континента. Русские, а не японцы, у которых Курильские острова под самым боком, открыли и освоили их. Видимо, дело здесь в том, что у восточного соседа издревле и повсеместно возобладало поведение по принципу быть таким как все. Открытие новых земель, наоборот, требовало других поведенческих качеств — способности действовать нестандартно. В XV—XVII вв. в период централизации русского государства, сопровождающейся нарастанием регламентации поведения и ограничением былых местных свобод, одной из причин расселения стало бегство крепостных крестьян, холопов, городской нищеты на вольные земли окраин государства (Дон, Запорожье, Сибирь) и создание там специфических казачьих поселений. В этом, между прочим, проявилось стремление русских к индивидуальной свободе и неприятие ими строгой регламентации жизни. По своему менталитету русские были склонны подчинять свою деятельность скорее духу, а не букве законов, а этику правил — этике принципов.

Поставим вопрос: нужны ли сегодняшнему Западу Украина и Беларусь? Нужны: во-первых, для того, чтобы ослабить Россию, набросить на нее петлю, не дать ей возможности создать свой самостоятельный центр развития и силы и тем самым получить беспрепятственный доступ к ее ресурсам, стать хозяином и распорядителем этих ресурсов; во-вторых, для генно-биологической подпитки состарившихся западно-европейских этносов, т.е. для приостановки быстро нарастающих процессов депопуляции в западном мире и пополнения белым биологически и социально активным населением из Беларуси и Украины своей рабочей силы. Причем, по замыслу западноевропейских политтехнологов и государственных деятелей, привлечение рабочей силы из восточнославянских стран призвано существенно уменьшить поток эмигрантов из Африки, Азии и Латинской Америки.

Западные европейцы, сформировавшие у себя «общество потребления» и «цивилизацию досуга», обогнавшие весь мир по уровню научно-технического прогресса и экономического преуспевания, осуществившие множество всяких революций во всех сферах своей жизнедеятельности, к настоящему времени, похоже, утратили или утрачивают желание рожать детей, а следовательно, уже не могут обойтись без притока эмигрантов с Юга. Европейцев и американцев сегодня весьма трудно заставить выполнять целый ряд работ, особенно в третичном секторе, за которые с удовольствием берутся иммигранты. В результате этого Европа, если она, конечно, резко не изменит алгоритма своего развития, обречена стать континентом старых людей, остро испытывающих потребность в массовой миграции для поддержания производства и сохранения сложившейся системы социального обеспечения.

Западные политики и ученые прекрасно отдают себе в этом отчет. Они понимают, что замена иммигрантских потоков из бедных стран третьего мира потоками белых иммигрантов из славянских стран будет в известной мере спасительной для Западной Европы, поскольку существенно замедлит разрушение культурно-цивилизационного кода. Так, американский исследователь П. Ханна подчеркивает, что расширение Европейского Союза «необходимо самой Европе, иначе она прекратит свое существование»¹. Этот свой тезис он подкрепляет следующим весьма красноречивым высказыванием одного из официальных представителей Еврокомиссии: «Хотя мы не желаем этого признать, расширение притормаживает неблагоприятную демографическую динамику, увеличивая численность рабочей силы»². Вот в чем оказывается еще один из глубинных мотивов расширения Европейского Союза.

¹ Ханна, П. Второй мир / П. Ханна. М., 2010. С. 33.

² Там же.

В других отношениях Беларусь и Украина Западу не нужны. Они не нужны ей как конкуренты в получении ресурсов из третьих стран, не нужны ей и в области промышленного производства, особенно высокотехнологичного. Но главное — Западной Европе они не нужны как чуждые духовно-ментальные и культурно-цивилизационные образования. Западноевропейцев понять можно: они стремятся сохранить свою цивилизацию. Но для восточнославянских народов процесс перекачки рабочей силы в западные страны может обернуться не чем иным, как ускорением и углублением дельтавизации мира. Страны, которые покинули самые образованные, квалифицированные и экономически активные граждане, ждут превращение в государства-паразиты, неспособные к самостоятельному существованию, а поэтому нуждающиеся во внешнем управлении. Став составной частью балто-черноморского санитарного коридора, отделяющего Россию от Западной Европы, Беларусь и Украина могут превратиться в *глухую окраину Европы и изгоев Евразии*. Космополитический и постмодернистский Запад никогда не будет беспокоиться о сохранении социокультурной идентичности и развитии национального самосознания белорусского и украинского народов. Как представители другой цивилизации, Беларусь и Украина никогда не достигнут реального равноправия со странами Западной Европы.

В свою очередь Россия одна, без стратегического экономического, политического и военного союза с остальными восточнославянскими странами вряд ли сможет сохранить свою территориальную целостность, удерживать Западную и Восточную Сибирь — богатейшую в мире кладовую сырьевых и энергетических ресурсов — ей для этого просто не хватит населения. На этот регион с откровенным вожделением смотрят и США, и Япония, и Китай, и другие страны.

Подчеркнем, что при реализации данного сценария цель раздробления восточнославянского мира, превращения его в колониальную или полуколониальную периферию других центров силы будет достигнута. Именно над осуществлением этой цели сейчас и трудятся те, кто хочет поживиться, сохранить свои высокие стандарты потребления за счет восточнославянских народов. И как это ни трагично, мы сами помогаем мировым гегемонам в осуществлении этой цели.

Представим другой вариант развития событий. Предположим, Беларусь, Россия, Украина создают свой самодостаточный региональный центр развития и силы. В орбиту их влияния, не исключено, будут вовлечены еще какие-то страны и народы. В этом случае Россия сможет сохранить территориальную целостность, а соответственно и богатства своих недр. И тут надо понять самое главное: недра Западной и Восточной Сибири в случае тесного и равноправного союза восточнославянских народов станут их *общим стратегическим ресурсом*. В их освоении, в создании всех необходимых инфраструктур наряду с русскими принимали активное участие и бе-

лорусы, и украинцы. Это наше общее достояние. Это наш общий потенциал для дальнейшего стабильного развития без ресурсного голода. В случае реализации этого сценария перед восточнославянскими странами открывается перспектива длительного и устойчивого развития. Тогда восточнославянскому миру, обладающим богатыми ресурсами, никто не сможет диктовать свои условия. Тогда мы сами сможем определять свой путь, свою стратегию, свою идеологию, свой перспективный «социальный проект».

Будет ли правильным, если Беларусь и Украина при определении своей стратегической линии развития пренебрегут этой возможностью? Думается, что нет.

В большой политике и геополитике действуют свои законы, с которыми всем народам мира так или иначе приходится считаться, — объективные факторы. Эти законы в весьма малой степени зависят от наших эмоций и настроений, текущей экономической и политической конъюнктуры. Очень трудно отмахнуться, например, от того факта, что в России разведанные ресурсы в денежном исчислении составляют 160 тыс. долларов на одного человека, а в Европе — всего лишь 6 тыс. долларов; что воды Нила и Амазонки загрязнены, а в России в одном Байкале 24% мировых запасов чистой питьевой воды, которая скоро, судя по всему, станет дороже бензина. России принадлежит более половины черноземов планеты (которые, согласно экспертным данным, могут прокормить более 800 млн человек), а также более половины хвойных лесов планеты. Это и есть объективные факторы целесообразности единения трех родственных народов, от которых очень трудно отмахнуться, даже если бы кому-либо очень этого хотелось. Есть также уверенность в том, что Россия изживет, перемелет олигархический режим, что русский народ сможет в конце концов привести к власти тех людей, которые будут реализовывать его глубинные интересы. И белорусский, и украинский народы должны ему в этом помогать.

В реальности Беларусь и Украина только в союзе с Россией могут стать значимыми субъектами мировой политики; для Запада Украина и Беларусь — это всего лишь объекты манипулирования и разменная монета в большой геополитической игре. Кроме того, принципиально важно и то, что вне традиционного союза трех братских славянских народов не только Украина и Беларусь рискуют утратить свою идентичность, но и Россия в нашем агрессивно-конкурентном мире тоже не застрахована от этого. Нам никогда не следует забывать, что *восточнославянские народы, учитывая общность их исторических путей* развития, культурно-цивилизационную близость, теснейшие научные и промышленно-технологические связи, в *высшей степени являются естественными союзниками*. Напомним, что технологический потенциал Советского Союза был по преимуществу сосредоточен в трех славянских республиках — России, Украине, Беларуси.

И воссоздавать его поэтому разумно в теснейшем взаимодействии и кооперации. Правильно пишет все тот же С.Н. Сидоренко: «Без Киева, из которого берет начало наша история, без единого православия, без русской культуры, которая является общим достоянием великороссов, малороссов, белорусов и других народов некогда великой страны, и Россия, и Украина внутренне бессмысленны и взаимно неполноценны»¹.

В целом перед Республикой Беларусь и Украиной открываются три возможных пути развития: 1) двигаться в западном направлении с перспективой полной потери своей политической субъективности, краха экономической системы, а также с «вымыванием» наиболее биологически и социально активной части своего населения, как это сейчас, например, происходит в Прибалтике; 2) некоторое время маневрировать между Западом и Россией, надеясь на получение разного рода преимуществ и преференций с той и другой стороны. Но такая ситуация приведет только к потере исторического времени и ослаблению потенциала развития; 3) взять курс на крупномасштабное сближение с Россией, но избрание этого пути движения будет в равной мере зависеть от Беларуси, Украины и России. Вряд ли следует сомневаться в том, что при условии преодоления в России дикого олигархического капитализма этот третий путь станет наиболее перспективным и жизненным для восточнославянских народов.

Пока, к сожалению, события разворачиваются в другом направлении. В отличие от всех регионов мира только восточнославянский — не «играет в команде», а идет по пути дезинтеграции. Нас пытаются разделить, но мы и сами с энтузиазмом разделяемся. В этом, к сожалению, заключаются «ахиллесова пята» восточнославянского мира, его «зона риска» и смертельная опасность.

Смеем выдвинуть тезис: если Россия, Беларусь и Украина не смогут достичь тесного экономического, политического и военного союза, т.е. стать самодостаточным центром развития и силы, то их ждут *жалкое полуколониальное существование, деградация и угасание*. Их попросту, каждую по отдельности, раздавят направляемый современной мировой финансовой олигархией (олигархическим интернационалом) каток глобализации или сформировавшиеся новые центры силы. Акцентируем внимание на том, что наши дети и внуки, которым сейчас средства массовой информации усиленно вдалбливают в сознание потребительскую идеологию и психологию, но одновременно с этим никоим образом не прививают трудовую культуру, трудовую аскезу, в XXI в. могут оказаться рабами, мелкой разменной монетой на мировом рынке труда. Правда, рабство XXI в. кандалов и цепей не потребует. Оно будет выступать в за-

¹ Сидоренко, С.Н. Новая Россия и бывшая Малороссия / С.Н. Сидоренко // Москва, 2003. № 11. С. 135.

вуализированных формах. Рабство XXI в. — это рынок дешевой рабочей силы; территория для размещения вредных производств и вредных отходов; место для сброса некачественных товаров; «сырьевые придатки» других стран и т.д. Но такого поворота событий восточнославянские народы не должны допустить ни при каких обстоятельствах.

Восточнославянским народам необходима *духовная мобилизация*. Данную необходимость диктует актуальный характер вызовов обществу, которые сегодня обусловлены не только прошлым, но и продуцируются будущим. Эти вызовы требуют адекватного ответа, т.е. интеллектуальных прорывов и новых проектных решений, соответствующих реалиям современности. Восточнославянские мыслители, озабоченные состоянием своих стран, должны противопоставить бесперспективности идей западников, занятых лишь торгом вокруг наиболее выгодной траектории встраивания восточнославянских стран в западноевропейскую цивилизацию, мобилизационный проект будущего опережающего, а не догоняющего характера. Он должен выявить оптимальные пути развития восточнославянских народов на собственной культурно-цивилизационной основе, выдвинуть и обосновать собственную теорию, точнее метатеорию, позволяющую сформировать принципы и направления движения Беларуси, России, Украины в сторону свободной, не занятой и не детерминированной другими странами и народами ниши существования в нынешнем противоречивом и сложном геополитическом пространстве. Их задача — выявить в гуще ветвящихся дорог исторической эволюции те пути развития, которые в наибольшей степени соответствуют принципам гуманизма и справедливости и вместе с тем открывают для восточнославянской цивилизации длительную историческую перспективу.

Восточнославянские народы сполна познавшие крайности дилеммы «социализм — капитализм», должны отказаться от бесперспективного эпитонства и приступить к решению действительно трудной творческой задачи — выработке нового проекта будущего, выдвижения великой альтернативной идеи, ориентированной на решение глобальных проблем, стоящих перед человечеством.

Как свидетельствует история, возникновение новых цивилизаций всегда разворачивалась в сфере духа — в ходе формирования оригинальной системы ценностей и нового видения горизонтов бытия. Подражание не может быть источником вдохновения. Оно никогда не станет основой для формирования самобытной цивилизации. Его результаты всегда будут вторичны и неинтересны другим народам. «Не числом, а умением», силой духа формировались новые цивилизации. Например, никому не известное племя, поселившееся на левом заболоченном берегу Тибра, ведущее примитивное сельское хозяйство и по всем другим параметрам отстающее от богатых городов Средиземноморья, через несколько веков превратилось в могучую

Римскую империю. Почему? Да потому, что Рим выработал принципиально новую социально-политическую модель развития. В силу той же способности к новаторским решениям слабые аравийские племена, постоянно теснимые соседями, создали грандиозную мир-империю — арабский халифат. Немногочисленные христианские общины, впервые в истории перенесшие социальную борьбу в духовную сферу, вызвали к жизни самую влиятельную и многочисленную мировую религию, и т.п. А это означает, что будущее зависит не только от объективно-исторических факторов (численности населения, размера территорий и т.п.), но и от адекватного исторического выбора и способности к конструктивному проектированию, т.е. от субъективного фактора истории.

Протекание всех этих процессов немыслимо без участия интеллигенции. Интеллигенция, если она действительно не хочет остаться на «пепелище своих стран», должна в конце концов осознать свое назначение и ответственность перед народом. Тот внутренний конфликт интеллигенции, который состоит в возможности использовать данный и обретенный ею дар ума и таланта как в собственных целях, так и для нужд народа, должен решиться в пользу последнего. Болевой удар многочисленных «шоковых терапий», выпавший на долю восточнославянских народов, должен в конце концов поспособствовать разрешению данного конфликта именно в этом направлении.

Сегодня восточнославянским странам нужны мыслители и практики с развитым чувством долга и чести, обладающие «длинной волей», способные силой мысли заглянуть за привычный горизонт событий. Именно они, используя свои творческие силы, в ходе развернувшейся в нашем тесном земном мире битвы за будущее могут выдвинуть и реализовать свой жизнеспособный проект восточнославянской цивилизации как регионального самодостаточного центра развития и силы. Противоречивость нынешней ситуации, растерянность общества могут быть преодолены лишь посредством той или иной формы подвижничества и интеллектуальной мобилизации. Причем здесь важно иметь в виду одно обстоятельство: будущее в значительной степени станет таким, каким мы его увидим сегодня. В силу действия механизма «самоорганизующихся» и «самоосуществляющихся» пророчеств оно в немалой степени будет соответствовать тому, к чему мы будем стремиться и за что мы будем бороться. Это происходит потому, что то, что люди узнают об ожидаемом их будущем, воздействует на их дела «здесь и теперь», в сегодняшней жизни. Именно явные и скрытые бессознательные установки относительно будущего и определяют поведение человека сегодня. Стало быть, представление о будущем — это уже один из способов воздействия на него, путь формирования этого будущего.

ГЛАВА 11. ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

11.1. Культура как предмет философского анализа. Основные парадигмы исследования культуры в современной философии

В настоящее время культура является объектом изучения как философии, так и многих социально-гуманитарных дисциплин. Среди этих дисциплин особое значение имеют культурология, социология, психология, этнология, социальная антропология, история, археология, лингвистика, семиотика, а также такие эмпирические области знания, как этнография, искусствоведение, литературоведение, сравнительное языкознание, религиоведение и др.

Современные культурологи отмечают наличие свыше 600 различных дефиниций культуры. Сложность ее концептуально-теоретического анализа объясняется многозначностью данного термина, невозможностью вывести единственное определение культуры, которое претендовало бы на исчерпывающую полноту и ясность утверждений¹.

В работе известных американских культурологов А. Кребера и К. Клакхона «Культура. Критический обзор концепций и дефиниций» (1952) был впервые осуществлен системный анализ свыше 200 определений культуры². В результате Клакхон предложил выделить шесть основных типов определения этого понятия: описательные, исторические, нормативные, психологические, структурные и генетические. Последующие исследования показали, что этих классификаций может быть гораздо больше.

Генезис представлений о культуре восходит своими корнями к архаическим временам, когда люди начинали постепенно осознавать различия природного и человеческого миров. Объективно культура формируется вместе с человеческим обществом, по мере развития норм и правил поведения, отличающих человека от животных, совершенствования наших знаний и форм деятельности. Эволюция данного термина в системе европейских языков была связана с постепенным перенесением представлений о культивировании, возвращении, обработке чего-либо с естественно-природных процессов на развитие общества и человека, его знаний, способностей, умений.

В первых философских учениях античности, так же, как и в древневосточных философских трактатах, мы не встретим слова «культура». Первоначально те значения, которые позднее стали соотноситься с этим термином, формировались в рамках таких понятий, как «правило», «закон», «эти-

¹ См: *Моль, А.* Социодинамика культуры / А. Моль; пер. с франц. М., 1973. С. 35–36.

² См: *Кребер, А.* Культура: критический анализ концепций и дефиниций / А. Кребер, К. Клакхон. М., 1992.

кет», «воспитанность», «образованность», «человечность». Европейский термин «культура» (от латин. — cultura) появился в Древнем Риме. Им обозначали «возделывание», «обработку» почвы, а также «разведение», «выращивание» сельскохозяйственных растений. Позднее культура ассоциировалась с миром артефактов, искусственной реальностью, созданной материальным трудом, интеллектуальной и художественной деятельностью человека.

В философской литературе понятие «культура» часто определяется как специфический способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, как процесс освоения, гуманизации, облагораживания человеком природы и всего того, что он находит естественно данным, стихийно возникшим в окружающей среде, обществе и себе самом. Начиная с Нового времени слово «культура» стало необходимой лексической единицей выражения идей, связанных с необходимостью воспитания, образования личности; социально-историческим развитием духовности и таких сфер духовной жизни общества, как наука, философия, искусство, а также с понятием, отражающим совершенствование условий жизни и уровень производственно-технических достижений европейских обществ.

Учитывая многозначность данного понятия, современная философия культуры исходит из необходимости ее категориального определения, выражающего сущность культуры как особого рода бытия, подлинно человеческого измерения реальности. Категориальный анализ культуры предполагает рассмотрение ее сущностных черт сквозь призму ряда категориальных оппозиций «культура — природа», «культура — человек», «культура — общество», «культура — цивилизация». Именно в этом категориально-понятийном ряду становится возможным высветить ее глубинные стороны, интегрирующие в себе все возможности последующих, более частных концептуальных определений культуры. Исходя из категориальных проекций культуры, можно сделать вывод, что *культура* — это:

1) специфический способ построения и организации деятельности, а также совокупность продуктов материального и духовного труда человека, результатов его социальной практики;

2) совокупность знаний, навыков и умений, определенные качества и способности личности, которые положительно оцениваются обществом и самим индивидом — качества ума, характера, воображения, памяти и т.д., полученные в процессе воспитания и образования;

3) совокупность ценностей и идеалов, общественных установлений и норм, которые обеспечивают внутреннюю и внешнюю регуляцию человеческого поведения, организуют и регламентируют весь спектр социальных отношений, являются основанием социальной идентичности людей, дифференциации социальных пространств и одновременно важнейшим механизмом интеграции общества;

4) уровень достижений общества или конкретной социальной группы в различных областях деятельности и общественной жизни, обретенный в ту или иную эпоху, степень реализации гуманистического измерения социальной реальности в ее конкретных пространственно-временных формах.

Многомерность феномена культуры объясняет ее открытость для различных исследовательских традиций. В каждой из них предпринимается попытка раскрыть сущностные особенности культуры, выявить ее основные характеристики, устойчивые связи и отношения с разнообразными аспектами человеческой жизни.

В современной философии можно выделить несколько основных философско-методологических подходов к исследованию культуры: аксиологический, системно-деятельностный, структурно-семиотический, психоаналитический, экзистенциально-герменевтический, игровой.

Аксиологический подход довольно долго считался общепринятым и был особенно популярен в 60 — 70-х гг. XX в. С середины 60-х гг. Г.Г. Карпов, А.А. Зворыкин, Г.П. Францев, а позднее А.И. Арнольдов, Э.А. Баллер, Н.С. Злобин, В.М. Межуев и другие связывали представления о культуре с процессом духовного творчества, воспитанием, формированием и развитием личности. В основу ее понимания была положена исторически активная творческая деятельность, а также развитие самого человека в качестве субъекта этой деятельности.

В рамках данного подхода культура представляет собой совокупность материальных и духовных ценностей, созданных человечеством (Г.П. Францев). Это позволяет понимать культуру как выражение различных сторон и сфер общественной жизни, каждая из которых в тот или иной момент времени может являться значимой для человека (социальной группы или общества), рассматриваться и квалифицироваться как ценность. С точки зрения аксиологического подхода ценности являются важнейшим системообразующим фактором культуры — они определяют ее строение, целостность, базовые функции и свойства.

Стремление мыслить культуру сквозь призму ценностных отношений человека с миром ставит субъекта (личность, творца и потребителя культуры) в центр всей социально-философской проблематики. В данном контексте культура может быть рассмотрена как бесконечное бытие смысла, как область значимых для человека фрагментов действительности, нашедших отклик в его душе, вступивших в особые отношения с человеческими интересами и потребностями.

Системно-деятельностная концепция культуры формируется в 70-е гг. XX в. в работах таких известных российских мыслителей, как М.С. Каган, Ю.А. Жданов, В.Е. Давидович, Э.С. Маркарян и др. В рамках системно-деятельностного подхода культура определяется как специфический способ человеческой деятельности, система особых средств решения встающих перед людьми проблем.

Данный подход позволяет рассматривать культуру в предельно широком смысле — как всеобщий (атрибутивный) признак любого общества безотносительно к уровню его развития. Ключевым понятием системно-деятельностной концепции культуры является понятие «способа деятельности», которое предполагает ответы на вопросы, «каким образом» и благодаря «какой системе средств» осуществляется тот или иной процесс человеческой деятельности. При этом подразумевается все многообразие человеческих умений и знаний, а также объективированных, опредмеченных результатов деятельности людей.

Системно-деятельностная концепция культуры акцентирует внимание на технологическом аспекте общественной жизни, раскрывает значение технологии в процессе активного и целенаправленного изменения человеком условий своего существования. Опираясь на широкое понимание технологии, данное К. Марксом, который трактовал ее как активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства жизни людей, ее общественных условий и проистекающих из них духовных представлений¹, последователи системно-деятельностного подхода определяют культуру как систему исторически развивающихся надбиологических программ человеческой деятельности, поведения и общения, выступающих условием воспроизводства и изменения социальной жизни во всех ее основных проявлениях².

Программы деятельности, поведения и общения людей, представленные разнообразием культурных феноменов (знаний, навыков, ценностей и норм, образцов, эталонов, стереотипов, идей, верований, социальных идеалов, проектов и т.д.), имеют сложную иерархическую организацию. В.С. Степин, в частности, выделяет три уровня таких программ: реликтовые программы; актуальные, обеспечивающие современный этап воспроизводства общественной жизни; программы, адресованные в будущее³.

Структурно-семиотический подход формируется в русле структуралистской методологии исследования разнообразных феноменов культуры — языка, литературы, мифов, религии, науки, власти, сексуальности и т.д. Основные положения семиотической интерпретации культуры складываются в концепциях таких всемирно известных лингвистов, языковедов, литературоведов, как Ф. де Соссюр, Р.О. Якобсон, Н.С. Трубецкой, В.Я. Пропп, Р. Барт, получают обоснование и развитие благодаря трудам основоположника структурной антропологии и этнологии К. Леви-Стросса, развиваются в творчестве таких выдающихся философов, социологов, теоретиков культуры, как У. Эко, М.П. Фуко, Л. Гольдман, А. Моль, Ж. Деррида и др.

¹ Маркс, К. Сочинения: в 50 т. Т. 6 / К. Маркс, Ф. Энгельс. М., 1960. С. 442.

² Степин, В.С. Культура / В.С. Степин // Новейший философский словарь. Минск, 1998. С. 344.

³ Там же.

В российской философии наиболее известным вариантом семиотического подхода к исследованию культуры является концепция «семиосферы» Ю.М. Лотмана, а также знаково-символическая концепция культуры, разрабатываемая Б. Успенским, Вяч. Вс. Ивановым и другими представителями московско-тартусской семиотической школы.

С точки зрения семиотического подхода культура рассматривается как универсальная знаковая система, основная функция которой заключается в накоплении, хранении, преобразовании и передаче социально-исторического опыта человечества. Специфика культуры раскрывается посредством таких понятий, как «информация», «коммуникация», «знание», «смысл», «значение», «текст», «знак», «символ», «структура», «код» и др.

В контексте структурно-семиотического подхода все феномены культуры рассматриваются как факты коммуникации, а она сама является знаковым универсумом, позволяющим снизить энтропию необозримых потоков информации. Содержанием культуры является социально значимая информация, сохранение и передача которой от одного поколения людей к другому возможны только при условии ее закрепления в знаковой форме, средствами различных семиотических систем.

Структурная организация культуры представляет собой систему отношений знаков, символов, других семиотических единиц, выстроенных в соответствии с определенными правилами. Отдельные сообщения формируются и становятся понятными в соотнесении с установленными кодами, задающими правила комбинации знаков и соотнесения знака (означающего) с его референцией (означаемым). В своей функциональной проекции культура понимается как специфический механизм накопления, упорядочения, преобразования и трансляции информации.

Семиотический подход в качестве основания и системообразующего механизма культуры рассматривает язык (как естественный, так и искусственный). Язык — система знаков и общественно-исторический феномен, служащий средством выражения и объективации идеального, возникает и создается одновременно с генезисом человеческого мышления, общения, деятельности. Поскольку значение (и смысловое, и экспрессивное) в той мере, в какой оно полностью усвоено носителем языка, является потенциальным заместителем всех форм деятельности и поведения, которые знак опосредует для человека, то именно оно и составляет идеальное содержание культуры.

Семиотический подход позволяет по-новому взглянуть на природу и значение культуры, увидеть ее внутреннюю связь с языком. Рассматривая язык как реальность, определяющую человеческое творчество и коммуникацию, семиотика пытается раскрыть механизмы, демонстрирующие, что *«не мы говорим с помощью языка, а язык говорит с нашей помощью»*¹.

¹ Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. СПб., 1998. С. 30.

Исследование связи языка и культуры позволило представителям семиотической концепции раскрыть определенные корреляции в их строении и динамике. Прежде всего культура подобно языку является рефлексивной и самореферентной системой, способной к самоанализу, самоописанию, а также к описанию других систем. Культура, как и язык, способна описывать и объяснять саму себя путем последовательного разворачивания все новых и новых конвенциональных систем. В семиотике этот процесс называется *семиозисом*. Подобно языку культура обладает предметно-дифференцированным и функционально-структурированным содержанием. Она дискретна, иерархична, в ней выделяется определенная система координат — будь то совокупность семантических, логических, морфологических либо фонетических констант, способствующих сохранению устойчивости и постоянства культурных форм. Вместе с тем культура подвижна и изменчива благодаря бесконечным возможностям комбинирования элементов своего ценностно-смыслового пространства.

Как и язык, культура обладает развитой системой модальности, имеет собственный уникальный хронотоп, временную шкалу, разделяющую прошлое, настоящее и будущее; она существует не только в своем предметно-содержательном выражении, но и представляет единство объективного, субъективного и интерсубъективного измерений. Она формируется и существует в особом коммуникативном пространстве, являясь одновременно его истоком и результатом, фактором, целью, содержанием, условием и возможностью общения. Все элементы культуры являются семиотическими системами и могут быть рассмотрены как феномены коммуникации.

Психоаналитическая концепция культуры складывается на основе философской интерпретации идей З. Фрейда, который понимал культуру как сферу символизации энергии либидо, механизм социального контроля и сублимации бессознательных психических процессов. В работах К. Юнга, Э. Фромма, Г. Маркузе, Т. Адорно, Р. Райха, Г. Рохейма, К. Хорни, Х. Салливана и других культура предстает как внутренне противоречивый феномен, сфера символической объективации внутреннего извечного конфликта Эроса и Танатоса, инстинктов жизни и смерти. С одной стороны, акцентируется репрессивность культуры как отчужденной от человека системы принудительной индивидуации, целью которой является защита общества от индивида, отринувшего запреты. С другой стороны культура объединяет в себе как нормативные запреты (табу), так и спасительные символические проекции (идеалы), ритуально снимающие страх и чувство вины, провоцируемые этими запретами. Являясь механизмом индивидуации человека, «выламывающим» его из первобытного родового монолита, культура способствует становлению индивидуальной воли и сознания посредством усвоения базовых заповедей, обрастающих множеством мифологических сюжетов, символов, образов, идеалов. Продуктивная сторона культуры связана с тем,

что она является программой вочеловечивания индивида, трансформирующей его инстинктивные влечения и агрессивность в разнообразные формы социокультурного бытия.

В нео- и постфрейдизме обращается внимание на исторически неоднородный характер культуры. Природа человека пластична, а структура влечений, равно как и механизмы защиты от их разрушительного влияния, обусловлена конкретными характеристиками культуры, в которой человек воспитывается и живет (Э. Фромм, К. Хорни). Разные культуры акцентируют или угнетают разные стороны человеческой природы. То, что в одних считается нормой, в других рассматривается как отклонение, невроз. Культура формирует личность посредством актуализации в ее сознании определенных ролевых ожиданий и идеальных побуждений. Поэтому социокультурные типы личности зависят от условий места и времени. Эдипов комплекс, сексуальная этиология неврозов, конфликты между «Я», «Оно» и «Сверх-Я» не универсальны и выражают определенные конфигурации ценностных систем, обусловлены особенностями воспитания и социализации. Структура характера человека зависит не столько от событий раннего детства, как полагал З. Фрейд, сколько от сознательной, целеустремленной активности личности, ее разносторонней самоидентификации в культуре.

Согласно Э. Фромму, культура предоставляет человеку возможности для преодоления изначальной антиномии его духовной свободы и биологической не-свободы на пути творчества и культурной самоидентификации, сдерживая проявления агрессии и разрушительного насилия, которые рассматриваются как регрессия к архаической стадии развития. Потребность в «укорененности» у здорового человека удовлетворяется путем свободного, разумного выбора той общности, конфессии, культуры, к которой он хочет принадлежать. Стремление к самоидентификации удовлетворяется путем творческого поиска внутреннего центра душевной жизни, самостоятельной выработки мировоззрения и системы ценностей. Специфичность культуры при этом выводится не только из природы человека, структуры его экзистенциальных потребностей, но и из особенностей социально-исторической ситуации.

Опираясь на понимание культуры как знаково-символического механизма закрепления непосредственных психических переживаний, М. Мид, Дж. Мердок понимают под культурой выражение социальной общезначимости свойственных человеку основных психических состояний. «Культурные образцы», которые в процессе социализации переходят в индивидуальные навыки, рассматриваются как реальные механизмы приспособления, помогающие индивидам решать конкретные задачи социальной жизни.

Экзистенциально-герменевтическое понимание культуры (М. Хайдеггер, К. Ясперс, Х. Г. Гадамер, Ж.-П. Сартр, П. Рикер и др.) центрировано вокруг проблемы бытия и обретает смысл в контексте поиска онтологи-

ческих истоков жизни и свободы человека, раскрытия специфики его «экзистенции».

Экзистенциально-феноменологическая стратегия философствования сложилась как альтернатива классическому объективизму и субстанциализму европейской философии. Протестуя против различных форм отчуждения и самоовеществления человека, философы, принадлежащие к данному направлению, пытались раскрыть противоречивость человеческого «бытия-в-мире», противопоставляя свое понимание человека, культуры, истории различным вариантам их субъективизации, а также попыткам объектно-вещного рассмотрения.

Рассматривая культуру как уникальный способ человеческого существования, представители философии экзистенциализма в качестве ее важнейших характеристик признают историчность, целостность, неповторимость, духовность, трансцендентность, укорененность в языке, межличностном общении, экзистенциальной коммуникации, неразрывную связь с человеческой свободой и творчеством.

Знаменитый немецкий философ К. Ясперс обнаруживает свое понимание культуры в процессе построения экзистенциальной концепции истории. Он описывает сущность культуры посредством понятий «экзистенция», «трансцендентное», «дух», «свобода», «коммуникация», «язык», «символ», «шифр».

Согласно К. Ясперсу, культура является особым, духовным измерением человеческого бытия, порожденным стремлением к безграничной коммуникации, свободному осуществлению личности на основе экзистенции. Культура возникает по мере наполнения природного существования человека духовным.

Она выкристаллизовывается из мифа, который в осевое время утрачивает свою истинность и самодостаточность, обнаруживая иллюзорность замкнутых, циклических представлений о времени, конечность человеческой жизни и необратимость ее течения между прошлым, настоящим и будущим. Развенчание иллюзорности мифа сопровождается трагическим осознанием пропасти между природой и историей, осознанием пограничности человеческого бытия на грани природного (феноменального) и трансцендентного (ноуменального) миров.

В философии К. Ясперса бытие культуры мыслится противоречивым. Ее смысл заключается в пробуждении человеческого духа, в экзистенциальном становлении личности, в указании на возможность и необходимость трансцендирования за пределы предметного мира, круга обыденных забот, естественных привязанностей в бытийную основу вещей. Поэтому культура предстает как открытое и незавершенное бытие человеческого духа, в котором не только осознается трагическая коллизия бытия, но и обретается экзистенция, осуществляется преодоление противоречивости самого человека.

Историчность является важнейшей особенностью *бытия* культуры. Подобно истории она в своем индивидуальном облике всегда неповторима, уникальна, поскольку обнаруживается в человеке и его творениях, во всех проявлениях соотнесена с человеком, служит ему средством выражения экзистенции. В культуре человек проявляет себя как духовное, а не как природное существо. Вместе с тем культура не есть сфера реализации и выражения человеческой субъективности, она предполагает единство человека и бытия. Культура, по К. Ясперсу, есть таинственный скачок человека в царство свободы, в котором бытие открывается человеческому сознанию как первоисточник всякого творчества.

Духовное содержание культуры возникает только в диалоге личностей как бесконечное движение к трансцендентному, поэтому культура по своему изначальному смыслу диалогична. Сущность культуры К. Ясперс усматривает в экзистенциальной коммуникации, благодаря которой культура является условием и возможностью подлинного существования человека.

Знаменитый немецкий философ М. Хайдеггер в основу своих культурно-философских идей положил принципы фундаментальной онтологии человеческого существования, построенной посредством последовательного применения феноменологического метода Э. Гуссерля.

Он рассматривает различные смысловые проекции культуры в таких понятиях, как «бытие-сознание», «мир», «понимание», «интерпретация», «проект», «язык».

Исследование культуры в философии М. Хайдеггера связано с раскрытием доопытных, априорных форм практики, которые обладают всеобщностью и универсальностью. Усматривая суть всякой деятельности не в результате, а в осуществлении, М. Хайдеггер в «Письме о гуманизме» отмечает: «Осуществить — значит развернуть нечто до полноты его существа, вывести к этой полноте, *producere* — про-из-вести. Поэтому осуществимо, собственно, только то, что уже есть. Но что прежде всего «есть», так это бытие»¹.

Культура, в которой деятельно осуществляется бытие, конституируется мыслью и существует в подвижности языка. Она, по мнению М. Хайдеггера, предполагает интимный контакт с бытием, который складывается в поле языка, ибо именно язык очерчивает горизонт постижения тотальности существующего, будучи «просветляюще-угаивающим явлением самого Бытия».

Полагая, что любая метафизика субъективности предаёт забвению само бытие, он предлагает рассматривать культуру как путь к обретению подлинного существования посредством погружения в тотальность бытия.

Культура в философии М. Хайдеггера выступает как измерение и способ человеческого существования в «мире», понятом как «просвет бытия». Человек, согласно М. Хайдеггеру, не предназначен для реализации своей субъек-

¹ *Хайдеггер, М.* Письмо о гуманизме / М. Хайдеггер // *Время и бытие. Статьи и выступления.* М., 1993. С. 192.

тивности посредством очеловечивания, покорения и преобразования действительности. Он существует лишь «эк-статически», через самопревосхождение, но это происходит благодаря его вслушиванию в глас бытия¹. Принципиальный отказ от взгляда на «мир» как на «нечто объективно данное, в чем пребывает человек», как на поле преобразующей активности человека, отказ от понимания «культуры» как пространства реализации человеческих способностей является основополагающим моментом культурфилософской позиции М. Хайдеггера. Трактовка культуры как результата созидательной активности человека, направленной на реализацию высших ценностей, питающих людские добродетели, делает культуру, согласно М. Хайдеггеру, мерилом сущего человека. Подобные представления радикально искажают сущность культуры, которая заключается в «осуществлении» бытия, предполагает вслушивание в его голос, избавление от субъективности, в сопричастности народной судьбе. Для Хайдеггера свободное творчество реализуется благодаря погружению человека в тотальность бытия, что составляет путь к обретению подлинного существования.

Игровая концепция культуры складывается в межпарадигмальном пространстве современной философии. В творчестве Й. Хейзинги, Х.Г. Гадамера, Г. Маркузе, Р. Барта и других идея игры как сущностной особенности культуры рассматривается в контексте ее аксиологических, герменевтических, социально-критических, структуралистских интерпретаций.

Для основоположника игровой концепции культуры, выдающегося голландского историка Й. Хейзинги, культура выступает как сфера нравственно-эстетических ценностей, способ и результат духовной деятельности и развития человека. Солидаризируясь с экзистенциалистско-герменевтическими интерпретациями культуры (М. Хайдеггер), а также с идеями таких представителей аксиологического подхода, как И. Адельюнг, М. Арнольд, И. Герер, С. Пуфендорф, Э. Сэпир, мыслитель полагает, что культуру нужно рассматривать не отвлеченно, а как момент непосредственного бытия человека, различая подлинное и неподлинное измерения существования личности. Содержанием культуры могут быть только явления духовного порядка — мораль, искусство, литература, философия, религия, наука. К феноменам культуры не относятся такие сферы и формы социальной жизни людей, как техника, материальное производство, политическая организация общества, бытовые условия и другие объективные факторы социального бытия. К явлениям культуры применима только позитивная ценностная шкала. Все, что противоречит важнейшим духовным ценностям человечества (истина, благо, справедливость, красота и т.д.), выходит за рамки культуры. Поэтому к понятию культуры неприменимы идеи прогресса. Й. Хейзинга полагает, что там, где достигается гармония идей (нравственных, эстетических, религи-

¹ Губман, Б.Л. Современная философия культуры / Б. Л. Губман. М., 2005. С. 70—71.

озных), где человек является господином своих страстей и желаний, там существует культура. Когда эти условия нарушены, культура приходит в упадок независимо от того, насколько развиты внешние материальные формы общества и насколько впечатляющими могут быть его успехи в области научно-технического прогресса.

Особое значение мыслитель придает искусству, которое вслед за М. Хайдеггером считает универсальным языком культуры, образно-конкретным выражением мировоззрения своего времени.

Описывая феномен культуры, Й. Хейзинга выделяет три его основные характеристики:

1) равновесие материальных и духовных ценностей, а также гармония различных групп духовных ценностей: интеллектуальных, моральных, эстетических. В работе «В тени завтрашнего дня» (1935) Й. Хейзинга отмечает: «...Состояние равновесия заключается прежде всего в том, что различные сферы культурной деятельности реализуют, каждая в отдельности, но все в рамках целокупности, возможно более эффективную жизненную функцию. Если есть такая гармония культурных функций, то она неизбежно проявится в порядке, мощном сочленении частей, стиле, ритмической жизни данного общества»¹;

2) направленность культуры на благо, реализацию определенных социально значимых идеалов — религиозных, моральных либо общественных. «... Всякая культура, — пишет Й. Хейзинга, — содержит некое стремление. Культура есть направленность, и направлена культура всегда на какой-то идеал, а именно на идеал, выходящий за рамки индивидуального, на идеал сообщества... Условием для стремления к этому идеалу или для его достижения всегда служит безопасность и порядок... В сотнях разновидностей политических и правовых систем формируются все новые и новые группы людей, чье стремление к *благу* выражает себя в *культуре*»²;

3) господство над природой, под которым Й. Хейзинга понимает не столько овладение силами природы при помощи орудий труда, сколько особый, человеческий образ жизни, регулируемый нравственными ценностями, идеями долга и служения, образ жизни, который предполагает вытеснение грубых эгоистических стремлений, покорение и обуздание животных инстинктов, владение собой и признание «обязывающего авторитета универсального нравственного закона».

Наличие трех базовых условий существования культуры позволяет, по мнению Й. Хейзинги, определить ее следующим образом: «Культура как направленная позиция общества дана тогда, когда подчинение природы в об-

¹ Хейзинга, Й. В тени завтрашнего дня. Диагноз духовного недуга нашей эпохи / Й. Хейзинга // Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М., 1992. С. 258—259.

² Там же. С. 260.

ласти материальной, моральной и духовной поддерживает такое состояние общества, которое выше и лучше обеспечиваемого наличными природными отношениями, отличается гармоническим равновесием духовных и материальных ценностей и характеризуется определенным идеалом, гомогенным в своей сущности, на который ориентированы различные формы деятельности общества»¹.

В концепции культуры Й. Хейзинги конститутивную роль играет понятие игры. Игра выступает как основание и фактор генезиса культуры. Она рассматривается в качестве обязательного компонента любой человеческой деятельности, а также как движущая сила исторического изменения культуры.

Игра оказывается наиболее существенным с точки зрения исследования культуры феноменом, репрезентирующим сложный и необъективируемый средствами логического мышления переход от природного к культурному измерению человеческого бытия.

Прежде всего Й. Хейзинга называет *фундаментальность, объективность и изначальность игры по отношению к культуре*. Но вместе с тем он указывает на особый, *трансграничный характер* игры. Она всегда есть нечто большее, чем чисто физиологическое явление, ее сущность имматериальна. С точки зрения природной необходимости и чисто биологической целесообразности игра избыточна. Перешагивая рамки чисто биологической, или физической, деятельности, игра обнаруживает в самом своем существе некий имматериальный элемент, который превосходит непосредственное стремление к поддержанию жизни и вкладывает в данное действие определенный смысл.

Все формы и феномены культуры, все движущие силы культурной жизни — язык, миф, религия, мораль и право, культ и порядок, общение и предпринимательство, ремесло и искусство, поэзия, философия, наука — обнаруживают свои корни в игре. Игра по отношению к культуре есть не просто ее представление и символическое воплощение, но мистическое претворение, благодаря которому в ней каждый раз заново восстанавливаются утраченные вследствие нарастания энтропии гармония, благоденствие, порядок и безопасность.

В современной философии перечисленные выше подходы все чаще рассматриваются как взаимодополняющие и обогащающие друг друга, в результате чего возникают синтетические концепции культуры.

11.2. Структура культуры и ее основные функции

В социальной философии принято выделять две основные сферы существования и развития культуры — материальную и духовную. Основаниями подобного структурирования является применение двух взаимосвязанных критериев — субстратного и функционального.

¹ Хейзинга, Й. В тени завтрашнего дня. Диагноз духовного недуга нашей эпохи. С. 262.

Субстратная характеристика элементов культуры неизбежно разделяет их на материальные и идеальные образования в зависимости от формы воплощения культурного продукта, способа его объективации.

Функциональное же деление связано с различием основных типов деятельности, в процессе которой создается тот или иной артефакт (прежде всего с различием умственного и физического труда, материального и духовного производства). Кроме того, функциональный критерий указывает на предназначение предметов культуры, на их соответствие определенным потребностям человека или общества, их целевую функцию.

Согласно такой классификации, *материальная культура* включает в себя все созданные человеком материальные объекты — орудия и средства производства, продукты трудовой, предметно-практической деятельности, предметы повседневного обихода, средства коммуникации и транспорта, предназначенные для удовлетворения физических и экономических потребностей людей, необходимых для воспроизводства и развития социума.

Материальную культуру иногда отождествляют с цивилизацией. Она формируется в процессе непосредственного, материально-чувственного освоения и преобразования человеком окружающей действительности. К материальной культуре относятся также измененная человеческим трудом природа, антропогенные ландшафты, сельские и городские поселения, все архитектурные и социотехнические объекты, из которых складывается искусственная среда человеческой жизни. Помимо продуктов производства, предназначенных для удовлетворения физических и социально-экономических потребностей человека, в содержание материальной культуры принято включать совокупность технологий, способов деятельности и поведения, результатом которых является реальное изменение условий существования, в том числе изменение и совершенствование биологической природы человека, а также воспроизводство человеческого рода.

Духовная культура представляет собой систему знаний, идей и представлений, моральных, религиозных и социальных ценностей, произведений литературы и искусства, являющихся продуктом духовного развития человека, его интеллектуальной деятельности, научного и художественного творчества. При определении духовной культуры многие философы используют позитивную ценностную шкалу, отмечая, что суть ее составляет присущее человечеству стремление к утверждению и реализации высших духовных ценностей и идеалов — блага, истины, красоты, свободы, справедливости. Поэтому она включает в себя не только сами идеи, ценности и нормы, но также символы, обычаи и институты, в которых эти идеалы и ценностные ориентации воплощаются, объективируются в общественной жизни людей, направляя и регулируя различные виды их социальных связей и межличностных отношений.

Если материальная культура возникает и развивается в процессе преобразования человеком своей биофизической среды, как внешней, так и внутренней, то духовная культура сопряжена с развитием человеческого сознания, творческих и интеллектуальных способностей личности, индивидуальной и общественной нравственности, художественного вкуса. Она направлена на формирование и совершенствование личности, способствует обогащению ее внутреннего мира, развитию чувств, способностей, навыков, умений человека, обеспечивая ценностно-нормативную регуляцию его поведения и деятельности.

Разумеется, границы между материальной и духовной культурой весьма условны и подвижны. Их выделение в относительно самостоятельные сферы можно произвести лишь в абстракции, отвлекаясь от реальной сложности и многоплановости культурных явлений. Любой продукт материальной деятельности человека может быть рассмотрен как знак, несущий в себе определенный замысел, информацию о возможностях и целях его применения. Он представляет собой некоторую ценность, является элементом человекомерной, интеллигибельной реальности. Вместе с тем любые идеи, а также ценности или идеалы, какими бы абстрактными либо возвышенными они ни были, прежде чем стать элементами культуры, должны воплотиться в определенный материал, объективироваться, материализоваться в конкретных знаково-семиотических системах (в виде письменного текста, устного сообщения, графического, в том числе художественного, изображения и т.п.). Только облекаясь в материальную форму, они становятся доступными сознанию других людей, обретают реальное существование в духовной жизни общества. Любой элемент культуры в конечном счете представляет собой воплощенное единство материального и духовного.

В структуре культуры выделяют следующие основные компоненты:

- знания;
- системы ценностей и норм;
- образцы (эталонные способы) мышления и поведения;
- программы деятельности и ее продукты.

Программы деятельности, представленные разнообразием культурных феноменов (знаний, навыков, ценностей и норм, образцов, эталонов, стереотипов, идей, верований, социальных идеалов, проектов и т.д.), имеют сложную иерархическую организацию.

Несмотря на разнообразие и полифункциональность элементов культуры, они организованы в единую систему. Согласно позиции В.С. Степина, системообразующим фактором содержательного разнообразия каждой исторически определенной культуры выступают ее предельные основания,

которые представлены мировоззренческими универсалиями, или «категориями культуры»¹.

Задавая целостный, обобщенный образ человеческого мира, категории культуры аккумулируют исторически накопленный социальный опыт и, выступая в качестве базисных структур человеческого сознания, своеобразных схематизмов поведения и деятельности людей, задают систему координат, в рамках которой человек определенной культуры воспринимает, оценивает и переживает все явления и события окружающей его действительности.

Выделяя два больших и взаимосвязанных блока универсалий культуры, к первому В.С. Степин относит те категории, которые фиксируют наиболее общие, атрибутивные характеристики объектов, включаемых в человеческую деятельность. К ним относятся категории пространства, времени, движения, субстанции, отношения, количества, качества, меры, содержания, причинности, случайности, необходимости и др.

Второй блок универсалий культуры представлен такими ее категориями, как человек, общество, справедливость, добро и зло, долг, свобода, красота, гармония и т.п. Они в совокупности выражают различные определения человека как субъекта культуры, понимания его статуса и роли в мироздании, его отношения к другим людям, обществу и самому себе, к целям и ценностям социальной жизни. Этот блок категорий в наиболее общей форме фиксирует исторически изменчивый опыт включения индивида в систему деятельности, социальных отношений и коммуникаций.

Универсалии культуры возникают, развиваются и функционируют как целостная система, в которой каждый элемент прямо или косвенно связан с другим. В культуре они выражают особый, присущий ей способ организации человеческой жизни, деятельности, общения, преломляя всеобщее ее содержание, определяемое глубинным единством человеческой природы, сквозь призму национальных традиций, ценностных предпочтений и интересов различных индивидов и социальных групп.

Как отмечает В.С. Степин, для человека, сформированного соответствующей культурой, значения ее мировоззренческих универсалий «чаще всего выступают как нечто само собой разумеющееся, как презумпции, в соответствии с которыми он строит свою жизнедеятельность и которые он часто не осознает в качестве ее глубинных оснований». Эти значения обнаруживаются «во всех областях культуры того или иного исторического типа, в обыденном языке, феноменах нравственного сознания, в философии, религии, художественном освоении мира, функционировании техники, в политической культуре и т.п.»².

¹ Степин, В.С. Культура // Новейший философский словарь. С. 344–346.

² Там же. С. 346.

Любые радикальные трансформации общественной жизни предполагают изменение глубинных смыслов культуры, всей системы ее ценностно-семантических координат. Специфика оснований культуры, характерная для нее иерархия ценностей коррелируют с типом цивилизационного развития общества, системой его социальных приоритетов, организующих общественную жизнь программ деятельности, поведения и общения индивидов.

В структуре культуры выделяют также личную культуру индивида и культуру общности. *Личная культура* — это совокупность индивидуальных образцов поведения, способов и форм деятельности, а также знаний, идей, ценностных ориентаций и предпочтений, которыми человек руководствуется в своей повседневной жизни и которые являются результатом сложного взаимодействия, переплетения индивидуальной судьбы и общественных, конкретно-исторических условий его развития.

Культура общности не есть сумма индивидуально-личностных особенностей культуры всех ее членов. Это совокупность творений и продуктов человеческого труда и творчества, знаний, ценностей и норм, программ деятельности, общения и поведения, которые приняты и признаны обществом, обрели социальное значение и смысл, положительно оцениваются и выступают в роли универсальных правил и образцов поведения, общения и деятельности всех членов общности. Культура общности в отличие от культурного наследия представляет собой совокупность современных, актуальных, функционирующих в настоящем произведений и образцов, играющих социально значимую роль в жизни конкретного общества. Личная культура всегда формируется и существует в рамках определенной культуры общности, является ее составной частью, однако не все из содержания индивидуальной культуры человека может стать и становится достоянием группы. Каждое общество предоставляет индивиду возможность оригинальности и отклонения от общепринятых стандартов и образцов. Однако пределы допустимых отклонений определены более или менее четко, и их нарушение вызывает общественное осуждение.

В структуре культуры выделяют такие социальные формы, как элитарная, народная, массовая культура, а также различные субкультуры и контркультуру.

Разделение культуры на элитарную и народную первоначально было введено в социально-гуманитарное знание Р. Редфилдом, который, исследуя специфику средневековой европейской культуры, выделил в ней две взаимодействующие друг с другом разновидности — «высокую» и «низкую», культуру дворцов и храмов и культуру ярмарок, площадей, рынков (культуру простонародья).

Элитарная культура формируется благодаря появлению письменности и развитию «книжной» формы передачи культурного наследия. Она предполагает формирование стройной иерархии ценностей и норм, вы-

полняющих селективную функцию по отношению к циркулирующей в обществе информации. Объективируется элитарная культура в совокупности кодифицированных культурных текстов (философских, религиозных, научных, художественных), а также в форме детально разработанных и жестко регламентированных культурных практик, различного рода церемоний, обрядов, ритуалов, норм светского этикета, владение которыми становится основанием социальной стратификации и культурной идентификации различных социальных групп (аристократических, военных, религиозных, художественных, научных элит). Такая культура канонична — для нее характерны особый язык, часто непонятный для «непосвященных», а также набор специфических социокультурных кодов, являющихся атрибутами элитарной социализации индивидов.

Народная (популярная) культура, напротив, демократична. Она вырастает на основе этнической культуры, фольклора, традиционных мифологических верований, языческих культов, народного быта и передается из поколения в поколение в форме преданий, легенд, устного народного творчества благодаря непосредственному общению поколений в семье, в контексте повседневной бытовой и трудовой жизни народа. Такая форма культуры чрезвычайно подвижна, изменчива, поскольку не подлежит письменной фиксации и кодификации, но вместе с тем консервативна, так как механизмом ее сохранения является культурная традиция. Взаимодействие и взаимопроникновение элитарной и народной культур рассматривается как неперемutable условие исторической целостности и продуктивного развития любой национальной культуры.

Источником и предпосылкой формирования национальной культуры является культура этническая, берущая свое начало в архаическом прошлом культурной жизни различных племен.

Племена представляли собой союзы нескольких кланов, объединенных не столько реальными кровнородственными отношениями (что характерно для семей и родов, составляющих клан), сколько верой в происхождение всех членов племени от общего предка. Поэтому интегрирующей осью племенной культуры были тотемистические культы, а также космологические, этиологические и героические мифы. Общность территории проживания и миграции племени способствовала установлению все более тесных отношений между кланами, постепенно трансформирующимися в протогосударственные образования. Интенсивность контактов всех родов и кланов, составляющих племя, способствовала стиранию культурно-мировоззренческих и бытовых различий, что привело к формированию более устойчивой этнической общности — народности.

Народность — это особый тип этнической общности, для которой сходство (и даже единство) культурной жизни играет решающее значение. Народности устойчивым образом связаны с определенной территорией, что

формирует в общественном сознании народа образ уникального хронотопа (пространства-времени), связующего воедино все поколения людей, принадлежащие данному народу, а также объединяющего современников общей привязанностью к определенной местности, земле, дарующей жизнь, природному ландшафту, месту поселения, своему коллективу, семье — все-му тому, что вбирает в себя многозначное слово «родина».

На определенном этапе развития этнической культуры в ней возникает ряд устойчивых, общих для всей народности элементов. Прежде всего это фольклор. Данный термин был введен в 1846 г. У. Томсоном для обозначения комплекса народной культуры, вобравшего в себя мифы, легенды, пословицы, поговорки, песни, танцы, магические формулы, суеверия, обычаи, в совокупности образующие уникальное пространственно-временное единство исторического, трудового, семейно-бытового опыта людей, относящихся к данной народности. Далее, это общность материальной культуры — орудий труда, жилищ, одежды, структуры и способов питания, хозяйственного освоения и социализации природной территории, оружия, приемов и методов ведения войны. Немаловажная роль отводится общности религиозных культов и политических институтов, определяющих единство ценностно-нормативных систем (религиозных, моральных и правовых, социально-политических норм) и регулирующих весь спектр социальных отношений данного народа.

Формирование и развитие государственности играет существенную роль в становлении национальной культуры, поскольку народность сплавляется благодаря наличию единых форм политической и социальной организации, единой системы власти и ее символов, что становится механизмом этнокультурной идентификации индивидов. Большое значение имели ведение войн против общего врага, развитие духовной культуры и дифференциация ее форм.

Специфическим феноменом культурной жизни современных обществ и другой ее своеобразной формой является *массовая культура*. Она представляет собой тиражируемую и распространяемую средствами массовой коммуникации социальную информацию и продукцию культурной индустрии, обращенную к многомиллионным аудиториям радиослушателей, теле- и кинозрителей, читателей, других потребителей усредненной и стандартизированной культурной продукции. Массовая культура — противоречивое явление XX в., порожденное индустриализацией, урбанизацией и быстрым прогрессом информационных технологий. Она обладает диффузным характером, быстро распространяется и разрушает локальные общности посредством размывания традиционной системы этнической и культурной идентификации. Массовая культура обладает такими характерными особенностями, как мозаичность, фрагментарность, поверхностность, стереотипность. Среди негативных ее черт отмечают коммерческий

характер, нравственный релятивизм и конформизм, агрессивность, культивирование успеха и материальных форм престижеобретения, стремление подменить потребность личности в творчестве и саморазвитии потребностью в развлечениях и материальном комфорте. Она насаждает идеологию индивидуалистического утилитаризма и консьюмеризма, а следствием ее распространения, как правило, является размывание традиционных ценностей, «усреднение» и унификация культурного пространства, стереотипизация мышления масс, позволяющая легко манипулировать их сознанием и поведением, воздействуя на примитивные формы чувственности, подсознательные структуры менталитета и архетипы коллективного бессознательного.

Под *субкультурой* понимают культуру специфической социальной группы, система ценностей и образ жизни которой существенно отличается от общепринятых стандартов и норм. Субкультуры, как правило, имеют локальный, замкнутый характер и отличаются специфическим языком, особыми нормами поведения, односторонним развитием тех или иных культурных практик, представлений и ценностей. Они формируются вследствие неполноценного, затрудненного доступа социальных субъектов к культурному наследию человечества, а также из-за наличия определенных препятствий для свободного творческого развития и самовыражения личности. Принято выделять криминальную субкультуру (субкультуру преступных и мафиозных групп), субкультуру национальных меньшинств, субкультуру религиозных сект, а также коммун, исповедующих утопические социальные идеалы. Существуют профессиональные и демографические субкультуры (молодежная субкультура, субкультура моряков и т.п.). Субкультуры являются следствием дифференциации культурного пространства, которая обусловлена урбанизацией, профессиональной специализацией различных видов деятельности, усилением социальной мобильности, что приводит к формированию гибридных культурных форм, оторванных от традиций и обладающих рядом особенностей, отделяющих субкультуру как от национальной, так и от общечеловеческой культуры.

Контркультура представляет собой такую субкультуру, которая не просто отличается, но и находится в открытом конфликте с доминирующей культурой, характерной для нее системой ценностей, образом жизни, нормами и правилами поведения и деятельности. Контркультура, как правило, отличается подчеркнутым нонконформизмом, неприятием и разрушением культурных стереотипов и норм, идеологическим и политическим экстремизмом, раскрепощением чувственности и подчеркнутым либертинизмом.

Структурное разнообразие культуры позволяет выделять в ней другие формы и разновидности: мировую и национальные культуры, общечеловеческую и классовую, религиозную и светскую, глобальную и локальную, восточную и западную и т.д.

В качестве важнейших социальных функций культуры выделяют негэнтропийно-адаптивную, социально-регулятивную и информационно-коммуникативную.

11.3. Традиции и новации в исторической динамике культуры

В современной философии категория культурной традиции определяется как выраженный в социально организованных стереотипах групповой опыт, который путем пространственно-временной трансляции аккумулируется и воспроизводится в различных коллективах. **Традиция** понимается как совокупность социально признанных стереотипов поведения и деятельности людей, являющихся исторически устойчивыми элементами культурного наследия. Содержание традиции складывается из различных общественных установлений, обычаев, обрядов, санкционированных обществом или отдельной социальной группой форм поведения и деятельности, остающихся относительно неизменными на протяжении жизни нескольких поколений. С позиций семиотической концепции традиция является особым механизмом передачи культурного наследия, определяющим формы и способы диахронного функционирования информации в обществе. Она представляет собой иерархически упорядоченную совокупность семантических констант, социокультурных кодов, организующих информацию в культуре и обеспечивающих фрагментацию и интеграцию смысла¹.

В содержательной проекции традиция рассматривалась как неоднородное, внутренне дифференцированное образование. В содержании традиции выделяют ценностные ориентации, культурные нормы, социальные стереотипы поведения и деятельности. С точки зрения структуры в традиции выделяют как минимум двух социальных субъектов, выступающих в роли реципиента и агента передачи культурной информации.

С функциональной точки зрения традиция определяется как формальный алгоритм связи между исторически различными срезами культуры, обуславливающий неизменность воспроизведения доминирующей системы ценностей в новых культурно-исторических условиях жизни общества.

Преимственность и устойчивость сложившихся форм социокультурного бытия обусловлена действием традиции, которая является механизмом

¹ Петров, М.К. Мы — через призму традиции / М. К. Петров // Народы Азии и Африки. 1990. № 2. С. 113—122.

стереотипизации принимаемых группой инноваций¹, а также «особым типом отношений между последовательными стадиями развивающейся социальной системы, при котором на новом уровне бытия этой системы стереотипно и инвариантно воспроизводятся структурные и функциональные характеристики ее предшествующего уровня»². Традиция обеспечивает единство социально-исторического опыта народа, связывая в нерасторжимое целое его прошлое, настоящее и будущее.

Поскольку культурная традиция воспроизводит предшествующие характеристики общества в новых исторических условиях, она должна допускать возможность модификаций транслируемого содержания, чтобы обеспечить адаптацию последнего к непредвиденным многообразным условиям и ситуациям.

Функциональный ракурс позволяет выявить существенные характеристики традиции, которые раскрывают суть ее важной роли в исторической динамике культуры:

- традиция есть механизм наследования опыта прошлых поколений, она обеспечивает преемственность форм общественной жизни и преемственность культурного развития человечества;
- она выполняет функцию стабилизации культурного развития, способствуя сохранению ценного социально-исторического опыта;
- традиция консервативна, является инерционной характеристикой социокультурной динамики, поскольку стремится воплотить прошлое в настоящем и тем самым препятствует зарождению принципиально новых культурных практик;
- традиция является также способом структурирования и стереотипизации содержания культуры, благодаря чему интегрирует не только культурное пространство, но и различные составляющие социальной системы;
- она выступает значимым фактором социокультурной идентификации индивидов, одним из механизмов их социализации.

Инвариантность, стабильность, устойчивость культурной динамики — только одна сторона исторического развития культуры. Наряду с традициями другой стороной единого процесса культурной динамики являются инновации. Культура не может существовать без постоянного обновления формы и содержания. Инновация, являясь единством новшества и нововведения, обеспечивает динамизм культурной жизни, пластичность культур-

¹ Маркарян, Э.С. Теория культуры и современная наука (логико-методологический анализ) / Э.С. Маркарян. М., 1983. С. 172.

² Зеленков, А.И. Динамика биосферы и социокультурные традиции / А.И. Зеленков, П.А. Водопьянов. Минск, 1987. С. 145.

ных форм, возникновение качественно нового содержания — идей, знаний, ценностей и норм, способов деятельности и поведения, различного рода культурных практик.

Иновация как особая форма развития культуры представляет собой процесс целенаправленного изменения общественной жизни, который заключается в создании, порождении новых, относительно стабильных элементов культуры (духовных, материальных, социальных), а также в их включении в совокупность знаний и ценностей данного общества, сложившуюся в нем систему деятельности, поведения, общения, коммуникации.

Новшество как содержание иновации является результатом человеческого творчества — интеллектуального, научного, технического, художественного, социального и т.д. Это новый элемент культуры, который как целое не имеет аналогов в прошлом.

Новшество есть предмет нововведения. Нововведение в отличие от новшества представляет собой иницируемый человеком процесс изменения, переход определенного фрагмента культуры, социокультурной системы в целом из одного состояния в другое.

Эволюция новшеств, их возникновение и распространение в культуре могут быть представлены в качестве структурированного жизненного цикла:

- генерация, разработка, проектирование — новация появляется как результат определенных исследований, творческого поиска, генерации образов, идей, гипотез, прикладных либо теоретических расчетов, прогнозирования и моделирования, создания программ, проектов, опытных конструкций и образцов;
- изготовление (в некоторых видах деятельности разработка, проектирование и изготовление оказываются единым процессом);
- использование;
- устаревание.

В динамике культуры инновационный процесс может быть также представлен в виде последовательности стадий:

- зарождение — осознание потребности и возможности изменений, поиск или создание соответствующего новшества;
- освоение — определение ценности и значения иновации, обоснование новшества, его включение в ценностно-смысловое пространство культуры, применение и стандартизация;
- диффузия — тиражирование и массовое распространение новшеств, их популяризация, проникновение в различные сферы культурной жизни;
- рутинизация — превращение новаций в стабильные, социально признанные и постоянно функционирующие элементы культуры.

Иновации считаются полностью завершенными, когда они проходят весь жизненный цикл, а составляющие их содержание новшества становятся

ся полноценными элементами культуры, включаются в качестве знакомого, привычного знания, стандартного способа деятельности, поведения или общения в актуально функционирующие культурные практики.

Вместе с тем инновация может остановиться на фазе создания новшества, которое, не подвергаясь диффузии и рутинизации, станет частью своеобразного инновационного фонда культуры — источника новых идей, образов, проектов и решений. В таком случае нововведение считается локально завершенным, поскольку оно реализуется лишь в единичном варианте.

В современной социальной философии предпринимаются различные попытки системного описания и классификации нововведений. Их систематизация имеет особое значение для выявления проблемных связей между различными типами и формами инноваций.

Следует отметить, что типологию инноваций можно строить по самым различным основаниям (все это определяется спецификой исследовательских задач). Кроме того, одно и то же нововведение может оказаться в разных типологических группах в зависимости от того, какой его признак в каждом отдельном случае будет принят во внимание.

Исходя из состава и содержательных особенностей нововведений, выделяют три наиболее общих основания для их систематизации:

- по типу новшества;
- по механизму его осуществления;
- по особенностям инновационного процесса¹.

В рамках каждого из приведенных оснований могут быть введены дополнительные критерии классификации.

На каждой из стадий инновационного процесса возникает сопротивление, обусловленное инерционностью социокультурного развития, возникающей в силу действия множества различных факторов. Это могут быть факторы экономического, организационно-управленческого, институционально-нормативного, социально-психологического и культурно-мировоззренческого характера.

Противоречивость инновационной динамики в социальной сфере жизни общества, как правило, обусловлена обстоятельствами — это внедрение нововведений, которые неизбежно порождают всплеск социальной мобильности, приводят к потерям и изменениям социального статуса, требуют реорганизации социально-профессиональной структуры (в ходе реорганизации могут быть ликвидированы те или иные должности, может отпасть надобность в деятельности определенных профессиональных групп и даже исчезнуть потребность в некоторых видах профессий).

¹ См.: Пригожин, А.И. Нововведения: стимулы и препятствия (социальные проблемы инноватики) / А.И. Пригожин. М., 1989. С. 32—51.

Названные факторы неизбежно отражаются на состоянии социальной структуры общества, приводят к существенным трансформациям системы занятости, изменению условий труда. Самое главное это то, что инновационные процессы создают потребность в новом качестве личности. Речь идет о новом наборе ее социальных характеристик — знаний, навыков, умений, ценностных установок, особенностей поведения, различного рода компетенций и тому подобном, которые должны соответствовать изменившимся условиям, формам и способам деятельности. Поэтому самой уязвимой и инерционной подсистемой общества оказывается сфера социализации (прежде всего деятельность институтов воспитания и образования).

11.4. Проблема единства и многообразия культурно-исторического процесса

В истории философской мысли по отношению к проблеме закономерностей развития культуры можно выделить три основных позиции.

Первая позиция отражена в теориях **однолинейной эволюции культуры**, в соответствии с которыми все страны и народы проходят одни и те же этапы, или стадии, развития культуры. В этих теориях развитие культуры представляется как непрерывное поступательное движение от простого и менее совершенного к более сложному и совершенному. Основания подобных взглядов на процесс культурной эволюции связаны с идеей прогресса. Они широко представлены в философии эпохи Просвещения и немецкой классической философии, в целом выражающими европоцентристские мировоззренческие установки. Вслед за ними основоположники марксизма, К. Маркс и Ф. Энгельс, опираясь на исследования английского этнографа и социального философа Л. Моргана, обосновали идеи универсальных закономерностей культурной динамики, выделяя в качестве ее основного фактора развитие производительных сил. Отдельные вехи в развитии культуры оказывались неразрывно связанными с определенными общественно-экономическими формациями, из чего логически следовала возможность выделения пяти видов культуры — первобытной, рабовладельческой, феодальной, буржуазной и в перспективе развития социалистической, коммунистической культуры. И хотя в марксизме были заложены основания для глубокого анализа форм общественного сознания, обнаружения важных связей между тенденциями в развитии культуры и другими сферами социального бытия, культура в марксистской концепции выступает как проекция материально-производственной жизни, оказывается результатом воздействия одного фактора — экономики. Стадии эволюции культуры можно выстроить в виде шкалы перехода от «дикости» и «варварства» до высшей

стадии — цивилизации, в ходе чего совершенствуются все стороны жизни общества, в том числе верования, мораль, искусство, перемены в которых идут по восходящей линии и предполагают развитие как усложнение, обогащение по содержанию, форме и т.д. Экономикоцентричность в философском анализе культуры, игнорирование различных ее измерений, кроме исторических и социально-классовых, обусловили чрезмерную схематичность и общность однолинейной модели культуры.

Вторая позиция, утверждающая многообразие культурного развития, выражена в концепциях **культурного релятивизма**, согласно которым культуры различных стран и народов уникальны и неповторимы. Каждая из них имеет свою специфику, свой лик и свою судьбу. Существование широкого разнообразия культур является основанием общей устойчивости общества как сложной открытой системы, подобно тому как биологическое разнообразие выступает основой устойчивости биосферы. Каждая культура представляет собой одну из версий возможных ответов социальных общностей на влияние разнообразных факторов существования общества, реализует свой вариант взаимодействия с миром, по-своему осозная пространство, время, смысл и назначение истории, сущность и роль человека. В каждой культуре существуют устойчивые системы ценностей, которые связаны с базисными принципами ее устройства. Впервые достаточно глубокое теоретическое осмысление темы многообразия культур было представлено в работе русского мыслителя Н. Данилевского «Россия и Европа». Выделяя в истории человечества различные «культурно-исторические типы», Данилевский утверждал, что «народы, составлявшие эти культурно-исторические типы, были положительными деятелями в истории человечества; каждый развивал самостоятельным путем начало, заключавшееся как в особенностях его духовной природы, так и в особенных внешних условиях жизни, в которые они были поставлены, и этим вносил свой вклад в общую сокровищницу»¹. Несколько позже подобные взгляды были представлены в трудах немецкого исследователя культуры О. Шпенглера и английского философа А. Тойнби. Серьезные разногласия у сторонников идеи многообразия культур существуют по проблеме преемственности культурного опыта и возможности взаимообогащения. Шпенглер, в частности, настаивал на непроницаемости, полной закрытости культур, невозможности заимствования ими друг у друга каких-либо особенностей и свойств. Данилевский и Тойнби признавали возможность ограниченной преемственности культур. Кроме того, в рамках рассматриваемой позиции в противовес идее прогресса возникли представления о том, что культура подобно живому организму проходит стадии зарождения, расцвета и увядания, гибели, что означало понимание процесса развития культуры как нелинейного, цикли-

¹ Данилевский, Н. Россия и Европа / Н. Данилевский // Классика геополитики. XIX в. М., 2003. С. 370—371.

ческого. В конце XX в. этот подход привел к созданию плодотворной теории культурной самобытности, противостоящей концепциям западного универсализма.

Третья позиция, выражая в целом идею **многолинейной эволюции культуры**, основана на том, что в определенных условиях культуры могут развиваться сходными путями, однако, учитывая множество факторов, воздействующих на эволюцию культуры, совпадение особенностей развития и достижений различных культур невозможно. Неоэволюционисты (П. Сорокин, Ф. Бродель, И. Валлерстайн) разрабатывают вероятностный (стохастический) подход, в котором утверждается зависимость суммарной тенденции в изменении культуры от ряда факторов — представлений о природе реальности, основных потребностей человека, степени и способов их удовлетворения, методов познания и т.д. В теориях многолинейной эволюции произошло объединение ранее разводимых понятий «социальное» и «культурное» в единое понятие «социокультурного», широко используемое в современном гуманитарном знании. Так, П. Сорокин использовал в своих трудах понятие социокультурной динамики, которую он представлял как смену гиперциклов существования трех основных «типов культуры», или «суперсистем». Одна из них — чувственная: в ней реальность воспринимается непосредственно чувствами, в системах ценностей доминируют материальные потребности; вторая — идеациональная, в которой действительность постигается при помощи сверхчувственной интуиции, в обществе преобладают ориентации на духовные ценности и, наконец, третья — идеалистическая, являющаяся совмещением, сочетанием особенностей двух первых типов культуры.

В целом можно полагать, что в историческом развитии человечества возникали различные общества, характеризующиеся самобытностью культуры. Некоторые из них трансформировались в цивилизации, каждой из которых остается присущим свой тип культуры, основанный на специфических, своеобразных традициях. Техногенный тип цивилизационного развития, культурное ядро которого связано с западноевропейской системой ценностей, централизованной на человеке, основывается на новациях, связанных с развитием науки и техники. Этот тип цивилизации характеризуется стремительностью развития материально-технической сферы жизни общества, высокой степенью влияния на традиционные общества, в которых обнаруживаются тенденции однонаправленных трансформаций базисных ценностей: своеобразие традиционных культур постепенно утрачивается, однонаправленность в развитии культур нарастает.

Особенно явственно процессы усреднения, нивелировки культурной специфики стали проявляться в условиях глобализации. Формирование всепланетарного экономического и информационного пространства на рубеже XX—XXI вв. не могло не отразиться на взаимодействии культур.

Противоречивые тенденции в развитии культуры в условиях глобализации не перекрывают доминирующего вплоть до начала XXI в. процесса экспансии западноевропейской культуры, происходившей в течение последних столетий. Ее следствием стали тенденции вестернизации (от англ. west — запад) многих культур, широко распространивших у себя не только внешнюю атрибутику западной культуры — костюм, манеры, интерьеры, но и элементы той иерархии ценностей, в которой, как уже говорилось, центральную позицию со времен эпохи Возрождения занимал отдельный человек. Это подспудно вело к глубинным внутрикультурным противоречиям, поскольку в традиционных культурах центральное место в иерархии ценностей принадлежало трансцендентным Абсолютам, как правило, религиозного характера, а интересы социальной общности — религиозной общины, нации, клана, семьи всегда ставились выше, нежели интересы отдельной личности. Для многих культур вестернизация становилась причиной драматического раскола — в социальной сфере на европеизированную элиту и сохранявший традиции народ (как это было в России), в политической сфере — на сторонников радикальных либеральных преобразований и почвенников-консерваторов, в экономической сфере — на индустриализированный европеизированный город и хранящую энергетику укорененности в родном ландшафте деревню.

В условиях глобализации тенденции вестернизации видоизменились: они приобрели черты американизации культуры в глобальном масштабе. Можно было бы ожидать, что формирование глобального социокультурного пространства будет сопровождаться всплеском в развитии культуры — достижения различных народов и цивилизаций, став информационно доступными, будут будить творческие потенции людей, способствовать взаимообогащению культур. Однако глобализация социокультурного пространства происходит в обстоятельствах экономической глобализации, для которой пока характерно углубление неравномерности экономического развития мира и фактического политического неравноправия, когда различные регионы и страны имеют принципиально разные возможности в процессах культурного обмена. Новые информационные технологии, интернет обусловили широкое распространение, даже засилье на первых порах продуктов массовой культуры, производившихся или разрабатывавшихся транснациональными корпорациями (в основном американского происхождения). Их финансовое могущество позволяет осуществлять в сфере культуры самую опасную и изощренную цензуру — цензуру денег. И, несмотря на то, что элементы других культур получают распространение и всемирную популярность (могут оказаться востребованными восточные или латиноамериканские мотивы в легкой музыке, стать широко растиражированными и модными занятия восточными единоборствами или увлечение экзотической кухней), омассовление и унификация культуры во все-

планетарном масштабе углубляются. Механизмы рынка, стремление к рентабельности, установки на получение сверхприбылей от занятий художественным творчеством или тиражирования его результатов, проникая в область духовной культуры, приводят к упрощению содержания художественных произведений, девальвации моральных норм, спекуляциям религиозными идеями. Глобальное социокультурное пространство отличается широким распространением неусложненных, а то и примитивных культурных образцов, его основными культурами становятся культуры денег и силы.

Интернет и телевидение в силу неравнозначных экономических возможностей, позволяющих прежде всего мощным транснациональным корпорациям рекламировать, продвигать прибыльную продукцию, рассчитанную на широкую массу потребителей развлечений, становятся эффективными средствами, исподволь, незаметно заставляющими миллионы людей носить одежду одних и тех же моделей, читать одни и те же бестселлеры, смотреть одну и ту же видеопroduкцию, слушать одну и ту же музыку. В результате уникальные национальные культуры под давлением глобализированных культурных образцов оказываются под угрозой утраты своеобразия, сталкиваются с необходимостью защиты собственного культурного опыта. Но любое действие неизбежно рождает противодействие, любая тенденция ведет к зарождению процессов, вступающих с ней в диалектическое противоречие.

Полностью лишить культуру ее особенностей невозможно: в поведении людей, их деятельности, элементах общения неизбежно будут сохраняться уникальные черты, отличающие немца от француза, американца от мексиканца, русского от литовца. Многие особенности культуры закодированы в глубинных структурах ментальности, транслируются при помощи бессознательных механизмов, являясь иррациональными, усваиваются незаметно для сознания, не изменяются произвольно ни носителем данной культуры, ни стремящимся ее трансформировать чужаком. Многие культуры имеют своего рода защитный пояс, достаточно прочный для того, чтобы противостоять унификации, стандартизации, упрощению культурного ядра. Американизация культуры начала вызывать протест в различных культурных средах, в том числе и в западноевропейских. В последние годы можно обнаружить тенденции к сознательному сопротивлению культур единым образцам поведения, деятельности, общения, представляющим стандартизированную глоб-культуру (например, жестко лимитируется количество зарубежной кинопродукции на государственных телеканалах Франции, правительство Южной Кореи ввело запрет на распространение в стране иностранных технологий быстрого питания — «Макдональдса» и т.д.). Наблюдается усиление этнических оснований культур, возрождение национального своеобразия культурной жизни.

Идея эталонности западной культуры не просто подвергается сомнению. Возникает, причем и внутри западной культуры, тенденция к истернизации (от англ. east — восток) — распространению элементов восточной культуры, многие представители которой, проживая в западных странах, не ассимилируются, но сохраняют, существуя компактными общинами, и передают молодому поколению язык, религию, обычаи родной культуры. Учитывая различия во взглядах на планирование семьи, сохранившуюся у носителей восточных систем ценностей, любовь к детям (а не к тому, что они могут им купить), приоритет семьи, рода, общины, трудно предугадать, какая культура будет доминировать в Западной Европе, да и в Северной Америке через несколько десятилетий: будет ли это совместное существование «параллельных культур» и не удастся ли выходцам из мусульманского мира в Европе или Латинской Америки в США трансформировать ныне существующую культуру или ассимилировать ее.

В целом диалог культур в условиях глобализации не утрачивает своих противоречий и напряженности. Для продуктивного диалога культур, как и для продуктивного диалога двух людей, необходим целый ряд условий, начиная от желания вести диалог и наличия языка, обеспечивающего возможность взаимопонимания, до признания равноправия и самоценности собеседников. Есть ли все это у современных культур? Может ли культура, страдающая чувством неполноценности, ощущением ущербности, показаться интересной другим культурам? Может ли культура, высокомерно вззирающая на другие как на отсталые, варварские, стать для всех притягательной? Возможен ли искренний и заинтересованный диалог культур ради взаимобогащения духовными ценностями на фоне разворачивающейся на Земле битвы за ресурсы? Если возможен, то можем ли мы внести в него вклад, отказываясь от ценностей собственной культуры?

Таким образом, взаимодействие культур в контексте глобализации характеризуется как издержками — снижением культурного разнообразия, утратой бесценного опыта культуротворчества, уменьшением способов становиться и быть человеком, так и распространением некоторых достижений, связанных с развитием искусства, науки, техники, в результате коммуникации культур.

О мировой культуре как таковой можно говорить в двух смыслах:

- как об истории культуры человечества, в которой представлено множество самобытных культур и их достижений (культура древнего Египта, культура этрусков, современная японская или белорусская культура и т.д.);
- как о достижениях отдельных культур, признаваемых различными народами и в той или иной степени осваиваемых в их культуре (восточные единоборства, русская классическая литература, западные технологии и т.п.).

Человечество, по выражению современной российской исследовательницы Е.А. Мамчур, смотрит на мир сквозь призму тех мировоззренческих предпосылок, которые свойственны той или иной культуре. Каждая культура имеет свое лицо, формирует свою иерархию ценностей, их смысловое наполнение и взаимосвязи, определяющие различные модели интеллектуального и эмоционального, нравственного и эстетического освоения мира человеком.

11.5. Духовность и ценностные формы сознания

Духовность формируется в контексте особой формы бытия — духовного бытия, которое в общем смысле понимается как идеальная, невещественная, нематериальная форма бытия, способная оказывать воздействие на материальный мир. В соответствии с основными философскими позициями духовное бытие определялось либо как особая субстанция, самостоятельная основа мира, к которой человек может быть активно или пассивно причастен, либо как связанная с существованием человека и общества форма бытия, результат духовной деятельности людей, относительно самостоятельная сфера духовных ценностей и процессов их воспроизводства. Со времен античности (еще у Платона наметилась традиция понимать духовность в максимально общем смысле как единство Истины, Добра и Красоты; позднее в философском проекте Возрождения) это понятие было отождествлено с понятием гуманизма.

Основания духовности с древнейших времен были укоренены в самой сущности человека как творца культуры, созидателя духовных ценностей. В то же время в процессе культуротворчества формировались и надындивидуальные источники духовности, такие, как:

- формируемые в культуре религиозные и этические абсолюты;
- искусство, ориентированное на возвышение, самосовершенствование человека;
- элементы социальной мифологии, способствующие духовному поиску;
- духовный опыт, выработанный философией.

В то же время культурная деятельность человека не могла не быть связана и с удовлетворением жизненно необходимых, биологических потребностей, что также требовало элементов духовной деятельности в процессах предметно-вещественного взаимодействия с миром. Однако понятие духовности не совпадает с понятием духовной деятельности: калькуляция прибыли и планы ее использования являются элементами последней, но только в том случае, если полученная прибыль будет использована в гуманистически, нравственно оправданных целях, вышеуказанные операции получат отношение к первой. Дело в том, что духовная деятельность включает в себя умственные, логические операции, рациональный расчет, кото-

рые могут не только не вписываться в понятие духовности, но и в зависимости от ряда условий вступать в противоречие с ним. Выдающийся русский философ Н.А. Бердяев писал: «...мы никогда не можем точно определить, где обнаруживается подлинная духовность, она может обнаружиться совсем не на вершинах цивилизации. Очень важно еще понять, что духовность совсем не противопоставляется душе и телу, она овладевает ими и преображает их. Дух есть прежде всего освобождающая и преображающая сила. Человек с сильно выраженной духовностью совсем не есть непременно человек, ушедший из мировой и исторической жизни. Это человек, пребывающий в мировой и исторической жизни и активный в ней, но свободный от ее власти и преображающий ее... Человек должен принять на себя ответственность не только за свою судьбу и судьбу своих ближних, но и за судьбу своего народа, человечества и мира. ...Глубинное «я» человека связано с духовностью»¹.

Таким образом, можно полагать, что **духовность** — это измерение человеческого бытия, связанное с сознательной и ответственной направленностью личности на освоение и создание духовных ценностей, основой которых является гуманистическое, нравственно оправданное содержание. Духовность может использоваться и как интегральное понятие, характеризующее общую направленность развития культуры (в ее различных пространственных и исторических срезах) на созидание духовных ценностей. Духовность отдельной личности диалектически связана с духом эпохи, духом общества, к которому она принадлежит — прежде всего с духом того народа, той нации, в культуре которых укоренена личность. Однако в силу субъективной автономности и самостоятельности отдельная личность имеет огромное значение как источник изменения духовной жизни общества и культуры.

Составной частью духовной жизни общества, средством ее воспроизводства и обновления является *общественное сознание*, в структуре которого выделяют два основных уровня. Прежде всего общественное сознание существует на обыденном уровне, в виде обыденного сознания, формирующегося в ходе повседневной практической жизни людей, включающего 1) ненаучные знания (образцы деятельности, мировоззренческие стереотипы, привычные представления, убеждения, идеалы, предрассудки и т.п.); 2) общественную психологию. Общественная психология представляет собой присутствующие в той или иной социальной общности настроения, чувства, установки, мотивы, ожидания, придающие обыденному сознанию эмоциональную окрашенность, определенный настрой. Обыденное сознание образует «нижний», первичный уровень общественного сознания. В нем сосредоточен огромный опыт сотен поколений, позволяющий человеку успешно приспосабливаться к миру, осваивать его в изменяющихся

¹ Бердяев, Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого / Н.А. Бердяев // http://krotov.info/library/02_b/berdyayev/1944_041_7.html.

условиях, преодолевать вызовы среды и времени. На базе обыденного сознания в процессе развития общества формировался *теоретический уровень общественного сознания*, результат рациональной рефлексии над многообразным культурным опытом, отраженным в нетеоретических формах. Существовая в виде научных, философских, идеологических теорий, концепций, учений и т.д., теоретический уровень общественного сознания выступает как фундамент преобразующей творческой деятельности человека, средство проектирования моделей возможного будущего, позволяющее регулировать саморазвитие общества как сложной системы.

Кроме того, что общественное сознание в вертикальном измерении имеет два основных уровня; в его структуре в горизонтальном измерении выделяют целый ряд форм — религиозное, правовое, нравственное, эстетическое, научное, философское, политическое сознание, в последние годы добавляя к ним экономическое, экологическое. Все они формировались в недрах обыденного сознания, постепенно обособляясь, но при этом оставаясь тесно связанными, взаимно переплетенными. Две из них — наука и философия постепенно начали выполнять примерно те же функции, что и самосознание в рамках индивидуального сознания (прежде всего рефлексивную функцию), сформировав вкуче с идеологией теоретический уровень общественного сознания. Формы общественного сознания совпадают с отдельными сферами культуры, такими, как религия, право, философия, нравственность и т.д.

К сожалению, ни выдающийся интеллект, ни законопослушность не являются панацеей от безнравственности, цинизма, бесчеловечности. В обществе, отличающемся высоким уровнем развития экономики и активной политической жизнью, могут наблюдаться упадок и кризис духовности, преобладание ориентаций на материальные ценности, удовлетворение телесных потребностей человека. Опережающее развитие науки, экономики, политики как сфер культуры на фоне упадка духовной жизни — деградации морали, отказа от религиозных Абсолютов, дегуманизации искусства и философии — обуславливает высочайшие риски в существовании социума, связанные с возможной утратой наиболее важных ценностей, предохраняющих человека, отдельные общества, человечество в целом от расчеловечивания. Для сохранения и развития духовности как источника гуманизации социальной реальности особое значение имеют такие формы ценностного сознания и одновременно сферы культуры, как мораль, религия, искусство.

Мораль как форма нормативной регуляции человеческого поведения. Мораль выступает как способ регуляции поведения людей. Возникнув в глубокой древности, мораль выполняла и выполняет в обществе важнейшие функции выработки неписаных правил человеческого общежития, влияния на поведенческие качества личности. Именно мораль выражает стороны социального опыта, обобщающие представления о добре и зле, добродете-

ли и пороках, правильном и неправильном отношении человека прежде всего к другим людям, а также к различным явлениям окружающей действительности. Мораль проводит различие возможного и должного поведения, основанного на неписаных представлениях о высших ценностях, идеалах образа жизни.

Проблемы морали и нравственности детально изучает специальная философская дисциплина — этика, в развитие которой внесли вклад такие выдающиеся мыслители, как Аристотель, Б. Спиноза, И. Кант, М. Шелер, Н.А. Бердяев. Наиболее важными категориями этики являются понятия добра и зла, чести, долга, достоинства, морального выбора, нравственного идеала.

Философское осмысление морали позволяет говорить о ней в двух основных проявлениях: 1) как о системе норм и ценностей, которых должен придерживаться человек в своем поведении, 2) как о сфере индивидуального самополагания личности, свободного или основанного на внешних для нее требованиях и нормах.

В первом случае акцент делается на внеличностной, наиндивидуальной императивной сущности морали, возникающей как выражение необходимости целесообразного взаимодействия в обществе, как «договоренность» о правилах поведения, вырабатываемая самими людьми. Критерием моральности в этом случае является соответствие действий человека потребностям общества. Во втором случае подчеркиваются решающее значение свободного морального выбора личности, укорененность морали во внутреннем мире человека. В силу такого понимания мораль может рассматриваться как сфера, в которой человек выступает как субъект собственного законодательства. Даже если речь идет о выполнении внешних для него требований, он сам решает — выполнять их или нет.

Последний подход противостоит представленному в истории философской мысли нигилистическому отношению к морали, сторонники которого видят в ней систему ограничения личностной свободы и независимости, способ подавления личности.

Мораль отражает бытие общества в нормах и принципах нравственности, является ядром нравственной культуры. Нравственная культура включает в себя, с одной стороны, моральное сознание, т.е. представления человека о том, «что такое хорошо и что такое плохо», а с другой — конкретную реализацию нравственных норм и принципов в человеческом поведении. Между двумя сторонами морали существуют сложные взаимосвязи, но, к сожалению, нравственное сознание и особенности поведения человека не являются тождественными. Имея достаточно выятные представления о должном, «правильном» поведении и даже обладая склонностями к морализаторству и жестким оценкам поведения других, люди не всегда придерживаются собственных «моральных деклараций» в своих поступках. Более того, множество аморальных или даже преступных деяний происходило и

происходит под прикрытием «высокоморальных» лозунгов и речей. В то же время ни одно общество не существует без определенных нравственных норм и принципов, поскольку мораль в отсутствие жестких биологических программ, управляющих должным, соответствующим интересам человеческого рода поведением, сдерживает агрессию, умеряет эгоизм, выполняя целый ряд важных социокультурных функций: нормативно-регулирующую, ориентирующую, оценочную, воспитательную, познавательную и др.

Как и право, мораль формулирует общие критерии, с точки зрения которых общество оценивает соответствие поведения отдельного человека общим нормам. В то же время соблюдение норм морали в отличие от норм права поддерживается не принуждением и насилием, осуществляемыми соответствующими государственными учреждениями и институтами, но исключительно моральным воздействием — наставлениями, одобрением или неодобрением, похвалой или возмущением. Какие же средства контролируют, обуславливают соблюдение моральных правил и норм? Их немного: во-первых, это общественное мнение, выступающее как внешняя по отношению к человеку сила; во-вторых, это самоконтроль на основе совести — внутренний регулятор нравственного поведения.

В современном обществе в силу нарастания общего кризиса культуры в рамках техногенной цивилизации все более остро встает проблема этического релятивизма. Речь идет о распространяющейся позиции, в которой подчеркивается относительность моральных требований и норм, их зависимость от целого ряда факторов, а значит, плюрализм в оценках моральности поведения. Следствием этического релятивизма становятся дальнейшее отчуждение между людьми, усиление их апатии, дефицит доверия. Будучи ценностной формой сознания, мораль, связанная с абсолютными системами нравственных координат, переживает кризис в силу несовпадения с общей господствующей ориентацией на материальные ценности и их приращение любой ценой. В то же время, являясь нематериализуемой в конкретно-вещных формах и внеинституциональной, именно мораль до сих пор остается наименее коммерциализированной, пораженной рыночными отношениями и политической конъюнктурой сферой социокультурной действительности.

Искусство и специфика эстетического отношения человека к миру. Искусство представляет собой органическую часть духовной культуры, выступает как особый способ духовного освоения действительности, специфическая форма общественного сознания. Как сфера культуры искусство в историческом развитии образует ее особую подсистему — художественную культуру. Как особый способ освоения действительности искусство выражает эстетическое отношение человека к миру. Как форма общественного сознания оно основывается на образно-выразительном, чувственно-эмоциональном отражении мира.

Термин «искусство» в русском языке является многозначным. Это и мастерство, и навык, и виртуозность, проявляемые в различных видах деятельности, это и совокупность различных жанров художественной культуры. Однако в наиболее общем смысле, интересующем философию, искусство можно определить как *особый вид духовно-практического освоения действительности, формирующий и развивающий способности общественного человека воспринимать и преобразовывать окружающий мир по законам красоты*. Проблемы искусства специально исследует особая философская дисциплина — эстетика. Немецкий философ А. Баумгартен, который ввел этот термин в 1735 г., выделял два самостоятельных уровня бытия духа — «логический горизонт» и «эстетический горизонт». Эстетику он определял как науку об особом, чувственном познании, постигающем прекрасное, о законах создания на основе прекрасного произведений искусства и их восприятия.

Эстетическое отношение человека к миру проявляется уже в глубокой древности, в стремлении древних людей украсить свою жизнь, выразить свои чувства при помощи символа, изображения, знака. Эстетическое начало присутствует практически в любом виде человеческой деятельности, являя свою универсальность и всеобщность, а также несомненную причастность человеческой сущности. Универсальность эстетического начала в человеческом бытии не отменяет специфики эстетического восприятия и переживания, эстетического идеала и вкуса в различных культурных контекстах.

Красота может быть привнесена в любое действие, но именно в искусстве в наиболее чистом виде обнаруживает себя стремление человека к духовно-чувственному единению с миром. Таким образом, если эстетическое отношение к миру — это особая разновидность субъект-объектных отношений, в которой объект воспринимается как самодовлеющая ценность, вызывающая эстетические переживания (прежде всего бескорыстное удовольствие), то искусство — художественное творчество, целенаправленно созидающее произведения, вызывающие эстетические переживания. Оказывая преобразующее воздействие на различные сферы общественной жизни, на все формы общественного сознания, искусство тем не менее характеризуется известной самостоятельностью, которая связана с его особенностями. Существенным признаком искусства является то, что оно осваивает мир эстетически, охватывая действительность целостно, во всем ее богатстве и в то же время во всей чувственной яркости единичного, неповторимого. Это сообщает искусству конкретно-всеобщую природу. Искусство более полно, чем любая другая область деятельности человека, отражает все многообразие человеческих ощущений. Создавая «возможное бытие», отрываясь от реальности, в мире художественного воображения человек выстраивает идеалы, в предметном, чувственно воспринимаемом образе концентрируя свои духовные устремления, фантазии, мечты о долж-

ной и возможной реальности. Тем не менее в произведениях искусства происходит глубочайшее постижение, «схватывание» действительности. Полнота обнажаемых искусством смыслов, выявление глубинной сущности различных объектов, совершенство идеалов достигаются благодаря художественному обобщению, типизации, идеализации.

Искусство в отличие от других форм ценностного сознания носит ярко выраженный авторский, субъективно-эмоциональный характер — искусство создается личностью и обращается к личности. Средством отражения действительности в искусстве выступает художественный образ. Кроме основной своей функции — эстетической, подлинное искусство выполняет в общественной жизни ценностную, познавательную, коммуникативную, воспитательную и другие функции, в совокупности позволяющие ему оказывать исключительно глубокое возвышающее и облагораживающее воздействие на человека, стимулировать развитие духовности в социокультурной действительности.

Религия как форма духовного освоения реальности. Не существует на Земле культуры, страны, народа, где не было бы религиозных верований, представлений, веры. Трудно привести пример иной составной части культуры, которая оказала столь же большое влияние на ход истории, судьбы миллионов людей, развитие духовной сферы в целом. Религия выступает как сложный феномен, имеющий свою сущность, специфику, историю и логику развития. Однако по ряду противоречий, возникающих в процессе философского осмысления религии, она, пожалуй, не имеет себе равных. Дело в том, что во взглядах на религию возникают глубинные различия, связанные, во-первых, с противостоянием собственно религиозной и светской (научной) мировоззренческих позиций, а во-вторых, с разнообразными, представленными в пределах первой позиции точками отсчета, зависящими от конкретного типа религии. Для верующего человека религия (причем именно та, которую он исповедует) является основой его личного бытия, вечным воплощением духовной жизни. Сама постановка вопроса о происхождении религии, о ее разновидностях может показаться для него бессмысленной. Но и философы, пытающиеся исследовать религию в пределах рационального дискурса, в качестве одного из феноменов культуры наряду с моралью, искусством, наукой, приходили к достаточно различным суждениям по поводу ее оснований, сущности, предназначения. Философия религии как самостоятельная дисциплина сформировалась в эпоху Просвещения (в XVII—XVIII вв.), что стало проявлением общей тенденции в западноевропейской культуре Нового времени все подвергать рациональному анализу.

До сих пор остается спорной этимология понятия религии. Чаще всего его связывают с лат. *religio* — «благочестие, святыня», хотя у него могут быть и другие смысловые корни: *religere* — «собирать, благоговеть, соблюдать»

или *religare* — «связывать, соединять». Наиболее распространенный вариант определения представляет религию как *тип мировоззрения, основанный на вере в существование иного, «второго», сверхъестественного мира, основного по отношению к земному, естественному миру, и сверхъестественных существ (духов, богов, Бога), от которых зависит существование любых форм бытия*. При этом следует иметь в виду, что многообразие религий, их особенности и специфика не позволяют считать это определение исчерпывающим.

Существует множество теорий, по-разному объясняющих происхождение религии, связывающих его, как правило, с невежеством людей, их страхом перед силами природы, стремлением их умиротворить. В одних теориях религиозная практика, культ рассматриваются как вторичное, производное образование от представлений о сверхъестественных силах; в других первичность культа и магические действия неразрывно связаны с представлениями о сверхъестественных силах. Культ при этом понимается как составлявшее суть первичных элементов первобытного мышления поклонение коллективно-значимым, принятым данной общностью идеальным ценностям, святыням. Разрешение проблемы возникновения самого культа связывается в современной философии с раскрытием генезиса человеческого сознания и культуры в целом. В целом религия рассматривается как универсальный феномен, связанный с бытием человека и общества и имеющий социально-психологические и гносеологические корни.

Историческое развитие религии сопровождалось связанным с развитием социальной структуры общества переходом от синкретичных религиозно-мифологических представлений, развивавшихся в родоплеменных объединениях, к сопровождавшему формирование государств религиозному политеизму (многобожию) и теизму (единобожию). Первый представлен в таких ныне существующих религиях, как индуизм, даосизм, синтоизм и др. Религиями, основанными на идее единобожия, являются иудаизм, христианство и ислам. Христианство, ислам и буддизм стали мировыми религиями, преодолев этнические и политические границы и объединяя людей одной веры независимо от любых других их характеристик.

В структуре сформировавшейся религии, несмотря на многообразие и специфику ее возможных конкретных воплощений, выделяют *религиозное сознание*, в котором взаимодействуют религиозная идеология и религиозная психология, *религиозный культ* как совокупность символических действий, направленных на поддержание связи со сверхъестественными силами, и религиозные организации — объединения последователей той или иной системы верований и культа. В современном мире ведущими религиозными организациями являются *церкви* — религиозные институты, объединяющие верующих одной конфессии, регулирующие отношения внутри нее и осуществляющие связи с другими социальными институтами, в том числе и с другими церквями.

Религия, формируя устойчивые надличностные системы ценностей, влияет на все сферы культуры: проникает в правовое и политическое сознание, оказывает огромное воздействие на развитие искусства. Особенно тесной является связь религии и морали. Именно религии задают, как правило, наиболее устойчивые системы нравственных координат, проникающих из религиозного сознания в обыденное. М. Вебер обосновал определяющее влияние протестантской религиозной этики на формирование капитализма, обнаружив «религиозный след» в социально-экономических процессах. Достаточно сложно складываются отношения религии и науки: их конфронтация в западноевропейской культуре объясняется различными способами понимания истины, объяснения различных естественных явлений, притязаниями на ведущую роль в выполнении мировоззренческих функций. Воплощая или преформируя многие особенности культуры, религия выступает как одно из ее возможных измерений, способное трансформироваться в цивилизационное основание (что позволяет гуманитариям оперировать такими понятиями, как христианская, буддийская, исламская, православная цивилизация и т.п.).

Выполняя целый ряд функций, связанных с бытием человека — мировоззренческую, коммуникативную, регулятивную, компенсаторную, религия в обществе в целом играет двойственную роль, интегрируя верующих в пределах одной системы верований, обеспечивая целостность и стабильность общественного организма и, наоборот, проводя разделительные линии между приверженцами различных вероисповеданий, что чревато социальными напряжениями, конфликтами.

В целом особенности религии как формы духовного освоения мира сложны и неоднозначны. Религия может чрезмерно сильно оторвать человека от реальности, ограничить его умственный горизонт, подавить свободу мировосприятия и отношения к другим. В то же время, обращаясь к глубинам интимно-личностного мира человека, религия оказывает огромное влияние на его эмоционально-психологические характеристики, дает утешение, позволяет вырваться из отчаяния перед лицом смерти и одиночества, дарует силу духа и надежду, помогает ответить на сложнейшие смыслжизненные вопросы.

Социальная мифология, утопия, идеология как формы общественного сознания. Среди форм общественного сознания, влияющих на динамику социокультурной жизни, придающих ей энергетический потенциал, изменяющих общественную психологию и ориентиры обыденного сознания, нельзя не отметить социальную мифологию, утопию, идеологию. От уже выделенных форм в горизонтальной структуре общественного сознания они отличаются своей синтетичностью: в них смыкаются политические и нравственные, экономические и правовые элементы социокультурных представлений и идеалов, они проникают на разные уровни общественного сознания, а также друг в друга.

Социальная мифология — способ понимания социальной действительности, возникший на ранних этапах развития общества и объясняющий происхождение и сущность общества при помощи мифа, т.е. в нерасчлененных, синкретичных символических и наглядно-образных формах, не разделяющих реальное и вымышленное. Мифология когда-то заложила основания живучего принципа, в соответствии с которым социальный мир делится на две различные части — «своих», выделяемых по кровнородственному, племенному основанию и наделяемых особыми достоинствами и положительными качествами, и «чужаков», не всегда отождествляемых с людьми. В социальной мифологии уже в древности возникли постоянно возрождающиеся темы «золотого прошлого» и «светлого будущего». «Язык» и сюжеты мифа, неподвластные времени, оказывающие огромное эмоционально-аффективное воздействие на человеческие сообщества, сохраняются в выделившихся из мифологии формах общественного сознания, а при определенных условиях могут оказаться доминирующими.

В современном обществе тенденция к мифологизации действительности получила широкое распространение. Причины этого явления сложны и многообразны. Российский исследователь А.В. Гулыга, объясняя их, отмечает, что в условиях современного разделения труда «растущая специализация знания вырабатывает особый тип мышления, направленный на узкий участок деятельности, не способный и не стремящийся к самостоятельной оценке общей социальной ситуации в современном мире и поэтому легко принимающий на веру чужие слова. Вот почему работник умственного труда так же может оказаться во власти мифа, как и всякий обыватель»¹. Ч.С. Кирвель полагает, что «новая мифология, как и древняя, возникает из потребности принимать воображаемое за реально существующее, желаемое за действительное. Отсюда ее компенсаторно-иллюзорная функция — она должна дать духовные опоры для жизни и действия в противоречивом и разорванном мире, помочь человеку обрести уверенность и устойчивость»².

Социальные, или политические, мифы, возникнув в глубокой древности, возрождаясь и обновляясь, могут, распространившись в массовом сознании, приобрести огромную силу, коренным образом изменить судьбу целых народов, трансформировать социальную действительность отдельного общества, а в настоящее время в условиях глобализации и всего человечества. Эффект распространения социального мифа в массовом сознании может быть двойственным — и созидательно-мобилизующим, интегрирующим общество, и деструктивным, трагическим для культуры. Современный миф в отличие от древнего, чтобы приобрести видимость правдоподобия,

¹ Гулыга, А.В. Искусство в век науки / А.В. Гулыга. М., 1978. С. 54.

² Кирвель, Ч.С. Образы будущего: утопия и антиутопия в современном мире: в 2 ч. / Ч.С. Кирвель. Гродно, 1994. Ч. 2. С. 39.

вынужден облекать свое иррационально-образное стихийное содержание в рациональную, наукообразную форму, приближаясь к утопическому творчеству, проникая в современные идеологии.

Утопия имеет свои черты и особенности, по своему значению в жизни общества не уступая мифу и идеологии. *Утопия* — это изображение якобы существовавшего (существующего) идеального общественного строя или проект социальных преобразований, ведущих к его реализации в жизни. Восходя к древним легендам о «золотом веке», «земном рае», утопические проекты возникли в общественной мысли как Запада (Платон, Ксенофонт), так и Востока (Моцзы, Лаоцзы, ал-Фараби). В эпоху Возрождения появились специальные труды — «Утопия» (от названия которого и берет свое начало сам термин) Т. Мора и «Город Солнца» Т. Кампанеллы, представляющие совершенное общественное устройство, справедливые социальные отношения, построенные на принципах имущественного и политического равенства. Утопия является выражением интересов определенных социальных слоев — как правило, не находящихся у власти. С социальным мифом ее сближает эмоционально окрашенное идейное содержание, с идеологией — назначение, связанное со стремлениями людей изменить общественную жизнь. Многие основные принципы демократического движения, нравственные и законодательные нормы, системы педагогики и образования были впервые представлены в утопиях (например, равноправие женщин, всеобщее обязательное образование и др.).

Несмотря на отрыв от реальности, стремление сконструировать социальную действительность на основе универсальной схемы, что ведет к волюнтаризму, игнорированию объективных тенденций и оснований общественной жизни, слишком высокой цене социальных преобразований, утопия содержит в себе мощный проективный заряд, идеал возможности разумного управления обществом. Это придает ей важное идеологическое, воспитательное и познавательное значение.

Важнейшим фактором социокультурной динамики в последние века стала идеология. *Идеология* — это система представлений и идей, которая выражает интересы, мировоззрение различных по масштабу социальных групп — классов, наций, политических партий, отдельных обществ. Идеология существует в концептуально оформленном, рационально обоснованном виде и предназначается либо для утверждения и оправдания, либо для изменения существующего общественного устройства. Но в отличие от науки идеология содержит в себе не только знания о социально-политических тенденциях и процессах, но и ценностное отношение к ним, их оценку со стороны тех или иных групп и общностей.

Впервые термин «идеология» был введен в начале XIX в. французским философом Антуаном Дестют де Траси. Сложно назвать другую форму общественного сознания, которая вызывала бы к себе в философских кругах

столь полярные, двойственные отношения — от позитивных, сторонники которых рассматривают идеологию как основание политического и этического порядка, способ формулирования общественных целей и идеалов, средство интеграции, сплочения людей, до негативно-обличительных, приверженцы которых связывают идеологию со способами господства и манипуляции, ложным сознанием, маскировкой намерений и действий.

Специфической чертой идеологии является то, что она создается, разрабатывается достаточно узким кругом людей — политиками, учеными, но в то же время в ней выражаются интересы, социально-политические ожидания и идеалы широких социальных слоев и общностей, выступающих социальной базой идеологии. Поэтому важнейшую роль в идеологии играют элементы социальной мифологии и утопии. В результате в содержании идеологической концепции наряду с достоверными элементами теоретического знания могут оказаться и социально-политические заблуждения, ошибочные представления, ложные идеалы. Но, как правило, именно социальный миф обеспечивает временный успех идеологии: по мере исчерпания его воодушевляющего воздействия идеология теряет свое влияние, возникает идеологический вакуум, который рано или поздно заполняется новыми идеологическими построениями, без которых жизнь современного общества утрачивает необходимые для его развития цели и смысл. Среди функций идеологии в социальной реальности особое значение имеют мобилизующая, контролирующая, интегративная, регулятивная, воспитательная. В целом наряду с социальной мифологией и утопией идеология выступает важнейшим средством конструирования социальной реальности.

Проект Просвещения, разработанный в западноевропейской философии Нового времени, изменивший соотношение значимости различных форм общественного сознания, привел к обновлению культуры, в той или иной степени затронувшему все регионы мира, проявившемуся во всевозможных срезках и сечениях пространства культуры. Секуляризация вызвала бурное развитие светской культуры, рационализация сопровождалась невиданными успехами в научном познании и техническом прогрессом, всеобщее образование и просвещение способствовали формированию целеустремленной, критически мыслящей, активной личности. В течение XIX—XX вв. культура модерна воспроизводила условия для широкого духовного поиска, становления альтернативных моделей социокультурного, экономического и политического развития, разнообразия стилей и образов жизни. Однако во второй половине XX в. обозначился кризис парадигмы модерна, связанный с обострением противоречий между сферами субъективной свободы и социального порядка.

С одной стороны, развитие информационных технологий, доступность разнообразнейших информационных ресурсов, открытость культурного пространства сохраняют широкие возможности для самоопределения лич-

ности, ее свободного духовного развития. Огромное количество людей может пользоваться достаточно большим по сравнению с прежними веками временем досуга, приобщаться к научному познанию, освоению достижений искусства, философии. Имеются предпосылки для многомерного культурного диалога и взаимообмена уникальными элементами накопленных культурных ресурсов, что могло бы способствовать сохранению и обогащению аутентичного культурного наследия в различных регионах и развитию общего духовного потенциала человечества. С другой стороны, массовое производство, основанное на прогрессе техники, массовое потребление продуктов материального и духовного производства, ставших общедоступными в связи с повышением уровня жизни, а также средства массовой информации породили массу как особую социальную группу с присущей ей массовой культурой. В результате в духовной сфере современного общества наметились следующие тенденции:

- вытеснение духовности и ее замещение стремлением к потреблению материальных ценностей и услуг (торжествует вирус потребительства);
- направление человеческих желаний в русло удовлетворения наиболее низменных, примитивных потребностей (хлеба и зрелищ!), противоречащих, как правило, требованиям духовности;
- снижение разнообразия культур и стилей жизни (преобладают вестернизация, стандартизация, унификация культуры, а значит, сужаются горизонты духовности, вариативность ее развития);
- распространение этической индифферентности и этического релятивизма, т.е. отказ от абсолютных идеалов добра и зла в сфере морали;
- снижение способности и стремления человека к критическому самостоятельному мышлению, самостоятельному выбору идеалов и ценностей;
- замыкание человека в мире частных, корпоративных интересов, имеющих прагматическую направленность.

В целом метаморфозы духовности в современной культуре проявляются в общих тенденциях вытеснения духовности ее антиподом — бездуховностью, подмене мудрости интеллектом, нравственности — прагматичностью, религии — культом денег, а искусства — его чудовищными имитациями. Существует целый ряд факторов, которые стимулируют деградацию духовности в масштабах планеты. Среди них важнейшее место занимает тотальное доминирование предпринимательской экономики, ориентированной на получение прибыли любой ценой, подчиняющей диктатуре рынка науку, мораль, искусство, религию — те сферы духовной жизни, которые испокон веков не являлись рентабельными, служили истине, добру, красоте.

Развитию духовности препятствует и обострение проблемы культурной идентичности, связанное с тем, что самоидентификация, т.е. самоотождествление личности с определенными социальными группами, затрудняется, теряет определенность (утрачены привычные социальные роли, поколе-

блены незыблемые оппозиции, в том числе мужское-женское, подвергаются сомнениям и осмеянию религиозные ценности, разрушаются национальные государства, этнонациональные целостности). Формируется «человек-турист», идеальное в своей вечной потребительской неудовлетворенности существо, лишенное этнонациональных и религиозных корней, привязанностей и глубинных духовных ориентиров.

В целом состояние духовности в XX—XXI вв. позволяет констатировать ее нарастающий кризис. В то же время в различных формах общественного сознания, представленных в разных культурах, идут поиски ответа на вызовы времени, главный из которых — вызов, брошенный человеком своей сущностной черте — духовности.

В этих условиях, по мнению В.С. Степина, «не меняется главное предназначение философии в культуре: понять не только каков в глубинных основаниях различный человеческий мир, но и каким он может быть. Историческое развитие философии постоянно вносит мутации в культуру, формируя новые варианты, новые потенциально возможные линии ее динамики»¹. Современная философия активно осмысливает духовный опыт восточной культуры, переоткрывает идеи славяно-русской философии, пытаясь выстроить новые стратегии отношения к природе, соединить преобразующую деятельность человека с нравственным самоконтролем. Философская составляющая, связанная с поиском наиболее благоприятных сценариев преодоления дефицита духовности, многочисленных рисков и кризисов общечеловеческого масштаба, обнаруживается в современной литературе и искусстве, идеологиях и научном творчестве, религии и публицистике. Культура через духовную жизнь пытается определить ориентиры обновления, утвердить гармонизирующие бытие человека и мира, мировоззренческие координаты и жизненный смысл. Духовность как специфическая черта человеческого бытия ищет новые основания и перспективы реализации гуманистического идеала.

¹ *Степин, В.С.* Новая философская энциклопедия. Т. 4. С. 197.

РАЗДЕЛ II

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НАУКИ

ГЛАВА 12. НАУКА КАК ВАЖНЕЙШАЯ ФОРМА ПОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

12.1. Понятие науки

Наука в ее современном виде возникла в Западной Европе в XVII в. Понятие «ученый» впервые употребил английский философ и историк науки У. Уэвелл в XIX в. в работе «Философия индуктивных наук» (1840). Однако «только в XX в. профессия ученого становится сравнимой по значению с более старыми профессиями церковников и законников»¹, — отмечает Дж. Бернал — один из основоположников современного науковедения.

Проблема определения науки является одной из сложнейших в современных исследованиях по теории познания и философии науки. Существует множество дефиниций науки и научного познания, в каждой из которых в качестве определяющего признака или сущностной характеристики науки вычленяются: набор специфических познавательных процедур (эксперимент, описание, классификация, объяснение и др.); объектно-предметный характер знаний, получаемых в результате научного исследования; уровень системной организации и обоснованности научных знаний и др. Такой плюрализм подходов и методологических ориентаций при определении науки понятен и объясним, поскольку в современных условиях она обнаруживает свою очевидную полифункциональность и может интерпретироваться как специфический метод познания, социальный институт, форма накопления знаний и познавательных традиций, фактор развития производства и современных технологий деятельности и др.

Однако как только перед нами встает задача определить науку как уникальный феномен современной культуры в ее целостности и существенных отличиях от других форм духовно-познавательной деятельности (миф, религия, философия, обыденное познание и т.п.), мы сталкиваемся с рядом серьезных логических, концептуальных и предметно-содержательных проблем. Укажем на некоторые из них.

¹ Бернал, Дж. Наука в истории общества / Дж. Бернал. М., 1956. С. 18.

1. Проблема логического круга в определении науки, связанная с необходимостью корректного ответа на вопрос о том, где, когда и в каких социокультурных условиях впервые возникает наука и осуществляется переход от протонауки к собственно научным формам познания мира.

2. Проблема структурно-функциональной дифференциации современной науки и вычленения таких ее базовых параметров, как познавательная деятельность в соответствии с определенными логико-методологическими нормами и императивами; научное знание, обладающее соответствующими когнитивными и логическими характеристиками; социальный институт как форма организации и регулирования научных исследований, а также система коммуникаций в науке.

3. Проблема предметно-дисциплинарной дифференциации науки и определения специфических особенностей логико-математического, естественнонаучного, технического и социально-гуманитарного знания. Одним из важнейших измерений этой проблемы в современных условиях является обоснование особого статуса междисциплинарных исследований и выявление специфических особенностей интегративных направлений в науке, которые синтезируют в себе различные научные дисциплины и характерные для них методы и средства познания.

Четкая экспликация специфических черт науки и обоснование ее категориального определения предполагают содержательный анализ и корректную интерпретацию указанных проблем. Не случайно один из основоположников современного науковедения Дж. Бернал отмечал, что дать определение науки, по существу, невозможно. Можно лишь наметить пути, приближающие нас к пониманию того, чем является наука.

Поскольку наука представляет собой системную целостность, она прежде всего должна стать предметом структурного анализа, в процессе которого вычленяются основные ее компоненты, раскрываются содержательные и функциональные характеристики каждого из них, что позволяет существенно углубить как обыденное представление о науке, так и различные сугубо дескриптивные модели ее описания.

Основными структурными компонентами науки как системной целостности, или важнейшими параметрами ее бытия, являются:

- наука как деятельность;
- наука как знание;
- наука как социальный институт.

Наука как деятельность. Наука как деятельность представляет собой творческий процесс субъект-объектного взаимодействия, направленный на производство и воспроизводство новых объективно-истинных знаний о действительности.

Развернутый анализ научной деятельности позволяет зафиксировать ряд характерных признаков науки, отличающих ее от других типов духовно-познавательной деятельности, в частности, от различных форм обыденного или неспециализированного познания, которые весьма активно используются в повседневной жизни человека и конституируют так называемую «логику» здравого смысла. В структуре любой, в том числе и научной, деятельности можно вычленить такие ее компоненты, как субъект, объект (или предмет), средства и методы, цели и программы, результаты или продукты. Характерно, что по всем этим параметрам научная деятельность существенно отличается от других типов познавательной активности и форм генерации знаний. Например, в актах обыденного или неспециализированного познания субъект, как правило, формируется в процессе естественной социализации и усвоения традиционных навыков познавательной и практической деятельности. В науке же складывается особая система профессиональной социализации, которая предполагает освоение субъектом огромного массива знаний, навыков, форм и способов коммуникации.

Столь же значительны различия научной и обыденной форм познавательной деятельности по их объекту или предмету. Обыденное познание осваивает только те объекты или предметные комплексы, которые непосредственно включены в структуру практической деятельности человека и образуют пространство его жизненного мира или повседневного опыта. Наука же конструирует особый мир идеализированных объектов, такую предметную реальность, которая не представлена в реальных формах практической деятельности человека или в его обыденном эмпирическом опыте. Предмет науки — это всегда результат творческого конструирования такого типа реальности, который может быть освоен лишь в будущих формах практики.

Поскольку научно-познавательная деятельность относится к числу наиболее сложных и развитых форм познания мира, постольку она существенно отличается от других видов познания и по таким параметрам в структуре деятельности, как средства, методы, цели и программы. Современная наука использует множество разнообразных и тщательно адаптированных к исследуемому предметным комплексам средств познания природы, общества и духовно-психической реальности. Среди них выделяют:

1) материальные средства, составляющие экспериментально-измерительную или приборную базу современной науки;

2) концептуально-логические средства, в состав которых входят специализированные искусственные языки и категориальные системы, логико-методологические стандарты, а также эталоны организации знания, его обоснованности и объективной истинности;

3) математические средства, включающие в свой состав различные системы математических языков и формализмов, призванных обеспечить процедуры описания, объяснения и предсказания исследуемых явлений и

процессов в соответствии с требованиями логической непротиворечивости, точности, содержательной определенности.

Одной из отличительных особенностей научно-познавательной деятельности является характерная для нее методологическая рефлексия, направленная на осмысление и постоянную оценку осуществляемых познавательных действий, а также разработку системы специальных методов и средств, которые призваны оптимизировать эти действия и способствовать достижению объективно-истинного знания об исследуемой реальности. В актах обыденного или неспециализированного познания методы и формы получения знаний не осознаются и не анализируются. Они как бы расплавлены в ткани реальных познавательных действий и усваиваются субъектом непосредственно в процессе воспитания, естественной социализации и приобщения к определенным обычаям и традициям.

Научная деятельность кардинально отличается от других видов и форм познания и по своему результату или конечному продукту. Любое познавательное действие в идеале должно быть направлено на то, чтобы получить знание или информацию о познаваемом феномене. Однако в разных формах и на разных уровнях познания эта информация специфицируется по ряду существенных признаков. В ее содержании могут быть представлены объективно-предметные стороны бытия явлений и процессов действительности. Она может фиксировать субъективно и лично значимые смыслы социального мира и универсума культуры. Это может быть информация о ценностях, программах и целях возможных актов деятельности личности, социальной группы или общества в целом. При этом весьма важно зафиксировать те свойства и параметры, которые отличают именно научное знание как специфический вид информации и конечный продукт научно-познавательной деятельности. Данная характеристика науки предполагает анализ ее как специфической системы знания.

Наука как знание. Реализация познавательного отношения человека к миру создает предпосылки для перевода познаваемых объектов в идеально-знаковую форму, в которой они распределчиваются и обретают статус знания. Существуют различные типологии знания как продукта духовно-познавательной деятельности. В зависимости от специфики познаваемой реальности выделяют знание об объективном мире природы и общества; знание о внутреннем духовно-психическом мире человека, в котором содержатся представления о сущности и смысле самопознания; знание о целях и идеально-теоретических программах деятельности человека и др. Каждый из этих видов знания может существовать в формах протонаучного, вненаучного и научного знания. Чтобы отличить научное знание от других видов знания, используют специальные *критерии*. Проблема критериев научности является одной из самых дискуссионных в современной философии науки. В зависимости от задач и установок исследования выделя-

ют их различные группы. Например, чтобы зафиксировать исторически конкретные формы научного знания и отличить их от протонауки, используют совокупность (группу) *исторических критериев научности*. К ним, как правило, относят:

- формально-логическую непротиворечивость знания;
- его опытную проверяемость и эмпирическую обоснованность;
- рациональный характер знания;
- воспроизводимость и семантическую инвариантность;
- интерсубъективность и универсальность и др.

Существуют и такие разновидности исторических критериев научности, которые позволяют специфицировать различные стадии развития науки и соответствующие им формы знания. При этом различаются классическая, неклассическая и постнеклассическая наука; дисциплинарно и междисциплинарно организованные системы научного знания и т.д.

Следующая группа стандартов научности получила название *функционально-ориентированных критериев*. Группа включает *логические критерии*, такие, как непротиворечивость, полнота, независимость исходных аксиом и др. К этой же группе относятся следующие требования к системам научного знания: простота, эстетическая значимость, инструментальная эффективность — *прагматические критерии*. Однако как бы ни варьировали разнообразные группы критериев научности, все они в конечном счете должны лишь дополнять некоторые базовые характеристики знания, являющиеся атрибутивными для науки и определяющие ее особый статус и функции.

Наука всегда стремилась видеть исследуемую реальность как совокупность *причинно обусловленных, естественных событий и явлений, подчиняющихся определенным регулярностям и закономерностям*. Эти закономерности могут носить как динамический, так и статистический характер, однако они с необходимостью фиксируют *объективно-предметный* и не зависящий от воли и сознания познающего субъекта *аспект бытия познаваемой реальности*. Этот фундаментальный норматив научного познания обнаруживает себя в таких существенных требованиях к содержанию и организации научного знания, как системность, доказательность и обоснованность, достоверность и объективная истинность.

Анализ науки как системы знания может быть значительно дополнен и конкретизирован, если осуществить ее структурное расчленение по иным основаниям и в иных функциональных срезах. Так, в рамках любой научной дисциплины (физика, химия, биология, психология, социология и т.д.) можно вычленить структуры эмпирического знания, теоретического знания и метатеоретического. Каждый из этих структурных уровней организации знания специфицирует именно науку и обладает рядом функциональных особенностей.

Существуют и другие типологии и классификации научного знания, в рамках которых выделяют естественнонаучное, математическое, социально-гуманитарное, техническое знание; фундаментальное научное знание, прикладное научное знание и знание в форме опытно-конструкторских проектов и разработок.

Для того чтобы наука как деятельность и знание могла реально существовать в обществе, она должна быть органично интегрирована в систему социальных связей и коммуникаций, т.е. выступать в функции социального института.

Наука как социальный институт. Наука как социальный институт может быть определена как *совокупность научных организаций и учреждений, интегрированных определенными нормами научного этиоса, принципами и способами профессиональной коммуникации, а также формами взаимосвязи с конкретно-историческим типом общества.*

Структурно-содержательный анализ науки как социального института позволяет существенно дополнить представление о ней как о сложной системе взаимосвязей ученых, научных сообществ и различных подсистем социума. Вычленение этого аспекта науки как социокультурной целостности дает возможность реконструировать процесс развития и оформления институциональных структур научной деятельности и охарактеризовать такие формы организации ученых, как научные школы, научно-исследовательские лаборатории и институты, «незримые колледжи» и др. При этом значительное внимание обычно уделяют характеристике способов трансляции знаний, форм и методов научной коммуникации как внутри научных сообществ, так и в режиме диалога с обществом в целом.

В современных условиях фронтальной интенсификации научных исследований актуальной проблемой становится разработка эффективных систем ценностно-нормативной регуляции научной деятельности, исследование этических и социокультурных аспектов науки как специфической формы духовного производства и интеллектуальных инноваций. Свобода научного творчества и социальная ответственность ученого соединяются в современной науке как две неразрывно связанные ипостаси единого процесса научного открытия и использования его результатов в социальной и экономической жизни общества.

Таким образом, структурный анализ феномена науки позволяет существенно углубить наше представление о ней, дать содержательную характеристику важнейших ее компонентов, описать формы ее взаимодействия с другими феноменами культуры и видами познавательной деятельности и тем самым приблизить к решению задачи категориального определения науки. Решение подобной задачи предполагает фиксацию и обоснование таких особенностей науки, в которых представлены главные и наиболее существенные ее признаки как специфического и уникального типа духовно-

познавательной деятельности. В качестве таких признаков можно выделить следующие особенности науки, принципиально отличающие ее от других видов и форм познания:

- 1) объективно-предметная направленность научного познания;
- 2) конструктивно-творческая природа науки, состоящая в том, что она исследует не только объекты, осваиваемые в наличных формах социальной деятельности, но и создает теоретические модели потенциально возможных объектов и их взаимодействий в практике будущего.

Рассмотрение науки как системной целостности в единстве основных ее структурных компонентов с учетом главных и наиболее специфических характеристик научного познания позволяет определить науку следующим образом.

Наука — это форма социально организованной познавательной деятельности, ориентированной на получение нового, системного, предметного и объективно-истинного знания на основе рационально-понятийного освоения действительности.

12.2. Феномен научной рациональности. Научное и вненаучное знание

Европейская цивилизация традиционно считается рационально организованной цивилизацией, которой присущ дух целесообразного и прагматического решения возникающих проблем.

Рациональность обычно связывают с такими параметрами, как целесообразность, эффективность, ясность и определенность, законосообразность и др. Однако в контексте исследования науки рациональность должна интерпретироваться прежде всего как специфическая характеристика сознания, создающая необходимые предпосылки для формирования оптимальных и эффективных форм познания и преобразования действительности. В классической философии такую характеристику сознания связывали с его способностью обеспечивать понятийно-дискурсивное и логически обоснованное отражение реальности. А сама эта способность объяснялась тем, что в структуре сознания, наряду с ощущениями, восприятиями, памятью, эмоциями, волей и другими компонентами, присутствует рационально-логическое мышление, которое провозглашалось высшей познавательной способностью субъекта, обеспечивающей ему возможность целенаправленного, обобщенного и опосредованного познания действительности.

В современных концепциях сознания в его структуре довольно часто выделяют *когнитивные* и *ментальные* пласты, или компоненты. Первый из них ответственен за реализацию рационально-понятийного отношения к миру и стремление достичь объективно истинного знания о нем, вто-

рой — за субъективные переживания, оценочные суждения и регулятивы, а также эмоциональные контексты «жизни сознания» (вера, надежда, радость, тоска, справедливость и др.). Конечно, реально действующее сознание всегда характеризуется неразрывным единством когнитивного и ментального начал в его содержании, поэтому корректная интерпретация рациональности как фундаментальной способности сознания должна базироваться на учете диалектичности его природы.

Рациональность как неотъемлемая характеристика сознания человека может быть определена через фиксацию его *способности к обобщенному, опосредованному и сущностному воспроизведению действительности, выраженному в вербально-понятийной форме*. Наличие этой способности сознания позволяет человеку не только познавать глубинные и закономерные связи и отношения, но и обеспечивать возможность эффективной трансляции знания в культуре посредством передачи информации, представленной в форме знаково-семиотических конструкций, из одной социальной системы в другую.

В современной культуре именно такое явление, как наука, наиболее рельефно репрезентирует рациональную способность сознания. Поэтому сегодня чаще всего принято говорить о феномене именно научной рациональности и анализировать различные ее типы.

Понятие «научная рациональность» весьма аморфно по содержанию и полисеманлично. Можно зафиксировать несколько смысловых аспектов его содержания:

1) характер и уровень упорядоченности исследуемых в науке систем, который фиксируется в форме идеальных объектов различной степени общности;

2) способ понятийно-дискурсивного описания и объяснения исследуемой реальности;

3) совокупность норм и методов научного исследования, которая фиксируется в определенном типе методологической рефлексии или стиле научного мышления.

Третий смысловой аспект термина «научная рациональность» стал наиболее популярным и востребованным в современной философско-методологической литературе. В рамках такой интерпретации научной рациональности возникают разные ее модели или типы: индуктивистская (Р. Карнап); дедуктивная (К. Гемпель); сетчатая (Л. Лаудан); тематическая (Дж. Холтон) и др.

Одной из хорошо обоснованных и широко известных интерпретаций научной рациональности является разработанная в отечественной философии науки (В.С. Степин, В.С. Швырев, П.П. Гайденок, В.Н. Порус и др.) *историко-генетическая концепция*, в которой выделяются три исторических типа научной рациональности: классический, неклассический и пост-

неклассический. Каждый из них характерен для определенного исторического этапа существования науки, последовательно сменявших друг друга на протяжении четырех столетий развития техногенной цивилизации.

Если схематично представить структуру научной деятельности в форме взаимодействия субъекта, объекта, средств, а также целей и ценностей, регулирующих акты и процедуры этой деятельности, то на каждом из трех исторических этапов существования науки рациональность будет характеризоваться *специфическим способом понимания* взаимосвязи этих составляющих, т.е. *специфическим типом методологической рефлексии*.

Классический тип научной рациональности предполагает акцент на предметной стороне познания и характеризует прежде всего его объектные параметры.

Неклассическая рациональность требует такого типа методологической рефлексии, при котором учитываются связи между знаниями об объекте и знанием о средствах деятельности с ним, а также о соответствующих познавательных процедурах.

И наконец, *постнеклассический тип рациональности* существенно расширяет поле методологического анализа научной деятельности и требует учета соотношенности получаемых знаний об исследуемом объекте не только с особенностями средств и операций познавательной деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами познания.

Оценивая научную рациональность с точки зрения содержащегося в ней *эвристического потенциала*, В.С. Швырев предлагает иную типологию, выделяя два типа рациональности: закрытую и открытую. «*Закрытая рациональность*» — это репродуктивная деятельность внутри заданной системы понятий, норм и правил, теоретических утверждений принятой концепции, не подлежащей критике. «*Открытая рациональность*» — это продуктивная деятельность, предполагающая выход за пределы установленных познавательных ориентиров путем разработки новых подходов, средств и методов познания, изменения понятийного каркаса, с помощью которого анализируется полученная информация в той или иной научной отрасли и т.д. В свою очередь, изменение понятийного каркаса осуществляется благодаря введению новых научных понятий или изменению содержания уже существующих.

Проблема рациональности имеет отношение не только к естествознанию, но и к социально-гуманитарному познанию. Начиная с Нового времени перед социальными науками стоит задача — найти эффективные способы управления динамичными социальными процессами. В XX в. эта проблема приобрела особую остроту в связи с нарастанием стихийных разрушительных тенденций в экономике, политике, духовной сфере. Один из вариантов теоретической разработки проблемы рационализации общественной жизни предложил М. Вебер. Он различал целерацио-

нальный и ценностно-рациональный типы социального действия, которым противопоставит аффективный тип, опирающийся на эмоции, традиции, привычки и т.д.

В широком контексте коммуникативных взаимодействий анализирует рациональность немецкий философ К. О. Апель. В своей работе «Трансформация философии» он выделяет четыре типа рациональности: 1) научную рациональность причинного анализа; 2) технологическую рациональность целенаправленного действия; 3) герменевтическую рациональность понимания; 4) этическую рациональность. На принципах этической рациональности, по его мнению, должна быть основана так называемая коммуникативная общность.

Естественно, что расширение сферы методологической рефлексии приводит к существенным изменениям в понимании научной рациональности. Ее контуры трансформируются и включают в себя такие методологические ориентации, как нелинейность, неравновесность, эволюционный подход и др. Вследствие таких изменений научная рациональность начинает интерпретироваться как «открытая», «нежесткая», «мягкая», «нестрогая». Для ее характеристики все чаще используются метафорические конструкции: «ризома», «дерево целей», «ветвящаяся графика» и др.

Рассматривая научно-познавательный процесс, современная философия науки обращает внимание на то, что деятельность сознания не сводится к сугубо рациональным процедурам, поскольку в его структуре могут присутствовать такие состояния, которые позволяют квалифицировать его как рассеянное, сумеречное, нестрогое сознание. Поэтому наряду с научным познанием выделяют и ряд форм вненаучного познания, которое осуществляется по иным правилам и нормам.

Существуют различные классификации вненаучного познания и знания. Как правило, они строятся на основе историко-генетических и системно-функциональных критериев их дифференциации.

Согласно **историко-генетическому критерию** выделяют формы познавательной деятельности, которые возникли и оформились в культуре в период до становления и первичной социализации науки. К ним чаще всего относят: а) обыденно-практическое познание, в котором фиксируется опыт повседневной жизни и обнаруживает себя логика «здорового смысла»; б) игровое познание, ориентированное на развитие креативных и коммуникативных способностей человека, имеющее обучающе-развивающий характер и реализующееся на основе условно принимаемых правил и целей; в) различные формы протонаучной познавательной деятельности, дающие рецептурное знание и регулируемые посредством традиций и обычаев.

Существенным образом отличаются не только вненаучное и научное познание, но и их результаты — полученные знания (табл. 12.1).

Таблица 12.1. Сравнительная характеристика обыденного и научного знания

Обыденное знание	Научное знание
Основано на очевидности, фиксирует внешние черты, свойства, связи объектов и явлений	Основано на <i>объективности</i> , ориентировано на выявление сущности исследуемых объектов и установление законов
Основано на здравом смысле, как правило, принимается на веру	Предполагает <i>критическое осмысление</i> всего накопленного знания об исследуемом фрагменте реальности
Принимается на основе положительного практического результата, является рецептурным	Дает <i>объяснение причин и механизмов</i> действия, обосновывает выводы
Возникает стихийно	Формируется целенаправленно
Носит фрагментарный характер	Системно организовано (наука — не простая совокупность теорий, а их логически организованная связь)
Представляет собой результат случайных наблюдений	Является результатом <i>целенаправленного изучения</i> выбранного объекта
Не выходит за рамки существующих видов практики	Выходит за рамки наличной практической деятельности, позволяет моделировать новые объекты и новые виды деятельности
Оформлено и представлено с помощью естественного языка	Получено и оформлено с помощью искусственного языка

Проведенный сравнительный анализ позволяет выявить атрибутивные характеристики научного знания и сделать вывод: наука как знание — это информация об изучаемых явлениях и процессах действительности, которым присущи следующие характеристики:

- объективная истинность (означает, что научное знание, научное высказывание имеет отношение к изучаемой действительности, а не фиксирует состояние сознания субъекта познавательной деятельности);
- эссенциалистская (от лат. *essentia* — сущность) направленность — поскольку его целью является постижение сущности и причин изучаемых объектов и процессов;
- системность — логически организованная непротиворечивая система высказываний;
- доказательность — истинность научных положений, установленная как с помощью логических рассуждений, так и с помощью их отнесения к эмпирическим фактам;
- обоснованность (проблема обоснованности научного знания в современной философии науки является открытой и дискуссионной. Она по-

разному рассматривается и решается в классической и неклассической философии. Как отмечает В.А. Лекторский: «...В классической философии и науке решение задачи обоснования знания представлялось как нахождение такой совокупности утверждений, которые были бы абсолютно бесспорны, незыблемы и к которым могли бы быть так или иначе сведены все остальные виды и типы знаний»¹). В современной философии означает включение ее в более широкую теоретическую систему, в рамках которой она может быть объяснена;

- воспроизводимость — получение аналогичных результатов с помощью одинаковых средств и методов исследования;
- открытость критике — пересмотр научных представлений и их уточнение при одновременном сохранении преемственности в развитии научных знаний и др.

Системно-функциональный критерий позволяет выделить и обосновать такие формы вненаучного знания и познания, как паранормальное, псевдонаучное, девиантное и др.

К *паранормальному знанию* относят учения о тайных природных и психических силах и отношениях, реализующихся за пределами известных науке способов взаимодействия. Например, экстрасенсорное восприятие, телепатия, психокинез и др.

Псевдонаучное знание трактуется как форма интерпретации реально изучаемых научной событий и явлений, но еще не получивших в ней адекватных объяснений в соответствии с принятыми в науке логико-методологическими стандартами и эталонами. Например, феномены внесемных цивилизаций, НЛО, лохнесское чудовище и др.

Девиантная наука, или *анормальное знание*, обычно определяется как познавательные и когнитивные структуры в науке, которые еще не получили всеобщего признания в научном сообществе и не одобрены в соответствии с доминирующими в нем парадигмальными образцами и методологическими стандартами. Примером тому может служить релятивистская физика А. Эйнштейна и квантовая механика, которые в период научной революции в конце XIX — начале XX в. считались девиантным знанием.

Между научным и вненаучным знанием существует не жесткая, а «скользящая граница» (В.А. Лекторский), поскольку, как отмечалось ранее, открытым остается вопрос о критериях и идеалах научности вследствие их изменения по мере развития самой науки и расширения представлений о ней. Это обстоятельство не позволяет установить строгую демаркационную линию между наукой и ненаукой.

¹ Лекторский, В.А. Проблема субъекта и объекта в классической и современной философии / В.А. Лекторский. М., 1965. С. 264.

Таким образом, различные формы внеаучного познания и знания становятся возможными и приобретают определенное значение в современной культуре благодаря тому, что в структуре реального познавательного процесса наряду с рационально-дискурсивными существуют и различные внерациональные компоненты: интуиция, фантазия, творческое воображение, вера и др. Именно они позволяют трактовать процесс познания мира как не сводимый к научным формам, а включающий в себя такие составляющие, которые вербально невыразимы и существенно раздвигают границы форм и типов рациональности, принятых в науке.

12.3. Рефлексивное осмысление науки и его формы

Современное представление о науке в значительной степени сформировалось и продолжает формироваться под влиянием философии познания. *Философия познания* — это «область философии, исследующая природу познания, отношение знания к реальности, условия его достоверности и истинности, существования в системе культуры и коммуникации (общения)»¹. Философия познания является *методологической основой* становления и развития философии науки. Обычно она рассматривается как система философского знания, содержащая в себе следующие основные компоненты:

- 1) традиционную, или классическую гносеологию;
- 2) современные эпистемологические концепции, в которых рассмотрение познания и знания основано на принципах постклассического философствования;
- 3) философско-методологический анализ научного познания и форм его конституирования в различных социокультурных системах.

Первая теоретическая модель познавательного процесса была предложена классической гносеологией. **Гносеология** (от. греч. *gnosis* — знание, *logos* — учение) — раздел философии, в котором изучаются проблемы природы познания и его возможности, исследуются всеобщие предпосылки познавательного процесса, выявляются условия достоверности и истинности знания. Классическая гносеология возникла как учение о закономерностях именно *научного познания*. Но в контексте новоевропейской философии и культуры предложенная ею теоретическая модель получила статус эталонной и применимой к познавательному процессу в целом. В основе теоретических построений классической гносеологии лежала *отпозиция*

¹ Микешина, Л.А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное познание в динамике культуры. Методология научного исследования / Л.А. Микешина. М., 2005. С. 4.

субъекта и объекта познания. Схема познания, выстроенная на такой основе, представляла собой процедуру «включения» субъекта, наделенного сознанием и волей, в противостоящий ему, не зависящий от его воли и сознания объект природы. Возможность такого «включения» была обусловлена познавательными способностями гносеологического субъекта, которые рассматривались как изначально данные и способные обеспечить постижение истины. Вопрос о том, откуда они у человека, даже не ставился. Более того, субъект познания сводился к этой *универсальной познавательной способности*, а все индивидуальное (эмоции, желания, ценностные установки и т.д.) исключалось из познавательного процесса как ненужное и мешающее постижению сущности. Задача гносеологии была в том, чтобы показать, *как разворачиваются* познавательные способности. При этом нормы и механизмы познания считались универсальными и неизменными, а истинное знание признавалось абсолютно тождественным познаваемому объекту. В такой гносеологической модели объектом познания фактически являлся «мир сущностей», который рассматривался как основание и причина того, что лежит на поверхности.

Несмотря на свою крайнюю абстрактность и удаленность от реального, «живого» процесса познания классическая гносеология явилась первой попыткой систематического теоретического рассмотрения познавательной деятельности.

Новое понимание и решение проблемы знания и познания предлагает современная эпистемология, используя в качестве методологических принципов идеи постклассической философии. Некоторые авторы отождествляют понятия «гносеология» и «эпистемология», используя их как синонимы, хотя эти понятия имеют разное содержательное и смысловое наполнение. Основные идеи классической гносеологии, как отмечалось выше, оформились вокруг оппозиции «субъект—объект», для эпистемологии стержнем становится оппозиция «объект—знание». Понятие «эпистемология» (от греч. *episteme* — знание, *logos* — учение) имеет несколько значений. В широком смысле под *эпистемологией* можно понимать философскую дисциплину, изучающую структуру знания, его соотношение с реальностью, возможности и условия его формирования и развития, а также механизмы и специфику функционирования знания в различных социально-культурных условиях. В узком смысле под эпистемологией принято понимать теорию *научного знания*. Как теория научного знания эпистемология рассматривает науку исходя из того, что научное знание содержит в себе некоторые *объективные структуры*. Основным для эпистемологии является вопрос: **что** обеспечивает возможность объективности научного знания? Отсюда *эпистемология* — это философско-методологическая дисциплина, исследующая строение, структуру, функционирование и механизмы развития научного знания.

Философия XX в. предложила целый ряд идей и концепций, в рамках которых были открыты новые аспекты познавательного процесса, рассмотрены новые подходы к анализу познавательной деятельности. К числу таких идей и подходов относятся:

- 1) феноменологический подход, указывающий на неразрывность субъекта и объекта в процессе познания, ориентирующий на поиск изначальных инвариантных предпосылок сознания и познавательной деятельности;
- 2) лингвистический подход, рассматривающий познание в его сопряженности с языковыми процессами;
- 3) герменевтический подход, предложивший общую теорию понимания и интерпретации как процессов, включенных в познавательную деятельность;
- 4) идеи постмодернизма о нелинейности познавательного процесса;
- 5) наработки в области когнитивных наук и т.д.

Построение теоретической модели познания предполагает синтез имеющихся когнитивных практик и диалог различных подходов к познавательному процессу.

Современная эпистемология в широком смысле опирается на следующие исходные принципы:

- 1) реальный познавательный процесс органично включен в бытие человека и является одним из способов этого бытия;
- 2) в роли познающего субъекта выступает целостная личность. По мнению Л.А. Микешиной, абстракция «целостного человека познающего» играет фундаментальную и продуктивно-эвристическую роль в эпистемологии и философии науки¹.

Современная эпистемология исходит из того, что человек и окружающая его среда не могут существовать вне информационного взаимодействия. Наличие информационного взаимодействия — отличительная черта бытия всего живого. Познавательная деятельность человека представляет особый тип подобного взаимодействия, целью которого является получение *адекватной информации о мире*. В отличие от других живых существ человеку необходимы сведения не только о природных явлениях, но и о процессах, происходящих в обществе, а также информация о нем самом, поскольку он одновременно пребывает в трех мирах: природном, социальном и духовном. Адекватная информация нужна человеку не только для адаптации к уже существующему, но главным образом для *преобразования мира и самого себя*. Вне этой преобразующей деятельности бытие человека невозможно.

Рассматривая процесс познания, эпистемология вносит *коррективы в представления о взаимосвязи субъекта и объекта познания*. В отличие от классической гносеологии, она исходит из того, что объект познания не

¹ Микешина, Л.А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное познание в динамике культуры. Методология научного исследования / Л.А. Микешина. С. 23.

противостоит субъекту, не является чем-то нейтральным по отношению к нему. В объекте познания всегда фиксируется отношение к нему субъекта, поскольку субъект выбирает объект, обращает внимание на его определенные свойства и отношения в соответствии со своими интересами, целями, возможностями и способностями, а также в соответствии с тем социально-культурным опытом, который накоплен относительно данного объекта.

В роли субъекта познания выступает тот, кто осуществляет познавательную деятельность. В развернутой трактовке *субъект познания* (от лат. *subjectus* — лежащий в основе) — это активно проявляющий себя в познании, обладающий сознанием и волей индивид или социальная группа, наделенные способностью порождать смыслы, вносить коррективы в собственные познавательные действия, ставить в процессе познания цели, выработать программы познания и определять пути их реализации. С точки зрения современной эпистемологии, в реальном процессе познания человек проявляет себя как целостность, как *биосоциодуховное существо*, а не как «познающая машина».

Согласно современным эпистемологическим представлениям, познание человека не может быть беспредпосылочным. Эти предпосылки имеют как биологическую, так и социокультурную природу. По мнению известных чилийских нейробиологов У. Матураны и Ф. Варелы — авторов книги «Древо познания», ставшей на Западе интеллектуальным бестселлером, — способность к информационному моделированию является универсальной характеристикой любой живой системы.

Поскольку человек взаимодействует с природной средой как живой организм, в познавательном процессе непосредственно участвует его телесность. Это обуславливает необходимость обработки информации с помощью встроенных природой генетических программ. Более того, по мнению представителей эволюционной эпистемологии, «наш познавательный аппарат является результатом эволюции. Субъективные познавательные структуры соответствуют миру, так как они сформировались в ходе приспособления к этому реальному миру. Они согласуются (частично) с реальными структурами, потому что такое согласование делает возможным выживание»¹. Однако природных (биологических) предпосылок явно недостаточно для осуществления человеком познавательной деятельности. Полноценным субъектом познания человек не рождается, он становится таковым только в процессе усвоения социального и культурного опыта, накопленного предшествующими поколениями. Социально-культурный опыт — это не зеркальное отражение, а схематизация реальности. В контексте познавательного отношения человека к миру этот опыт выполняет функ-

¹ Фоллмер, Г. Эволюционная теория познания. Врожденные структуры познания в контексте биологии, психологии, лингвистики, философии и теории науки / Г. Фоллмер. М., 1998. С. 63.

цию надбиологических программ, с помощью и на основе которых осуществляется познавательный процесс и создается знание. Описанная выше модель познавательного отношения человека к миру может быть представлена следующей схемой (рис. 12.1).

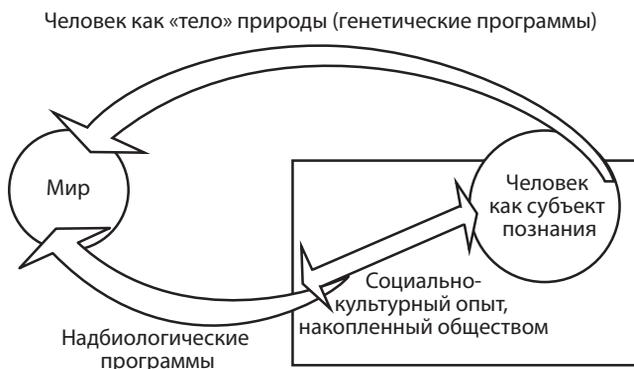

Рис. 12.1. Познавательное отношение человека к миру

Как видно из схемы, процесс познания на уровне человека отличается от информационной деятельности других живых систем прежде всего тем, что человек обрабатывает информацию на основе двух видов программ: генетических и надбиологических. Последние благодаря знаково-символической форме могут сохраняться и транслироваться из поколения в поколение. Тем самым познание человека, имея природные предпосылки, по сущности и содержанию является *социально-культурным феноменом*.

Изучая механизмы человеческого мышления, современные исследователи в области искусственного интеллекта и информационных процессов рассматривают эти социокультурные (надбиологические) программы как *оформленное знание*, выделяя в нем особые структуры, получившие название фреймы. *Фрейм* (от англ. frame — скелет, остов, рамка) представляет собой минимально необходимую структурированную информацию, однозначно определяющую некоторый класс объектов. Фрейм — это модель стереотипных, часто повторяющихся ситуаций. В роли фрейма могут выступать действие, рассуждение, зрительный образ, повествование и т.д. (например, образ комнаты, портрет человека, посещение библиотеки). Структурированное знание о динамических процессах получило название «сценарий». Фреймы и сценарии образуют фундамент для процессов восприятия, хранения информации, мышления и языковых форм общения. Их наличие обеспечивает «быстродействие» человеческого мышления. Пытаясь познать новую ситуацию, человек выбирает подходящий фрейм и путем изменения в нем некоторых элементов получает нужную информацию.

В реальном процессе познания различные фреймы и сценарии взаимодействуют друг с другом, а также с информацией, поступающей извне, вследствие чего меняются способы и основания преобразования информации. Познавательный процесс невозможно представить в виде цепочки логических построений или последовательной обработки чувственных данных. Он *принципиально нелинеен*, так как предполагает одновременное протекание разнонаправленных процессов. Теория фреймов была предложена в 1974 г. американским философом М. Мински (1927). Сегодня ее теорию активно используют при изучении, объяснении и моделировании познавательных процессов.

Разрабатывая теоретические модели познавательного процесса, современная эпистемология переставляет акцент с индивидуального способа аккумуляции и выработки нового знания на коллективный, рассматривая знание как результат обмена интеллектуальными ресурсами, как *следствие социально-культурной коммуникации*. При этом само познание трактуется не только как процесс, испытывающий воздействие существующих в культуре априорных форм, традиций, парадигм, эталонов, образцов, матриц и схем, но и как процесс, включенный в систему динамичных интерсубъективных социальных и культурных отношений, благодаря которым происходит изменение прежних познавательных эталонов и стандартов.

Таким образом, в современной эпистемологической трактовке познание — это: 1) способ бытия человека в мире; 2) сложный противоречивый процесс, в котором человек участвует как биосоциодуховная целостность; 3) процесс, имеющий одновременно природные и социально-культурные предпосылки; последние определяют сущность познавательного отношения человека к миру; 4) процесс, включающий в себя различные способы получения знания, наука — лишь один из них.

12.4. Философия науки и ее проблемное поле

Развитие и легитимация третьего компонента в структуре философии познания — ***философско-методологического анализа науки и специфики ее функционирования в различных социокультурных системах*** привели к оформлению философии науки как самостоятельной философской дисциплины.

Уже в XVII в. в рамках таких гносеологических программ, как эмпиризм и рационализм, велось исследование закономерностей научного познания. Как особое направление философских исследований философия науки возникает в середине XIX в. Этому способствовал ряд обстоятельств. Во-первых, философия к этому времени накопила значительный массив знания, которое нуждалось в систематизации. В рамках философии появляются разделы, имеющие свои предметные области: онтология, гносеология,

социальная философия и т.д. Во-вторых, произошли значительные изменения в самой науке. Процесс ее дифференциации, активно протекающий в этот период, породил проблему согласования знаний, полученных в различных научных областях. Возникшая проблема легко решалась бы при наличии адекватной общенаучной картины мира. Однако к середине XIX в. стало очевидным, что существующая механистическая картина мира с этой задачей не справляется: законы и принципы механики оказались неприемлемыми для описания и объяснения накопившихся научных фактов. Нужны были новые методологии, методы и средства научной деятельности. Возникшие мировоззренческие и методологические проблемы науки призвана была решить философия. Впервые на философию науки как самостоятельную область знаний указал У. Уэвелл, а понятие «философия науки» первым употребил немецкий философ Е. Дюринг.

Термин «философия науки» имеет два основных смысла. В узком смысле *философия науки* — это совокупность концепций о природе, функциях и динамике научного познания, возникших в западной и отечественной философии познания на протяжении XIX—XX вв. В широком смысле *философия науки* — это самостоятельная философская дисциплина, ориентированная на *системное изучение* науки в единстве ее познавательных (когнитивных), методологических и социокультурных характеристик как специфического и уникального явления современной культуры и общественной жизни в целом. Дисциплинарный статус философия науки приобрела во второй половине XX в.

Оба аспекта понимания философии науки тесно связаны. Не рассмотрев науку изнутри, с точки зрения ее структурной организации и внутренней логики развития, невозможно определить ее социальный статус и аксиологические характеристики. В свою очередь, игнорируя социальные, культурные и ценностные аспекты, невозможно объяснить сам факт появления науки, а также ее динамику.

Становление философии науки как особого направления в философии и особого типа рефлексии над феноменом науки и способами ее включения в различные сферы общественной жизни традиционно связывают с позитивизмом, который в своем развитии прошел ряд этапов.

Ранний, классический, позитивизм (первый этап) связан с именами таких философов, как О. Конт (1798—1857), Г. Спенсер (1829—1903), Дж. С. Милль (1807—1873).

Основной проблемой, интересующей позитивизм на всем протяжении его существования, становится *проблема соотношения философии и науки*. Уже ранним позитивизмом была предложена программа «реконструкции философии», превращения ее в методологию науки. Реализовывать эту программу предполагалось средствами самой науки, наука должна была стать «сама себе философией». Такая установка требовала отказа от метафизики —

от фундаментальных принципов и идей философии, что имплицитно (неявно, скрыто) превращало философию в «методологическую служанку» науки. Идея трансформации философии как перехода от метафизики к позитивной философии принадлежала основоположнику позитивизма О. Контю.

За позитивной философией представители раннего позитивизма закрепили *функцию метанауки*, которая была призвана решить следующие задачи:

- разработать методы открытия в науке новых законов;
- определить принципы систематизации и классификации знаний, что являлось весьма актуальным в условиях нарастающего процесса дифференциации науки.

Согласно раннему позитивизму, объективно истинное знание может быть получено только естественными науками, которые опираются на бесспорные факты, полученные в эксперименте. Само научное познание рассматривалось как процесс накопления чувственного опыта с его последующим рациональным упорядочением. Основным способом мышления признавалась индукция.

Ориентируясь на создание методологии науки, которая выявила бы законы развития научного знания, позитивизм пересмотрел традиционное понимание закона. Закон трактовался представителями позитивистской философии не как сущностные связи, а как устойчиво повторяющиеся *отношения явлений*. По их мнению, науке не следует заниматься объяснением исследуемых явлений, ее основной функцией является *описание*. Как утверждал Дж. Милль, наука должна лишь экономно описывать ощущения.

Представители раннего позитивизма считали, что методы разработки новых законов должны быть *окончательными и неизменными*. Принцип историзма применялся ими только к процессу становления науки, но считался неприложимым к развитой науке.

Ранний позитивизм рассматривал науку как *автономное явление*, не зависящее от других сфер культуры. Признавая влияние науки на практику, представители раннего позитивизма в то же время отрицали воздействие практики на научно-познавательный процесс.

Второй этап развития позитивизма — **эмпириокритицизм (махизм)** — конец XIX — начало XX вв. ставит перед собой задачу ответить на следующие вопросы:

- правомерно ли отождествлять фундаментальные понятия и принципы науки с исследуемой реальностью;
- в какой мере данные, полученные экспериментальным путем, соответствуют самому изучаемому объекту.

Ведущими представителями эмпириокритицизма являлись Э. Мах (1838—1916) и Р. Авенариус (1843—1896). Их исходную теоретическую установку можно сформулировать следующим образом: чтобы понять процессы, происходящие в современной науке, необходимо отказаться от го-

сподствующей созерцательно-материалистической трактовки познания. По их мнению, необходимо *новое понимание* как познания, так и взаимосвязи объекта и субъекта познавательной деятельности.

Анализируя соотношение научных понятий, принципов, законов с исследуемой реальностью, эмпириокритики пересмотрели понимание самой реальности. Согласно Э. Маху, единственной реальностью, с которой имеет дело исследователь, являются *элементы опыта* (ощущения) и их функциональные отношения. Принципом функциональных отношений они заменяют принцип причинности. Элементы опыта — это элементы мира и они нейтральны. На первый взгляд, такая позиция явилась простым воспроизведением субъективно идеалистических представлений Дж. Беркли и Д. Юма. Однако воззрения сторонников эмпириокритицизма, скорее, соответствовали феноменологической позиции, поскольку они постоянно подчеркивали, что опыт не является чисто субъективным образованием, он представляет собой единство объективного и субъективного. Такое единство, по мнению Р. Авенариуса, является *принципиальной координацией Я и мира*. Единый опыт делится на физическую и психическую составляющие благодаря интроспекции — усвоению опыта других людей (Р. Авенариус).

Теоретическое знание, согласно эмпириокритицизму, является *относительным*, а теоретические законы не выражают сущность исследуемой реальности. Они представляют собой способы упорядочения ощущений. Э. Мах вслед за Дж. Миллем сформулировал *принцип экономии мышления*, согласно которому теоретические законы — это экономный способ описания ощущений и ничего нового по отношению к элементам опыта они не содержат. Однако в рамках принципа экономии мышления оказалось невозможным объяснить, почему теоретические законы обладают предсказательной силой, если в них нет ничего нового.

Эмпириокритицизм оправданно обратил внимание на взаимодействие объективного и субъективного в опыте, но без ответа оставался вопрос: чем обусловлено это единство. Решение данного вопроса предложили русские эмпириокритики А.А. Богданов (1873—1928), В.А. Базаров (1874—1939), П.С. Юшкевич (1873—1945), Н.В. Валентинов (1879—1964) и др. По их мнению, таким связующим звеном является практика, поскольку она обеспечивает движение от объекта к субъекту и, наоборот, от постановки целей на основе взаимодействия с объектом до объективации их в процессе преобразования действительности.

Идея относительности фундаментальных теоретических знаний нашла свое продолжение в позициях конвенционализма и инструментализма, которые возникли в начале XX в. Инициаторами идеи конвенционализма были французские физики и философы Ж.-А. Пуанкаре (1854—1912) и П. Дюгем (1861—1916). Согласно *конвенционализму* (от лат. *conventio* — договор, соглашение), научные понятия и теоретические построения являются в своей

основе продуктами соглашения ученых. Эти соглашения диктуются соображениями привычности, удобства, простоты и т.п. С точки зрения *инструментализма* научные понятия, теории и гипотезы — это всего лишь инструменты, необходимые для ориентации человека в его взаимодействии с природой и обществом. Инструменталистская версия истолкования науки и научного исследования оформилась в рамках американского прагматизма. Она была обоснована *Дж. Дьюи* (1859—1952) и *П. Бриджменом* (1882—1961) и фактически явилась логическим продолжением идей конвенционализма.

Следующий принципиально новый шаг в развитии философии науки был сделан представителями **неопозитивизма**, к числу которых принадлежат *Г. Фреге* (1848—1925), *Б. Рассел* (1872—1970), *Л. Витгенштейн* (1889—1951), *М. Шлик* (1882—1936), *Р. Карнап* (1891—1970), *О. Нейрат* (1882—1945) и др. *Неопозитивизм* возник в 20-е гг. XX в. и стал третьим этапом развития позитивистской философии. Представители неопозитивизма обратили внимание на то, что при выборе фундаментальных принципов и понятий недостаточно использовать критерий очевидности и наглядности. Эти исходные основания должны быть обоснованы. Способом такого обоснования должен стать *анализ языка науки средствами математической логики*. К языку науки они обратились не случайно: во-первых, любое знание имеет языковое оформление; во-вторых, любой язык (естественный или искусственный) обладает свойством из известных высказываний *порождать новые* благодаря операциям со словами по правилам грамматики. Научный язык — это инструментарий науки, средство, без которого невозможна научная деятельность. Неопозитивистами была предложена целая программа логического анализа языка науки.

Продолжая ориентироваться на борьбу с метафизикой, неопозитивизм сформулировал принцип *верификации* (от лат. *verus* — истинный, *facio* — делаю), согласно которому научные высказывания теоретического характера считаются истинными, если они могут быть сведены к протокольным предложениям, в которых зафиксированы результаты наблюдения. Принцип верификации, по существу, явился моделью эмпирического обоснования языка науки. С помощью принципа верификации неопозитивисты стремятся решить проблему единства науки. Это единство, согласно неопозитивистской логике рассуждений, состоит в том, что любое научное знание независимо от своей дисциплинарной принадлежности является верифицированным знанием. Принцип верификации, по мнению неопозитивистов, позволяет провести жесткую *демаркацию* науки и ненауки, науки и метафизики. Кроме того, он открывает возможность признать язык физики междисциплинарным языком, поскольку на его основе строятся протокольные предложения, фиксирующие показания приборов в процессе наблюдения. Идея объединения научных знаний на базе языка физики получила название «*физикализм*».

При разработке принципа верификации неопозитивисты обратили внимание на то обстоятельство, что протокольные предложения не всегда являются истинными, так как они могут содержать в себе ошибочные показания прибора или ошибки наблюдателя. В связи с этим следует различать уровень наблюдений и уровень фактов. Формирование эмпирических фактов предполагает использование теоретических знаний, вследствие чего эмпирические факты становятся «теоретически нагруженными», что противоречит принципу верификации. Более того, анализ теоретического уровня науки позволил сделать вывод, что основные принципы, лежащие в основе теории, не являются индуктивным обобщением опыта и не всегда могут быть проверены опытным путем. На основе этого вывода Р. Карнап сформулировал *принцип толерантности*, согласно которому научное сообщество должно с пониманием относиться к тому, что могут существовать различные способы научного описания, если они непротиворечивы. Таким образом, неопозитивизм предложил развернутое обоснование мысли о том, что научное знание не является зеркальным отражением исследуемой реальности.

Во второй половине XX в. *альтернативой* основным позитивистским установкам становится **постпозитивизм**, который чаще всего считают четвертым этапом развития позитивистской философии, обращая внимание на его *тематическую* связь с предшествующими этапами. Наиболее яркими представителями постпозитивизма являются К. Поппер (1902—1994), И. Лакатос (1922—1974), Т. Кун (1922—1996), Дж. Холтон (1929), П. Фейерабенд (1924—1994), М. Полани (1891—1976), С. Тулмин (1922—1997).

Свой исследовательский интерес постпозитивизм сконцентрировал на следующих направлениях:

- анализ динамики науки;
- изучение влияния социальных и культурных факторов на развитие науки;
- обоснование роли философии в качестве эвристического потенциала для развития науки и др.

Рассматривая проблему динамики науки, постпозитивизм предложил ряд интересных вариантов ее решения. Одним из них стал «*критический рационализм*» К. Поппера. Поппер признавал, что проблема демаркации науки и ненауки является весьма важной, но она не может быть решена на основе принципа верификации. Для решения этой проблемы, по его мнению, больше подходит *принцип фальсификации*, согласно которому к научным теориям можно отнести только такие системы знаний, для которых существуют экспериментально подтвержденные положения, противоречащие этим теориям. Рассматривая динамику науки, К. Поппер опирался на принцип *фаллибилизма* (от англ. fallible — подверженный ошибке); следуя принципу, любое научное знание не является окончательным, а представляет собой лишь промежуточную интерпретацию истины. Развивая идеи фал-

либилизма и фальсификационизма, К. Поппер сделал вывод, что прогресс науки представляет собой *последовательную смену теорий вследствие их опровержения и выдвижения новых проблем*. Он подчеркивал, что рост науки имеет не только внутреннюю логику, но и обусловлен социально-культурными факторами, что означало поворот от логики науки к исследованию ее исторического развития.

Сторонником К. Поппера стал И. Лакатос. Не случайно он назвал свою концепцию «усовершенствованным фальсификационизмом». По Лакатосу, развитие науки — это *соперничество научно-исследовательских программ*, которые являются концептуальными системами, включающими в себя взаимодействующие и развивающиеся теории, организованные вокруг некоторых фундаментальных проблем, идей, понятий и представлений. Эти фундаментальные составляющие образуют «твердое ядро» программы. Вокруг этого ядра существует «защитный пояс», образованный вспомогательными гипотезами, которые призваны защитить ядро от опровергающих положений и обеспечить «позитивную эвристику», т.е. рост знаний.

Существенный вклад в разработку проблемы исторического развития науки внес Т. Кун. Он рассматривал развитие научного познания как чередование этапов нормальной науки (эволюционное развитие) и научных революций. Научная революция, по мнению Куна, — это смена парадигм. *Парадигма* (от греч. *paradeigma* — пример) представляет собой совокупность теоретических, методологических и ценностных оснований, принятых мировым научным сообществом за образец. Использование понятия «парадигма» при анализе динамики науки предполагало учет социальных и культурных факторов, влияющих на функционирование научных сообществ. Таким образом, признавалось, что не только внутринаучные, но и внеаучные факторы (философские, эстетические, даже религиозные и т.д.) обеспечивают переход от одной парадигмы к другой.

Согласно Т. Куну, научные парадигмы несоизмеримы, но тогда открытым остается вопрос о преемственности в развитии научных знаний. На решении этой проблемы сосредоточил свое внимание Дж. Холтон. Он показал, что преемственность в науке обеспечивают *сквозные тематические структуры*, т.е. идеи, существующие в науке на протяжении длительного периода времени. Такими тематическими структурами, например, можно считать идею атомарного строения вещества, идею о том, что законы физики должны быть сформулированы на языке математики и др. Сами тематические структуры не являются жестко заданными, они уточняются и развиваются.

Проблема преемственности в науке находилась в центре внимания и М. Полани. По его убеждению, такая *преемственность* в значительной степени обусловлена наличием в научном познании «неявного» или «личностного знания». Данное знание невербально, невыразимо с помощью строгих понятий, передается в процессе непосредственной коммуникации путем

демонстрации, подражания, оно предполагает прямое указание на предмет и его свойства. В рассуждениях М. Полани просматривается мысль о том, что научная деятельность — это сложный феномен, и не всегда его содержание может отчетливо осознаваться.

Таким образом, исследование исторических, психологических, социокультурных аспектов научного познания, предпринятое различными школами постпозитивизма, позволило сформировать новый образ науки.

В рамках философии науки не осталось без внимания и социально-гуманитарное познание. Разнообразные формы его философско-методологического анализа были развиты и конституированы в рамках структуралистской программы (К. Леви-Стросс, Ж. Лакап, Р. Барт, М. Фуко), а затем в ряде постструктуралистских интерпретаций языка и «логики» гуманитарных наук (Ж. Делез, Ж. Бодрийар, Ж. Деррида и др.).

Не менее известны и популярны в западной философии науки и различные версии герменевтической интерпретации языка науки (Г. Гадамер, П. Рикер, К.-О. Апель).

Герменевтика (от греч. *hermnē neutikē* — искусство толкования) представляет собой направление в философии XX в., возникшее на основе теории интерпретации литературных текстов. С точки зрения герменевтики задача философии заключается в истолковании предельных значений культуры, поскольку реальность мы видим сквозь призму культуры, а она представлена совокупностью текстов.

Что касается отечественной философской мысли, то появление в ней философии науки датируется по-разному. По мнению А.П. Огурцова, философия науки в России появилась в начале XX в. Ее возникновение было связано с именами Н.В. Кондратьева, В.И. Вернадского, Э.К. Циолковского, А.И. Чижевского и др., а также с возникновением идей энергетизма в физике и витализма в биологии как теоретических установок, альтернативных механицизму.

По мнению В.А. Бажанова, философия науки в России появляется в 1880—1890-х гг., ее истоки уходят в позитивизм, идеи которого были распространены и популярны в среде интеллигенции, в том числе и научной. Первые труды по философии науки — это труды А.И. Смирнова, Д.А. Столыпина, Б.Н. Чичерина. После 1917 г. исследования в области философии науки прекратились и возобновились только в 1960—1970-х гг. Начиная с этого периода отечественные философы и методологи внесли немалый вклад в развитие современной философии науки. К наиболее известным и авторитетным представителям отечественной философии науки относятся Б.М. Кедров, П.В. Копнин, М.Э. Омеляновский, В.А. Штофф, В.С. Швырев, А.И. Ракитов, В.С. Степин и др. Они заложили *системно-диалектическую традицию исследования науки*, которая по многим параметрам оказалась более перспективной и адекватной реальной практике научных исследований, нежели западные аналоги.

Во второй половине XX в. в отечественной философии науки формируется и заявляет о себе ряд школ и исследовательских центров. Среди них — московская, минская, ленинградская, киевская, новосибирская, ростовская школы, представители которых и сегодня продолжают развивать отечественные традиции в области философии науки.

Статус самостоятельной дисциплины философия науки приобрела в процессе критического осмысления и интеграции знания, накопленного не только философией, но и другими дисциплинами, изучающими науку, к числу которых относятся: история науки, методология науки, логика науки, наукометрия, социология науки и др.

История науки представляет собой науковедческую дисциплину, рассматривающую историю научной мысли в контексте истории развития общества в целом.

Методология науки — учение об организации научной деятельности, ее методах и процедурах.

Логика науки — специальная дисциплина, применяющая понятия и технический аппарат современной логики к анализу научного знания и познания. Понятие «логика науки» также может использоваться в более узком смысле и обозначать: 1) законы развития науки; 2) учение о психологических и методологических предпосылках научных открытий (логика научных открытий).

Наукометрия анализирует информационную составляющую науки путем применения методов математической статистики и включает в себя сведения:

- о количестве научных публикаций;
- цитируемости авторов;
- росте и структуре научных кадров;
- финансовых затратах на научные исследования и др.

Социология науки — это раздел социологии, изучающий взаимоотношения науки как социального института с социальной структурой общества, взаимодействие формальных и неформальных профессиональных сообществ ученых, динамику их групповых взаимодействий, конкретные социокультурные условия развития науки в различных цивилизациях.

Говоря о **предметной области философии науки** как форме философской рефлексии над различными аспектами бытия науки, а также имея в виду, что ей свойственна интенция на создание системной картины «жизни науки» в единстве ее логико-когнитивных, методологических и социокультурных характеристик, необходимо констатировать существование многих точек зрения по этому вопросу и наличие впечатляющего плюрализма интерпретаций. Укажем на некоторые, наиболее типичные и часто встречающиеся подходы к определению предметной сферы философии науки.

По мнению известного специалиста в этой области Ф. Франка, центральной проблемой философии науки является обоснование необходимости и реальных путей трансформации человеческого познания от максимума здравого смысла и обыденного мышления к естественнонаучным принципам и методам освоения исследуемой реальности.

По мнению К. Поппера, центральное ядро философии науки — это проблема роста знаний и связанный с ней анализ конкуренции в науке, неизбежно сопровождающей любые познавательные действия.

Существует широко распространенное мнение, согласно которому предмет философии науки объединяет в себе несколько типов или уровней анализа науки как некоей системной целостности и специфического компонента современной культуры:

1) анализ структуры науки, представленной в разных формах ее бытия (наука как деятельность, знание и социальный институт);

2) исследование основополагающих функций науки в различных социокультурных системах и особенностей ее существования в современном обществе;

3) изучение проблемы роста знаний и социодинамики науки в эпохи научных революций и в периоды «нормального» ее существования;

4) аксиологические проблемы науки, в рамках которых рассматриваются многочисленные вопросы взаимосвязи и диалога науки с обществом и различными компонентами культуры.

В современной литературе встречаются попытки обосновать интерпретации предметной области исследований в рамках философии науки, которые основываются на принципах их историко-генетической классификации. В соответствии с такими подходами, основными проблемами философии науки в первой трети XX в. были следующие вопросы:

- анализ проблемы причинности в физическом познании и обоснование сложной системы отношений между детерминизмом и индетерминизмом в современном естествознании;

- изучение динамических и статистических закономерностей, форм и способов их фиксации в структуре научного знания;

- исследование отношений и опосредований классической и квантово-релятивистской научных картин мира и др.

Вторая треть XX в. была связана с активизацией философско-методологических исследований науки по нижеперечисленным направлениям:

- анализ возможностей и границ эмпирического обоснования научного знания;

- проблема теоретической нагруженности опыта;

- исследование контекстов психологии открытия и логики обоснования научных знаний;

- разработка проблематики роста знаний и метатеоретических структур науки и др.

Наконец, в последней трети XX в. и в исследованиях последнего времени все более актуальными становятся вопросы, связанные с анализом:

- различных видов и форм научной рациональности, а также их изменением в эпоху кардинальных трансформаций науки и научных революций;
- познавательных и методологических возможностей истории науки, психологии научного творчества, социологии науки и других дисциплинарно и междисциплинарно ориентированных направлений ее изучения и исследования;
- широкого круга мировоззренческих, этических, социокультурных и аксиологических проблем науки и форм ее объективации в различных сферах жизнедеятельности современного общества (экономика, политика, культура и т.д.);
- методологических идей глобального эволюционизма, синергетики и принципов нелинейного мышления в современных научных исследованиях;
- перспектив и тенденций сближения предметных областей и методологических стандартов естественных и гуманитарных наук, рациональных и внерациональных факторов как стимулов и детерминант новейших исследовательских стратегий и ориентаций в научном поиске.

12.5. Роль науки в жизни современного общества

В современной цивилизации наука играет особую роль. Техно-технологический прогресс XX в., изменение качества жизни в развитых странах не только Запада, но и Востока обусловлены практическим применением научных достижений. Сегодня наука оказывает влияние на все сферы общественной жизни, регулирует их, радикально меняет способы и средства человеческой деятельности, выступает главной силой экономического и социального развития.

Роль науки в жизни общества определяется ее основными функциями. Теоретическая реконструкция истории становления и развития науки как уникальной формы познания и преобразования мира позволяет зафиксировать множество функций, которые она реализовала в различных типах социума и культуры. Тем не менее, среди них наиболее вычленишь несколько наиболее важных и инвариантных:

- 1) культурно-мировоззренческую;
- 2) индустриально-производственную;
- 3) социального управления и рационализации социальных отношений;
- 4) генерации и воспроизводства научных знаний в системах образования и трансляции социального опыта.

Культурно-мировоззренческая функция науки впервые обнаруживает себя в античном обществе в связи с формированием теоретической культуры мышления. Размывание мифологических основ жизнедеятельности и

переход от мифа к логосу знаменовали собой становление такого типа культурного пространства, в котором рациональные нормы поведения и деятельности приобретали особую значимость и высокий ценностный статус.

В эпоху Средневековья в сфере мировоззрения монопольно господствовала религиозная картина мира, хотя это вовсе не означает, что принципы теоретической рациональности не были востребованы в теологических системах знания. Однако они использовались лишь в своей технически-инструментальной ипостаси. Все, что касалось традиционных мировоззренческих вопросов о сущности и формах бытия Универсума, о природе и предназначении человека, о смысле и высших ценностях человеческого существования — находилось в сфере безраздельной компетенции религии.

Впервые в европейской истории эта мировоззренческая монополия была поколеблена открытием Н. Коперника, которое ознаменовало собой начало нового ювенального периода в истории европейской культуры, когда принципы религиозного мировоззрения и обыденного миропонимания впервые были подвергнуты сомнению и последующей фронтальной критике. Данное мировоззренческое противостояние было весьма драматичным, сопровождалось острой, непримиримой конфронтацией и неизбежными жертвами. Достаточно упомянуть казнь Дж. Бруно, суд над Г. Галилеем, критику гелиоцентрических идей И. Кеплера.

Лишь после утверждения в культуре Нового времени принципов механистической картины мира И. Ньютона роль научного знания в интерпретации мировоззренческих проблем устройства Вселенной и сущности природных взаимодействий постепенно начинает признаваться как значимая и авторитетная инстанция. Но и эпоха Нового времени, и последующие этапы в европейской истории не привели к радикальному пересмотру мировоззренческих приоритетов в решении социально-нравственных и антропологических проблем в культуре XIX и XX вв. Конечно, роль науки заметно возросла в объяснении принципиальных мировоззренческих вопросов, связанных с эволюцией человека и Вселенной, возникновением жизни и сознания, становлением первичных форм социальности и спецификой социальный-нравственных отношений в современных типах общества. По-прежнему, в объяснении и интерпретации этих важных мировоззренческих вопросов принципы научной рациональности не гарантируют полных и исчерпывающе достоверных ответов. Это позволяет представителям религиозного мировоззрения и различных иррационалистических течений использовать данное обстоятельство и претендовать на заметную роль в формировании мировоззренческих приоритетов и образовательных программ в современном обществе. Противоречия техногенной цивилизации и нравственные коллизии научно-технического прогресса дают немало оснований для подобных мировоззренческих претензий религии, иррационалистических и маргинальных форм сознания. Уже сегодня очевиден факт,

что мировоззрение современного человека в решающей степени базируется на научной картине мира, принципах научно-рационального мышления и отношении к действительности.

Индустриально-производственная функция науки впервые отчетливо обнаруживает себя в XIX в., когда процесс сращивания научных открытий и промышленных технологий приобретает системный и планируемый характер. В своей начальной, эмбриональной стадии этот процесс был зафиксирован и проанализирован К. Марксом, который еще в середине XIX в. сформулировал принципиально важный вывод о превращении науки в непосредственную производительную силу. По его словам, «применение науки к непосредственному производству само становится для нее одним из определяющих и побуждающих моментов»¹. Подлинного и всестороннего развития процесс внедрения результатов научных исследований в промышленное производство достигает уже в XX в., когда он становится обязательным условием не только успешного решения задач современного производства, но и гарантией социально-экономического благополучия государств и региональных союзов.

Одной из важнейших особенностей социального развития второй половины XX в. становится системная интеграция науки, техники и производства. Эта новая и принципиально необходимая взаимосвязь привела к появлению таких феноменов, как «научно-техническая революция» и «технологический прорыв». Эти процессы привели к резкому сокращению сроков технического и технологического воплощения научных открытий в непосредственное производство. Так, если между первыми научными открытиями в области электрических явлений и постройкой Т. Эдисоном первой электростанции прошло более 100 лет, то всего 15 лет понадобилось на практическую реализацию открытой в 1939 г. цепной ядерной реакции. Техническое освоение таких научных достижений, как открытия в физике полупроводников или исследования физических свойств лазеров, осуществлялось еще более быстрыми темпами.

Научно-техническая революция, ставшая в XX в. одним из самых значительных социальных процессов, проходила в несколько этапов. Первый этап включает освоение достижений атомной физики, молекулярной биологии и кибернетики в производственных и социальных технологиях. На этом этапе, длившемся с 50-х гг. XX в. до конца 1970-х гг., интенсивно развиваются атомная энергетика, ракетно-космическая техника, производство и широкое использование компьютерных систем.

Второй этап НТР начался с конца 70-х гг. XX в. и продолжался до начала XXI в. Приоритетными направлениями процесса освоения новых научных знаний становятся технологии деятельности. В этот период появляются

¹ Маркс К., Сочинения: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. Т. 46. Ч. II. С. 212.

гибкие автоматизированные производства, лазерные технологии, биотехнологии. Взаимодействие человека и природы все более осязаемо приобретает характер исследования и трансформации материальных систем на микроуровне. Это особенно характерно для генной инженерии и нанотехнологий. Достаточно сказать о глобальном международном проекте «Геном человека», который начал реализовываться в 1990 г. и современных производствах в сфере материаловедения, оперирующих системами, измеряемыми так называемыми нанометрами, т.е. миллиардными долями метра.

В 80—90-е гг. XX в. высокого уровня развития достигает информационно-технологическая индустрия. Энерго- и материалоемкие производства все более интенсивно начинают вытесняться информационными технологиями, которые проникают в образование, кредитно-финансовую сферу, торговлю, здравоохранение.

Все эти технологические инновации не только радикально революционизируют сферу производственной деятельности человека, но и погружают его в принципиально иной необычный мир коммуникации и социокультурных взаимодействий. Наука становится подлинным источником «высоких технологий» и столь же высокого уровня интенсивности жизни и психологической напряженности. Подобные особенности все рельефнее начинают проявляться в наше время, которое многими экспертами оценивается как начало третьего этапа современной научно-технической революции.

Первое десятилетие XXI в. ознаменовалось дальнейшим ускорением научного прогресса и продолжающейся экспансией науки практически во все сферы жизнедеятельности современного социума. Исследования таинственной «темной материи» и синергетика; развитие когнитивных наук и экспериментальное изучение человеческого мозга; проблемы экологии и искусственное выращивание наноструктур — эти и многие другие направления научных исследований определяют сегодня перспективу новых технологических прорывов уже в ближайшие годы.

В июле 2006 г. один из ведущих американских центров RAND Corporation опубликовал доклад «Глобальная технологическая революция 2020». В нем представлен перечень шестнадцати технологических направлений, которые, по мнению авторов доклада, будут наиболее востребованными в большинстве развитых стран мира к 2020 г. Среди них:

- производство дешевой солнечной энергии;
- развитие технологий беспроводной связи;
- создание генетически модифицированных растений;
- технологии фильтрации, очистки и обеззараживания воды;
- целевая доставка лекарственных препаратов в различные органы и ткани организма и др.

Большинство из этих «технологий будущего» станут интегрированными, т.е. будут базироваться на достижениях нескольких фундаментальных научных направлений. Причем в развитии этих глобальных технологических

брендов ведущая роль, по-прежнему, останется за странами Северной Америки, Западной Европы и Восточной Азии. В частности, согласно рейтингу современных научных и технологических возможностей стран мира, приведенному в упомянутом докладе, наибольшим потенциалом в создании новых технологий и применении их на практике обладают: США (5,03 балла), Япония (3,08), Германия (2,12), Канада (2,08), Тайвань (2,00), Швеция (1,97), Великобритания (1,73), Франция и Швейцария (по 1,60), Израиль (1,53 балла).

Россия по итогам этого рейтинга оказалась первой среди постсоветских стран и заняла 19-е место (0,89), Украина на 29-й позиции (0,32), Беларусь — на 30-м месте (0,29). Следует отметить, что за ними идут такие страны, как Чехия, Хорватия, Эстония, Литва, Китай, Индия, Бразилия, ЮАР.

Функция социального управления и рационализации социальных отношений. В науке всегда доминировал принцип рациональности, который позволял конструктивно регулировать не только познавательную активность человека, но и важнейшие виды его практической преобразовательной деятельности. Еще Э. Дюркгейм отмечал, что цивилизация имеет тенденцию становиться все более рациональной. Соглашаясь с ним, М. Вебер подчеркивал, что современная жизнь состоит из рационального расчета, рационального духа и рационализации в каждом аспекте жизни.

В современном обществе проблема рационализации имеет прямое отношение к сфере социального управления и к общественным отношениям в целом. По мнению А.С. Панарина, в социальном мире очень важно организовать рациональное исполнение следующих функций:

- административной, предполагающей реализацию эффективного контроля над социальными действиями и их успешную координацию;
- стратегической, ориентированной на формулировку долгосрочных целей деятельности и выбор эффективных методов их достижения;
- экспертно-консультативной, включающей компетентное профессиональное вмешательство в процесс принятия и исполнения решений, а также коррекцию принятого курса.

Данные функции характеризуют систему власти и призваны рационализировать, прежде всего, деятельность в сфере социального управления.

Сегодня уже анахроничной выглядит практика принятия ответственных управленческих решений (особенно в области социально-политического прогнозирования и выработки стратегических приоритетов развития государства либо важнейшего его подсистем) на основе догадок или харизматического окрашенного популизма.

Процесс принятия ответственных социальных решений включает в себя несколько относительно автономных стадий, к числу которых относятся следующие:

- четкая формулировка проблемы;
- сбор необходимой информации;
- формулировка и обоснование управленческой гипотезы;

- комплексная апробация гипотезы, как в теоретическом, так и в социально-практическом контексте;
- принятие окончательного варианта решения и максимально возможная его операционализация.

В современных обществах наука все более осязаемо вторгается в область разработки и принятия ответственных социальных решений, приобретая при этом статус весьма эффективного ресурса социального управления.

Функция генерации и воспроизводства научных знаний в системах образования и трансляции социального опыта. Поскольку производство новых, объективно-истинных знаний о природе, обществе и сфере духовно-психических процессов является основной задачей науки, в этой своей роли она становится уникальным и широко востребованным компонентом современной культуры.

В науке генерация и производство объективно истинных знаний о важнейших характеристиках и закономерностях познаваемой действительности решается на интересубъективной основе, когда ученый, исследователь абстрагируется от ценностно-личностных обстоятельств и их влияния на процесс научного открытия. В связи с этим научное познание представляет собой особую форму генерации знания, в которой доминируют рационально организованные и критически ориентированные технологии интеллектуальной деятельности. В науке важно дифференцировать два относительно автономных этапа познавательного процесса: 1) этап, ориентированный на реализацию собственно креативной задачи и представляющий собой акт научного открытия; 2) этап, вписывающий новое знание в культуру по строго фиксированным нормам и правилам логической достоверности и научной рациональности. Этот этап обоснования нового научного знания не менее важен и существенен для сообщества ученых, чем само научное открытие. И только в том случае, когда новая информация выдерживает такую комплексную проверку на достоверность и логико-методологическую референтность, оно обретает статус собственно научного знания.

Для развития науки недостаточно открыть новую научную истину и получить новый научный результат, принятый в профессиональном сообществе ученых, коллег, исследователей, необходимо еще придать этому результату статус социально значимого феномена, включить его в систему культуры и активной социализации личности. Эти важнейшие задачи решаются посредством создания и эффективного воспроизводства систем трансляции социального (в том числе и научного) опыта. Особая, уникальная роль в таких системах принадлежит образованию.

В историческом плане наука возникает значительно позднее, нежели оформляются и начинают успешно функционировать первые системы образовательных практик. Но с момента своего возникновения и институализации в XVII в. наука начинает играть особую роль в развитии образования на различных уровнях его профессиональной и социальной конфигурации.

Говоря о взаимодействии науки и образования, следует иметь в виду, что они функционируют в обществе в качестве двух важнейших социальных институтов, которые нередко называют основополагающими макроинститутами современного социума. Если наука обогащает общество новыми знаниями, в которых раскрываются закономерности природного и социокультурного мира, то образование передает эти знания из поколения в поколение, осуществляя важнейшую функцию социализации личности, снабжая человека необходимым познавательным, нравственным и коммуникативным опытом.

Современная система образования, базирующаяся на преимущественно научной картине мира, сложилась в конце XVIII — начале XIX в. в западно-европейской культурной традиции. Именно в этот период развились и институционально оформились три основных образовательных системы. К первой из них относится континентальная европейская модель. В ней образование существует и развивается под эгидой и контролем правительства и государственных структур управления. Основная цель данной системы образования состоит в том, чтобы поддерживать национальные традиции, воспитывать подрастающие поколения в духе патриотизма и верности национально-государственным ценностям и идеалам. Данный тип образовательной системы характерен для таких стран, как Германия, Франция, Италия, Россия и др.

Вторая образовательная модель получила свое развитие в Англии и странах Британского содружества. Образование по этой модели включается в сферу ответственности гражданского общества, эта область реализации индивидуальных ценностных ориентаций и корпоративных интересов. Правительство и государственные органы управления не оказывают прямого и существенного влияния на разработку образовательной политики, а также формы ее реализации на различных уровнях образовательного процесса.

В США была основана и развита третья образовательная модель. Она во многом заимствовала опыт Британской модели, например в США, так же, как и в Англии, федеральное правительство в соответствии с Конституцией не имеет властных полномочий в вопросах образования, не может контролировать деятельность местных учебных заведений, их образовательные программы. Правда, после Второй мировой войны роль и значение федеральных органов управления в координации и контроле над деятельностью образовательных институтов заметно увеличилась и эта тенденция продолжает нарастать на протяжении второй половины XX в. Заметной особенностью американской системы образования является ее тесная связь с бизнесом и весьма гибкая политика в отношении развивающейся экономики и интересов международного рынка.

Экономика знаний как базовый компонент в структуре постиндустриального социума предполагает постоянное наращивание образовательного потенциала, поскольку человеческий или интеллектуальный капитал стано-

вится в таком социуме определяющим и стержневым элементом всей системы расширенного социального воспроизводства. В структуре занятого населения высокоразвитых стран сегодня почти 60% возрастной группы (от 18 до 23 лет) учится в высших учебных заведениях разных типов. В Японии этот показатель достиг почти 100%. В странах третьего мира с ресурсно-ориентированной экономикой этот показатель колеблется от 20 до 6%. По оценкам Мирового банка, во многих странах Запада на цели образования ежегодно расходуется 5—6% ВВП. В 1970 г. в СССР этот показатель равнялся 7% ВВП, а к началу 90-х гг. XX в. в России он снизился до 3,4%. Если же учесть изменение курса доллара и резкий всплеск цен на внутреннем рынке, то это сокращение государственного финансирования на нужды образования в сравнении с 1970 г. произошло не менее, чем в 8 раз¹. Таким образом, глубинные трансформационные процессы, охватившие большинство стран современного мира, делают традиционные для науки функции генерации знаний и их воспроизводства в системах образования беспрецедентно важными и актуальными.

ГЛАВА 13. НАУКА В ЕЕ ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

13.1. Проблема начала науки

По вопросу генезиса науки как уникального компонента культуры и особого типа духовно-познавательной деятельности нет единого и общепринятого мнения. Среди обилия подходов и интерпретаций можно выделить четыре наиболее распространенные точки зрения о том, когда и в каких социокультурных условиях впервые возникает наука.

Наука возникает на первичных стадиях антропо- и социогенеза и оформляется как важный социокультурный итог развития познавательных способностей первобытного человека в структуре традиционных цивилизаций Египта, Китая, Индии, Месопотамии и других регионов Древнего мира. Эта точка зрения была сформулирована в рамках позитивистской историографии науки и получила свое развитие в сочинениях О. Конта, Г. Спенсера, В. Кузена, Ж. Гарнье и других философов-позитивистов. Основу такой позиции составляет отождествление науки с обыденным знанием и любыми формами опыта, обслуживающими потребности первичных форм практики традиционных обществ. Например, Г. Спенсер в работе «Происхождение науки» отмечал, что исходным пунктом науки выступает ум «взрослого дикаря».

¹ Смолин, О.Н. Проблемы образования в России / О.Н. Смолин // Постиндустриальный мир и Россия. М., 2001. С. 540.

Согласно второй точке зрения, разделяемой многими зарубежными и отечественными учеными (Дж. Бернал, Б. Рассел, П. Гайденко, И.Д. Рожанский, В.С. Степин и др.), первые научные программы возникают в контексте античной культуры и являются результатом той величайшей духовной революции, которая завершилась становлением принципов и стандартов теоретического мышления в древнегреческой цивилизации.

Существует мнение, согласно которому основные предпосылки формирования науки как специфической формы познания, соединяющей в себе культуру абстрактно-теоретического мышления и начатки экспериментально-практической деятельности субъекта, направленной на реальное изменение свойств и качеств познаваемых явлений, складываются в XII—XIV вв., т.е. в эпоху позднего средневековья в Западной Европе.

Наиболее популярной и широко распространенной точкой зрения по вопросу о возникновении науки является концепция ее формирования в Западной Европе в эпоху Нового времени в результате великой интеллектуальной революции XVI—XVII вв., которая завершилась созданием классической механики и установлением первичных форм институализации науки. Именно в этот период осуществляется кардинальный переворот в представлениях о целях и методах познания природы, формируется особый способ научного мышления, соединяющий в себе принципы математического описания явлений действительности и требования их экспериментальной проверки.

На основе последней точки зрения может быть предложена периодизация истории науки:

1) этап преднауки (с глубокой древности по XVII в.), когда в ходе накопления положительного знания, разработки форм его теоретического обобщения и оформления отдельных ветвей научного знания, формируются предпосылки развития науки как системы знаний и особого социального института;

2) этап развития науки как особой сферы социальной жизнедеятельности (с XVII в. по настоящее время), направленной на системное обновление и углубление знаний о природе, обществе, человеке, которые могут использоваться для их трансформации.

Несмотря на относительность границы и постепенность перехода первого этапа во второй для них характерны принципиальные различия.

Преднаука развивается в основном в рамках наличной практики: практика выступает как источник постановки проблем, как основа первичных абстракций — идеальных объектов и схем мышления ученых древности. В то же время научное знание еще не обособляется; оно включается в нерасчлененную целостность знания, вкуче с обыденным, религиозно-мифологическим, художественным, философским.

Собственно наука выходит далеко за пределы наличной практики, отличается применением определенных логико-методологических стандартов познавательной деятельности, ее профессионализацией, выделением в особую социокультурную сферу и мощным потенциалом преобразования мира.

И преднаука, и наука имеют внутренние периоды эволюции, проявляющие зависимость развития знаний от двух групп предпосылок — внешних для данного процесса, социокультурных, а также внутренних, включающих механизм производства нового знания на основе уже имеющегося.

Различные типы и формы протонаучного знания замещаются собственно наукой, ориентирующейся на продуцирование новых знаний о естественных явлениях и процессах в форме их идеализированного описания, причинно-следственного объяснения и последующего предсказания возможных будущих их состояний. А. Уайтхед отмечал: «Современная наука рождена в Европе, но дом ее — весь мир».

Конечно, существуют и другие подходы к решению вопроса о когнитивных и социокультурных предпосылках генезиса науки на различных стадиях исторического процесса. Нередко под наукой понимают не всю возможную совокупность знаний и познавательных действий, направленных на их генерацию, а лишь отдельные сферы или отрасли знания как интегральной целостности. И тогда приходят к выводу о том, что в эпоху античности впервые возникает математика как особый тип научного знания. В Новое время оформляется естествознание, которое впоследствии дифференцируется на отдельные дисциплины, изучающие природу соответственно их предметным областям и логико-методологическим нормативам. В середине XIX в. появляются социальные науки и конституируется особая область научной компетенции, распространяемой на сферу общественных явлений и социокультурных реалий.

Однако в философии науки важно ответить на вопрос о генезисе научного познания не столько в аспекте рассмотрения его различных, в том числе и дисциплинарно организованных, форм и видов, сколько в плане решения данной проблемы применительно к науке в целом, отличая ее от других формообразований культуры и типов познавательной деятельности.

С этой целью необходимо сформулировать некое эталонное представление о науке, которое должно быть использовано как своеобразный эпистемологический образец для реальной оценки всех познавательных феноменов, возникших на различных этапах исторического процесса и оформившись в структурах протонаучного или философского знания в традиционных цивилизациях Востока и Запада.

С определенной долей условности за основу такого эталона науки как специфической формы духовно-познавательной деятельности и особого типа знания может быть взята модель, предложенная И.Д. Рожанским. Имеет смысл выделить в ней несколько базовых характеристик, специфицирующих собственно научное познание.

Одним из определяющих признаков науки является наличие особого рода познавательной деятельности, предпринимаемой с целью произвести новое знание. Очевидно, что такая деятельность может появиться только в тех типах общества и культуры, где реализуются первичные формы разделения труда, где материальное и духовное производство оформляются в рамках дифференцированных социальных условий и структур. Появление группы людей, которые имеют резерв свободного времени (досуг) и используют его для осуществления целенаправленной и систематической познавательной деятельности, выступает одним из решающих условий становления научного познания и оформления его инфраструктуры. В качестве необходимых элементов такой инфраструктуры используются разнообразные формы и методы обучения, трансляции знаний, средства познания, а также социальной оценки его результатов и т.д. Соответственно, в тех обществах, где отсутствуют эти атрибутивные для науки условия и предпосылки, не может возникнуть и социальное конституироваться научное познание.

Важнейшим признаком науки является реализация в ней таких познавательных действий, которые не сводятся к разработке форм рецептурного знания, призванного удовлетворять утилитарные потребности общества и обеспечивать успешное выполнение задач актуальной практической деятельности. Науке должна быть свойственна интенция к реализации чисто познавательного интереса личности и к обоснованию таких форм знания, в которых выражается теоретическая сущность исследуемых явлений и процессов, постигается их истина, не зависящая ни от человека, ни от социальных установок.

Чтобы быть научным, познание должно быть рациональным, т.е. использовать возможности человеческого интеллекта и исключать магические, мифологические и иные иррациональные представления, основанные на вере в сверхъестественное бытие и не подверженные суду человеческого разума.

Суммарная совокупность эмпирических знаний, призванных обслуживать непосредственные практические нужды, еще не образует науки. Научное знание должно быть доказано и обосновано посредством использования соответствующих логико-методологических стандартов познавательной деятельности и системной организации ее результатов.

Таковы важнейшие требования к эталонной модели науки.

13.2. Наука и типы цивилизационного развития. Протонаука в структуре традиционных цивилизаций

Известны многочисленные типологии цивилизационной динамики. Одна из таких типологий предполагает дифференциацию всех известных форм цивилизационного устройства на два основных вида: а) традиционные цивилизации; б) цивилизации инновационного, или техногенного, типа.

Для *традиционных цивилизаций* характерны замедленные темпы социальных изменений, доминирование устойчивых форм социокультурной регуляции основных сфер жизнедеятельности. Ядро культуры в традиционных цивилизациях образует религия, главной ценностью (отсюда и их название) выступает традиция.

Цивилизации техногенного типа, наоборот, характеризуются преобладанием интенсивных форм развития и постоянной перестройкой оснований культуры, поскольку ее ядром становится наука, а основной ценностью являются технические инновации.

Однако уже в древности существовавшие традиционные цивилизации проявляют выраженное разнообразие своей системной организации и глубинных кодов культуры, нашедшее выражение в фундаментальной оппозиции Восток — Запад и повлиявшее на судьбы познания в глобальном масштабе. Общими предпосылками познавательной активности на Западе и на Востоке выступали отделение умственного труда от физического, возникновение государства, избречение письменности, развитие ремесел и торговли и т.д. Однако существовали и специфические предпосылки, предопределившие особенности развития цивилизаций Древнего Востока и в Древней Греции — колыбели западного пути цивилизационного развития.

Цивилизации Древнего Востока (Египет, Месопотамия, Индия, Китай) характеризовались воспроизводством одних и тех же форм социальной жизнедеятельности в течение длительных эпох, деспотизмом и патернализмом в социальных отношениях, что не могло не нанести отпечаток и на процессы зарождения и развития знаний. В сфере накопления знания в этих цивилизациях прослеживается тенденция его консервации, смыкания с традицией. Даже в обстоятельствах формирования и развития философии как относительно целостного, включающего элементы рационалистических систем, мировоззрения, в Древней Индии и Древнем Китае достаточно быстро происходило ее слияние с традицией и переходы в ранг религии. Таким образом, в Древнем Востоке в силу присущего его культурам консерватизма знание, несмотря на его разнообразие и достижения, не получило импульсов развития и перехода на иные стадии.

В то же время Древняя Греция как тип традиционной цивилизации проявляет уникальные социокультурные особенности, которые выразились в становлении полисной демократии (пусть и имевшей определенные ограничения), формировании в условиях равноправия граждан модели межличностной состязательности, в том числе интеллектуальной, что обусловило большую динамичность различных сфер культуры, включая и развитие познавательной активности.

В силу имеющихся различий можно говорить о том, что преднаука на Востоке выразилась в основном в виде *пранауки*, с формированием *праобразов* возможной научной активности, реализованных в широком ряде

познавательных достижений, в то время как в Древней Греции произошел *переход от пранауки к протонауке*, непосредственной предшественнице науки, включающей не только ценные знания, но и способы их получения и фиксации в виде доказательного рассуждения.

Таким образом, *этап преднауки* включает в себя две стадии (периода), обозначающих нелинейный, векторный характер истории научного знания и ее зависимость от социокультурной среды:

1) стадию пранауки, которая охватывает существование первобытного общества, а также время возникновения первых локальных цивилизаций (Египет, Месопотамия и др.). Начиная с IV—III тысячелетий до н.э. в различных регионах мира (в долинах Нила, Инда, в Месопотамии, Китае) осуществляется первая в истории человечества техническая революция, в результате которой появляется земледелие и устанавливается оседлый образ жизни; изобретается колесо и как результат его внедрения в производственную деятельность формируются гончарные, ткацкие ремесла, развиваются средства передвижения; совершенствуются технологии обработки металлов и строительства культовых сооружений.

Однако вопрос о существовании в традиционных цивилизациях Древнего мира науки как специфической формы познания, с характерными для нее базовыми признаками, зафиксированными в ее эталонной модели, вряд ли может быть решен положительно. Очевидно, что в древневосточных цивилизациях — Египте, Вавилоне, Индии, Китае — был накоплен огромный массив знаний в области математики, медицины, астрономии, географии, анатомии. Благодаря этим знаниям достаточно успешно решались многие проблемы, возникавшие в различных сферах жизнедеятельности традиционных обществ. В то же время этого явно недостаточно для того, чтобы утверждать факт возникновения и существования науки в культуре традиционных цивилизаций Востока. В подтверждение этого тезиса можно указать на целый ряд особенностей тех форм и типов познавательной деятельности, которые доминировали в этих цивилизациях и являли собой феномен так называемой рецептурной науки, или практически ориентированного знания. В качестве таких особенностей выделяют:

- отсутствие фундаментальности и теоретической ориентации знания, которое использовалось, прежде всего, для технологического обеспечения непосредственных практических действий с объектами обыденного опыта и повседневной жизни;
- трансляцию знаний через традицию и посредством механизмов личного или профессионально-кастового наследования;
- неразвитость либо полное отсутствие критико-рефлексивной деятельности по отношению к познавательному процессу и формам генерации знаний;

- акцент на решении прикладных задач и разработке рецептурно-технологических схем практической деятельности, что приводило к отсутствию систематичности, доказательности и обоснованности получаемых знаний.

Например, у древних египтян знания о геометрических фигурах строились как проекции очертаний земельных участков, предназначенных для земледелия или строительства; реальный предмет замещался идеальным объектом «единица» и обозначался чертой; при сложении полученного количества черточек (десятков или сотен) применялись специальные знаки. С потребностями земледелия были связаны первые календари. На практическом опыте базировались первые медицинские знания. Жрецы, волхвы, тщательно оберегавшие монополию обладания знанием, выполняли с его помощью и ритуально-обрядовые, и управленческие функции, не специализируясь на сугубо «исследовательской» деятельности. Элементы простейших абстракций в мышлении совмещались с мистикой, знания не носили упорядоченно-системного характера, имели в основном рецептурно-прикладное назначение.

Для цивилизаций Древнего Востока был характерен весьма специфический механизм трансляции знаний в целом, среди которых накапливалось и полученное в ходе наблюдений и повседневного опыта научное по своей сущности знание. Дело в том, что производство и хранение знаний было сосредоточено в руках узкого замкнутого социального слоя, как правило, касты, жрецов — священнослужителей, выполнявших функции управления обществом через поддержание стабильной системы верований и традиций. В деятельности жрецов магия, мистика и элементы научного знания оказывались взаимообусловленными. Само же знание приобретало *эзотерический характер*, т.е. являлось знанием тайным, скрытым, предназначенным для посвященных. Поскольку в цивилизациях Востока доминировал принцип наследования профессиональной деятельности — сын гончара становился гончаром, а сын жреца — жрецом, постольку знание из поколения в поколение передавалось внутри жреческой касты, поддерживая систему власти и веру основной части населения в сверхъестественные возможности правителей. К примеру, египетские жрецы благодаря астрономическим наблюдениям, уже в глубокой древности могли предсказывать время разлива Нила. Зная его, за две недели до этого природного явления они проводили пышный священный ритуал: фараон в золоченой ладье совершал плавание по реке, при этом у широких масс населения поддерживалась вера в то, что именно путешествие фараона — сына богов и вызывает разлив реки, от которого зависела вся жизнь египтян. Тщательно скрываемое от непосвященных знание выступало как ис-

точный власти и орудие управления профанами. Следует заметить, что именно в тех древних цивилизациях, где эзотеричность знания оказалась разомкнутой, стало формироваться философское мировоззрение и более успешно развивалось научное знание. Хотя даже в Древней Греции среди первых философских школ были и подобные эзотерическим — например, школа Пифагора, который, по преданию, учился у египетских жрецов и привнес в организацию своей школы ритуалы посвящения. По крайней мере, пифагорейцы изначально выступали как политическое сообщество, претендовавшее на особую роль в управлении обществом, при этом они активно занимались философией и наукой.

Некоторые исследователи считают важнейшей особенностью знаний на этапе пранауки их священный характер: «сакральные науки» выступали как «некий промежуточный уровень метафизического толкования сакральной доктрины и отдельных видов конкретной человеческой деятельности», «практико-технических планов хозяйственной и инженерной деятельности»¹. В таких обстоятельствах назначение знаний было большим, нежели сугубо практическая эффективность: они были «с одной стороны, призваны через углубление в природу проявленного мира приблизиться к потаенному бытию, а с другой — сообщить послание от этого «тайного бытия» внешней деятельности людей, наделив ее глубинным спасительным смыслом»². В любом случае элементы научного знания древних цивилизаций были вплетены в целостную картину мира и были ей подчинены;

2) стадию протонауки, которая охватывает длительный период от расцвета культуры Древней Греции (VI—IV вв. до н.э.) до эпохи Возрождения включительно (на стадиях формирования античной культуры в ней существовала, как и на Востоке, пранаука с присущими ей особенностями). Становление протонауки было напрямую связано с особенностями древнегреческой полисной организации социальной жизни с присущими ей демократическими институтами и принципами состязательности свободных граждан, в том числе и в интеллектуальной сфере. Здесь не было замкнутых каст, монополизировавших достижения познавательного опыта; особенности рельефа местообитания и уклада жизни диктовали возможности формирования аналитического мышления, которое оттачивалось на фоне конкуренции в риторике и принятии решений.

Но и в период развития протонауки знание существовало в основном в нерасчлененной форме: элементы научного знания формировались внутри философского осмысления мира и вместе с ним. Философские концепции,

¹ Дугин, А.Г. Эволюция парадигмальных оснований науки / А.Г. Дугин. М., 2002. С. 88—89.

² Там же. С. 90.

направленные на целостное познание мира универсально, всесторонне осмысливавшими его мудрецами, включали элементы естественнонаучного и социально-гуманитарного познания. В то же время собственно древнегреческая философия, освободившаяся от влияния мифологии и религии, впервые четко задает рассуждению рационально-критический характер, философские рассуждения приобретают внутреннюю связность и логическую системность, в рамках философии теоретическое знание отрывается от решения непосредственных практических задач, — формируются методологические образцы и нормы научно-познавательной деятельности. Пифагор, Демокрит, Аристотель, занимаясь философией, разрабатывают элементы знания в области математики, физики, логики. Постепенно, благодаря оформлению отдельных философских школ (пифагорейская школа, академия Платона, ликей Аристотеля), формируются прототипы будущей институализации науки.

Одной из важнейших предпосылок будущего развития науки в период ее зарождения в лоне античной философии стало превращение знания в обособленную сферу духовной культуры, в особую ценность.

Переход от протонауки к науке в Западной Европе эпохи Возрождения и начала Нового времени был взаимосвязан с глубокой цивилизационной трансформацией — формированием цивилизации техногенного (индустриального) типа.

Впервые переход от преднауки к науке происходит с формированием в эпоху античности математики как особого типа научного знания. Первичные геометрические знания древние греки заимствовали у древних египтян и вавилонян. Однако по мере эволюции математики «числа и геометрические фигуры начинают рассматриваться не как прообраз предметов, которыми оперируют в практике, а как относительно самостоятельные математические объекты, свойства которых подлежат систематическому изучению. С этого момента начинается собственно математическое исследование, в ходе которого из ранее изученных чисел и геометрических фигур строятся новые идеальные объекты»¹, например появляются такие абстрактные понятия, как «отрицательное число», «мнимое число» и т.д. Начинают действовать внутренние предпосылки развития научного знания, которые приводят к построению теорий, включающих в себя логическую связь высокоабстрактных понятий, «оторванных» от наличной практики и понятий, вытекающих из нее.

В Новое время оформляется естествознание, которое впоследствии дифференцируется на отдельные дисциплины, изучающие природу соответственно их предметным областям и логико-методологическим норма-

¹ *Степин, В.С.* Наука / В.С. Степин // Новая философская энциклопедия. М., 2001. Т. 3. С. 25.

тивам. Теоретический способ построения знаний, впервые возникший в математике, распространяется на сферу естественных наук в виде метода выдвижения гипотез с их последующим обоснованием опытом. Опыт в виде эксперимента, наблюдения, измерения в науке всегда «теоретически нагружен», т.е. его цели, задачи и методы обусловлены ходом теоретического осмысления проблемы. Таким образом, теоретическое естествознание «предстало второй (после становления математики) важнейшей вехой формирования науки в собственном смысле этого слова»¹.

Третий этап развития науки в логике данного подхода начинается в XIX в. и связан со становлением технических и социальных наук, когда конституируются особые области научной компетенции, распространяемой на сферу техники, а также общественных явлений и социокультурных реалий. Технические науки опосредуют связи между естествознанием и производством, а социально-гуманитарные объясняют и прогнозируют различные явления социальной и культурной жизни. Следовательно, переход от пренауки к науке соотносится в рамках данного подхода с эволюцией отдельных научных дисциплин и их групп.

Таким образом, в структуре традиционных цивилизаций Востока складывается особый тип познавательной деятельности, который не является собственно научным, а, скорее, соответствует нормам и требованиям пранауки. Используя метафорическое выражение К. Маркса, можно заключить, что здесь еще рука и голова не были в полной мере отделены друг от друга.

Важнейшей и сущностной особенностью этого типа познавательной деятельности являлось то, что основные понятия и правила оперирования с ними выводились непосредственно из практики в форме первичных обобщений предметно-практических связей и отношений. Что же касается возникшей уже в эпоху Нового времени собственно научной формы познания мира (в полном и строгом смысле этого слова), то в ней магистральный вектор познавательного движения существенно иной. Наука начинает строить фундамент новой системы знания как бы «сверху» по отношению к реальной практике и лишь после этого, используя различные методы и познавательные операции, сопоставляет идеальные объекты с предметными отношениями практики².

13.3. Античный идеал науки

Существенно иные социокультурные обстоятельства складываются к середине I тысячелетия до н.э. в античной Греции, которую многие исследователи по праву считают подлинной колыбелью науки. К числу этих социо-

¹ *Степин, В.С.* Теоретическое знание / В.С. Степин. М., 2003. С. 78.

² Там же. С. 57.

культурных предпосылок генезиса науки в античной цивилизации можно отнести идею вариативности мира, которая вызревала в культуре как своеобразное отражение полисной структуры древнегреческой социальности с ее демократическими принципами и имманентной конкуренцией в различных сферах социальной деятельности.

Не менее важна в этом контексте и идея доказательности и обоснованности знания, получившая свое развитие в формах античной диалектики, риторики, искусства убеждения и аргументации.

Весомым социальным фактором, способствовавшим оформлению первых научных программ в древнегреческой культуре, было и господство рабовладельческого способа производства в античной цивилизации. В известной мере оно позволяет объяснить феномен радикального пренебрежения свободных граждан полиса любыми формами орудийно-предметной деятельности с материальными объектами и вещами. Отсюда формирование своеобразной идеологии созерцательного отношения к действительности и познавательной интенции на абстрактно-теоретическое и умозрительное отношение к миру.

Перечисленные социокультурные предпосылки обусловили оформление и развитие в античной культуре такого типа познавательной деятельности, который утверждал себя в формах понятийно-рациональной интерпретации объектных взаимодействий. Причем эти объектные взаимодействия описывались в особом языке идеализаций, которые являлись результатом свободной и креативной игры ума. Именно поэтому подобное познание приобретало статус теоретической деятельности, существенно отличной от разнообразных видов и форм орудийно-предметной деятельности. Развитие культуры теоретического мышления является непреходящей заслугой античной цивилизации, поскольку эта особенность познавательных действий отличает подлинную науку в сравнении с различными типами и формами протонаучного знания.

Итак, систематическое доказательство, рациональное обоснование, логическая дедукция как форма теоретического развертывания знаний, оперирование идеализациями — вот те атрибутивные для науки характеристики познания, которые были развиты в эпоху античности и обнаружили себя, прежде всего в древнегреческой философии. Именно в философии впервые были продемонстрированы образцы подлинно теоретических построений и обоснованы принципы идеализированного описания реальных вещей и их отношений. Впоследствии они оказали серьезное влияние на становление античной математики и процессы ее теоретизации. Благодаря деятельности философов математическое знание обретает свою строгую

рационально-теоретическую форму. Это в определенной мере обнаруживается в геометрии Евклида, которая по праву оценивается как исторически первый образец научной теории.

Следует отметить, что не только античная математика, но и такие системы знания, как медицина Гиппократов, история Геродота, астрономия Птолемея и др., в той или иной мере испытали на себе влияние принципов и норм рационально-теоретического мышления. В этом и состоит непреходящее значение античной культуры и философии для обоснования и развития подлинно научного стиля мышления с характерной для него интенцией на рационально-теоретическое освоение исследуемой реальности. Однако теоретического естествознания, органично соединяющего в себе язык математики и экспериментальное исследование природы, в античной культуре создано не было. Для ассимиляции идеи экспериментального познания природных объектов и их отношений требовались иные представления о природе, субъекте познания, целях и мотивах его деятельности. Эти представления и соответствующие им социокультурные обстоятельства формируются значительно позднее — в культуре Нового времени.

13.4. Зарождение опытных наук

Развитая наука немислима без систематического применения экспериментальных исследований. Идея эксперимента как неотъемлемой части научного познания требовала существенной трансформации фундаментальных представлений о человеке и человеческой деятельности в целом, сложившихся в культуре античности. Необходимо было обосновать новое понимание природы как объекта деятельности; субъекта в качестве активного начала, противостоящего природной материи; возможных форм и способов воздействия человека на природу с целью познать ее сущность и сокровенные тайны.

Это происходит в процессе кардинальных мировоззренческих изменений в эпоху Ренессанса и Нового времени. Но определенные предпосылки этой глобальной культурологической трансформации можно обнаружить еще в период позднего средневековья, когда в XII—XIV вв. в различных городах Европы (Болонья, Париж, Оксфорд) возникают первые университеты, создаются школы, в которых совершенствуются «технологии» схоластического мышления, получает распространение магия и алхимия как специфические формы опытного познания и оперирования с реальными предметами и вещественными субстанциями. В трудах и сочинениях францисканского монаха Р. Гроссетеста (1175—1253), его ученика Р. Бэкона (ок. 1214—1292), английского логика У. Оккама (ок. 1285—1349) и дру-

гих схоластов этого времени развиваются идеи о том, что умозрительные науки не могут обойтись без экспериментальных исследований, способных открыть перед человеком тайные силы и законы Вселенной.

С одной стороны, средневековые продолжают традиции античности, развивая и совершенствуя такие познавательные ориентации, как созерцательность, склонность к интеллектуальному умозрению и абстрактным теоретическим построениям и т.п. С другой стороны, порывает с традициями античной культуры и философии, подготавливая грядущий переход к мировоззренческим ориентациям Возрождения и Нового Времени. Это проявляется, в частности, в том, что познание все более акцентированно направляет свои усилия «в русло достижения практических эффектов» формирует традиции реального взаимодействия с предметами, «трансмутации» природных веществ в опытах магии и алхимии. Это придает познанию статус не только абстрактно-теоретической деятельности с идеализациями, но и ремесленно-технической деятельности, предполагающей опытную апробацию явления.

Можно говорить о том, что в эпоху позднего средневековья формируются определенные предпосылки будущей экспериментальной науки. Предпосылки, но не более, поскольку в средневековой культуре в силу объективных причин еще не могли сформироваться необходимые социокультурные условия для становления науки. В эту эпоху еще не сложилась традиция понимать и интерпретировать природу в ее самодостаточности, управляемой объективными законами, без вмешательства Бога и иных высших сил. В качестве доминирующих ориентаций в познании рассматривались символизм и теологически текстовый характер всякой духовной деятельности. Знание носило качественный, а не количественный характер, основу картины мира составляла теория неоднородного и анизотропного пространства Аристотеля, утверждавшая привилегированность различных точек и мест. В силу этого средневековая наука — это еще не экспериментальное естествознание. Деятельность натуральных магов (Р. Бэкон, Р. Гроссетест, Ж. Буридан и др.) еще не порождала подлинно научного метода познания, соединяющего в себе абстрактно-математическую культуру мышления и эксперимент. Все это совершается позднее, в эпоху Возрождения и Нового времени.

В данный период в западноевропейской истории и культуре происходят поистине эпохальные события. Это и социально-политическое разложение феодализма, и Реформация, разрушившая монолитность церковной идеологии, протестантская этика с ее идеей личной инициативы и ответственности, и обоснование гелиоцентрической картины мира как радикально не совместимой с принципами антично-средневекового геоцентризма и многое другое. Основные достижения этой эпохи, непосредственно повлиявшие на становление классической науки, состояли в следующем:

- 1) разрушение геоцентрической картины мира и обоснование вещно-натуралистической модели космоса;
- 2) соединение абстрактно-теоретической или натурфилософской традиции познания с ремесленно-технической и опытной его ориентацией;
- 3) разработка и обоснование гипотетико-дедуктивной методологии познания.

Для того чтобы создать новую картину мироздания, необходимо было обосновать идею самодостаточности природы, которая управляется естественными объективными законами и не нуждается для своего существования ни в каких теологических гипотезах или постулатах. Н. Коперник, И. Кеплер, Ф. Бэкон, Р. Декарт, Б. Спиноза и другие ученые и философы осуществили эту программу «эмансипации» природы.

Не менее важно было разработать принципы количественного и причинно-следственного описания природных процессов и явлений. В трудах Т. Гоббса, Дж. Локка, Р. Декарта и других эта задача была также успешно решена. Учение Аристотеля об анизотропном и неоднородном пространстве было заменено геометрической моделью мироздания на основе евклидова пространства, в котором все точки и направления движения равноценны. Это позволило обосновать принципиально важный тезис о единстве небесных и земных явлений и, значит, подтвердить идею универсальных законов природы.

Как известно, науку конституирует единство эмпирической и теоретической деятельности, однако в античной и средневековой культуре эти две составляющие познавательной деятельности были противопоставлены и на этой основе разобщены. Теоретические занятия составляли удел абстрактного интеллекта и обнаруживали себя в рамках семи известных свободных искусств (астрономия, диалектика, риторика, арифметика, геометрия, медицина, музыка). Эмпирические или опытно-экспериментальные занятия проходили по ведомству механических или несвободных искусств и оценивались как тот или иной вид ремесла.

Синтез эмпирического и абстрактно-теоретического компонентов в познавательной деятельности стал возможен только на основе тех глубинных трансформаций в мировоззренческом строе культуры, которые произошли в эпоху Ренессанса. Транзитивными формами подобного синтеза являлись такие феномены средневековой науки, как астрология, алхимия, натуральная магия и др.

Для формирования необходимых предпосылок соединения теории и эксперимента в рамках математического естествознания важно было осуществить дальнейшее развитие гипотетико-дедуктивной методологии познания и адаптировать ее возможности к исследованию механических процессов. Приоритет в решении этой задачи, безусловно, принадлежит Г. Галилею, который разработал концепцию пустотной механики, базировавшуюся на принципах рациональной индукции и мысленного эксперимента.

Так была подготовлена великая интеллектуальная революция, завершившаяся созданием в эпоху Галилея и Ньютона классической механики как исторически первой естественнонаучной теории и картины мира. Теоретическое естествознание знаменовало собой вторую (после возникновения математики) важнейшую веху на пути формирования собственно науки в ее классической форме.

13.5. Классический, неклассический и постнеклассический этапы в развитии науки

Под ***классической наукой*** обычно понимают определенный этап в ее функционировании и развитии, для которого характерно господство объектного и жестко детерминистического стиля исследования, господствовавшего в науке, начиная с XVII до конца XIX — начала XX в. Истоки классической новоевропейской науки, как правило, связывают с именами Г. Галилея, И. Ньютона, Г. Лейбница, Р. Декарта и других выдающихся ученых и мыслителей. Их усилиями была разработана механическая картина мира, в основе которой лежала системно обоснованная Ньютоном классическая механика как исторически первая научная теория.

Механистическая картина мира основывалась на принципиальном исключении субъекта познания (и всего того, что связано с субъективно-личностными аспектами познавательной деятельности) из совокупной системы знания, форм его философского осмысления и интерпретации. В результате изучаемые явления природы рассматривались как не связанные между собой, неизменные и неразвивающиеся объекты, перемещающиеся в пространстве под воздействием механических сил. На протяжении трех веков эта картина мира осуществляла экспансию в различные предметные области, расширяя ареал объяснительных возможностей классической парадигмы научного познания. Так, например, известный шведский ученый-натуралист К. Линней разрабатывает классификацию форм и видов животного мира на основе использования принципов механистической методологии. Его знаменитое сочинение «Система природы», в котором обоснована бинарная классификация видов растений и животных, написано под очевидным влиянием классической механики.

На рубеже XVIII — XIX вв. наука начинает активно использоваться в производстве, определяя его бурный прогресс от форм мануфактурной организации к машинной индустрии. Начинают формироваться технические науки, которые впоследствии стали выступать связующим элементом естественнонаучных знаний и производственных технологий. Возникает дисциплинарная организация науки, являющаяся важной вехой в ее развитии на этапе классики. В этот исторический период господства индустриаль-

ных форм организации производства и общественной жизни создаются предпосылки и для возникновения социально-гуманитарных наук. С их появлением завершается процесс формирования дисциплинарно организованной науки, и она обретает статус подлинной системы научного знания об основных сферах реальности, включая природу, общество и человеческий дух.

Несмотря на активную и многовекторную дифференциацию знания в течение нескольких веков существования классической науки, она, тем не менее, сохраняла приверженность неким общим методологическим ориентациям и формам рациональности, которые, собственно, и определяли ее мировоззренческий и операциональный статус.

К таким важнейшим особенностям классической науки относятся следующие ее методологические интенции:

1) финалистская интерпретация истины в ее абсолютном завершенном и не зависящем от условий познания виде; интерпретация была обоснована в классической механике как методологическое требование при описании и объяснении идеализированных теоретических конструктов (материальная точка, сила и др.), призванных заменить в теории реальные природные объекты и их взаимодействие;

2) установка на однозначное причинно-следственное описание событий и явлений, исключаящее учет случайных и вероятных факторов, которые оценивались как результат неполноты знания и субъективных привнесений в его содержание;

3) элиминация из контекста науки всех субъективно-личностных компонентов познания, а также характерных для него условий и средств осуществления познавательных действий;

4) интерпретация любых предметов научного познания как простых механических систем, подчиняющихся принципам аддитивности, требованиям статичности и неизменности основных своих характеристик.

К концу XIX — началу XX в. эти методологические интенции получают широкое признание и формируют классический тип научной рациональности. Считалось, что научная картина мира полностью построена и обоснована, а в перспективе необходимо будет лишь уточнять и конкретизировать отдельные детали этой картины.

Однако история науки распорядилась по-иному. В этот период последовал целый ряд научных открытий, которые никак не вписывались в существующую картину физической реальности. А. Беккерель, Дж. Томпсон, М. Планк, Э. Резерфорд, Н. Бор, Луи де Бройль, А. Эйнштейн, В. Гейзенберг, П. Дирак и многие другие ученые радикально революционизировали физику и показали принципиальную несостоятельность механистического естествознания. Их усилиями закладываются основания новой картины мира —

квантово-релятивистской. В развитии науки начинается следующий — *неклассический* — этап. Он длился в течение примерно двух первых третей XX в. В этот период происходит целая серия революционных перемен в различных областях знания. В физике создаются релятивистская и квантовая теория, в космологии — концепция нестационарной Вселенной. Становление генетики радикально революционизирует биологическое познание, существенный вклад в формирование неклассической научной картины мира вносят кибернетика и теория систем. Все это приводит к фронтальному освоению научных идей в социальной практике и индустриальных технологиях.

Переход от классической к *неклассической науке* был связан с необходимостью формирования нового типа научной рациональности и в этом смысле предполагал совершение глобальной научной революции. Сущность этой революции состояла в том, что в «тело науки» интегрировался субъект познания. Иными словами, если в классической науке исследуемая реальность всегда понималась как объектная реальность, т.е. не зависящая от субъекта, средств и условий его познавательных действий, то в неклассической науке важнейшим условием истинного описания исследуемой реальности становится учет и экспликация связей между самим объектом и средствами его познания. Таким образом, изменяется сама парадигма научного познания. Предмет знания трактуется уже не как абсолютно объективная реальность в ее онтологической данности и независимости от субъекта, а как некоторый ее срез, аспект, заданный через призму используемых в познании средств, форм и способов исследования. Объектно-созерцательная парадигма научного познания сменяется деятельностью парадигмой.

Начиная с 60-х гг. XX в. наука переходит в третью стадию своей исторической эволюции, все более отчетливо приобретая черты *постнеклассической (современной) науки*. В этот период происходит революция в самом характере научной деятельности, связанная с радикальными изменениями в средствах и методах получения, хранения, трансляции и оценки научных знаний.

С точки зрения смены типа научной рациональности, постнеклассическая наука кардинально расширяет сферу философско-методологической рефлексии над основными параметрами и структурными компонентами научно-исследовательской деятельности. В отличие от неклассической науки она требует анализа взаимосвязей и опосредований получаемого знания не только с особенностями средств и операций познавательной деятельности субъекта, но и с ее ценностно-целевыми структурами, т.е. с социокультурным фоном эпохи как реальной средой существования науки. Неклассическая парадигма познания предполагает использование таких методологических регулятивов, как относительность к средствам наблюдения, вероятностный и статистический характер получаемых научных знаний,

дополнительность различных языков описания исследуемых объектов. А постнеклассическая парадигма ориентирует исследователя на анализ феноменов становления, развития и самоорганизации явлений познаваемой реальности. Она предполагает рассмотрение объектов в их исторической перспективе, учитывая синергетические, кооперативные эффекты их существования и взаимодействия. Важнейшей задачей исследователя становится теоретическая реконструкция изучаемого явления в максимально широком контексте его связей и опосредований с целью воссоздать в языке науки его целостный и системный образ.

Даже в первом приближении описать основные параметры предметного поля современной постнеклассической науки не представляется возможным, поскольку она простирает свои познавательные усилия практически на все сферы реальности, включая природу, социокультурные системы и сферу духовно-психических феноменов. Это явления космической эволюции; проблемы взаимодействия человека и биосферы; развитие современных высоких технологий от наноэлектроники до нейрокомпьютеров; новые модели физической реальности на основе принципов квантовой хромодинамики и суперсимметричных взаимодействий; идеи коэволюции и глобального эволюционизма, апплицируемые на все сферы бытия Универсума и многое другое.

Для постнеклассической науки весьма характерна междисциплинарная ориентация и проблемно ориентированный научный поиск. Объектами современных междисциплинарных исследований все чаще становятся уникальные природные и социальные комплексы, в структуру которых входит и сам человек. Примерами таких «человекообразных» систем могут служить экосистемы, включая биосферу в целом, медико-биологические и биотехнологические объекты, системы искусственного и интегрального интеллекта и т.д. Столь впечатляющее вторжение науки в мир человекообразных систем создает принципиально новую ситуацию, которая выдвигает в повестку дня комплекс сложных мировоззренческих вопросов о смысле и ценности самой науки, о перспективах ее прогрессивного развития и взаимодействия с другими формами культуры. В этих условиях вполне правомерно ставить вопрос о реальной цене научных инноваций, о возможных последствиях их внедрения в структуру человеческого общения, материального и духовного производства.

Такой вопрос тем более актуален, поскольку все чаще сегодняшней науке вменяют в вину дестабилизацию общества, появление глобальных проблем, с которыми столкнулось человечество на современном этапе цивилизационного развития. Именно поэтому столь важно рассмотреть науку в аспекте ее ценностных и социокультурных факторов, что и является одной из задач современной философии науки.

ГЛАВА 14. СТРУКТУРА И ДИНАМИКА НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

14.1. Эмпирический и теоретический уровни научного познания, их единство и различие

Научное познание представляет собой сложно организованную целостность, отличающуюся особой структурной организацией. Структурирование научного познания может быть проведено по разным основаниям. Наиболее репрезентативным является подход, учитывающий не только специфику научной деятельности и ее результатов, но и взаимодействие науки с социально-культурным пространством. Это дает основание для выделения трех уровней научного познания и знания: эмпирического, теоретического и метатеоретического.

При рассмотрении *эмпирического* и *теоретического* уровней научного исследования целесообразно ориентироваться как на выявление их общих черт, так и на установление их различий по ряду параметров, среди которых важнейшее место занимает специфика решаемых задач, целей исследования и методов их реализации, а также особенности полученных научных знаний и языковых средств их выражения.

Рассматривая эмпирический уровень научного исследования, следует учитывать, что он не тождественен чувственному познанию, а эмпирическое знание не является копией объективной реальности. На эмпирическом уровне на основе чувственных образов конструируются эмпирические объекты. Эмпирический объект — это идеальный объект, представляющий собой строго ограниченный, фиксированный набор признаков, присущих изучаемому реальному объекту. Чтобы стать эмпирическим объектом фрагмент реальности подвергается интеллектуальной обработке, в процессе которой внешняя информация пропускается через ряд «фильтров». По мнению российского философа С.А. Лебедева, в роли таких фильтров выступают: «а) познавательная и практическая установка; б) операциональные возможности мышления (рассудка); в) требования языка; г) накопленный ранее запас эмпирического знания; д) интерпретативный потенциал существующих научных теорий»¹.

Эмпирическое знание и объективная реальность связаны лишь опосредованно. От эмпирического знания к изучаемому объекту можно прийти посредством интерпретации этих знаний, а от объективной реальности к эмпирическому знанию путь лежит через дискурсивное преобразование

¹ Лебедев, С.А. Уровни научного знания /С.А. Лебедев // Вопросы философии. М., 2010. № 1. С. 63.

чувственной информации. Эмпирическое знание — это модель исследуемого объекта, полученная в процессе логико-понятийного оформления чувственного опыта.

Эмпирическое знание имеет сложную структурную организацию. Результаты эмпирических исследований могут быть представлены в виде эмпирических протоколов (исходных данных наблюдений и экспериментов), фактов, эмпирических законов и феноменологических концепций, которые в своей совокупности образуют *эмпирический базис науки*.

Исходной формой эмпирического знания являются *протокольные предложения* — единичные высказывания об изучаемом объекте, фиксирующие результаты наблюдений и экспериментов. Уже в протокольных предложениях находят отражение цели и задачи исследования, поскольку научное наблюдение и эксперимент проводятся для подтверждения или опровержения какой-либо научной идеи или теории. Цели и задачи исследования, в свою очередь, во многом определяются содержанием существующего теоретического знания, что делает любое эмпирическое знание «теоретически нагруженным».

В результате индуктивного обобщения протокольных предложений возникают факты. *Научный факт* — это результат многочисленных сложных познавательных процедур, ориентированных на выявление *определенного инварианта*, характерного для результатов наблюдений и экспериментальных данных в соответствии с теми теоретическими представлениями концептуального характера, которыми руководствуются исследователи. Факты фиксируют инвариантность лишь на уровне явлений, но не дают представления о *сущности* изучаемой предметной области. В фактах чаще всего даны количественные характеристики и соотношения.

На уровне эмпирического исследования могут быть сформулированы и *эмпирические законы*, дающие представление об устойчивых связях явлений, а также о пространственном и временном постоянстве изучаемой реальности. Связи, установленные между научными фактами, часто даны в форме математических выражений. Формулировками эмпирических законов являются, например, следующие утверждения: «Все металлы электропроводны», «Все планеты Солнечной системы движутся по эллиптическим орбитам» и др. Поскольку эмпирические законы получены в результате индуктивных обобщений эмпирических фактов, знание, представленное в них, носит вероятностный характер. Система логически связанных эмпирических законов может образовывать феноменологическую «теорию». Феноменологической «теорией», например, является небесная механика Кеплера. Как и эмпирический закон, феноменологическая «теория» является вероятностным знанием.

Эмпирическое знание — динамичное явление. Эта динамика во многом связана с изменениями условий и технических возможностей проведения наблюдения и эксперимента.

Эмпирическое знание представляет собой совокупность высказываний об эмпирическом объекте. Эти высказывания могут быть, но могут и не быть логически связанными. Эмпирические знания выражены не только в языке понятий, но и в языке графиков, диаграмм, таблиц, классификаций, математических моделей.

Если эмпирическое исследование ориентировано на *описание изучаемого объекта*, систематизацию собранной о нем информации, то основной задачей теоретического познания является *объяснение исследуемых явлений*. Как отмечалось выше, эмпирическое исследование выявляет и фиксирует относительно неглубокие связи и характеристики изучаемых объектов, за которыми скрываются внутренние, существенные и необходимые параметры. На изучение последних и направлено теоретическое познание.

Теоретический уровень исследования имеет дело с идеализированными, теоретическими объектами. *Теоретический объект* (абстрактный, идеализированный объект, теоретический конструкт) представляет собой абстракцию, которая является набором признаков, часть которых присуща реальному объекту, а часть не присуща ни одному реальному объекту. Чтобы стать теоретическим, объект оформляется, представляется с помощью системы абстракций. Теоретический объект конструируется из эмпирического путем добавления таких качеств и свойств, которые делают идеализированный объект принципиально ненаблюдаемым. Идеализированные объекты могут также вводиться гипотетически или по определению при решении определенных теоретических задач. Такой вариант введения идеализированных объектов характерен прежде всего для математики и логики.

Теоретические знания — это высказывания о теоретическом объекте, которые обязательно логически связаны между собой. Механизмами изменения теоретического знания выступают логика и интеллектуальная интуиция.

Связующим звеном между эмпирическим и теоретическим уровнем выступает проблема. Необходимость ее постановки обусловлена многими факторами (см. тему «Методологический инструментарий современной науки»). *Проблема* — это «знание о незнании», влекущее за собой поиск новых, нетривиальных концептуальных средств разрешения противоречий, возникших в процессе научного познания. В своем разворачивании проблема расцелляется на ряд взаимосвязанных вопросов, являющихся своеобразными формами научного поиска.

К числу таких форм следует отнести гипотезы, закономерно появляющиеся в процессе обсуждения и решения научных проблем. *Гипотеза* представляет собой научно обоснованное предположение о существенных характеристиках и глубинных необходимых связях изучаемых явлений и процессов.

Важнейшим результатом научного исследования является создание научной теории. По своему предмету, способам построения и ряду других характеристик научные теории весьма разнообразны, что значительно затрудняет выработку стандартного и универсального определения этой

формы научного знания. В самом общем виде *научная теория* — это органически целостная непротиворечивая система знаний, в обобщенной форме раскрывающая сущностные свойства и закономерные связи определенной предметной области, на основе которых достигается объяснение и предсказание явлений. Любая подлинно научная теория должна удовлетворять следующим методологическим требованиям: быть внутренне непротиворечивой системой знаний; обладать полнотой содержания (обеспечивать репрезентацию любого фрагмента той области действительности, на описание и объяснение которой она претендует); объяснять сущностные взаимосвязи между различными ее компонентами и др.

Теории, удовлетворяющие этим требованиям, могут различаться по ряду признаков. Основными признаками считаются эвристичность, конструктивность и простота. *Эвристичность* характеризует объяснительные и предсказательные возможности научной теории. *Конструктивность* состоит в доступности способов проверки основных выводов и результатов теории. *Простота* подразумевает, в частности, объяснение теорией максимально широкого круга явлений на основе минимального числа независимых допущений без введения произвольных гипотез. В ряде случаев при выборе теории предпочтение отдают той, которая может быть распространена на более обширное множество научных фактов путем незначительных уточнений и трансформаций, т.е. которая преобразуется более простым способом.

К числу важнейших характеристик разнообразных научных теорий относятся присущие им функции. В качестве основных функций теории обычно выделяют: *объяснительную, предсказательную и синтезирующую.*

Одним из актуальных и дискуссионных в современной философии науки является вопрос о том, какие основные компоненты конституируют научную теорию. Иными словами, что входит в структуру теории как сложно организованной системы научного знания. Названная проблема интерпретируется в достаточно широком диапазоне методологических идей и подходов в зависимости от конкретного содержания теории, ее предметной области, уровня концептуальной зрелости и т.д. Однако своеобразным эпистемологическим эталоном выступает, как правило, естественнонаучная (чаще всего физическая) теория. Это объясняется тем, что именно в физике наиболее полно и отчетливо прослеживается связь эмпирического слоя знаний и их теоретической интерпретации, экспериментально-измерительных процедур и форм их концептуальной репрезентации.

Большинство исследователей выделяют в качестве основополагающих компонентов в структуре теории следующие формы знаний:

- б) абстрактные, или идеализированные, объекты;
- в) модели, или теоретические схемы;
- г) базовые принципы, или аксиомы теории;
- д) теоретические законы.

В содержании теории, прежде всего, следует выделить теоретические конструкторы — корреляты теоретических объектов, которые вводятся через постулаты и определения теории. Например, в механике И. Ньютона — это понятия: «сила», «материальная точка», «пространственно-временная система отсчета» и др. Сеть таких объектов называется *теоретической схемой*. Исходные признаки ее абстрактных объектов и их основных отношений характеризуют наиболее существенные черты исследуемой в теории предметной области. Именно относительно теоретической схемы формулируется закон.

Продуктивная в методологическом отношении концепция структуры теоретического знания разработана В.С. Степиным. В теоретическом знании он выделил два основных компонента: *частные теоретические схемы* (модели) и *фундаментальную теоретическую схему*. Частная теоретическая схема, составленная из определенной совокупности идеализированных объектов (или конструкторов), описывает, как правило, достаточно ограниченную область исследуемых явлений. Фундаментальная теоретическая схема задает концептуальное пространство развитых научных теорий, в которых частные теоретические схемы (или законы) выводятся как следствия из фундаментальных постулатов и принципов.

Кроме того, в языке сложноструктурированных современных теорий присутствует ряд оборотов, фиксирующих различные виды связей отдельных компонентов научного знания. К ним относятся следующие:

1) *операциональная* интерпретация теории — характеризует связи языковых терминов теории и экспериментально-измерительных процедур, которые осуществлялись на эмпирическом уровне познания. Подобная необходимость возникла в связи с тем, что эмпирический и теоретический уровни научного познания, эмпирические и теоретические объекты связаны лишь опосредованно. Поскольку теоретические законы не могут напрямую соотноситься с эмпирическим знанием, вводятся особые «интерпретационные», или «редукционные, предложения (Р. Карнап), содержащие понятия эмпирического и теоретического языка. Примерами таких оборотов являются высказывания: «планеты Солнечной системы — это материальные точки», «луч света — это евклидова прямая» и др. Интерпретационные предложения не могут быть ни чисто эмпирическим, ни чисто теоретическим знанием. Они представляют собой *интегрирующее знание*, обеспечивающее связь двух уровней научного познания. Термины, используемые в них, выбираются осознанно. Их выбор обусловлен как содержанием определенной теории, так и соответствующей языковой системой. Такое интерпретативное знание не имеет онтологического статуса, поскольку невозможно указать предметную область, которую оно описывает. Оно выполняет инструментальную функцию;

2) *семантическая* интерпретация теории — в рамках этого высказывания фиксируются связи различных уровней и форм собственно теоретических терминов и понятий, отражающих содержание теории;

3) *онтологическая* интерпретация теории — показывает совокупность связей терминов теоретического языка и конструкторов научной картины мира. Если онтологический статус эмпирического знания не вызывает сомнения, поскольку свойства, качества, характеристики, зафиксированные в эмпирическом объекте, являются наблюдаемыми, то вопрос об онтологическом статусе теоретического знания остается открытым.

Будучи тесно связанной с эмпирическим базисом, научная теория отличается своей собственной логикой развития. Построение научной теории — сложный процесс, сочетающий в себе два основных вектора. Первый нацелен на развертывание математического аппарата теории, его детализацию применительно к изучаемой области действительности; второй — на операции с абстрактными объектами, объединенными в идеализированные модели, которыми репрезентированы исследуемые фрагменты действительности, их характеристики и связи между ними. Такие операции в рамках мысленных экспериментов являют собой содержательное развертывание научной теории.

Эмпирический и теоретический уровни научного исследования имеют ряд общих черт, так как они являются уровнями *целостного процесса научного познания*. Эмпирическое и теоретическое научное знание получено в результате рациональной познавательной деятельности с использованием *дискурсивной деятельности* и представлено в *логико-понятийной форме*. И теоретическое, и эмпирическое научное знание является *объектным*, имеющим отношение к объекту исследования, а не к особенностям познающего субъекта. Как в эмпирическом, так и в теоретическом исследовании особую роль играет *язык науки*, обнаруживающий ряд отличительных особенностей по сравнению с языком обыденного познания.

Эмпирический и теоретический уровни взаимопредполагаемы. Развитие теоретического исследования постоянно нуждается в притоке информации, который обеспечивается на уровне эмпирического познания. В свою очередь, научные факты как важнейшие элементы эмпирического базиса науки оказываются «теоретически нагруженными». Свидетельством взаимосвязи двух уровней исследования в науке выступают такие формы поиска и роста научного знания, как проблема и гипотеза, а также наличие общелогических методов исследования: обобщение, абстрагирование, моделирование и аналогия, индукция и дедукция, анализ и синтез.

В то же время связь эмпирического и теоретического уровней научного познания имеет сложный характер и не является чисто логической. Как отмечалось ранее, теоретическое знание нельзя вывести из эмпирического путем индуктивного обобщения. И, наоборот, из теоретического знания чисто логическим путем не могут быть получены эмпирические следствия.

Из теории логическим путем можно вывести только теоретические следствия, идентификация которых с эмпирически проверяемыми следствиями происходит внелогическим путем. Нельзя указать строго фиксированный набор методов, использование которого с необходимостью привело бы к рождению новой теории и научному открытию на основе накопленного эмпирического материала. Движение мысли от эмпирического уровня к теоретическому представляет собой творческий процесс, который *не имеет строго заданного методологического алгоритма*. Решающее значение здесь могут иметь фантазия, «умственный эксперимент — игра с наглядными образами и понятиями в сознании; догадка, озарение, интуиция...»¹. Теории надстраиваются над эмпирическим знанием в результате *конструктивной деятельности мышления*.

Эмпирический и теоретический уровни отличаются *по методам получения знания*. К числу методов эмпирического уровня научного познания относятся такие исследовательские процедуры, как сравнение, измерение, наблюдение, эксперимент, описание. Специфику теоретического уровня научного познания ярче всего характеризуют методы идеализации, знакового моделирования, формализации, метод мысленного эксперимента, аксиоматический метод, гипотетико-дедуктивный метод, методы вычислительного эксперимента, восхождения от абстрактного к конкретному и др.

Существенным образом различаются и *результаты*, полученные в ходе эмпирического и теоретического исследования. К основным формам эмпирического знания относятся научные факты, эмпирические обобщения и закономерности. Высшими достижениями теоретического исследования являются научные теории.

Таким образом, эмпирический и теоретический уровни научного исследования связаны отношениями диалектического противоречия, что позволяет усмотреть в их взаимодействии один из самых продуктивных источников развития научного познания.

14.2. Метатеоретические основания науки

Во второй половине XX в. в философии науки началось активное обсуждение вопроса об основаниях и предпосылках научного познания. Это позволило существенно расширить представление о структуре научного знания и выделить в ней особый уровень, который стали называть **метатеоретическими основаниями науки**.

В качестве таких оснований сегодня рассматриваются различные формы ценностных и мировоззренческих структур, выполняющих различные

¹ Никифоров, А.Л. Философия науки: В.И. Ленин и Э. Мах / А.Л. Никифоров // Вопросы философии. М., 2010. № 1. С. 81.

функции в процессе формирования и развития теоретических знаний. Они не только задают научному познанию стратегические ориентации, но и во многом обеспечивают включение его результатов в культуру соответствующей исторической эпохи. Обычно в состав метатеоретических оснований науки включают: философские принципы и категории, общенаучные методологические регулятивы, научную картину мира, стиль научного мышления, концепты здравого смысла и др.

Нередко метатеоретические основания науки разделяют на *доконцептуальные* и *концептуальные*. Основания доконцептуального уровня составляют положения здравого смысла, образы продуктивного воображения, идеалы и этические нормы, в соответствии с которыми оценивается и интерпретируется научное знание. Как правило, они фиксируются в форме интуитивно-заданных, моральных и эмоционально значимых суждений и оценок. Концептуальный уровень метатеоретических предпосылок научного познания конституируется в формах логико-дискурсивных и вербально-понятийных структур, а также специально разработанных философско-мировоззренческих идей и концепций.

В течение последних десятилетий были предложены различные варианты и модели метатеоретических оснований науки. Так, Т. Кун считает, что роль метатеоретического основания играет «парадигма». И. Лакатос в таком статусе рассматривает «научно-исследовательскую программу», Л. Лаудан — «исследовательскую традицию», С. Тулмин — «когнитивную популяцию», Дж. Холтон — «глубинные тематические структуры», Я. Хинтикка — «концептуальную установку».

В отечественной методологической традиции большинство авторов выделяет в качестве базовых форм метатеоретического знания научную картину мира, стиль научного мышления, философские категории и принципы.

Весьма детальный и методологически обоснованный вариант решения этой проблемы предлагает В.С. Степин¹. В качестве базовых метатеоретических оснований науки он выделяет три блока предпосылочного знания:

- идеалы и нормы научного исследования;
- научную картину мира;
- философские основания науки.

Каждый из этих блоков обладает сложной структурой и играет определенную роль в динамике научного знания.

Цели научной деятельности и способы их реализации находят свое отражение в первую очередь в *идеалах и нормах исследования*. Поскольку наука представляет собой и познавательную деятельность и социальный институт, идеалы и нормы содержат в себе: 1) собственно познавательные установки; 2) социальные нормативы, которые регулируют научную ком-

¹ См.: *Степин, В.С.* Теоретическое знание /В.С. Степин. М., 2000. С. 185—292, 610—619.

муникацию и взаимодействие науки с обществом. К собственно познавательным установкам относятся разнообразные методологические и логические императивы и правила:

- правила доказательства и обоснования знания;
- правила объяснения и описания;
- правила построения и организации знания.

Идеалы и нормы исследования — это сложное многоуровневое образование.

Во-первых, они включают в себя установки, отражающие специфику самого научного познания. В таких установках представлена *ориентация науки на проникновение в сущность изучаемых объектов, на доказательство и обоснование* полученных знаний. Объективность, определенность, точность, доказательность являются не только методологическими, но и ценностными регулятивами, выступая в роли *внутренних аксиологических предпосылок* науки.

Во-вторых, в идеалах и нормах научного исследования зафиксированы не только принципиальные отличия научного познания от других видов познавательной деятельности, но и исторически изменчивые установки, определяющие отличительные особенности стиля мышления, характерного для определенного периода развития научного познания. *Стиль научного мышления* представляет собой исторически сложившуюся, устойчивую систему общепринятых методологических нормативов и философских принципов, которыми руководствуются исследователи в определенную историческую эпоху¹. Стиль научного мышления является *формой методологического знания*, поскольку он регулирует познавательную деятельность, предписывает исследователю определенные познавательные или практические действия с объектом, но не описывает сам объект. По отношению к конкретным проводимым исследованиям устоявшийся стиль мышления выступает в роли априорного предпосылочного знания.

По мнению российского философа Л.А. Микешиной, в пространстве науки стиль мышления выполняет четыре основные функции, реализуя через них свой конструктивный потенциал:

- «критическую, или функцию оценивания теоретических построений (гипотез) и методов получения, проверки и построения знания;
- селективную — функцию выбора гипотез (теорий), методов и категориального аппарата;
- вербальную — оформление фактуального и теоретического знания в конкретно-историческом языке науки;

¹ Микешина, Л.А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования /Л. А. Микешина. М., 2005. С. 345.

– предсказательную — определение возможных идей, направлений исследования, новых методов»¹.

Наряду с методологическими составляющими стиль научного мышления содержит в себе и мировоззренческие компоненты, что обуславливает гибкость его предписаний и отсутствие жесткой формализации. Роль мировоззренческих компонентов в формировании стиля мышления проанализировал М. Фуко в своей работе «Слова и вещи». Он искал ответ на вопрос, почему характеристика животных (в частности, змей), предложенная натуралистом XVI в. Альдрованди, так удивила естествоиспытателя XVIII в. Ж. де Бюффона. Характеристика, составленная Альдрованди, представляла собой «невообразимую смесь точных описаний, заимствованных цитат, небылиц, взятых без всякой критики, и замечаний, касающихся в равной степени анатомии, геральдики, зон обитания, мифологических характеристик какого-нибудь животного и применений, которые можно им найти в медицине или магии»². Причина возникшего удивления, считает М. Фуко, заключается в том, что взгляды этих мыслителей на вещи были организованы разными мировоззренческими системами. С точки зрения Альдрованди — мыслителя эпохи Возрождения, природа представляет собой совокупность знаков. Поэтому «познать животное, растение или какое-нибудь явление на Земле — значит собрать всю совокупность знаков, которые могут содержаться в них или быть отнесены к ним...»³. Для Бюффона познать — значит объяснить и обосновать, для Альдрованди познать — значит истолковать знаки. Таким образом, именно в стиле мышления фиксируется социально-культурная обусловленность идеалов и норм исследования, влияние на них социальных потребностей, а также мировоззренческих и культурных доминант, присущих определенной исторической эпохе.

Будучи синтетической формой знания, объединяя в себе философские и методологические принципы, стиль научного мышления не только упорядочивает, организует научное знание, но и способствует решению научных проблем.

Стиль мышления изменяется достаточно медленно, поэтому в науке одновременно могут существовать различные способы мыслительной деятельности. В процессе развития научного познания сформировались такие стили мышления, как *механистический*, *вероятностный*, *системно-структурный*, *кибернетический* и др. Изменение стиля мышления открывает возможность вовлекать в сферу научного поиска объекты принципиально новой природы.

В-третьих, идеалы и нормы исследования включают в себя компоненты, обусловленные спецификой предметной области и спецификой иссле-

¹ Мижешина, Л.А. Философия науки: Современная элистология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования. С. 347.

² Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. СПб., 1994. С. 75.

³ Там же. С. 76.

двух объектов. Так, идеалом для опытных наук является экспериментальная проверка теории, в то время как для математики такой идеал в принципе неприемлем в силу отсутствия в ее структуре эмпирического уровня.

Важным компонентом метатеоретического уровня является научная картина мира. *Научная картина* — это системное знание о мире, включающее в себя наиболее важные научные теории, гипотезы, факты. Она представляет собой особый тип теоретических построений. Научная картина может быть частнонаучной (специальной) или общей. Специальная картина исследуемой реальности, или *дисциплинарная онтология*, начинает формироваться как только конкретная наука приобретает статус самостоятельности. Дисциплинарные онтологии являются обобщенным образом предмета исследования. Они играют важную роль в развитии определенной научной дисциплины.

Картина исследуемой реальности — динамичное явление. Ее становление может осуществляться разными путями, например в процессе *взаимодействия конкурирующих теорий*. Так, механистическая картина мира формировалась в ходе конкуренции концепций Р. Декарта и И. Ньютона. Однако развертывание научной картины реальности может осуществляться и на основе *преэминентности*. Именно так происходило развитие Эйлером концептуальных идей Ньютона.

Радикальные изменения в определенной научной области не сразу ведут к изменению картины реальности. Новая картина первоначально может существовать как гипотеза наряду с устоявшейся дисциплинарной онтологией. Ее утверждение в науке в статусе доминирующей может осуществляться не только в процессе экспериментального подтверждения, но и благодаря появлению на ее основе новых теорий.

Научная картина мира выполняет ряд функций, к числу которых относятся следующие:

- интегративная, поскольку научная картина реальности является сложноорганизованной формой знания, полученной в результате синтеза различных теорий (фундаментальных и частных) и фактов. Ее интегративная функция проявляется также в способности транслировать фундаментальные принципы и идеи из одной науки в другую;
- нормативная, поскольку при обосновании теоретических схем их всегда соотносят с научной картиной как с образцом, что позволяет осуществить интерпретацию, «объективацию» теоретических законов. Благодаря этому становится понятно, какие процессы реальности описывает теория и какова их сущность. Научная картина реальности дает возможность теории приобрести заверченный вид, в свою очередь, теоретические законы позволяют уточнить картину мира;
- психологическая — обусловлена тем, что научная картина мира задает исследователю определенные ориентиры научного поиска. Она не толь-

ко обеспечивает целостное восприятие изучаемой реальности, но и выполняет функции исследовательской программы, определяет постановку задач эмпирического и теоретического исследования и выбор средств их решения, направляя таким образом дальнейшее развитие научного познания. Научная картина мира определяет способ видения наукой эмпирических и теоретических (идеализированных) объектов.

Дисциплинарные онтологии активно взаимодействуют, в результате чего формируется общая научная картина мира. Она представляет собой синтез знаний, полученных в разных научных областях, и содержит общие представления о мире, вырабатываемые на соответствующих стадиях исторического развития научного познания. Однако роль общенаучной картины мира может выполняться и одна из частнонаучных картин реальности, которая является господствующей в науке той или иной эпохи. В классическом естествознании такую роль выполняла физическая картина мира, разработанная в механике И. Ньютона. В неклассической науке общенаучная картина мира сложилась в результате синтеза физической и биологической картин мира на основе теории систем (системного метода). На этапе постнеклассической науки на роль общенаучной начинает претендовать картина мира, формирующаяся на базе концептуальных идей глобального эволюционизма.

Общенаучная картина мира включает ряд элементов:

- представления о фундаментальных объектах, на основе которых выстраиваются все другие объекты;
- типологию изучаемых объектов;
- общие закономерности изучаемых объектов;
- пространственно-временную структуру реальности¹.

Картина мира, как и любой другой познавательный образ, упрощает и схематизирует действительность. Она представляет собой предельно абстрактную матрицу, на основе которой не только объясняются те или иные явления и процессы, но и происходит формирование искусственных объектов.

Любая картина мира строится в соответствии с идеалами и нормами исследования, главным образом с нормами объяснения, в ней находят отражение и мировоззренческие установки, господствующие в культуре определенного периода. Однако изменение картины мира обусловлено прежде всего внутринаучными причинами.

Философские основания науки — фундаментальные идеи и принципы, обосновывающие идеалы и нормы исследования, а также онтологические постулаты научной картины мира, обеспечивающие включение научного знания в культуру. Философские основания науки — интерпретативное и интегративное знание. Наряду с функцией обоснования уже полученных

¹ *Степин, В.С.* Философия науки. Общие проблемы / В.С. Степин. М., 2006. С. 197—198.

знаний они выполняют и определенную эвристическую функцию. Фундируя перестройку нормативных структур и картин реальности, философские основания активно участвуют в *выработке новых научных знаний*. Будучи сложным системным образованием, философские основания науки не совпадают со всем массивом философского знания, накопленного человечеством. Их формирование предполагает обращение в каждом конкретном случае к наиболее плодотворным философским идеям и адаптацию их к потребностям решения определенных научных задач.

Философские основания науки — синтез философских и конкретно-научных идей, особый тип знания, которое строится на основе философских и научных категорий. Рассматривая философские основания науки, В.С. Степин выделяет в них две подсистемы: *онтологическую и эпистемологическую*. Онтологическая представлена системой категорий, которые являются основой познания и понимания *объекта*. К таким категориям относятся: «вещь», «свойство», «отношение», «процесс», «состояние», «причинность», «необходимость», «случайность», «пространство», «время» и др. Эпистемологическая подсистема представлена категориями, которые характеризуют *познавательные действия и их результат*. К числу таковых относятся: «истина», «метод», «знание», «объяснение», «доказательство», «теория», «факт» и др.¹

Обе подсистемы исторически изменчивы. Их развитие, с одной стороны, зависит от типа объектов, которые осваивает наука, с другой — от изменения норм исследования, необходимых для их изучения.

Являясь одним из уровней научного познания, метатеоретические основания в то же время обеспечивают связь науки с обществом и культурой. Они содержат в себе не только внутренние, но и *внешние аксиологические установки*. К таким установкам относятся практическая полезность, способность повышать интеллектуальный и образовательный уровень общества, повышение экономического и технического уровня развития, ускорение социального прогресса. Ценностный аспект указывает на смысл и задачи научного исследования, определяет его перспективу и оценивает степень применимости научных результатов.

14.3. Диалектика развивающейся науки. Природа и типы научных революций

Важнейшей особенностью научного знания является его динамика, т.е. изменение и развитие его формальных и содержательных характеристик в зависимости от временных и социокультурных условий производства и

¹ Степин, В.С. Философия науки. Общие проблемы. С. 206.

воспроизводства новой научной информации. Можно выделить различные векторы или направления развития знания. К ним относят содержательные и структурные изменения в знании, связанные с переходом от протонауки к собственно науке; изменения от незнания к знанию; от одной теории или картины мира к другой концептуально организованной системе знания; от проблемы к гипотезе и далее к научной теории и др.

Идея диалектической изменчивости знания была системно обоснована еще Гегелем, который считал, что истина есть процесс, а не готовый результат. Однако в рамках стандартной концепции науки, опирающейся на принципы неопозитивистской программы радикального редукционизма, научное знание рассматривалось, прежде всего, в аспекте анализа его логической структуры (без учета его роста и концептуальных изменений). Именно в неопозитивистской философии науки теоретически обосновывается идея кумулятивной природы динамики знания. Сторонники *кумулятивной теории научного прогресса* (Г. Спенсер, П. Дюгем, А. Пуанкаре и др.) считали, что развитие знания происходит посредством эволюционного и непрерывного накопления позитивной эмпирической информации и возрастания степеней общности достоверных теоретических моделей и концепций. Такое линейное понимание роста научных знаний абсолютизировало факт его постепенных количественных трансформаций и исключало моменты дискретности и радикального переосмысления научных теорий в процессе исторической динамики науки. Теория кумулятивности исходила из идеализированной предпосылки, согласно которой в науке в отличие от других формообразований культуры знание с течением времени не теряется и не подвергается радикальному отрицанию, а аккумулируется, обеспечивая непрерывные приращения существующего фонда совокупной научной информации.

Реальная практика научных исследований показала несостоятельность такого представления о научном прогрессе. К середине XX в. в связи с общим кризисом неопозитивистской философии науки доктрина кумулятивности становится объектом критического анализа и кардинального переосмысления. Проблема роста научных знаний приобретает статус одной из центральных для многих представителей западной эпистемологии. Особенно активно она разрабатывается в постпозитивистской философии науки и прежде всего в рамках так называемой генетической (или исторической) ее школы. К. Поппер, Т. Кун, И. Лакатос, П. Фейерабенд, С. Тулмин и многие другие философы и методологи науки предлагают такие интерпретации динамики науки, которые не сводятся к процессу непрерывной кумуляции положительного научного знания, а предполагают наличие в этом процессе этапов революционного пересмотра сложившихся теоретических представлений, радикальной смены метатеоретических оснований науки.

Проблема рациональной реконструкции динамики научного знания в очередной раз обострила дилемму логицизма и релятивизма в истолковании реальной истории науки. С одной стороны, в европейской гносеологической традиции, начиная с Евклида, утвердилось представление о науке как системе дедуктивно организованного истинного знания, которое не может быть подвергнуто радикальному переосмыслению, с другой — непредвзятый взгляд на те концептуальные изменения, которые произошли в естественных и гуманитарных науках в течение последних нескольких столетий, не может не убеждать в относительности и релятивности многих, в том числе и фундаментальных научных знаний. К середине XX в. в философии науки решительно утвердилась идея о том, что развитие научного знания должно рассматриваться как диалектическое единство его экстенсивных и интенсивных изменений. Эта идея обрела статус проблемы научных революций и впервые была системно рассмотрена и обоснована на материале истории физики в знаменитой книге Т. Куна «Структура научных революций» (1962).

В своей работе Т. Кун показал, что динамика науки — это многофакторный процесс, который обусловлен:

- изменениями внутри самой науки, в научном познании и знании (когнитивный аспект);
- влиянием культурных факторов;
- социально-психологическими причинами.

Научная революция, согласно Т. Куну, представляет собой смену парадигм, которые не соизмеримы друг с другом. Такое понимание революционной динамики науки актуализирует проблему *методологического релятивизма*. Подобная проблема просматривается и в так называемой анархистской эпистемологии П. Фейерабенда, поскольку он считает, что наука не обладает чертами объективно-истинного знания, а является обычным верованием и своеобразной формой мифологических представлений.

В связи с этими тенденциями в философии и методологии науки все более популярными становятся *антикумулятивные теории научной динамики*, изображающие развитие науки в виде перманентной борьбы и смены научных теорий, между которыми нет ни логической, ни содержательной связи и преемственности. Согласно доктрине антикумулятивизма, научный прогресс приводит к полной релятивизации картины мира и радикальной несоизмеримости исторически сменяющихся друг друга научных теорий.

Прогресс науки — это имманентно присущая ей тенденция концептуальных изменений, которая позволяет интерпретировать рост научного знания как направленное его развитие к более полным, точным и совершенным формам организации и функционирования науки. Можно выделить два содержательно-семантических аспекта проблемы научного прогресса.

Первый из них связан с *реконструкцией* и *объяснением генезиса нового знания*, которое продуцируется в актах научного открытия. Как правило, новое знание появляется в процессе разрешения возникших в старой теории проблем и противоречий посредством разработки и обоснования нетрадиционной эвристики. Несмотря на многочисленные попытки разработать адекватные рационально-логические механизмы такой эвристики и генерации нового знания, чаще всего они интерпретируются в терминах интуитивно-бессознательных и недискурсивных познавательных процедур. Иными словами, появление нового знания и связанный с ним общий прогресс науки оцениваются при таком подходе как компетенция психологи научного открытия.

Второй аспект анализа проблемы научного прогресса предполагает исследование *общей направленности* концептуальных изменений в науке, исследование ее исторической динамики с целью оценить основной вектор этой динамики в терминах прогрессивного, регрессивного или одноплоскостного развития.

Рассмотрим некоторые моменты проблемы научного прогресса во втором, историческом аспекте. Прежде всего дадим общее определение понятия «прогресс» как особой формы развития сложно организованных системных объектов: *прогресс* — это тип развития, для которого характерен переход от низшего к высшему, от менее совершенного к более совершенному, связанный с повышением уровня организации и сохранением эволюционных возможностей изменяющихся систем. Предложенная дефиниция позволяет сформулировать и обосновать системное представление о критериях прогресса. Можно выделить три критериальных параметра, интегральная совокупность которых позволяет с определенной долей полноты и репрезентативности оценить развитие как прогрессивное либо как не являющееся таковым:

1) структурный критерий, означающий повышение уровня целостности системы, ее интегральности; такое повышение может осуществляться как за счет усложнения, так и за счет упрощения структуры развивающейся системы;

2) функциональный критерий, который означает усложнение взаимосвязей системы со средой ее обитания и на этой основе повышение эффективности ее функционирования, степени ее адаптивности и относительной автономности;

3) ценностно-информационный критерий, означающий увеличение количества информации, перерабатываемой системой в единицу времени, а также увеличение количества накопленной информации, способствующей стабилизации и сохранению эволюционной пластичности системы.

Такое комплексное рассмотрение проблемы прогресса создает необходимые методологические предпосылки для корректной интерпретации научного прогресса. В рамках этой интерпретации следует различать два важнейших параметра научного прогресса:

1) рост научного знания с позиций его инструментально-объяснительных возможностей, которые могут трактоваться как увеличение проблеморазрешающей эффективности новой научной теории, как накопление объема полезной информации об исследуемой предметной области и т.д.;

2) эффективное использование нового научного знания в интересах стабилизации и гармоничного развития той социальной системы, в рамках которой осуществляется генерация этого нового знания.

Для того чтобы оценить новое научное знание в контексте указанных параметров прогрессивного развития науки (научной дисциплины, теории, картины мира и т.д.), необходимо осуществить процедуру его системной экспертизы. Она включает в себя ряд этапов, на каждом из которых оцениваются определенные характеристики нового знания и производится его сравнение с предшествующими концептуальными и когнитивными структурами. Такими этапами являются:

- инструментальная экспертиза, в рамках которой оценивается проблеморазрешающая эффективность новой теоретической системы, т.е. ее способность решать конкретные задачи и проблемы, не прибегая к помощи *ad hoc* гипотез и допущений;

- методологическая экспертиза, позволяющая оценить новую теорию на ее соответствие эталонам и нормам научного исследования, доминирующим в конкретном научном сообществе либо характерным для определенной научной дисциплины;

- социокультурная экспертиза, основной задачей которой является оценка нового знания в аспекте возможностей его успешного освоения в социальной деятельности и перспектив интеграции в конкретно-исторический тип культуры.

В развитии науки выделяют два относительно автономных этапа: эволюционный (экстенсивный) и революционный (интенсивный). В модели историко-научного процесса, обоснованной Т. Куном, они интерпретируются как фаза «нормальной науки и период научной революции».

Эволюционное развитие не предполагает радикального обновления существующего фонда теоретических знаний. На этом этапе, как правило, происходит расширение области приложения теорий, доминирующих в научной дисциплине, адаптация их к решению новых задач за счет их теоретического объяснения и ассимиляции в рамках принятой стратегии исследования.

Революционное развитие науки связано с существенным обновлением и модификацией ее концептуально-теоретического арсенала. В этот период происходит разрешение обострившихся противоречий между теорией и эмпирией. Ассимиляция в рамках старых теоретических представлений перманентно возрастающего объема эмпирических аномалий и контрпримеров не может продолжаться бесконечно, даже с учетом использования

новых ad hoc допущений и модификаций. Теория утрачивает свой объяснительный и предсказательный потенциал. Наступает стадия ее «сатурации», т.е. момент, когда она оказывается не в состоянии ассимилировать всевозрастающий поток эмпирической информации.

Научной революции обычно предшествуют следующие когнитивные и познавательные предпосылки:

- исчерпание эвристического потенциала наличных систем теоретического знания, т.е. невозможность на их основе осуществлять успешное описание, объяснение и предвидение исследуемых явлений;
- возрастающая сложность концептуального, логического и математического аппарата теоретической системы знаний за счет все более интенсивного использования ad hoc гипотез и искусственных модификаций структуры и языка теории;
- накопление эмпирических и теоретических аномалий, парадоксов и (или) противоречий, которые не позволяют использовать традиционные для данной теории алгоритмы постановки и решения возникающих задач и проблем.

Но этих предпосылок для реального осуществления научной революции еще недостаточно. Она начинается лишь тогда, когда формируется новая креативная идея, выполняющая функции концептуального ядра будущей теории, парадигмы или научной картины мира. Важно подчеркнуть, что наука в целом является строго рациональным предприятием. В ней не приветствуются релятивистские авантюры, а теории, утратившие свои эвристические возможности, перестают использоваться лишь тогда, когда сформулированы хотя бы основы новой теоретической системы. Эта методологическая норма научного познания выражена в известном принципе соответствия, который реализует требования рациональной преемственности старых и новых теорий в процессе исторической динамики науки.

В современной философии науки активно развивается идея, согласно которой период научной революции наступает тогда, когда происходит *перестройка исследовательских стратегий, задаваемых метатеоретическими основаниями науки*. Эти основания обеспечивают эволюционный рост знания до тех пор, пока базовые характеристики системной организации изучаемых объектов успешно ассимилируются в рамках существующей картины мира, а методы теоретического освоения объектов соответствуют тем методологическим нормативам, которые входят в структуру стиля научного мышления, доминирующего в данную эпоху.

По мере своего развития наука сталкивается с принципиально *новыми типами объектов*, которые не могут быть освоены в рамках существующей картины мира и соответствующих ей эталонов и норм научного исследования. Появление таких объектов может быть связано с совершенствованием средств и методов научного исследования (появление новых приборов, прие-

мов наблюдения, математических средств). Наличие новых типов объектов обуславливает необходимость перестройки существующих метатеоретических оснований науки с целью обеспечения интенсивного роста знания. В зависимости от того, какие конкретно основания науки подвергаются трансформации и изменениям, выделяют различные типы научных революций.

Среди существующих типологий научных революций представим типологии В.В. Казютинского и В.С. Степина. Первая предполагает вычленение трех типов научных революций:

- 1) мини-революции, которые относятся к отдельным разделам или отраслям знаний в рамках конкретной научной дисциплины;
- 2) локальные революции, имеющие место, когда концептуальные изменения происходят в рамках научной дисциплины в целом;
- 3) глобальные революции, радикально трансформирующие существующие представления о предметных и методологических основах науки и приводящие к становлению нового видения мира.

Вторая также выделяет три типа:

- 1) внутридисциплинарные;
- 2) революции, основанные на междисциплинарных взаимодействиях;
- 3) глобальные.

Внутридисциплинарные революции означают радикальные трансформации в рамках конкретной научной дисциплины. Так, изменение дисциплинарной онтологии физики, появление механистической, электромагнитной и квантово-релятивистской картин реальности свидетельствуют о революционной динамике физической науки.

В подготовке *междисциплинарных революций* важную роль играют «парадигмальные прививки», т.е. перенос парадигмальных установок из одной научной сферы в другую. На этапе классической науки этот процесс происходил на основе идей, принципов и познавательных регулятивов механики. Так, Ж.Б. Ламарк при объяснении биологических процессов руководствовался появившимися в XVIII в. представлениями о существовании «невесомых» носителей сил различной природы. Он считал, что именно они обеспечивают процессы жизнедеятельности, обуславливают изменения в строении организмов и являются причиной биологической эволюции.

В 50—60-е гг. XX в. благодаря трансляции идей кибернетики в биологию И.И. Шмальгаузен создал теорию биологической эволюции как саморегулирующегося процесса. А парадигмальная экспансия идей кибернетики и теории систем в физику завершилась созданием синергетики и термодинамики неравновесных систем.

Наличие «парадигмальных прививок» характерно и для развития социально-гуманитарного знания. Так, использование математических методов в языкознании позволило расширить понимание объекта лингвистики, так как их применение потребовало изучения не только языка, но и

мыслительной, речевой и коммуникативной деятельности. «Математизация» лингвистики открыла также возможность моделирования языковых процессов с помощью технических систем.

Особый интерес представляют *глобальные революции*, поскольку они ведут к изменению сложившихся типов научной рациональности и формированию новых исследовательских стратегий в научном познании. В истории науки, по мнению В.С. Степина, можно выделить четыре таких революции, сопровождающихся сменой типа научной рациональности и изменением социальной роли и социального статуса самой науки¹. Первая охватывает период XVII—первую половину XVIII в. и знаменует собой становление классического естествознания. Вторая разворачивается в конце XVIII—первой половине XIX в. и демонстрирует переход естествознания в дисциплинарно организованную науку. В конце XIX—середине XX в. глобальные изменения в научной сфере привели к формированию и последующему развитию неклассической науки. Начиная с последней трети XX в. происходит четвертая научная революция, влекущая за собой становление постнеклассической науки с присущими ей отличительными особенностями научной рациональности, включающей гуманистические ориентиры в стратегии научного поиска.

В период научных революций важную роль играют мировоззренческие доминанты, господствующие в культуре, поскольку именно в соответствии с ними определяется основной вектор развития науки.

ГЛАВА 15. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

15.1. Специфика философско-методологического анализа науки. Понятие метода и методологии

Пристальный интерес к закономерностям, структуре и методам научного познания впервые отчетливо продемонстрировала новоевропейская философия. Не случайно одна из работ Р. Декарта носит название «Рассуждения о методе». Согласно Декарту, метод представляет собой правила, соблюдение которых дает возможность отличить истинное знание от ложного. Однако обособление методологии науки и обретение ею самостоятельного статуса происходит только в 50—60-е г. XX в.

Методология науки является метанаучным знанием философского характера, формой самосознания науки. *Методология научного познания* — это учение о принципах построения, формах и способах научно-поз-

¹ *Степин, В.С.* Философия науки. Общие проблемы /В.С. Степин. М., 2006. С. 315—328.

навательной деятельности. *Предметом методологии науки* является внутреннее строение научно-исследовательской деятельности, рассматриваемой как со стороны ее содержания, так и организации. С *содержательной точки зрения* методология представляет собой совокупность знаний о том, как организовать научную деятельность (научное исследование) так, чтобы получить новое истинное знание, как оформить его и сделать доступным другим исследователям и обществу в целом.

Если рассматривать научное знание с точки зрения выполняемых им функций в структуре науки, то условно его можно разделить на следующие группы:

- знание о мире, которое указывает на то, *что* познается; такое знание называют *объектным*;
- знание, которое одновременно является знанием о мире и о том, *как* это знание следует получать;
- нормативное методологическое знание, представляющее собой предписания и нормы, в которых фиксируются *содержание и последовательность* определенных видов деятельности.

По отношению к конкретному знанию методологическую функцию может выполнить только научное знание, имеющее более высокий уровень абстрактности. Например, микробиология рассматривает знание о видах, структурной организации и функциях молекул живого как знание о мире. В то же время по отношению к медицинской науке данное знание выполняет методологическую функцию, определяя постановку и решение проблемы борьбы с различными заболеваниями. По существу, любая теория может выполнять методологическую функцию за пределами своей предметной области. А научное знание в целом является методологией по отношению к практике.

Современная наука представляет собой сложное системное образование, содержательное развертывание которого происходит под влиянием многих факторов, в том числе и в силу действия различных методов, образующих в своей совокупности *методологический инструментарий науки*. Многоуровневая организация науки является теоретико-методологическим основанием для построения концепции многоуровневости методологического знания. В рамках данной концепции может быть предложена следующая структура методологии.

Философская методология рассматривает общие принципы познания и организацию науки в целом. По отношению к науке методологическую функцию выполняет все философское знание. Оно выступает в форме предпосылок и ориентиров, заданных в форме мировоззренческих оснований и «философской картины мира». Вследствие этого философские методы являются стратегическими, регулирующими процесс познания в целом.

Но они не подменяют и не исключают общенаучные и конкретно-научные методы. К философским методам относятся: диалектический, метафизический, аналитический, феноменологический, герменевтический и др.

Методологическая роль философии по отношению к науке реализуется в двух направлениях: 1) конструктивная критика имеющегося научного знания, установление его адекватности выбранным методологическим основаниям и тенденциям развития науки, оценка научного знания с точки зрения условий и границ применения; 2) мировоззренческая интерпретация научного знания и научных открытий, благодаря чему достижения науки закрепляются в культурной матрице общества.

Общенаучная методология — это учение о принципах, методах и формах знания, функционирующих во многих науках. Общенаучными методами являются эксперимент, идеализация, аксиоматический, гипотетико-дедуктивный и др.

Конкретно-научная методология — совокупность методов, приемов исследования и процедур, применяемых в конкретной научной дисциплине (например, в биохимии — это метод меченых атомов, в социологии — анкетирование, в химии — количественный анализ, в физике — спектральный анализ и т.д.).

Методика и техника научного исследования представляет собой набор процедур, обеспечивающих получение достоверного эмпирического материала и его первичную обработку. Благодаря такой обработке эмпирический материал может быть включен в массив научного знания. Знание методики и техники носит строго нормативный характер и жестко регламентирует научную деятельность.

Методология научного познания, как философское учение о системе *апробированных* принципов, норм и методов научно-познавательной деятельности, о формах, структуре и принципах научного знания, выполняет *ряд функций*:

- выявляет, описывает и анализирует движущие силы, предпосылки, основания, закономерности функционирования и роста научного знания и познавательной деятельности;
- организует проектно-конструктивную деятельность, осуществляет ее анализ и критику;
- изучает происхождение, сущность, эффективность и границы применимости методов познания.

В центре внимания методологии науки находится метод познания. Философия рассматривает его с *гносеологических позиций*, определяет его познавательные возможности, границы и перспективы развития, в минимальной степени занимаясь технической стороной дела. *Метод познания* — это искусственно созданная, не существующая в природе совокупность правил и операций, которые обусловлены свойствами системы «субъект — объект».

Поскольку метод является объективно-субъективным образованием, его разработка невозможна без знания закономерностей научно-познавательной деятельности и познавательных возможностей субъекта, с одной стороны, а также без учета особенностей осваиваемых объектов, их характеристик и связей — с другой. Метод представляет собой *знание*, которое отвечает на вопрос: какие практические или интеллектуальные действия нужно осуществить, чтобы получить адекватную информацию об объекте в соответствии с целями и задачами исследования, а также с учетом специфики изучаемого объекта. Он является системой регулятивных принципов и правил познавательной деятельности, выработанных субъектом *на основе изучения объекта*. Применительно к науке это означает, что ее методы складываются в процессе рефлексии над уже полученными теоретическими результатами в определенной предметной области исследования. Дело в том, что любая теория содержит в себе не только информацию об объекте исследования, но и *схему деятельности*, благодаря которой это знание было получено. Вычленение из теоретических знаний такой схемы, позволяет, с одной стороны, осуществить процедурное развертывание метода, а с другой — «свернуть» до уровня метода саму теорию. Выделенная из теоретического знания система принципов и регулятивов (вплоть до отдельных операций) способна направлять научный поиск и обеспечивать дальнейшее развитие науки.

Правильно выбранные методы позволяют открыть истину, воспроизвести сущность (внутреннюю логику) и динамику исследуемого предмета, а также достичь результата кратчайшим путем. Адекватный выбор невозможен без оценки *гносеологических возможностей* метода, определения границ его применимости и выполняемых функций. К числу последних относятся функции построения, проверки и приращения знания.

Каждая научная дисциплина вырабатывает свои специфические приемы и методы исследования. Однако в исследовательской практике имеют место методы, которые используются в разных научных отраслях. Именно такие *общенаучные методы* представляют первоочередной интерес для философии науки и рассматриваются ею в качестве важнейшей составляющей методологического арсенала научного познания.

Метод познания — не догма, а открытая система, которая изменяется вместе с развитием теоретического знания, совершенствованием технических средств, а также в зависимости от поставленных исследователями целей и задач. Так, в процессе генезиса математизированного экспериментального естествознания в XVII—XVIII вв. произошло становление основополагающих методов эмпирического и теоретического исследования. Развитие научного знания на последующих этапах его эволюции существенно обогатило методологический инструментарий, стремительное обновление которого особенно интенсивно происходит в условиях современной

информационно-компьютерной революции и формирования постнеклассической науки. Однако справедливо и обратное утверждение, что динамика науки во многом обусловлена развитием методологии. Возрастание роли методологии при решении проблемы роста и развития специализированного знания — характерная черта современной науки. Это связано с усложнением научного познания и включением в этот процесс все новых объектов.

Анализ методологии в соответствии с этапами развития науки позволяет выявить некоторые *доминирующие тенденции* в ее динамике. Так, на классическом этапе развития науки осуществлялся поиск *универсальных методов научного познания*, а в качестве единственной общенаучной универсальной методологии были признаны теоретические положения механики И. Ньютона. В рамках неклассической науки преобладала тенденция *дифференциации методов и методологии* в соответствии с дисциплинарной организацией науки. Постнеклассическая наука, с одной стороны, демонстрирует методологический плюрализм, с другой — ориентирует исследователей на развитие и использование междисциплинарных методологий и междисциплинарных исследовательских программ, способных обеспечить синтез всего накопленного наукой знания с целью построения единой научной картины мира. На роль такой методологии сегодня претендуют синергетика и глобальный эволюционизм. *Методологический плюрализм* как характерная черта современной науки означает, что при решении одной и той же исследовательской задачи существует множество различных равноправных, независимых друг от друга методологий, поэтому не следует отказываться от концепций, не выдержавших конкуренции, а нужно улучшать их. Чем больше методологий, тем больше у науки возможностей для развития.

Проблемы организации, сознательного контроля и регулирования научной деятельности находятся в центре внимания не только методологии, но и такой дисциплины, как *логика научного познания*. В круг ее задач входят выявление и формулировка правил вывода одних знаний из других, разработка логических норм доказательства, а также оформление правил определения понятий. В настоящее время разработка всех этих проблем осуществляется не только на базе основных принципов и идей формальной логики, но и на основе использования аппарата современной математической логики.

15.2. Научное исследование в методологическом осмыслении

Научное исследование — процесс творческий, но это не означает, что данный процесс лишен внутренней логики и определенной структурной организации. Именно *внутреннее строение* научно-исследова-

тельской деятельности в первую очередь интересует методологию науки. Рассмотрение научной деятельности с методологической точки зрения позволяет выделить в научном исследовании следующие основные компоненты:

- объект исследования;
- предмет анализа;
- цели, задачи исследования (проблемы);
- исследовательские средства;
- представления о последовательности познавательных действий исследователя в процессе решения им исследовательской задачи¹.

По существу, методология — это схема, план реализации поставленной научно-исследовательской цели. Обратимся к более детальному анализу структурной организации научной деятельности.

Одним из ее компонентов является объект исследования. В методологическом смысле объект исследования означает не просто внешнюю реальность, а реальность, которая специально очерчена и выделена в границах той или иной научной дисциплины. *Объект* — это то, что изучает данная наука, научная дисциплина или то, что предстоит изучить в рамках конкретного научного исследования.

Поскольку исследуемый объект имеет множество свойств, связей, отношений, он может изучаться различными науками. Например, живой организм является объектом изучения многих научных дисциплин, однако анатомия изучает его строение, физиология — функционирование органов, медицина — болезни и т.д. Это же характерно и для конкретного исследования, где рассматриваются не все характеристики объекта, а только те из них, изучение которых соответствует поставленной цели и задачам. *Наиболее существенные* с точки зрения определенной науки или определенного исследования свойства, качества, связи объекта называются *предметом*.

Предмет научного исследования выбирается не произвольно, он определяется, формулируется в соответствии с проблемными ситуациями и проблемами, которые имеются в соответствующей отрасли науки. Не случайно большинство методологов считает, что любое исследование начинается с *проблемной ситуации* и *постановки проблемы*. «Проблемная ситуация — это объективное состояние рассогласования и противоречивости научного знания, возникающее в результате его неполноты и ограниченности»². Она свидетельствует о наличии противоречий внутри научного знания. Существуют различные типы проблемных ситуаций. Они могут включать:

¹ Юдин, Б.Г. Методология науки. Системность. Деятельность / Б.Г. Юдин. М., 1997. С. 56.

² Микешина, Л.А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования / Л.А. Микешина. М., 2005. С. 259.

- расхождение теорий с экспериментальными данными. Например, в конце XIX — начале XX в. при изучении элементарных частиц было обнаружено противоречие экспериментальных данных и теоретических положений механики И. Ньютона, что привело к созданию квантовой механики;

- конфронтацию теорий, относящихся к одной предметной области. Например, при изучении электромагнитных сил и взаимодействий возникла ситуация противостояния теории дальнего действия А. Ампера и теории ближнего действия Дж. Максвелла;

- столкновение парадигм, исследовательских программ, стилей научного мышления, что приводит к научным революциям¹.

Проблемная ситуация, зафиксированная с помощью системы высказываний, называется *проблемой*. Проблема задается вопросом, ответ на который отсутствует в наличном научном знании. Именно проблема позволяет выбрать в качестве предмета изучения те или иные факты, сформулировать тему исследования и обосновать ее актуальность.

В соответствии с предметом исследования формулируются *цели и задачи* последующей познавательной деятельности. Цель ориентирует ученого на решение определенной проблемы (теоретической или практической). Задачи представляют собой вопросы, на которые должны быть получены ответы, позволяющие реализовать цель исследования. Наличие предмета, цели и задач исследования позволяет сформулировать *гипотезу* — предположение о свойствах, принципах, структуре, связях изучаемого объекта (объектов). Таких предположений может быть несколько, и тогда встает проблема выбора наиболее перспективного из них. Оценка гипотезы чаще всего проводится по следующим параметрам:

- степень ее согласованности с известными теориями и фактами;
- способность объяснить как можно больше накопленных фактов;
- степень простоты объяснения;
- количество предпосылок, не требующих доказательства;
- коэффициент эвристичности — способности предсказывать новые явления.

Как только гипотеза сформулирована, она начинает направлять наше познание на выбор *средств и методов исследования*. При этом учитывается, на каком уровне — эмпирическом или теоретическом — будут решаться исследовательские задачи. Методы научного познания имеют сложную взаимосвязь, которая не сводится к отношениям линейной зависимости, когда более сложный метод включает в себя более простые исследовательские процедуры. В реальной практике научного поиска методы познания

¹Микешина, Л.А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования / Л.А. Микешина. С. 259—260.

применяются в совокупности, определяя стратегию решения поставленных задач. При этом выбранные методы должны согласовываться и не противоречить друг другу. Чтобы выявить эвристический потенциал научных методов, необходимо знать характеристику каждого из них. Методы, используемые в науке, можно разделить на следующие группы:

- общелогические методы;
- методы эмпирического исследования;
- методы теоретического исследования.

Важную роль в научном поиске играют **общелогические методы** познания, которые функционируют на всех уровнях научного исследования. К таким методам относятся процедуры анализа и синтеза, индукции и дедукции, абстрагирования и обобщения, аналогии и моделирования.

Наиболее универсальными и относительно простыми приемами, характерными для всех уровней и форм познания, являются анализ и синтез.

Анализ — метод исследования, состоящий в мысленном расчленении целого сложного явления на его составные, более простые элементарные части с целью их всестороннего изучения. *Синтез* — метод познания, состоящий в соединении, воспроизведении связей проанализированных частей, элементов, сторон, компонентов сложного явления, что обеспечивает постижение целого. Использование этих познавательных операций позволяет получить глубокое знание внутренней природы познаваемых объектов.

Познание как процесс представляет собой переход от имеющегося знания к знанию новому. Подобный переход обеспечивается такими методами, как индукция и дедукция.

Индукция — процедура перехода от знания частных фактов к знанию общего. В суждениях о единичных объектах и явлениях, на основе которых строится индуктивное умозаключение, указывается повторяющийся признак. Далее определяется класс, куда данные явления и объекты входят. В качестве вывода получают суждение, в котором выявленный признак распространяется на весь класс.

Дедукция демонстрирует противоположное движение мысли. *Дедукция* — это способ рассуждения, в ходе которого из общих посылок с необходимостью следует вывод частного характера. Так, если в качестве одной из посылок выступает общее суждение, что все планеты Солнечной системы движутся по эллипсу, а также установлено, что Земля — планета указанной системы, то необходимым становится вывод, что Земля также движется по эллипсу.

Дедукция может обладать значительным эвристическим потенциалом, если в качестве общей посылки выступает какая-либо новая научная идея. Выводы из такой общей посылки могут стать ориентирами для дальнейшего эмпирического исследования и последующих индуктивных обобщений.

Процесс познания невозможен без абстрагирования. *Абстрагирование* — это особый прием мышления, который предполагает отвлечение от ряда свойств и отношений изучаемого явления с одновременным выделением интересующих нас свойств и связей. В рамках научного исследования абстрагирование представляет собой процедуру отвлечения от свойств и отношений, которые не являются значимыми для данного исследования, с одновременным выделением свойств и отношений, изучение которых необходимо для реализации цели и решения исследовательских задач. В результате абстрагирующей деятельности мышления появляются как отдельные понятия и категории, так и их системы.

В процессе абстрагирования может выясниться, что некоторые свойства или отношения присущи не одному, а ряду объектов. Такие свойства и отношения становятся основой для объединения объектов в некоторый единый класс. Прием мышления, благодаря которому происходит объединение объектов на основе имеющихся у них общих признаков, свойств или функций, называется *обобщением*.

Важную роль в процессе познания играет моделирование, особенно в тех случаях, когда прямое изучение объекта невозможно по этическим, техническим, экономическим или иным причинам. *Моделирование* является процедурой изучения объекта путем построения и исследования его модели. *Модель* — это реально существующая или мысленно представляемая система, которая, замещая в познавательном процессе другую систему (оригинал), находится с ней в отношениях сходства. Модели, используемые в познавательном процессе, могут быть материальными или идеальными. Первые в своем функционировании подчиняются естественным законам. Вторые являются идеальными образованиями, выраженными в знаково-символической форме и функционирующими по законам логики.

В современной науке, а также в различных сферах практической деятельности широко применяется *компьютерное моделирование*. Компьютер на основе специально разработанных программ способен моделировать самые разнообразные реальные объекты и процессы. Это позволяет существенным образом сократить материальные затраты на проведение исследования.

В процессе моделирования возникает необходимость обоснования отношения подобия между моделью и исследуемым объектом, поскольку они, как правило, принадлежат различным предметным областям. Например, исследуемый объект является живой системой, а его модель представляет собой технический комплекс. Решить возникшую проблему помогает метод экстраполяции. *Экстраполяция* — это процедура переноса знаний с одной предметной области на другую на основании некоторого выявленного между ними отношения.

Одним из общелогических методов является аналогия. *Аналогия* представляет собой особый вид умозаключения, когда на основе сходства двух объектов по каким-то одним параметрам делается вывод об их сходстве и по другим параметрам. Например, в процессе изучения звука было установлено, что в силу своей волновой природы он обладает такими свойствами, как дифракция и интерференция. Впоследствии эти свойства были обнаружены у света, на основании чего Х. Гюйгенс сделал вывод, что свет, как и звук, имеет волновую природу. Знание, полученное на основе использования аналогии, носит вероятностный характер.

Методы эмпирического исследования, условно можно разделить на две группы:

- 1) методы вычленения и исследования эмпирического объекта;
- 2) методы обработки и систематизации эмпирических знаний.

Вычленение и формирование эмпирического объекта исследования начинается в процессе научного наблюдения. *Научное наблюдение* — это целенаправленное, организованное, систематическое восприятие явлений внешнего мира, подлежащих изучению, в результате которого формируется *знание о внешних свойствах*, связях и отношениях исследуемой реальности. Наблюдение носит не созерцательный, а активный, деятельностный характер. Оно тесно связано с *теоретическим знанием*, которое определяет объект, предмет и цель наблюдения, а также способ его реализации.

Научное наблюдение имеет свою специфику:

- носит организованный характер;
- является систематическим;
- использует специальные средства;
- опирается на развитую теорию или отдельные теоретические положения;
- служит решению теоретической задачи, постановке новых проблем,

выдвижению новых гипотез или проверке существующих.

Научное наблюдение предполагает использование особых средств. К ним в первую очередь относятся приборы, разработка и изготовление которых также невозможны без использования теоретических научных знаний. Средства и инструменты наблюдения, применяемые в современной исследовательской практике, демонстрируют огромные возможности науки в расширении области объектов, доступных эмпирическому познанию. Так, благодаря микроскопу, сначала оптическому, изобретенному в XVII в., а затем электронному, созданному уже в XX в., исследователям стал доступен удивительный мир микрообъектов и микроявлений.

В современной науке большую роль играют *косвенные наблюдения*, когда изучаются не сами объекты, а результаты их воздействия на технические системы. Например, при исследовании свойств заряженных частиц с помощью камеры Вильсона частицы воспринимаются косвенно в виде треков (следов), представляющих собой мельчайшие капельки жидкости.

Результаты наблюдения носят не субъективный, а интерсубъективный характер, поскольку при повторении условий они могут быть получены другими исследователями.

И все же наблюдение ограничивает активность исследователя. Преодолеть эту ограниченность позволяет эксперимент, являющийся наиболее сложным и эффективным методом эмпирического исследования. *Эксперимент* — это процедура (метод) изучения объектов путем активного воздействия на них с помощью приборов и других экспериментальных средств. Эксперимент представляет собой одну из форм практики, где сочетается взаимодействие объектов по естественным законам и искусственно организованное человеком действие. Эксперимент позволяет осуществить следующие операции:

- вычленить объект или предмет исследования;
- осуществить эмпирическую интерпретацию исходных теоретических положений;
- комбинировать, менять условия с целью получения результата, т.е. целенаправленно воздействовать на объект;
- многократно воспроизводить ход изучаемого процесса, что позволяет устранять пробелы в информации.

Рассматривая воспроизводимость как одну из черт эксперимента, философия отмечает, что постнеклассическая наука устанавливает для этой характеристики определенные границы. Дело в том, что развивающиеся системы (а именно на их изучение ориентирована современная наука) не всегда могут воспроизводиться в одном и том же начальном состоянии.

Эксперимент представляет собой форму целенаправленного и теоретически детерминированного изменения хода естественных явлений и процессов с целью получения знаний о них в «чистом виде». В рамках искусственно смоделированной познавательной ситуации становится возможным получить знания об интересующих исследователя свойствах и отношении изучаемых объектов без деформирующего влияния на них случайных и побочных факторов.

На разных этапах развития науки роль эксперимента и его возможности оценивались по-разному. В классической науке эксперимент строился на признании *однозначной связи причины и следствия*. Такая модель причинно-следственных отношений получила название «лапласовский детерминизм». Зная начальное состояние объекта в некоторых постоянных условиях, можно предвидеть его однозначное поведение в будущем. Современная наука изучает сложные системы, функционирование которых обусловлено множеством факторов. Результаты эксперимента с такими объектами носят *вероятностно-детерминированный характер*, но это не означает, что в современном научном познании эксперимент утрачивает свою ценность, наоборот, он приобретает все большую значимость.

Особенно ярко это проявляется при изучении мега- и микромира. Важную роль при этом играют современные экспериментальные установки и входящие в них сложные приборные комплексы. Именно с их помощью удастся выявить объект исследования, сделать его точкой приложения исследовательских усилий и зафиксировать важнейшие параметры изучаемой предметной области.

Традиционно эксперимент относят к методам эмпирического исследования. Однако он имеет отношение и к эмпирическому, и к теоретическому уровням научного познания, поскольку выполняет следующие функции:

- обеспечивает накопление фактов с целью формирования эмпирического базиса науки;
- является критерием относительной истинности теоретических положений и гипотез.

В соответствии с этими функциями различают *исследовательские и проверочные* эксперименты. Исследовательские эксперименты дают возможность обнаружить у объекта новые, неизвестные ранее свойства. Проверочный эксперимент позволяет осуществить проверку теоретических построений, например, существование таких элементарных частиц, как нейтрино или позитрон, сначала было предсказано теоретически и лишь впоследствии было подтверждено экспериментально. Важную роль в современной науке играют также мысленный, вычислительный, модельный и другие виды эксперимента.

По мере накопления эмпирических знаний возникает необходимость сравнивать объекты по каким-либо параметрам. Одним из вариантов сравнения является измерение. *Измерение* — это процедура установления числового соотношения между свойствами объектов. Выявление количественных параметров изучаемых объектов, их свойств и отношений предполагает, с одной стороны, введение эталонов, систем и единиц измерения, а с другой — позволяет использовать математические средства, более точно эксплицировать (объяснять) научные факты и представлять эмпирические зависимости в виде математических выражений, требующих дальнейшего теоретического анализа.

Закрепление результатов эмпирического исследования и их трансляция в процессе научной коммуникации осуществляются с помощью описания. *Научное описание* представляет собой фиксацию разнообразных сведений, полученных в ходе наблюдения, эксперимента или измерения, с помощью искусственных языков науки. По мере развития науки меняется характер данной процедуры. Она приобретает все большую строгость, все чаще выступает в виде количественного описания с помощью таблиц, графиков, матриц, протоколов наблюдения, представляющих собой результаты различных измерительных действий.

Полученное фактуальное знание (знание фактов) должно быть не только описано, но и упорядочено, что удается осуществлять с помощью систематизации и классификации. *Систематизация* — это процедура объединения фактов в некоторую систему на основе выбранного критерия. *Классификация* предполагает разбивку на классы в соответствии с выбранными критериями. Результатом использования данных процедур являются *эмпирическая гипотеза* и *эмпирический закон*. Эмпирическая гипотеза имеет следующие специфические черты:

- является вероятностным знанием;
- носит описательный, а не объяснительный характер;
- содержит предположение о том, как ведет себя объект, но не объясняет закономерности и механизмы такого поведения;
- содержит предположение о характере эмпирических зависимостей.

Эмпирический закон фиксирует количественные и иные зависимости, установленные опытным путем, при сравнении фактов наблюдения и эксперимента. Это наиболее развитая форма эмпирического знания.

На теоретическом уровне научного познания функционируют свои методы, соответствующие его специфике. Теоретический уровень науки — это уровень, на котором в логической форме сформулированы законы, фиксирующие всеобщие и необходимые связи объективного мира, а также даны выводы и вытекающие из теоретических посылок следствия. Теоретическое исследование обеспечивает объяснение причин выявленных научных фактов и эмпирических закономерностей.

Методы познания теоретического уровня в зависимости от выполняемых ими функций можно разделить на две группы:

1) методы познания, с помощью которых создается и анализируется идеализированный объект;

2) методы построения и оправдания теоретического знания¹.

К основным методам построения и исследования идеализированных объектов относятся следующие:

- идеализация;
- мысленный эксперимент;
- формализация;
- математическое моделирование.

Особое место среди методов теоретического исследования принадлежит идеализации.

Идеализация — это метод мысленного конструирования особого абстрактного объекта, в котором то или иное свойство, состояние изучаемой реальности представлены в предельном, наиболее выраженном виде. Благо-

¹ Микешина, Л.А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования / Л.А. Микешина. С. 299.

даря использованию этого метода возникают *теоретические объекты* (теоретические конструкты, или идеализированные объекты) такие как точка, идеальный газ, а также частные или фундаментальные теоретические схемы. Идеализация представляет собой разновидность процедуры абстрагирования, конкретизированной с учетом потребностей теоретического исследования. Полученные в ходе идеализации абстрактные объекты носят название теоретических конструктов.

Формирование идеализаций может осуществляться разными путями:

- путем последовательно осуществляемого многоступенчатого абстрагирования. Таким способом создаются абстрактные объекты математики — геометрическая точка, прямая, плоскость и др.;

- посредством вычленения и представления в предельной форме некоторого свойства изучаемого объекта в отрыве от всех других свойств. Например, если зафиксировать такое свойство физических тел, как способность поглощать электромагнитное излучение, то можем получить идеализированный объект «абсолютно черное тело» — тело, которое при любой температуре полностью поглощает падающее на него электромагнитное излучение любой длины волны. Подобным образом сконструированы идеализированные объекты в химии («идеальные растворы»), геоботанике («идеальный континент») и в других отраслях науки;

- через рассмотрение отдельных свойств и характеристик объекта в режиме предельного перехода, в результате чего получаются, например, такие абстрактные объекты, как «абсолютно твердое тело», «несжимаемая жидкость» и т.д.

Связанные между собой идеализированные объекты образуют *теоретическую модель*, лежащую в основе любой теории. Такие теоретические модели (теоретические схемы) формируются благодаря *мысленному эксперименту*, в ходе которого создаются такие *комбинации конструктов*, которые не могут быть воспроизведены в реальной действительности. Мысленный эксперимент позволяет ввести в контекст научной теории новые понятия, сформулировать основополагающие принципы научной концепции, осуществить содержательную интерпретацию математического аппарата научной теории. Именно поэтому он знаменует собой один из магистральных путей построения теоретического научного знания, а сфера его применения неуклонно расширяется.

Строгость и логическая выверенность частных и фундаментальных схем в структуре научной теории дает возможность оперировать со знаками и формулами, т.е. использовать метод формализации.

Формализация является методом изучения объектов путем отображения знания о них в знаково-символической форме (с помощью искусственного языка). В процессе формализации размышления об объекте заменяются оперированием со знаками; при этом акцент делается не на содержательной характеристике объектов, а на способе связи либо объектов, либо эле-

ментов внутри объекта. Одним из несомненных достоинств метода формализации является то, что он помогает выработать *общий подход к исследованию целого класса объектов*, которые, несмотря на содержательные различия, существующие между ними, имеют сходные структурные характеристики. Благодаря этому методу новое знание можно получить буквально «на кончике пера» без непосредственного соотнесения всех проведенных мыслительных операций с реальными процессами в исследуемой предметной области. Формализация дает возможность ограничить влияние логики здравого смысла и сложившихся стереотипов научного исследования и тем самым облегчает генерацию оригинальных научных идей. Однако у формализации есть свои границы. Хорошо формализуются только те теории, которые имеют простую логическую структуру и небольшой набор понятий. Сложные теории всегда содержат в себе некоторый «неформализованный остаток».

Метод формализации открывает возможность использования более сложных методов теоретического исследования, например *математического моделирования*, широкое применение которого началось в конце 40-х гг. XX в. Математическое моделирование позволяет формулировать *математические гипотезы* — предположения о возможном варианте решения проблемы, выраженные средствами математики (в виде математических расчетов, формул и т.д.).

Теоретический уровень исследования предполагает не только формирование теоретического (идеализированного, абстрактного) объекта, но и обнаружение закономерностей, которым этот абстрактный объект подчиняется, в соответствии с которыми он функционирует, что предусматривает построение и обоснование теоретического знания. К методам, обеспечивающим развертывание теоретических построений, относятся:

- аксиоматический;
- гипотетико-дедуктивный;
- конструктивно-генетический;
- исторический и др.

Важную роль в построении теоретического знания играет *аксиоматический метод*, который широко применяется не только в математике, но и в тех естественнонаучных дисциплинах, где широко используется метод формализации (например, в физике).

При аксиоматическом построении научного знания изначально задается набор независимых аксиом, или постулатов, т.е. утверждений, доказательство истинности которых в данной системе знаний не требуется и не обсуждается. Из аксиом по определенным формальным правилам выводится система предположений. Следование правилам вывода позволяет переносить истинность аксиом на выводимые из них следствия, что делает рассуждение строгим и корректным. Совокупность аксиом и выведенных на их основе предположений образует *аксиоматически построенную теорию*.

Аксиоматическое построение теории может осуществляться на основе интуитивно очевидных положений, для которых заранее известна область характеризуемых объектов. Но теория может разворачиваться и на базе аксиом, вводимых *формально*. Аксиомы в таких системах представляют собой определения исходных терминов, связанных между собой. Теория, построенная на таких основаниях, предполагает процедуру *интерпретации*, т.е. отыскание правил, с помощью которых можно было бы соотнести аксиомы формально построенной системы знания с определенной предметной областью, первоначально неизвестной. В современном естественнонаучном знании примером формальных аксиоматических систем являются фундаментальные физические теории. Наличие формальных аксиоматических систем указывает на то, что аксиоматический метод обладает высокой степенью эвристики и высоким уровнем прогностики, поскольку позволяет получить систему теоретического знания до того, как найдена область, которую данная теория представляет, позволяет найти новые области реальности.

Если в процессе теоретических построений использовать не только формально введенную аксиоматику, но и математическую логику, то аксиоматическая система начинает строиться как особый формализованный язык (исчисление). Схематично такое построение выглядит следующим образом: сначала вводятся исходные термины (знаки), затем определяются правила их соединения в формулы; выбираются исходные формулы, принимаемые без доказательств, устанавливаются правила вывода производных формул из основных. Результатом таких теоретических построений являются *формализованные аксиоматические системы* — абстрактные знаковые модели, которые можно интерпретировать на различных классах объектов. Построение формализованных аксиоматических систем привело к большим успехам в математике.

Для аксиоматически построенных систем теоретического знания особое значение имеют внутритеоретические критерии истинности, к которым относятся *непротиворечивость* и *полнота*. Требование непротиворечивости означает, что из системы независимых аксиом не должны вытекать положения, исключаящие друг друга. Требование полноты предполагает, что для доказательства или опровержения любого положения, сформулированного в рамках содержания такой теории, имеются достаточные основания.

Аксиоматический метод, как и любой другой, имеет границы своего применения. В 1931 г. австрийский математик и логик К. Гедель опубликовал доказательства теорем о принципиальной неполноте достаточно развитых формальных систем. Он показал, что невозможно построить формальную систему, множество формул которой (выводимых, доказуемых в рамках этой системы) охватило бы множество всех содержательно истинных утверждений теории, для формализации которой эта система была построена.

Из этих теорем следует ряд выводов:

- непротиворечивая теория, выстроенная на основе определенной системы аксиом, не может обосновать свою непротиворечивость на основе собственной аксиоматики;
- не может быть никакой совершенной аксиоматической системы, поскольку «...всегда можно построить более мощную систему аксиом, которая будет охватывать большее число утверждений, чем предшествующая теория»¹.

Построение и обоснование теоретического знания в науках, имеющих эмпирический уровень, может осуществляться с помощью *гипотетико-дедуктивного метода*, суть которого заключается в создании системы гипотез и ее последующей опытной проверке. Дело в том, что в развитой науке теоретическое знание относительно накопленных эмпирических фактов строится не «снизу» — на основе простого индуктивного обобщения эмпирических фактов, а «сверху» — путем формирования гипотетической конструкции (гипотезы или нескольких гипотез) на базе имеющего теоретического материала, из которой дедуктивным способом выводятся новые гипотезы. Возникшая система гипотез имеет иерархическое строение. В ней есть первичные гипотезы (гипотеза) — гипотезы «верхнего яруса» и производные от них (нее) гипотезы «нижнего яруса». Любая гипотетико-дедуктивная система реализует определенную исследовательскую программу, сущность которой сконцентрирована в гипотезе верхнего яруса.

Гипотетико-дедуктивная система может развиваться, пополняясь новыми гипотезами. Как только ее развитие прекращается, возникает необходимость построения новой гипотетико-дедуктивной системы. В точке изменения научно-исследовательской программы может существовать не одна, а несколько конкурирующих между собой гипотетико-дедуктивных систем. Доминирующей оказывается та из них, которая обладает большим объяснительным и эвристическим потенциалом.

Гипотетико-дедуктивное построение теории может осуществляться и на основе математических гипотез. *Метод математической гипотезы* широко используется в современной физике. Суть его состоит в том, что для обнаружения законов новой области исследования берутся математические выражения законов близлежащих областей. Эти законы обобщаются, преобразуются с целью получения новых отношений между физическими величинами. Уравнения, полученные в результате таких преобразований, рассматриваются в качестве гипотез, описывающих процессы новой области исследования. В ходе последующей опытной проверки эти уравнения либо подтверждаются (и тогда они приобретают статус теории), либо опровергаются.

¹ Бунге, М. Философия физики / М. Бунге. М., 1975. С. 187.

Метод математической гипотезы указывает на то, что, например, в современной физике создание новых теорий начинается не с эксперимента, а происходит на «верхних этажах» физического знания путем преобразования математического аппарата, оформляющего теорию. Этот метод позволяет повысить результативность научного поиска, он обнаруживает особую эффективность в теоретическом освоении таких объектов и областей, которые не даны в повседневном опыте и не могут быть освоены с помощью имеющихся на данный момент форм практики. Не случайно метод математической гипотезы сыграл большую роль в становлении неклассической науки, в частности квантовой механики, которая исследует явления микромира.

Теоретическое знание может быть построено и обосновано и на базе *конструктивно-генетического метода*. Основу данного метода составляет мысленный эксперимент с абстрактными объектами, которые взяты как конкретно наличные. Конструктивно-генетический метод лежит в основе геометрии Евклида, где с помощью постулатов были введены такие первичные абстрактные объекты, как точка и прямая, на базе которых затем были построены остальные геометрические фигуры.

По существу, в любой научной теории, мы встречаемся с конструктивно-генетическим методом, т.е. с процессом конструирования одних абстрактных объектов на основе других. Этот процесс осуществляется по правилам языка данной теории и удовлетворяет принципу целостности создаваемой системы теоретических объектов. Каждый вновь вводимый объект, вступая в отношения с уже построенными теоретическими конструктами, обязан согласовываться с ними. Введение нового объекта не должно приводить к появлению у существующих объектов новых свойств, не совместимых с ранее выявленными признаками.

Изучение динамичных объектов предполагает обнаружение закономерностей этой динамики и соответственно разработку метода, с помощью которого такое изучение было бы возможно. Таким методом является *исторический метод*; его суть состоит в мысленном воспроизведении этапов развития исследуемого объекта, представление его в виде последовательной смены состояний. Исторический метод был разработан К. Марксом на базе сформулированного Г. Гегелем принципа историзма. Если первоначально данный метод применялся при анализе социально-исторических явлений, то на этапе неклассической науки его начали активно применять и в естествознании.

Результаты исследования могут быть признаны научными только в том случае, если они обоснованы. **Обоснование** (легитимация) представляет собой рассуждение, в котором приводятся некоторые основания для того, чтобы обеспечить приемлемость какого-либо утверждения или концепции. Важными видами обоснования результатов научного исследования являются:

- доказательство;
- подтверждение;
- опровержение;
- объяснение;
- интерпретация.

Доказательством называется рассуждение, позволяющее обосновать истинность какого-либо утверждения с помощью других утверждений, истинность которых доказана ранее. Основанием доказательства могут являться не только факты, но также аксиомы и постулаты. В этой связи разновидностью доказательства является математическое доказательство, представляющее собой цепочку логических умозаключений, показывающих, что при определенном наборе аксиом и наличии правил вывода некоторое утверждение является верным. Математическое доказательство используется не только в математике. Так, в 1870 г. ботаник А. Беннет, выдвигая аргументы против эволюционной теории Ч. Дарвина, подсчитал, что при случайной изменчивости рисунок на крыльях бабочки может измениться только через 10 млн поколений.

Специфическим видом обоснования *вероятностных* знаний является подтверждение. *Подтверждение* — это вид обоснования, сущность которого заключается в выведении из гипотезы необходимых следствий и установлении их соотношения либо с экспериментальными фактами, либо с ранее доказанными положениями науки. Подтверждение строится на основе следующего рассуждения: если утверждение, которое необходимо обосновать, верно, то в действительности должны иметь место определенные факты или явления. Если в результате наблюдений и экспериментов такие факты находятся, обосновываемое утверждение подтверждается.

Если целью подтверждения является истина, то целью такого вида обоснования, как *опровержение*, является установление ложности или недоказуемости некоторого тезиса. Особое внимание на процедуру опровержения обратил К. Поппер. По его мнению, принципиальная опровержимость знания является свидетельством его научности.

Важным видом обоснования является *объяснение*, в процессе которого основание истинности какого-либо утверждения устанавливается путем указания на причину факта, указанного в утверждении. Объяснить то или иное явление — значит указать причину, следствием которой оно является. Основаниями для объяснения могут являться как высказывания о причинах, так и научные законы, где зафиксирована причинная зависимость. Объяснение как вид обоснования используется как в естественных, так и в социально-гуманитарных науках.

Обоснование научного знания может осуществляться путем установления соотношения научной теории и некоторых областей реальности, т.е. в процессе ответа на вопрос: какие явления действительности описывает

(объясняет) рассматриваемая теория. Процедура установления значений элементов некоторой теории (выражений, формул, отдельных символов) в соответствии с определенными, строго фиксированными правилами получила название *интерпретация*.

Научная интерпретация может рассматриваться не только как определенная интеллектуальная процедура, но и как совокупность значений элементов теории. Между теорией и ее интерпретацией как совокупностью значений не существует взаимнооднозначного соответствия, поскольку одна и та же область явлений может служить интерпретацией различных теоретических построений.

15.3. Современные методологические новации

В современной научной литературе понятия «инновационные методологии», «методологические новации» используются достаточно часто, хотя строгого определения они еще не имеют. Чаще всего под *методологическими новациями* понимается совокупность принципов и методов, ориентированных на создание вариантов принципиально нового понимания и описания мира, а также на поиск принципиально новых способов решения давно существующих проблем.

Переход науки на постнеклассический этап своего развития в последние десятилетия XX в. ознаменовался появлением целого ряда методологических новаций, к числу которых можно отнести следующие:

- укрепление парадигмы целостности и интегративности;
- изучение объектов с позиций междисциплинарного подхода;
- широкое использование методов синергетики;
- формирование нового понятийного и категориального аппарата, отражающего нестабильность, неопределенность и хаосомность мира;
- введение темпорального фактора, а также ветвящейся графики прогностики;
- сближение методов естественных и социальных наук;
- усиление нетрадиционных средств и методов исследования, граничащих со сферой внерационального постижения действительности.

Данные идеи не только направляют научный поиск, но и позволяют повсему интерпретировать полученные научные результаты.

Решение сложных исследовательских задач предполагает использование не только принципиально новых методов, но и **новых стратегий научного поиска**. Особого внимания в этой связи заслуживает *междисциплинарный подход*, демонстрирующий ориентацию современной науки на изучение объекта как целостности, что предполагает интеграцию научных знаний и взаимодействие научных дисциплин. Междисциплинарные взаимодействия носят различный характер, что находит отражение в их

типологии. Одна из таких типологий была предложена Ж. Пиаже в статье «Эпистемология междисциплинарных отношений», где различаются следующие типы междисциплинарных взаимодействий: мультидисциплинарность, собственно междисциплинарность и трансдисциплинарность¹. Этим взаимодействиям, по мнению И.Т. Касавина, соответствуют определенные системы знаний. Для *мульти- (или поли-) дисциплинарных* систем характерно использование базовых идей, принципов и методов одной дисциплины для проведения исследований в другой (или других) дисциплине. Примерами такого взаимодействия могут служить биофизика, физическая химия, геоботаника, социальная семиотика и т.д. В мультидисциплинарных системах сохраняется четкость междисциплинарных границ, что предполагает различие предметов, методов и результатов взаимодействующих дисциплин. Так, в рамках геоботаники взаимодействуют геология и палеоботаника, но при этом каждая из этих дисциплин сохраняет свой предмет исследования, а их объединение позволяет более глубоко рассмотреть эволюцию геологических отложений, что является предметом геоботаники.

Собственно междисциплинарные системы знаний предполагают объединение дисциплин с целью создания новой онтологии (нового объекта и предмета исследования) и новых методов для работы с этими объектами. Дисциплины, вступающие в такое взаимодействие, являются ресурсными. Примерами собственно междисциплинарного взаимодействия являются космические исследования, страноведение, науковедение, политология и др. Так, в рамках страноведения география, экономика, социология, гражданская история, языкознание, история культуры взаимодействуют в целях создания целостного представления о той или иной стране. В свою очередь, возникшая в результате такого взаимодействия интегральная система знаний обеспечивает возможность содержательной интерпретации фактов в каждой отдельной ресурсной дисциплине.

Трансдисциплинарные системы знаний, возникшие в результате взаимодействия различных дисциплин, полностью отрываются от своих дисциплинарных истоков. Они развиваются на своей собственной теоретической основе, апробируют свои базовые принципы, идеи и методы в других областях знания, претендуя на универсальность своей онтологии и методологического инструментария. Трансдисциплинарным знанием являются теория систем, теория самоорганизации, теория информации, теория катастроф, где игнорируются междисциплинарные границы.

Появление трансдисциплинарного знания свидетельствует о том, что в последние десятилетия XX в. началось становление *нелинейной методологии познания*. В рамках названных выше теорий складываются новые ори-

¹ Касавин, И.Т. Междисциплинарное исследование: к понятию и типологии / И.Т. Касавин // Вопросы философии. 2010. № 3, 4. С. 65.

ентиры познавательной деятельности, предписывающие рассматривать исследуемый объект в качестве сложной самоорганизующейся и исторически развивающейся системы, которая в динамике своих изменений воспроизводит основные характеристики целого как иерархии порядков. Утверждение нелинейной методологии познания в современной науке выступает как одно из проявлений процесса становления постнеклассической научной рациональности. Она нацелена на освоение уникальных открытых и саморазвивающихся систем, среди которых особое место занимают сложные природные комплексы, включающие в качестве одного из компонентов самого человека с характерными для него формами познания и преобразования мира.

К числу важнейших стратегий, играющих роль общенаучных методологических программ современного научного познания, относится **системный подход**, в основе которого лежит исследование объектов как системных образований. В качестве базовых характеристик системы выделяют следующие:

- целостный комплекс взаимосвязанных элементов;
- единство со средой;
- иерархичность (имеет уровни внутреннего строения);
- интегративные свойства (свойства, которых нет у ее элементов).

Системный подход был разработан Л. фон Бергаланфи в середине XX в.

Методологическая специфика системного подхода определяется тем, что он ориентирует исследование на раскрытие целостности объекта и фундирующих ее механизмов, на выявление многообразных типов связей сложного объекта и сведение их в единую картину. Широкое использование системного подхода в современной исследовательской практике обусловлено рядом обстоятельств и, прежде всего, интенсивным освоением в современном научном познании сложных объектов, состав, конфигурация и принципы функционирования которых далеко не очевидны и требуют специального анализа. Несомненным достоинством системного подхода является то, что он существенно расширяет область познания по сравнению с уже освоенной в науке, а также *предлагает новую схему объяснения*, в основе которой лежит поиск конкретных механизмов, определяющих целостность объекта.

Наряду с инновационными методологическими подходами современная наука использует инновационные методы, среди которых можно назвать:

- ведение исследований по принципу «case studies» («метод кейсов»);
- рассмотрение куматоидных объектов;
- метод абдукции;
- методы синергетики;
- компьютеризация;
- другие.

Ведение исследований по принципу «метод кейсов». Это метод, изучающий конкретные ситуации выявляющий имеющиеся проблемы, занимающийся поиском вариантов их решения и выбором наиболее эффективного из них. Впервые метод был применен в 1924 г. В Гарвардской бизнес-школе. «Метод кейсов» предполагает наличие индивидуализированного объекта, который находится под наблюдением, но не может быть объяснен в рамках имеющегося научного знания. Такие объекты характерны не только для социально-гуманитарных, но и для естественных наук. Так, в квантовой физике два одинаковых объекта, находящиеся в одинаковых начальных состояниях и подвергающиеся одинаковым воздействиям в одинаковых условиях, ведут себя неодинаково и переходят в неодинаковые конечные состояния. Метод кейсов требует разработки ситуационной логики, адекватной конкретной изучаемой ситуации.

Рассмотрение куматоидных объектов. Ориентация современной науки на исследование динамизма бытия обусловила ее интерес к неустойчивым, «плавающим» объектам, которые могут распадаться и вновь образовываться. Такие объекты были названы куматоидами (от греч. — волна). Примером куматоида может служить студенческая группа, народ и т.д. Куматоид не проявляет одновременно все свои качества и свойства, не демонстрирует одновременно все свои элементы. Это хорошо видно на примере такого куматоидного объекта, как народ. Народ не имеет строгой пространственной локализации, поскольку всех его представителей нельзя собрать в одном месте. Несмотря на свою подвижность, куматоид имеет типичные характеристики и образцы поведения.

Метод абдукции. Широкое распространение в современной науке получила абдукция — умозаключение от эмпирических фактов к объясняющей их гипотезе. Это метод активно используется людьми и в повседневной жизни. Например, следователь по имеющимся уликам восстанавливает картину преступления и находит преступника, врач по имеющимся симптомам определяет болезнь и ее причины. В науке этот метод помогает сформулировать и выбрать наилучшую предварительную гипотезу.

Метод синергетики. Это метод, исследующий связи элементов структуры (подсистемы), которые образуются в открытых системах, благодаря интенсивному обмену с окружающей средой в неравновесных условиях. Становление синергетики как междисциплинарного знания обогатило язык науки такими понятиями, как «хаосомность», «неравновесность», «аттрактор», «нелинейность», «автопоэзис» и др.

Компьютеризация. Данный метод применительно к науке представляет собой процесс использования компьютерной техники с целью быстрого получения, накопления и преобразования научной информации. Компьютер, будучи прообразом человека познающего, является моделью того, как формируется, структурируется и работает информация. В этой связи

компьютеризация открывает как новые возможности репрезентации (представления) информации, так и новые горизонты изучения самого знания (способы его получения, организации, преобразования и т.д.).

Массовое использование компьютеров имеет свои достоинства и недостатки. С одной стороны, компьютер обеспечивает получение объемной и масштабной информации, открывает доступ к информации из различных научных областей, что облегчает реализацию междисциплинарного подхода и формирование целостного представления об объекте исследования; с другой — в процессе использования компьютера формируется потребительское отношение к информации, снижается способность к критике, игнорируются внерациональные аспекты познания (а именно они нередко придают познанию творческий импульс), обедняется язык, поскольку формализации поддается только его часть и др.

Негативные последствия компьютеризации в определенной мере связаны с тем, что от нее ждут того, чего она в принципе не может дать — автоматически дать знание. В пространстве компьютеризации мы имеем дело не со знанием, а с информацией, формализованной в соответствии с определенными структурными правилами. Чтобы стать знанием, информация должна быть проинтерпретирована личностью в соответствии с ее способностями, накопленным опытом, наличной ситуацией и т.д. Знание всегда лично окрашено, поэтому процесс получения знания — это процесс, сопряженный с формированием, функционированием и развитием личности.

Вместе с тем нельзя не отметить, что в современном научном познании компьютеризация и связанные с ней информационные технологии создают условия для интеграции методологических новаций и стратегий научного поиска. Так, благодаря стремительному развитию информационно-компьютерной базы научного поиска стал возможным вычислительный эксперимент. *Вычислительный эксперимент* — это эксперимент над математической моделью исследуемого объекта, проводимый с помощью ЭВМ (в современных условиях с помощью компьютера). Сущность его заключается в том, что по заданным параметрам модели вычисляются ее характеристики и на этой основе делаются выводы о свойствах явлений, репрезентированных математической моделью. Вычислительный эксперимент базируется на триаде «математическая модель — алгоритм — программа» и носит междисциплинарный характер, поскольку в одном цикле объединяет деятельность теоретиков, специалистов в области прикладной математики и программистов. На основе накопленного опыта математического моделирования, а также использования банка вычислительных алгоритмов и программного обеспечения такой эксперимент позволяет эффективно и быстро решать сложные исследовательские задачи практически в любой области математизированного научного знания. Он может применяться при решении фундаментальных проблем науки (например,

проблемы управляемого термоядерного синтеза); при проведении расчетов в области космической техники и наукоемких технологий (таких, как технология диагностики плазмы, технологии создания материалов с заданными свойствами, разработки в области вычислительной томографии); при исследовании глобальных экологических проблем, гео- и астрофизических явлений (моделирование климатических процессов и их трансформаций под воздействием факторов антропогенного и техногенного характера) и т.д. В ряде случаев вычислительный эксперимент позволяет резко снизить стоимость научных разработок. Он дает возможность интенсифицировать научный поиск, что обусловлено возможной многовариантностью выполняемых расчетов и *простотой модификации* математических моделей для имитации тех или иных условий эксперимента.

В качестве основных типов вычислительного эксперимента выделяют поисковый, прогностический, оптимизационный, диагностический и др. Особый интерес вызывает распределенный вычислительный эксперимент, позволяющий привлечь к поиску решения задачи многочисленных пользователей персональных компьютеров, берущих на себя реализацию общей программы эксперимента путем установки на свой компьютер специальной программы, выполняющей часть требуемых вычислений. В результате тысячи персональных компьютеров, подключенных к интернету, работают над одной и той же программой, образуя огромный виртуальный «суперкомпьютер».

Таким образом, вычислительный эксперимент предстает в виде новой технологии научных исследований, финансирующей перспективные стратегии научного поиска. Сложность и своеобразие этого вида исследований ставят вопрос о появлении новых научных дисциплин: компьютерной математики, вычислительной информатики, вычислительной физики. Он приводит к появлению новой (компьютерной) формы научного знания.

Указывая на высокую продуктивность и эвристичность математических и компьютерных методов, современная наука в то же время отмечает, что использование только этих методов заметно «мумифицирует» исследуемую действительность. Чтобы преодолеть возникшую ситуацию, наука делает инновационный шаг в области методологии — признает необходимость постаналитического способа мышления. Последний ориентирован не только на историко-критическую реконструкцию теории, но и предполагает учет зависимости науки от культурных, социальных, политических и других факторов.

15.4. Язык науки и его специфика

Любой язык представляет собой систему социально-культурных кодов, с помощью которых фиксируется и хранится социально-исторический опыт, накопленный людьми в разных сферах их жизни и деятельности.

Язык является связующим звеном человека и мира, задавая субъекту определенную систему отношений не только к природе и обществу, но и к самому себе.

По способу образования языки делятся на два типа — **естественные** и **искусственные**. Естественный (обыденный) язык появляется стихийно, искусственный — создается сознательно и целенаправленно в зависимости от потребностей, возникших в той или иной сфере деятельности, когда применение естественного языка становится малоэффективным или невозможным. Наука пользуется обоими языками, отдавая при этом приоритет языку искусственному. **Язык науки** — это система понятий, знаков, символов, создаваемых и используемых в той или иной области научного познания для получения, оформления, хранения и применения знания. Язык науки ориентирован на *ясность изложения*, т.е. на полное и однозначное описание фактов и причинно-следственных связей, присущих изучаемому объекту. *Полнота* изложена предполагает описание *всех* факторов, *существенным образом* влияющих на изучаемый объект. *Однозначность* требует, чтобы каждое слово в описании имело только одно значение, а высказывание в целом интерпретировалось только одним способом. Ясность изложения не только не тождественна простоте и общедоступности, но нередко исключает их. Поэтому «при оформлении научных результатов необходимо стремиться именно к ясности, потому что ясный, но сложный текст поймут хотя бы те, кто имеет для этого достаточный интеллект, в то время как простой, но неясный текст понять, по определению, не сможет никто»¹.

В рамках естественного (обыденного) языка требование полноты и однозначности невыполнимо по ряду причин:

- понятия нечетки и многозначны. Их смысл нередко обнаруживается только в контексте общения²;
- каждый человек наполняет слова своими *личностными оттенками*, сформировавшимися у него в процессе жизненного опыта, поэтому в пространстве общения всегда сохраняется некоторое недопонимание между участниками коммуникации;
- множество правил и исключений из правил. Громоздкость некоторых грамматических конструкций, что не позволяет выявить в них *структуру мысли* и объяснить *логику мыслительной деятельности*;
- нет четкого различия объектного языка и метаязыка. *Объектный язык* представляет собой высказывания и выражения, описывающие предметы, явления, процессы, относящиеся к внеязыковой реальности. *Метаязык* —

¹ *Нестеров, В.* [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.alter.sinor.ru:8102/school/lecture_3.htm. Дата доступа: 31.05.2010.

² См.: *Налимов, В.В.* Вероятностная модель языка: О соотношении естественного и искусственного языков / В.В. Налимов. М., 1974.

это язык, средствами которого осуществляется описание и анализ какого-либо другого языка. Например, высказывание: «Вчера в белорусскую столицу прибыла иностранная делегация» относится к предметному языку, а высказывание: «Газеты сообщили, что процентная ставка по кредитам выросла на 1%», относится к метаязыку. Различение объектного и метаязыка, т.е. выделение в языке смысловых, семантических, уровней, позволяет избежать логических парадоксов¹, что крайне важно для науки;

- лексика приспособлена для описания и предвидения объектов и явлений, включенных в уже имеющиеся виды деятельности, в наличную практику. Наука выходит за эти пределы: для описания новых объектов, процессов и новых видов деятельности ей нужны новые понятия.

В силу указанных особенностей обыденного языка научное познание и научная коммуникация предполагают разработку и использование специализированных, искусственных языков. По мере развития науки количество их постоянно возрастает. Первым примером создания специальных языковых средств является введение Аристотелем символических обозначений в логику. Становление и бурное развитие классической науки (в первую очередь математики) происходило во многом благодаря появлению математической символики в трудах Ф. Виета и Р. Декарта. В начале XX в. анализ парадоксов, возникших в процессе развития математики, актуализировал постановку вопроса о поиске новых подходов к созданию искусственных языков науки. Одной из попыток разрешить возникшую проблему стала *концепция семантических уровней языка*, предложенная польско-американским логиком и математиком А. Тарским. В этой концепции язык рассматривался в качестве структурированной системы, где каждый последующий уровень выступает в роли метаязыка по отношению к предшествующему. Методологические ориентиры, заложенные в концепции Тарского, не только позволили избегать в науке некоторых парадоксов, но и сыграли определенную роль в решении проблемы квантово-механического описания микрообъектов в ходе становления физики микромира, способствуя тем самым формированию неклассической научной рациональности.

Искусственный язык науки может быть как содержательным (словесным), так и формализованным.

Содержательный (словесный) язык создается на основе фрагмента естественного языка путем обогащения его новыми знаками и символами. Такой язык представляет собой сложную систему, основой которой является терминология. *Терминология* — это совокупность терминов, используемых той или иной наукой. *Термин* — это слово, фиксирующее определенное понятие науки. В отличие от слова естественного языка тер-

¹ Логический парадокс представляет собой наличие двух противоположных, несовместимых утверждений, для каждого из которых имеются аргументы, *кажущиеся* убедительными.

мин однозначен, т.е. в рамках одной и той же науки он описывает один и тот же объект (объекты, явления, процессы). Однако следует иметь в виду, что смысл термина может меняться как в процессе развития науки, так и в зависимости от того, в контексте какой теории или какой научной дисциплины он используется. Так, термин «равенство» имеет разный смысл в геометрии и кристаллографии. Отсюда следует важное методологическое требование — в рамках каждого научного исследования необходимо уточнять значение используемых терминов.

Каждый термин должен иметь четкое определение. *Определение*, или *дефиниция*, представляет собой логическую операцию, раскрывающую содержание понятия. Знать дефиниции необходимо для того, чтобы четко представлять о чем идет речь, какая реальность скрывается за тем или иным термином. При определении термина недопустимо использовать понятия естественного языка, поскольку они вносят элемент неопределенности. Наука не допускает также использование *остенсивных определений*, возникающих в результате апелляции к показаниям своих органов чувств или же к восприятиям и представлениям других людей. Наука использует *семантические дефиниции*, где описание признаков в определении дано через другие термины, которые также имеют свои определения. Если в процессе исследования мы вводим новое, ранее не существовавшее понятие, мы обязаны его определить. При этом его дефиниция должна строиться на основе уже существующих терминов. Однако в любой науке наряду с определяемыми терминами есть базовые понятия, «исходные термины» (А. Тарский), которые фиксируют жизненный опыт людей и употребляются без предварительного определения. Смысл таких понятий признается интуитивно ясным и не требующим разъяснения.

В социально-гуманитарном знании процедура введения нового термина имеет свою специфику. Новое понятие здесь часто имеет не строгое, а контекстуальное определение, смысл которого проясняется постепенно, в процессе изложения концепции и выстраивания системы рассуждений. Так, в философии М.М. Бахтина контекстуальное определение имеют понятия «текст» и «хронотоп», а в работах Д.С. Лихачева и С.С. Аверинцева — понятие «поэтика».

Наука использует не только термины, но и конструкты. *Конструкт* — это понятие, вводимое гипотетически (теоретический конструкт) или создаваемое по поводу наблюдаемых событий или объектов (эмпирический конструкт) по правилам логики с жестко установленными границами и правилами, выраженное в определенном языке. Конструкт не требует указывать денотат — обозначаемый им предмет (множество предметов), т.е. не предполагает обязательного установления своего онтологического статуса. У конструкта нет полных аналогов в объективной действительности, поэтому экспериментально нельзя обосновать правомерность и продуктивность его введения и использования. Конструкты существуют лишь в языке научной теории.

В 90-х гг. XX в. в гуманитарных текстах возник термин «концепт». Слова «концепт» и «термин» не являются синонимами. Концепт и мыслится, и переживается; в концепте отражено эмоциональное отношение субъекта к явлениям, обозначаемым понятиями. Например, в юридической науке понятие «закон» имеет статус термина. Однако в рамках определенной концепции оно становится концептом, поскольку фиксирует в себе авторскую позицию и личностный смысл. *Концепт* — это особое ментальное образование, в котором зафиксировано как знание об изучаемом объекте, так и отношение к нему исследователя. Он вбирает в себя целый пласт культуры, имеющий отношение к рассматриваемому явлению, который освоил, переосмыслил и преобразовал субъект.

Научный язык не исключает *метафоры*. Так, в физике метафорами являются понятия «сила», «очарование» и «цветность» кварков, в математике — «множество», «стиснутые корни», «выбивание корней многочленов» и др. Их использование дает возможность переносить образ одного фрагмента реальности на другой, интерпретировать и концептуализировать его в системе сложившихся понятий. Метафорические конструкции позволяют объединить различные объекты или группы объектов на основании имеющегося у них общего признака (признаков), помогают получить новое знание и новые способы упорядочивания информации, прояснить смысл имеющихся терминов. Т. Кун с целью прояснения значения термина «парадигма» употребляет метафору «дисциплинарная матрица». Используя эвристический потенциал метафор, ученый не должен забывать, что их введение в язык науки не должно препятствовать получению точного знания.

Язык науки содержит четко сформулированные *правила*, на основе которых строятся и преобразуются языковые выражения. Использование языка в соответствии с определенными образцами и правилами, а также контекстом конкретной ситуации получило название «языковой игры» (Л. Витгенштейн). В процессе исследования ученому приходится «играть» в разные «языковые игры», поскольку осуществление процедур описания эксперимента, формулирования гипотезы, построения теории и т.д. предполагает использование разных правил. Соблюдение правил языковой игры обеспечивает не только научную коммуникацию, но и получение достоверного знания.

Важную роль в изучении языка, в том числе и в прояснении специфики языка науки, сыграла семиотика. *Семиотика* — наука, изучающая знаки и знаковые системы, а также их роль в информационных и коммуникационных процессах. В семиотике принято различать три аспекта языка: синтаксический, семантический и прагматический.

Синтаксический аспект предполагает рассмотрение языка как некоторой системы знаков, преобразующихся по определенным правилам и обретающих в своих связях языковую систему. В языке науки синтаксический

аспект выступает на первый план при формальных операциях со знаками. В процессе таких операций исследователь отвлекается от смыслов терминов языка и рассматривает термины только как знаки, образующие в своих связях формулы, из которых выводятся другие формулы по правилам данной языковой системы. Синтаксический аспект находит свое отражение в математической лингвистике, которая ставит задачу — создать формальный аппарат для описания структуры любого естественного или искусственного языка — языка как такового.

Семантический аспект включает обращение к содержанию языковых выражений, нахождение идеальных объектов и их связей, которые образуют непосредственный смысл терминов и высказываний языка. При семантическом анализе требуется установить, какие стороны внеязыковой реальности репрезентированы посредством указанных идеальных объектов.

Прагматический аспект предполагает рассмотрение языковых выражений в отношении практической деятельности и специфике социального общения, характерных для определенной исторической эпохи. Это означает, что идеальные объекты и их корреляции, образующие область смыслов языковых выражений, берутся в их отношении к социокультурной среде, породившей ту или иную систему научных знаний.

Необходимость совершенствования языковых средств, используемых в научном познании, а также достижения в области семиотики обусловили появление формализованных языков науки.

Формализованным языком называется искусственно построенная по заранее разработанным правилам знаковая система, в которой выражения естественного языка заменены буквенными символами. Помимо буквенных символов, которые могут обозначать внеязыковые объекты, такой язык содержит операциональные символы, указывающие на определенные действия. Формализованный язык обладает следующими отличительными особенностями:

- четким различием объектного языка и метаязыка;
- определенным алфавитом, т.е. списком исходных знаков (понятий, терминов);
- семантическими правилами, определяющими значения исходных терминов, что предполагает опору на конкретную теорию значения;
- точной и явной формулировкой правил построения развернутых знаковых систем из исходных знаков;
- однозначно заданными (с использованием метаязыка) правилами преобразования одних сложных знаковых выражений в другие¹.

¹ Микешина, Л.А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования / Л.А. Микешина. М., 2005. С. 246.

Примерами формализованных языков является язык математики, языки программирования. Создание и совершенствование формализованных языков науки явилось одной из предпосылок развития теоретического исследования, в том числе обогащения его инструментария таким методом, как формализация, и ряда базирующихся на нем исследовательских процедур.

ГЛАВА 16. ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА КАК МЕТОДОЛОГИЯ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

16.1. Становление диалектической логики

На первых порах диалектика, которая к настоящему времени имеет разные аспекты, в том числе и логический, выступала как диалектическая логика — способ мышления, при котором шло противоборство идей, объединенных общей темой. Развитие диалектической логики происходило постепенно путем сохранения наиболее внятных и верных элементов мысли и отрицания других в ходе последовательного рассуждения.

В Древнем Китае, к примеру, изначально формировался стиль мышления, базой для которого была идея бесконечного становления и переходов, характерных для постигаемого мира. Особенностью этого стиля мышления было следование принципу «Белое становится черным, черное становится белым», которому соответствует известный даосский символ. В Древней Индии в соответствии с общей картиной мира, включавшей идею сансары — бесконечного потока перерождений-переходов одних форм временного бытия в другие, мышление сделало акцент на неустойчивости, иллюзорности оформленного, что выразилось в установке познания: «Нет ни черного, ни белого».

В Древней Греции, где рациональное рассуждение быстро вышло из-под влияния мифологии и религии, изначально обозначились четкие установки мышления по принципу: «Белое — это белое, черное — это черное». Их можно обнаружить, рассматривая становление раннегреческой натурфилософии. В это время философская проблематика в Греции вращалась вокруг двух сложнейших проблем — первоначала, основы мира, а также его изменения, развития. Умопостижение этих проблем отгалкивалось от противостоящих взаимоисключающих изначальных допущений: «Основа мира одна» и «Существует множество первоначал», «Бытие неизменно» и «Мир находится в непрерывном изменении». Различные философские школы, решавшие эти проблемы, «исходили» все поле логически возможных установок. Так, милетская школа оставила в наследие идею одного первоначала, но при этом были предложены мыслеобразы первоначала предельно разнообразно — вода Фалеса как абстрагирование от конкретного, чувствен-

ного; апейрон (беспредельное) Анаксимандра как сверхопытное начало, не представленное явно, в доступной органам чувств, физической реальности; воздух Анаксимена как первоначало, главным свойством которого является возможность переходов из одного состояния в другое. Позже появились предположения, логически противоположные понятию единственного первоначала. Они воплотились в допущении конечного множества первостихий у Эмпедокла, вплоть до картины мира, строящегося из бесконечного множества первоначал — гомеомерий Анаксагора. Подобным образом (через логически противоположные позиции) рассматривалась и проблема движения, развития мира. Пармениду, утверждавшему неизблемость, неподвижность бытия противостоял Гераклит, с его вошедшим в историю утверждением: «Все течет, все изменяется...». Подспудно оформлялась задача становления такого способа мышления, который бы позволил не просто фиксировать противостоящие позиции, но искать способы перехода между ними, не сводя сложный многообразный мир к простым однозначным формулам. Впервые идеи о взаимодействии противоположных начал логически совмещаются в попытках объяснения механизма движения: тот же Гераклит объясняет изменчивость мира действием космического закона — Логоса, включающего *взаимодействие противоположностей*, которое порождает гармонию. А Эмпедокл причиной изменения считает действие двух *противоположных сил*: «Любви-притяжения» и «Вражды-отталкивания». Споры вокруг проблем первоначала и развития в раннегреческой натурфилософии показали важнейшую роль взаимодействия противоположностей в устройстве мира и проблему логически непротиворечивого отображения противоречивых процессов действительности в человеческом мышлении. Великолепным соединением практически всех логически возможных, но, казалось бы, противоположных по своей сущности идей, высказанных предшественниками, стало учение Демокрита. Началом мира является атом — мельчайшая неделимая частица. Бесконечное количество притягивающихся и отталкивающихся атомов образует бесконечное множество конечных изменчивых вещей, возникающих и разрушающихся на основе действия устойчивых законов притяжения и отталкивания, задающих движению атомов строгие траектории.

Противопоставление вечного и временного, единого и множественного, изменчивого и устойчивого, бытия и небытия в ранней греческой философии привело к выделению важнейших философских категорий и размышлениям об их сущности в период расцвета античной философии. В это время главной темой становится *осмысление самого метода, способа рассуждения*, который не только не отрицает возможность совмещения противоположных идей, но, наоборот, предполагает движение мысли от утверждения к критическому вопрошанию по поводу предложенного утверждения, и далее к углублению, уточнению идей, выражающих сущ-

ность проблемы. Это был алгоритм диалогического, подобного спору, процесса мышления, с которым и соотносится понятие «диалектической логики». Со времен Сократа, показавшего принципы и преимущества подобного метода, диалектическая логика получила свое первоначальное название — «сократического диалога». Если в логике, мышлении раннегреческих философов идеи взаимодействия противоположностей отражали *устройство мира*, то у Сократа впервые делается акцент на переходах противоположностей в мышлении. «Диалоги» великого Платона стали письменно зафиксированным обоснованием возможностей познания, имеющего диалектический характер. Важнейшей вехой в развитии знаний о мышлении и его методах стало творчество Аристотеля. В его работах было четко обозначено разделение тех понятий, которые сейчас называются диалектической и формальной логикой. В работе «О категориях» Аристотель рассматривает всеобщие формы мышления — философские категории — как способ выделения и преобразования суждений, отражающих отдельное, переходящее с помощью общих, устойчивых понятий, выступающих как родовые. Например, категория «качество» обобщает представленные в мышлении особые свойства вещей (твердое и жидкое, тяжелое и легкое, смелый и трусливый), категория «количество» — различия мыслимых величин вещей (больше — меньше, быстрее — медленнее), качество которых в данном случае игнорируется, не учитывается. Всеобщность категорий мышления позволила выявить их важнейшую роль — роль постулатов теоретического мышления в целом, точно также как уже возникшие понятия («прямая», «кривая», «число» и др.) выступали как постулаты для математики, а понятия «тело», «вес», «объем» и т.д., как постулаты для изучения физической реальности. Философские категории начинают пониматься как общая основа исследований всеобщих (универсальных) закономерностей, в рамках которых существует и изменяется «бытие», «мышление», постигаемый космос, а также и постигающий его дух. Диалектика (сам Аристотель эту часть своего учения называл топикой) начала выступать как *метод поиска общего родового начала для частных противоположных смыслов одного понятия*. Собственно логика (аналитика) Аристотеля ныне существует как *формальная логика*. В ней были определены элементарные правила и требования *формального характера*, обеспечивающие внятность, непротиворечивость, ясность и обоснованность как отдельного рассуждения в целом, так и его элементов.

Все указанные требования к формально-правильному мышлению Аристотель сформулировал в виде основных законов логики и теории силлогистики (правил выведения истинного заключения из истинных посылок в дедуктивном умозаключении, т.е. умозаключении от общего к частному). Первый из аристотелевских законов формальной логики — **закон тождества** гласит, что любое понятие и любое суждение в процессе отдельного рассуждения должны иметь одно и то же неизменное значение, т.е. быть

тождественны самим себе. Этот закон обеспечивает определенность мышления, ограничивая использование в процессах познания многозначных понятий, двусмысленных высказываний. Второй закон, **закон непротиворечия**, запрещает использование в рассуждении несовместимых по значениям истинности взаимоисключающих высказываний, т.е. нельзя одновременно одно и то же утверждать и отрицать. Третий закон правильного мышления, **закон исключения третьего**, говорит о том, что из двух противоречащих суждений одно истинно, другое — ложно, а третьего не дано (нет чего-либо промежуточного, третьего, между утверждением и отрицанием одного и того же). Аристотелевская теория выводов показала, что правильные дедуктивные умозаключения имеют ряд формальных ограничений, незнание которых лишает познавательный процесс логической строгости и надежности. В Новое время появился **закон достаточного основания**, его сформулировал Г. Лейбниц в виде требования о том, что каждая истинная мысль должна быть достаточно обоснованной. Аристотелевская же теория дедуктивных, или силлогистических, выводов, т.е. выводов «от общего к частному» в XVII—XIX вв. была дополнена теорией недедуктивных (вероятностных) выводов, использование которых в научном познании получило широкое распространение в связи с развитием эмпирического знания. Сам Аристотель именно в формальной логике увидел основания строгого научного метода, сведя диалектику лишь к вспомогательной дисциплине поискового, эвристического характера.

Таким образом, в рамках античной философии на базе диалектической рефлексии основных философских проблем были заложены основания диалектической логики как учения о развитии содержания мысли, отражающей противоречия исследуемого мира. Однако не был решен вопрос *о взаимосвязи диалектической логики и формальной логики как науки о формах и структурных связях правильного мышления*. Драматические разногласия формальной и диалектической логики в ходе развития методологии научного познания то обострялись, то затухали, преодолеваясь постепенно. В средневековой религиозной философии выдающиеся схоласты, штудировавшие строгое применение формально-логических схем, тем не менее осмысливали содержательную диалектику таких противоположных категорий, как «телесное» и «духовное», «актуальное» и «потенциальное», «сущность» и «существование». В эпоху Возрождения в рамках диалектического рассуждения о Боге и мире сопрягались понятия минимума и максимума, конечного и бесконечного, творящего и сотворенного. Как ни странно, диалектическая традиция в Западной Европе была на некоторое время пресечена бурным развитием естественнонаучного знания в XVII—XVIII вв. В европейском стиле мышления на некоторое время позиция рассуждения по принципу: «Белое — это белое, черное — это черное» вновь стала довлеющей. В определенной мере эта ситуация отражала как длительный опыт

обращения познающего разума к строгим формально-логическим схемам, так и задачи, которые стояли перед наукой на начальном этапе ее развития: необходимо было выделить объекты научного познания, описать их и определить, классифицировать, прежде чем устанавливать их связи и пытаться объяснять закономерности их развития. На этом этапе восторжествовал метод, получивший название *метафизического*, в соответствии с которым предметы исследуются отдельно, вне связи, как застывшие, неизменные. Такой метод обуславливал непреодолимые трудности при попытках объяснения «чуда произрастания» (К.А.Тимиразев) растения из семени, многообразия химических соединений, соединения свойств волны и частицы в феномене света и т.д. По мере того как этот метод становился барьером на пути дальнейшего развития научного познания, философия и методология науки начали разработку одной из важнейших своих проблем — *диалектического метода познания*, в рамках которого получала все более глубокое осмысление и диалектическая логика.

16.2. Диалектическая логика как учение о диалектике мышления

Основной вклад в создание диалектики как концепции, в том числе и в разработку проблем диалектической логики, внесли представители немецкой классической философии.

Пространство для разработки проблем диалектической логики было очерчено И. Кантом, который обратил внимание на существование антиномий — противоречащих друг другу законоподобных утверждений, которые оказываются равноправными по степени обоснованности. Действительно, если, опираясь на чувственный опыт, мы имеем основания утверждать, что «мир имеет начало во времени и ограничен в пространстве», а, используя возможности разума, полагаем, что «мир бесконечен в пространстве и времени», то каков все же мир? И как соотносятся объективная логика бытия мира и субъективная логика нашего мышления? Кант усмотрел в обнаруженных противоречиях основание для признания непознаваемости мира, а вот Г. Гегелю удалось показать, что противоречия не столько исключают, сколько взаимно полагают, «востребуют» друг друга: в мышлении две стороны противоречия порождают напряжение, требующее поиска выхода, который может увенчаться новыми идеями, получением нового знания. У Гегеля вся действительность насыщена противоположностями, борьба между которыми является движущей силой ее развития, т.е. диалектика (переходы противоположностей) свойственна и бытию, и познающему его мышлению. Таким образом, Гегель отождествлял диалектику, логику и теорию познания. Развитие мира, истории и познания, по Гегелю, определяется диалектической логикой саморазвития и самопознания Абсолютной идеи как

наиндивидуального духовного начала. Гегель впервые диалектически понимает и само мышление. В отличие от Канта, который понимал под мышлением умственную активность отдельно взятого человека, Гегель рассматривает мышление как то, чем пронизана вся преобразуемая действительность, все «тело цивилизации»: орудия труда, здания, предметы искусства, предприятия, учреждения, политические организации, — все это развивающееся мышление, путь «объективного духа», не совпадающий с мышлением отдельного индивида и в то же время взаимодействующий с ним. Ф. Энгельс справедливо считал величайшей заслугой Г. Гегеля то, что он «впервые представил весь природный, исторический и духовный мир в виде процесса, т.е. в непрерывном движении, изменении, преобразовании и развитии и сделал попытку раскрыть внутреннюю связь этого движения и развития». Формальную логику, в которой И. Кант видел источник «догматизма» в познании, Гегель считал необходимой, обеспечивающей правильность познания, но недостаточной для получения новых знаний, полагая, что она должна войти в новую, диалектическую логику как составная часть. В то же время основные формально-логические законы Аристотеля, так называемые законы правильного мышления (закон тождества, закон непротиворечия и закон исключенного третьего), Гегель отвергал, рассматривая их как барьеры в развитии познания.

Именно Гегель впервые выявил то, что логические формы, которые выражаются в речи, и мышление — не одно и то же, «иначе величайшие болтуны должны были бы быть величайшими мыслителями». Мышление, по Гегелю, становится предметом логики уже после того, как оно оформилось в схемах всеобщего мышления, коллективного сознания людей, воплощенного в истории идей, науке и технике и которое становится достоянием отдельно взятых людей, включенных в исторический процесс. Таким образом, в логике, обнаруживает Гегель, «противоположность между субъективным и объективным (в ее обычном значении) отпадает»¹, поскольку существующие объективно, вне сознания отдельного человека всеобщие формы коллективного духа человечества становятся основой логики субъекта, «программируя», как мы могли бы сказать сегодня, содержание и направленность его мышления.

В 40-х гг. XIX в. в рамках марксизма произошло материалистическое переосмысление гегелевской диалектики. К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривают идеальное, духовное не как самостоятельную субстанцию, а как образ внешнего, материального мира в сознании, мышлении человека, связанный с активным преобразующим отношением человека к миру, в ходе которого изменяется и природа, и общество, и человеческое мышление. Принципиально важно здесь то, что материальный мир принимается как основной,

¹ Гегель, Г. Энциклопедия философских наук / Г. Гегель. М., 1974. Т. 1. С. 121.

первичный: если у Гегеля мир — продукт творческих возможностей мышления, он изменяется под влиянием мышления, то в марксизме мышление (коллективное или индивидуальное) не существует «отдельно», «самостоятельно»; оно всегда включено в процессы практического преобразования мира и формируется в этих процессах. Маркс определяет идеальное как «материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней»¹, фиксируя то, что включенный в общество человек «впитывает» тот интеллектуальный багаж, тот словарный запас, те логические категории, которые являются постепенно изменяющимися результатами совокупного общественного духовно-практического опыта, опыта взаимодействия с объективно существующим, изменяющимся, противоречивым материальным миром.

В целом в рамках создания идеалистической диалектики немецкой классической философией и разработки материалистической диалектики в марксизме и советской философии понятие диалектической логики приобрело два основных смысла. В широком смысле под диалектической логикой могут пониматься универсальные принципы и законы развития, объективно присущие любым уровням реальности: природе, обществу, человеческому мышлению. По сути здесь диалектическая логика отождествляется с диалектикой как философским учением о развитии мира, познания и мышления, но есть существенные основания для разграничения диалектики и диалектической логики: можно знать принципы, законы, категории диалектики, но при этом мыслить далеко не диалектически. Поэтому в узком смысле диалектическая логика рассматривается как составная часть, аспект диалектики, охватывающий принципы и законы, характеризующие алгоритмы мышления, связанные с порождением нового знания. Уточняя, отметим, что в дальнейшем рассуждении мы и будем понимать под диалектической логикой **учение о законах, приемах, методах диалектического мышления, направленного на развитие содержательного ресурса знания**. В отличие от диалектической формальной логики есть наука о формальных рамках мышления, которые исследуются вне и помимо его содержания.

В рамках материалистической диалектической логики были разработаны требования к мышлению, не утратившие актуальности по настоящее время. В советской философии диалектика в известной степени деформировалась под влиянием официальной идеологии марксизма-ленинизма, но в то же время шла и серьезная плодотворная рефлексия над ее законами и категориями.

Авторитетный представитель неопозитивизма К. Поппер, соглашаясь рассматривать диалектическую логику как логику истории мышления, логику развития идей, категорически отвергал ее притязания на роль инструмента мышления в его непосредственной активности, подчеркивая несо-

¹ Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. Т. 23. С. 21.

вместимость ее положений с законом непротиворечия традиционной формальной логики. Но, даже критикуя диалектику, Поппер писал: «Однако надо признать, что очень часто — пожалуй, даже обычно — развитие определенной области человеческого мышления начинается с какой-то одной идеи. Если так, то диалектическая схема часто оказывается уместной, поскольку этот тезис будет открыт для критики и, таким образом, «создаст», как обычно выражаются диалектики, свой антитезис»¹.

Однако понимая диалектический синтез как всего лишь сумму отдельных элементов тезиса и антитезиса и предлагая в качестве единственного инструмента научного познания метод проб и ошибок, Поппер не обращал внимания на то, что в рамках этого метода реализуются диалектические связи между уже оформленным знанием и противоречащими ему результатами их применения (проб), что выступает стимулом к разработке новых научных теорий.

16.3. Диалектическая логика как инструмент научного познания

Методологические возможности диалектической логики определяются ее принципами, основными и неосновными законами, полагающими определенные основания, схемы и приемы познавательной деятельности.

Важнейшими принципами диалектической логики остаются принципы развития и детерминизма, которые в данном случае выступают как исходные установки мышления. Первый из них, ***принцип развития***, выступает противоядием против догматизма, «застывания» мысли, обеспечивая обновление знаний. Применительно к мышлению он означает необходимость постоянной «оглядки» на то, что исследуемый объект развивается, изменяется и постигать его необходимо в процессе, ходе изменений, что неизбежно влечет за собой в качестве нормы и движение, развитие самой мысли. Второй принцип, ***принцип детерминизма***, предполагает всесторонность, глубину познания, требуя ориентации мышления на учет всеобщих и причинно-следственных связей, в рамках которых происходит взаимодействие интересующего нас развивающегося объекта с другими объектами. Кроме того, принцип детерминизма применительно к самому мышлению проявляет его обусловленность определенным уровнем развивающейся духовно-практической активности человечества и указывает на процессуальность истины, ее диалектический характер.

Три основных закона диалектики, распространяясь на сферу мышления, выступают как основные законы диалектической логики. Следует отметить, что законы диалектической логики, как и формально-логические законы,

¹ *Поппер, К.* Что такое диалектика? / К. Поппер // Вопросы философии. 1995. № 1. С. 118.

имеют **специфический, двойственный характер**. Речь идет о том, что действуя в области мышления, они отличаются как от неизменных, не допускающих произвола законов природы, так и от изменяемых и допускающих человеческое самоволие законов, устанавливаемых самими людьми и регулирующими их поведение (юридических, нравственных). С одной стороны, законы мышления, как и законы природы, являются описывающими (дескриптивными), поскольку отражают необходимые устойчивые особенности познающего мышления, отшлифованные многовековым познавательным опытом практической проверки полученных знаний. С другой стороны, они имеют и нормативный (предписывающий) смысл, что означает определенные требования к процессу мышления, существующие в виде правил, которые могут быть нарушены, что влечет ошибки, заблуждения в познании. Так, **закон взаимодействия противоположностей** описывает и требует такого развития содержания понятий, в котором все более полно выразался бы внутренне противоречивый материальный мир, задает движение мысли от противоположных суждений к их возможному синтезу в пределах отдельных рассуждений, открывает возможности разработки новых научных теорий при обнаружении противоречий в уже имеющихся концепциях или противостоянии конкурирующих теорий. Взаимодействие, столкновение противоречий в мышлении выступает как импульс развития мысли, точно так же, как противоречия в исследуемом предмете являются причиной его развития.

Закон взаимного перехода количественных изменений в качественные отражает механизм развития исследовательской мысли: от логической обработки множества фактов к их обобщению, получению качественно нового знания, которое опять же дает возможность обнаружения и исследования нового множества фактов под новым углом зрения.

Закон отрицания отрицания в сфере мышления фиксирует и предполагает такую направленность в развитии понятий, суждений, выводов, в которой при сохранении ценного в их содержании происходит его обновление, через отрицание тех элементов интеллектуального продукта, которые оказываются преодоленными благодаря углублению знания, прояснению представлений о сущности исследуемого явления. Действие закона отрицания отрицания в мышлении исследователя имеет свою специфику в зависимости от изучаемого объекта. Если не изменяется объект исследования, а знание о нем развивается, то отрицанию подвергаются элементы знания, которые не подтверждаются современным духовно-практическим опытом. Такого рода тенденции характерны для исследований в области естественных наук. Демокрит, Эпикур, Резерфорд, Планк изучали атом, однако созданные ими в разное время теоретические модели атома содержат отрицания того, что могло подвергаться переосмыслению, отрицанию в предшествующих теориях, т.е. здесь отрицание происходит в рамках «кон-

цептуального объекта». Сложнее обстоит дело в социально-гуманитарных науках. Общество является быстро изменяющимся объектом, что вынуждает не только критически переосмысливать ранее возникшие социальные теории, но принимать во внимание эволюцию самого общества, в процессе которой отрицанию подвергаются отдельные особенности предыдущих стадий социальной реальности. Однако такое положение вещей не предполагает полного отрицания пережитого социального опыта как несовершенного, преодолеваемого и «отбрасываемого» историей. К примеру, то, что в настоящее время в мире нет могущественных социалистических государств, не означает, что опыт социализма не имеет теоретической и практической ценности и может игнорироваться «беспристрастными» социальными дисциплинами или отвергаться как однозначно негативный.

Диалектическая логика предполагает реализацию в мышлении и ряда основных законов, устойчивых диалектических связей, выражающих отношения между конкретным и абстрактным; историческим и логическим; анализом и синтезом; индукцией и дедукцией как видами умозаключений и др.

Важнейшим элементом диалектической логики является **метод восхождения от абстрактного к конкретному и от конкретного к абстрактному**. Его постижение требует понимания того, что сами категории конкретного и абстрактного пронизаны диалектикой отношений, взаимозависимы. Так, конкретное понимается не как эмпирически наблюдаемый объект или его чувственно воспринимаемые элементы, выделенные вниманием исследователя, но как *целостность, единство, существующее в многообразии свойств и отношений с другими целостностями*. Это может быть вещь, система вещей, определение, слово и т.д. Абстрактное есть *отдельное (отделенное) свойство* той конкретности, развивающейся целостности, которая исследуется. Восхождение от абстрактного к конкретному как импульс исследования, а не, наоборот, от конкретного к абстрактному неизбежно, потому что само выделение исследуемых объектов как общности, единства из бесконечного множества фактов возможно лишь после мысленного выявления некоторого свойства, стороны, характеристики этих объектов, которая не просто позволяет обнаружить нечто общее в этих объектах, но оказывается связанной с сущностью исследуемой целостности в процессах ее саморазвития. Как отмечал выдающийся советский философ Э. Ильенков, «абстрактно обрисованное целое (а не неопределенное море единичных фактов), постоянно витающее в представлении как предпосылка всех последовательно совершаемых актов анализа, в итоге предстает в сознании как *внутренне расчлененное целое*, т.е. как конкретно понятое целое, как верно отраженная конкретность»¹.

¹ Ильенков, Э.В. Диалектическая логика / Э.В. Ильенков. М., 1984. С. 234.

Диалектическая логика настаивает при этом на взаимосвязи и неразрывности в процессах мышления *анализа и синтеза, индуктивных и дедуктивных умозаключений*, рассматривая их не как разнородные отдельные акты мышления, а как аспекты, стороны развития мысли. Действительно, анализ происходит в прямой зависимости от того, как связаны части в целом. При таком способе мышления исследователь, отталкиваясь от абстрактно-всеобщего определения объекта, одну за другой реконструирует его конкретные особенности в их взаимозависимостях, получая в результате систему теоретических понятий, позволяющих отразить целостный объект в его развитии и даже прогнозировать его возможные изменения. Логика мышления в таких случаях повторяет и предвосхищает логику развития объекта, что позволяет анализировать диалектическую взаимосвязь логического и исторического методов в рассуждении.

Такая связь может быть реализована двумя способами. Первый, *собственно исторический метод* состоит в том, чтобы сопоставить историю содержания мысли, понятий (логическое) и реальную историю объекта, историю фактов (собственно историческое). Это позволяет проводить переосмысление, уточнение содержания понятий и концептуальных схем, отражающих изменения объекта с учетом и вновь открываемых фактов, и обогащения логического инструментария, который используется обществом. Второй, *логический метод* заключается в том, что состояние объекта в момент исследования рассматривается как вообравшее в себя результаты его исторического развития, существенные связи которого могут быть вскрыты, воспроизведены путем логической реконструкции более глубоко, нежели в момент их зарождения. По мнению Э. Ильенкова, логический способ имеет целый ряд преимуществ. С одной стороны, потому что развитая стадия эмпирически обнаруживает гораздо более остро и отчетливо все те тенденции, которые в более ранний период разглядеть было трудно. С другой стороны, этот способ дает в качестве непосредственного результата критически-теоретическое понимание современных фактов и проблем, в то время как исторический способ теоретически прояснял бы лишь вчерашний день в развитии объекта, а понимание современности пришлось бы получать отдельно¹.

Только этот способ мышления, отправляющийся от абстрактно-всеобщего определения исследуемого объекта и последовательно, шаг за шагом прослеживающий все основные всеобщие зависимости, характеризующие в своей совокупности это целое, приводит в конце концов к развитой системе всеобщих теоретических понятий, отражающей то живое, саморазвивающееся целое, которое с самого начала было выделено как объект анализа и «витало в воображении» как предпосылка и одновременно как цель работы мышления.

¹ Ильенков, Э.В. Диалектическая логика / Э.В. Ильенков. С. 242.

В последнее время можно говорить в какой-то мере о «забвении» диалектической логики, хотя она выступает такой же основой культуры мышления, как и формальная логика. Разница лишь в том, что диалектическая логика **проецирует в мышлении противоречия развивающегося предмета**, переходы между его противоположными характеристиками, связь явления и сущности, формы и содержания, общего и единичного, действительного и возможного, необходимого и случайного, причины и следствия, части и целого, выступая логикой мышления «на длинных дистанциях», а формальная логика **нормирует, рефлексивирует отдельные элементы диалектического рассуждения** в соответствии с присущими ей законами «на коротких дистанциях».

Однако диалектическая логика в сфере научного познания охватывает не только рефлексии содержания отдельных понятий или суждений в рамках определенной теории. Ее принципы и законы оказывают регулирующее воздействие на весь процесс теоретического рассуждения, проявляются в непосредственной активности мышления. Ученый, проводя мысленные эксперименты, в большинстве случаев **противопоставляет** устоявшиеся теоретические положения различным допущениям, получая иногда весьма эвристичные антитезисы, которые в дальнейшем могут служить основой синтеза новых теоретических моделей данной предметной области. Так, гиперболическая геометрия Н. Лобачевского стала результатом критической рефлексии выдающегося русского математика над постулатами классической геометрии Евклида. В противоположность формулировке 5-го постулата, истинность которого не так очевидна, как первых четырех¹, Лобачевский сформулировал аксиому о том, что через точку, не лежащую на заданной прямой, можно провести более одной прямой, параллельной этой заданной прямой. Логическим следствием принятия такого антитезиса евклидовой аксиомы стало конструирование ряда специфических представлений о свойствах пространства, переформулировка привычных теорем и т.д.

Позже возникла еще одна из «великих» геометрий — геометрия Римана, в которой тому же 5-му постулату Евклида был противопоставлен тезис о том, что через точку, не лежащую на данной прямой, нельзя провести прямую, не пересекающую данную.

В истории науки диалектическая логика эвристически проявляет себя и в отношениях между конкурирующими теориями, что в ряде случаев может привести к диалектическому синтезу их положений. Так, в современной физике утвердились идеи о том, что всем микрообъектам присущи и корпускулярные, и волновые свойства, т.е. в зависимости от внешних условий они могут проявлять себя как в виде волны, так и в виде частицы. Диалектический синтез осуществляется и в области биологии, в которой перво-

¹ Успенский, В.А. Апология математики / В.А.Успенский // <http://elementy.ru/lib/430915>

начальные идеи изменчивости биологических видов в ходе эволюции продуктивно сочетаются с идеей устойчивости гена как носителя наследственной информации, дополняясь учетом факторов изменений и устойчивых особенностей внешней для живых организмов среды. Преодоление противоречий, вызванных проникновением эволюционных принципов в целый ряд дисциплин, таких, как биология, геология, психология, и сохранившейся в то же время моделью стационарной Вселенной в физике привело не только к фундаментальным преобразованиям собственно физической картины мира, но увенчалось формированием глобального, или универсального, эволюционизма как наиболее общей современной концепции развития Вселенной. Таким образом, диалектическая логика как методология в целом может реализовываться и проследиваться как в рамках отдельно взятых теорий, так и в отношениях теорий в определенной предметной области; как в междисциплинарном синтезе идей, так и в интеграции специальных научных картин мира, как в исследованиях внутренней логики поэтапного развития научного знания, так и в анализе связей научного знания и окружающей реальности, в том числе жизнедеятельности социума.

Диалектическая логика позволяет глубоко и всесторонне исследовать целостные масштабные явления, в чем современный российский исследователь А.В. Бузгалин видит причины осторожного отношения к ней современной науки, которая, будучи специфическим общественным институтом, не может не выражать в своем развитии доминирующую систему ценностей. Современные интеллектуалы ангажированы социальным заказом, который в настоящее время определяется не обществом в целом, а наиболее обеспеченной его прослойкой, корпоративно организованным бизнесом. Отсюда исследования частичного характера, «микротемы», в которых затрагиваются вопросы финансовой эффективности, манипулирования потребителем, маркетинга, PR-технологий. Естественные науки также программируются прагматическими целями. «Диалектическая логика с ее целостно-системным мышлением оказывается слишком масштабным и слишком критичным по отношению к существующим правилам игры орудием для решения массы таких практических проблем»¹, — пишет А.В. Бузгалин. Кроме того, корпоративные институты современного общества востребуют узко-профессиональную модель работника-интеллектуала, который выступает как «функция», реализующая принятые правила деятельности, нацеленной на «позитивные», а не критически-диалектические выводы.

Еще одним основанием отторжения диалектики Бузгалин считает «нарастание новых форм духовного отчуждения, свойственных для эпохи глобальной гегемонии капитала с его механизмами тотального подчинения

¹ Бузгалин, А.В. Диалектика: реактуализация в мире глобальных трансформаций / А.В. Бузгалин // Вопросы философии. 2009. № 5. С. 21.

личности человека стереотипам массового потребления и масс-культуры, политико-идеологического манипулирования и т.п. С характерным для него вследствие этих причин массовым конформизмом». В таких условиях адекватными становятся теоретико-методологические схемы, позволяющие такой конформизм и рабство по отношению к манипулятивным структурам считать нормой: даже если сложившуюся систему и критикуют, например, с помощью методологии постмодернизма, то альтернативы ей не предлагают.

В отличие от позитивистской методологии, направленной на описание предмета по определенным логическим основаниям, и постмодернистского критически-игрового анализа действительности, диалектическая логика, нацеленная на поиск новых противоположных смыслов в сложившейся реальности, сохраняет не только познавательный потенциал глубокого, объемного видения проблем, но и потенциал разработки альтернативных моделей их решения.

ГЛАВА 17. НАУКА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ

17.1. Наука — важнейшая подсистема современного социума

Наука является одним из социальных институтов, основная задача которого состоит в организованном производстве достоверных знаний о природе, обществе и человеке. Как социальный институт наука представляет высокоинтегрированную систему субъектов научной деятельности (индивидуальных и коллективных), организаций и учреждений, координирующих работу ученых, норм и принципов научного этоса, определяющих социально-культурные императивы научного поиска, структур, занятых подготовкой научных работников издательств, выпускающих научные журналы и монографическую литературу.

Оформление науки в особый социальный институт становится возможным и необходимым тогда, когда со стороны общества возникает запрос на регулярное получение достаточно обоснованных знаний, которые можно использовать в материальном производстве, экономике, социальном управлении, оборонной сфере, медицине, образовании и воспитании. Такие условия сложились в техногенной цивилизации, которая с XV в. утверждается в Западной Европе и достигает классической стадии развития в Новое время. Для этой цивилизации показателем проективного характера культуры, устремляющей субъектов социальных действий на перманентное обновление основных сфер коллективной жизни — материально-производственной, политической, собственно социальной и духовной. Отнюдь не случайно *наукоцентризм* становится ведущим фактором развития новоевропейского общества.

Сложившись, институт науки не остается неизменным. Он резонирует с другими сферами общества и адаптируется к происходящим в них процессам. Это хорошо заметно в переломные моменты истории — таковым является и наше время, когда мировая цивилизация осуществляет переход от индустриализма и модерна к постиндустриализму и постмодерну. В подобных бифуркационных точках судьбы стран и народов во многом зависят от выбора субъектами истории социокультурных приоритетов, среди которых видное место занимают ценности науки. Знаковым явлением современного этапа развития мирового сообщества становится превращение знания в важнейший социальный ресурс.

Еще в 60-е гг. прошлого века американский социолог Д. Белл обнаружил зарождавшуюся тенденцию перехода общества в стадию доминирования информационных услуг над производственной сферой. Исследователь отмечал, что наука и образование начинают определять уровень развития общества, а в стоимости продуктов человеческой деятельности все большую долю занимает не живой труд, а информация.

Общепринятым положением социально-гуманитарного знания стало признание того, что *техногенная цивилизация* вступила во второй половине прошлого века в полосу глубокого эволюционного кризиса, индикаторами которого выступают противоречия между лавинообразным увеличением численности населения планеты и ограниченными естественными ресурсами жизнеобеспечения, сокращением с развитием медицины детской смертности и подрывом человеческого генофонда, резким расширением масштабов хозяйственной деятельности и разрушением биосферы. Уже ясно, что базовые принципы техногенной цивилизации, направленные на увеличение прибыли в экономике и сверхпотребление вещественных благ, на расширяющееся использование естественных ресурсов, на милитаризацию международных отношений, вызывающих перегрузку экономики, растрату человеческого капитала и антропологические катастрофы, а главное, сеющие вражду между народами и не позволяющие объединить усилия разных стран для решения глобальных проблем, исчерпали себя. В сложившихся обстоятельствах перспективной оказывается концепция общества, основанного на знаниях. Понятие «общество, основанное на знаниях», подчеркивает, что именно научные знания, относящиеся к инженерной деятельности, социальной сфере и экономике, сыграют решающую роль в формировании будущих цивилизаций, культур и ценностей¹.

Необходимо отметить существенное отличие данной концепции от концепции технологического детерминизма. Концепция технологического детерминизма рассматривает науку вкуче с ее технологическим приложе-

¹ *Ракитов, А.И.* Общество, основанное на знаниях / А.И. Ракитов // Вестник Российской академии наук. 2004. Т. 74. № 7. С. 601.

нием как самодовлеющий фактор, оказывающий решающее влияние на развитие общества. Между тем *концепция общества, основанного на знаниях*, признает науку социальным институтом, который является составным элементом социального контура, включающего и другие институты: потребление научного продукта, предпринимательскую деятельность, информационное обеспечение процессов мотивации научных разработок, производства и потребления соответствующего продукта. Эта концепция предполагает наличие прямой и обратной связи всех элементов контура, что обеспечивает разработку наукой социально востребованного знания.

Разразившийся эволюционный кризис техногенной цивилизации породил глобальные мегариски: существует угроза целостности биосферы, сохранению жизни и здоровья людей, процессу обеспечения производства естественными ресурсами. Он обострил проблему социальных гарантий человеческого существованию и цивилизационному развитию. В данном контексте прежняя схема взаимосвязи науки с обществом оказывается слишком расточительной. Уже недостаточно для науки просто открывать истину и проходить трудный путь внедрения ее результатов в практику. Большое значение приобретает *социальная эффективность знаний*. Начинает складываться *новая схема взаимоотношения науки с инженерной и социальной практикой*, получившая название «технонаука». «Эффективность функционирования контура технонауки во многом обеспечивается тем, что в него встроены механизмы выявления потребительских интересов и ожиданий, которые благодаря применению социальных и гуманитарных технологий, в свою очередь, доводятся до сведения бизнеса и лаборатории и становятся факторами, определяющими стратегию развития технологий»¹. В современном обществе взаимоотношение науки и инженерной практики опосредуется социальным заказом. Спрос на новую технологию определяет ее научную разработку. Так, потребность в передаче энергии на большие расстояния с наименьшей потерей привела к созданию композитных материалов. Принципиально то, что инженерные проблемы перестают быть самодовлеющими: *наука обретает человеческое измерение, все более наполняясь гуманистическим содержанием*.

Характерной тенденцией организации научных исследований в наше время оказывается проблемная их ориентация, а не тем, как раньше, предметная. Для оперативного решения возникающих в практической деятельности вопросов нередко создаются временные научные коллективы, которые могут состоять из представителей разных областей знания. Для финансирования научных исследований и прикладных разработок часто используется венчурный (рисковый) капитал. Новая форма организации научных

¹ Юдин, Б.Г. Знание как социальный ресурс / Б.Г. Юдин // Вестник Российской академии наук. 2006. Т. 76. № 7. С. 591–592.

исследований отличается гибкостью и динамизмом. Она обеспечивает достаточно надежную двустороннюю связь научного коллектива с потребителем его продукции.

Итак, наука становится *эффективным генератором развития общества*. Она входит в социальный контур жизнеобеспечения общественного организма в качестве его важнейшего звена. Основной ее функцией является производство знаний, поддерживающих адаптивно-адаптационный характер социальных действий.

В Республике Беларусь имеются все организационные формы науки — академическая, вузовская и отраслевая, а также многочисленные конструкторские бюро. В стране ведется подготовка научных кадров через аспирантуру и докторантуру. В советский период истории Беларусь была одной из наиболее наукоемких республик. Белорусские ученые достигли высоких результатов в области математики, радиофизики, оптики и спектроскопии, медицины, агрономии и в некоторых других сферах научных исследований.

17.2. Эволюция организационных форм научного познания и институализация науки

Процесс институализации науки начинается в XVII в. в Западной Европе. В результате возникают первые академические учреждения: в 1660 г. Лондонское королевское общество, в 1666 г. Парижская академия наук, в 1724 г. Петербургская академия наук и др. Затем начинают формироваться различные профессиональные ассоциации и объединения ученых, коммуникация и деятельность в которых определялись нормами и правилами научного поиска. К ним можно отнести «Французскую консерваторию (хранилище) технических искусств и ремесел» (1795), «Собрание немецких естествоиспытателей» (1822), «Британскую ассоциацию содействия прогрессу» (1831) и т.д. Возникает особый тип сообщества («Республика ученых»), утверждающий новые формы коммуникации как внутри этой профессиональной корпорации, так и на внешнем уровне в процессе взаимодействия с различными социальными институтами.

Однако для того, чтобы понять реальное значение инновационных форм институализации науки, которые были реализованы начиная с XVII в. в ряде стран Западной Европы, следует обозначить основные вехи процесса становления организационных форм научной деятельности в предшествующий исторический период¹. Конечно, те организационные и коммуникационные структуры, в рамках которых проводились различные исследования и осуществлялась духовно-интеллектуальная деятельность в раз-

¹ Голубинцев, В.О. Философия науки / В.О. Голубинцев [и др.]. Ростов н/Д, 2007.

личные эпохи, предшествовавшие новоевропейской научной революции, нельзя в полной мере квалифицировать как собственно организационные формы науки. Скорее, это были своеобразные корпорации мыслителей, философов, исследователей, которые объединялись для проведения интеллектуальных занятий и изучения явлений на принципах преднауки и протонаучной познавательной деятельности.

Уже в эпоху античности появились своеобразные научные сообщества или философские школы. Одной из первых таких институциональных структур стала Академия Платона, просуществовавшая почти 100 лет. Известно, что, над воротами, сада, в котором знаменитый основатель этой школы проводил занятия и вел философские беседы с учениками, было высечено изречение: «Пусть сюда не войдет никто, не знакомый с математикой». В этом афоризме была выражена одна из смыслообразующих интенций античной науки, которая наиболее ярко проявилась в обосновании первых в истории математических программ научного познания.

Знаменитым центром научных изысканий и философских исследований во времена античности стала Александрия эпохи Птолемея. Большая группа ученых работала здесь, совместно изучая проблемы механики, математики, астрономии и других наук. Это был своеобразный прообраз будущих университетов, где на основе учения Аристотеля разрабатывались многие идеи и концепции в различных областях знания, аккумулировалась уникальная для того времени библиотека как хранилище рукописей и научных экспонатов.

Наиболее характерной формой организации познания в эпоху Средневековья становится университет. Старейшим университетом в Западной Европе является Болонский университет, который возник в XI в. К XII в. многие соборные школы, организованные церковью для обучения духовенства грамоте, обретают статус университетов, в которых задачи обучения заметно расширяются. В XII в. появляются университеты в Париже и Оксфорде. В XIII в. основаны университеты в Кембридже, Падуе, Неаполе, Саламанке, в XIV в. — в Праге, Кракове, Вене.

Средневековый университет, как правило, состоял из факультетов: артистического или свободных искусств, который оценивался как подготовительный, и трех высших: юридического, медицинского и теологического. На артистическом факультете, который позднее стал называться философским, преподавали семь свободных искусств: тривиум — грамматику, риторику, диалектику, затем квадриум — арифметику, геометрию, астрономию, теорию музыки. Процесс обучения состоял из лекций и диспутов. После овладения курсом тривиума и сдачи соответствующего экзамена присуждалась степень бакалавра искусств, после овладения курсом квадриума — степень магистра искусств. На высших факультетах присуждались степени магистра и доктора наук, соответственно профилю факультета. Средневеко-

вый университет был, прежде всего, корпорацией учеников и учителей, т.е. своеобразным сообществом, ориентированным на сохранение, упорядочение и систематизацию знания.

В эпоху Возрождения, в XV—XVI вв., под влиянием интеллектуального движения гуманистов возникают новые формы организации познавательной деятельности. В них часто провозглашались цели возрождения античных традиций, а сами они именовались академиями. Учения Платона и неоплатоников составляли философско-концептуальную основу интеллектуальной и образовательной деятельности этих школ. Наряду с проблемами натурфилософии в них особое внимание уделялось изучению истории, языков и литератур. В этом отношении большинство школ эпохи Возрождения существенно отличались от средневековых университетов, где эти области знания практически не были представлены.

Организационная структура ренессансных академий также в значительной степени отличалась от университетских корпораций. Во-первых, она носила очевидно выраженный светский характер. Во-вторых, как правило, в них ученики или группы свободных интеллектуалов объединялись вокруг наставника либо своего патрона — крупного магната, вельможи или монаршей особы.

Важно отметить еще одно принципиальное отличие: приоритетом их познавательной деятельности все более ощутимо становятся опыты и наблюдения над природными явлениями. Важнейшей гарантией достоверности и объективности проводимых опытов являлась коллективность их организации и повторяемость, воспроизводимость экспериментов. Так выкристаллизовывались принципиально новые императивы познания, утверждавшие приоритет опытного познания.

Эти важные особенности в деятельности интеллектуальных кружков и академий эпохи Ренессанса подготовили реальный процесс институализации науки в последующий период Нового времени. Своеобразным символическим событием, ознаменовавшим начало этого процесса, стало образование Лондонского Королевского общества.

Предыстория Общества восходит к Лондонскому Грэшем-колледжу, в котором в 40-е гг. XVII в. происходили еженедельные публичные лекции по «экспериментальной философии», а также дискуссии по актуальным проблемам науки. 28 ноября 1660 г. двенадцать членов этого кружка приняли «Меморандум» о решении создать «Коллегию, способствующую развитию физико-математического экспериментального учения». Так было положено начало знаменитому Лондонскому Королевскому обществу, в котором уже просматривался прообраз будущих полноценных академий наук¹.

¹ Голубинцев, В.О. Философия науки / В.О. Голубанцев [и др.]. С. 435.

Институциональная интерпретация науки впервые обосновывается в рамках **социологии науки** как одной из важнейших форм ее дисциплинарного исследования. Формирование социологии науки происходит в 30-е гг. XX в. и обычно связывается с деятельностью таких ученых, как Дж. Бернал, П. Сорокин, Т. Парсонс, Р. Мертон. Отметим, что конституирование социологии науки, как специфической формы дисциплинарно организованного знания опиралось на значительную традицию социально-философских исследований науки и научного познания, которая была представлена в трудах Э. Дюркгейма, К. Маркса, М. Вебера, М. Шелера, К. Мангейма и других философов и социологов. Безусловный приоритет в разработке и обосновании социологии науки как относительно самостоятельной области исследования, имеющей свой предмет, специфический категориальный аппарат и особые методы познания принадлежит Р. Мертону — одному из основоположников «институциональной» социологии науки. Главным в его концепции является обоснование особого статуса науки как социального института. Понятие «социальный институт» трактуется в западной социологии как устойчивый комплекс формальных и неформальных правил и норм, регулирующих человеческую деятельность и организующих ее в систему ролей и статусов.

По мнению Р. Мертона, особенность науки как социального института определяется тем, что только она дает нам объективно-предметное и истинное знание. Основным механизмом, определяющим функционирование науки, является совокупность норм и императивов, регулирующих профессиональную деятельность ученых как членов научного сообщества. Эти правила профессионального поведения обеспечивают своеобразие науки как социального института и гарантируют его стабильное функционирование, несмотря на то, что ученые рассредоточены в пространстве и времени и включены в различные социокультурные системы. Обязательный для науки комплекс ценностей и норм, который Р. Мертон называет «научным этосом», включает в себя четыре основополагающих «институциональных императива»: универсализм, коллективизм (или общность), бескорыстность и организованный скептицизм.

Универсализм предполагает независимость результатов научной деятельности от субъективно-личностных контекстов научного познания, поскольку наука продуцирует объективно-личностное знание, являющееся инвариантным независимо от условий, места и времени. Согласно данному императиву, наука — это интернациональное и демократическое предприятие.

Коллективизм предписывает ученому незамедлительно передавать плоды своих трудов в общее пользование, т.е. сразу же после тщательной проверки научных результатов знакомить с ними всех членов сообщества. Научные открытия образуют общее достояние и принадлежат исследователь-

скому коллективу. Ученый как автор открытия может претендовать только на право приоритета, но не собственности, что гарантирует ему лишь профессиональное признание и уважение.

Бескорыстность определяет главную задачу профессионального поведения ученого — достижения истины. Этот императив направлен на радикальный запрет любых действий с целью приобретения признания за пределами научного сообщества (финансовый успех, власть, слава, популярность и т.д.).

Организованный скептицизм требует детальной и всесторонней проверки любого нового научного результата.

Согласно Р. Мертону, названная комбинация норм или императивов обеспечивает функциональную цель науки — продуцирование нового объективно-истинного знания и его дальнейшее развитие. Р. Мертон считает, что основополагающей мотивацией является стремление ученого к профессиональному признанию в научном сообществе. Действенность норм научного этоса Р. Мертон основана на предположении о полной нормальности поведения ученого. Впоследствии, Р. Мертон отказывается от этого идеализированного представления о реальной практике научных исследований. Он анализирует такие явления в жизни науки, как конкуренция, подозрительность, зависть, скрытый плагиат и т.д. В результате обосновывается вывод о существовании так называемой «социологической амбивалентности», т.е. двойственности и противоречивости мотивов и, соответственно, профессионального поведения ученого.

Исследуя приоритетные конфликты и феномен многократных открытий, Р. Мертон заключает, что реальные отношения в науке существенно отличаются от их идеализированной модели, описываемой в рамках институционально-нормативной парадигмы. В работе «Амбивалентность ученого» (1965) он рассматривает целый ряд противоположных нормативных требований, которые реально регулируют научно-исследовательскую деятельность. Например, ученый должен как можно быстрее сообщать о своих новых результатах членам научного сообщества; вместе с тем он обязан тщательно их проверять и не торопиться с публикацией, быть восприимчивым к новым идеям и концепциям. При этом он не имеет права поддаваться интеллектуальной моде, а должен последовательно отстаивать свои научные взгляды и принципы и т.д. Развивая идею амбивалентности, Р. Мертон, осуществляет комплексный анализ бытия науки и выделяет четыре основных роли, которые может выполнять ученый на разных стадиях его профессиональной карьеры: исследователь, учитель, администратор, эксперт.

Во второй половине XX в. мертонианская нормативная парадигма в социологии науки подвергается систематической критике и в значительной мере уступает свои позиции социокогнитивной парадигме (М. Малкей, У. Коллинз, Т. Кун и др.). В рамках этого подхода наука все более осязаемо

лишается своего объективно-эпистемологического статуса и начинает интерпретироваться, прежде всего, как социокультурный феномен, детерминруемый этнонациональными, коммуникационными и другими социальными и ценностными факторами.

Институциональный подход к науке позволил обосновать репрезентативную классификацию ее организационных форм, доминирующих на различных этапах развития общества. Выделяют так называемую «малую» и «большую» науку.

«Малая» наука представляет собой такую совокупность ее организационных форм, которая преобладала в классический период ее существования. В это время научная деятельность еще не стала широко распространенной профессией и не выступала в функции основы технологий производства и социально значимых типов деятельности.

Лишь в XX в., когда формируется развитая инфраструктура науки (широкая сеть научно-исследовательских и информационных центров; система высшего и постдипломного образования, включающая в свой состав различные научно-исследовательские учреждения; промышленные и производственные корпорации, интегрированные со структурами отраслевой науки и др.), возникает *«большая» наука*. Она приобретает статус одной из самых приоритетных форм деятельности, обеспечивающей современным обществам возможности устойчивого развития и высокого качества жизни. Сегодня мировая наука включает в свой состав более 15 тысяч научных дисциплин и междисциплинарных исследовательских стратегий. Практически необозримые потоки научной информации ставят задачу глобальной инвентаризации фондов современного научного знания и оптимальной классификации нескольких сотен тысяч научных изданий, журналов и других форм трансляции знаний. Совокупный объем научной информации в некоторых новейших направлениях и дисциплинах науки удваивается каждые 2–3 года. Таким образом, «большая» наука становится не только важнейшим фактором развития многих сфер производства, но и выступает в функции основополагающей социокультурной инстанции любого современного общества.

В середине XX в. экспертами ЮНЕСКО была предложена иная классификация форм организации и проведения научных исследований. В рамках этой классификации выделялись:

- 1) фундаментальные научные исследования;
- 2) прикладные исследования;
- 3) опытно-конструкторские разработки.

В отечественной традиции вся совокупность этих научно-исследовательских работ обозначалась аббревиатурой НИОКР (научные исследования и опытно-конструкторские разработки).

С развитием научно-технического прогресса и активным внедрением наукоемких технологий в структуру основных типов деятельности данная типология все более рельефно обнаруживает свою ограниченность и неадекватность. В современных обществах, когда научное сопровождение становится необходимым условием успешности и эффективности большинства форм и типов деятельности, нередко все три названных разновидности научных исследований пересекаются и обуславливают друг друга. В таких случаях говорят о междисциплинарных или комплексных научных исследованиях. Примером этих ситуаций могут быть проекты и программы социально-экологического мониторинга городов и урбанизированных комплексов, научного сопровождения модернизации и реформирования экономической, социальной, культурной подсистем общества и др.

Реально функционирующая система научных исследований органично соединяет две диалектически взаимосвязанные тенденции. С одной стороны, она всегда ориентирована на генерацию нового знания и интеллектуальных инноваций, с другой — сама наука, как социальный институт, может существовать лишь при условии сохранения исследовательских традиций и преемственности в деятельности научных сообществ. Одной из форм такой преемственности в науке является формирование и развитие научных школ.

Научная школа — это интегрированный единой программой и общим стилем мышления коллектив исследователей возглавляемый, как правило, широко известным и признанным ученым, выполняющим функции лидера и генератора идей. В науковедении различают классические и современные научные школы. К первым относят возникшие в XIX в. на базе крупнейших европейских университетов научно-исследовательские центры, которые наряду с образовательными задачами решали и проблемы научной сферы. Второй тип научных школ появляется уже в XX в., когда формируются адресные научные программы, выступающие как социальный заказ, а их выполнение определяется уже не столько ролью и влиянием научного лидера школы, сколько базисными целевыми установками исследования.

В современной социологии науки принято различать «внутреннюю» и «внешнюю» социальность науки или ее микроконтекст и макроконтекст.

Первый уровень социальности обычно интерпретируют как структурно-функциональную зависимость науки от характеристик научного сообщества или исследовательской группы; второй рассматривают как форму общей социокультурной детерминации научной деятельности и ее взаимосвязей с экономикой, политикой, бизнесом, культурой и другими подсистемами социальной жизни.

Продуктивность такой дифференциации различных контекстов социокультурной природы науки подтверждается ее использованием не только в социологических, но и в философско-методологических исследованиях научного познания. Так, например, один из широко известных представи-

телей критического рационализма И. Лакатос в своем анализе структуры и динамики науки вычленяет «внешнюю» и «внутреннюю» ее историю. В рамках первой реконструируются социальные и социально-психологические контексты существования и развития научных исследований. Вторая же предполагает рационально-логическую реконструкцию динамики основных идей и концепций науки, развивающихся в пространстве третьего мира (в терминологии К. Поппера) в соответствии с имманентными для науки законами и правилами.

В социологии рассмотренная дифференциация различных контекстов бытия науки в конкретной социокультурной среде обнаруживает себя как разделение когнитивной и социальной ее институализации.

Согласно Р. Уитли, *когнитивная институализация* обнаруживает себя в форме интеллектуальной и социально-психологической или ментальной скоординированности членов дисциплинарного сообщества и возникающей в связи с этим приверженности к единым эталонам и нормам исследования, а также общему для всей группы ученых стандарту профессиональной корпоративности. При этом достигается достаточно высокая степень лингвистической и символической инвариантности совместной исследовательской деятельности, что весьма важно как для достижения эффективных и объективно значимых результатов в науке, так и для плодотворной коммуникации внутри научного сообщества. В этом смысле когнитивная институализация позволяет успешно идентифицировать предметную область исследования или формирующееся направление в науке и достаточно эксплицитно отличать их от конкурирующих стратегий научного поиска.

Социальная институализация — это степень интегрированности ученых в рамках формальных структур научной деятельности, таких, как дисциплинарные сообщества, ведущие журналы, этические кодексы, социально-нормативные системы контроля и регуляции профессионального поведения. Этот тип институализации проявляется в формах социального признания той или иной научной корпорации, а также возможных ее взаимосвязей с различными подсистемами общества. Наука является неотъемлемым и органичным компонентом современных интенсивно развивающихся обществ. Причем многочисленные и многообразные формы взаимосвязи науки и социальной жизни могут быть (с известной долей упрощения) классифицированы по двум важнейшим основаниям:

1) использование научных знаний, средств и методов науки для решения актуальных проблем социально-экономического, политического и культурного развития современных обществ в условиях глобализации;

2) разработка эффективных и адекватных реально функционирующей науке форм, средств и методов социального контроля над ней, а также тщательно дифференцированной градации исследовательских приоритетов и критериев материально-инвестиционной, моральной и символической поддержки научного сообщества.

К важнейшим направлениям социальной институализации науки можно отнести следующие формы и уровни ее взаимосвязи с обществом:

- наука и современные инновационные технологии в сфере экономики и бизнеса;
- наука и рационализация форм и технологий социального управления;
- наука и динамика социально-политических процессов на государственном и межгосударственном уровнях;
- сложная конфигурация отношений науки и власти, которая обнаруживает себя как в превращении научного знания в реальный властный ресурс, когда наука становится эффективной формой господства и социального контроля, так и в использовании современных научных достижений в интересах социального управления и манипулирования общественным и индивидуальным сознанием;
- наука и образование, в процессе взаимодействия которых становятся возможными не только передача и трансляция социально накопленного опыта, но и профессиональная социализация личности как субъекта конструктивно-творческого отношения к действительности.

17.3. Субъект и объект научного исследования. Понятие научного сообщества

Превращение науки в социальный институт стимулировало интерес к философскому осмыслению природы научного творчества. Не случайно именно в новоевропейской философии впервые была специально поставлена проблема субъектно-объектных отношений в сфере научного познания. Преобладание в классической философии механистического воззрения на мир сказалось и на понимании субъектно-объектных взаимоотношений. Субъект и объект рассматриваются как внеположенные образования. Для Р. Декарта человек есть мыслящая вещь. Философы конструируют весьма абстрактный образ субъекта познания: он предстает человеком, существенной особенностью которого является мышление. Однако возникают серьезные трудности при объяснении самой способности мыслить, наличия у людей общих идей и определении источника чувственных данных. Высказываются суждения о врожденных идеях, об изначальной предрасположенности человека к логической обработке чувственного материала, о чувственном опыте как своеобразной кальке воздействующих на нас вещей, о содержании знаний, которое предстает в виде комплекса ощущений. В любом из этих подходов субъект оказывается неполным, односторонним.

В свою очередь, в науке формируется *объектное видение действительности*, которая рассматривается как *противостоящая субъекту реальность*. Мир выглядит неким механическим агрегатом различных объектов

со множеством строго фиксированных свойств. От субъекта науки ожидают, что он откроет и опишет эти свойства.

Но уже представители немецкого классического идеализма заметили, что субъект — *не вещь: он активно добывает знания*. И. Кант различает трансцендентального субъекта, носителя родового сознания людей, и эмпирического человека. Трансцендентальный субъект обеспечивает всеобщий и необходимый характер приобретаемых знаний, поскольку они связаны единой для них формой. Эмпирический субъект вносит в формируемое знание специфическое содержание, что объясняется особенностями явленного в ощущениях материала. Но и в немецкой классической философии человек по-прежнему остается частичным существом: его мышление — не более, чем единичное выражение правил и категорий трансцендентального сознания, приводящих в определенный порядок данные чувственного опыта. Вне сферы анализа оказываются такие важнейшие элементы духовной жизни, как память, интуиция, воля, эмоции, воображение, фантазия. К тому же подобный субъект выступает своеобразным социальным атомом, на познавательные способности которого не оказывают сколько-нибудь заметного воздействия история и культура.

Понимание природы субъекта и объекта научно-исследовательской деятельности и их взаимоотношения претерпевает серьезные перемены в неклассической философии. Намечается тенденция к целостной экспликации субъекта познания. Датский философ С. Кьеркегор, критикуя Г. Гегеля за уход от реального человека в сторону панлогизма, замечает, что тот обломал с дерева жизни сухую ветку вместе с гнездом истлевшего на ней Бога. Наряду с логико-гносеологическими качествами субъекта философы начинают анализировать его культурно-исторические, социальные и экзистенциальные особенности. Обращение к исследованию антропологических свойств субъекта прослеживается в герменевтике, марксизме, экзистенциализме и персонализме. Узкогносеологическая интерпретация субъекта и объекта познания сменяется *более широкой и цельной экзистенциально-антропологической концепцией*.

Принципиально новым положением явилось объяснение познавательной активности субъекта на основе внутренне мотивированного действия. Выявляется ограниченность трансцендентального и панлогического подходов к анализу субъекта познания, при которых его активность признается поведением, источник которого находится вне человека.

Переосмысливается также проблема взаимоотношения субъекта и объекта познания. Признается *соотносительность выражающих их понятий*. В. Дильтей отмечает, что как субъект, так и объект изначально включены в бытие и взаимодействуют в силу естественной необходимости. Следовательно, субъект обладает некоторым исходным опытом: он всегда пребывает и действует в некоторой природной среде и определенных социально-

исторических обстоятельствах. Противопоставление субъекта и объекта, присущее классической философии, является результатом рефлексии с абстрагированием от их реальных связей.

Зреет понимание того, что субъект-объектный анализ познания необходимо дополнить исследованием роли и места в этом процессе субъектно-субъектных взаимоотношений. Подобные рассуждения встречаются в работах Л. Фейербаха, М. Бубера, М. Бахтина. Научное познание носит *интерсубъективный характер: оно является коллективной деятельностью*. Наука немислима без использования наработанных предшественниками и оправдавших себя методов исследования, сформированного понятийного аппарата, собранного фактического материала, созданных знаковых систем для фиксации и логической обработки накопленных данных о предмете исследования. Наука предполагает также сотрудничество ученых с разделением и кооперацией труда, с иерархизацией и субординализацией отношений. Наука не может успешно развиваться и без социального заказа на разработку актуальных проблем и решение назревших задач в промышленности, сельском хозяйстве, строительстве, медицине, обороне, экологии, образовании, на транспорте и в системе коммуникации.

Очевидно, наука тесно вплетена в систему социально-культурных отношений. Уровень и тип экономики, политико-правовая структура общества, ценностные приоритеты оказывают существенное влияние на состояние и динамику науки. В свою очередь, наука постоянно усиливает свое воздействие на самые разные сферы общества, заметно интенсифицируя протекающие в них процессы.

Субъект научного познания формируется в конкретно-исторических условиях под влиянием присущих данному обществу социокультурных ценностей. Социальные приоритеты определяют идеалы общества на том или ином витке его эволюции. Ориентируясь на них, субъект научной деятельности формулирует цель исследования и намечает ряд задач, решение которых ведет к ее осуществлению. В соответствии с целью и задачами из массива вещей и явлений реального мира выделяется объект исследования. Он может быть как естественным, так и искусственным.

Заметим, что подвергаемый научному анализу фрагмент реальности превращается в идеальный объект. С помощью абстрактных понятий ученые фиксируют существенные свойства вещей и явлений, доводя их до предельной степени выражения, описывают и идентифицируют изучаемые феномены. Так появляются теоретические объекты типа идеального газа, несжимаемой жидкости и общественно-экономической формации, удастся раскрыть некоторые закономерности природы и общества, например установить зависимость давления газа от его температуры и плотности.

Субъектом научной деятельности выступает не только отдельный ученый. На ранней стадии эволюции института науки было немало ученых-энциклопедистов. Г.В. Лейбниц проявил себя не только как философ: он известен также как выдающийся математик, талантливый естествоиспытатель и способный инженер. Однако вместе с дисциплинизацией науки и нарастающим валом информации возникает необходимость в достаточно узкой специализации ученых. Одновременно усиливается коллективная форма научного творчества. Это проявляется в разделении труда ученых. Одни из них специализируются на выдвижении новых идей, другие заняты аналитической работой, третьи преуспевают в экспериментальной проверке теоретических положений, четвертые предпочитают разработку прикладных вопросов науки. В рамках отдельных дисциплин возникают различные проблемные поля, которые осваиваются разными учеными. Таким образом, обратной стороной специализации труда ученых выступает его кооперация.

Социально-институциональный характер исследовательской деятельности проявляется не только на «горизонтальном» уровне ее организации, но и на «вертикальном», в иерархическом строении субъектной составляющей науки. Существует субординация индивидуальных и коллективных субъектов. М. Полани ввел понятие «научного сообщества», для обозначения коллективных субъектов. Различные объединения ученых играют значительную роль в ее развитии. Они обеспечивают внутринаучную коммуникацию ученых. С возникновением института науки формируется сообщество, объединившее всех исследователей в своеобразную Республику ученых. Затем появляются национальные научные сообщества и сообщества специалистов в отдельных областях знания — физики, химии, биологии. Выделяются также группы, связанные решением некоторой общей проблемы и образующие научные школы. При расширении проблематики, но с сохранением ее ядра и при отсутствии регулярных прямых контактов ученых складываются научные направления. Такие сообщества получили название незримого колледжа.

В науке велика также роль выдающихся ее представителей — элиты. К ней принадлежали химик Д.И. Менделеев, физик Н. Бор, биолог Н.И. Вавилов. Лидеры науки являются генераторами новых идей и теорий, основателями и руководителями научных школ. Ведущие ученые выступают носителями научной рациональности. Огромное значение имеет то, что они обладают уникальным опытом исследовательской деятельности, который в принципе невозможно полностью вербализовать и изложить в учебниках. По терминологии М. Полани, это неявное личностное знание. Оно передается непосредственно от учителя к ученику. Такая трансляция происходит в рамках научной школы.

Исследовательская деятельность в научной школе осуществляется на основе *утвердившейся парадигмы*. Т. Кун, предложивший этот термин, под парадигмой понимал единую методологию исследования, общую программу деятельности и инвариантный стиль мышления. Пока исследование подчиняется парадигме, ученые решают «головоломки», а наука является нормальной. Смена парадигмы означает революцию в науке.

Классические научные школы сложились на базе университетов. В них исследовательская работа сочетается с обучением. Затем научные школы возникают в лабораториях и НИИ. Работа в них ведется по заданным программам. При жестко определенной извне цели исследования группа ученых становится не школой, а научным коллективом.

Переход науки к изучению сложных человекообразных систем — объекты экологии, биотехнологические комплексы, космические станции, информационные сети — потребовал решения задач высшей сложности, которые не могут быть выполнены на монодисциплинарной основе. В таких условиях традиционные дисциплинарно организованные школы сохраняются только на базовом уровне науки. При этом они могут составлять часть более сложной, междисциплинарной организации. Там, где сохраняется монодисциплинарность, продолжает использоваться парадигмальный подход к исследованию явлений. Но при изучении сложноорганизованных объектов, в состав которых входят разнородные подсистемы, он уже не работает.

Решение задач, связанных с такими объектами, осуществляется на основе *синтагматического принципа*. «Научная синтагма представляет некий проект, программу или целостную систему знаний, правил и принципов, разнородных по своему эпистемологическому происхождению и статусу»¹. Синтагматический принцип предполагает *включение в процесс исследования по мере необходимости естественнонаучных, технологических, экономических, математических и социально-гуманитарных знаний и методов*. Все они концентрируются на решении единой задачи.

При синтагматическом подходе коллектив исследователей специалисты разного профиля формируется для изучения некоторой теоретической или практической обширной проблемы. Так, создание космической станции предполагает участие в проекте астрономов, физиков, химиков, машиностроителей, математиков, биологов, психологов и специалистов по эргономике.

Специфическими признаками синтагматического подхода к исследованию являются, во-первых, ориентация всей группы ученых на решение общей для них задачи. Таковой может быть создание космической станции, пригодной для длительной работы на ней людей. Во-вторых, конструктивность. Результатом работы должны быть новые более эффективные техни-

¹ *Ракитов, А.И.* Наука и науковедение XXI века / А.И. Ракитов. // Вестник Российской академии наук. 2006. Т. 76. № 2. С. 133

ческие изделия, технологические процессы или методы управления социальными действиями, например, продуктом деятельности научного коллектива может явиться автоматизированная космическая система мониторинга за состоянием экологии. В-третьих, технологичность: разработка знаний, способных стать основой высоких технологий. В частности, физические знания о структуре микромира и протекающих там процессах применяются при разработке весьма перспективных нанотехнологий.

Знания и информация становятся важнейшим социальным ресурсом современного общества, в значительной мере определяющим развитие экономики и человеческого капитала, поддержания необходимых для полноценного функционирования биосферы параметров окружающей среды и обеспечения обороноспособности страны.

17.4. Специфика коммуникации в научном сообществе и способы трансляции научного знания

Одним из актуальных направлений исследования науки как социального института является социокоммуникативный подход к ее анализу и интерпретации.

Научная коммуникация — это совокупность видов и форм профессионального общения в научном сообществе, а также передачи информации от одного его компонента к другому. Хотя наличие коммуникации как формы интенсивного информационного обмена членов научного сообщества всегда признавалось существенной характеристикой научной деятельности, объектом специального анализа она становится лишь в конце 50-х — начале 60-х гг. XX в. Этот анализ был инициирован так называемым «информационным взрывом» и преследовал цель разработать оптимальные пропорции и структуры научного архива, а также массива публикаций и научно-технической информации в мировой и, в частности, американской науке в послевоенных условиях.

Благодаря деятельности известного американского ученого Д.Дж. Прайса и его школы была развита особая область исследований науки, которая получила название «наукометрия». Основной задачей наукометрических исследований считалось рассмотрение и анализ структуры и особенностей информационных фондов науки, а также основополагающих направлений профессиональной коммуникации в науке, специфики информационно-коммуникационных потоков в ней. При этом соответствующую интерпретацию получили практически все основные информационные процессы в науке, начиная с массива дисциплинарно ориентированных публикаций и важнейших информационных мероприятий (конференции, симпозиумы, конгрессы и др.) и заканчивая функционированием разветвленной систе-

мы научно-технической информации, а также неформальными межличностными контактами ученых, интегрированных в рамках отдельных дисциплинарных сообществ и исследовательских групп.

По данным Института Статистики в конце 2007 г. на 1 млн жителей Земли насчитывалось 894 научных сотрудника. Почти 71% ученых работают в индустриально развитых странах и на 1 млн жителей этих стран приходится 3272 ученых, в то время как в бедных странах эта пропорция выглядит по-иному — 374 ученых на 1 млн жителей, т.е. почти в 10 раз меньше.

В России сегодня работают около 9% от общего числа ученых мира. По этому показателю она занимает четвертое место, уступая США (около 23%), Китаю (15%), Японии (12%). Однако по нормам финансирования науки и научно-технической инфраструктуры Россия заметно уступает этим странам. На одного ученого в год в России расходуется приблизительно около 30 тыс. дол., в то время как в США — 230 тыс., в Японии — 165 тыс., в Китае — около 89 тыс.

Согласно экспертам ООН, если страна в современных условиях глобализирующегося мира финансирует менее 1% от годового ВВП на нужды развития науки и научной инфраструктуры, то возникает реальная угроза разрушения ее экономики. Именно поэтому ведущие в научно-техническом отношении страны мира проводят последовательную политику все более приоритетного финансирования научной сферы. Так, в Японии затрачивается 2,9% от годового ВВП на эти цели, в США — 2,7%.

По данным ЮНЕСКО, в 2002 г. мир тратил на содержание науки около 1,7% валового внутреннего продукта (ВВП), что составляло приблизительно 830 млрд дол. Но эти средства расходовались крайне неравномерно. Если на долю Северной Америки приходилось более 37% этой суммы, Европы — около 27%, то на долю Африки — лишь 0,6%. Однако тенденция такова, что в последние годы вес США и ЕС в мировой науке неуклонно снижается, в то время как страны Азиатско-Тихоокеанского региона (Япония, Южная Корея, Тайвань, Китай и др.) интенсивно наращивают свой научный потенциал.

Иная ситуация складывается в большинстве стран постсоветского пространства, где, как правило, объемы финансирования науки не превышают 1% от ВВП.

Изучение коммуникаций в науке имело большое значение и позволило обосновать множество моделей их описания. Выделяют *познавательные модели научной коммуникации*, в которых акцентируется внимание на когнитивно-информационных аспектах научной деятельности, и основной задачей сообщества считается максимально возможное приращение фонда имеющейся научной информации. Наряду с познавательными существуют также *социально-организационные* модели научной коммуникации, выде-

ляющие в качестве приоритетных стратификационные моменты в реальном общении ученых, решающих те или иные проблемы научных школ или профессиональных сообществ.

1. *Формальная и неформальная коммуникации.* Формальная коммуникация предполагает документальную фиксацию научного знания в виде статьи, монографии или иной публикации; вторая — базируется на таких технологиях общения, которые не требуют письменного оформления и последующего воспроизведения в научной литературе либо электронных средствах информации.

Средства формальной коммуникации, в свою очередь, могут быть разделены на первичные и вторичные. К первичным относятся: научная статья, монография, опубликованные тезисы докладов на научных конференциях и др. Вторичные средства включают в себя рефераты различных научных публикаций, аналитические обзоры, рецензии, тематические библиографии и др. В последние десятилетия в качестве важного источника вторичной информации нередко используют издаваемый Филадельфийским институтом научной информации «Указатель научных ссылок» («Science Citation Index»), или индекс цитирования. Это непрерывно пополняемая система информационных баз данных по всем областям современной науки, существующая в виде систематических ссылок на работы предшественников в той или иной сфере исследований.

Значительно труднее выделить и классифицировать средства неформальной коммуникации. Сюда, как правило, относят различного рода беседы, обсуждения, дискуссии, а также совокупность допубликационных научных материалов (рукописи, препринты, научно-исследовательские отчеты и др.).

2. *Устная и письменная коммуникации.* В связи с данным разделением важно зафиксировать основные формы трансляции знаний в культуре, в значительной мере, определяющие исторически конкретные типы взаимодействия ученых как в структуре научных сообществ, так и в более широких социальных контекстах.

Начиная с XVI в. после изобретения книгопечатания в Европе, главной формой закрепления и трансляции знаний в науке становится *книга*. В ней, как правило, излагались, не только определенные научные результаты, но и содержалось их развернутое и систематическое обоснование. В таких фолиантах были представлены как конкретные научные сведения о различных явлениях и процессах, так и их философская и мировоззренческая интерпретация, принципы и формы включения научных знаний в существующую картину мира. Так работали все выдающиеся ученые того времени: Галилей, Ньютон, Декарт, Лейбниц и др.

По мере развития науки и расширения ее предметного поля возникала потребность в разработке новых средств информационного обмена и коммуникаций между отдельными учеными, которые бы позволяли обсуждать

не только глобальные вопросы и проблемы философско-мировоззренческого уровня, но и локальные, текущие задачи. Именно в связи с этой потребностью формируется следующая форма научной коммуникации и передачи знаний — *систематическая переписка между учеными*, которая в основном осуществлялась на латинском языке и была посвящена обсуждению путей и результатов научных исследований.

Впоследствии переписка между учеными заменяется *статьей* в научном журнале, которая становится следующей исторической формой трансляции знаний. По мнению Д. Дж. Прайса, уже к XVIII в. научные журналы значительно потеснили книги и огромные фолианты, создавая предпосылки для обобщения и интеграции совокупного научного знания во втором эшелоне науки. Такая интеграция стала осуществляться через подготовку и издание учебников, хрестоматий, справочников и энциклопедий. К XIX в. статья приобретает статус основной информационной единицы научного архива и выполняет функции базисного элемента в профессиональной коммуникации ученых.

В современных условиях информационные технологии и глобальные коммуникационные сети существенно изменяют основные формы трансляции знаний и, соответственно, возможности для их хранения, обработки и передачи как внутри профессиональных сообществ, так и за их пределами. Эти возможности радикально модифицируют структуру и целевые ориентации профессионального общения ученых, и все более осязаемо погружают их в пространство виртуальной реальности с перспективой взаимодействовать в ней с системами искусственного или интегрального интеллекта.

3. *Личностная и безличностная, непосредственная и опосредованная, планируемая и спонтанная формы научной коммуникации.* Выделение этих форм позволяет существенно дополнить представление о возможных способах и типах организационно-институциональной структуры современной науки. В частности, определенный интерес в связи с этим, представляет рассмотрение такой специфической формы профессионального объединения ученых, как «невидимый колледж». Данный термин, введенный еще Дж. Берналом, был впоследствии развернут Д. Дж. Прайсом в гипотезу о «невидимых колледжах» как особых научно-коммуникационных структурах, имеющих достаточно устойчивую конфигурацию и эффективно работающих, несмотря на то, что они не опираются на формально организационные ресурсы.

17.5. Социальная регуляция науки

Взаимодействие знания и общества имеет свои культурно-исторические особенности. «Специфика любого исторического типа деятельности в конечном счете обусловлена местом и способом реализации знания (науки)

в ходе освоения человеком действительности»¹. Распространенный в литературе образ ученого, творящего в башне из слоновой кости и далекого от реалий практической жизни, имел некоторые основания в доинституционализованной науке и в начальной фазе ее институционализации. Длительное время связь науки с материальным производством, техникой, государством и другими социальными сферами не была регулярной.

Разумеется, ученые и тогда употребляли некоторые технические устройства и приборы для решения теоретических задач науки. Так, изучая свойства вакуума, Б. Паскаль применял барометр. На эмпирическом материале артиллерийской стрельбы исследовались закономерности механических процессов. В свою очередь, научные достижения использовались порой при расчетах некоторых деталей и узлов машин, при разработке схем создаваемых технических конструкций. Но делалось это от случая к случаю. В техническом творчестве господствовал ремесленный способ решения возникающих проблем. Изобретательская деятельность была своеобразным искусством. В ней доминировал практический опыт.

Когда же институт науки достигает достаточно высокого уровня развития, процесс познания приобретает упорядоченный характер с особой социальной регуляцией. Управление научной деятельностью осуществляется уже на нескольких взаимосвязанных уровнях: отдельного научного работника, первичного коллектива, отраслевых организаций, академической и вузовской науки, всего общества через государственную политику поддержки науки.

С середины XIX в. происходит гибридизация науки и производства, а технико-технологический сектор начинает опосредствовать их отношения. Инновационная деятельность в сферах материального производства и технического творчества уже невозможна вне науки. Устанавливается и усиливается связь науки также с другими социальными структурами — образованием, здравоохранением, транспортом, системой коммуникаций, обороной и экосферой. Таким образом, наука начинает проявлять свою производительную и социальную силу. Значимость науки в современном обществе исключительно велика: она служит критерием силы государства, необходимым условием высокоэффективного материального производства, показателем обороноспособности страны и фактором национального престижа.

Ф. Ницше впервые обратил внимание на то, что само знание способно выполнять регулятивно-властные функции, а французский исследователь М. Фуко, занявшись своеобразной археологией знания, пришел к выводу, что через дискурсы-регламенты осуществляется регуляция самых разных сторон человеческой жизни. Он вводит понятие «знания-власти» и показывает, как в различных видах практики человек становится предметом иссле-

¹ Глозман, А.Б. Техника и наука в их историческом взаимодействии / А.Б. Глозман // Философия и общество. М., 2005. № 4. С. 143

дования и рационального управления (медицинское обследование, экзамены, тюремный надзор и ряд других видов деятельности представляют такие практики). Фуко отмечает, что реализация власти неизбежно сопровождается добыванием, присвоением, распределением и сокрытием знаний. Следовательно, происходит постоянное встречное движение от знаний к регуляции социальных процессов и от различных секторов общества к управлению наукой.

Необходимо различать внутринаучную регуляцию процесса познания и внешнее управление наукой. Внутринаучная регуляция напрямую связана с регламентацией исследовательской деятельности — выбором тем, разработкой программ, определением методологии, комплектованием при необходимости экспериментальной техники, коррекцией операций и процедур, интерпретацией полученных данных, формулировкой выводов и приведением их в систему. Когда исследование носит сложный, особенно междисциплинарный характер, предусматривается также разделение труда между отдельными секторами исследования и между его участниками.

Вхождение науки в социальный контур свидетельствует, что она несамодостаточна и может функционировать только в тесном взаимодействии с антропосферой, социосферой, техносферой и экосферой. Как всякая сложная неравновесная саморазвивающаяся система наука нуждается в постоянном притоке ресурсов из внешней среды. Специфика науки такова, что она не может существовать без пополнения новейшей экспериментальной техникой и измерительной аппаратурой, без достаточного финансирования и без кадрового обновления хорошо подготовленными специалистами. Но существует и обратная зависимость: социальные подсистемы — государство, экономика, образование, здравоохранение, оборона — испытывают острую потребность в получении новейшей информации, позволяющей выстраивать адекватную состоянию общества и международной ситуации политику, использовать ресурсо- и энергосберегающие технологии, готовить отвечающих запросам времени специалистов, поддерживать здоровье населения и обеспечивать надежную оборону страны.

Итак, существует круговая взаимосвязь и взаимообусловленность науки и других сфер жизнедеятельности общества, которая накладывается на внутринаучные отношения и на вертикальную структуру управления наукой. Причем различные подсистемы общества — экономика, материальное производство, техносфера, образование и т.д. — вступают в сложные отношения со всеми элементами «вертикальной» структуры управления наукой. В результате образуется сетевая организация научной деятельности. Очевидно, наука оказывается особой самоорганизующейся и саморазвивающейся системой, в которой спонтанные процессы по упорядочиванию исследовательской деятельности дополняются сознательным целенаправленным управлением.

Переход к основанному на знаниях обществу предполагает формирование социального механизма регуляции науки, при котором удастся преодолеть многие ее кризисные явления. Во-первых, налаживаются достаточно устойчивые прямые и обратные связи между производством знаний и их потреблением, что делает более эффективными и надежными способы селекции социально востребованной, практически и гуманитарно значимой информации. Во-вторых, сетевая организация познавательной деятельности оптимизирует взаимоотношение централизованных и децентрализованных структур института науки. Конечно, это связано с решением ряда проблем регуляции процесса научного познания: надо определить место и роль государственного управления наукой, но сохранить свободу творческой деятельности ученого, обеспечить централизованное программирование научной деятельности, но одновременно использовать рыночные методы ее стимулирования, создать благоприятные условия для успешного функционирования фундаментальной науки, но вместе с тем поощрять продуцирование прикладных знаний, предусмотреть сбалансированное развитие естественнонаучных и социогуманитарных наук, ибо первые служат информационной базой взаимоотношения общества с природой, без вещества и энергии которой невозможна жизнедеятельность людей, а вторые являются необходимой основой самовозвышения личности и накопления человеческого капитала, без чего немислимы целенаправленные гуманистически выверенные действия субъектов по обустройству жизненной среды и повышению функциональных возможностей общества.

Государство способствует формированию институциональной среды познавательной деятельности через создание правового поля развития науки и инновационной деятельности, утверждение административных структур управления наукой и принятие экономических норм ее функционирования через правила предоставления кредитов, ссуд и налоговых льгот финансирует большую часть фундаментальных исследований и крупных проектов по освоению космоса, развитию нефтехимической промышленности, тяжелого машиностроения, транспорта и т.п., которые непосильны для частного капитала, но имеют важное общественное значение.

Однако сверхцентрализация управления наукой затрудняет реализацию открытий ученых. Громоздкий бюрократический аппарат сдерживает инновационный процесс требованием многочисленных согласований. Показательна история с открытием, сделанным советскими учеными В. Никитиным и Г. Акимовым в конце 60-х гг. прошлого века. Они предложили прогрессивный способ отбелки целлюлозы, который позволяет производить высококачественную продукцию при значительной экономии исходных материалов и существенном сокращении вредных отходов. Пока ученые в течение нескольких лет добивались в различных инстанциях разрешения на промышленное применение их метода, в Швеции на его основе началось производство новой продукции.

Крайностью в социальной регуляции науки является и рыночный фундаментализм. Он ориентирует на первоочередное удовлетворение сиюминутных интересов, зачастую носящих ситуативный характер. Стратегические вопросы научно-технического прогресса, не сулящие скорой прибыли, не волнуют частный капитал. Не затрагивают его также вопросы охраны природной среды. Ведь все это увеличивает издержки бизнеса.

Исторический опыт институционального развития науки убеждает в *необходимости оптимального сочетания государственной политики в области науки, определяющей стратегическую линию ее развития, отбор социально значимых проектов и программ, экспертизу результатов научных разработок, со свободой исследовательской деятельности.* Это, в частности, весьма актуально при регуляции пропорций и взаимоотношений между фундаментальной наукой и прикладной, что в существенной мере определяет состояние инновационных процессов не только в самой науке, но во всех сферах общественного производства, обеспечивающих самосохранение и развитие социума.

Фундаментальные науки раскрывают законы природы и общества, выявляют необходимые регулярные связи и отношения, присущие вещам и процессам. Прикладные науки разрабатывают проекты, продиктованные потребностями наличной практики: создание новых материалов, высокопродуктивных металло- и деревообрабатывающих станков, транспортных средств, обладающих большой скоростью и грузоподъемностью, ресурсосберегающих технологий, быстродействующих компьютеров с обширной памятью, эффективной медицинской аппаратуры по диагностике и излечению болезней и т.д. Очевидно, фундаментальные и прикладные науки могут успешно развиваться только в тандеме, взаимно опосредуя и подпитывая друг друга. Чтобы сконструировать электронный микроскоп, надо знать законы квантовой механики. Но и фундаментальные науки нуждаются в экспериментальной технике и измерительной аппаратуре, которые являются продуктами прикладных разработок. Принципиальное значение имеет также то, что формируемая на основе приложений науки техносфера обогащает фундаментальные исследования новым опытом взаимоотношения человека с миром.

Фундаментальная наука нацелена на прорыв в неведомые миры. Иногда проходят десятилетия, пока открытие находит практическое применение. В 1831 г. М. Фарадей открыл явление электромагнитной индукции, но минуло еще полвека, прежде чем появились первые трамваи. И хотя существует тенденция сокращения временного лага от открытия до его технико-технологического воплощения, фундаментальные исследования в зрелом состоянии института науки всегда опережают прикладные разработки. Этим объясняется то, что фундаментальные исследования по преимуществу

являются поисковыми. Программно-целевой подход к ним малопродуктивен. Результаты фундаментальных исследований имеют прежде всего теоретическое значение.

Стремление как можно быстрее получить от науки практический результат иногда приводит к ущемлению интересов фундаментальной науки. «Современная наука — очень дорогостоящее предприятие, и общество предпочитает поддерживать не саму науку, а лишь ее приложения, — замечает Б.Н. Пружинин, — т.е. все в большей степени использовать ее как нефть или природный газ. В результате соотношение фундаментальных и прикладных наук быстро меняется в пользу последних»¹. Но тем самым подтачивается теоретический базис развития самого прикладного знания.

Если фундаментальные науки разрабатывают проблемы, где требуется найти необходимые и достаточные исходные данные, а также установить способ получения результата, то прикладные решают задачи, алгоритм которых уже содержится в теоретическом знании. Переход к новому историческому типу цивилизационного развития — обществу, основанному на знаниях, опирается на те и другие, что выливается в высокие технологии, интенсифицирующие процессы развития во всех важнейших подсистемах общества.

Фундаментальные и прикладные науки — важнейшее национальное достояние Республики Беларусь. В стране реализуется установка на более тесную интеграцию науки, образования и производства. Научно-техническая политика Беларуси выстраивается с учетом современных общемировых тенденций: построен технопарк, создается сеть бизнес-инкубаторов, формируются инновационные центры в свободных экономических зонах, ВНУ и научно-производственных комплексах. Акцент делается на развитии высоких технологий, которые создают необходимую базу для производства конкурентноспособной продукции. Однако при этом принимается во внимание национальная специфика развития науки: сложившиеся традиции, дисциплинарная структура, взаимоотношения между академическим, вузовским и отраслевым секторами науки, потребности основных сфер общественного производства. Преференции отдаются тем исследованиям, для которых имеется соответствующая инфраструктура и которые выходят на мировой уровень научной продукции. К таковым относится развитие нано- и биотехнологий, микроэлектроники, фармакологии, промышленной химии и некоторых других отраслей знания.

Знакомство с социальным механизмом регуляции деятельности института науки раскрывает каналы его связи с обществом как целостным, но внутренне дифференцированным образованием. Внешняя регуляция науки нацеливает на производство знаний, обеспечивающих информационную сторону стоящих перед обществом практических задач. В этих целях ис-

¹ Философия науки: проблемы и перспективы (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2006. № 10. С. 9.

пользуются различные средства — административные, финансовые, медиа-тивные и моральные. Внутренняя регуляция науки организует и направляет главным образом когнитивный процесс получения знаний в той или иной предметной области. В целом процесс регуляции науки носит комплексный характер, в котором внешняя и внутренняя регуляция взаимосвязаны, а ее самоорганизация не обходится без сознательных управляющих действий субъектов различного уровня.

ГЛАВА 18. НАУКА В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

18.1. Аксиологическое измерение науки

Возникновение науки как специфической формы познавательной деятельности и ее институционализация в новоевропейской культуре были связаны с обоснованием особого аксиологического статуса научного знания. Начиная с Г. Галилея и Ф. Бэкона, в европейском сознании утвердилось мнение о ценностной нейтральности естественных наук, их беспристрастности и объективности в противоположность рефлексивным формам культуры и гуманитарному знанию. Считалось, что именно наука в отличие от философии, морали, религии способна отразить мир в его объективных и не зависящих от ценностных устремлений человека свойствах и характеристиках. Именно стремление к истине и объективному познанию мира составляли основу эпистемологического идеала науки и требовали обязательной элиминации из нее всего того, что было связано с субъектом и формами его духовно-чувственного опыта. Однако, как справедливо заметил выдающийся немецкий ученый М. Борн, это был прекрасный сон, от которого нас пробудили мировые события.

И действительно, развитие науки и активная ассимиляция новых научных знаний в структуре производства и социальных технологий убедительно продемонстрировали несостоятельность идеализированного представления о науке как аксиологически нейтральной форме познавательной деятельности. Сегодня уже никто не оспаривает того безусловного факта, что наука является социокультурным феноменом и самым активным образом влияет на формирование базовых установок образа жизни современных обществ, способствует росту их благосостояния и устойчивому развитию как в региональном, так и глобальном его измерении.

Вместе с тем стратегические приоритеты техногенной цивилизации вызвали к жизни и негативные процессы, чреватые глобальными проблемами и возможной дестабилизацией различных подсистем социума. И опять же к этим процессам причастной оказалась наука, поскольку без нее становится практически невозможной стратегия перманентной экспансии чело-

века во все новые и новые сферы бытия природы и общества. Таким образом, в современной культуре наука приобретает статус не только формально значимого для жизни человека социального фактора, но и становится безусловной ценностью, способной реализовать себя как в позитивном, так и в негативном смысле.

Говоря о науке как о ценности, обычно выделяют два основных ее аксиологических измерения:

- мировоззренческая ценность науки;
- инструментальная ценность науки.

Мировоззренческая ценность науки определяется тем принципиальным обстоятельством, что, начиная с возникновения и утверждения гелиоцентрической системы мироздания, обоснованной Н. Коперником, и заканчивая самыми последними открытиями в области молекулярной биологии, космологии, когнитивной психологии и других дисциплин, наука выполняла и продолжает выполнять важнейшие функции в формировании современного мировоззрения. Такие вопросы, как устройство и эволюция Вселенной, возникновение и сущность жизни, природа человеческого мышления, способность биосферы к самоорганизации и прогрессивным изменениям и многие другие обладают безусловным мировоззренческим статусом. И совершенно очевидно, что их адекватная интерпретация немыслима без науки и ее познавательного потенциала.

По мере того как обосновывалась ценность науки в качестве авторитетной культурно-мировоззренческой инстанции, в общественном сознании утверждалось представление о ней как о своеобразном эталоне рационального отношения человека к действительности. Наиболее отчетливо эта интенция проявилась в культуре эпохи Просвещения, которая возвысила Разум до решающей инстанции во всех человеческих делах, а невежество, суеверия и предрассудки представила как подлинную причину социальной несправедливости. Однако последующее развитие основательно расшатывало веру в абсолютную рациональность науки как безусловного общественного блага. Все более отчетливо проявляющаяся экономическая и социальная эффективность научных исследований поставила на повестку дня вопрос о ее инструментальной ценности.

Наука, соединившаяся с технологией, стала могучей производительной силой, способной не только удовлетворять существующие человеческие потребности, но и порождать принципиально новые типы целей и мотивов человеческой деятельности. *Инструментальная, или прагматическая, направленность науки* нашла свое отражение еще в знаменитом афоризме Ф. Бэкона, который утверждал, что «знание есть сила», сила преобразующая природу и социальное окружение человека. Если использовать обоснованную американским психологом А. Маслоу типологию основных человеческих потребностей, то можно увидеть, что возможность удовлетворения

практически каждой из них предполагает использование современных научных знаний и рационально-объяснительного потенциала науки в целом. Это относится к таким потребностям, как витальные, связанные с обеспечением биологического статуса человека и сохранением его здоровья. Наука вносит значительный вклад в обеспечение потребностей человека в безопасном существовании и создании для него комфортных условий жизнедеятельности в различных социоприродных средах. Потребности в познании, понимании, коммуникации и многие другие также предполагают для своего оптимального удовлетворения наличие всевозрастающего объема естественнонаучного и социально-гуманитарного знания.

Известно, что фундаментальная наука ориентирована на такой вид познавательной и конструктивно-исследовательской деятельности, который не содержит в себе никаких внешних оправданий и преследует лишь одну цель — достичь истинного знания об исследуемой реальности. В этом смысле теоретическое познание выглядит самодостаточным и самоценным. Инструментальный, или прагматический, эффект полученного нового знания, как правило, не является предметом специального осмысления в рамках фундаментальных научных исследований. Иное дело, прикладная наука, где этот эффект непосредственно планируется и достигается благодаря внедрению абстрактно-теоретических знаний в различные сферы деятельности общества и обслуживающие их технологии.

Отмеченная амбивалентность науки как целостной системы знаний и познавательных действий достаточно отчетливо обнаруживает себя в двойственной мировоззренческой оценке самой науки, а также ее социокультурных последствий. Выделяют два основных вида такой оценки: сциентизм и антисциентизм.

Сциентизм — философско-мировоззренческая ориентация в оценке науки, исходящая из абсолютизации ее позитивной роли в решении актуальных проблем познания и преобразования природной, социальной и духовно-психической реальности. Как правило, представители сциентизма (Г. Спенсер, Р. Карнап, Дж. Гэлбрэйт, Д. Белл и др.) в качестве эталона науки рассматривают естественнонаучные и технические дисциплины и полагают, что только они способны обеспечить человеку успешное разрешение важнейших проблем его индивидуального и социального бытия. В рамках сциентистской ориентации выделяют два ее типа: *аксиологический сциентизм* (наука есть высшая культурная ценность и ее прогресс является необходимой предпосылкой прогрессивного изменения общества в целом) *методологический сциентизм* (методологический арсенал математических и естественных наук является универсальным и может обеспечить рациональное познание не только объектов природы, но и феноменов социокультурного мира).

В европейской традиции сциентизм связан с направлениями идейно-философской эволюции, которые ориентировались на принципы рационализма и прогрессизма, обосновывали приоритетность ценностей научных инноваций и социальных модернизаций. Сциентизму свойственна инструментальная трактовка науки как универсального средства решения социальных проблем. Он радикально противостоит ценностным формам культуры (философия, религия, искусство, мораль и др.) и рассматривает их в качестве сугубо символических средств интерпретации различных сегментов реальности. На практике сциентизм обычно сопрягается с технократизмом как идеологией бюрократически ориентированной элиты топ-менеджеров, научно-технической интеллигенции, экспертократии и др.

Антисциентизм — противоположная сциентизму философско-мировоззренческая ориентация в оценке науки, которая преуменьшает либо полностью отрицает позитивную роль науки в развитии общества и культуры. Представители антисциентизма (М. Хайдеггер, Г. Маркузе, Т. Роззак, П. Фейерабенд, Э. Фромм и др.) подчеркивают факт невозможности сведения социального мира к его научно-рациональным моделям и интерпретациям, настаивают на иррациональной природе общественной жизни и принципиальной ограниченности науки в делах познания и понимания человеческого бытия.

Различают три основных формы антисциентизма: антропологическую, гуманистическую и иррационалистическую.

1. В рамках антропологически ориентированных версий обосновывается мысль о принципиальной невозможности постичь феномен человека и выразить особенности его бытия в мире средствами научно-рационального познания. Тайна человеческой экзистенции может быть предметом философско-метафизических размышлений о его месте и предназначении во Вселенной, выступать в качестве сакраментальной проблемы для рефлексивных форм культуры и гуманитарного знания.

2. Подчеркнуто критическое отношение к науке и ее конструктивно-созидательным возможностям в обеспечении социальной стабильности и духовно-нравственного развития личности в современном обществе свойственно для гуманистических версий антисциентизма. Истоки этого умонастроения и критической оценки научного познания как средства решения мировоззренческих проблем восходят еще к творчеству Ж.-Ж. Руссо. Многочисленные проекты создания «гуманизированной», «экологизированной», «альтернативной» науки, в которых ставится задача ее комплексной социализации и разработки этически размерных версий научного познания, весьма характерны для представителей этой ветви антисциентистских умонастроений.

3. Иррационалистическая интерпретация антисциентизма позиционирует себя как наиболее радикальная форма критики науки и научного ми-

ровоззрения. Как правило, представители этой разновидности антисциентизма проповедают идеи создания романтических утопий, в рамках которых провозглашается перспектива возврата к таким формам организации социальной жизни и культуры, в которых бы доминировали мифологические, религиозные, философские системы, ориентированные на принципы традиционализма и сохранения классических духовно-нравственных устоев человеческой цивилизации.

Дилемма сциентизма и антисциентизма — одна из отличительных особенностей современной духовной ситуации, в которой зримо проявилась внутренняя противоречивость науки и ее социально-антропологических импликаций. Амбивалентный характер феномена науки особенно ярко проявляется в современных условиях глобализирующегося мира, в котором постиндустриальные стандарты жизни, базирующиеся на перманентном развитии науки и высоких технологиях, сопрягаются со все более опасными формами обострения глобальных проблем, выдвигающих императив выживания на уровень актуальной задачи для значительной части современного человечества. С одной стороны, антиномичность дилеммы сциентизма и антисциентизма зримо проявляется в том, что без науки и ее технологических инноваций невозможно обеспечить современное качество жизни и комфортные условия обитания человека в природной и социальной среде. С другой стороны, экспоненциальный рост научного знания и его овеществление в современных технологиях и потребительском образе жизни создает реальную угрозу устойчивости биосферы и лишает человека подлинно духовной перспективы его бытия в мире.

18.2. Амбивалентность науки. Внутринаучные ценности и социокультурная детерминация науки

Внутринаучные ценности представляют собой совокупность нормативных предписаний и институциональных императивов, которые выполняют функции организационной интеграции различных научных сообществ и регулируют характерные для них формы исследовательской деятельности.

Этот тип ценностных ориентаций ученого нередко называют когнитивными ценностями, поскольку они в существенной степени определяют структурно-содержательные требования, предъявляемые к новым научным знаниям.

К внутринаучным ценностям могут быть отнесены различные методологические императивы, задающие тот или иной тип научной рациональности в качестве необходимого нормативного образца для новой научной теории. Модели объяснения и обоснованности знания, стандарты его организации и структурного оформления, логико-методологические требова-

ния объективности, непротиворечивости и многие другие составляют пространство этих имманентных для науки норм и ценностей, определяющих intersубъективный и общезначимый статус новых научных результатов. Но не только логико-методологические и содержательные аспекты научного поиска детерминируются внутринаучными ценностями. Не менее существенно их влияние на формы консолидации научных сообществ, их совместной деятельности, корпоративной этики, способов профессионального общения и трансляции знаний.

Та или иная совокупность внутринаучных ценностей предписывает ученому определенную модель профессионального поведения и профессиональной ответственности за достоверность и качество тех научных результатов, которые он считает возможным обнародовать перед лицом своих коллег и общества в целом. Эти ценности составляют основу этоса науки как комплекса нормативных правил и предписаний, свободно принимаемых сообществом ученых в качестве обязательных презумпций их совместной деятельности в сфере науки. Широкою известностью получила разработанная Р. Мертоном модель этоса науки, которая органично соединяет в себе когнитивные и коммуникационно-деятельностные аспекты научного творчества. Однако в этой модели в должной мере не учитывалось влияние тех ценностных установок и социокультурных ориентаций, которые определяли отношение к науке за пределами научного сообщества и задавали видение и оценку науки с позиций доминирующих в обществе социальных ценностей и приоритетов развития.

Социальные ценности укоренены в культуре общества и детерминируют важнейшие императивы социальной жизни. Свои нормативно-регулирующие функции они реализуют в форме политических, религиозных, правовых, моральных, эстетических взглядов и убеждений, разделяемых членами данного сообщества. Отношение к науке, формы ее оценки и интерпретации в различных социальных группах и конкретно-исторических типах социума всегда составляли важную часть аксиологического пространства культуры и конституировали различные модели взаимодействия общества и науки.

Наука, существующая как базисный компонент в структуре техногенной цивилизации, на протяжении последних четырех столетий оценивалась по-разному. В эпоху Просвещения и экспансии научного разума на многие сферы новоевропейской культуры она рассматривалась обществом как безусловное благо, гарант прогресса и социальной справедливости. Затем (в связи с кризисными процессами в европейском обществе и разочарованием в программах его фронтальной модернизации на принципах научно-технической рациональности) все более популярной становится идея ценностной нейтральности науки как чисто академической сферы деятельности, преследующей лишь цели постижения истины. Со второй половины

XX в., в европейской культуре оформляется сложная матрица аксиологических характеристик науки, в которой отчетливо просматривается суперпозиция двух базовых ценностей, задающих основные параметры социального восприятия науки. Во-первых, это принцип *свободы научного исследования* как безусловный гарант конструктивно-творческих потенций науки и условие продуцирования ею интеллектуальных и технологических новаций, необходимых для развития общества. Во-вторых, это требование *социальной ответственности научного сообщества* не только за непосредственный результат исследовательского поиска, но и практическое его использование в различных подсистемах общества и социальной жизни.

Иntenция на оценку науки в соответствии с принципом ее социальной ответственности становится особо заметной тогда, когда осуществляется очередной этап в процессе ее институционализации и она обретает вид так называемой «большой науки». В этот период наука оказывает существенное влияние не только на разработку средств человеческой деятельности, но и определяет наиболее актуальные и приоритетные ее цели. Именно научное сообщество устами наиболее выдающихся своих представителей (А. Эйнштейн, Б. Рассел, В.И. Вернадский, А.Д. Сахаров и др.) впервые заявило о необходимости эффективного социального контроля над наукой с тем, чтобы снизить риски научно-технического прогресса и скорректировать фундаментальные цели социального развития, сориентировав его, прежде всего, в область гармоничного диалога человека и природы, обеспечения перспектив выживания человечества в условиях перманентного роста знаний. Таким образом, сфера ценностной компетенции науки в этих условиях еще более увеличивается.

Интерес к проблемам социальной ответственности науки стимулировал развитие различных стратегий исследования ее социокультурной детерминации. Одной из самых актуальных таких стратегий является разработка *этики науки* как нормативной системы принципов и регламентаций научно-познавательной деятельности, учитывающих специфику морально-регулирующего поведения и деятельности человека.

До середины XX в. проблемы этики науки не являлись объектом особого внимания и систематического изучения. Этические вопросы науки и научного творчества, как правило, обсуждались в форме традиционного морализаторства и декларативных призывов к ученым учитывать в своей профессиональной деятельности требования и нормы нравственности. Этические оценки науки и ее вклада в развитие современной цивилизации давались абстрактно без учета конкретных научных направлений, дисциплин и специализаций.

Ситуация радикально меняется, когда экспансия науки затрагивает сферу непосредственного человеческого существования и распространяет свое влияние на биофизиологические, психические и духовные аспекты жизне-

деятельности человека. В предметное поле научных исследований вовлекаются так называемые «антропоразмерные» системы, в структуре которых в качестве атрибутивного элемента выступает сам человек во всем богатстве и конкретности его психофизиологических, социальных и духовно-нравственных характеристик. Именно в таких познавательных ситуациях актуализируется сфера нравственной компетенции и ответственности ученого не только за полученный результат, но и за формы проведения научных экспериментов (в том числе за использование эффективных техник манипулирования с объектами). Здесь отчетливо проступает принципиальная граница возможностей науки и научного метода освоения сложных человекообразных систем. Еще И. Кант утверждал, что в соответствии с фундаментальными этическими принципами человек никогда не может рассматриваться как средство, а должен оцениваться только как цель. Этот гуманистический пафос этики Канта все более осязаемо обнаруживает себя при планировании и проведении научных исследований в таких предметных областях, как экология, молекулярная биология, биомедицина, генетика и геновая инженерия, психология и др.

В качестве примера, демонстрирующего необходимость этической регуляции научных исследований на одном из самых актуальных и проблемных направлений развития биологической науки, можно указать на феномен клонирования. В строго научном смысле слова клонирование — это сложная экспериментальная технология, позволяющая осуществлять точное воспроизведение той или иной биологической системы с сохранением ее наследственной информации, закодированной в полном наборе генов. Принципиальная возможность клонирования живых организмов появилась в результате развития геновой инженерии, т.е. тончайших технологий, позволяющих извлекать из клеток одного организма группу генов (либо даже единичный ген), кодирующих необходимый продукт, и соединять их с молекулами ДНК, способными проникать в клетки другого организма и размножаться в них.

В феврале 1997 г. появилось сообщение о том, что в лаборатории Я. Вильмута в Рослинском институте (Эдинбург) разработан эффективный метод клонирования млекопитающих и на его основе осуществлен успешный эксперимент по воспроизводству овечки Долли из соматической клетки донора. Данное заявление вызвало шок не только в широком общественном мнении, но и в рамках научного сообщества. Такая перспектива может создать поистине беспрецедентную ситуацию в науке, когда под вопрос будут поставлены многие этические, философские и религиозные ценности, утверждающие недопустимость экспериментального манипулирования с человеческими эмбрионами, поскольку это чревато разрушением вековых устоев морали и человеческой культуры. Реализация подобной перспективы оценивается серьезными учеными как весьма сомнительная. Однако мы

должны констатировать: прогрессирующая наука в очередной раз напомнила человечеству о безграничности своих возможностей.

Не случайно, сегодня так популярны различные формы *этической экспертизы* планируемых научных исследований и инновационных проектов. К примеру, в США существует закон, согласно которому все биомедицинские исследования, финансируемые из федерального бюджета, должны быть подвергнуты соответствующей этической экспертизе. Она проводится независимым этическим комитетом в соответствии с тщательно разработанными нравственными кодексами и процедурами.

Этические комитеты как специально созданные структуры для осуществления социального контроля над наукой впервые возникают во второй половине XX в. в США, затем они появляются в ряде европейских стран при больницах и научно-исследовательских центрах. В состав этих комитетов входят не только ученые и специалисты, но и независимые эксперты из других областей знания и даже представители общественности, абсолютно не имеющие специального образования и профессиональной подготовки в рассматриваемой области науки. Безусловно, деятельность таких этических комитетов не всегда соответствует профессиональным критериям, согласно которым следовало бы оценивать новые научные результаты и возможные перспективы их широкого социально-практического использования. Именно поэтому они нередко подвергаются серьезной критике. Тем не менее, их появление и активная деятельность в последние десятилетия на многих магистральных направлениях развития современной науки убедительно свидетельствует о том, что среди множества форм социального контроля над наукой этическое регулирование научных исследований обретает все более устойчивый статус и высокий гуманистический смысл.

18.3. Смена ценностных приоритетов и перспективы науки

Ценности техногенной цивилизации создали благоприятную духовную среду для институализации науки и превращения ее в важнейшую часть своеобразного социального механизма воспроизводства общества, определяющего процесс его самоорганизации и саморазвития. Предшествовавший ей первый исторический тип цивилизации — традиционалистский — не располагал подобными ценностями, соответственно этому в ней не было и института науки. Ведь ценности санкционируют тип деятельности, и научная деятельность — не исключение.

Однако в ходе развития техногенной цивилизации накопился груз проблем, которые поставили под вопрос стратегию ее развития. В современных условиях неоправданной оказалась доминирующая ценностная уста-

новка на непрерывное наращивание потребления обществом материальных благ за счет постоянного усиления эксплуатации природы. Выяснилось, что естественные ресурсы вовсе не являются некоей константной величиной. Имеется класс невозобновимых ресурсов — газ, нефть, каменный уголь и т.п., которые истощаются по мере их потребления. Да и некоторые самовоспроизводящиеся ресурсы, в частности древесина, пресная вода, воздух, уже не везде успевают восстанавливать свой потенциал.

Нынешний цивилизационный кризис носит эволюционный характер. Индустриальное производство стремится превратить науку в служанку технологии, когда знания используются преимущественно как инструмент решения технически осуществимых задач и для достижения экономического эффекта, суть которого в получении максимальной прибыли. Между тем антропологические, экзистенциальные, социальные и экологические стороны производственной деятельности часто недооцениваются. Такая регуляция науки вызывает оппозицию двух ее важнейших функций: способности быть производительной и способности быть социальной силой.

Аксиологические принципы техногенного общества сделали этот кризис неизбежным, полагает Б. Калликот. Фундаментальное непонимание западной мыслью сущности природы, ее способности к самоорганизации и исключение природы из сферы действия моральной оценки предопределили появление букета глобальных проблем¹.

Сохранение человечества диктует настоятельную необходимость смены базисных ценностей общества, что предполагает переход к новому третьему историческому типу цивилизации. Положение науки в ней будет определяться той ценностной доминантой, которая придет на смену нынешней. Одной из важнейших задач философии сейчас является поиск в настоящем ростков новых ценностей.

В новоевропейском обществе произошла переориентация культуры с прошлого, закрепленного в традициях, на будущее, подготавливаемое инновационной деятельностью. Социально востребованной становится способность научно-технической деятельности к целеполаганию и целереализации. Операциональная ее регуляция осуществляется на основе финальных и инструментальных ценностей. Роль финальных ценностей состоит в том, что они задают цели исследованию, предвосхищают результаты и определяют значимость продуктов научного творчества. Инструментальные ценности выступают проводником воздействия субъекта на объект и выполняют функцию средств. Взаимоотношение финальных и инструментальных ценностей образует социокультурное поле формирования мотивов научной деятельности, очерчивает доступные для освоения на данном

¹ Калликот, Б. Азиатская традиция и перспективы экологической этики: пропедевтика / Б. Калликот // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М., 1990. С. 111—114.

этапе эволюции общества границы познания и определяет необходимый для результативного исследования набор экспериментального и интеллектуального инструментария.

Следует отметить одну важную особенность ценностного сознания ноевропейского общества. В нем начинают доминировать материальные интересы. Но снижение достоинства высших ценностей ведет к противопоставлению человека миру и нарастанию волонтаристических тенденций в социальных отношениях и природопользовании. Предпринимаются попытки наделить исключительным статусом инструментальные ценности. Подобные тенденции нашли отражение в утилитаризме, позитивизме, прагматизме, технологическом детерминизме и экономоцентризме.

Противоречивая динамика финальных и инструментальных ценностей накладывает отпечаток на развитие науки и процесс ее объективации. С одной стороны, наблюдается бурный рост научного знания и технического творчества, утверждается фабрично-заводская система материального производства, ассимилирующего научные открытия, происходит становление гражданского общества с рациональным оформлением юридических норм взаимоотношений между ветвями власти, а также между гражданином и государством. С другой стороны, появляются искусственные потребности, и распространяется консьюмеризм, упрощаются функции рабочего вплоть до превращения его в простой придаток машины, разоряется природа и утрачивается способность людей к трансцендированию (переходу на более высокий уровень социальной организации), что снижает адаптационные возможности общества и чреват появлением кризисных ситуаций.

Философия инструментализма выражает саму суть жизнеустройства техногенной цивилизации. В ней складывается тенденция рассматривать индивидуальные действия людей изолированно, в отрыве от родовой жизни, биосферных процессов и космопланетарных явлений. Инструментализм как специфическая ценностная ориентация подчиняет научно-исследовательскую деятельность наличной ситуации.

Приверженцы инструментализма выделяют некоторые реально значимые в соответствующих условиях средства деятельности вообще и средства познания в частности. Однако они не замечают, что инструментальными ценностями средства становятся не сами по себе, а как элемент в структуре социальных действий, что предполагает их взаимоотношение с финальными ценностями, тесную связь с целями и результатами науки. Пренебрежение целостным контекстом познавательного действия, отрыв инструментальных ценностей от финальных делают наше представление о детерминации научной деятельности и неполным, и неправильным. Но между финальными и инструментальными ценностями науки существует закономерная связь: всякая цель познания требует для своей реализации адекватных ей средств, а любые наличные средства, в свою очередь, обуславливают спектр решаемых в данных условиях научных задач.

Господство инструментального разума в техногенной цивилизации имеет многообразные и неоднозначные последствия для науки. Оформившись как социальный институт, она осваивала все новые предметные области. Появление под напором практических потребностей прикладных исследований стало прологом продвижения науки во все основные сферы общественного воспроизводства, где она стала мощным катализатором интенсификации соответствующих видов практики.

Но изнанкой инструментального разума является такое включение науки в социум, которое сопровождается нарастающей неустойчивостью техногенной цивилизации. Об этом свидетельствуют те изменения, что происходят в аксиосфере. Во-первых, помещение природы в нижнюю часть ценностной иерархии, характерное для европейского менталитета и уходящего своими корнями в архетипы христианского мировоззрения, порождает в условиях беспрецедентного расширения технической деятельности волюнтаризм с подавлением естественного мира искусственным. Во-вторых, широкое распространение получает консьюмеризм с ориентацией на сверхпотребление вещественных благ и гедонистическое времяпрепровождение. Его опасность — в неоправданном расходовании естественных ресурсов жизнеобеспечения и доминировании развлекательной стороны самовыражения человека над творчески-созидательной, подрывающей его способность к самодисциплине, которая превращает индивида в личность. В-третьих, научно-техническая деятельность часто рассматривается сквозь призму сциентистских и технократических представлений. Такой подход к науке ограничивает возможности социально-гуманитарного знания по экспертизе научных проектов, позволяющей избегать негативных последствий научно-технической деятельности. Обращая внимание на высокую значимость знаний об обществе и человеке для сохранения цивилизации, известный французский этнограф и социолог К. Леви-Стросс замечает, что XXI в. будет либо веком гуманитарным, либо его вообще не будет.

Новейшая история столкнулась с серьезными вызовами человечеству: экологическим (нарушение необходимых условий сохранения жизни на планете), ресурсным (быстрое сокращение естественных источников производства деятельности), техническим (катастрофы на заводах, электростанциях, транспортных средствах), демографическим (производство средств жизни отстает от роста народонаселения), антропологическим (ухудшение человеческого генофонда), военным (угроза самоуничтожения человечества в термоядерной войне). Основанная на научной рациональности техногенная цивилизация оказалась неспособной дать на них адекватные ответы.

Цивилизационные кризисы случались и раньше. Некоторые из них даже заканчивались гибелью отдельных обществ. Так, исчезли некогда процветавшие цивилизации шумеров и майя. Нынешний кризис является, одна-

ко, беспрецедентным, поскольку, во-первых, он приобрел всепланетарный масштаб, а во-вторых, он оказывается одним из результатов симбиоза науки и техники в особых условиях индустриального типа природопользования и экономики, ориентированной на сверхпотребление. Трудная задача поиска новых ценностей, определяющих место науки в посттехногенном обществе, которое только еще начинает формироваться, усугубляется дефицитом времени. По мнению специалистов, у человечества остается не более 30—50 лет для предотвращения перехода системного цивилизационного кризиса в глобальную катастрофу, которая не оставит на нашей планете места для человека. В философской литературе уже накоплен определенный опыт решения проблем по аксиологической регуляции науки и преодолению на этой основе издержек техногенной цивилизации. Заслуживает внимания ряд идей, выдвинутых в рамках философии русского космизма.

Интересна попытка русских космистов совместить космопланетарное, антропологическое и историческое понимание человека. Они заявляют о его равномошности миру, об активной эволюции природы, на основе гуманистически выверенных действиях людей, об открытости человека миру, предполагающей способность доопределять достаточно пластичную природу.

Кризис техногенной цивилизации породил у некоторых исследователей сомнения в возможности его преодоления на основе научной рациональности. В.И. Данилов-Данильян ссылается на тот известный факт, что скорость техноэволюции многократно превосходит биоэволюцию. Биосфера не успевает приспосабливаться к изменениям и деградирует¹. Ученый не приемлет концепцию ноосферы. А выход видит в создании условий для естественно-природного регулирования функций биоты. В этих условиях предлагается сократить антропогенное воздействие на природу до хозяйственной емкости биосферы.

Следует отметить, что данная концепция базируется на чисто биологической трактовке эволюции. Но социальная регуляция в системе «человек — общество — природа» носит качественно иной характер. Она делает хозяйственную емкость биосферы величиной переменной. Показательно многократное ее увеличение при переходе от присваивающего хозяйства к аграрному, а от него — к индустриальному. Нельзя не принимать в расчет и то, что биотическая регуляция социоприродных отношений потребовала бы сокращения на порядок численности народонаселения, а это колоссальная антропологическая катастрофа.

¹ Данилов-Данильян, В.И. Возможна ли «коэволюция» природы и общества? / В.И. Данилов-Данильян // Вопросы философии. 1998. № 8. С. 19.

Исторический опыт смены режимов функционирования общества и анализ основных тенденций трансформации техногенной цивилизации убеждает, что дальнейшая эволюция науки предполагает смену того типа рациональности, который сложился в классический период ее развития. Достаточно обоснована необходимость органического включения в научную деятельность аксиологических элементов. И такая тенденция уже просматривается. Именно ценности, формирующиеся в ходе субъектно-объектно-субъектных отношений, связывают воедино экзистенциальные качества человека с объективными характеристиками природы и культурогенными механизмами функционирования общества. Они обеспечивают единство холистического подхода в исследовании сложных саморазвивающихся систем с признанием относительной самостоятельности основных подсистем антропосоциоэкосферы, что становится предпосылкой оптимизации процессов целенаправленной ее регуляции и спонтанной самоорганизации.

Новая научная рациональность нуждается в соответствующей ценностной доминанте, стягивающей воедино те элементы аксиосферы, что поддерживают когнитивные функции науки и определяют такое ее положение в социальном контуре, при котором обеспечивается воспроизводство общества. На данном этапе цивилизационного развития доминантной ценностью становится гомеостаз антропосоциоэкосферы. Парадокс в том, что устойчивость системы «человек — общество — природа» возможна лишь при относительной неравновесности основных ее элементов. Именно при этом условии осуществляется обмен человеком на основе социокультурного механизма веществом, энергией и информацией с окружающей средой. Вот почему в состав ценностей должны входить развитие личности через обогащение ее сознания новыми жизненными смыслами, расширение функциональных возможностей общества в ходе формирования социокодов деятельности, адекватных вызовам истории, и, наконец, самоценность природы, предполагающая не только разработку щадящих способов использования ее ресурсов, но и поиск технологий по максимальному воспроизводству естественных благ.

Новая ценностная доминанта требует перестройки ценностной иерархии науки. Возрастание роли субъективного фактора в социальных действиях, глобальные вызовы современности и мегариски, создающие угрозу не только существованию социума, но и сохранению жизни на планете, настоятельно требует приоритетного развития социально-гуманитарных наук. Эта область познания изучает проблемы взаимоотношения человека и общества с природой, которые чрезвычайно актуализировались в наше время, исследует условия солидарности людей и факторы самовозвышения личности, что крайне необходимо для конструктивного решения стоящих сейчас перед обществом задач. На среднем этаже аксиологической иерархии целесообразно разместить фундаментальные науки о природных явле-

них. Их значимость определяется тем, что они не только создают информационно-интеллектуальную базу для развития прикладных областей знания и опытно-конструкторских разработок, но и обогащают наше мировоззрение. Должен быть некоторый избыток (по отношению к настоящей практике) естественнонаучных знаний, ибо они работают на перспективу и создают банк информации, которая служит основой выбора необходимых данных для оптимального решения задач прикладного характера. Первый этаж занимают прикладные науки. Их ценность в том, что они напрямую входят в практику. Без них невозможны высокие технологии. Через опытно-конструкторские разработки и обоснование различных социальных технологий осуществляется связь науки с практической деятельностью. Очевидная результативность прикладных исследований порой рождает соблазн отдать им пальму первенства по сравнению с социально-гуманитарными и естественнонаучными знаниями. Сейчас в ряде стран даже заметна тенденция перераспределения в рамках «большой науки» финансовых и вещественно-материальных ресурсов в пользу прикладных исследований. Однако столь недалновидная политика лишает науку перспективы дальнейшего развития. Следует отметить, что при очевидных достоинствах технаучки в оперативном решении текущих задач она не самодостаточна при исследовании стратегических проблем общества и нуждается в государственном регулировании.

Научная рациональность, включающая в себя аксиологические элементы, приобретает гуманистический характер. Она ориентируется на экзистенциальный континуум, т.е. рассматривает природу как своеобразное продолжение человека и необходимое условие существования общества. «Человеческое Я сплелось с экосистемами во множестве метаболических процессов, — замечает Холмс Ростон III. — Мир — это мое тело»¹. В социокод новой научной рациональности входит экологический императив, диктующий необходимость выработки рекомендаций по рекультивации природных комплексов, подвергшихся эрозии в результате человеческой деятельности, и введение ряда ограничений на деструктивные действия при освоении естественных ресурсов.

Понятно, что лик нашей планеты преобразен деятельностью людей. Создана вторая природа — техносфера. И отступить некуда, да и невозможно. Ведь человек по самой своей сути — существо деятельное. Он осваивает природу посредством предметно-орудийных действий. Отступление от достигнутого научно-технического уровня привело бы к неизбежному и быстрому крушению социума. Вот почему важнейшей задачей науки является поиск способов согласованного функционирования естественного и искусственного миров.

¹ Холмс, Ростон III. Существует ли экологическая этика? / Холмс Ростон III // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М., 1990. С. 278—279.

РАЗДЕЛ III

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ДИСЦИПЛИНАРНО- ОРГАНИЗОВАННОЙ НАУКИ

ГЛАВА 19. ОСНОВНЫЕ ПАРАДИГМЫ В РАЗВИТИИ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО ЗНАНИЯ

19.1. Классическое естествознание. *Физика и ее место в системе естественных наук*

Естествознание представляет собой **совокупность наук о природе как единой целостности**. Оно изучает природные объекты и происходящие в них процессы с целью выявления объективных закономерностей. Многие объекты, изучаемые естественными науками, существуют автономно от человека, вне взаимосвязи с его деятельностью. Однако в настоящее время естествознание с необходимостью включает в предмет своего познания и объекты, созданные человеком.

В развитии естествознания, как и в развитии науки в целом, принято выделять три этапа: *классический*, *неклассический* и *постнеклассический*. Рассмотрим классический этап развития естествознания. Становление первых научных программ в классическом естествознании происходит в XVII—XVIII вв. в ходе первой научной революции. Особое место в естествознании того периода занимала физика и прежде всего такой ее раздел, как механика. Особый статус физики был обусловлен тем, что она первой сформировала целостную картину мира на основе эмпирических исследований. Успехи классической механики, являвшейся тогда единственной математизированной областью естествознания, в немалой степени способствовали утверждению ее методов и принципов познания *в качестве эталонов научного исследования природы*. В русле развития механики происходило формирование и развертывание не только понятийного аппарата и методологического инструментария классического естествознания, но и *становление научной рациональности* в целом, а также обретение последней статуса одной из важнейших ценностей человеческой жизни и деятельности.

Огромная роль классической механики в развитии естествознания заключалась в том, что она позволила объяснить множество физических явлений и процессов, протекающих как в земных, так и в неземных условиях. Она явилась теоретической основой значительного количества техниче-

ских достижений. Именно ее законы и базовые теоретические положения стали фундаментом для формирования сначала научной картины физической реальности, а затем и общенаучной картины мира.

Механистическая картина мира, в основе которой лежали законы классической механики И. Ньютона, строилась на основе таких философских принципов, как принцип материального единства мира, альтернативный дуалистическим религиозным представлениям, принцип причинности и принцип закономерности природных процессов. Характер научно-познавательной деятельности определялся *метафизическим стилем мышления*, предписывающим рассматривать объекты неизменными по своей сущности и существующими изолированно друг от друга.

В механистической картине мир представлял в виде совокупности автономных тел, состоящих из неделимых частиц (корпускул, атомов). Взаимодействие тел понималось как мгновенная передача сил по прямой (речь шла прежде всего о силах притяжения и отталкивания). В основе механистической картины мира лежало представление о пространстве и времени как особых субстанциях, для которых характерны абсолютность и однородность. Признавалась независимость пространственно-временных характеристик от содержания происходящих в них процессов, а также от системы отсчета, выбранной для их описания. Такое пространство и время немецкий математик XX в. Г. Вейль сравнивал с казармами, которые остаются самими собой независимо от того, есть в них в настоящий момент солдаты или нет. Согласно механистической картине мира, в этом абсолютном пространстве с течением абсолютного времени и перемещаются тела, состоящие из корпускул.

Механистическая картина мира была выстроена на основе таких абстракций, как «неделимая корпускула», «мгновенное взаимодействие тел по прямой, меняющее их состояние движения», «абсолютное пространство», «абсолютное время». Этим абстракциям соответствовали следующие конструкции теоретической схемы: «система материальных точек», «сила», «инерционная система отсчета».

На этапе классической науки в рамках физического знания развивалась не только механика. Так, Х. Пойнсенсом была разработана *волновая теория света*. В этот же период сформировались теории, объясняющие тепловые явления. Согласно одной из них, *вещественной теории теплоты*, теплота представляет собой невесомую «жидкость», способную перетекать от одного тела к другому. Эта «жидкость» получила название «теплород». Наличием теплорода объяснялись температурные явления: чем больше теплорода в теле, тем выше его температура. Согласно другой теории, теплота является разновидностью внутреннего движения частиц, из которых состоит тело. Чем быстрее движутся частицы, тем выше температура тела. Поскольку данная теория связывала представления о тепловых явлениях с атомистическим учением о строении вещества, она получила название *корпускулярной теории*. Ее сторонниками были такие выдающиеся ученые, как И. Ньютон, Я. Бернулли, Р. Гук, Р. Бойль.

Большой вклад в развитие корпускулярной теории тепловых явлений внес русский ученый М.В. Ломоносов. Он считал, что теплота является результатом вращательного движения частиц вещества. С помощью своей теории он объяснил процессы плавления, испарения и теплопроводности, а также сделал вывод о возможности существования «последней степени холода», когда прекращается всякое движение частиц.

К середине XVIII в. временную победу одержала вещественная теория тепловых явлений, поскольку ей, в отличие от корпускулярной теории, удалось объяснить экспериментально установленный факт сохранения теплоты при теплообмене. Кроме того, она отличалась простотой и наглядностью. Однако к середине XIX в. и она потерпела поражение, поскольку было доказано, что теплорода не существует.

После возникновения механистической картины мира формирование специальных научных картин (дисциплинарных онтологий) начало протекать в иных условиях, поскольку на процесс их построения существенным образом влияла *физическая картина мира*. В полной мере это относится и к картине биологической реальности.

В рамках классической науки объектом любого биологического исследования становится *организм*, понимаемый как нечто дискретное, а биологическая наука приобретает организмоцентристский характер. Картины биологической реальности в этот период были представлены двумя конкурирующими исследовательскими программами — программами французских ученых Ж.Л. Кювье и Ж.Б. Ламарка. Кювье считал, что биологические виды сами по себе неизменны, способность к трансформации не заложена в их сущности; изменения их свойств тесно связаны с внешними факторами — с географическими катастрофами. Представления подобного рода ориентировали ученых на поиск видов, которые бы существенно отличались от ныне существующих. Иначе интерпретировал накопленный к тому времени эмпирический материал Ж.Б. Ламарк. Он считал, что разнообразие животного мира является результатом возникновения одних видов из других в результате приспособления организмов к меняющимся условиям и наследования приобретенных признаков. Обе программы не только предлагали объяснительные модели накопленного эмпирического материала, но и определяли основные направления дальнейших эмпирических исследований. Из двух конкурирующих картин биологической реальности господствующей оказалась ступенчатая модель эволюции Ламарка.

В XVII в. программа развития химии была предложена британским ученым Р. Бойлем в работе «Химик-скептик» (1661). Свою программу он сформулировал следующим образом:

- 1) цель химии — изучение состава вещества, а также свойств, зависящих от этого состава;
- 2) химия должна ориентироваться на поиск и изучение реальных химических элементов;

3) в химию необходимо ввести индуктивный метод.

В химии на классическом этапе ее развития картина мира строилась на основе первой химической теории — теории флогистона (от греч. *phlogistos* — горючий), которую назвать теорией можно лишь условно, поскольку она формулировала не законы, а только общие принципы. Но несмотря на это, «флогистонная теория» давала представления как о химических объектах, так и о химических связях. Основу таких представлений в XVII в. заложили немецкие естествоиспытатели И.И. Бехер и Г.Э. Шталь. В такой картине мира все вещества рассматривались состоящими из трех компонентов: земель — элементов (особых начал), воды и особой субстанции — флогистона. Химическая реакция понималась как переход флогистона от вещества, в котором его содержится много, к веществу, где оно содержится в меньшем количестве. Таким образом, химические взаимодействия трактовались по аналогии с механическими процессами.

Сторонники «флогистонной теории» рассматривали флогистон как субстанцию, которая не притягивается к центру Земли (не имеет веса), что позволяет ей при соединении с частицами вещества сообщать им свою «летучесть». Такими свойствами флогистона объяснялись процессы окисления. Данная теория продолжала господствовать и после того, как было установлено, что при превращении металла в окалину увеличивается его вес.

В XVIII в. теория флогистона явилась основой развития учения об элементах и способствовала освобождению химии от алхимии. Она же стала мощным стимулом для развития количественного анализа сложных тел, без которого было бы невозможно экспериментально подтвердить идею о химических элементах. Теория флогистона в значительной мере стимулировала изучение газов и продуктов горения.

Наряду с флогистонными существовали и нефлогистонные представления о процессе горения, которые возникли раньше теории флогистона. Еще в 1630 г. Ж. Рей высказал предположение о том, что горение связано с присоединением к веществу воздуха. Эти идеи получили дальнейшую разработку благодаря А.Л. Лавуазье, который связал горение с «чистым воздухом», названным во второй половине XIX в. кислородом. Лавуазье предложил новую программу исследования химических явлений. В ее основу легли следующие идеи:

- 1) никакой особой субстанции в виде флогистона не существует;
- 2) химические элементы — это простые вещества, которые не разлагаются в химических процессах;
- 3) сложные вещества образуются из простых в результате действия «химических сил».

Картина «химической реальности», предложенная Лавуазье, с одной стороны, по-новому интерпретировала уже имеющиеся факты, с другой — ставила перед исследователями новые задачи, такие, например, как изучение

свойств химических элементов, поиск экспериментального доказательства закона сохранения вещества, исследование природы «химических сил» и т.п.

Анализ развития химии на этапе классической науки позволяет сделать вывод, что ее становление в качестве самостоятельной науки было связано с процессом физикализации, т.е. с проникновением в нее физических идей. Решающую роль в этом процессе сыграла ньютоновская идея силы тяготения. Фактически все концепции химического сродства¹, начиная с теории флогистона и заканчивая концепциями второй половины XIX в., строились по образцу ньютоновской трактовки гравитационного взаимодействия. Химическое сродство рассматривалось как притяжение частиц вещества по аналогии с притяжением тел согласно закону всемирного тяготения. В химии этого периода сложилась интересная ситуация: законы химического сродства устанавливались на основе химического эксперимента, но в их основе лежали идеи физики, поскольку считалось, что химические законы выражают степень притяжения одного вещества к другому.

В классической науке велась разработка представлений о *детерминизме*. Причинная обусловленность, по существу, сводилась к анализу *внешних факторов*, внешних воздействий на поведение и функционирование объектов, поскольку сами объекты рассматривались как инертные и пассивные, не имеющие внутренней активности.

В рамках классической науки сложились не только онтологические представления, но и были сформулированы основные методологические принципы продуцирования и оформления научного знания, к числу которых относятся *принцип экспериментального обоснования знания*, а также *установка на соединение экспериментального изучения природы с описанием ее закономерностей на языке математики*. Необходимость соединения физического эксперимента и математического описания первым осознал Г. Галилей.

Поскольку в классическом естествознании объекты исследования рассматривались как автономные и не связанные между собой, важнейшим методом научных исследований становится *анализ*: математический анализ в физике, количественный анализ в химии, аналитические процедуры в других научных отраслях.

В классической науке *объективность научного знания* понималась как описание реальности такой, какой она является на самом деле. Ориентация на *объектность* описания являлась доминирующей (хотя существовали и иные точки зрения). Такая позиция во многом была обусловлена тем, что классическая наука изучала макрообъекты, которые являются непосредственно наблюдаемыми.

¹ Химическое сродство — это «способность каждого простого тела соединяться с другими элементами и образовывать с ними сложные тела».

Идеалы и нормы научного исследования в классическом естествознании предписывали исключать из процедур описания и объяснения все то, что относится к субъекту и специфике его познавательной деятельности. *Объяснение* сводилось к поиску механических причин и носителей сил, детерминирующих изучаемые явления, а *обоснование* в любой научной сфере предполагало редукцию (сведение) знаний, полученных в процессе исследования, к фундаментальным принципам и идеям классической механики. Идеалом построения научного знания, фундированным представлениями о казуальности в духе лапласовского детерминизма, служили *закономерности динамического типа*. В рамках механистической картины мира признавалось, что научные законы носят *строго однозначный характер*, необходимость является первичной, а случайность вторичной.

Таким образом, *аксиология классической науки* базировалась на признании ценности чисто объективного знания, абсолютной истины, универсального метода научного познания, бескорыстного служения науке, безграничного научного прогресса.

В целом исследовательские программы классического естествознания, заданные механистической картиной мира, и эвристический потенциал методологического инструментария классической науки позволяли ей осваивать в качестве объектов познания лишь *простые системы*, включавшие в свой состав сравнительно небольшое количество элементов.

В результате синтеза знаний на основе принципов механики механистическая картина приобрела статус *общенаучной картины мира*. Однако такая ситуация сохранялась недолго. В конце XVIII—первой половине XIX в. механистическая картина мира начала терять статус общенаучности, что было обусловлено становлением дисциплинарно организованной науки. Накопление научных знаний в области химии, биологии и т.д. сопровождалось формированием специальных картин реальности (дисциплинарных онтологий), которые нельзя было свести к законам механики. Процесс дисциплинарного оформления научного знания сопровождался дифференциацией идеалов и норм научного исследования, появлением методологических подходов и принципов, характерных только для какой-либо одной конкретной науки. Становление дисциплинарной структуры естествознания явилось одной из характерных черт классического этапа его развития.

19.2. Неклассическое естествознание и его специфические черты

На рубеже XIX и XX вв. наука начинает изучать *системы принципиально нового уровня*, среди которых в первую очередь следует выделить объекты *микромира* (квантовые системы) и *биосистемы*. Это повлекло за со-

бой революционные изменения, обусловившие переход науки на второй — *неклассический* этап развития. Начало этому переходу было положено в сфере физических исследований.

В конце XIX в. в физике стали происходить существенные изменения, связанные с разработкой *концепции поля*, ставшей впоследствии фундаментальной для физики и заложившей основы формирования электромагнитной картина мира. Становление понятия электромагнитного поля началось с экспериментального доказательства М. Фарадея, что между электричеством и магнетизмом существует прямая динамическая связь. Экспериментальные исследования М. Фарадея подтвердили, что электричество и магнетизм передаются в пространстве не мгновенно по прямой, а по линиям различной конфигурации от точки к точке. При этом сила не существует отдельно от материи.

Развитие электромагнитной картины мира в физике привело к изменению представлений о пространстве и времени. Эти представления возникли в рамках теории относительности, разработанной А. Эйнштейном. В *специальной теории относительности* было доказано, что свойства пространства и времени *не являются абсолютными*, они зависят от выбора инерциальной системы отсчета. Будучи тесно связанными, пространство и время образуют четырехмерное пространство-время — единый пространственно-временной континуум. В рамках *общей теории относительности* была доказана зависимость свойств пространства и времени от распределения масс вещества и теоретически обосновано положение о том, что пространство и время являются выражением наиболее общих отношений материальных объектов и вне материи существовать не могут.

Теория относительности не устранила из науки абсолютные величины, она лишь изменила деление величин на абсолютные и относительные. Если в классической физике абсолютными признавались длина и временной промежуток, а относительными — любые скорости, то в неклассической науке ситуация изменилась. В рамках теории относительности появились новые абсолютные величины — скорость света и пространственно-временной промежуток, который остается инвариантным (постоянным) *при переходе от одной инерциальной системы к другой*, хотя сам пространственно-временной континуум не является абсолютным.

Становление теории относительности было связано с развитием математики, с появлением *новых парадигмальных оснований математического знания*. В XIX в., благодаря работам Н.И. Лобачевского, Я. Больяи, К.Ф. Гаусса и Г.Ф. Римана появились геометрии, принципиально отличные от геометрии Евклида. Оказалось, что *логически возможны* три варианта геометрии: Евклида, Лобачевского и Римана, поскольку они в равной мере являются стройными и непротиворечивыми. Наглядное представление об этих геометриях может быть дано следующим образом: соотношения, пред-

ложенные геометрией Евклида, характерны для *плоскости*, геометрия Римана реализуется на *поверхности сферы*, а геометрия Лобачевского — на так называемой *псевдосфере*, напоминающей поверхность конского седла. Кривизна поверхности в геометрии Евклида равна нулю, в геометрии Римана она положительная, а в геометрии Лобачевского отрицательная. Правомерность использования идей неевклидовых пространств подкреплялась совпадением следствий общей теории относительности, где они применялись, с опытом.

Общая теория относительности стимулировала *появление новых исследовательских программ в космологии*. Как фундаментальная физическая теория, она нуждалась в приложении к таким объектам, на которых ее предсказания могли бы стать наиболее заметными. Такими объектами оказались объекты *мегамира*. Неклассическая космология была построена на следующих базовых идеях: неевклидовости пространства, возможной замкнутости Вселенной, нестационарности Вселенной.

Неклассическая наука радикальным образом изменила не только представления о пространстве и времени, она *изменила представления о веществе и движении*. Появление новых представлений было связано с квантовой механикой, сформировавшейся при изучении *свойств микрообъектов* — атомов и составляющих их частиц. В поведении микрочастиц обнаружилось свойство, отсутствующее у макрообъектов, с которыми человек взаимодействует в своей повседневной жизни. Это свойство получило название *корпускулярно-волновой дуализм*. В процессе исследования выяснилось, что частицы вещества проявляют волновые свойства, а свет, который традиционно рассматривался с волновой точки зрения, при излучении и поглощении проявляет корпускулярные свойства. Необычные свойства микрообъектов были зафиксированы Н. Бором в *принципе дополнительности*. Согласно этому принципу, свойства микрообъектов проявляются *в зависимости от экспериментальных условий* (например, электрон в одних условиях будет проявлять волновые свойства, а в других — корпускулярные). Согласно Бору, мы не в праве говорить о свойствах электрона до наблюдения. Таким образом, принцип дополнительности указывает на взаимосвязь квантово-волновых свойств микрообъектов с субъект-объектными отношениями в процессе познания, с проблемой наблюдаемости и позицией наблюдателя.

Неклассическая наука существенным образом расширила представления о динамике физической реальности. В процессе изучения движения микрочастиц стало очевидно, что оно не может быть описано с помощью законов классической механики. Возникла настоятельная потребность в новой теории. Дальнейшие исследования в этой области позволили установить, что движение частицы *описывается амплитудами волн вероятности*, волновой функцией. Частице нельзя приписать определенную координату, мы можем установить лишь *вероятность* ее нахождения вблизи

указанной точки пространства. Такое поведение частицы было зафиксировано в *принципе неопределенности* Гейзенберга — одном из фундаментальных принципов квантовой механики. Согласно этому принципу, чем точнее известно положение частицы, тем неопределеннее становится ее импульс, и наоборот.

В квантовой теории взаимодействие частиц предстает как обмен промежуточными — виртуальными частицами. На уровне философского осмысления наличие реальных и виртуальных частиц может быть проинтерпретировано как наличие двух тесно связанных *модусов бытия* — *актуального и потенциального*. Неклассическая наука ориентировалась на исследование объектов, имеющих отношение к *модусу потенциального бытия*. В этой связи Н. Винер отмечал, что неклассическая наука осуществила *вероятностную революцию*, поскольку в конце XIX — начале XX в. она продемонстрировала переход от ньютоновского мира к миру вероятностному. «Вероятностная революция» означала, что в науке сформировался и закрепился *вероятностный стиль мышления*.

Переход к анализу вероятностных процессов заставил ученых пересмотреть традиционное понимание причины как фактора внешнего воздействия и сконцентрировать внимание на *внутренних факторах динамики*.

Квантовые и релятивистские представления неклассической физики были синтезированы в единую *квантово-релятивистскую картину мира*. В такой картине мира *фундаментальными абстракциями* стали понятия частиц и полей.

В рамках неклассической науки физика не потеряла своей фундаментальности, поскольку:

- все естественные науки в ходе исследования используют приборы, а прибор представляет собой физический объект, поэтому любая наука при интерпретации показаний прибора и описании результатов исследования использует физические термины;
- положения физики не выводимы из других наук, наоборот, теоретические положения физики могут использоваться при объяснении химических, биологических и иных процессов.

Становление квантово-релятивистской картины мира обусловило возможность *междисциплинарного синтеза*. Наряду с дифференциацией научного знания стали возможны интеграционные процессы. Если в XIX в. такие явления, как валентность, периодическая система элементов Д.И. Менделеева, рассматривались как сугубо химические феномены, то в XX в. они получили свое объяснение на базе квантово-механической теории. Благодаря физике химия получила теоретическое обоснование.

В XX в. была обнаружена *глубокая физико-химическая основа биологических процессов*. Это стало возможным вследствие активного взаимодействия биологии, физики и химии. Этот процесс обеспечил проникновение

биологического познания *в глубь* живой материи, изучение жизненных процессов на *молекулярном* и *субмолекулярном* уровнях. Представления о молекулярном уровне жизни начали формироваться еще во второй половине XIX в. В 1869 г. И.Ф. Мишером была открыта полимерная молекула ДНК. Под влиянием познавательных установок, сформировавшихся в процессе физико-химических исследований, биологическое познание пошло по пути изучения пространственной организации макромолекул живого. Это позволило Ф. Крику и Дж. Уотсону в 1953 г. расшифровать структуру молекулы ДНК. Открытие, в свою очередь, привело к утверждению в биологии новой картины реальности, в которой окончательно утвердился новый — *молекулярный* (макромолекулярный) — уровень осуществления жизненных процессов. Закономерности молекулярного уровня стали предметом новых научных дисциплин — молекулярной биологии и молекулярной генетики. Стремительное развитие молекулярной биологии открыло возможность изучения первичной структуры нуклеиновых кислот и белков — субмолекулярных оснований жизненных процессов. Переход познания живого на молекулярный и субмолекулярный уровень положил начало современной революции в биологии.

На этапе неклассической науки существенные коррективы были внесены *в теорию наследственности*. Открытие ДНК и выявление ее структурной организации позволили сделать вывод, что именно ДНК, а не белок, как считалось ранее, является материальным носителем наследственных свойств живого.

В ходе развития представлений о молекулярном уровне жизни обнаружилась и ошибочность прежних представлений о характере репликации генов. В рамках хромосомной теории названное явление трактовалось (причем всего лишь гипотетически) как процесс саморепродуцирования молекул белка. С опорой на построенную модель молекулы ДНК был раскрыт *матричный принцип ее воспроизведения*. Благодаря этому биологи получили возможность дать достаточно строгое научное объяснение такому атрибуту живого, как размножение.

Успехи генетики привели к качественной перестройке практически всех традиционных областей биологии, изменили ее место в системе современного естествознания, а также характер ее взаимоотношения с социальной практикой.

На рубеже 20—30-х гг. XX в. начался процесс интенсивного взаимодействия генетики с эволюционной теорией Ч. Дарвина, которые до этого времени развивались обособленно. В 1926 г. была опубликована большая статья русского генетика С.С. Четверикова «О некоторых моментах эволюционного процесса с точки зрения современной генетики». В ней ученый показал, что классическая менделевская генетика и дарвиновское объяснение механизма эволюции не противоречат друг другу. Более того, их синтез

позволяет создать новую теорию, обосновывающую достоинства дарвиновской концепции эволюции. Русский ученый показал, что эволюционный процесс не может быть сведен к мутационным изменениям, характерным для отдельного организма, механизм изменений следует искать *на уровне популяции* — совокупности особей данного вида, связанных определенным образом между собой. Именно популяция содержит различные варианты гомологичных генов и их комбинаций. Отбор предполагает сохранение такой комбинации, которая позволила бы популяции (виду) обрести (сохранить) устойчивость в новых условиях среды.

Эти идеи легли в основу *синтетической теории эволюции*, разработчиками которой помимо С.С. Четверикова были С. Райт, Р. Фишер, Ф.Г. Добжанский, Э. Майр, Дж. Сипсон, Дж. Хаксли, Дж.Б.С. Холдейн. Теория была признана научным сообществом в 1959 г., когда отмечался столетний юбилей выхода в свет книги Ч. Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора». Благодаря синтетической теории под эволюцией биологи стали понимать *закономерное изменение структуры популяции в соответствии с изменением характера ее взаимодействия с окружающей средой*, а сама эволюция стала трактоваться как конструктивный процесс.

Качественный сдвиг в понимании исходной единицы эволюционного процесса привел к *изменению стиля мышления в биологии*. Вместо классического, организмоцентристского, стиля в биологической науке получил признание *популяционный стиль* мышления. Эта замена явилась революционным событием в развитии биологии, она означала движение биологического познания *вширь* — открытие и исследование надорганизменных уровней организации жизни. Важную роль в развитии представлений об этих уровнях сыграло учение В.И. Вернадского о биосфере как особой оболочке Земли, заселенной живыми организмами. Благодаря работам русского ученого сформировалось целостное представление о биосфере как о *глобальной экосистеме*, хотя понятие «биосфера» было введено Ж.Б. Ламарком еще в начале XIX в. Вернадский убедительно доказал, что живые организмы представляют собой мощную преобразующую силу Земли.

По мнению Вернадского, новой и последней стадией развития биосферы является ноосфера — сфера разума, формирование которой связано с появлением и деятельностью человека. В научный оборот понятие «ноосфера» было введено в 1926 г. математиком и философом Э. Леруа, а также теологом и палеонтологом П. Тейяром де Шарденом. Ноосфера понималась ими как особый «мыслящий пласт», который разворачивается «над миром растений и животных — вне биосферы и над ней»¹. У Вернадского ноосфера

¹ Тейяр де Шарден, П. Феномен человека: Сборник очерков и эссе / П. Тейяр де Шарден. М., 2002. С. 293.

возникает не над оболочкой жизни, а внутри нее, *ноосфера* — это высшая стадия развития биосферы, а человек является мощной геологической силой, действие которой сравнимо с гигантскими тектоническими сдвигами.

Утверждение популяционного стиля мышления, признание популяций и изменений их генотипических характеристик в качестве элементарных эволюционных структур и элементарных эволюционных трансформаций обеспечило возможность использования статистических закономерностей и *математических методов* в процессе выявления сущности эволюционного процесса.

Развитие неклассической науки привело к качественно *новому пониманию самого объекта исследования*. Неклассическая наука продемонстрировала ориентацию не на поиск универсальных методов познания, что было характерно для классического этапа, а на *поиск общего способа видения и понимания* объектов изучения независимо от их природы. Эта ориентация была реализована в рамках системного подхода. Идея системности еще в начале XX в. была сформулирована А.А. Богдановым в работе «Всеобщая организационная наука (тектология)» (1912). Однако *общая теория систем* была разработана Л. фон Берталанфи в 40—50-е гг. XX в. в процессе использования физических теорий при описании и объяснении сущности и функционировании живых организмов. Главное отличие объектов общей теории систем от объектов классической науки состояло в том, что они рассматривались как особые сложноорганизованные *целостности*, которые нельзя свести к совокупности свойств их элементов.

Большой вклад в изучение таких сложных систем внесла *кибернетика* — *общая теория управления и связи*. Развитие этого направления исследования связано с именем Н. Винера, который в 1948 г. опубликовал книгу «Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине». Винер показал подобие процессов управления и коммуникации в искусственно созданных машинах, а также в живых организмах и их сообществах. Кибернетика позволила математическими методами изучать и создавать на практике *системы с обратной связью*.

Весьма продуктивным оказалось использование идей кибернетики в биологии. Рассмотрение биологических объектов как самоорганизующихся систем с обратными связями и способностью передавать информацию позволило И.И. Шмальгаузену в 50—60-е гг. XX в. разработать *теорию биологической эволюции как самоорганизующегося процесса*. Согласно этой теории, именно саморегуляция (гомеостазис) позволяет каждой биологической системе поддерживать свое существование, сохранять состав, структуру и многообразные связи, а также закономерно изменяться в пространстве и времени. По мнению Шмальгаузена, взаимодействие основных структурных единиц живого — организмов, популяций и биоценозов можно рассматривать как процесс передачи и преобразования информации.

На этапе неклассической науки усилилось взаимодействие естественных и социально-гуманитарных наук. Это хорошо видно на примере развития лингвистики. Рассмотрение естественного языка в терминах кибернетики и теории систем, а также использование представлений о генокоде как особом языке наследственности оказалось эффективным при обсуждении проблемы порождающей грамматики, разработанной школой Н. Хомского.

На основе достижений неклассического естествознания возник *новый образ природы* как сложной, иерархически организованной и динамичной целостности, самоорганизующейся системы. В начале XX в. американские исследователи Р.В. Селларс и Г.Ч. Браун предложили *концепцию структурных уровней*, в основе которой лежало представление о том, что уровни организации материи отличаются своей целостностью и законами, присущими каждому из них. А к середине XX в. благодаря интегративным процессам, происходящим в науке, было доказано, что эти уровни тесно связаны. Указанные идеи позволили сформировать научную картину мира, включающую в себя три компонента: представления о неживой природе, представления о сфере жизни и представления о социальной реальности.

В целом на протяжении первой половины XX в. в разных отраслях неклассической науки активно и успешно изучались сложные системные образования, имеющие значительное число входящих в них элементов, уровневую организацию, а также автономные и вариабельные подсистемы.

Качественно новая природа изучаемых объектов потребовала не только кардинального обновления содержания естественнонаучных представлений о мире, но и *перестройки идеалов и норм научного исследования*, разработки и обоснования принципиально иных процедур описания, объяснения, доказательности, обоснования научного знания, а также новых эталонов его построения. Осуществление подобной перестройки было невозможно без серьезного философско-методологического анализа сложившейся ситуации. Актуальность такого анализа была обусловлена также наличием двух противоположных тенденций в развитии самой науки. С одной стороны, быстрыми темпами шло развитие специализированных отраслей естественнонаучного знания, поскольку в рамках дисциплинарно-организованной науки продолжалась ее дифференциация, включая дифференциацию дисциплинарных идеалов и норм исследования; с другой — начались интегративные процессы, свидетельствующие о *становлении междисциплинарной организации науки*.

Используя *деятельностный подход* в качестве своей методологической основы, неклассическая наука признала, что результаты исследования объекта, его описание и объяснение *не могут рассматриваться безотносительно к средствам его концептуального освоения*. Она потребовала четкой фиксации и обоснования средств, используемых в процессе исследования.

Радикальные изменения в содержании научного знания и его методологической оснащенности, а также сопутствовавшая им перестройка элементов метатеоретических оснований научного поиска могут быть расценены как *глобальная революция* в развитии естествознания.

19.3. Постнеклассическое естествознание: смена парадигм и новые ценностные ориентиры

В последние десятилетия XX в. начала разворачиваться новая глобальная научная революция. Она ведет к утверждению в культуре современного общества нового феномена — *постнеклассической науки*, основные усилия которой сконцентрированы на освоении *сложных эволюционирующих человекомерных (человекообразных) систем*. Человекомерными называются системы, где составной частью является человек. К числу таких систем относятся общество, наука, природа-человек, человек-машина и т.д. Человекомерным становится и само естествознание, поскольку вся постнеклассическая наука строится на признании неустранимости субъекта из любого познавательного процесса, из процесса описания, объяснения, предвидения.

Человекомерность исследуемых объектов и человекомерность естественнонаучного познания хорошо согласуются с антропным принципом, получившим свое обоснование в физике, космологии и астрономии в 60-е гг. XX в. Антропный принцип является следствием научно установленного факта — фундаментальные физические постоянные (ФФП) таковы, что очень точно настроены на появление жизни в наблюдаемой части Вселенной¹. Изменение любой из этих постоянных влечет изменение остальных, но главное в другом: даже минимальное (на 1%) изменение ФФП принципиально меняет устройство Вселенной. Структура атомов, планетные орбиты изменяются так, что жизнь в новых условиях, которые описываются иными постоянными, становится невозможной.

Основная стратегия научного исследования в постнеклассической науке задается *эволюционной парадигмой*. С одной стороны, идеи эволюции становятся фундаментом создания концепции глобального эволюционизма, дающей представление о развитии Вселенной в целом; с другой — они позволяют не только «вписать» человека в общий контекст живого, в биосферу, но и по-новому посмотреть на его сущность, способности, возможности и перспективы. Эволюционная парадигма дает возможность объединить естественнонаучные и социально-гуманитарные науки, становясь методологическим и теоретическим основанием их развития.

¹ *Войцехович, В.Э.* Куда эволюционирует наука? / В.Э. Войцехович // Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания. М., 2004. С. 175—176.

Эволюционная парадигма ориентирует исследователей на поиск и изучение связей, возникших в процессе развития систем различной природы. Именно с этой исследовательской ориентацией связана **фундаментальная задача современной физики — задача разработки единой теории всех физических взаимодействий и частиц**. Создание такой теории базируется на трех основополагающих идеях: 1) все физические взаимодействия имеют калибровочную природу; 2) в строении вещества важную роль играет лептонно-кварковый уровень; 3) для первичного вакуума характерно спонтанное нарушение симметрии.

Смысл идеи *калибровочного подхода* состоит в том, что каждому типу взаимодействия соответствует некоторая группа симметрий. Поля как переносчики взаимодействий нарушают эти симметрии, порождая новые структуры. В этой связи все поля и частицы являются геометрическими объектами, а физическая теория калибровочных полей описывается с помощью математической теории расслоенных пространств.

Согласно идее *лептонно-кваркового структурного уровня* в строении вещества, среди элементарных частиц, которых сегодня насчитывается 350, есть первичные «бесструктурные» частицы, каковыми являются кварки и лептоны.

Проясняя содержание идеи спонтанного нарушения симметрии первичного вакуума, следует отметить, что в современной физике понятие вакуума стало одним из основных, поскольку свойства вакуума определяют характеристики всех остальных физических явлений. Вакуум трактуется как особое низшее состояние квантовых полей, для которых характерно отсутствие каких-либо реальных частиц. Вакуум обладает сложной структурой, спонтанное нарушение его симметрии приводит к появлению состояния, в котором и появляются частицы.

Идея эволюции долгое время была чужда физике. В физику из биологии ее перенес И. Пригожин, что явилось методологической основой формирования основных идей неравновесной термодинамики, а затем и синергетики.

Во второй половине XX в. к изучению исторически развивающихся объектов наряду с биологией, физикой, космологией и науками о Земле приступила и химия. *Эволюционная химия* как наука о самоорганизации и саморазвитии химических систем поставила перед собой задачу ответить на вопрос: как в процессе развития природы из неорганического вещества возникло органическое, а затем и жизнь? Еще в XIX в. Я. Берцелиусом было установлено, что основной лабораторией живого является катализ (биокатализ). Катализ представляет собой изменение скорости химической или биохимической реакции в присутствии вещества, которое многократно вступает в промежуточные реакции, а затем восстанавливается после цикла взаимодействий. Катализ наиболее распространен в живой природе, большинство процессов, происходящих в организмах, являются каталитическими.

Сегодня ученые полагают, что на ранних стадиях химической эволюции катализ вообще отсутствовал. После появления некоторого минимума неорганических и органических соединений его роль в развитии химических систем резко возросла. А затем химическая эволюция приостановилась, когда период разнообразных химических превращений сменился этапом появления и развития биологических систем.

Ведущим механизмом химической эволюции явился отбор, в процессе которого выделились те химические элементы, которые оказались способными образовывать не только прочные, энергоемкие, но и лабильные, легко перестраиваемые химические связи. Таким требованиям в первую очередь соответствовал углерод. Атомы углерода способны образовывать почти все известные типы химических связей. В одном и том же химическом соединении атомы углерода могут одновременно быть и донором, и акцептором электронов. Природой было отобрано только 6 химических элементов, составляющих основу живых систем: углерод, водород, кислород, азот, фосфор и сера. Кроме того, из 100 известных аминокислот в состав белков вошли только 20, и лишь 4 нуклеотида легли в основу ДНК и РНК.

Сегодня наука существенным образом продвинулась в теоретическом осмыслении химической эволюции, ее механизмов и основных направлений, но вопрос о том, какие конкретно химические превращения обусловили появление жизни, пока остается открытым.

В самой биологической науке реализация эволюционной стратегии обусловила необходимость активного использования *информационного подхода*. Дело в том, что расшифровка структуры ДНК позволила объяснить механизм синтеза белков, но вопрос о том, как кодируется пространственно-временная структура высших биосистем, остался без ответа. Очевидным являлся только факт, что для осуществления данного процесса чисто вещественного потенциала хромосом явно недостаточно. Еще в 20—30-е гг. XX в. русские ученые А.Г. Гурвич и А.А. Любищев высказали гипотезу о том, что генетический аппарат организмов способен передавать информацию с помощью электромагнитных или акустических волн. На базе этих предположений В.П. Казначеев и его школа сформулировали идеи квантовой (волновой) генетики. В рамках волновой генетики было экспериментально доказано, что совмещающееся единство «волна-частица» или «вещество-поле», утвердившееся в квантовой электродинамике, можно применять и в биологии. В ходе проводимых экспериментов были открыты волновые информационные контакты как в пространстве-времени самой биосистемы, так и за ее пределами¹.

¹ *Гаряев, П.П.* Волновая генетика как реальность [Электронный ресурс]. Режим доступа http://retech.narod.ru/homo/gen/woln_gen.htm.

В 1990-е гг. на основе использования информационного подхода и базовых идей квантовой генетики был сделан вывод, что макромолекулы ДНК, РНК, белка можно рассматривать как «тексты», в которых закодирована информация, а гены — как особые *волновые матрицы, по которым строится организм*.

На этапе постнеклассической науки стали усиливаться прямые контакты биологии и практики. Она перестала ограничиваться изучением мира живого, а начала активно влиять на него. В биологии появилась и начала неуклонно нарастать тенденция *проектирования и конструирования биообъектов*, а также стремление управлять живыми системами различного уровня. Названные тенденции нашли отражение в развитии таких исследовательских направлений, как геновая и клеточная инженерия, инженерия биоценозов, агроценозов и т.д. По существу, современная биологическая наука вступила в новый этап своего развития — *биоинженерный*.

Под влиянием практических ориентиров в биологии происходят изменения и в стратегии исследовательской деятельности, появляются такие новые направления, как предвидение и прогнозирование дальнейшего функционирования и развития живых систем.

В последней четверти XX в. эволюционная теория оказала влияние и на развитие социально-гуманитарного знания. Эволюционная парадигма позволила выстроить *мост между генетико-органической и социально-культурной эволюцией*. Начало этому процессу было положено выходом в свет в 1975 г. книги американского энтомолога Э. Уилсона «Социобиология. Новый синтез», где была высказана мысль о том, что истоки познавательных способностей человека следует искать в его биологической природе. Так появилось направление «эволюционная эпистемология». Представителями этого движения являются К. Поппер, К. Лоренц, Г. Фолмер и др. *Эволюционная эпистемология* — это междисциплинарная парадигма исследования природы человеческого познания. Она представляет собой синтез знаний из области психологии восприятия, психологии развития и обучения, лингвистики, нейрофизиологии, сравнительного исследования поведения и других на основе эволюционной теории и философских концепций познания (эмпиризм, рационализм, априоризм, конвенционализм и т.д.). Согласно эволюционной эпистемологии, познавательные способности человека являются результатом процесса отбора. В течение последних десятилетий в ходе биологических исследований удалось выявить ряд свойств мозга, благодаря которым он способен преобразовывать информацию. Было установлено, что процессы переработки информации мозгом активны, ограничительны, установочны, «габитивны» (в процессе переработки информации предпочтение отдается

новым, а не привычным стимулам), синтетичны, предсказательны, иерархичны, полушарно-асимметричны, ритмичны, склонны к самовознаграждению, рефлексивны, социальны ¹.

Идеи социобиологии получили свое дальнейшее развитие в теории геннокультурной коэволюции, разработанной Э. Уилсоном в соавторстве с молодым физиком Ч. Ламсденом. В 1983 г. была опубликована их совместная работа «Огонь Прометея. Размышления о происхождении разума». Согласно их теоретическим выкладкам, социально-исторические события выполняют функцию отбора личностей с определенными, генетически заданными качествами. В ходе такой селекции остаются преимущественно те, кто хорошо вписывается в «требования» существующей социальной среды. Теория *геннокультурной* коэволюции находится на начальной стадии своей разработки и вызывает острые дискуссии.

Эволюционные установки нашли свое воплощение и в эволюционной этике. Согласно последней, человек имеет не только инстинкты, но и рождается с определенным набором предрасположенностей (пропозиций) действовать определенным образом. Благодаря социальной среде и воспитанию, начинают преобладать те или иные предрасположенности. По мнению одного из сторонников эволюционной этики М. Рьюиза, с точки зрения биологической эволюции быть моральным выгодно.

К концу XX в. на пике становления идей глобального эволюционизма стало очевидным, что эволюционная стратегия должна быть дополнена *идеями коэволюции* — совместного сопряженного развития эволюционирующих систем в соответствии с взаимными селективными требованиями. На актуальность поиска закономерностей такой сопряженности еще в начале XX в. обратил внимание В.И. Вернадский, показав переход от биосферы к ноосфере. Он отмечал, что человек в своем развитии не может делать ставку только на антропогенные или только природные факторы. Необходимо ориентироваться на их коэволюцию — совместное развитие. Однако в отечественной литературе в развернутом и теоретически обоснованном виде идея коэволюции впервые была представлена Н.В. Тимофеевым-Ресовским только в 1968 г. Свою дальнейшую разработку она получила в работах Н.Н. Моисеева и др. Осознание того факта, что сопряженность развития человека и биосферы — это всего лишь частный случай коэволюционных процессов, характерных для всей Вселенной, пришло еще позже. Впервые *универсальность коэволюционных процессов*, их присутствие на всех уровнях бытия — от молекулярной эволюции до эволюции биосферы и эволюции идей — была обоснована в работе С.Н. Родина «Идея коэволюции» (1991).

¹ Борзенков, В.Г. От биологической эволюционной теории к глобальному эволюционизму / В.Г. Борзенков // Современные философские проблемы естественных, технических и социально-гуманитарных наук. М., 2006. С. 280.

Козволюционная стратегия открывает новые перспективы для развития знания, ориентируя исследователей на *поиск новых способов понимания сопряженности мира природы и мира культуры*, путей их совместной эволюции.

Благодаря принципу глобального эволюционизма и эволюционно-коэволюционной парадигме становится возможным синтез различных картин реальности, возникающих в рамках отдельных научных дисциплин, и формирование современной общенаучной картины мира, воссоздающей целостную панораму исторического развития природы и человека.

На этапе постнеклассической науки особую значимость приобретает *экологическая стратегия* научных исследований, поскольку масштабность использования научных и технических достижений неизбежно порождает вопрос: а как влияет использование последних на состояние биосферы и человека как ее составной части? Формирование экологической стратегии было тесно связано, с одной стороны, с достижениями *экологии*, занимающейся изучением отношений живых организмов и их сообществ между собой и окружающей средой, с другой — инициировано экологическим кризисом, который в последние десятилетия XX в. приобрел глобальный характер.

Термин «экология» был введен в научный оборот немецким зоологом Э. Геккелем еще в 1866 г. Но широкое распространение он получил только в начале XX в. Именно в XX в. это понятие приобрело и более узкий смысл, стало трактоваться как *наука о взаимодействии человека и биосферы*.

В процессе исследования экологических проблем выяснилось, что они носят комплексный, системный характер, поэтому поиск их решения невозможно ограничить рамками одной науки — экологии, необходимо взаимодействие многих естественных и гуманитарных областей знания. Катализатором интеграции экологии с другими научными дисциплинами стала идея коэволюции общества и природы. Именно она явилась теоретико-методологическим основанием многих современных междисциплинарных исследований. Сегодня часть этих исследований приобрела статус самостоятельных научных и учебных дисциплин, о чем свидетельствует появление физической экологии, экологической химии, экологической географии, социальной экологии, экологического права и многих других. На этапе постнеклассической науки место и роль экологии существенным образом меняются: она становится одним из лидеров естествознания, ее идеи и принципы включаются в содержание и исследовательские установки других областей знания. Использование в научном познании экологической парадигмы, ориентация значительной части научных исследований на решение экологических проблем означает *экологизацию научного познания и знания*.

Глобальный характер экологических проблем требует коренного изменения не только стратегии экономического развития общества, но и ставит вопросы о перестройке сознания, культуры и нравственности людей. По мнению многих исследователей, антропоцентристский тип культуры, характерный для техногенной цивилизации, должен быть заменен экологичестской культурой, основанной на экологических императивах. В этой связи вопросы формирования экологического сознания и экологической культуры (как у отдельной личности, так и у всего общества) приобретают первостепенное, принципиальное значение. Решение этих вопросов приводит к появлению экологической этики, экологической эстетики, повышению роли художественной литературы в экологическом образовании и экологическом воспитании личности.

Гуманизация становится основным ориентиром развития постнеклассической науки, поскольку именно ей предстоит найти способы сохранения биосферы и обеспечения выживания человечества. В этой связи значительно возрастает *этическая «нагруженность»* научного знания, что существенным образом отличает современную стадию развития естествознания от предшествующих периодов его существования.

Специфика объектов, изучаемых современной наукой (речь идет прежде всего о человекомерных комплексах), фундаирует *перестройку норм научной рациональности* и *обновление методологического арсенала*. Исторический характер системного комплексного объекта, с которым имеет дело постнеклассическая наука, стимулирует выработку теоретических средств, позволяющих применять метод исторической реконструкции. Такой метод дает возможность воспроизводить основные этапы эволюции объекта и, следовательно, решать задачу его описания в теоретическом исследовании. В современном научном познании в качестве теоретико-методологического основания изучения самоорганизующихся и саморазвивающихся системных образований любой природы все чаще используются идеи синергетики, поскольку ее категориальный и математический аппарат обладают значительным эвристическим потенциалом.

В целом, для современного естествознания характерно утверждение *универсальных методологических установок*, системной, эволюционной, эволюционно-коэволюционной, экологической, синергетической и других парадигм. И это не случайно, поскольку вся постнеклассическая методология базируется на *принципе холизма* — признании целостности мира. Использование этого принципа приводит к значительным структурно-организационным изменениям в рамках самого естествознания: определяющей особенностью нынешнего этапа его развития становится ориентация на усиление межпредметных взаимодействий в рамках естественных наук, а также углубление его связей с гуманитарным знанием.

ГЛАВА 20. ФИЛОСОФИЯ ТЕХНИКИ И ТЕХНИЧЕСКАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ

20.1. Техника как объект философской рефлексии. Предмет и структура философии техники

Современная цивилизация, если отвлечься от ее внутреннего многообразия, может быть определена как техногенная. Такая характеристика относится не только к пути развития Запада, она отражает общую тенденцию развития всего человеческого общества. Именно в современных условиях наука и техника являются ведущими детерминантами общественной жизни.

Техника — это исторически возникшая и развивающаяся совокупность средств человеческой деятельности, представляющих собой результат опредмечивания в природном материале трудовых функций, навыков, опыта людей, а также использования сил и закономерностей природы. В технике материализованы не только знания, но и практический опыт, накопленные в процессе развития общества. Техника всегда была и продолжает оставаться уникальным средством преобразования человеком окружающей его природной и социальной среды. Она является фактором формирования и развития человеческого общества. В контексте развития техники историю человечества можно рассматривать как *технологизацию его бытия*.

Техническая деятельность и технические изделия возникают практически одновременно с появлением Homo sapiens. Тем не менее, люди долго не осознавали подлинную сущность искусственных предметов, создаваемых их трудом, наделяли их божественной силой. Не случайно на ранних этапах развития человечества техника была тесно связана с мифологическим мировоззрением и магическими ритуалами.

Понятие «техника» появилось в античности и первоначально обозначало: 1) орудия труда и инструменты, с помощью которых человек преобразует действительность; 2) совокупность умений, навыков, операций, которые необходимы, чтобы привести в действие орудия труда и добиться запланированного результата. Последний компонент техники нередко называют технологией. Но чаще всего понятия «техника» и «технология» употребляются как синонимы. Уже античные философы осмысливали технику как проблему, ставя вопросы об истоках человеческого дара создавать технические устройства, о цели технической деятельности, о природе придуманных и изготовленных человеком предметов. Древних мыслителей интересовали в основном те стороны технических средств, благодаря которым последние гармонично «встраиваются» в единый космический порядок. Процесс изготовления вещей трактовался как естественный ход событий.

В XVII в. понятие «техника» начинает означать совокупность всех тех средств, знаний и навыков, которые имеют отношение прежде всего к производству механизмов и машин. Окончательно такое понимание закрепляется в XVIII—XIX вв., поскольку в этот период происходит скачок в развитии техники и возникает крупное машинное производство, вытеснившее ремесленный труд. В XVIII в. немецкий ученый и инженер *И. Бекманн* (1739—1811) первым предпринял попытку *теоретического и философского* осмысления феномена техники. Он предложил рассматривать технологию как самостоятельную науку, объектом исследования которой является *материально-техническая сторона процесса производства*. По его мнению, технология может стать наукой только при условии систематизации имеющегося технического знания на основе выдвижения теоретических положений и уточнения технологических терминов. Идеи И. Бекманна получили свое дальнейшее развитие в трудах его ученика И.Г. Морица Поппа (1776—1854).

Однако профессиональное изучение теоретических и философских аспектов развития техники начинается только на рубеже XIX и XX в., когда происходит бурное развитие технических наук. В Германии интерес к проблемам техники в этот период проявляют такие мыслители, как Э. Капп, А. Эспинас, Ф. Дессауэр, в России — П.К. Энгельмейер, во Франции — Э. Дюркгейм и (отчасти) А. Бергсон (1859—1941). В работах названных мыслителей была рассмотрена *онтология* техники (проанализирована сущность данного явления); представлен *гносеологический аспект* (прояснена специфика технического познания и развитие технических наук); сформулированы идеи *социологии техники*, раскрывающие связь техники с различными факторами общественной жизни. В конце XIX в. Э. Капп впервые использовал понятие «философия техники», назвав свою работу «Основные направления философии техники» (1877)¹.

В XIX—XX вв. в сфере философской и общественной мысли при рассмотрении феномена техники сформировался комплекс представлений, который впоследствии получил название «технологический детерминизм». **Технологический детерминизм** — это концепция, согласно которой техника является финальным детерминантом (конечной причиной) всех социальных преобразований и культурных модификаций. Основоположниками технологического детерминизма в XIX в. были А. Сен-Симон, О. Конт и др. В основе этой концепции лежат следующие идеи:

- идея «автономности» развития техники, независимости ее прогресса от социального контекста;
- оценка техники, а также результатов ее функционирования и развития как исключительно прогрессивных явлений;

¹ Название книги Э. Каппа переводится по-разному: «Основы философии техники», «Основные черты философии техники».

- признание того, что динамика техники носит эмерджентный (от англ. emergent — внезапно возникающий) характер, поскольку низшие уровни ее развития не порождают высшие, а являются всего лишь основой их возникновения.

В середине XX в. идеи технологического детерминизма получали свое дальнейшее развитие в концепциях индустриализма, постиндустриализма и информационного общества.

Наряду с установками технологического детерминизма в пространстве философской мысли существуют и альтернативные им точки зрения. Одна из них еще во второй половине XIX в. была предложена марксистской философией. Согласно марксизму, развитие техники не является автономным процессом, поскольку оно обусловлено господствующей в обществе системой социально-экономических отношений. В то же время техника, будучи одной из составляющих производительных сил, является важным фактором социального прогресса.

В XX в. исследования в области философии техники продолжили Н. Бердяев, Л. Мэмфорд, М. Хайдеггер, К. Ясперс, Х. Ортега-и-Гассет и др. Наряду с разработкой онтологических проблем они сконцентрировали свое внимание на *аксиологической* и *антропологической проблематике*, подняв вопрос о связи технического прогресса с судьбой и кризисом современной цивилизации и культуры. Так, К. Ясперс полагал, что техника является принципиально новым фактором человеческой истории, поскольку она способна изменить статус самого человека. В условиях технической цивилизации, считал он, человек становится одним из видов «сырья», подлежащего обработке, и, будучи не в силах освободиться из-под ее власти, утрачивает личностное начало. Х. Ортега-и-Гассет связывал с развитием техники появление в XX в. «массового», усредненного человека-потребителя.

Включая феномен техники в систему своих философских размышлений, М. Хайдеггер подчеркивал, что техника — это универсальная ценность. Она вырастает из природного материала, но входит в круг бытия человека. Главная опасность для современной культуры не в самой технике, а в фетишистском отношении к ней, в непонимании ее подлинной онтологической сущности.

Основные идеи названных выше представителей социально-гуманитарной мысли стали исходным методологическим основанием современной философии техники. Однако предметом *систематического философского исследования* техника становится лишь в послевоенный период, в 60—70-е гг. XX в. — в период развертывания научно-технической революции, когда НТР отчетливо продемонстрировала обусловленность развития экономики, политики, социальной сферы успехами и возможностями науки и техники. Именно тогда возникает особое направление философской

рефлексии — философия техники. *Философия техники* — одно из значимых направлений в современной философии, основанное на комплексном системном анализе техники как социального явления в историко-цивилизационном контексте и ориентированное на формирование оценки ее воздействий на природу, общество, человека, культуру. Появление философии техники было подготовлено как общественными изменениями (научной, промышленной и социальной революциями), так и теоретическими достижениями — развитием естествознания, технического и гуманитарного знания, поворотом неклассической философии к проблемам развития конкретного социума и человека.

Объектом философии техники является техника как социально-историческое и социально-культурное явление, а *предметом* — совокупность идей, демонстрирующих логику развития философских представлений о данном явлении.

Проблематика философии техники сложилась в процессе формирования *исследовательской программы*, ориентированной на системный, междисциплинарный анализ техники как сложного, многоаспектного и противоречивого фактора развития человеческой цивилизации. Реализация данной программы предполагала не только изучение особенностей развития и функционирования техники в различных исторических и социокультурных условиях, но и последовательного применения *системного и междисциплинарного подходов* в качестве основных *методологических стратегий* изучения данного феномена.

К основополагающим проблемам в структуре философии техники относят следующие:

- рассмотрение сущности техники;
- изучение возникновения и развития техники в обществе как системе;
- анализ функций, роли и статуса техники в истории различных цивилизаций;
- рассмотрение специфики научно-технического знания;
- исследование экологических, социальных, культурных, гуманитарных и других аспектов развития техники.

В конце XX—начале XXI в. благодаря идеям таких мыслителей, как Х. Сколимовски, Ф. Эллоль, Г. Йонас, Ф. Рапп, Х. Ленк, У. Бек и др., проблемное поле философии техники существенным образом расширилось. В центре внимания оказались такие явления, как:

- техническое знание и инженерия;
- техническая рациональность;
- структура технического мышления;
- взаимосвязь философии техники с философией науки;
- концептуальный и понятийный инструментарий самой философии техники;

- создание сложных человекообразных технических систем и неоднозначные социальные и культурные последствия их функционирования.

Современная философия рассматривает технику как системное, многоаспектное явление, включающее следующие базовые компоненты:

- совокупность артефактов — искусственных образований, созданных человеком, от отдельных простейших орудий до сложнейших технических систем. Артефакты представляют собой *субстанциальную сторону* феномена техники;

- различные виды технической деятельности, от научного исследования и проектирования технических средств и систем до их изготовления на производстве и последующей эксплуатации. Деятельность, организованная в соответствии с определенными техническими правилами, центром которой становится отношение «цель — средство» является *процедурной стороной* техники;

- многообразные технические знания, от специализированных рецептурно-технических до теоретических научно-технических и системно-технических знаний. Такая совокупность знаний образует *когнитивный аспект* техники¹.

Анализ техники как сложного системного явления дает основания для вывода, что сущность «технического» заключается не столько в результатах, продуктах, сколько в способах и методах действия. В этой связи наибольшую продуктивность в осмыслении феномена «технического» демонстрирует *деятельностный подход*. Он позволяет учесть не только материальные и инструментальные характеристики техники, но и ее социально-гуманитарные параметры, поскольку исследование технической деятельности предполагает рассмотрение ее *субъекта*, анализ его ценностных установок, образа мышления, социально-исторических условий жизнедеятельности.

В рамках системного подхода техническая деятельность предстает не только как предметно-орудийная или предметно-преобразующая, но и как мыслительная деятельность.

Анализ динамики техники как *предметно-орудийной деятельности* дает возможность выделить следующие этапы, раскрывающие логику этого развития:

- 1) создание орудий труда как «продолжения» возможностей человека;
- 2) инструментальный этап (механизация) — создание механизмов, усиливающих определенные функции человека;
- 3) автоматизация — создание машин, заменяющих определенные виды деятельности;

¹ См.: *Горохов, В.Г.* Философия техники и технических наук / В.Г. Горохов // Современные философские проблемы естественных, технических и социально-гуманитарных наук. М., 2006. С. 379—380.

4) компьютеризация — создание технических систем, способных выполнять интеллектуальные операции.

Изучение развития техники как *предметно-преобразующей деятельности* позволяет определить ее доминирующий вектор и выявить базовые объекты, на изменение которых она ориентировалась в первую очередь. Это дает основание выделить в развитии техники следующие этапы:

- 1) технология преобразования окружающей природной среды;
- 2) технология преобразования общества и социального управления;
- 3) технология конструирования определенного типа личности и ее внутреннего мира.

По мнению А. Хуинга, в понятие техники необходимо включать систему потребностей, значений и ценностей, которые формируются в процессе взаимодействия человека и технического окружения, а также в ходе технического образования и воспитания.

Анализируя структуру философии техники, исследователи продолжают отмечать концептуальную и методологическую разнородность философских знаний в этой области, что свидетельствует о «молодости» философских традиций исследования техники как самостоятельного явления.

20.2. Инженерное мышление и формирование технократических представлений о развитии общества

В рамках древних цивилизаций техника и теоретическое знание существовали автономно. Даже в период античности, когда происходит становление теоретического мышления, под техникой продолжают понимать совокупность навыков, умений, *практических знаний*, необходимых для осуществления конкретного дела. Регулярное применение научных знаний в технической деятельности начинается только в эпоху Возрождения. Именно тогда техническая деятельность как ремесло сменяется инженерной деятельностью. **Инженерная деятельность** — это разновидность технической деятельности, которая предполагает регулярное использование научных знаний для создания технических систем (сооружений, механизмов, машин и т.д.). Целенаправленная и систематическая подготовка инженерных кадров, а также развитие инженерного образования начались в XVIII—XIX вв.

Подготовка инженерных кадров предполагает формирование у будущих специалистов инженерного мышления, которое имеет свою специфику. *Инженерное мышление* оперирует идеализированными представлениями о природных объектах с целью создания технических систем, которые обеспечили бы функционирование этих объектов в соответствии с целями, поставленными человеком.

Развитие инженерной деятельности обусловило не только активное использование научных достижений, прежде всего в области математики и естествознания, но и необходимость теоретического обобщения накопленных технических знаний. *Техническое знание* — это знание об искусственно созданных системах, в которых в скрытом виде содержится цель любого познания в виде достижения прагматического результата (Ф. Рапп). Представления о техническом знании развивали так называемые философствующие инженеры Э. Гартинг, И. Бекманн, Ф. Рело и др. Выдающиеся организаторы промышленности, практические специалисты, они пытались зафиксировать особенности инженерного мышления, концептуализировали современные им технологические и технические знания.

В XIX в. техническое знание становится дисциплинарно организованным, поскольку на основе сформировавшихся *фундаментальных технических теорий* появляются технические науки. Отличие технических наук от естественных состоит в том, что они детерминированы не столько природными объектами, сколько характеристиками «второй», искусственной природы — технической основы цивилизации. Объект описания, объяснения и прогнозирования технических наук — особый системный объект, специально созданный для определенных целей, имеющий конкретные функции в сложной системе человеческой деятельности. Цель технико-познавательной деятельности — не столько достижение истины, сколько *выработка инструментального знания*, эффективного в инженерно-конструкторском творчестве и ориентированного на создание новой реальности, соответствующей человеческим запросам. Фундаментом такого знания выступают комплексные по своему характеру законы, которым подчиняются искусственные объекты (например, законы композитных материалов, законы порошковой металлургии и др.). Условием создания новейших типов техники являются *комбинационно-синтезирующие методы* (наряду с методами традиционными для естествознания). Если формой прогресса естествознания являются научные открытия, то прогресс в технических науках — это появление принципиально новых изобретений.

Несмотря на то что в последние десятилетия исследователи много внимания уделяли теоретическому осмыслению феномена технического знания, в рамках методологической проблематики философии техники вопрос о специфике этого знания по-прежнему остается дискуссионным.

Усложнение инженерной деятельности привело к ее внутренней дифференциации и появлению таких ее областей, как проектирование, конструирование, обслуживание технических устройств и технологических процессов.

Проектирование как вид инженерной деятельности представляет собой сложный процесс, в ходе реализации которого необходимо учитывать следующие факторы:

- специфику природных (или искусственных) объектов, которые планируется преобразовывать с помощью создаваемой технической системы;
- физические и психологические возможности человека как пользователя будущего технического устройства;
- характеристики изделий, которые планируется производить с помощью проектируемой техники;
- возможности промышленного производства;
- экологические, социальные и гуманитарные последствия использования разрабатываемых технических систем.

Многофакторность процесса инженерного проектирования свидетельствует о том, что он не ограничивается рамками сугубо технической сферы, а оказывается включенным в широкий социальный и культурный контекст.

Как отмечалось выше, разработка нового технического устройства предполагает проектирование *образа будущего изделия*, которое, с одной стороны, соответствовало бы запросам потребителей, как утилитарным, так и эстетическим (в том числе и тенденциям в развитии моды), с другой — учитывало бы технические, структурно-функциональные характеристики изделия и возможности промышленности. Такая задача решается в рамках дизайна. *Дизайн* — это процесс и результат художественно-промышленного проектирования, ориентированный на создание изделий, у которых внешние (формальные) и структурно-функциональные характеристики соответствуют потребностям человека и возможностям производства.

Если дизайнерская деятельность направлена прежде всего на проектирование *внешних, формальных характеристик* промышленного изделия, то *рационализаторство* ориентировано на разработку новых технических решений, изменение *технических параметров* продукции с целью повышения эффективности деятельности предприятий.

Содержание инженерной деятельности в значительной степени детерминировано характером взаимосвязи науки и техники. В конце XIX — начале XX в. их связь становится все более прочной: наряду с процессом «сциентизации техники» (перевода технической деятельности на научную основу) происходит процесс «технизации науки», поскольку наука начинает активно откликаться на технические запросы бурно развивающейся промышленности. В середине XX в. эти два процесса привели к научно-технической революции, явившейся качественно *новым союзом науки и техники*, в котором наука не только становится источником новой техники и технологии, но сама превращается в индустриально организованное предприятие.

В последней трети XX в. возникает феномен *технонауки*, в котором нашли отражение глубинные трансформационные процессы, происходящие в современном обществе. Технонаука изменила *сам принцип взаимосвязи науки и техники*. До последней трети XX в. их взаимодействие проис-

ходило по схеме: фундаментальные исследования — прикладные исследования — разработка новой техники и технологий — внедрение. Процедура внедрения сводилась главным образом к поиску тех видов деятельности, которые открывали бы возможность применения новой технологии. В такой модели инициатором технологических нововведений выступала наука, а вектор развития был направлен от науки к технологии. В современных условиях такая схема хотя и сохраняется, но перестает быть доминирующей. Сегодня инициаторами создания новых технологий выступают *рынок и производство*. Новые технологии разрабатываются под заказ либо государственных структур, либо производителей. Научные достижения и технологии оказываются включенными в рыночные отношения, при этом *товаром становится* не только готовый продукт или услуги, но и *сама технология*. В этой связи технонауку можно определить как *взаимопроникновение науки и техники, обусловленное запросами рынка*. Технонаука — это системное явление, которое возникает вследствие взаимодействия нескольких видов деятельности: исследовательской (научной), производственной, деятельности по продвижению технологий на рынок и информационной деятельности, дающей возможность, с одной стороны, довести потребительские интересы до исследователей, с другой — сделать достоянием массового сознания технологические достижения и инновации. Информационную поддержку технонауке обеспечивают средства массовой информации (рис. 20.1).

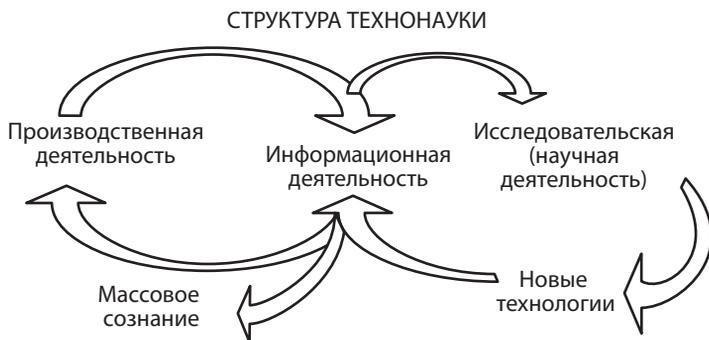

Рис. 20.1. Информационная поддержка и технонаука

Если определять стратегические направления развития современных технологий и соответственно *перспективные ориентации инженерной деятельности*, то следует отметить, что в ближайшее время конкурентоспособность любой национальной экономики будет устанавливаться взаимодействием, а не исключено, что и слиянием четырех видов технологий:

- нанотехнологии;
- биотехнологии;
- информационной технологии;
- когнитотехнологии.

В широком смысле *нанотехнология* — это междисциплинарная область, ориентированная на теоретическое обоснование и разработку методов исследования, производства и применения продуктов с заданной атомарной структурой путем контролируемого манипулирования отдельными атомами и молекулами. В узком смысле нанотехнология — это совокупность методов и приемов, обеспечивающих возможность такой манипуляции. Уже сегодня нанотехнологии стали специфическим мегапроектом, поскольку их разработка и реализация предполагают объединение естественнонаучных дисциплин, технических наук и социально-гуманитарного знания.

Биотехнология, с одной стороны, это дисциплина, изучающая возможность использования закономерностей жизнедеятельности живых организмов для получения промышленным способом необходимой для человека продукции и создания живых организмов с определенными, заданными свойствами, с другой — система приемов, обеспечивающих такое использование.

Информационные технологии представляют собой совокупность видов деятельности, направленных на создание, обработку и управление потоками информации с помощью специально разработанных для этого технических средств.

Технологии, моделирующие феномены сознания и обеспечивающие управление работой мозга получили название *когнитотехнологии*.

Рассмотренные выше технологии можно назвать конвергирующими, стремящимися к «сращиванию». Концепт «конвергирующие технологии» был введен М. Кастельсом и получил аббревиатуру NBIC (N — нанотехнология, B — биотехнология, I — информационная технология, C — когнитотехнология).

Исследуя взаимодействие науки и техники как основу инженерной деятельности, философия предложила две модели такого взаимодействия — линейную и нелинейную.

Линейная модель рассматривает технику в качестве прямого применения результатов научного познания, а технические науки — как прикладные науки. Наибольшее признание такая модель получила в 50–60-е гг. XX в. Сегодня большинство специалистов признает, что линейная логика взаимосвязи науки и техники как движения от научного знания к техническому открытию и научно-технической инновации является слишком упрощенной.

Нелинейная модель взаимосвязи науки и техники указывает на то, что в данном взаимодействии принимают участие не только наука и техника, но и целый ряд важнейших дополнительных факторов социального, политического, культурного и другого характера. Так, С. Тулмин рассматривает социально-экономические условия и профессиональные ориентации инженеров и техников как детерминанты технических нововведений.

По мере развития инженерной деятельности и роста ее востребованности в обществе происходят изменения в социальной сфере, возникает особый феномен — техноструктура. Понятие «техноструктура» в середине XX в. ввел Дж.К. Голбрейт, хотя подобные идеи высказывались ранее А. Сен-Симоном и Т. Вебленом. *Техноструктура* — это иерархическая организация, объединяющая людей от рядовых инженеров до профессиональных управляющих и директоров, владеющих техническими знаниями и ориентирующихся на оптимальное развитие техники. Техноструктура возникает вследствие того, что различные технические специалисты имеют в обществе различный социальный статус, зависящий от уровня принятия ими решений.

Увеличение числа технических специалистов, возрастание их экономической и социальной роли, а главное — изменение общественной жизни под влиянием научно-технического прогресса стимулировали формирование представлений о том, что власть в обществе должна постепенно переходить именно к таким специалистам. Социальная прослойка высших функционеров производства и управления, имеющих доступ к власти, получила название «*технократия*». Понятие *технократии* используется также для обозначения социологической концепции, утверждающей необходимость установления политической власти технических специалистов, осуществляемой на основе научного знания в интересах всего общества в противовес частнособственнической власти капитала. Общество, в котором функция контроля от субъекта собственности переходит к техническому персоналу и персоналу управления, становится технократическим. Такую смену субъекта контроля Д. Белл называл «молчаливой революцией», а Дж. Бернхэм — «революцией менеджеров».

Концептуальные основы технократических представлений в 20-е гг. XX в. заложил Т. Веблен в своей работе «Инженеры и система цен» (1921). В 30-е гг. XX в. в США возникло целое технократическое движение, целью которого являлось достижение всеобщего благоденствия на основе широкого использования достижений науки и техники. В 40—50-е гг. XX в. технократические идеи развивали А. Берл и А. Фриш, а в 60—70-е гг. — Дж.К. Голбрейт.

В 80-е гг. XX в. возникла концепция *неотехнократизма*, согласно которой научно-техническое развитие — это не просто один из определяющих факторов социального прогресса, а фактор, который сам нуждается в оценочном и корректирующем контроле и вмешательстве экспертов, в том числе экспертов гуманитарного профиля. Необходимость социальной и гу-

манитарной экспертизы при использовании научно-технических разработок нашла свое обоснование в концепции *экспертократии*, предложенной Дж. Мойнихеном и А. Гулджером. Согласно им, эксперткратия формируется на основе:

- общности образования;
- общности стиля мышления;
- общности ценностных идеалов;
- наличия «культуры критического дискурса», т.е. навыков критического мышления.

Независимо от модификации, технократические концепции существенным образом упрощают не только социальные процессы и сущность самого человека, но и содержание технической деятельности. Наличие технократических мировоззренческих ориентиров свидетельствует о том, что в современной цивилизации биологические и гуманитарные стороны жизни людей вытесняются техногенными.

20.3. Человек в техносфере. Экономические, социокультурные и экологические последствия развития техники

В процессе бурного развития науки и техники, а также их взаимопроникновения формируется особое явление — техносфера. *Техносфера* — это системная многоуровневая искусственно созданная с помощью техники реальность, включающая человека и меняющая его образ жизни. Техносфера как глобальная искусственная среда содержит в себе следующие компоненты:

- технические объекты и технологические процессы, а также деятельность по их проектированию, созданию и внедрению;
- систему объектов обеспечения промышленного и сельскохозяйственного производства;
- поселения — центры искусственной окружающей среды, а также поддерживающую их инфраструктуру и соединяющие их коммуникации;
- технические изделия, или окружающий человека мир вещей;
- химические вещества, произведенные промышленностью;
- отходы производства, требующие утилизации;
- фундаментально измененные человеком элементы биосферы.

Развитие техногенной цивилизации в значительной степени определяется и продолжает определяться становлением и прогрессом техносферы, использованием ее преобразовательных возможностей с целью удовлетворения многообразных человеческих потребностей: материальных, социальных, информационных. Возрастание этих потребностей приводит не

только к росту техносферы, но и к усилению зависимости от нее самого человека. Вместе с тем было бы неправомерно связывать развитие техногенной среды исключительно с ростом человеческих потребностей. Можно выделить несколько групп факторов, детерминирующих ее динамику:

1) сознательные установки человека на изменение техногенной среды и связанные с ними действия;

2) изменения естественной среды, требующие преобразования техносферы с целью обеспечения как производства, так и жизни людей;

3) собственная логика развития и функционирования техногенной среды;

4) собственная логика развития социокультурных систем, пользующихся техногенными объектами в процессе своего функционирования¹.

Если первые две группы факторов поддаются осмыслению и контролю, то две другие проявляются спонтанно, не позволяя эффективно прогнозировать ни тенденции развития самой техносферы, ни социально-гуманитарные последствия ее динамики.

В XX и XXI в. в процессе разветвления научно-технического прогресса (НТП) наблюдается генезис новых элементов техносферы. К числу таковых, в частности, относится регион науки. *Регион науки* — это одна или несколько административно-территориальных единиц, в экономике которых главную роль играют научно-производственные комплексы. Такой комплекс включает в себя исследовательские центры, разрабатывающие новые технологии, и производства, основанные на их применении (Силиконовая долина в США, Коридор MIV в Великобритании, регион Цукубы в Японии и т.д.). Основными элементами региона науки являются технополисы и научные парки разных типов.

Технополис — это город или несколько сливающихся небольших городков, в экономике которых ведущую роль играют исследовательские центры по разработке новых технологий и предприятия, использующие эти технологии. Впервые процесс создания технополисов начался в США, причем стихийно. А в Японии он стал основой научно-технической политики. Здесь в 1970-е гг. была разработана «стратегия технополисов» — стратегическая линия развития, в основе которой лежит государственно-организованный процесс создания своеобразных «центров роста», т.е. научно-технологических комплексов, способных воспринимать новые открытия, превращать их в научно-технические разработки прикладного характера и обеспечивать конкурентоспособное производство. Этапами создания технополисов стали такие формы научно-производственной интеграции, как исследовательский парк, технологический парк, грядущий центр, промышленный парк, инкубаторы.

¹ Поткова, Н.В. Техносфера как техногенная среда существования человечества / Н.В. Поткова // Социально-гуманитарные знания. М., 2005. № 5. С. 329—330.

Научные парки — это коммерческие комплексы при каком-либо исследовательском центре, располагающие зданиями и территорией, где на условиях аренды размещаются наукоемкие фирмы. Парки занимаются разработкой высоких и прикладных технологий; технологией внедрения; поиском партнеров; комплексом социально-культурных, бытовых, информационных услуг; финансированием; обучением и переподготовкой персонала для работы в условиях НТП и т.д.

Феномен научных парков возник в 50-е гг. прошлого века как результат стихийного образования множества новых наукоемких фирм вокруг исследовательских центров типа Массачусетского технологического института в США или Кембриджского университета в Англии. В конце 1970-х и особенно в 1980-е гг. благодаря так называемому федерализму (перераспределению полномочий между центральными и местными органами власти по дальнейшему углублению интеграции науки и техники) сложились объективные условия для широкого распространения этой формы взаимодействия науки и производства.

Частью научного парка, его начальной ступенью является *инкубатор* — кооперация вновь создаваемых малых наукоемких фирм-клиентов, обычно располагающихся на одной территории. Задача инкубатора — помочь новой фирме найти свое место на рынке. Например, американский концерн Control Data Corporation, занимающийся созданием сложной вычислительной техники, владеет 18 инкубаторами, где размещается более 700 малых фирм-клиентов.

Проникновение науки и техники во все сферы общественной жизни, появление новых форм научно-технической и научно-производственной интеграции обусловили необходимость развернутого анализа социальных, экологических и гуманитарных последствий использования научно-технических достижений. В современной философии техники с известной долей условности можно выделить несколько социально-философских программ исследования и *оценки* техники, к числу которых относятся технизицизм, антитехнизицизм и синтетическая программа.

Технизицизм опирается на традиции технологического детерминизма и наиболее ярко проявляется в таких технократических концепциях, как индустриализм, постиндустриализм, теория информационного общества, которые не критически оценивают технику и считают, что препятствовать или вмешиваться в технический прогресс нерационально.

Антитехнизицизм (антропологическое, аксиологическое направление) основывается на идеях философии жизни и экзистенциализма, он отрицает возможность гуманистического влияния техники на человека. Такие философы, как О. Шпенглер, Э. Фромм и др., оценивают ориентацию на технику и техническое творчество как проявление саморазрушения культуры. По их мнению, техногенная цивилизация потребовала от человека столь

больших изменений в ценностях, образе жизни и даже человеческой телесности, что поставила под сомнение разумные основания самой цивилизации и человеческой жизни.

Позиция антитехнизма характерна для сторонников феминизма, а также представителей социально-критической стратегии в философии, она хорошо просматривается в ряде экологических концепций. Крайней формой антитехнизма является *«технофобия»* — страх перед техникой и боязнь ее использования.

Синтетическая программа, представленная творчеством Л. Мэмфорда, Ф. Эллюля, Г. Йонаса, Х. Ленка и др., утверждает необходимость гуманизации техники. В данной программе техника получает многостороннюю, а значит, и более реалистическую оценку, она рассматривается как условие сохранения жизни, поддержания ее на достойном уровне, как фактор развития человека и объект человеческого творчества. В то же время в этой программе подчеркивается, что современное общество не способно сделать технику нерепрессивной по отношению к человеку, поскольку техника — это следствие отношения к миру как к объекту потребления. По мнению сторонников этой программы, процесс гуманизации и социализации должен коснуться не внешней проявления техники как инструментария, а самих основ человеческой культуры, потребностей и мировоззрения, ставшего «технологическим».

Один из создателей синтетической программы Ф. Эллюль предлагает широкое толкование техники как новой среды существования человека, которая включает все социальные, экономические, культурные реалии. Он критически и во многом с пессимистических позиций оценивает современного человека, характеризует его как носителя особого сознания, подчиненного техническим ценностям.

Оценивая роль техники в развитии общества и его культуры, Г. Йонас отмечает иррациональный характер нынешнего технического прогресса, поскольку современная цивилизация утратила «точку технического насыщения», а значит, и возможность управлять техникой и технологией.

20.4. Виртуальная реальность как социокультурное явление информационного общества

Фундаментальными направлениями научно-технического прогресса, которые во многом определяют сегодня стратегические приоритеты развития социума и его культуры, являются информатизация и медиатизация общества. *Информатизацией* называют быстрый и всеобъемлющий процесс создания и распространения информационно-телекоммуникационных технологий, которые выступают основой современных цивилизационных

изменений. Информатизация — объективная предпосылка формирования информационного (постиндустриального) общества. Теоретическое осмысление информатизации и особенно ее социальных и культурных последствий нашло свое отражение в ряде таких понятий, как «информационный взрыв», «информационная революция», «информационное общество» и т.п., вошедших в концептуальный аппарат многих теорий, в том числе и в философию техники. Можно назвать ряд черт, присущих процессу информатизации:

- глобальный характер вызванных им социальных и культурных изменений;
- стремительное образование информационной среды, которая выступает и как внешнее условие функционирования техники, и как средство культурных коммуникаций;
- появление целого ряда проблем, решение которых невозможно без глубокой философской и методологической рефлексии. К числу таких проблем относятся: создание искусственного интеллекта, социальные и гуманитарные последствия функционирования и развития информационных технологий, проблема определения национальных социальных и культурных приоритетов в области информатизации и т.д.

Информатизация представляет собой наукоемкий процесс, реализующий на практике разработки в области искусственного интеллекта. *Искусственный интеллект*, по существу, является метафорой для обозначения научного направления, цель которого — усиление интеллектуальной деятельности человека с помощью технических устройств. Основной целью исследований в области искусственного интеллекта является не замена человека машиной, а имитация его мыслительной деятельности, чтобы с помощью алгоритмизации и формализации отдельных фрагментов последней передать техническим системам рутинные мыслительные функции и тем самым расширить возможности человека в сфере интеллектуального творчества.

Информационные технологии, будучи основой процесса информатизации, играют важную роль не только и не столько в преобразовании знания, сколько *меняют социальную коммуникацию*. Наличие информационных технологий свидетельствует о том, что появляются сложные антропотехнические и социотехнические системы. В таких системах технические составляющие играют второстепенную роль, а на первый план выдвигается менеджмент и проектирование организационных структур.

Благодаря информационным технологиям формируется особая, виртуальная, реальность. Понятие «виртуальная реальность» полисеманлично, оно имеет множество смысловых оттенков. Однако в контексте анализа развития информационных технологий речь идет о компьютерной виртуальной реальности. *Компьютерная виртуальная реальность* — это реальность

особого рода, которая формируется в сознании человека с помощью современных компьютерных технологий. Она представляет собой модельное изображение действительной реальности, создающее иллюзию этой реальности¹. От обычных образов воображения компьютерная виртуальная реальность отличается тем, что человек ощущает себя пребывающим в ней, она предоставляет ему возможность действовать тем или иным способом².

Действия в виртуальной реальности чаще всего имеют вполне реальные результаты. Так, банковский служащий, играющий на электронной бирже, фактически оперирует только цифрами и знаками на экране монитора. Продавая акции предприятия, он не имеет представления о том, какие технологические процессы там осуществляются, какая продукция производится и какие люди там работают. Однако действия банковского служащего на электронной бирже могут привести к реально ощутимым последствиям для предприятия, чьи акции он продает, для банка, сотрудником которого он является, и для него самого.

Поскольку виртуальная реальность все шире проникает в мир повседневности, человек становится все более зависимым от нее. Если, например, в современном аэропорту оказывается заблокированной работа компьютерных систем, служащие демонстрируют неспособность управлять реальными полетами, ведь они обучены действовать только в виртуальной реальности.

Таким образом, развитие информационных технологий — противоречивое явление. С одной стороны, такие технологии открывают новые возможности для интеллектуальной деятельности человека и существенным образом меняют окружающий человека мир; с другой — они создают новые проблемы и новые социальные риски, к числу которых относится *проблема информационной безопасности*. Информационные технологии являются наглядным примером того, что любая техническая система направлена не только вовне (на объекты человеческой деятельности), но и внутрь самого человека, поскольку она способна изменить структуру его деятельности, социальный статус, отношение к реальности и даже степень свободы³.

В процессе компьютерной революции и интенсивного развития информационных технологий сформировалась новая социотехническая система *Интернет*, открытие которой состоялось в 1991 г. Ее основу состав-

¹ Горюхов, В.Г. Философия техники и технических наук / В.Г. Горюхов // Современные философские проблемы естественных, технических и социально-гуманитарных наук. М., 2006. С. 458.

² Севальников, А.Ю. Онтологические аспекты виртуальной реальности / А.Ю. Севальников // Виртуалистика: экзистенциальные и эпистемологические аспекты. М., 2004. С. 236.

³ Емелин, В.А. Технологические соблазны информационного общества: предел внешних расширений человека / В.А. Емелин, А.Ш. Тхонов // Вопросы философии. 2010. № 5. С. 84—91.

ляют локальные сети, объединяющие компьютерные и другие технические системы, различные базы данных, а также интерактивно взаимодействующих пользователей, подключенных к этим сетям. В контексте философского осмысления интернет предстает как особая онтологическая реальность — киберпространство. *Киберпространство* — это специфический виртуальный мир, формирующийся в сознании, заполненный хранилищами информации и разного рода презентациями, который постоянно изменяется и раскрывается только по частям, начиная с любого произвольно выбранного места¹. Интернет как социотехническая система представлен не только блоками информации. Опосредованно, через тексты, он включает в себя людей — авторов сообщений различной степени истинности и ответственности. В киберпространстве у человека формируется новый опыт: он может оказаться там, где его в действительности нет, принять участие в дискуссии, пообщаться с тем, с кем реальное общение невозможно, сыграть роль и самого себя, и другого, без проблем выйти из сложной ситуации. Такая легкость пребывания в киберпространстве нередко стимулирует бегство личности от реального мира с его необратимостью жизненных ситуаций и требованием ответственности в мир виртуальный.

В виртуальном мире действует не реальная, физическая личность, а ее симулякр — виртуальная личность, которая, по мнению А.Е. Войскунского и О.А. Дороховой, обладает рядом специфических особенностей: «во-первых, в сети человек... представлен символически — в основном текстами; во-вторых, он многолик и имеет возможность как бы примерять разные идентичности и разные социальные роли; в-третьих, в сети нетрудно стать анонимом и скрыться за «маску» виртуального агента или аватара, т.е. быть и никем и сразу всем»². Реальная и виртуальная личность крайне редко бывают идентичны.

Виртуальная реальность разворачивается в коммуникативном пространстве «Я и Другой», «Я и Общество». Но там, где есть личность и система межличностных взаимодействий, всегда возникают моральные проблемы, а в связи с развитием компьютерных и информационных технологий эти проблемы приобретают специфику, что дает основание для формирования особого направления — виртуальной этики, или киберэтики. В виртуальном мире особую моральную ценность и значимость приобретают знание и информация, а слово становится поступком.

¹ Войскунский, А.Е. Метафоры Интернета / А.Е. Войскунский // Вопросы философии. 2001. № 11. С. 64–79.

² Войскунский, А.Е., Становление киберэтики: исторические основания и современные проблемы / А.Е. Войскунский, О.А. Дорохова // Вопросы философии. 2010. № 5. С. 73.

Значительная часть исследователей рассматривает киберэтику очень широко, считая, что в нее входят следующие проблемы: конкуренция между производителями программных продуктов, дискриминация и неодинаковый доступ к компьютерам и интернету представителей различных социальных групп и жителей различных стран, преступное использование сети экстремистами, хакерство, компьютерный шантаж спам, несанкционированный доступ к информации, распространение недостоверных сведений и слухов, компьютерное пиратство, воровство номеров кредитных карт, незаконное применение средств мобильной связи (например, при сдаче экзамена или проведении шахматной партии), использования сети с целью посягательств на права и свободы граждан, преследование и оскорбление с помощью интернета, компьютерный плагиат и т.д.

Необходимость моральной регуляции в сфере виртуальной реальности обусловила формирование в пространстве интернета этического кодекса, который можно рассматривать в качестве ядра киберэтики. Он включает в себя следующие принципы:

- не использовать компьютер с целью навредить другим людям;
- не создавать помех и не вмешиваться в работу других пользователей компьютерных сетей;
- не пользоваться файлами, не предназначенными для свободного использования;
- не использовать компьютер для воровства;
- не использовать компьютер для распространения ложной информации;
- не использовать ворованное программное обеспечение;
- не присваивать чужую интеллектуальную собственность;
- не использовать компьютерное оборудование или сетевые ресурсы без разрешения или соответствующей компенсации;
- думать о возможных социальных последствиях использования программ, которые вы пишете, или систем, которые вы разрабатываете;
- использовать компьютер с самоограничениями, которые показывают вашу предупредительность и уважение к другим людям¹.

Указанные принципы позволяют утверждать, что киберэтика ориентирована на предотвращение киберпреступлений и формирование ответственного поведения. Вместе с тем проблема ответственности в киберпространстве решается не так просто, как может показаться, она порождает дополнительные дилеммы (например, несут ли равную ответственность создатели компьютерных вирусов и их распространители, допустимо ли хакерство с целью раскрытия или предотвращения преступления и др.).

Развитие интернета приводит к изменениям в массовом сознании. С одной стороны, он предоставляет широкий выбор информационных про-

¹ Кумылганова, А.И. Интернет и этика / А.И. Кумылганова // К мобильному обществу: утопии и реальность. М., 2009. С. 82–83.

дуктов и услуг, давая каждому возможность сформировать информационное пространство в соответствии со своими потребностями и запросами; с другой — та часть населения, для которой отсутствует доступ к интернету, оказывается в значительной степени изолированной от общественного развития.

Интернет создает условия для унификации и стереотипизации сознания и деятельности людей (в первую очередь молодежи), одновременно обеспечивая массовый доступ к одной и той же информации. Благодаря интернету расширяются возможности манипуляции массовым сознанием, поскольку в киберпространстве дезинформацию сравнительно легко облеечь в форму, вызывающую доверие.

Мощным импульсом для развития общества становится «информационный взрыв», который сопровождается новым витком укрепления «четвертой власти» в части средств массовой информации и коммуникаций. Масс-медиа приобретают явный культуротворческий характер, становятся одним из факторов политической, социальной и культурной интеграции мирового сообщества.

Свободный доступ населения к информации и его участие в обсуждении крупных технических проектов создают условия для преодоления господства технократии и экспертократии. С помощью масс-медиа и интернета становится возможным создание институтов относительно независимой экспертизы социальных, культурных, гуманитарных и иных последствий использования в обществе технических достижений. В то же время открываются новые горизонты для возрождения технократического мышления.

Таким образом, в ходе информатизации и медиатизации общества и культуры появляются новые процессы, носящие неоднозначный характер. Их адекватная интерпретация — актуальнейшая задача современной философии техники и других разделов философского знания.

ГЛАВА 21. ФИЛОСОФИЯ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ

21.1. Философские проблемы социально-гуманитарных наук

Первая постановка вопросов о природе человека и общества и о механизме их взаимоотношений осуществлена в рамках философского знания еще в античности. Аристотель, подчеркивает социальность человека и высказывает продуктивную идею о стабилизирующей общество роли социальной группы, охватывающей активно действующих в разных сферах лиц со средним уровнем доходов. Он дает также одну из первых классификаций форм власти.

Французский ученый О. Конт, основатель социологии, положил начало традиции научного изучения социогуманитарных явлений. Существенный вклад в развитие наук о человеке и обществе внесли В. Гумбольдт, К. Маркс, В. Вундт, В. Дильтей, Г. Зиммель, Э. Дюркгейм, Г. Риккерт, М. Вебер, П. Сорокин, Т. Парсонс и др. В XIX — начале XX в. складывается дисциплинарная специализация социогуманитарных наук. В качестве самостоятельных областей знания конституируются социально-историческая антропология, социология, политология, история, экономика, культурология, психология, лингвистика с дальнейшей их дифференциацией.

Поначалу социогуманитарное познание заимствует некоторые методы классического естествознания, которое сформировалось раньше. Прежде всего переносятся образцы анализа, описания и объяснения явлений из механики, бывшей тогда лидером естествознания. Так, Ламетри уподобляет человека машине, Сен-Симон заявляет о необходимости приблизить историческое познание к точным расчетам небесной механики. Конт уже рассуждает о методах социальной механики. Затем в социогуманитарное знание привносятся методы биологии, например П.Ф. Лиллиенфельд приписывал обществу такие присущие организму признаки, как единство составных частей, целесообразность поведения, специализация органов.

Развернувшаяся в литературе дискуссия о методах социогуманитарных наук убедила, что у них имеется как сходство с естествознанием, так и весьма существенное отличие от него. В. Дильтей указывает на принципиальное расхождение гуманитарных наук, имеющих дело с духовными явлениями, с науками о природе, изучающими естественные процессы. Он замечает, что мы владеем первозданным опытом, где наше «Я» и мир связаны глубинными фундаментальными отношениями. Философ совершенно по-новому поставил вопрос о взаимоотношении субъекта и объекта научной деятельности. Он преодолевает их жесткую дихотомию, характерную для классического естествознания. Дильтей приходит к необычной для классической науки идее, что постижение социального и человеческого миров возможно благодаря нашей погруженности в культурно-историческую действительность, знаки и символы которой служат зримыми свидетельствами происходящих событий. Идеи этого философа явились важным шагом на путях перехода социогуманитарных наук к неклассической, а затем и к постнеклассической фазам развития.

Развитие современного научного знания о социогуманитарных явлениях и процессах под напором как собственной внутренней логики когнитивной деятельности, так и беспрецедентных событий новейшей истории, как-то: нарушение в результате антропогенного влияния гомеостаза биосферы, чреватое если не прекращением жизни на нашей планете, то устранением ее мыслящей составляющей, трансмутация техногенной цивилизации с переходом в новый режим функционирования, последствия которого трудно

предсказуемы, генетическое ослабление человеческой популяции, создающее угрозу физическому выживанию людей, нарастание трудностей во взаимоотношениях локальных цивилизаций — западноевропейской, североамериканской, латиноамериканской, исламской, дальневосточной и восточнославянской, развертывание борьбы за естественные и интеллектуальные ресурсы жизнедеятельности, происходит при существенном обогащении его методологического потенциала и повышении социальной значимости. Для белорусской науки, как и для науки других посткоммунистических государств положение осложняется тем, что в мировой практике отсутствует опыт трансформации обществ социалистического типа. Между тем «ни постмодернистская, ни неомодернистская теории не объясняют сложностей и особенностей задач, стоящих перед посткоммунистическими странами, не характеризуют перспективу их развития с учетом их специфики и не позволяют управлять процессами изменений в этих странах»¹. Неомодернизация — это догоняющая модель развития, означающая следование образцам техногенной цивилизации. Такое развитие является запаздывающим: оно обрекает общество на роль социального аутсайдера. Постмодернизм предполагает использование традиционных ценностей для формирования новейших социальных институтов². Трудности реализации этого проекта в Беларуси и других постсоветских странах состоят, в том, что резкая смена в 1917 и 1991 гг. способов социальной организации и развития общества сопровождалась утратой многих наработанных веками ценностей.

Очевидно, философская рефлексия социогуманитарного знания в наше время имеет уже не только академический интерес: она жизненно необходима для самоопределения и отдельной личности, и коллективных субъектов при выборе способов и характера социальных действий, она нужна также для выстраивания тактики и стратегии культурно-цивилизационного развития общества в столь сложных условиях современности.

К началу XXI в. возникает спектр глубоких философских проблем развития социогуманитарных наук. В осмыслении с учетом нынешних реалий нуждаются такие фундаментальные проблемы, как корреляция социальной онтологии и социальной антропологии, сущность социальных действий людей и специфика методологии социогуманитарного познания, роль ценностей в науках о человеке и обществе.

Принципиальное значение имеет то, что антропосоциальная система отличается человекообразным характером. Ее постижение предполагает не только анализ онтологии общества — способов природопользования, организации социальных институтов, особенностей социальной структу-

¹ Современные философские проблемы естественных, технических и социально-гуманитарных наук / под общ. ред. В.В. Миронова. М., 2006. С. 487.

² Социальные знания и социальные изменения. М., 2001. С. 36.

ры, специфики форм общественного сознания и содержания менталитета, но также исследование социальной антропологии — мировоззрения, языка, стиля мышления, интуитивных прозрений, потребностей, желаний, волевых устремлений индивидов. Двуединство социальной онтологии и социальной антропологии, объективных и субъективных факторов общественной жизни людей позволяет раскрыть необходимые условия и механизмы самоорганизации и саморазвития антропосоциальной системы. Присутствие в социальной системе человека-субъекта, способного ориентироваться в жизненном мире, выстраивать иерархию предпочтений и осознанно действовать становится основой управляемых социальных процессов. Однако здесь же заложена опасность анархии и произвола, которые нередко одерживают верх в социальной практике.

Дисциплинарное строение общество- и человекознания определяет детализацию научного социогуманитарного познания. Так, социология изучает деятельность отдельных социальных институтов и социальных групп в пределах общества как целостного образования; социально-историческая антропология изучает образ жизни человека, его нравы и стиль мышления в их связи с конкретными социокультурными условиями и их историческим развитием. В социогуманитарных науках выделяются фундаментальные и прикладные дисциплины. Такие дисциплины, как философия, экономика, социология, правоведение и психология, являются фундаментальными науками, а формальная логика, менеджмент, конфликтология, административное право, психология труда — прикладными.

Особое место среди социогуманитарных наук занимает философия. Она осуществляет мировоззренческий синтез не только материала частных наук, но и венаучных форм знания (обыденного опыта, религии, искусства). Это делает ее интегральной формой социогуманитарного знания, обеспечивая единство человеческого опыта. Конкретные социально-гуманитарные науки разрабатывают знание об отдельных сторонах бытия человека в обществе, рассматривая человека, то как экономическое, то как политическое, то как креативное, то как воспитуемое, то как играющее существо. Между тем философия стремится к теоретическому воспроизведению человека как целостной личности в многообразии ее свойств, которая необходимым образом включена в систему общественных связей и отношений, формируемых самими же людьми.

Многие исследователи — К. Маркс, Х. Плеснер, А. Гелен, Ж.-П. Сартр и др. — обращают внимание на одну принципиальную особенность бытия человека — утрату им естественного способа существования, которая диктует необходимость постоянного самоутверждения — возобновляющегося выхода за достигнутые пределы жизнеустройства, освоения новых областей природы и собственное обновление. Отсюда фундаментальность проблемы социального действия.

Начало традиции научного исследования проблемы социального действия положил немецкий философ и социолог М. Вебер. Он отстаивал мысль, что действие конкретного человека тогда социально, когда его смысл соотносится с поведением других людей. Ученый полагал, что устойчивые смысловые связи субъектов объединяют усилия людей при решении общих задач. Продуктивным оказалось выдвинутое им требование учитывать при исследовании социальных действий систему ценностей, ориентирующих субъектов в культурно-исторической ситуации и направляющих их поступки, но, признавая влияние ценностно-смысловых установок на поведение субъектов, ученый противопоставлял целерациональные и ценностно-рациональные действия. Между тем последующее развитие философии и науки продемонстрировало их тесную взаимосвязь.

Решая проблему социальных действий применительно к локальным областям человеческой практики, социогуманитарные науки сталкиваются с комплексом глубоких вопросов, нуждающихся в основательной философской рефлексии. Что собой представляет социальное действие? Каковы его структура и механизм реализации? В чем состоит природа социальных ценностей и как они регулируют поведение людей? Что служит инструментами преобразования внешнего мира и как обеспечить над ними контроль?

Социальное действие есть сугубо человеческая форма активности. Сравнивая ее с активностью животных, мы видим их принципиальное отличие. Активность животных имеет витальное происхождение: поиск пищи, обеспечение безопасности, уход за потомством и т.д. Показательно использование животными только того, что они находят в природе, хотя животные способны заметно изменять предметы природы своими естественными органами — бобры, например, возводят плотины на небольших реках, увеличивая площадь водоемов. Но поведение животных носит чисто потребительский характер. Между тем люди действуют не просто целесообразно, что присуще и животным, а *целенаправленно*. Действия людей креативны и надбиологичны. Они создают рукотворный мир вещей и социальных структур.

Социальное действие представляет собой целостный процесс ценностно мотивированного преобразования предметов природы и общественных структур, осуществляемый в пространстве культурных традиций, идеалов и норм. Кумулятивным результатом социальных действий является инкультурация человека и развитие его индивидуально-личностных качеств.

Философия раскрывает парадоксальный характер социальных действий. В процессе активного освоения жизненной среды люди так приспособляются к социальной ситуации, что адаптируют к себе условия существования. Действия людей отличаются целенаправленностью и альтернативностью.

Одной из разновидностей социальных действий является познание. В постнеклассическом социогуманитарном знании утверждается интервальная методология поиска достоверного знания¹. Признается влияние на результат познания некоторого комплекса взаимосвязанных факторов — когнитивных, материально-производственных, экономических, культурогенных, институционально-властных и др.

В расчет принимается также исторический характер познающего субъекта, его связь с определенной эпохой, у которой имеются свои идеалы строения знания и специфические методы описания и объяснения явлений. Но гносеологическая значимость разных факторов считается не равноценной. В зависимости от соотношения элементов в исследуемой социокультурной ситуации отдельные из них занимают в теории доминирующие позиции. Так, при анализе октябрьских событий 1917 г. в России, обусловивших переход общества от самодержавия к советской форме организации власти, среди множества факторов данного процесса в качестве преобладающего чаще всего философы, политологи и историки называют политику.

Таким образом, *интервальная методология социогуманитарного познания* включает в процесс познания комплекс существенных факторов и осуществляет ранжирование их гносеологической значимости, что способствует объективности и адекватности теоретической реконструкции предмета исследования. Эта методология признает объективность содержания как абсолютных, так и относительных элементов знания. Относительность знаний видится в том, что осмысленное высказывание признается оправданным только в определенном интервале абстракций. В частности, при анализе социальной структуры общества понятия «каста», «сословие», «класс» и «страта» задают разные модели строения общества, каждая из которых имеет свои границы применимости. Между тем абсолютное содержание знаний означает наличие в нем некоторых инвариантов и констант. Это может быть либо внутриинтервальное знание, либо знания из разных интервалов, но объединенные общим смыслом, либо, наконец, знания, которые формируются при разработке более общей теории².

Интервалообразующими факторами выработки достоверного знания могут быть производственные отношения, социальные институты, структура потребностей, традиции, юридические нормы и т.д. Опираясь на них, и в соответствии с собственным положением в мире субъект конструирует модель исследуемой действительности. В науке возможны разные способы описания одного и того же объекта. Наглядным подтверждением сказанно-

¹ Лазаревич, Ф.В. Проблема истины в социально-гуманитарных науках: интервальный подход / Ф.В. Лазаревич, С.А. Лебедев // Вопросы философии. 2005. № 10. С. 98.

² Там же.

го служат культурогенная концепция развертывания истории Г. Гегеля и материалистическое понимание истории К. Маркса. Важно только, чтобы они были осмысленны, логически непротиворечивы, практически эффективны и совместимы с уже обоснованным знанием.

В ходе научной коммуникации осуществляется апробация выдвинутых альтернатив.

21.2. Специфика социогуманитарного познания

В учебной литературе освещение проблем теории познания, философии и методологии науки традиционно выстраивается с ориентацией на образцы естествознания, которое достаточно прозрачно для философско-методологической рефлексии. Но как только мы приступаем к рассмотрению проблематики социально-гуманитарного познания, оказывается, что многое из, казалось бы, установленного и ясного в отношении закономерностей и форм познавательной деятельности требует уточнения, дополнения, а то и существенного переосмысления. Поэтому можно говорить об особом поле проблем философии социально-гуманитарного познания.

Прежде всего обратим внимание на **специфику социально-гуманитарного познания**, которая оттеняется в сравнении с естественнонаучным познанием.

Первая специфическая черта социально-гуманитарного познания проступает при сопоставлении самих названий: социально-гуманитарное и естественнонаучное познание, из которого следует *полифоничность социогуманитарного познания* и его несводимость к системе наук об обществе. Что же касается изучения природы, то с тех пор, как в XVIII—XIX вв. возникли и институционализировались естественнонаучные дисциплины, характерные для них представления о природе приобрели прерогативный характер.

В социально-гуманитарном познании наука не имеет привилегированного положения в системе взглядов на общество. Отметим принципиальные черты социально-гуманитарного познания: 1) самодостаточный статус в структуре обществоведения и выполнение особой функции в системе нормативных ориентаций человеческой деятельности;

2) *полиформизм* социально-гуманитарного знания, включающего философские категории, понятия социологии, нормы этики, правовые квалификации, экономические модели, исторические факты, мифы, символические структуры религиозного опыта, образы художественного сознания, суждения здравого смысла и т.п.;

3) *многовекторность ориентаций* социально-гуманитарного познания, направленного не только на достижение истинного и практически значимого, но и соответствующего принятой в обществе системе ценностей и тради-

ций знания. Если результат не будет соответствовать последней ориентации, что характерно для оторванной от жизни, так называемой «кабинетной» науки, он не только будет бесполезен для общественной практики, но и может стать основой для проектов, имеющих социально-утопический характер;

4) качественное своеобразие *объекта* социально-гуманитарного познания, который обладает *субъективно-объективной природой*, вследствие чего полиметричен. Объектом, в широком смысле слова, выступает общество и его феномены: социальные отношения и функционирование социальных институтов, социальные действия и взаимодействия людей и их результаты, представленные в различного рода объективизациях — памятниках материальной и духовной культуры, событиях, исторических фактах, знаково-символических структурах и др.;

5) специфичность *субъекта* социально-гуманитарного познания, в роли которого может выступать сообщество ученых, если имеется в виду коллективная научно-познавательная деятельность или отдельный индивид. Если обыденное (донаучное) социально-гуманитарное познание не требует специальной подготовки, то научное познание осуществляется специалистами, обладающими профессиональными знаниями и владеющими навыками использования характерного для социально-гуманитарных наук методологического инструментария. Они владеют тем, что составляет культуру научно-гуманитарного мышления, которая, как показал в концепции «двух культур» известный английский писатель и ученый Ч. Сноу, существенно отличается от культуры естественнонаучного мышления.

В частности, следует обратить внимание на статус внеученого интереса познающего субъекта в общественном сознании и его влияние на результаты познания. Как отмечал еще в XVII в. Т. Гоббс: «Люди отступают от обычая, когда это требуют их интересы, и действуют вопреки разуму, когда он против них... Я не сомневаюсь, что если бы истина, что три угла треугольника равны двум углам квадрата, противоречила чьему-либо праву на власть и интересам тех, кто уже обладает властью, то, поскольку это было бы во власти тех, чьи интересы задеты этой истиной, учение геометрии было бы если не оспариваемо, то вытеснено сожжением всех книг по геометрии»¹.

Ученый-гуманитарий должен понимать возможность влияния внеученых факторов на ход исследования и быть ориентированным на достижение объективно истинного результата. Совмещение в одном лице функций исследователя и публициста, оценивающего события, как правило, ведет к субъективизации результатов познания;

б) специфичность самого *процесса социально-гуманитарного познания*, в котором субъект-объектное отношение претерпевает существенную трансформацию.

¹ Гоббс, Т. Избранные произведения: в 2 т. / Т. Гоббс. М., 1964. Т. 2. С. 132—133.

В литературе можно встретить несколько моделей социально-гуманитарного познания.

Первая модель исходит из правомочности интерпретации социально-гуманитарного познания как обычного субъект-объектного отношения. Ее использование имеет смысл применительно, прежде всего, к социальному (социологическому, экономическому, политологическому) познанию, связанному с раскрытием закономерностей функционирования социальных институтов и взаимодействия больших социальных общностей. При этом, как и в естественнонаучном познании, артикулируется роль процедуры объяснения.

Вторая модель, стремясь учесть специфику объекта, интерпретирует социально-гуманитарное познание как субъект-субъектное отношение (стороны познают друг друга). Но такое утверждение, привлекаемое в качестве аргумента, способно ввести в заблуждение. Познание, как и любая иная деятельность, предполагает инициацию познавательной активности (наличие потребности или осознание интереса), выбор объекта и формирование предмета познания, разработку плана, постановку цели и задач познания и т.д. Именно эти функции отличают субъект познания от его объекта. Конечно, познаваемый в качестве объекта человек тоже может задаться целью познать своего визави, но это будет *иная* познавательная деятельность, в которой тоже будут свои субъект и объект познания.

Однако субъект-субъектной модели социально-гуманитарного познания можно дать и другую трактовку, если исходить из существования познающего субъекта (гносеологического — его роль в науке играет исследователь) и субъекта социального действия (актера, действия которого познает исследователь). Тогда социально-гуманитарное познание приобретает диалогический характер: гносеологический субъект стремится понять смысл поступков субъекта социального действия, раскрыть его ценностные ориентации, «войти» в мир значений, существенных для актера, чтобы затем интерпретировать поступки и события в системе ценностей и значений, характерных для него и его эпохи. В итоге, как отмечал М.К. Мамардашвили, достигается *отстранение* (дистанцирование) и *остранение* объекта (его «огранка») — явления и события проявляют новые свойства в новых условиях¹. Это *третья модель*, конкретизирующая специфику социально-гуманитарного познания и проясняющая его диалогическую природу.

У социально-гуманитарного познания есть и другие специфические черты. Обратим внимание на роль ценностей в постижении истины и в этой связи на диалектику понятий истины и правды.

Проблема ценностей составляет предмет особого раздела философии, именуемого аксиологией. В философию социально-гуманитарного познания проблематика ценностей была введена неокантовцами и М. Вебером,

¹ Мамардашвили, М. Как я понимаю философию... / М. Мамардашвили. М., 1990. С. 44.

исходившими из того, что постижение социальных действий возможно лишь в соотношении с ценностями, задающими нормы поведения и цели деятельности человека.

В отечественной традиции *ценность* выступает как проявляющаяся в социальной деятельности, общении, межличностных и общественных отношениях значимость для человека и социума объективных свойств предметов, явлений и событий действительности. Ценности не гипостазированы субъектом. Ценностью могут обладать как природные объекты, представляющие для человеческой деятельности интерес, а потому являющиеся для него социально значимым явлением, так и сами результаты его созидательной деятельности — таковыми являются артефакты — феномены материальной и духовной культуры, создаваемые с определенной целью и наделяемые в процессе создания смыслами и значениями.

Ценности выполняют регулятивную и нормативную функции, определяя ориентиры поведения и деятельности человека. Касательно познания социального бытия чаще всего выделяют объекты, имеющие жизненную, практическую ценность и по этой причине представляющие познавательный интерес. В этом смысле можно говорить о единстве и дополнительности трех основных ориентаций социально-гуманитарного познания:

- 1) ориентация на достижение объективно-истинного знания (когнитивная);
- 2) ориентация на получение практически значимого результата (праксеологическая);
- 3) ориентация на получение знания, которое соответствует принятой в обществе системе социокультурных ценностей и норм (аксиологическая).

Влияние ценностей на социально-гуманитарное познание отличается в зависимости от типа познавательной деятельности. Особую роль социально-культурные ценности играют во внеучном познании, которое, в отличие от научного, характеризуют как духовно-практическое познание, подчеркивая, тем самым, его служебную роль по отношению к сферам практической жизни общества. Среди основных форм внеучного знания — мифологическое и религиозное, художественное и моральное, правовое и экономико-практическое и др. Внеучное знание соотносится с соответствующими формами общественного сознания и определяется потребностями решения задач в конкретных сферах жизни. В экономической или политической практике при всей значимости научно-теоретических разработок все-таки предпочитают опираться на функциональное экономическое и политическое знание, учитывающее принятую в данном обществе систему ценностей, традиции, наконец, политическую конъюнктуру.

В социально-научном познании влияние социокультурных ценностей проявляется через ценностные установки исследователя и его оценки, в которых общественные влияния предстают с точки зрения их значимости для

человека. Оценка, воспроизводя объективные свойства явлений, выражает определенное отношение к ним. В философии социально-гуманитарного познания сложились два основных подхода к интерпретации *роли оценки в научном исследовании*.

Первый подход основывается на признании практической природы познания, исходит из того, что оценка науке имеет не только мировоззренческое, но и гносеологическое назначение. С этой точки зрения, хотя социогуманитарное познание носит ценностно-оценочный характер, влияющие на познание ценности реальной жизни не искажают объективность знания, а способствуют его достижению. Это объясняется тем, что отношение человека к миру всегда опосредовано практикой — его материально-преобразующей деятельностью. По словам К. Маркса, «общественная жизнь является, по существу, *практической*. Все мистерии, которые вводят теорию в мистицизм, находят свое рациональное разрешение в человеческой практике и в понимании этой практики»¹.

Второй подход связан с отказом от использования оценки в науке на том основании, что она ведет к субъективизации социально-гуманитарного познания, а следовательно, к получению недостоверного результата. М. Вебер подчеркивал, что в эмпирических дисциплинах должна существовать «свобода от оценочных суждений», а в общественном знании оценка неприменима. При этом немецкий мыслитель различал две группы оценочных суждений: 1) мнения действовавших лиц истории, считая, что их учет необходим и содействует объективности исследования; 2) мнение (оценка) исследователя, которая искажает реальную картину событий. По его словам, «в общественном знании действует принцип «отнесения к ценности» объекта, но неприменима оценка. Это вообще «не проблемы ценностей»².

Таким образом, в методологии социогуманитарного познания по вопросу взаимоотношения истины и ценности можно выделить две основные точки зрения: 1) точка зрения, предполагающая, что наука должна быть ценностно-нейтральной и объективная истина является ее главной ценностью; 2) точка зрения, связанная с признанием, что учет ценностей составляет условие научного познания, результаты которого подвержены влиянию социально-культурных факторов.

Исходя из данных точек зрения, перед методологами возникают следующие вопросы: существует *одна* или *несколько истин* в социально-гуманитарном познании и достижима ли в нем истина вообще?

Имеется несколько ответов на поставленные вопросы. В первом варианте утверждается, что современное общественное знание должно избавиться от наивной веры в объективность научных методов, поскольку познание со-

¹ Маркс, К. Сочинения: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. Т. 3. С. 3.

² Вебер, М. Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке // Вебер // Избранные произведения. М., 1990. С. 570.

циума имеет релятивный характер. Такой позиции придерживается К. Поппер, обвиняя социально-гуманитарное знание в «грехе» историцизма и отрицая существование объективной истины как таковой.

Авторы второго ответа, утверждая плюрализм истин, настаивают на возможности достижения в нем объективной истины. При этом подчеркивается, что такая ситуация характерна для современной неклассической науки, где истина выступает как соответствие знания объекту и как характеристика способа деятельности. Существование многих истин объясняется ими наличием «предпосылочного» знания и характерным для демократического общества принципиальным равноправием разных стратегий познания. Эту позицию обосновывают С.А. Лебедев, В.Г. Федотова, некоторые другие российские философы.

Авторы третьего ответа рассматривают истину как характеристику знания, оппозиционную его практической значимости. Согласно их мнению, существуют два основных типа знания, каждый из которых имеет свои prerogatives — *предметное* и *технологическое* знание. Характеристикой первого типа выступает истинность, а второго — реализуемость. В частности, подобной точки зрения придерживался известный российский методолог Г.П. Щедровицкий, считавший, что «основные продукты методологической работы — конструкции, проекты, нормы, методические предписания и т.п. — не могут проверяться и никогда не проверяются на истинность. Они проверяются лишь на реализуемость практики»¹.

Все же для научного познания основной ценностной ориентацией является достижение истины, а его результаты обладают самоценностью. Вненаучное социально-гуманитарное познание, да и донаучное (обыденное), непосредственно включено в решение задач практической деятельности и, имея в этом смысле служебную роль, прямо соотносится с ценностями общественного бытия и социальными идеалами, признанными обществом. Поэтому квалификация достоверного знания как истины, характерная для научного познания в донаучном и вненаучном социально-гуманитарном познании, дополняется, а то и вытесняется его квалификацией как правды.

Напомним, что существуют различные *концепции истины* (когерентная, конвенциональная, прагматическая, корреспондентская и др.), в которых она определяется по-разному. Наиболее популярной и фундированной является корреспондентская. Не случайно она и близкие к ней варианты получили обобщающее название: классическая концепция истины. Согласно ей, истинное знание — то, которое соответствует действительности. Адекватное отображение объекта в сознании субъекта, «точная» связь (корреспонденция) между ними определяют название этой концепции.

¹ Щедровицкий, Г.П. Избранные труды / Г.П. Щедровицкий. М., 1995. С. 95.

Такое понимание истины является типичным для официальной философии науки. В итоге возникает парадокс, который зафиксирован В.Г. Федотовой в следующей остроумной реплике: «Гегель говорил, что когда он слышит слово «истина», у него вздымается грудь. Но вся проблема истины сведена к банальным иллюстрациям: «Смотрю — открыта форточка, говорю: «Форточка открыта». От чего здесь будет вздыматься грудь, если я еще не простудилась? Сведение истины лишь к слепку объекта в знании, снятие драматизма постижения истины в диалектике истины и заблуждения, абсолютной и относительной истины, непонимание истины как процесса, а также целей, во имя которых добывается истина, и ведут к тому плоскому гносеологизму, который лишил понятие истины социального и духовного содержания»¹.

В этих словах отражена очень серьезная проблема философии социально-гуманитарного познания — проблема соотношения в ней истины и правды. Можно согласиться с мнением, что истина есть прерогатива научного познания, а правда — вненаучного (правда жизни, художественная или историческая правда) и что истина — это гносеологический феномен, а правда — его мировоззренческий аналог, но данные констатации все равно оставляют чувство неудовлетворенности, «отлучая» истину от правды. Суть проблемы, вытекающей из уравнивания интерпретации истины в социогуманитарном познании с ее естественнонаучным пониманием, рельефно выразил Л.И. Шестов, приводя в качестве истинного утверждения тот факт, что в 399 г. до н.э. в Афинах отравили Сократа. В то же время, возмущаясь бездушностью этой формальной истины и ее принудительным характером, люди говорили: «Ведь не собаку отравили, а Сократа, лучшего из людей, мудрейшего из людей, праведника»².

Особую актуальность проблема диалектики истины, социокультурных ценностей и правды приобрела в философской мысли России XIX — начала XX вв. — в обществе, в котором роль традиционных коллективистских ценностей и социальных идеалов была чрезвычайно велика. В этом обществе, по словам видного русского мыслителя И.А. Ильина, настоящий философ должен руководствоваться правилом: «сначала быть, потом действовать и лишь затем... — философствовать»³. Иными словами, жизнь диктует свои правила, которые закреплены в общественных ценностях и социальных идеалах и именно с ними, а не с формально безличными установлениями рассудка, должны соотноситься наши представления о том, как должна быть устроена жизнь, — таков пафос обсуждения *проблемы истины* в русской социально-философской мысли.

¹ Федотова, В.Г. Практическое и духовное освоение действительности / В.Г. Федотова. М., 1991. С. 27.

² Шестов, Л.И. Афины и Иерусалим. / Л.И. Шестов. СПб., 2001. С. 69.

³ Ильин И.А. Путь к очевидности / И.А. Ильин. М., 1993. С. 368.

Сентенция, согласно которой *«жить надо по правде»*, выглядит весьма тривиальной. Но эта тривиальность исчезает, если принять во внимание неоднозначность самого понимания правды. Как было принято считать в русской социально-философской и литературно-публицистической литературе этого времени, существуют два вида правды — *«правда-истина»* и *«правда-справедливость»*. Первая рассудочна и навязывается нам как необходимость, подобно нормам формального права, которые человек вынужден выполнять независимо от своего отношения к ним; отсюда — в качестве синонима — *«правда-необходимость»*. Вторая составляет основу жизни и служит критерием оценки событий. *«Правда-справедливость»* является главным нормативным регулятором жизни общества и верховной ценностью познания — таков лейтмотив осмысления данной темы, характерный для работ П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского, Б.А. Кистяковского, Н.А. Бердяева и ряда других известных мыслителей.

Следует признать, что современное социально-гуманитарное познание постепенно начинает избавляться от академизма, осознавая тесную связь с социальными идеалами и интересами и отыскивая точки соприкосновения с донаучным (обыденным) и внеаучным познанием общественных явлений.

Подобно тому как социальная философия является одной из подсистем современного обществознания, так и социально-философское познание выступает одним из типов социально-гуманитарного познания, коррелирующим с конкретными науками об обществе и его феноменах. Эта связь имеет двусторонний характер: не только социальная философия «подпитывается» за счет новационных теоретико-методологических разработок, новых концептуальных подходов и эмпирического материала социально-гуманитарных наук, но и способствует развитию их эвристического потенциала, саморефлексии и осмыслению их статуса в системе интегрированного научного обществознания.

21.3. Основные исследовательские программы в обществознании

Отмечая возможность существования различных классификаций исследовательских программ в обществознании, обратим внимание на классификацию, в качестве оснований которой принимаются специфика предмета познания, уровень его концептуализации, возможности экстраполяции рассматриваемых социальных феноменов на общество в целом, широта применения и вариативность исследовательской программы. Последнее основание означает, что программа не исчерпывается созданием одной, пусть и фундаментальной научной теории, а при тактическом разнообразии, теоретико-методологических нюансах определяет стратегический путь осмысления социума.

Исторически первой (XVII—XVIII вв.) сложилась **натуралистическая исследовательская программа**, допускающая возможность рассмотрения общества по аналогии с природой и признающая правомерность экстраполяции методологического потенциала естествознания на область социально-гуманитарных наук. Натурализм в обществознании представлен тремя основными версиями.

Методологический **редукционизм** предполагает использование теоретических конструктов, модельных систем и эмпирических схем естественных наук при изучении общества и его явлений. Так, А. Сен-Симон, высоко ценивший научное творчество И. Ньютона, считал, что в обществе, как и в природе, основной действующий закон — закон всемирного тяготения. Поэтому, по его мнению, «...из идеи всеобщего тяготения можно вывести более или менее непосредственно объяснение всех явлений...»¹.

Вариантов методологического редукционизма существует достаточно много, причем выбор базисной естественнонаучной дисциплины определялся ее статусом в естествознании и ценностными ориентациями исследователя. Возникнув в форме классического механицизма, истолковывавшего общество как механический агрегат (Т. Гоббс, Л. Кетле, Г. Кэрри, В. Парето), методологический редукционизм в дальнейшем нашел выражение в химизме (М. Шевраль), географизме (Ш. Монтескье, Г. Бокль, Л. Мечников), квантовом механицизме (Э. Шредингер). Современной формой методологического редукционизма является популярный в обществознании синергетизм. Он использует в интерпретации исторического развития общества модели нелинейной термодинамики, что позволяет по-новому взглянуть на некоторые особенности развития социума как самоорганизующейся системы.

Особенно широкое распространение в обществознании получил биологический редукционизм, заложивший основы социологии как науки. Так, О. Конт считал социологию продолжением биологии, а методы естественных наук рассматривал в качестве образца научности.

Первое направление биологического редукционизма представлено классическим социал-дарвинизмом (У. Беджгот, К. Руайе, А. Вакаро и др.), пытавшимся интерпретировать общественное развитие исходя из биологических закономерностей естественного отбора, а затем наследственности. К нему относится также социальный неозоволюционизм, в котором ведущее место принадлежит социобиологии (Э. Уилсон, Р. Александер, Ч. Ламсдэн и др.), рассматривающей культурные новации как явления, аналогичные генетическим мутациям.

Второе направление биологического редукционизма развивалось в рамках расово-антропологической школы (А. де Гобино, Х. Чемберлен, М. Грант и др.), которая стремилась объяснить явления общества и его динамику

¹ Сен-Симон, А. Избранные сочинения: в 3 т / А. Сен-Симон. М.; Л., 1948. Т. 1. С. 268.

действием расово-биологических факторов, считая, что судьба каждой цивилизации в истории определяется ее расовым составом.

В качестве третьего направления биологического редукционизма можно назвать органицизм, ибо в нем отправной точкой для рассмотрения общества служит аналогия с живым организмом, причем некоторые его представители считали эту аналогию достаточно полной.

В частности, Ж.-Ж. Руссо¹ отводил функцию верховной власти голове, законы и обычаи уподоблял мозгу, торговлю, промышленность и сельское хозяйство — рту и желудку и т.п. Популярностью пользовались и взгляды немецкого экономиста и социолога А. Шеффле, который, признавая наличие у общества как духа, так и «социального тела», уподоблял экономическую жизнь этого «тела» обмену веществ в организме.

Тем не менее *органицизм* можно рассматривать как самостоятельную, выходящую за рамки биологического редукционизма версию натуралистической исследовательской программы в обществознании. Придя на смену социальному механицизму, артикулировавшему статику общества и сводившему его сущность к взаимодействию реализующих свои интересы индивидов — «социальных атомов», органицизм был направлен: 1) на рассмотрение общества в динамике; 2) на репрезентацию социума как самоорганизующегося и неразложимого целого, в основе которого лежит некое объединяющее духовное начало (народный дух, национальная идея, дух эпохи). Подобного рода органицизм, далекий от простого уподобления общества живому организму, присутствует в работах Ф. Шеллинга, Г. Гегеля, И. Гердера, Э. Дюркгейма, политических философов консервативного направления.

В обществознании XX в. органические аналогии в значительной мере приобрели характер скорее метафорический, способствуя становлению современных системных подходов в изучении социума и развитию междисциплинарных методологий. Показательной в этом отношении является плодотворность использования органицизма Т. Парсонсом в создании структурно-функциональной модели социума, получившей популярность и признание научной общественности.

Третья из основных версий натурализма в обществознании — *этноцентризм*. Происхождение термина этноцентризм обычно связывают с работой Л. Гумпловича «Расовая борьба», но авторство концептуальной разработки и введения данного понятия в категориальный аппарат социально-гуманитарных наук принадлежит американскому экономисту и социологу У. Самнеру. В работе «Народные обычаи» (1906), опираясь на анализ значительного этнографического материала, он попытался связать обычаи, а соответственно, и культурные традиции народов с выработкой у этносов механизмов защиты от действия четырех биопсихических факторов — голо-

¹ Руссо, Ж.-Ж. О политической экономии / Ж.-Ж. Руссо // Тракаты. М., 1969. С. 113.

да, сексуальной страсти, честолюбия и страха. В итоге У. Самнер редуцировал общественные отношения к механическим и внутриэтническим, введя понятия «мы-группа» («внутренняя группа») и «они-группа» («внешняя группа»). Отношения в первом случае, согласно автору, отличаются сплоченностью, в то время как отношения во втором — враждебностью. Собственная группа ее членам представляется центром социума, а другие этносы оцениваются по стандартам, характерным для нее.

В отечественной философии истории конца XX в., пожалуй, наиболее ярким выражением этноцентризма является концепция Л.Н. Гумилева, само название установочной работы которого «Этногенез и биосфера Земли» имеет программный характер и указывает на важную роль природно-космических факторов обеспечения социодинамики этнических общностей. Для Л.Н. Гумилева общество воплощается в этносах, а историческое развитие социума — в процессах их становления и развития, причем сам этнос ученый понимает не столько как социальную, сколько как природно-культурную общность людей, формирующуюся под влиянием прежде всего природно-космических факторов, задающих состояние пассионарности — своего рода психоэнергетической заряженности на творчество. Этногенез соотносится с освоением данной общностью ландшафтных особенностей природного региона проживания. Действие природно-космических факторов дополняется влиянием фактора культурного самоопределения общности, становления у нее чувства комплиментарности, позволяющего осознать единство этноса на фоне противопоставления его другим этническим сообществам. Как видим, методология классического этноцентризма фактически воспроизводится в концепции Л.Н. Гумилева, что, впрочем, не снижает ее эвристического значения.

После того как в XIX в. возникла и самоопределилась в качестве самостоятельной науки об обществе социология, естественно было ожидать появления новой исследовательской программы в общественном знании, оппозиционной натурализму.

В основу *социологической программы* легла установка на признание органической включенности общества в природный Универсум и на подчинение социума действию определенных законов и в то же время на констатацию качественного своеобразия социальной реальности, ее несводимости к другим видам реальности.

Эта установка означала, прежде всего, примат социальной реальности по отношению к индивидуальному существованию людей — общество надындивидуально (позиция социального реализма), а потому в раскрытии закономерностей его существования и объяснении общественных явлений должны использоваться специальные социологические методы. Так, согласно Э. Дюркгейму, хотя исторически общество возникает в результате взаимодействия индивидов, но, возникнув, существует по своим собствен-

ным законам. Отсюда следует известный методологический принцип *реификации* Э. Дюркгейма, гласящий: «социальные факты нужно рассматривать как вещи»¹ и ориентирующий на исследование устойчивых причинно-следственных связей и закономерностей в обществе.

Применение социологической программы в познании общества несомненно позитивно сказалось на развитии обществознания. В XX в. ее предметная область еще и расширилась после возникновения «понимающей» и «феноменологической» социологии. Но присущими социологии тенденциями сведения индивидуального к социальному, а познания — к объяснению все же задаются границы использованию этой исследовательской программы в обществознании, делая актуальным призыв: «Вернуть человека в социологию».

В какой-то мере эту методологическую особенность социологической программы можно объяснить стремлением ее сторонников при интерпретации общественных явлений избежать влияния психологической исследовательской программы, возникшей в XIX в. и быстро приобретшей популярность. Психологическая, а затем появившаяся на ее основе социопсихологическая исследовательская программа стремятся объяснить социальную жизнь исходя из влияния психических феноменов на общество. Налицо общая методологическая ориентация — сведение социального к психическому, которую можно охарактеризовать как психологический редукционизм. Различаются названные программы предметом редукции. Психологическая исследовательская программа за основу объяснения общественных явлений берет особенности психики индивида, а социопсихологическая — особенности групповой и социальной психологии.

Психологическая программа в обществознании нашла выражение в психологическом эволюционизме (Л. Уорд, Ф. Гиддингс), инстинктивизме (У. Мак-Дугал, У. Джеймс, Л. Бернард), теории подражания (Г. Тард, Дж. Болдуин), концепциях школы психологии народов (Г. Лебон, М. Лацарус, Х. Штейнталь), классическом психоанализе З. Фрейда.

З. Фрейд, рассматривая структуру психики индивида, абсолютизирует роль бессознательных влечений в качестве мотивов деятельности человека и затем экстраполирует действие механизмов психологической защиты на социальные процессы. Так, механизмы вытеснения (бессознательное устранение индивидом из памяти мотивов своих поступков), рационализации (бессознательное стремление индивида обосновать свои поступки «задним числом»), регрессии (бессознательное желание примитивизировать в определенных ситуациях свой образ в восприятии другого человека), проекции (бессознательный перенос собственных желаний и замыслов на оппонента) и ряд других приобретают характер объяснительных схем, с помощью

¹ Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Э.О. Дюркгейм. М., 1991. С. 421.

которых интерпретируются исторические события и социальные явления. Отметим, что этот подход позволил раскрыть новые аспекты социального бытия, а созданная им в 1932 г. совместно с американским дипломатом У. Буллитом первая в истории психобиография президента В. Вильсона положила начало целому направлению в обществознании — политическому психоанализу, что свидетельствует об эвристичности психологической исследовательской программы.

Социопсихологическая программа дала интересные результаты в связи с использованием ее неофрейдистской версии. Многие последователи З. Фрейда, подвергнув критике его пансексуалистские методологические установки, акцентировали внимание на роли социальных факторов в поведении человека и его деятельности в обществе. В частности, по мнению К. Хорни¹, чувство беспокойства, с которым человек появляется на этом непривычном для него свете, сопровождает индивида на протяжении всей жизни и является основным побудительным мотивом социальных действий. В зависимости от того, как человек пытается если не устранить, то по крайней мере снизить степень этого чувства беспокойства и сопровождающих его чувств небезопасности, беспомощности и одиночества, К. Хорни выделяет три типа личности с характерными для них моделями поведения:

- устойчивый, конструктивный (стремление к людям с тем, чтобы в диалогической форме устранить причины возможного конфликта и прояснить ситуацию);
- отстраненный (стремление уйти от людей как источника опасности, «забиться в свою нишу»);
- деструктивный, разрушительный (стремление пойти против людей с тем, чтобы уничтожить источник возможной опасности).

Использование социопсихологической программы оказалось продуктивным для творчества А. Адлера (анализ механизмов компенсации чувства неполноценности и их влияния на поведение человека в обществе), К. Юнга (анализ коллективного бессознательного и роли архетипов в социокультурных процессах, классификация регионально-цивилизационных типов личности), Э. Фромма (определение влияния исторических и экзистенциальных дихотомий человеческого существования на противоречивый характер развития общества, выявление сдерживающего влияния социального характера на динамику социума) и др.

Наконец, еще одна исследовательская программа, широко используемая в обществознании — культуроцентристская или, как ее еще называют, учитывая широкое применение при рассмотрении особенностей цивилизации

¹ Хорни, К. Культура и невроз / К. Хорни // Психология личности. Тексты. М., 1982. С.97—105.

онной динамики общества, **культурно-историческая программа**. У истоков ее стояли В. Дильтей и представители Баденской школы неокантианства В. Виндельбанд и Г. Риккерт.

Первоначально разработка этой программы осуществлялась преимущественно в русле анализа специфики методологических средств социогуманитарного познания и их отличия от методологического инструментария естествознания. В этой связи В. Дильтей пришел к выводу, что общественные науки должны не объяснять, а *понимать* социальные явления, поскольку понимание основывается на изучении и постижении мотивов человеческой деятельности, обусловившей эти события. В отличие от приверженцев психологической программы, он настаивал на необходимости обращаться к объективным памятникам человеческой деятельности, в письменной форме фиксирующих явления духовной жизни как основы жизни общества в целом. В. Виндельбанд оценил науки о культуре (в отличие от наук о природе, которые он характеризует как *номологические* — ориентированные на выведение законов), как *идеографические*, связанные с описанием конкретных социальных явлений и событий. Его дополнил Г. Риккерт, определяя основной метод наук о природе как *генерализирующий*, обобщающий, типизирующий, а основным методом наук о культуре называя *индивидуализирующий* метод¹, позволяющий отразить неповторимость и своеобразие социальных явлений; впрочем, философ стремится избежать категоричности своей классификации, отмечая, что в конечном счете выбор метода в социально-гуманитарном познании определяется его конкретной предметной областью и теми задачами, которые ставит перед собой исследователь.

Современные социальные науки (экономические, социологические, политические) успешно используют генерализирующий метод, позволяющий раскрывать закономерности в изучаемых сферах общественной жизни; даже в исторической науке, которую Г. Риккерт считал образцом гуманитарного знания, объяснение и генерализация используются достаточно широко.

Главное же, что смогли закрепить в сознании обществоведов неокантианцы, — это признание культуры самостоятельной, наряду с природой, онтологической реальностью, составляющей основу бытия общества. Мир культурных ценностей, артефактов культуры, стал рассматриваться как выражение сущности общественной жизни, а понимание механизмов динамики культуры — как условие познания общества в его историческом развитии.

С утверждением представлений о культуре как онтологической реальности прерогативы культурно-исторической программы значительно расширились. В XX в. использование ее способствовало созданию таких оригинальных философско-исторических концепций, как концепция «морфо-

¹ Риккерт, Г. Науки о природе и науки о культуре / Г. Риккерт. М., 1998. С. 75.

логии культуры» (О. Шпенглер), концепция «локальных цивилизаций» (А. Тойнби), концепция общества как суперсистемы (П. Сорокин) и др. Культуроцентризм породил еще одну особую версию интерпретации исторического развития общества — *историцизм*. Последний не следует смешивать с историзмом, развитым в работах Г. Гегеля, К. Маркса и ряда других мыслителей XIX в., принципом рассмотрения общества в его развитии. Историчизм исходит из признания самоценности и неповторимости культуры каждой исторической эпохи, делая вывод о фактической несопоставимости исторических эпох в развитии общества. Это создает предпосылки для релятивизации исторического познания и тем самым представляет серьезную опасность для объективности исследования.

Становится очевидным: каждая из рассмотренных исследовательских программ в обществознании имеет как свои достоинства, так и недостатки. Поэтому понятно существующее в среде методологов желание создать синтетическую программу, которая вбирала бы в себя эвристические компоненты существующих. Основанием для подобного синтеза служит близость, а иногда и дополнительность известных программ. Методологи считают, что такая дополнительность характерна для теоретических моделей общества, созданных М. Вебером, Т. Парсонсом, Ю. Хабермасом. Она приближает их авторские версии исследовательской программы к идеалу синтетической. Но есть и другая точка зрения: создание такой программы в принципе невозможно и не нужно, учитывая многогранность общества, а также многообразие подходов к его изучению в современных социально-гуманитарных науках. Синтез социально-гуманитарного знания, согласно этой точке зрения, должен осуществляться в рамках единой социально-научной картины мира, а не путем формирования универсального методологического средства постижения социума.

К важнейшим функциям исследовательских программ в социально-гуманитарном познании относятся также содействие сближению социально-гуманитарных дисциплин, обеспечение теоретико-методологического единства обществознания и, что особенно актуально для современной науки, использование, разработка и освоение междисциплинарных методологий исследовательской деятельности.

Формирование социально-гуманитарных дисциплин произошло сравнительно недавно. В истории научного обществознания, которая тесно связана с историей естествознания, но не совпадает с ней, можно выделить четыре основных этапа.

Первый этап, охватывающий XVII—XVIII в., наряду со становлением естествознания (натуральной философии) характеризуется началом оформления обществознания (гражданской и моральной философии). В это время возникающие науки о человеке и обществе находились под прямым влиянием возникшего естествознания и прежде всего классиче-

ской механики. Это влияние осуществлялось по двум «каналам»: во-первых, заимствовались составляющие онтологическую основу механистической картины мира ее идеализированные объекты и теоретические модели, что нашло отражение в используемых до сих пор лексических фигурах («социальная инерция», «энергия масс», «центростремительные» и «центробежные силы» в обществе); во-вторых, как и в опытным естествознании, в обществознании, для того чтобы придать ему опытную фундированность, делалась заявка на использование эмпирических методов познания и работу с результатами наблюдений.

Надо отметить, что хотя заимствование возникающим обществознанием теоретико-методологических образцов естественных наук осуществлялось на основе осознания условности их соответствия явлениям общественной жизни, тем не менее оно носило принципиальный характер, отражая существовавшее в то время убеждение в единстве природы и общества и, как следствие, в единстве и дополнительности методологий их познания.

Второй этап, относящийся к концу XVIII—XIX вв. — время институционализации наук об обществе и человеке. Эти науки обретают самостоятельность и оформляются в качестве самостоятельных научных дисциплин со своим предметом изучения, формирующимися традициями, категориальным аппаратом и владеющим соответствующими навыками исследовательской работы штатом специалистов. Отличительной чертой этого этапа становится формирование в науках об обществе собственных теоретических моделей изучаемых сфер социальной реальности и целенаправленный поиск адекватных ей методов исследования, ориентированных не только (и не столько) на объяснение социальных явлений, но и на понимание их.

Третий этап развития обществознания, который можно назвать неклассическим, приходится на большую часть XX в. В этот период истории науки происходит эскалация наметившегося на предыдущем этапе и приобретшего теперь отчетливо выраженный характер размежевания наук о природе и наук об обществе. Это во многом связано с тем, что ученые-обществоведы наконец-то обрели собственную методологию познания социума, основу которой составила герменевтика, что позволило им преодолеть своеобразный «комплекс методологической неполноценности», которым до этого страдали науки об обществе и его культуре.

Вместе с тем, сознавая исключительно большое значение знаний о человеке, обществе, культуре в отличающемся историческим динамизмом и трагизмом XX в., ученые-гуманитарии зачастую увлекались детальной разработкой специализированных проблем обществознания. Ими был сделан крен в другую сторону — сторону абсолютизации роли как самого обществознания, так и его методологии в науке.

В этот же период интенсифицируется еще один наметившийся ранее дифференциальный процесс. Речь идет о разделении самих наук о человеке и обществе на социальные и гуманитарные, которые характеризуются наличием специфического предмета познания и собственными приоритетными методами исследования. И хотя, как было принято считать, эта дифференциация является достаточно условной, она принималась в качестве отличительной особенности социально-гуманитарных наук.

Наконец, на современном, *четвертом, этапе* развития обществознания, начало которого относят к последней четверти XX в., все более заметной становится тенденция возрождения единства научного знания на основе сближения, с одной стороны, социальных и гуманитарных наук, и с другой — обществознания и естествознания. Происходящие интегративные процессы в науке проявляются в различных формах: в трансляции теоретических моделей в новые области науки, в появлении новых междисциплинарных областей знания, но наиболее отчетливо — в возникновении и эффективном использовании междисциплинарных технологий познания.

В современном социально-гуманитарном познании наиболее перспективными и востребованными общественной практикой оказываются как раз исследования, осуществляемые «на стыке» наук: в экономических науках — с психологией, социологией, социальной экологией, правоведением и этикой; в исторических — с культурологией, социологией, психологией, религиоведением; в юридических — с этикой и социологией, в политических — с социологией, психологией, теорией социальной коммуникации; в филологических — с нейролингвистикой и т.д.

Философское знание, в силу присущих ему мировоззренческих, общеметодологических, аксиологических и интегративных возможностей, оказывается востребованным современным обществознанием. Единство философского знания, сопряженное с наличием в нем специализированных областей (экономической и политической философии, философии права, философии истории, философии культуры и т.д.), делает философию эффективным посредником в освоении междисциплинарных методологий — таких, как методология психоистории, этнометодология, методология гендерных исследований, нейролингвистики, экзистенциального менеджмента, социобиологии, синергетического подхода и др. Многим дисциплинам в их генезисе и развитии приходилось ориентироваться на образцы, в качестве которых выступали их смежные науки о человеке и обществе со свойственным им проблемным полем и методологическим арсеналом: социология — на естественнонаучные дисциплины (в частности, биологию); психология — на физиологию высшей нервной деятельности; история — на социологию.

21.4. Объяснение, понимание и интерпретация в социогуманитарном знании

Современная философия науки все большее внимание уделяет анализу экзистенциально-аксиологических элементов познавательной деятельности, особенно в познании человека и общества. Так, коммуникация признается неотъемлемой стороной постижения мира. Разумеется, коммуникация имплицитно присутствовала и в классической науке, но там она выступала в неявной форме. Наиболее ярко многоканальный, полилогический характер взаимоотношения субъектов в процессе постижения мира проявляется в таких процедурах, как объяснение, понимание и интерпретация.

Немецкие философы В. Виндельбанд и Г. Риккерт одними из первых обратили внимание на принципиальное различие наук о природе и наук о духе. Последние науки — это социально-гуманитарные по своей сути дисциплины. Они изучают исторические события, явления культуры и различные аспекты жизнедеятельности людей. Специфическими особенностями исследуемых такими науками феноменов являются их уникальность и неповторимость. Соответственно методология социогуманитарного познания должна учитывать отмеченные свойства данной предметной области.

Объяснение является одной из важнейших функций теории. Истории науки известны случаи, когда ученые открывают новые явления, но не могут их объяснить. Ньютон, автор закона всемирного тяготения, никак не объяснял природу сил, лежащих в основе этого закона. Однако даже с помощью тех законов, сущность которых оставалась неизвестной, можно было объяснить ряд связанных с ними процессов. В частности, открытый Ньютоном закон объяснял характер перемещения тел.

Исторически сложились две основные концепции объяснения — каузальная и телеономная.

Каузальная концепция заключается в указании на факторы, которые с необходимостью порождают те или иные явления. Основоположник каузальной концепции Демокрит любые явления рассматривал как результат действия внешних для данного явления причин. «Если человек нашел сокровище, то это потому, что он начал копать в строго определенном месте», — рассуждал древнегреческий философ. *Телеономная* концепция объясняет социальные события и индивидуальные поступки людей с позиции целей деятельности. Каузальное объяснение стремится ответить на вопрос «почему произошло некоторое событие?», а телеономная поясняет, зачем человек совершает свое деяние. Основоположник телеономного способа объяснения явлений Аристотель доказывал: внутренние отношения в органических образованиях принимают целесообразный характер, что проявляется в действии инстинктов, росте растений и жизнедеятельности живот-

ных. Афинский философ разграничивал широкое толкование цели, применимое к любым сложным явлениям, как цель ради чего-то, и узкое, используемое только для объяснения человеческих поступков, как цель для себя.

Каузальная концепция получает законченное выражение и широко распространяется в науке Нового времени. Существует несколько видов каузального объяснения: причинно-следственное, генетическое, структурное, субстратное, функциональное, структурно-функциональное и субстратно-функциональное. Размышляя над проблемой объяснения, О. Конт обратил внимание на сложный характер научных знаний, где наряду с фактами существуют законы. Факты — это еще сырой материал познавательной деятельности. Научный статус они приобретают при истолковании, что достигается через установление их связи с законом. Тем самым каузальная концепция рассматривается как номологическое объяснение явлений.

Таким образом, *суть каузального объяснения состоит в подведении интересующего ученого явления «под закон»*. Этот метод дает возможность «сжимать» информацию, прогнозировать развитие событий, интегрировать эмпирический материал в теоретическое знание, выявляя необходимые и существенные элементы в опытных данных.

Структура каузального объяснения состоит из двух частей: 1) экспланандума, того, что подлежит обоснованию; 2) эксплананса, того, что служит средством обоснования. Логически каузальное объяснение осуществляется в форме дедуктивного вывода, посылки которого и способ рассуждения образуют эксплананс, а заключение — экспланандум. В качестве посылок используются законы. Часто процесс обоснования приобретает сложный многоступенчатый характер с множеством взаимосвязанных положений эксплананса. По такой схеме объясняется не только фактический материал, но и сами законы через подведение их под другие более общие законы. Однако у каузального объяснения имеются слабые стороны. Во-первых, выбор модели объяснения опирается на когнитивные и методологические предпочтения субъекта. Во-вторых, ученые зачастую вводят различные допущения в целях адаптации изучаемого явления к закону. В-третьих, задействованные в данной процедуре дедуктивные рассуждения нуждаются в подборе необходимых аргументов, при поиске которых ученые используют и неважное знание, и интуицию, и индуктивные обобщения. Обнаружение причин явлений не поддается строгой алгоритмизации и порождает сомнения в надежности обоснования. В-четвертых, эмпирические знания репрезентируют данность явлений на уровне существования, которое всегда единично и своеобразно. Теория же выражает сущность вещей, процессов, событий, формируя инвариантно-всеобщее содержание знаний. Возникает серьезная проблема эмпирического подтверждения теории. В-пятых, дедуктивным путем невозможно объяснить переход к новой теории.

Ряд исследователей (Г.Х. фон Вригт, К. Гемпель и др.) полагают, что каузальную модель, несмотря на ее недостатки, можно использовать не только в естественнонаучном, но и в социогуманитарном знании с учетом его специфики. Одним из вариантов объяснения здесь выступает отнесение событий и явлений к определенным идеальным типам. Таким типом является, например, введенный К. Марксом теоретический конструкт «общественно-экономическая формация». Высказывается мысль, что дедуктивно-номологическая концепция вполне пригодна в истории, экономике, социологии, политологии, социальной антропологии для экспликации макропроцессов. А вот истолковать таким образом поведение отдельных субъектов или процессы на уровне отдельных общественных учреждений невозможно. В социогуманитарных науках используется и генетическое объяснение с теоретической реконструкцией процесса становления и эволюции общественного организма или отдельных его подсистем. В качестве эксплананса в исторических науках могут выступать положения социальной психологии, социальной антропологии, социологии и отрефлектированные принципы повседневности.

Телеономная концепция объяснения ориентируется не на укорененные в прошлом причины, а на устремленные в будущее цели. Специфическая особенность этого способа объяснения состоит в том, что экспланандумом здесь является положение о направленном действии. Между тем эксплананс включает содержание цели и средств ее достижения. Эта концепция позволяет раскрыть роль желаний, стремлений, интересов, потребностей и ценностных приоритетов в индивидуальных и коллективных, спонтанных и институционализированных действиях людей.

Использование телеономной модели также сталкивается с принципиальными проблемами. Как прояснить прошлые события через будущее, если оно еще не сложилось? В будущем могут быть открыты прежде неизвестные факты минувшей истории, диктующие необходимость ее пересмотра. Как избежать модернизации прошлого, если оно оценивается в контексте настоящего и предполагаемой перспективе будущего?

Широкое применение в социогуманитарном знании находит ***процедура понимания***. С нею связывают постижение неповторимого смысла объекта, который порождается и проявляется в пространстве взаимоотношений субъектов, где реализуются различные его функции. В зависимости от диспозиции объекта меняется и его смысл. Так, введение налога на добавленную стоимость способствует пополнению государственного бюджета, но вместе с тем ограничивает финансовые возможности агентов производства.

Понимание высвечивает различные грани взаимоотношения человека со своим жизненным миром. Неудивительно, что этому способу постижения социокультурной действительности даются различные трактовки.

Для Ф. Шлейермахера это вживание в неповторимый внутренний мир личности. В. Дильтей рассматривает его как орган познания истории и культуры. М. Вебер признает понимание за работу истории, суть которой видит в совершенствовании интеллектуального инструментария анализа социальных процессов. М. Хайдеггер в понимании находит способ бытия человека в мире.

Однако в любой из трактовок понимание выступает как *эффективный способ постижения смысла социокультурных феноменов*. Смещаются лишь акценты на различные грани данного процесса.

Поскольку человек изначально погружен в систему отношений с другими людьми и социальными институтами, постольку *понимание* оказывается *важнейшей формой обоснования в социогуманитарном знании*. Традиция исследования процесса понимания сложилась в рамках герменевтики и восходит к древнегреческой практике расшифровки смысла классических текстов.

Категориальный статус термину «понимание» придал Шлейермахер. Он заметил, что мы постигаем человеческий мир через язык и в первую очередь имеем дело с текстами. Знакомясь с текстом, читатель проникает в смысл, заложенный в этот текст автором. Не трудно заметить психологический подход Шлейермахера к проблеме понимания.

Позже в процесс анализа феномена понимания вовлекаются новые его стороны и грани. Сама социокультурная реальность начинает рассматриваться как своеобразный текст, работа с которым строится на принципах целостности и историзма. «Целостность предполагает рассмотрение фрагментов, тех или иных структурных единиц текста только в связи с целым. Сам текст должен рассматриваться в единстве с контекстом и подтекстом, отдельный авторский текст необходимо соотносить с другими его текстами, а также текстами других авторов того же направления и т.д.»¹.

В. Дильтей переходит от психологической трактовки понимания к философской рефлексии над ним. Он постулирует единство личности, культуры и общества. Философ утверждает, что историю, культуру и человека невозможно познавать чисто логическим путем. Мир дан нам не как нечто внешнее. Это мир нашей жизни, и мы постигаем его через себя². Человек не только мыслит, он еще любит и ненавидит, огорчается и радуется, грустит и восторгается, он обладает умениями и навыками, которые невыразимы в словах, у него есть воля, которая направляет поступки. Человек — целостное существо. То или иное явление он понимает, мобилизуя весь свой опыт

¹ Микешина, Л.А. Трансцендентальные измерения социогуманитарного знания / Л.А. Микешина // Вопросы философии. 2006. № 1. С. 51.

² Дильтей, В. Наброски к критике исторического разума / В. Дильтей // Вопросы философии. 1988. № 4. С. 141.

жизни. Схватывание смыслов происходит на иррациональном уровне личности. Логико-аналитическое рассмотрение явлений оказывается вторичным образованием, производным от первозданного опыта индивида.

М. Хайдеггер переводит проблему понимания из эпистемологического плана в онтологический. Для него понимание есть дело жизни, способ существования человека¹.

Понимание, по Хайдеггеру, осуществляется на двух уровнях сознания. Дорефлексивное понимание образует горизонт осмысления действительности, органическую часть человеческого существования. А следующий уровень, нормативно-логическое понимание, базируется на первом и является разновидностью познания. Признав понимание способом бытия, Хайдеггер считает, что оно свойственно каждому человеку, а не только какой-либо избранной группе.

Х.Г. Гадамер развивает дальше онтологическую парадигму понимания. Философ убежден, что мир не просто познается — он еще выступает как испытание для людей быть местом их жизни и полем деятельности. Вот почему для нас важно не понимание само по себе, а целостный опыт бытия. В понимании социальных и человеческих реалий видное место Гадамер отводит философии, истории, искусству, будучи убежденным, что они добывают знания, недоступные никаким иным путем. Искусство, например, обеспечивает целостность опыта и способствует ориентации в мире ценностей.

Ученый отстаивает тезис, что временная дистанция между субъектом понимания и осмысливаемыми событиями вовсе не препятствует их постижению, а напротив, помогает. Субъект, анализирующий историю, сам в нее укоренен. Традиция же включает историю в современность. Дело в том, что традиция содержит предрассудки, т.е. первичные допонятийные формы освоения действительности. «Задолго до того, как мы начинаем постигать себя в акте рефлексии, мы с полнейшей самоочевидностью постигаем самих себя в качестве членов семьи, общества и государства, в которых мы живем»², — утверждает философ.

Таким образом, понимание рассматривается Гадамером не как простое воспроизведение смысла, внесенного автором в текст или объективированного в других артефактах культуры. Не связано оно жестко и с содержанием текста. Важное значение имеют социокультурные обстоятельства, в которых находится читатель или исследователь истории, а также их собственный духовный склад. Не трудно заметить, что проблема поисков смысла смещается философом в новую плоскость: на первом плане оказывается

¹ Hermeneutik und Wissenschaften. Fr. a M. 1978. S. 17.

² Гадамер, Х.Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Х.Г. Гадамер. М., 1988. С. 329.

творческая сторона толкования социокультурных феноменов. Отталкиваясь от текста и других артефактов, субъект создает новые смыслы. Этот процесс является открытым и не имеет окончательного завершения.

Необходимым дополнением объяснения и понимания в социогуманитарном знании является *интерпретация*. Значение этого метода заключается в придании предметного смысла вербальным конструкциям. Интерпретация призвана *выявить закодированные в языке глубинные связи и отношения явлений с жизненным миром человека*. Чтобы раскрыть природу какого-либо исторического события или социокультурного явления, надо истолковать общий смысл предмета нашего интереса. Но это невозможно без анализа его отдельных сторон, а они проясняются только в целостном контексте. Такая ситуация получила название герменевтического круга. Философы полагают: задача выхода из герменевтического круга, хотя и трудна, но вполне решаема. Хайдеггер замечает, что дорефлексивный опыт служит исходной базой поиска смысла. Гадамер обосновывает идею, согласно которой интерпретация есть интеллектуальная операция, соединяющая традицию интерпретатора с историческим опытом жизни. Разделяющая исследователя с предметом познания временная дистанция дает прекрасную возможность рассмотреть этот предмет на широкой базе всей истории, а значит, проникнуть в его глубинный социокультурный смысл.

Гадамер обращает внимание на то, что слово обозначает предмет, предшествуя его понятийному осмыслению. В языке накапливаются дорефлексивные формы опыта, позволяющие ему «очерчивать» освоенную людьми действительность и определять исходные схемы ориентации человека в мире. Тем самым язык обуславливает наше видение истории и человеческой жизни. Он открывает возможность мысленной организации жизненного мира, наполняя его смыслом и делая доступным нашему пониманию.

Человек пребывает в созданном им же самим мире. Его окружают рукотворные вещи, помогающие осваивать природу и обустроить быт. Он налаживает отношения с другими людьми, формируя социальные институты, что необычайно разнообразит его действия и повышает их эффективность. Человек погружен в символическое пространство, наполненное различными смыслами, ориентирующими его в действительности. Этот мир полон динамики. Он сохраняется и развивается благодаря постоянному самоопределению в нем людей и активным их действиям по воспроизводству жизненно важных сфер социума. Познание очеловеченного мира, осуществляемое социогуманитарными науками, является необходимым условием осмысленных действий, направленных на решение острейших социальных и гуманитарных проблем современности.

РАЗДЕЛ IV

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

ГЛАВА 22. ФИЛОСОФИЯ, НАУКА, ЧЕЛОВЕК В НАЧАЛЕ III ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

22.1. Ценности и цели философии в эпоху постмодерна

В начале III тысячелетия формирование нового образа философии, адекватного наиболее значимым тенденциям социальной и культурной динамики, осуществляется в процессе постоянного диалога философского и научного сознания. Это позволяет существенно расширить смысловое пространство интерпретаций важнейших проблем современного мира, выявить основополагающие векторы цивилизационной динамики в условиях кардинальных изменений в структуре материального и духовного производства.

В последние десятилетия прошлого века в западном обществе появились тенденции к становлению приоритетов философии как социокультурного феномена XXI в. К таким тенденциям можно отнести кризис техногенной цивилизации и глобальные проблемы современности; противоречия социодинамики, обнаруживающие себя в потенциально возможном конфликте различных типов социума и цивилизационных структур; феномен информационной революции и становление нелинейных и виртуальных моделей жизни сознания.

Данные тенденции в развитии современных обществ инициируют активные философские дискуссии и поиски новых образцов и парадигм философствования. При этом акцент переносится на такие сферы и области проблематизации философского знания, как философия и общество (границы и возможности коммуникативной компетенции; философское обоснование постнеклассической научной рациональности; новые образы знания и реальности в эпоху информационной революции; феминистский поворот в культуре и философии; социокультурный статус философии эпохи модерна и постмодерна и др.).

Одной из актуальных проблем, определяющих приоритеты современных философских дискуссий, является вопрос о судьбе самой философии как атрибутивного компонента в структуре классических версий западноевропейской культуры. Эта проблема неоднократно становилась предметом акцентированных дискуссий, порождая самые разные проекты трансформации языка и целей философствования в условиях радикальной смены

аксиологического строя культуры. В XX в. подобные проекты нередко приобретали характер откровенно пессимистических констатации «конца философии» и «смерти метафизики» как реальных референтов духа и ценностей эпохи Просвещения. Одна из последних версий такого умонастроения связана с критическим анализом «проекта модерна» и развитием постмодернистского стиля философствования.

Постмодернизм как модный термин в современной литературе трактуется весьма широко, и зачастую его семантика определяется не столько фиксированным набором сущностных признаков, сколько контекстом и условиями использования данного понятия. Наиболее обоснованной и распространенной интерпретацией постмодернизма выступает его понимание как своеобразной «идеологии» постиндустриальной эпохи. Именно в этом значении он противопоставит эпохе и культуре *модерна*.

В искусствоведении слово «модерн» чаще всего употребляется для обозначения особого художественного стиля в культуре XX в. В философских дискуссиях последних десятилетий понятие «модерн» закрепилось за исторической эпохой Нового и Новейшего времени с характерными для нее особенностями социального и культурного развития. Важнейшей из этих особенностей считается непрерывная модернизация и стремление к нововведениям, в противоположность традиционным культурам с их установками на консервацию и сохранение ценностей и стилей жизни. Началом эпохи модерна считают век Просвещения, а конец ее связывают с социокультурными изменениями последних десятилетий XX в. и процессами глобализации в современном мире.

Выделим важнейшие особенности модерна как социокультурного феномена:

- провозглашение модернизации магистральной стратегией развития общества. При этом она трактуется как нерасторжимое единство дифференциации социальной деятельности и ее всеобщей рационализации и инструментализации. Происходит отделение знания от религии, наука дистанцируется от философии, морали и искусства;
- объявление исходным пунктом философии субъекта, познающего мир в соответствии с требованиями теоретического разума. Индивид выступает как потенциальный носитель рациональности, которую он привносит в производство, политику, общение, культуру, повседневную жизнь;
- культ науки и «сциентизация» любого знания, а также проистекающая отсюда вера в социальный и научно-технический прогресс;
- развитие и обоснование идей господствующей и контролирующей рациональности, которая понимается как инструмент тотального господства человека над природой, эффективного контроля и власти общества над индивидуальной волей и желаниями субъекта.

Эти характеристики эпохи модерна обнаруживали себя в политике, праве, религии, литературе, искусстве, однако именно философия выразила их в обобщенной и универсально значимой форме.

Постмодернистские дискуссии начались с резких и решительных обвинений в адрес эпохи модерна и ее базовых ценностей, с критики идеи рациональности жизни и мышления.

В широком философском и социально-культурологическом смысле термин «постмодернизм» впервые употребляет А. Тойнби в своей книге «Изучение истории» (1947) для выражения идеи конца западного господства в религии и культуре. В 80-е гг. XX в. французский философ Ж.-Ф. Лиотар определил постмодернизм как «скептицизм по отношению к метанарративам», понимая под последними любые идеи и концепции, претендующие на объяснительную силу и истинность в духе традиций Просвещения с его установками на демократию, прогресс и рациональность.

Следует отметить, что подобный скептицизм и критика философских претензий разума не являются чем-то принципиально новым в философии. Достаточно упомянуть Ф. Ницше, М. Хайдеггера, Г. Зиммеля и других мыслителей, чтобы убедиться: критика рационалистически-просветительской парадигмы мышления была нередко востребована в философском познании. Однако в последней трети XX в. она вспыхнула с новой силой.

Поворот от модернизма к постмодернизму в этот исторический период связан прежде всего с переходом от европоцентризма к глобальному полицентризму, с разрушением колониальных империй и возникновением глобальных проблем современности. В новой ситуации ценности науки, техники, индустрии и либеральной демократии утрачивают свой абсолютный характер. Им на смену приходят иные ценностные приоритеты: производство информации вместо производства вещей; утверждение пригородного, а не городского стиля жизни; индивидуальная значимость биологического и психологического, а не физического времени; доминирование нелинейных процессов и темпоральных структур над линейными.

Существенные изменения происходят в сфере искусства, которое все в большей мере ориентируется на массовую аудиторию, переходя от вербальности к телесности, используя жест, ритуал, шоу-технологии. Постмодернистская культура в целом акцентированно ориентируется на воображение и иллюзии, мир бессознательного, который наиболее соответствует хаотичности и эфемерности современной социальной реальности.

Борьба за новые ценности началась в конце 50-х гг. XX в. в рамках дискуссий о новейших тенденциях в литературном творчестве. Впоследствии, в 60—70-е гг., дискуссии о постмодернизме были перенесены в сферы архитектуры, живописи и других видов творчества. При этом искусство модерна объявлялось элитарным, а постмодернистское — как ориентированное на массовую аудиторию и преодолевающее барьеры между элитой и широкой

публикой. В это же время заметно оживились и собственно философские дискуссии на тему постмодернизма.

В литературе, посвященной проблемам формирования философской доктрины постмодернизма, обычно выделяют два этапа этого процесса.

Первый этап связан с развитием базовых идей постмодернистской философии на основе реинтерпретации концепций постструктурализма и постфрейдизма: идеи Ж. Лакана о воображаемом и символическом; теория деконструкции Ж. Деррида и ее применение в эстетике; концепция «ризома» Ж. Делеза и Ф. Гваттари; концепция «симулякра» Ж. Бодрийара и др.

Второй этап характеризуется развитием философии постмодернизма. Хотя следует отметить, что в современной культуре постмодернизм присутствует не столько в форме завершенной эстетической концепции или сложившегося философского направления, сколько как интегральная фиксация постнеклассических тенденций в духовной жизни западной цивилизации конца XX в. Наиболее известными представителями постмодернистской философии являются Ж. Бодрийар, Ж. Делез, Ф. Гваттари, Ж.-Ф. Лиотар, Ж. Деррида, Ю. Кристева, Д. Ваттимо, Х. Кюннг, Д. Кампер, Ф. Джеймисон, Р. Рорти, И. Хассан и др.

Каждый из указанных представителей философии постмодернизма прошел индивидуальный и достаточно сложный путь формирования собственных представлений о роли и функциях философской рефлексии в современной социокультурной ситуации Запада и является автором весьма оригинальных идей и концепций (теория «номадического мышления»; «шизоанализ»; «деконструкция»; идея «нарративности»; феномен «интертекстуальности» и т.п.). Вместе с тем вслед за известным теоретиком постмодернизма И. Хассаном можно выделить некоторые типичные для большинства авторов идеи и философско-методологические ориентации. К ним относятся:

- установка на анализ и осмысление маргинального материала культуры в формах не монологического мышления, а «диалогического воображения»;
- принципиальный фрагментаризм философского анализа, имманентно связанный с недоверием к любому «тотализирующему синтезу»; склонность к методам «коллажа», «вырезок» и «врезок», парадоксам и мозаичности мышления;
- утверждение идеи «смерти автора», означающее, что отвергаются все каноны и авторитеты, а также отрицается сама возможность интеллектуальной власти над читателем;
- возвешение о «смерти субъекта», который уже не трактуется как основополагающий принцип философствования и своеобразный центр мысли и переживания;
- принципиальное сомнение в гносеологических презумпциях реализма, предполагающее, что далеко не все может быть «показано», «изображено», «иконизировано»;

- «ирония» как одна из важнейших установок мыслительного творчества, предполагающая использование языковой игры, аллегорий, парадоксальных суждений и т.д.;

- «гибридизация» и смешение различных жанров и форм творческой деятельности и растворение философского мышления в стихии художественно-литературных дискурсов.

Перечисляя эти и другие признаки постмодернистского мышления, И. Хассан заключает, что вместе взятые они образуют нечто иррациональное, абсурдное, незавершенное.

Постмодернистская философия олицетворяет принципиальный мировоззренческий переход с позиций классического антропоцентризма и гуманизма на платформу экокосмоцентричного гуманизма, в котором прокламируется установка на идеи культурного релятивизма и отражения самобытности и равноценности всех возможных граней и измерений современной культуры.

Проблематика постмодернистской философии весьма разнородна и плюралистична. Вместе с тем с определенной долей условности в ней можно выделить несколько доминирующих тем.

Эклектическая тема. Поскольку познание (в том числе и философское) не ставит перед собой задачу достижения истины, а лишь интерпретирует конкретную, частную ситуацию, постольку допустимо использование различных познавательных средств и самых экзотических их комбинаций, «культурных коллажей». Когнитивным символом постмодернизма становится не «метанарратив» (как органичная взаимосвязь традиций, методологий, познавательных стилей), а «музей» (как случайная совокупность разных фактов, реликвий, образов, деталей и пр.).

Прагматическая тема. Суть ее в том, что постмодернизм в целом разделяет инструментальную установку познания, согласно которой оценка идеи или интеллектуальной новации осуществляется не на основе истинностной ее интерпретации, а с оглядкой на критерии успеха и достижения задуманного. По мнению Р. Рорти, еще со времен Ницше стало ясно, что истина есть вовсе не соответствие наших знаний действительности, а представляет собой лишь «стремление к власти над множеством ощущений», т.е. к их упорядочению для достижения необходимой цели.

Агностическая тема. Она выражается в принципиальной констатации истины как сугубо лингвистического феномена. Ни одно значение, говорит Ж-Деррида, не существует вне языка. Знание распадается на вербальные конструкции, используемые различными субъектами, которые преследуют свои познавательные и социокультурные цели. Эти конструкции можно только интерпретировать, но не оценивать по неким всеобщим и универсальным стандартам. Познание, таким образом, превращается в «гибкие сети языковых игр».

Анархо-демократическая тема. Постмодернизм отвергает любые «метанарративы» еще и потому, что они есть проявление власти над индивидуом, они унифицируют, упорядочивают, подавляют и ограничивают. Значит, необходимо выступать против них, поддерживать любую «инаковость», многообразие, различие, плюрализм. Отсюда следуют эпатажные версии демократии, выражающиеся в солидарности с любыми формами оппозиции привычному и традиционному (феминизм, нетрадиционные ориентации в отношении полов, рас, профессиональных групп и т.д.). Принципиальный плюрализм, горизонтальные связи между индивидами в противовес вертикальным, сотрудничество и координация, но не власть и принуждение — таковы социальные лозунги постмодернизма.

Таким образом, постмодернистский философский дискурс заменяет рациональную деятельность игрой, порядок и иерархию — анархией, централизацию — рассеиванием и произвольным комбинированием, этику — эстетикой, метафизику — иронией.

Было бы слишком просто и наивно расценивать эти постмодернистские идеи лишь как проявление экзотической экстравагантности современного философского мышления. Их возникновение отнюдь не случайно. Оно связано с новыми познавательными и социокультурными феноменами, которые принесла с собой современная эпоха. Своеобразным символом этой эпохи является проблема фронтальной критики разума, которая породила феномен своеобразной антиинтеллектуальной моды. Постмодернизм весьма преуспел в следовании этой моде. Его представители произнесли немало обвинительных речей в адрес разума, якобы «тоталитарно» подчинившего себе тело, чувства и действия человека. Логос, наука, закон и многие другие понятия, выражающие традицию рационального отношения к действительности, ответственны за «диктаторское влияние» на общество, человека и историю. Именно поэтому они должны подвергнуться критике, деконструкции и замене иными понятиями и ценностями. Однако сегодня, как и раньше, совсем не просто оспорить утверждение Гегеля о том, что человеком и обществом правят скорее неразумие и недомыслие, а вовсе не разум и научная обоснованность.

Чем же предлагает постмодернизм заменить познавательные ориентиры и ценности, традиционные для эпохи классической философии? Как правило, это экзотические, периферийные и маргинальные образования культуры, неустойчивые и ненадежные. М. Хайдеггер связывает их с некими архаическими «первоистоками» метафизики, М. Фуко — с изысканиями «археологии» гуманитарных наук, Ж. Деррида — с едва уловимой «техникой прочтения письма» и т.д. При этом почти всегда провозглашается особая роль, принадлежащая «сверхавангардному» искусству, которое символизирует собой наиболее суверенную форму бытия свободы. В итоге позитивная программа постмодернизма оказывается уязвимой для критики неконструктив-

ной и ориентированной на маргинальные общественные явления и социальные силы. И как только речь заходит о необходимости поиска и обоснования реальных решений научных, технологических, социальных проблем, то эвристические возможности символов деконструкции и клиповой культуры оказываются более чем скромными. В таких ситуациях по-прежнему являются необходимыми научно и рационально обоснованные методологии решения указанных проблем. Это относится не только к сфере теоретического познания, но и к области современных социальных технологий. Поэтому инициированные постмодернизмом феномены радикальной критики научного разума и размывания философской рациональности в формах художественно-дискурсивных практик следует рассматривать и оценивать как кризисные и транзитивные явления в современной культуре.

22.2. Человечество в начале XXI века: проблемы и противоречия

Современное человечество столкнулось с целым рядом серьезнейших и трудно разрешимых глобальных проблем, которые имеют ряд существенных признаков. *Во-первых*, это проблемы, которые влияют на жизнь не только отдельных индивидов и групп, но и определяют судьбу всего человечества. *Во-вторых*, проблемы не решаются сами собой или даже усилиями отдельных стран и народов. Они требуют совокупных действий всего человечества. *В-третьих*, глобальные проблемы тесно связаны.

Современное общество подошло к такому моменту в своем развитии, когда оказались исчерпанными все прежние смыслы человеческого бытия. Похоже, *человечество* вступает в эпоху смены парадигм развития, находится на пороге *фундаментальных социально-экономических и ценностно-антропологических трансформаций*. Сегодня мы являемся свидетелями радикальных сдвигов, меняющих все основания мироустройства, роль и место локальных цивилизаций и национального государства, семьи и брака, системы ценностей и нравственности. Причем все эти изменения получают такое интенсивное распространение в мире, что можно в полный голос говорить о набравшей силу тенденции, угрожающей самим основам человеческого существования, о «точке бифуркации» глобального характера.

Социальные философы, футурологи, экологи, просто мыслящие люди разных мировоззренческих ориентации и взглядов со все более развернутой аргументацией и доказательностью пишут и говорят о том, что мы находимся накануне «бури тысячелетия». Человечество, согласно им, уже не может продолжить развитие на путях, заложенных в культурных матрицах техногенной цивилизации. «Сегодня снова наблюдается конец исторической системы, аналогичный концу феодальной системы 500—600 лет тому

назад»¹, — пишет американский исследователь И. Валлерстайн. При этом автор подчеркивает, что, несмотря на глубокую укорененность мировоззрения, которое сформировалось в эпоху Возрождения и Нового времени, наша историческая система, вероятно, уже не продержится более 50 лет.

Сравнивая наиболее близкий к нам XX в. со всеми предшествующими столетиями человеческой истории, необходимо отметить, что этот век не только породил две мировые войны невиданной разрушительной силы, но и был, по крайней мере последние 50 лет, готов в любую минуту начать третью, уже ядерную или термоядерную войну, способную уничтожить все живое на Земле. По количеству человеческих жертв, брошенных в топку истории, этот век являлся абсолютным лидером. Только в Европе в войнах погибли около 100 млн человек (для сравнения: в XVII в. — 3 млн, в XVIII в. — 5 млн, в XIX в. — около 10 млн человек).

Необходимо констатировать, что *рост насилия* в наше время соответствует или даже обгоняет общую тенденцию ускорения темпов движения общества. Рост этот *стал доминирующей тенденцией современного мирового развития*, значительно потеснившей стремление к утверждению принципов ненасильственного мира. И дело здесь не только в прямых военных столкновениях. Человечество пока не научилось предотвращать насилие и в других, самых разнообразных его формах и проявлениях. Всепроникающими формами насилия стали преступность, которая начиная с 80-х гг. прошлого столетия ежегодно вырастает на 5%, и *терроризм*, который в конце XX—начале XXI в. *обрел статус новой и опасной глобальной проблемы*. Вообще к началу III тысячелетия многие человеческие действия, особенно в их личностном и общественно-политическом проявлении, приобрели неконтролируемый и вместе с тем изощренно антигуманный характер.

В XX в. утвердилась и пала мировая система социализма. Что бы ни говорили теперь о строительстве социализма в СССР и некоторых других странах, это была практическая, хотя и неудачная, попытка установить между людьми справедливые отношения, реализовать их надежды на лучшее будущее. Для многих миллионов людей, причем не только бывших советских граждан, но и представителей зарубежья, это настоящая трагедия. Вот весьма характерное письмо к российской интеллигенции со знаменательным заголовком: «Обращение к тем, кто не утратил душу» А. Боске, автора 15 романов и 22 сборников стихов, одного из законодателей художественной моды Франции, процитированное В. Кутыревым в его блестящей статье «Челюсти рационализма».² А. Боске пишет: «Ведь Запад вовсе не олицетворяет успех, достойный подражания. Мы преуспеваем, и нас характе-

¹ Валерстайн, И.В. Социальное изменение вечно? Ничто никогда не изменяется? / И.В. Валерстайн // Социологические исследования. 1997. № 1. С. 20.

² Кутырев, В.А. Челюсти рационализма / В.А. Кутырев // Свободная мысль. М., 2000. № 9. С. 5.

ризует материальное сверхпресыщение. Но не в этом ведь истинное счастье, и не в этом истинное мерило существования. Наша цивилизация непрерывно порождает — привычка идет от Америки — все новые искусственные потребности, которые через месяц-другой превращаются в естественные. Как и американцы, мы тяготеем к формуле «быть — значит иметь». Граждане разных западных стран начинают чувствовать себя усредненно-одинаковыми и взаимозаменяемыми. Нас подстерегают неграмотность, забвение истории и механизация умов. Перспектива для нашей молодежи — материальная удача, которая ничего не решает, или наркотики, или самозаточение в какой-нибудь сумасшедшей секте, или безразличие ко всему на свете. Еще и поэтому можно утверждать, что вы — наша надежда... Мы желаем вам оказаться достойными этого призвания и не воспроизводить наши социальные стандарты... От имени Европы мы полагаемся на Вас!».

После поражения Советского Союза в «холодной» войне возникла принципиально новая геополитическая ситуация, выразившаяся в столкновении западной цивилизации со всеми остальными странами мира, в формировании неведомого ранее человечеству геополитического, воистину всепланетарного «разлома», по одной стороне которого Запад, а по другой — все, что не Запад. Причем политика США как новой имперской сверхдержавы, возглавившей Запад, оказалась на редкость агрессивной и экспансионистской, направленной, по сути дела, на новый передел мира. Столь разрушительных и масштабных результатов развала СССР, кажется, не ожидал никто. Теперь в XXI в. человечеству придется сделать нелегкий, выбор относительно того, в каком мире ему жить: в одномерном, с единым центром господства и власти, или многомерном, не отвергающем социокультурное разнообразие стран и цивилизаций, их право на самостоятельное историческое творчество.

В XX в. вместе с крушением традиционных империй потерпела крах и система колониализма. Однако, благоденствия и счастья это народам не принесло. Обнаружилось, что финансово-экономические путы намного превосходят по эффективности и силе давления на народы прямое военнополитическое насилие. В результате зависимость одних стран от других не только не исчезла, но, изменив формы своего проявления, многократно усилилась. И что здесь весьма парадоксально и удивительно, так это то, что научно-технический прогресс, который, казалось бы, по определению должен расширить возможности всех стран и государств нашей планеты, на деле стал одной из важнейших причин ужасающей дифференциации народов мира по уровню доходов. Можно утверждать, что именно научно-технический прогресс стал существенным препятствием для реализации надежд на прогресс социально-исторический: он усилил сильных и ослабил слабых, он превратил богатых в еще более богатых, а бедных — в еще более бедных, лишив их всякой возможности на прорыв в благополучное

будущее. Высокие технологии, которыми овладели страны капиталистического ядра, стали орудием подчинения и господства над населением всей остальной части нашей планеты. Разрыв уровня жизни стран приобрел именно технологический характер. Этот разрыв в сложившейся ныне парадигме мирового развития преодолевается с большим трудом даже странами достаточно продвинутыми в овладении традиционным индустриальным производством, а для стран наиболее отставших он становится непреодолимым. Феномен межгосударственной эксплуатации технологически развитыми странами всего остального мира следует квалифицировать как *новую разновидность колонизации одной частью планеты другой ее части*. В основе этой колонизации — жестко оберегаемая монополия Запада на производство целого ряда высокотехнологичных видов продукции: микропроцессоров, вооружения, операционных систем, фармацевтики, образов Голливуда и т.п.

Сегодня образуется своего рода «информационно-иерархическая пирамида богатства и власти, вершина которой занята странами первого мира во главе с США»¹. Характеризуя данную пирамиду, Л.А. Мясникова пишет: «Пирамида работает подобно насосу — к ее вершине непрерывно идут потоки финансов, богатств, интеллекта. Можно добавить и рабского труда (с учетом дешевизны рабочей силы «гастарбайтеров» и их экономического бесправия): создается полная аналогия с Древним Римом, через 2000 лет цикл повторится на новом, уже не силовом, а информационном уровне»².

Масштабы деградации отставших стран таковы, что позволили многим исследователям вполне доказательно говорить о феномене «конченных», или «падающих» и «несостоявшихся», государств, безвозвратно утративших не только важнейшие интеллектуальные ресурсы развития, но и способность их воспроизводить. С этим также связано и сомнение в корректности применения в современных условиях понятия «развивающиеся страны». С точки зрения ряда исследователей, в отношении огромного и всевозрастающего количества государств данное понятие теряет прежний смысл.

Глобальными стали и *демографические проблемы*. Лавинообразный рост населения вместе с форсированной индустриализацией обернулись ускоренной урбанизацией, разрушением веками складывавшейся структурированности населения, его традиционных социальных связей, групповой (общинной) защищенности и самоуправляемости. На распаханном урбанизацией поле практически на наших глазах стало происходить быстрое, кажется, необратимое, окончательное разложение выработанных в течение длинного ряда столетий традиционных форм контроля над личностным

¹ Мясникова, Л.А. Экономика постмодерна и отношения собственности / Л.А. Мясникова // Вопросы философии. 2002. № 7. С. 5.

² Там же.

поведением человека и общественной жизнью. Теперь, когда во всех крупных городах мира укоренились и действуют непотопляемые криминальные структуры и террористические группировки, только слепой, пожалуй, не видит, к чему привело утвердившееся в наше время абсолютное доминирование свойственных для правового государства внешностных, почти целиком основанных на полицейском надзоре и «внешней правде», формально-юридических норм социального регулирования над традиционными, которые по преимуществу выступали в виде обычая, религии и морали с характерными для них, помимо всего прочего, глубоко внутренними механизмами воздействия на человеческое поведение — совестью, виной, стыдом, грехом, раскаянием и т.д.

Демографические проблемы тесно связаны с *проблемой иммиграции*, которая в наше время приобрела характер *глобальной*, что позволяет исследователям говорить о новом великом переселении народов. По прогнозам демографов, к 2025 г. от 30 до 50% населения, например, крупнейших городов Западной Европы и Северной Америки будут составлять выходцы с Юга. По долгосрочному прогнозу ООН, рост населения будет происходить во всех регионах Земли, за исключением Европы, где численность населения к 2050 г. сократится с 726 до 632 млн человек.

Западное общество стареет: к 2050 г. средний возраст жителей промышленно развитых стран составит 45,2 года (в том числе в Италии — 52, в Японии — 53 и лишь в США — 40 лет), в то время как в беднейших странах мира — 27,1 года. Приблизительно треть населения Европы окажется старше 65 лет, а соотношение работающих к пенсионерам изменится с нынешних 5/1 до 2/1¹.

Можно также говорить о существенном *ухудшении генофонда человечества и общем снижении его творческого потенциала*, о почти необратимом изменении векторов ценностной ориентации населения от «развития» к «потребительству», о формировании потребительской культуры, устраняющей духовность и заполняющей образовавшийся вакуум индустрией удовольствий и развлечений, о кризисе искусства, об опаснейшей тенденции нравственного вырождения и т.д.

Сегодня, в эпоху глобализации и экспансии транснационального капитала, выявились, сложились и процветают вновь, хотя и в иной форме, те же условия, которые вдохновляли критику капитализма марксистами в XIX и начале XX в. По иронии истории современная глобализация, обеспечившая небывалый триумф Запада, вместе с тем вызвала к жизни новые формы социальных противоречий, по остроте и масштабности ничуть не уступающие тем, с которыми сталкивался классический капитализм. По сути дела,

¹ Соловей, В. Восстание этничности и судьба Запада / В. Соловей // Политический класс. М., 2006. № 7. С. 70.

формирование всепланетарного рынка, транснационального капитала уже не на уровне национальных государств, а на уровне мирового хозяйства, привело к ситуации, поразительно напоминающей период «великой депрессии», потребовавший, как известно, радикальной перестройки всей структуры капиталистических общественных отношений («новый курс» Т. Рузвельта). В наше время, как это ни странно может показаться на первый взгляд, реализуется на практике, казалось бы, самый уязвимый тезис Маркса, а именно тезис об абсолютном обнищании пролетариата, правда при условии, если под пролетариатом понимать не рабочих отдельных национальных государств, а население бедных стран, а под буржуазией — страны «золотого миллиарда». Здесь явственно обнаружилась закономерность: богатые становятся все богаче, бедные — все беднее.

В данном контексте можно говорить и о «вызове трудоб» — *проблеме огромного количества лишних людей*. В 2003 г. в докладе ООН «Вызов трудоб» было показано, что из 6 млрд нынешнего населения планеты 1 млрд — это так называемые *seem people*, т.е. трудобные люди, те, кто живет в землянках, лачугах, пустых ящиках и т.п. «Трудобный миллиард» — это треть мирового городского населения и почти 80% городского населения менее развитых стран¹.

При сложившейся ныне парадигме экономического развития капитал уже не в состоянии включить все разросшееся население планеты в производственные процессы. К 2020 г. численность трудобных людей составит уже 2 млрд при прогнозируемых 8 млрд населения планеты, причем половина «трудобников» будет моложе 25 лет, что само по себе может возыметь крайне негативные последствия.

Социальные противоречия и социальное расслоение существуют не только на глобальном уровне — на уровне взаимодействия богатых и бедных стран. Внутри самих богатых стран возникают *новые параметры социальной дифференциации*. Наряду с процессом «геттоизаций», когда в городах появляются целые микрорайоны, где обитают бедные и социально незащищенные социальные слои, заметным становится процесс «анклавизации». Суть его заключается в том, что высшие слои изолируются от остального общества, проживают в закрытых кварталах и пригородах, создают свою систему безопасности. В целом социальная структура внутри стран становится все более размытой, когда невозможно провести четкой профессиональной, образовательной и т.д. границы между социальными группами.

Существенные *трансформации претерпевает и рынок труда*. Он становится все более гибким и стихийным. В зону риска потерять работу попадают все категории работников, в том числе высококвалифицированные

¹ Фурсов, А. Накануне «бури тысячелетия» / А.Фурсов. М., 2007. № 1. С. 180.

и имеющие высшее образование, которые ранее от этого риска были защищены. Рынок труда полностью игнорирует семейные отношения, материнские и отцовские обязанности, рассматривая человека исключительно как эффективного работника. С одной стороны, он предоставляет работнику возможность не быть привязанным к определенному месту, не требует его постоянного присутствия на работе, с другой — стирает грань между работой и не-работой, резко увеличивает интенсивность нагрузки и ответственность. Работнику все сложнее становится справляться со своими обязанностями, а стоимость труда при этом постоянно снижается.

Сегодня можно вести речь об утверждении эпохи *вселенского обмана*. Возможности манипулирования сознанием миллионов людей (благодаря современной информационной технике) оказались беспрецедентными. Как никогда раньше усилился контроль над общественной и личной жизнью людей, есть все основания говорить об информационном сетевом закабалении мира¹. Информационный взрыв, новые коммуникационные сети обернулись в наше время невероятным давлением на все человеческие органы чувств.

Благодаря средствам массовой информации осуществляется *экспансия потребительской идеологии и психологии*. Вирус потребительства, взращенный на Западе, сегодня распространился по всему миру. Однако возможность реализовать потребительский образ жизни имеет всего лишь 1 млрд — так называемый «золотой», и то с большими оговорками, а для остальной части человечества «полное удовлетворение всех материальных потребностей» в принципе не реализуемо не только сегодня, но даже в самой отдаленной перспективе.

Оторванность от своей почвы, от традиционного уклада жизни оборачивается потерей привычной гармонии, жгучей неудовлетворенностью, фрустрациями, неврозами, наркоманией, преступностью, терроризмом, наконец, самоубийством. В сущности, все это можно определить как *аксиологическую катастрофу*, крайне болезненный слом ценностных установок и традиций, утрату «вечных» ценностей. Последствия этой катастрофы могут быть непредсказуемо опасны.

На постсоветском пространстве аксиологическая катастрофа обнаружила себя наиболее резко и выпукло. Средства массовой информации практически всех стран СНГ, несмотря на очевидно кризисное состояние экономики и социальной сферы, целеустремленно и форсированно насаждают в сознание людей, прежде всего молодежи, гедонистическую мораль и психологию, но одновременно с этим никоим образом не прививают трудовую культуру и аскезу.

¹ Мясникова, Л.А. Экономика постмодерна и отношения собственности / Л.А. Мясникова // Вопросы философии. 2002, № 7. С. 5.

Аксиологическая катастрофа во многом связана с широким распространением массовой культуры, ее примитивных и вульгарных образов, стандартизированных и тиражируемых современными техническими средствами. Данная культура стала причиной формирования особого типа человека, который и можно квалифицировать как усредненный продукт городской массовой культуры. Если говорить шире, то следует подчеркнуть, что продуктом урбанизации стала новая общность, получившая определение «масса», в границах которой медленно, но верно деформируются родовые черты не только личности, но и этносов, исторически сформировавшихся народов на планете Земля. Масса состоит из однородной толпы одинаковых людей, лишенных корней и традиций. Она нивелирует и обезличивает человека, не поддается структурированию, неадекватно реагирует на происходящие события, легко возбудима, безответственна и жестока.

В силу всего этого масса является благодатной средой для «социального зомбирования», социального внушения. Отсюда в наше время небывалый расцвет различных массовых идеологий, радикальных квазирелигий, социального мифотворчества и утопизма, разгул экстремистов всех мастей, начиная от политиков и заканчивая «звездами» эстрады и кино.

В итоге всего этого мы стали свидетелями произошедших в мировоззрении и мироощущении людей глубинных сдвигов, трансформаций, изменений. Отказавшись от веры в какие бы то ни было Абсолюты (как однозначно зафиксировал эту ситуацию Ф. Ницше — «Бог умер»), разочаровавшись в разуме, социальности, т.е. во всех прежних «базовых опорах» жизни, «цивилизованный» человек конца XX — начала XXI в. остался один на один со своей чувственностью, погрузился в мир «чувственной культуры» (П. Сорокин). Иными словами, XX в. отверг все основания существования человека, которые признавались в прошлом, не создав новых надежных опор жизни. Сформировалась эпоха тотального плюрализма, для которого нет никакой иерархии ценностей, нет никакой смыслообразующей и общезначимой цели. Исчезли приоритеты, общество атомизировалось, ведущим стало стремление замкнуться на своем личностном «Я» по принципу «Я так хочу», не ориентируясь на другие ценности, не пытаясь соотнестись с ними. *Процессы индивидуализации* нарастают во всех сферах общественной жизни, что свидетельствует о формировании общества, в котором нет общности¹.

Нормальная эволюция все более усложняющегося мира социума объективно предъявляет возрастающие требования к развитию интеллекта, воли, творческих способностей человека, т.е. развития всех тех личностных качеств, которые форсированно разрушаются современной массовой культурой, агрессивной, навязчивой и вездесущей рекламой. Человек, которому

¹ Силичев, Д.А. Социальные последствия перехода от индустриализма и модерна к постиндустриализму и постмодерну / Д.А. Силичев // Вопросы философии. 2005. № 7. С. 11.

внушают, что главной целью его существования является бесконечное повышение комфорта его жизни, вряд ли сможет дать ответы на жесткие вызовы современности, вряд ли окажется способным к преемственности и продолжению социокультурной эволюции. В этом суть глобального противоречия между объективным эволюционным процессом человека в мире и интересами элит, мотивированных целью сохранения своей власти и удобства управления. Неудивительно поэтому, что сегодня исследователи все чаще обращают внимание на характерное для современного общества трагическое противоречие между потребительской направленностью массового сознания, этикой гедонизма (всячески поощряемых рекламными технологиями) и личностными качествами человека, которые требуются для дальнейшего научно-технического прогресса. Д. Белл усматривает главное противоречие постиндустриального общества в конфликте между технократически регулируемыими экономическими и социальными структурами и гедонистически ориентированной этикой поведения современных людей.

Оказалось, что новый глобализирующийся человек — дитя общества потребления («цивилизации досуга») — охвачен ныне широко распространенной в богатых странах болезнью, которую социологи назвали «аномией» и значение которой близко медицинскому термину «анемия» — малокровие и безволие¹. Дефицит энергии — главная характеристика данного типа. Этот новый антропологический тип, выдвинувшийся на авансцену современной истории, начисто лишен способности к бескорыстному дарению, спонтанному энтузиазму и инициативе; любую активность и любые свои социальные роли он предваряет вопросом: а что и сколько я буду иметь?

В реальности, только общество, состоящее из индивидуальностей, способно к совершенствованию и развитию. Именно гетерогенность человечества, его дифференцированность по интеллекту и всем другим качествам, помогает людям приспосабливаться к самому широкому диапазону требований развития. Унификация же стиля и образа жизни, стереотипизация мышления и стандартизация оценок посредством СМИ (раньше всех ставшими глобальными) делает человека не способным к адекватной реакции на эти требования развития. Бесспорно, что для бесперебойного функционирования и преуспевания транснациональных корпораций весьма желательно и удобно именно унифицированное рыночное пространство, а также наступление «века толп», для которых наиболее приемлемым является инфантильно-потребительский образ жизни.

Из божественного микрокосма — существа духовного и беспредельного — рассматриваемый тип человека превратился в «человека-функцию», неорганическое и ограниченное болезненно-невротическое существо,

¹ *Панарин, А.С.* Глобальное политическое прогнозирование в условиях стратегической нестабильности / А.С. Панарин. М., 1999. С. 197.

смысл личного бытия которого — чувственно-эмоциональные удовольствия, потребление и телесный комфорт. Это небывало упрощенный человеческий тип, абсолютно неспособный мобилизоваться перед лицом двигающихся на человечество угроз и опасностей. Верно сказано, что народы способны выдержать испытание бедностью; но ни одному народу не дано выдержать испытание богатством. Или можно сказать иначе: «Цивилизация рождается стойком, а умирает — эпикурейцем» (Уйм Дюрант).

Мир сегодня в глобальном масштабе столкнулся с проблемой неадекватности человеческого материала вызовам текущего момента истории. И что интересно: явление этого рода касается не только рядовых граждан, но и верхних слоев развитых стран. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить интеллектуально-духовные и волевые качества современных политических лидеров западных стран с их историческими предшественниками, в частности, с Ш. де Голлем, У. Черчиллем, Т. Рузвельтом. Сегодня мы являемся свидетелями того, что нередко важнейшие политические решения, имеющие глобальную значимость, принимаются людьми, которых можно назвать соответствующими понятию «местечковые стратеги».

Стремительно захвативший во второй половине 10-х гг. XXI в. нашу планету глобальный финансово-экономический кризис показал, что та направленность развития мировой экономики, которая в США и Западной Европе обернулась формированием третьей модели капитализма — *финансово-олигархического капитализма* (ей предшествовала модель классического капитализма и капитализма как империализма), не может иметь длительных исторических перспектив. Скоро, как справедливо считают многие исследователи, экономизму придет конец по той простой причине, что эта модель нежизнеспособна ни социально, ни экологически.

Итак, мы видим, что сегодня кризисные явления присутствуют на всех уровнях социальной реальности: глобальном, региональном, национальном. Эти кризисные ситуации в своей совокупности могут быть идентифицированы как *системный цивилизационный кризис*.

Что же привело мир к такому опасному состоянию?

Как у всякого сложного явления, причин, породивших современный глобальный цивилизационный кризис, великое множество. Но главная из них — техногенная предпринимательская экономика, основанная на принципе получения максимальной прибыли; всепроникающая власть закона самовозрастания капитала.

Сегодня очевидно, что современный мир вступает в полосу глобального беспорядка, в ситуацию неопределенности, нарастающих рисков и новой хаотизации. В виду того что глобализация нелиберального финансового капитализма несет с собой подчинение большинства меньшинству, она ведет тем самым к неизбежным конфликтам: локальным, региональным, даже планетарным, привносит в международные отношения потенциальное

«структурное насилие» (И. Галтунг). Можно даже утверждать, что навязываемый США и их союзниками новый мировой порядок, который сегодня, кстати сказать, все чаще называют «новым мировым беспорядком», становится причиной хаотизации мира, глобализации страха и насилия. Ныне все говорит о том, что наш мир становится миром новой неизвестности, глобальных войн и глобальных катастроф. Все это, к сожалению, свидетельствует о патологизации современности.

Исследователи с нарастающей тревогой заговорили даже об экспансии нового варварства, неоварваризации. Так, К.С. Гаджиев утверждает, что мы являемся свидетелями пришествия варварства в новой ипостаси, в ипостаси нового цивилизационного варварства. Причем исследователь подчеркивает, что если в прежние времена варвары приходили с отсталой периферии цивилизационного мира (например, применительно к Римской империи), то сегодня одним из магистральных направлений развития мира «является движение цивилизованного варварства (или нового варварства) с Запада на Восток»¹. Другой автор, И. Джохадзе, пишет: «Эволюция социального характера буржуазного *homo civilis*, выражающаяся в инверсии таких специфически модернистских качеств субъекта, как любознательность, целеустремленность и здоровый скептицизм, в постмодернистскую всеядность, рассеянность внимания и равнодушие, отражает, по всей видимости, тенденцию общей дегенерации культуры и планомерной трансформации «современного» (либерально-демократического) общества в общество «постсовременное» (тоталитарно-демократическое)»².

Говоря о необходимости и неизбежности изменения парадигмы современного цивилизационного развития, некоторые авторы не только предсказывают скорые вселенские потрясения, но и рассматривают их как весьма желательные и полезные. Например, известные российские исследователи В.И. Пантин и В.В. Лапкин, базируясь на различных циклически-волновых моделях развития общества, не просто предсказали в своей книге «Философия исторического прогнозирования» ритмы истории и перспективы мирового развития (2006), глобальные финансовые, экономические, политические и военные конфликты на междоцивилизационной или межэтнической основе в период с 2009 по 2017 гг., но и пришли к выводу, что эти грядущие потрясения являются необходимыми для изменения нынешней тупиковой модели цивилизационного развития.

Сказанное означает, что сегодня, для того чтобы выжить, человечеству необходимо реабилитировать другие, незападные стратегии, связанные с преодолением техноцентрической модели развития и возрождением эти-

¹ Гаджиев, К.С. Масса. Миф. Государство / К.С. Гаджиев // Вопросы философии. 2006. № 6. С. 15.

² Джохадзе, И. Массовое общество и демократический тоталитаризм: свобода без выбора / И. Джохадзе // Логос. 2005. № 6. С. 167.

коцентричных традиций мировой культуры, среди которых свое законное место занимает и наша, восточнославянская, православная традиция. Речь, собственно, идет об утверждении эпохи постэкономизма, которая будет означать смену приоритетов земной цивилизации в целом, переориентировку усилий человечества с инструментальной деятельности, направленной на удовлетворение растущих потребительских вожделений, с всепожирающего молоха экономизма и техноутилитаризма на деятельность, связанную с поддержкой экологического равновесия мира.

22.3. Экологический императив современности. Духовно-экологическая цивилизация как идеал и цель развития человечества

Сегодня важнейшим «вызовом», на который человечество должно дать «ответ», является экологический кризис. В своей глубине и сущности экологический кризис выступает как результат *поражения естественного и его отступления под напором искусственно сконструированной реальности, замещения органических, живых форм бытия, в том числе и человека как телесного существа, мертвыми техническими (в широком смысле) системами*. Поясним это следующим образом. В естественной среде макротела не взлетают в воздух со сверхзвуковой скоростью, не идут процессы химического синтеза полимеров, не происходят направленные ядерные реакции, не функционируют синхрофазотроны и т.д. Все эти процессы не соответствуют эволюционно сложившимся формам природной среды и оказываются для нее разрушительными.

В каких формах происходит экспансия искусственного? *Во-первых*, в опыте замены естественных природных систем (биоценозов, биогеоценозов) огромными техническими мегамашинами. Такая замена привела к разрушению веками складывавшихся экосистем. Но трагический парадокс эпохи заключается в том, что техническое проектирование не способно в принципе создать тот уровень гармонии и совершенства, который несли в себе природные объекты. Современная экологическая наука свидетельствует, что природные процессы настолько глубоки и разнообразны, что никакой разум не способен их априорно установить и исчислить. Поэтому сегодня с полным правом можно утверждать, что именно природа являет собой гармоничную систему, а неравномерно развивающаяся техническая среда, несмотря на все усилия технократических организаторов, остается несбалансированным конгломератом.

Во-вторых, в форме изменения общества на основе некоей рассудочной схемы, плана, проекта. Но опять-таки, искусственная конструкция тотально измененного общества оказывается ниже по своему качеству, чем

естественно сложившиеся социально-экономические и социокультурные системы. Более того, в ряде случаев общества, созданные на основе рационального проекта, разрывающего нить традиции, оказывались в принципе несостоятельными, не способными обеспечить реализацию неотчуждаемых прав человека — например, права на жизнь (нацистская Германия и некоторые другие).

В-третьих, в разрушении таких естественных объектов, как телесность и психика человека. Постоянное пребывание в искусственной среде приводит к угасанию многих важнейших функций, обеспечивающих сохранение витальности организма. Так, в индустриально развитых странах остро стоят проблемы ожирения и сердечно-сосудистых заболеваний как следствия гиподинамии, рака как следствия массивированного химического и радиоактивного воздействия, психических заболеваний как следствия перегрузки «пустой» информацией и высочайшего темпа жизни. Кроме того, на первый план стала выходить и проблема бесплодия, импотенции и угасания полового влечения у людей детородного возраста, что рассматривается специалистами как итог долгого нахождения в отрыве от естественной среды, стимулирующей функцию воспроизводства рода.

Ныне даже для массового сознания стало очевидно, что природные ресурсы стремительно истощаются и человеческая цивилизация, построенная на их всевозрастающем использовании, балансирует на грани самоуничтожения. Причем важно отметить, что «лидерами» в форсированном разрушении природы являются вовсе не все страны в равной степени, а преимущественно высокоразвитые в индустриальном и потребительском отношениях государства.

Третий мир, в орбиту которого начали стремительно вовлекаться и постсоветские страны, стал не только объектом экономической эксплуатации и вывоза капитала (в обмен на ввоз далеко не всегда качественных товаров и суррогатов массовой культуры), но и объектом пока еще не переводимой на язык экономических цифр *новой формы эксплуатации — экологической*. Получилось так, что наша планета оказалась сегодня разделенной на две части не только по уровню научно-технического и экономического развития, но и по экологическому признаку: на страны — экологические доноры, интересы которых никак не защищены справедливыми международными законами и эффективным контролем, и страны — перципиенты, безвозмездно (и безнаказанно) потребляющие чужие экологические ресурсы в размерах, далеко превосходящих воспроизводство этих ресурсов на их национальных территориях.

В связи с означенными процессами человечество находится в ситуации своего рода *экологического антагонизма*. Богатые страны не желают поступиться своим «образом жизни», страны третьего мира с их увеличивающимся населением не могут отказаться от экономического роста.

Все сказанное позволяет заключить: путь, приведший промышленно развитые страны к благосостоянию, не может быть всеобщим. Попытки всего мира приблизиться к стандартам потребления в западноевропейских странах на нынешней технологической основе быстро натолкнутся на абсолютные пределы ресурсов, находящихся в распоряжении человечества и обернутся коллапсом, подлинной экологической катастрофой. Нужны принципиально другие стратегии развития. В частности, в сфере международных отношений необходим переход к справедливой экологической геополитике, направленной на согласование интересов разных государств и народов в процессе решения экологических проблем современности, а также на осуществление принципа равной их ответственности за сохранение биосферы нашей планеты.

В наше время экономику, ориентируемую на получение максимальной прибыли и расширенное потребление необходимо рассматривать как достояние вчерашнего дня и как неэффективную. В ситуации обострения экологических проблем рыночно-потребительская модель развития общества, имевшая известное оправдание в условиях изобилия естественных ресурсов и возможностей экспоненциального роста, становится опасной и разрушительной. Отсюда — потребность перехода от частнорыночных механизмов регуляции экономики (конкуренция, формирование искусственных, надуманных потребностей у населения с целью получения прибыли и т.д.) к развитию системы планирования на основе эколого-экономических балансов и нормативов.

Кто и как может осуществить прорыв к духовно-экологической цивилизации?

Иногда полагают, что прорыв к духовно-экологической цивилизации может быть осуществлен лишь при условии создания «мирового правительства», наделенного всеми необходимыми властными функциями. Однако такие упования представляются иллюзорными. В сложившейся ныне геополитической обстановке в мире и господствующем характере международных отношений говорить о создании мирового правительства явно преждевременно. Для создания мирового правительства нет пока достаточной прочной базы. Конечно, некоторым может показаться, что создание мирового под силу такой сверхдержаве, как США. Но при более пристальном взгляде на эту проблему становится очевидным, что созданное США мировое правительство было бы американским или проамериканским (напомним, США, где выбросы CO_2 в последнее время возросли на 12%, демонстративно вышли в свое время из Киотского протокола, ограничивающего эти выбросы). Американское или проамериканское мировое правительство не устроит ни страны Востока, ни Россию, ни даже западноевропейские государства. Вот что в связи с этим пишет российский исследователь В.Д. Зотов: «...Вероятность образования мирового правительства в XXI веке, — а имен-

но он может быть последним веком в истории человечества — равна нулю или, во всяком случае, ничтожно мала. Народы и государства явно не готовы к столь радикальному политическому повороту (лучше сказать перевороту) в системе всемирных связей»¹. Здесь можно было бы также говорить о чрезвычайно широких возможностях мировой финансовой олигархии (олигархического интернационала). Но, к сожалению, устремления мировой финансовой олигархии прямо противоположны экологическому императиву современности.

Выход из глобального экологического тупика Зотов видит в реформировании Организации Объединенных Наций и ее органов, включая Совет Безопасности. Наиболее желательный вариант реформирования он усматривает в создании особого Совета Экологической Безопасности.

Реформированная в таком ключе ООН действительно смогла бы значительно воспрепятствовать нарастающему разрушению биосферы, однако радикально решить экологические проблемы современности такого рода международная структура, на наш взгляд, не в состоянии. Дело в том, что переход от техногенно-потребительской к духовно-экологической цивилизации не может явиться просто результатом запретительных мер, экологической цензуры и экспертизы хозяйственной деятельности (на что, по видимому, и в самом деле был бы способен Совет Экологической Безопасности и что само по себе чрезвычайно важно). В своей действительности прорыв к духовно-экологической цивилизации может стать только *результатом мощного творческого, инновационного скачка, кардинальной ценностно-мировоззренческой революции, духовной реформации*.

Способны ли на такого рода духовный прорыв все народы одновременно? Думается, нет. Движение к духовно-экологической цивилизации не может осуществляться всеми народами сразу и в одинаковой степени. Это движение, несмотря на всю свою видимую транснациональность будет носить неоднородный характер, иметь свои прорывные, инновационные точки (точки «возбуждения»), свой центр и свою периферию. На начальных стадиях оно будет вероятнее всего осуществляться теми народами, которые окажутся наиболее способными в силу внутренних потенций и особенностей пути своего социокультурного развития дать адекватный ответ на «вызов среды». Новый уклад жизни никогда не возникает сразу и везде. Напротив, первоначально он имеет четкую географическую локализацию и длительный, порой подспудный, период своего созревания. Возможно, что этот процесс какое-то время будет вдохновляться идеалами этноцентрической или культуро-центрической окраски, обретет свои наиболее мощные импульсы в пространстве отдельных регионов и локальных цивили-

¹ Зотов, ВД. Глобальная экологическая политика — категорический императив XXI века / ВД. Зотов // Социально-гуманитарные знания. 2002. № 6.

лизаций. И только потом, на основе новых духовных прозрений и установок, начнется интеграция народов в качественно новую общность — мировую духовно-экологическую цивилизацию.

Поскольку Запад является наиболее успешным игроком на современном геополитическом и торгово-рыночном поле (победитель в холодной войне), постольку он менее всего способен на прорыв к новым горизонтам бытия, к иному будущему. Запад устраивает существующее положение вещей.

Запад в силу ряда объективных причин (в том числе и по причине комфортной укорененности в настоящем) истощил свои энергетические импульсы, утерял «пассионарность». Ресурсы Запада в формировании постэкономического, постматериалистического человека и в целом в достижении духовной стадии развития общества оказались крайне ограниченными. Столетия господства протестантской этики, интенсивно насаждаемой с целью получения прибыли, идеологии и психологии потребительства подорвали потенциал западной культуры.

Поэтому инициаторами нового цивилизационного поворота могут стать *только те народы, которые еще не до конца развращены инструментально-потребительской, искусственно-технической цивилизацией, сохранили элементы органической жизни и обладают мощным ценностно-духовным потенциалом, устойчивыми и достаточно развитыми культурами*. Этим народам бесполезно соревноваться с Западом на рыночно-конкурентном поле — они, и вместе с ними все человечество, здесь проигрывают. Их задача — отказаться от имитационного пути исторического движения, концепции «догоняющего» развития и предложить принципиально новую модель социокультурного развития.

Есть все основания полагать, что в формировании духовно-экологической цивилизации XXI в., новой картины мира и нового практического отношения к действительности важную роль наряду с некоторыми другими народами мира, в частности индийским народом, культура которого содержит мощные постпотребительские и постэкономические импульсы, могут сыграть и восточнославянские народы. Восточнославянским народам, как отмечают многие исследователи, присущ целый ряд специфических черт, вытекающих из их геополитического положения, уникальности исторического пути развития, своеобразия духовно-ментальных структур и архетипов сознания, которые в условиях нарастающего экологического кризиса могут послужить исходным пунктом в формировании новой модели социокультурного развития человечеств.

Человечество сегодня попало в крайне противоречивую и драматичную ситуацию. Ведущие экономические центры техносферы (США, Евросоюз, Япония) могут сохранить себя в своем специфическом качестве, лишь опираясь на освоение и использование пространственно-ресурсного потенци-

ала всей планеты, перестраивая мир под свои потребности и интересы, подчиняя его своим целям. В идеале их задача взять под контроль экономические связи всех стран и регионов, все экономики мира.

Российский исследователь Н.А. Косолапов, говоря о перспективах сохранения и развития техносферы на нашей планете, пишет: «Техносфера тяготеет к формированию концентрических кругов ее обеспечения. Такие круги образуют: 1) собственно техносфера как совокупность наиболее развитых («постиндустриальных») государств, находящихся друг с другом в определенных структурных отношениях; 2) страны — реальные претенденты на скорое вхождение в техносферу по достигнутому уровню развития или по исполняемым для техносферы жизненно важным функциям; 3) страны, необходимые техносфере как источники энергоресурсов и сырья и(или) как наиболее емкие рынки и незамещаемые другими странами в этих качествах; 4) замещаемые страны, функции которых по отношению к техносфере могут выполняться (вместе или по отдельности) другие страны и(или) территории на тех же для техносферы экономических и иных условиях и с теми же практическими результатами; 5) страны, безразличные для существования и жизнедеятельности техносферы (ныне или вообще); 6) страны, ныне или в перспективе враждебные к техносфере и(или) входящим в нее государствам и подкрепляющие эту враждебность действиями и(или) наличием потенциала нанесения ущерба»¹.

Альтернативы такому пути развития, в частности такому структурированию мира, Н.А. Косолапов не видит. Он считает данную ситуацию объективной, формирующейся стихийно-спонтанно, естественной. При этом исследователь подчеркивает, что ни сейчас, ни в обозримом будущем не появится каких-либо предпосылок для того, чтобы взять под контроль, научиться сознательно управлять развитием и развертыванием техносферы, служащей материальной основой процессов глобализации. Здесь, с его точки зрения, долговременные и объективные последствия не могут и не будут измеряться в категориях сознательно поставленных целей. Отдавая себе отчет в том, что неконтролируемое расширение техносферы «все более и необратимо разрушает естественную экологию Земли, исчерпывает исторически наиболее доступные человеку ресурсы»², автор пытается наметить пути выхода из этой противоречивой ситуации. Он полагает, что процессы развертывания техносферы (и соответственно глобализации) объективно «вплотную наводят человека к неизбежности необратимой смены среды обитания и жизнедеятельности с естественной на искусственную»³. Сло-

¹ Косолапов, Н.А. Международно-политическая организация глобализирующегося мира: модели на среднесрочную перспективу / Н.А. Косолапов // Общественная наука и современность. 2001. № 6. С. 151.

² Там же. С. 152.

³ Там же. С. 152.

жившиеся тенденции развития, подчеркивает далее автор, оставляют человеку в обозримой перспективе две генеральные «стратегии хозяйственного поведения», не требующие безусловного отказа от капиталистической общественной модели: массивное освоение Мирового океана и (или) массивный же хозяйственный выход в космос (причем, по-видимому, первое должно предшествовать второму; но то и другое невозможно без создания искусственной среды обитания и жизнедеятельности человека)¹.

Мы не можем согласиться с таким фаталистическим взглядом на дальнейшую перспективу развития человечества. Полная смена среды обитания и жизнедеятельности человека с естественной на искусственную — это однозначно смерть самого человека. Даже, если когда-либо и наступит мир, в котором появятся полулюди и полумашины, — своего рода биотехнические кентавры, некие киборги, то такой мир явно долго существовать не сможет. Разговоры же о массивном хозяйственном выходе в космос — это лишь свидетельство абсолютной неумяемости современного технико-инструментального разума². Что же касается массивного освоения Мирового океана, то и оно не сможет обеспечить человечеству без его отказа от сложившейся модели социокультурного развития, длительной исторической перспективы существования.

В случае обвального крушения, неожиданной катастрофы или серии тотально разрушительных катастроф техносферы индустриально (постиндустриально) развитые страны не имеют реальной возможности вернуться к доиндустриальному образу жизни, не рискуя при этом физическим вымиранием огромных масс людей. Но и не прекращающиеся попытки правительств данных стран (точнее было бы сказать, «олигархического интернационала») навязать вопиюще несправедливую, насильственно-иерархическую геоэкономическую и геополитическую структуру мира еще в большей степени нереалистичны и неосуществимы. В этом как раз и заключается трагическое противоречие современного мира, причина нового, воистину всепланетарного противостояния всего того, что есть Запад и не-Запад. Для того чтобы человечеству избежать резкой тотальной катастрофы

¹ Косланов, Н.А. Международно-политическая организация глобализирующегося мира: модели на среднесрочную перспективу. С. 152.

² Идея перехода к сверхмощной цивилизации, способной к массивному хозяйственному освоению космоса в принципе не реальна, ибо она никак не согласуется с экологическими возможностями нашей планеты. Задолго до того, как будет создана, пока еще не имеющая аналогов в современном мире, грандиозная космическая техника — сложнейшая система взаимосвязей и взаимодействий огромного количества всевозможных машин, аппаратов, приборов, технологических линий и т.д., жизнь на Земле неминуемо будет пресечена. Все дело в том, что создание данного уровня техники потребует затрат энергии, ресурсов, материалов, кислорода в таких масштабах, которые наша маленькая планета попросту не сможет выдержать. Экологический коллапс в этом случае неизбежен. На ограничения такого рода в научной литературе указывалось уже неоднократно.

техносферы, способной, отнюдь не в последнюю очередь, истребить население самых богатых и преуспевающих ныне на почве глобальной конкуренции стран, человечеству необходимо приступить к разумной, по возможности постоянной, перестройке, а где необходимо и к демонтажу сложившегося образа жизни и наиболее опасных достижений так называемого прогресса, т.е. перейти к смене курса корабля, имя которому — планета Земля. И это в принципе возможно на любом этапе современного исторического процесса, ибо история — не запрограммированный, окончательно предзаданный процесс: она всегда так или иначе открыта для исторического творчества. Лидерам техносферных стран следовало бы отказаться от тупиковой стратегии ослиного упрямства, направленной на сохранение любой ценой, даже ценой принесения в жертву всех других народов планеты, существующего положения вещей, все еще позволяющего населению их стран осуществлять потребительский образ жизни. Им следовало бы подумать о кардинальной смене нынешней парадигмы развития (это, несомненно рано или поздно само собой произойдет) и поразмыслить о достижении такой ситуации, которая открыла бы возможность утверждения на нашем маленьком земном шаре господства «планетарного разума», а не «планетарного тоталитаризма», способного превратить этот шар в кладбище человечества. Тем более, что бесспорно возросшие в наше время значение и роль субъективного фактора истории, кажется, позволяют приступить к решению этой фундаментальной важности задачи.

Но, к сожалению, ничего подобного не происходит. История, похоже, ничему не учит. Сегодня, как и в эпоху первоначального накопления капитала, человеческая алчность, эгоизм, «вирус потребительства», недалёковидность, неспособность предвидеть конечные результаты преобразующей деятельности, лежащие за пределами устремлений к выгоде лишь «здесь и теперь», неизбежно берут верх над всем остальным. Идеалы гуманизма и человечности все время оказываются на периферии устремлений тех групп и лиц, от которых хоть что-то зависит в судьбе нашей цивилизации. Поэтому ничего не остается, как предположить, что человечеству прежде чем оно образумится предстоит пройти жестокую «школу» глобальных катастроф и катаклизмов. Симптомов и предпосылок к такому повороту событий обнаруживается сегодня немало.

Если говорить о конкретных практиках реализации этих общих положений, то здесь можно предложить следующее. *Человечество должно выработать новую парадигму прогресса*, основанную на самоограничении, изменении производства в сторону уменьшения его роста, постепенном переходе от технически деструктивных технологий, предполагающих разрушение или истребление природных образований в процессе создания материальных благ, к биологически конструктивным технологиям, направленным на приручение и совершенствование природных образований с

целью получения необходимых человеку продуктов. Иначе говоря, в производственно-технической сфере необходимо перейти к биоцентричному производству, безотходным и природовосстановительным технологиям, а в перспективе — и к органичному включению техносферы в космобиосферные энергетические потоки, зависимости и ритмы. При этом надо учесть, что сегодня становятся необходимыми и неизбежными определенные ограничения некоторых видов человеческой деятельности, потенциально содержащих в себе опасность катастрофических последствий.

Все сказанное дает основания утверждать, что глубинная *причина экологического кризиса* коренится в самом способе самореализации современного человека, находится в духовной сфере и обусловлена ценностями и принципами природопокорительской идеологии. Поэтому необходимо сформировать и внедрить в массовое сознание действенную экологическую идеологию, которая должна стать идеологией жизни. Она будет призвана утвердить примат нравственности над всеми видами экономического и политического прагматизма, свободного совместного труда над всевозможными формами эксплуатации и насилия, соборности и коллективизма над всякого рода крайними проявлениями индивидуализма и эгоцентризма (личного, группового, классового, национального, расового), прямой содержательной демократии над демократией формальной, этики самоограничения и аскезы над всеми формами расточительного гедонизма и бездумного потребительства, стремление к высокому качеству жизни над стремлением к богатству и его символическим атрибутам. Сегодня судьба гуманистического идеала связана с отказом от конфронтационности с миром, от идеи его подчинения и господства над ним.

Утверждение духовно-экологической цивилизации невозможно без некоторого рода «архаической экспансии», выхода на историческую арену древнейших основ национального бытия, в том числе и без возрождения, (конечно, наполненных новым содержанием), многих сущностных элементов крестьянской космобиосфероцентрической цивилизации, господствовавшей в течение тысячелетий. Будущее не является простой экстраполяцией сегодняшних норм и тенденций. Может случиться так, что культурные достижения и опыт, предшествующих поколений, сегодня признанные «несовременными» как раз и окажутся в числе наиболее перспективных на новом витке исторического развития. Вообще, неспособность испытывать уважение к достижениям традиционных цивилизаций — опасная болезнь современности, особенно, если учесть, что сама эта «современность» оказалась в бесчеловечном тупике.

В сфере промышленности и сельского хозяйства мы должны стремиться следовать величественной природной лаборатории жизни с ее взаимосвязанностью и саморегуляцией. В сущности, в природе, как отмечают мно-

гие исследователи, есть все — от локатора и реактивного двигателя до атомного котла, но принцип их работы иной и энергетика иная. В идеале промышленность должна быть встроена в природный комплекс земли, органически включена в космобиосферные процессы, быть абсолютно безотходной — как не бывает отходов в природе и не требовать или почти не требовать для своего функционирования невозобновляемых природных ресурсов. Иначе говоря, промышленность необходимо организовать таким образом, чтобы потребляемое ею сырье проходило все стадии безотходной обработки. Это означает, что отходы одного технологического процесса служили бы сырьем для другого, другого — для третьего и т.д. В этом направлении и должна определить свой поиск современная научная мысль.

Экологизация промышленности предполагает необходимость теоретической и практической реализации принципиально иной — нетехноцентрической и не инструментально-потребительской стратегии хозяйственного развития. Данная ориентация, согласно целому ряду исследователей, как минимум, предполагает следующие ориентиры движения социума. Сохранение, использование и развитие только тех технологий, которые в минимальной степени используют природное вещество и почти не наносят ущерба окружающей среде и здоровью человека. С некоторыми оговорками речь прежде всего может идти о биотехнологии, информационных технологиях, микроэлектронике и микропроцессорной технике. Их применение, по крайней мере, не сопровождается значительным ростом вовлеченности в производства природных ресурсов и увеличением вредных выбросов в атмосферу.

Необходим последовательный отказ от всякого рода искусственных, надуманных потребностей «псевдопотребностей», начиная с предметов роскоши и заканчивая бесконечным количеством всевозможных безделушек, которые навязываются людям предпринимательской экономикой. Свертывание отраслей промышленности, работающих на данные «псевдопотребности», приведет к сокращению львиной доли всей индустрии. При этом необходимо всячески стремиться к освоению новых естественных производительных сил, к использованию нетрадиционных источников энергии, к увеличению удельного веса «чистой энергетики», не загрязняющей природной среды.

Сейчас трудно предсказать, какие конкретно формы обретет промышленное и сельское хозяйство в будущем. Важно, однако, в качестве целевой установки исходить из того, что научно-технический прогресс, прогресс материального производства оправдан лишь в той мере, в какой он обеспечивает воспроизводство здорового, полноценного человека и способствует росту его духовных потребностей и сил.

Сформулируем следующий вопрос: не ставим ли мы слишком пессимистический диагноз ситуации? Может быть мы в «этом лучшем из миров» рисуем сверх меры мрачную, трагически-апокалиптическую картину? Думает-

ся, что нет. Более того, наш пессимизм основан не столько на верифицируемом знании действительно опасных тенденций нашего времени, «хищных вещей века» (с чем можно было бы как-то бороться), сколько на понимании другой, более страшной в данной ситуации проблемы — отсутствии осознания обществом грозящей ему опасности, необходимости реальных действий, направленных на ее преодоление, стремления дать ответ на жесткие вызовы современности, в частности на зов биосферы о ее спасении.

Трагизм ситуации заключается в том, что вера в научно-технический прогресс («религия прогресса»), сформировавшаяся у подавляющего большинства людей, прогрессистское сознание превратились в XX в. в тоталитарную идеологию с целым набором своих непрерываемых понятий-символов: «экономический рост», «экономическая эффективность», «ускоренное развитие», «коэффициент полезного действия» и т.д., которые ослепили человечество, не давая ему возможности видеть реальность такой, какая она есть на самом деле. В результате человечество все чаще демонстрирует неспособность не только принять, но и понять вызовы сегодняшнего дня.

Вот почему пришло время ставить, подобно первым христианам, вопрос о спасении мира, будить людей, чтобы они проснулись раньше того времени, когда ситуация станет определенно необратимой, стучаться в закрытую дверь, пока она не откроется.

Таким образом, в современном философском дискурсе вырисовывается новое множество идей и смыслов, призванных сформировать приоритеты философии и науки в культуре XXI в. Некоторые из этих приоритетов уже достаточно отчетливо реализованы в философских дискуссиях последних десятилетий, иные еще только обретают свои концептуальные и тематические очертания, способствуя все более осязаемому вычленению нового этапа в развитии современной постклассической философии.

22.4. Философия и футурология.

Проблема будущего в духовном опыте человечества

В ряду вечных проблем человеческой культуры особое место занимает проблема будущего. Будущее таит в себе много неведомого. Оно всегда есть результат синергетического эффекта разнонаправленных сил и факторов (непредсказуемого социального выбора и поступка, проб и ошибок, случайного стечения обстоятельств, пересматриваемых и постоянно изменяемых решений и т.д.). В настоящее время можно определенно утверждать: развитие социума нелинейно и гиперциклично, оно не подчинено действию каких-либо жестких и однозначных («непреложных») закономерностей. Обнаруживающие себя сегодня в тех или иных социальных сферах,

системах или подсистемах детерминистские цепочки (связи детерминации) могут оказаться неожиданно разорванными завтра. Это происходит потому, что в динамике социума время от времени возникают кульминационные моменты, «взрывы». В момент последних законы и механизмы причинности отключаются, — будущее становится открытым для новой линии развития, нового социального выбора и решения. Первоначально незаметные события и факторы могут привести к качественной перестройке системы, к коренному изменению траектории ее движения. Тем не менее мы допустим непростительную ошибку, если откажемся размышлять о будущем вообще, перестанем следить за сложным переплетением ветвящихся дорог общественной эволюции, ибо не думать о будущем состоянии нашего бытия означает стать жертвой разворачивающихся событий.

Реалии современного мира выявили целый ряд новых причин и обстоятельств, чрезвычайно актуализирующих исследование будущего состояния человеческого бытия. В наше время как никогда раскрутилось колесо истории, ускорились темпы общественного развития. Чтобы понять это, представим себе развитие человечества в виде бега на дистанцию 60 км, условно приравняв каждые 10 тыс. лет его истории к 1 км. Большая часть этой дистанции окажется за пределами цивилизации. Лишь на 58-м км появятся первые орудия труда и пещерные рисунки — зачатки культуры. Лишь на 60-м км обнаружим признаки земледелия, а за 200 м до финиша — римскую дорогу, покрытую каменными плитами. Последние 10 м начинаются при скудном освещении керосиновых ламп, а на финишном броске, на самых последних метрах произойдет ошеломляющее чудо: электрический свет заливал города, мчатся автомобили, в небо взмывают реактивные лайнеры и пораженного бегуна ослепляют вспышки «блицев» и «юпитеров» фото- и телекорреспондентов. Такую впечатляющую картину возрастания темпов поступательного хода истории, или, как сейчас часто говорят, ускорения ритмов истории, нарисовал швейцарский инженер и философ Г. Эйхельберг в книге «Человек и техника».

Были предложены и другие масштабы (или варианты) измерения ускользящего бега истории. Так, американский футуролог О. Тоффлер в своей книге «Столкновение с будущим» предложил измерить 50 тыс. лет человеческой истории числом поколений, сменивших друг друга, приравняв каждое из них к 62 годам средней продолжительности жизни человека в XX в. И в этой иллюстрации Тоффлера умещается 800 поколений, а подавляющая масса всех материальных продуктов, которыми мы сегодня пользуемся в повседневной жизни, впервые появилась на протяжении последнего, 800-го поколения¹. Именно это поколение, согласно ему, демонстрирует нам резкий разрыв со всем предшествующим опытом человечества.

¹ Тоффлер, О. Шок будущего / О. Тоффлер. М., 2001. С. 23.

Многое из того, что ошарашивает нас своей кажущейся непостижимостью, станет куда яснее, если вдуматься в смысл бешеного темпа перемен, превращающего действительность в некое подобие взбесившегося калейдоскопа. Мало того, что ускорение темпа перемен преобразует целые отрасли промышленности или страны. Оно являет собой конкретную силу, которая вторгается в нашу личную жизнь, проникая в сокровенные ее глубины, заставляет нас играть новые роли и угрожает сделать нас жертвами некой новой опасной психологической болезни, серьезно нарушает душевное равновесие человека. Эту новую болезнь можно было бы назвать «шоком от столкновения с будущим». Знание ее причин и симптомов поможет осмыслить многое из того, что не поддается никакому другому разумному объяснению. Шок будущего — это вызывающая головокружение дезориентация, являющаяся следствием преждевременного прихода будущего. Он вполне может оказаться самой серьезной болезнью завтрашнего дня¹.

Люди в этой ситуации все чаще и чаще стали задавать себе вопрос, к каким социальным последствиям приведут совершающиеся на их глазах процессы? Куда идет человечество? Почему колоссальные силы, созданные и приведенные в движение людьми, нередко оборачиваются против самих же людей? Отсюда — «бум прогнозов», бесконечные попытки осмыслить перспективы развития общества — различные сценарии, модели, проекты будущего. Высокие темпы социальных изменений, практическое отсутствие возможности у человека и общества обстоятельно и неспешно осмыслить ход и направленность исторического развития порождают у целого ряда субъектов попытки с помощью особых образов будущего направить исторический процесс или некоторые его тенденции в выгодное для них русло.

Наряду с социальной обусловленностью, существует и *экзистенциальная потребность* в осмыслении будущего. Своими корнями эта потребность уходит в неизбывное стремление людей открыть иной, более совершенный мир, обеспечить светлое будущее не только для себя, но и для следующих поколений. Устремленность в будущее, попытки духовно или практически его освоить придают жизни особый человеческий смысл. В сущности, смысл жизни — это наиболее общее, идеализированное представление о желаемом будущем, спроецированное в настоящее и выступающее мощным стимулом индивидуальных поступков и массовых социальных действий людей.

В поисках смысла жизни и счастья своего бытия человек нередко прибегал к мечте. С ее помощью он стремился снять наиболее значимые противоречия жизни. Он мечтал о будущей социальной гармонии и справедливости, о достатке и благоденствии, т.е. о всем том, чего так не хватает в се-

¹ Тоффлер, О. Шок будущего / О. Тоффлер. С. 23.

годняшной реальной жизни. При этом желаемое будущее представлялось человеку чаще всего в облике надежды. В контексте темы будущего категория надежды является важнейшей. Поэтому остановимся на кратком анализе ее значения для восприятия и отношения к будущему. Надежда — это ожидание чего-либо желаемого, соединенное с уверенностью в возможности его осуществления. Без надежды жить почти невозможно. Мы не боимся прошлого, поскольку оно уже миновало и часто хвалим его, хотя не исключено, что оно было плохим. «Или настоящее нас тревожит, или будущее», — так писал Сенека, сбрасывая прошлое со счетов счастья. А настоящее? Ведь оно опять-таки лишь мгновение, а мгновения, даже самые горькие, можно пережить. Лишь бы знать, что будет лучше. Так считают многие люди. Сознательно или нет, они связывают свое счастье исключительно с будущим, измеряют его тем, чего еще нет и, может, никогда не будет. Но они это будущее уже переживают заранее и видят его хорошим или плохим и воспринимают его как хорошее или плохое. Конечно, не на всех людей это распространяется одинаково. Вероятно, обостренность восприятия будущего зависит и от характера человека: одни живут минутой или живут прошлым, ретроспективно, а другие живут будущим, проспективно. Их счастье определяет надежда на будущее, хотя бы и обманчивая, а несчастье — неверие в него, хотя бы и обоснованное.

Гносеологической основой предвидения является целесообразная деятельность людей, носящая сознательно-волевой и проективный характер. Человеческая активность с необходимостью предполагает мысленное продолжение действий, согласование целей и средств их достижения, ожидание как непосредственных результатов, так и более отдаленных последствий своих усилий. Значительная часть тех результатов, которые творятся людьми в их незаметном повседневном труде, окажет влияние не только на современников, но и на жизнь грядущих поколений. Поэтому предвидение будущего, умение соотносить с ним свою деятельность в настоящем является обязательным условием подлинно человеческого осмысленного бытия.

В течение многих тысячелетий люди отработывали средства и методы проникновения в тайны будущего, искали способы приподнять завесу, отделяющую будущее от настоящего. В ходе социокультурного развития сформировалось два направления исследования: ненаучное (интуитивное, обыденное и религиозное) и научное. Критерием их различия является способность открывать закономерности в развитии природы и общества и на их основе делать достоверный вывод. *Ненаучное предвидение*, как правило, не стремится найти устойчивую закономерность и апеллирует к иррациональным сферам человеческого духа и бытия в целом. Интуитивное предвидение основано на предчувствиях человека; обыденное — на житей-

ском опыте и связанных с ним аналогиях, приметах и т.д.; религиозное предвидение, пророчество — на вере в сверхъестественные силы, якобы предопределяющие будущее, на суевериях и т.п.

Научное предвидение опирается на знание причинно-следственных зависимостей и детерминационных связей, а также умение экстраполировать сложившиеся тенденции социокультурного и социоприродного развития в будущее. Согласно идеям научной прогностики, будущее — это далеко не все то, что порождает человеческая фантазия. Будущее тысячами нитей связано с настоящим и прошлым, и поэтому научное знание и социальное прогнозирование должно отвечать на вопросы: *что* может произойти в будущем? *какие формы* это новое приобретет? *когда* его следует ожидать и *какова мера* достоверности данного прогноза?

Основным видом научного предвидения является прогнозирование. *Прогнозирование* — это не просто высказывание о будущем, а систематическое исследование перспектив развития того или иного явления или процесса с помощью средств современной науки. Прогноз, в отличие от прорицания, предвосхищения, пророчества, обладает высокой степенью обоснованности, научной доказательности, объективности. Так, метеорология может достаточно точно предсказать изменение погоды в определенный отрезок времени, а врач — описать ход той или иной болезни. Принципиально важной характеристикой прогноза является его *целостность*. Каждый прогноз строится на четко определенном теоретико-методологическом основании. Это означает, что нельзя набрать «привлекательных» свойств, смыслов и ценностей из разных цивилизаций, социальных систем и экономических укладов и назвать все это желаемым будущим или целью модернизации.

В западноевропейских странах получила бурное развитие специфическая отрасль знания о будущем — футурология. Футурология призвана, используя различные методики, осуществлять разработку прогнозов, связанных с описанием конкретных форм, проектов и образов будущего, изучать тенденции развития отдельных стран и мира в целом. В широком значении слова футурология — это совокупность представлений о будущем человечества, в узком — область научных знаний, охватывающая тенденции и перспективы тех или иных социальных процессов. В отечественной литературе футурология часто употребляется как синоним прогнозирования и прогностики.

В современных западных странах исследование будущего (футурология) играет всевозрастающую роль при принятии важных экономических и политических решений, выдвижении различных программ, моделей и сценариев развития как отдельных социальных явлений, так и общества в целом. И это понятно: по мере усложнения социальных связей, ускорения темпов общественного развития, усиления роли в жизни современных обществ государственного начала (планирования, программирования, попы-

ток достижения чуть ли не полного контроля над человеческим поведением и социальными процессами) неизбежно возрастает и потребность в хорошо продуманной системе прогнозирования.

В качестве подтверждения этого тезиса рассмотрим опыт ведущих стран Запада и Востока, в которых научное прогнозирование является необходимым элементом определения долгосрочной стратегии развития как отдельных корпораций, так и государства в целом. Так, многие решения в современном Китае принимаются на основе стратегического прогноза на 50 лет. А в США создана целая сеть организаций, занимающихся стратегическим прогнозированием во всех сферах общественной жизни. В частности, только RAND Corporation объединяет более 5000 квалифицированных экспертов, многие из которых являются ведущими специалистами в своих областях¹.

Разумеется, возможности науки в предвидении будущего ограничены и уменьшаются по мере удаления от настоящего. Поэтому для ответа на поставленные вопросы мы должны обладать четко определенной периодизацией будущего. В современной футурологии обычно выделяют *непосредственное, обозримое и отдаленное будущее*, критерием разграничения которых является *мера определенности, достоверности их постижения*. Чем дальше мы продвигаемся в будущее, тем менее надежными становятся наши прогнозы и предсказания. Эта возрастающая неопределенность коренится в самой природе социального развития, имманентно содержащей в себе принципы многовариантности, нелинейности, стохастичности. Исторический процесс является сложным сплавом объективного и субъективного, закономерного и случайного, обусловленного и стихийно-спонтанного. Поэтому по мере продвижения от этапа к этапу в периодизации будущего, степень вероятности прогноза резко уменьшается.

В зависимости от конкретной цели исследования в футурологии применяются следующие виды прогнозов:

- *поисковые* (иногда их называют «изыскательскими» или «реалистическими») — составляют непосредственно для того, чтобы выявить, каким может быть будущее, отправляясь от реалистических оценок существующих в данное время тенденций развития в различных сферах общественной деятельности;
- *нормативные* — ориентируются на достижение в будущем определенных целей, содержат различные практические рекомендации для осуществления соответствующих планов и программ развития;
- *аналитические* — делаются, как правило, для того, чтобы в научных целях определить познавательную ценность различных методов и средств исследования будущего;

¹ Малинецкий, Г. Россия в контексте мировой динамики: экобионический аспект / Г. Малинецкий, Ю. Каганов // Проблемы теории и практики управления. 2005. № 2. С. 105–106.

- *прогнозы-предостережения* — составляются для непосредственного воздействия на сознание и поведение людей с целью заставить их предотвратить предполагаемое нежелательное будущее.

Различия между видами прогноза условны; в одном и том же конкретном социальном прогнозе могут сочетаться признаки нескольких видов.

В исследовании будущего применяется обширный и многообразный арсенал научных методов, специальных методик, логических и технических средств познания. Некоторые футурологи насчитывают около двухсот данных методов и методик. Однако *основные методы прогнозирования* сводятся к следующим пяти (остальные же являются их различными сочетаниями и вариациями): 1) экстраполяции; 2) исторической аналогии; 3) компьютерному моделированию; 4) сценарию будущего; 5) экспертной оценке. Каждый из этих методов предвосхищения будущего имеет свои достоинства и недостатки. Точность *экстраполяции*, например, резко убывает по мере продвижения в будущее, которое никак не может быть простым количественным продолжением настоящего. Ограничена применимость к предвидению будущего *исторической аналогии*, ибо будущее человечества никак не может в своих основных чертах свестись к повторению прошлого. В каждую эпоху возникают новые обстоятельства, каждая эпоха имеет настолько индивидуальное состояние, что в эту эпоху люди действуют и принимают только такие решения, которые вытекают из самого этого состояния. Столь же ограничены и возможности *компьютерного моделирования* в силу того, что творческое прогнозирование невозможно формализовать, представить в виде простой совокупности операций, выкладок и формул. Конечно, компьютерные и прочие информационные технологии используются в прогнозировании, но выполняют сугубо вспомогательные функции. У компьютеров нет воображения, интуиции, они не видят принципиально новых возможностей будущего развития. Да и было бы странно подменять человеческое творчество стандартными машинными операциями; тем не менее, наша техногенная цивилизация постоянно стремится к этому, убывая при этом саму способность людей к творчеству. *Метод сценариев будущего* является весьма популярным, так как открывает простор фантазии и воображению, но при этом страдает ярко выраженной субъективностью. В этом ряду, пожалуй, наиболее надежным методом социального прогнозирования является *экспертная оценка* перспектив реального исторического процесса при условии, что она опирается на верные теоретические представления о нем, использует результаты, полученные с помощью других методов, и дает этим результатам правильную интерпретацию.

Остановимся кратко на анализе специфики социального предвидения.

В социальном предвидении объективная детерминация явлений, на которую опирается всякое научное предвидение, проявляется специфично. Специфика состоит в том, что в обществе действуют сознательные суще-

ства, ставящие перед собой определенные цели и стремящиеся к их осуществлению. Поэтому в общественной жизни историческая закономерность (необходимость) выступает не как нечто жесткое и однозначное, а носит статистически-вероятностный характер, пробивает себе дорогу через массу случайностей, отклонений. Понятый таким образом социальный детерминизм по необходимости включает в себя понимание многозначности, вариативности будущего, возможности человеческого влияния на это будущее, требует учета субъективных устремлений людей. При выдвигании прогноза будущего социального бытия людей нужно обязательно помнить получившую уже чуть ли не всеобщее признание мысль о том, что развитие общества не имеет окончательного предопределения, а осуществляется в соответствии с принципом многовариантности, носит нелинейный характер. В этом развитии мало что можно точно предугадать, а тем более спроектировать. Здесь можно только прогнозировать, учитывая столкновения и противоборство различных тенденций и сил.

Кроме того, во избежание крупных просчетов и ошибок в процессе социального прогнозирования нужно иметь в виду и следующее: выдвигание правильного прогноза предполагает учет и анализ не только материальных возможностей и предпосылок будущего жизнеустройства, но и всего того, что имеет отношение к *области духовного идеального*. Тот, кто стремится предвидеть будущие обстоятельства общественной жизни, не может избежать анализа духовного состояния общества, прежде всего анализа глубинных мировоззренческих ориентиров и ценностных предпочтений, которые так или иначе выступают в качестве мотиваций и стимулов массовых действий людей, направленных на реализацию тех или иных программ общественного развития. Учет самых различных ориентаций и предпочтений, всей духовно-ценностной мозаики — важное условие правильного прогноза. Это особенно верно относительно переходных периодов, когда происходит распад и крушение традиционных ценностных норм и возникает обостренная потребность в обретении новых мировоззренческих и духовных координат. Можно утверждать, что никакое истинное понимание происходящих в нашей стране процессов, и тем более, никакое достаточно надежное прогнозирование вероятного будущего просто невозможно, если мы не будем все происходящее в обществе рассматривать в связи и на фоне сдвигов и перемен в общественном сознании, связанных с той или иной трансформацией смысловых ценностей и идеалов. И это потому, что характер и направленность социальных изменений в существенной мере определяются именно духовным состоянием общества, перестройкой в глубинных структурах сознания, в основных идеях и общепризнанных идеалах. При этом надо иметь в виду, что реальное будущее складывается не только из того, что возникает и изменяется, но из того, что остается неизменным или изменится мало. Идущие из глубины веков стереотипы поведе-

ния и нормы жизни, несмотря на все социальные катаклизмы и метаморфозы, имеют тенденцию воспроизводиться, как бы возвращаться в исходное состояние, набирать историческую инерцию, если и преодолимую, то лишь в экстремальных ситуациях, путем крайних чрезвычайных мер, посредством насилия над живой народной жизнью. Прежде всего это относится к инерциям сознания, под воздействием которых в измененном облики сплошь и рядом воспроизводится старое содержание.

Понимание и учет указанных особенностей общественного развития диктуют необходимость разработки принципиально новой, противоположной господствующей долгие годы в Советском Союзе концепции социального проектирования и регулирования. Для последней, как известно, было характерно стремление к безальтернативному планированию будущего, постоянно воспроизводящиеся попытки предписать и указать, каким это будущее должно быть и в какие сроки достигнуто. На практике это означало стремление подчинить жизнь людей заранее заданной схеме, строить будущее на основе изначально принятого плана, подобно тому, как это имеет место при строительстве домов, заводов и фабрик, лишая общество активно-творческой силы, которая делает его субъектом исторического процесса и обуславливает его способность к самоорганизации.

Следует помнить, что общество не механизм, которым можно управлять извне, разбирать на составные части и снова собирать, а организм, целостность, ни одну из частей которой нельзя без вреда произвольно устранить и заменить другой. Прежде чем что-либо в нем менять, необходимо «проиграть» на модели всевозможные последствия различных вариантов предполагаемого изменения. На постсоветском пространстве, к сожалению, в не таком далеком прошлом, да и теперь, социальное экспериментирование осуществляется зачастую не на модели, а непосредственно на людях. Преодолению этой практики и призвана способствовать разработка новой динамической концепции общественных изменений вообще и социального прогнозирования и проектирования в частности. Эта новая концепция, как представляется, должна создаваться на принципиально иной методологической основе. Ее теоретический инструментарий должен быть направлен на осознание общих перспектив и возможных альтернатив разумного выбора. Это означает, что на смену директивному планированию, волюнтаристическому крупномасштабному социальному экспериментированию должно прийти мысленное экспериментирование вариативного, гибкого типа, которое будет осуществляться, исходя из наличных условий и реальных возможностей практики, органически вырастать из самой действительности, «проигрывая» при этом все имеющиеся в ней тенденции и направления дальнейшего развития. Такого рода подход к будущему требует ясного осознания того, что не только неизбежно существует, но и по мере усложнения общественной жизни и ускорения «ритмов истории» значительно расширя-

ется зона непредвиденного, вероятностно-случайного, непредсказуемого. Он явно противоречит идее тотального прогнозирования, которое по своей сути явилось отражением практики тотального руководства. Эта идея, отрицая всякую зону вероятного и непредсказуемого, тем самым отвергала и какую бы то ни было индивидуальную самостоятельность, и активность, ибо запрограммированную активность нельзя считать действительно творческой. Вот почему подлинное раскрепощение общества предполагает преодоление практики тотального прогнозирования, определение зон и сфер, где прогностика не вправе вмешиваться, навязывать обществу свои проекты и модели, однозначно программировать будущее.

Сказанное не означает, что прогнозирование и социальное проектирование не играет никакой роли в регулировании общественных процессов. Речь идет лишь о том, что на смену теории-предписанию, жесткооднозначному прогнозу должен прийти метод косвенного регулирования социальных процессов, когда каждое решение будет определяться ситуацией, а точнее тем, что из этой ситуации можно извлечь на благо человечества.

Прогрессивно ориентированная прогностическая деятельность, включающая в себя понимание неоднозначности будущего, возможность влияния на это будущее непредсказуемого человеческого выбора и поступка может оказать обновляющее положительное воздействие на социально-политическую практику. Авторитетный прогноз, опирающийся на наши современные представления о том, каким образом будущее возникает из настоящего, мог бы, например, послужить мощным духовным стимулом конструктивно-созидательных социальных действий, способствовать консолидации людей, совместно творящих свое будущее.

Возможность такого рода воздействия прогноза на прогнозируемые обстоятельства особенно усиливается в период духовного кризиса, в переходные эпохи. В ситуации глубокого сомнения и социальной апатии обнаруживается, быть может, наиболее благодатная почва для всякого серьезного духовного воздействия и влияния. В этой ситуации энергия открытости, готовности размышлять, слушать и услышать, чтобы преодолеть внутреннее духовное беспокойство и смуту, обладает наибольшей силой.

Но все сказанное означает, что прогнозы не нейтральны к прогнозируемым обстоятельствам. Прогнозы, формирующие определенные образы будущего, являются хоть и специфической, но весьма существенной формой проявления субъективного фактора истории. А это значит, что они, как и субъективный фактор истории в целом, оказывают всевозрастающее влияние на жизнь общества, социально-политическую практику, поступки и поведение людей в настоящем. Прогноз, касающийся будущего социального субъекта (класса, группы и т.д.) и затрагивающий его интересы, так или иначе оказывает влияние на деятельность данного субъекта и тем самым — на

свое собственное осуществление. Диалектика взаимосвязи настоящего и будущего здесь такова, что *настоящее не только предопределено прошлым и обуславливает будущее, но и в свою очередь испытывает влияние со стороны будущего*. То, что люди узнают об ожидаемом их будущем, неизбежно воздействует на их дела и поступки «здесь и сейчас», в сегодняшней жизни. Именно явные осознанные и скрытые бессознательные установки относительно будущего и определяют поведение человека сегодня. Представления о будущем — это уже один из способов воздействия на него, путь формирования этого будущего. Порождая в своем сознании образ будущего, мы как бы создаем первый, приближенный вариант того, что должно реализоваться. В зависимости от содержащегося в социальных программах описания будущего, они побуждают человека либо активно стремиться к нему и тем самым содействовать его воплощению в жизнь, либо противодействовать его наступлению, либо пассивно ожидать его. Поэтому любой социальный прогноз сочетает в себе как научно-познавательное содержание, так и определенное идеологическое назначение.

Основными механизмами воздействия будущего на настоящее являются самоорганизующиеся (самосбывающиеся) и саморазрушающиеся прогнозы. Прогнозы, которые содействуют собственной реализации, обычно называют *самоорганизующимися*. Хороший пример «самоорганизующегося» прогноза приводит американский исследователь М.К. Мертон. Он пишет, что беспочвенные слухи (прогноз) об ожидающемся банкротстве способны вызвать биржевую панику, отток вкладов, падение курса ценных бумаг и в конце концов привести к тому самому банкротству, которое эти слухи предрекали. Пророчество краха, по словам Мертона, ведет к действительному осуществлению. К числу самоорганизующихся прогнозов часто можно отнести медицинские предсказания. Благоприятный или неблагоприятный прогноз, сделанный врачом, будучи известен больному, может оказать решающее воздействие на исход болезни.

Прогнозы могут быть и *саморазрушающимися*. Когда в результате прогноза возникает картина будущего, которая нежелательна, прилагаются усилия, чтобы этот прогноз не состоялся, был «разрушен». В качестве примера такого саморазрушающегося прогноза французский демограф А. Сови приводит демографические прогнозы 1930-х гг. Прогнозы, утверждавшие, что Франции угрожает исчезновение населения, определили принятие ряда мер, которые не позволили этим прогнозам осуществиться.

Но поскольку прогноз меняет прогнозируемую ситуацию, то это воздействие следует учитывать в самом процессе предвидения, т.е. принимать во внимание воздействие предвидения как ситуацию, уже измененную предвидением, и т.д. до бесконечности. В целом воздействие образов будущего на действительность может быть выявлено посредством рассмотре-

ния вопроса о взаимодействии настоящего и будущего в развитии человеческого общества, путем анализа обратной связи между тем или иным содержанием опережающего отражения и реальными общественными процессами. Жизнь порождает прогноз, прогноз воздействует на жизнь.

Иногда факт воздействия на настоящее различных предсказаний, пророчеств, веры (в зависимости от того, какая форма опережающего отражения рассматривается) называют «эффектом Эдипа» (согласно преданию, убийство Эдипом родного отца явилось прямым результатом пророчества).

Прогностическая деятельность, таким образом, предполагает высокую степень *ответственности*, всякий раз требует достоверно выявлять уже получившие распространение в духовно-ценностном пространстве общества всевозможные проекты, своего рода модели желаемого будущего, принадлежащие различным социальным силам, слоям и группам.

Итак, образы будущего занимают исключительно важное место в структуре субъективного фактора истории, выступают мощным духовным стимулом массовых действий людей, моментом их причинной обусловленности и регуляции. И как теперь уже стало очевидным, многих футурологов не столько заботит, какое будущее на самом деле ожидает человечество, сколько *стремление повлиять своими прогнозами на поведение людей в настоящем*. При этом одни пытаются привлечь людей уготованным для них будущим, тогда как другие — запугать их. В обоих случаях речь идет о том, чтобы навязать человеку такое будущее, о котором в самом прогнозе, быть может, даже умалчивается. В зависимости от поставленных целей фабрикуются прогнозы-сирены, заманивающие в «земной рай», или, наоборот, безжалостные прогнозы-камикадзе, убивающие в людях всякую надежду на лучшее будущее, чтобы заставить их примириться с настоящим.

Оказывается, веру в будущее можно эксплуатировать, ею можно спекулировать, на ней можно «играть». Будущее, с какой бы стороны мы ни посмотрели, является важнейшим измерением человеческой жизни. Во всяком случае предвидение будущего не менее важно для благополучия рода человеческого, чем ликвидация «белых пятен» непознанных страниц свершившейся истории.

Но прогнозы могут и должны выполнять совершенно иные функции. Подлинная, гуманистически оправданная задача прогноза состоит не только в том, чтобы показать варианты возможного развития личности и общества, но и в том, чтобы пробудить творческую энергию людей ради достижения действительно высоких и благородных целей. Человек никогда не должен быть рабом обстоятельств или заранее запрограммированного будущего: согласно Ясперсу, он сам должен участвовать в борьбе за будущее, создавать («конструировать») новые возможности, которых без него не было

бы. Здесь уместно напомнить, что прошлое никогда не превращалось в будущее плавным течением — будущее, как и все живое, рождается в муках. Поэтому человеку необходимо отдавать себе отчет в том, что он не «пыль на ветру», но причастен к сотворчеству своей судьбы и истории. А если человек уклоняется от этого сотворчества и борьбы за будущее, если предоставляет внешним силам, зачастую недобросовестным и нечистым на руку, возможность определять его, то тем самым обрекает себя на бессмысленное прозябание в той социальной реальности, которую создадут другие.

Перед лицом опаснейших глобальных проблем именно философия может дать человеку ничем не заменимую духовную поддержку. Широкие философские обобщения и верная методология помогают выявить в гуще ветвящихся дорог исторической эволюции те пути движения социума, которые открывают для человеческой цивилизации длительную историческую перспективу и вместе с тем дают людям ценностно-мировоззренческие ориентиры, помогают им избавиться от духовной растерянности и страха перед будущим.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
РАЗДЕЛ I. ФИЛОСОФИЯ И ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	8
Глава 1. Статус и предназначение философии в жизни общества	8
1.1. Философия, мировоззрение, культура	8
1.2. Специфика философского знания и проблемное поле философии	15
1.3. Проблема научности философии	18
1.4. Культурные традиции и типология философии. Философия и национальное самосознание	23
1.5. Социокультурный статус и функции философии в современном мире ...	31
1.6. Основные исследовательские стратегии в постклассической философии	34
Глава 2. Философское осмысление проблемы бытия	38
2.1. Категория бытия как начало философского анализа мира	38
2.2. Становление и развитие идеи о единстве бытия. Понятие материи	41
2.3. Динамизм бытия. Материя и движение	49
2.4. Природа пространства и времени	54
Глава 3. Природа как предмет философского и научного познания	62
3.1. Понятие природы. Природные предпосылки жизнедеятельности человека и общества	62
3.2. Социально-экологическая стратегия природопользования	75
3.3. Природно-географические детерминанты социокультурного и цивилизационного бытия восточнославянских народов	85
Глава 4. Философия глобального эволюционизма	99
4.1. Идея динамизма бытия в различных формах диалектической философии	100
4.2. Развитие эволюционных представлений в естествознании и социальных науках	106
4.3. Концепция глобального эволюционизма как новый образ динамической организации Универсума	113
Глава 5. Проблема человека в философии	120
5.1. Понятие философской антропологии и основные стратегии осмысления человека. Проблема происхождения человека в философии и науке	120
5.2. Природа и сущность человека. Человек как био-, социодуховный феномен	128
5.3. Проекции человеческой реальности: индивид, личность, индивидуальность	131
5.4. Экзистенциально-аксиологические параметры бытия человека в мире ...	135

5.5. Антропологический кризис и его параметры	141
5.6. Трансгуманизм: сущность, проблемы, противоречия	147
Глава 6. Философия сознания	153
6.1. Сознание как предмет философского осмысления	153
6.2. Философия и когнитивные науки о сознании	159
6.3. Самосознание и самость в структуре сознания	165
6.4. Язык и социальная коммуникация	168
6.5. Сознание и интеллект. Проблемы искусственного интеллекта	172
Глава 7. Специфика социальной реальности	175
7.1. Социальная философия и социально-гуманитарные науки в познании общества: общее и особенное	175
7.2. Специфика социально-философского знания. Сущность социальности	182
7.3. Общество как предмет философского анализа. Основные стратегии исследования социума	187
7.4. Общество как система. Основные сферы общественной жизни	195
7.5. Социальная структура общества	204
Глава 8. Основные проблемы социальной динамики	210
8.1. Становление философии истории, ее предмет и структура	210
8.2. Объективные закономерности и субъективный фактор в историческом процессе	216
8.3. Проблема источника и факторов исторического развития общества. Эволюция и революция в динамике общества	225
8.4. Субъект и движущие силы истории. Вариативность истории и выбор путей общественного развития	236
8.5. Нелинейные и линейные модели исторического процесса. Идея прогресса	245
8.6. Формационная парадигма в философии истории	255
Глава 9. Развитие общества как цивилизационный процесс	262
9.1. Цивилизационный подход к истории, его разновидности. Локальные цивилизации и проблема сохранения культурной идентичности в современном мире	262
9.2. Цивилизационно-стадиальный подход. Техногенная (индустриальная) цивилизация, ее достижения и проблемы	270
9.3. Цивилизационно-региональная парадигма. Восточнославянская цивилизация, ее ценности и приоритеты	279
9.4. «Геоцивилизационный парадокс» восточнославянского мира	286
Глава 10. Глобализация как предмет социально-философского осмысления	296
10.1. Понятие глобализации и ее системный образ	296
10.2. Объективные и субъективные стороны современных глобализационных процессов	302
10.3. Формирование региональных центров развития и силы как альтернативная глобализму стратегия развития	314

Глава 11. Философия культуры	331
11.1. Культура как предмет философского анализа. Основные парадигмы исследования культуры в современной философии	331
11.2. Структура культуры и ее основные функции.	342
11.3. Традиции и новации в исторической динамике культуры.	350
11.4. Проблема единства и многообразия культурно-исторического процесса	354
11.5. Духовность и ценностные формы сознания	360
<hr/>	
РАЗДЕЛ II. ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НАУКИ.	374
<hr/>	
Глава 12. Наука как важнейшая форма познания в современном мире.	374
12.1. Понятие науки	374
12.2. Феномен научной рациональности. Научное и вненаучное знание.	380
12.3. Рефлексивное осмысление науки и его формы.	386
12.4. Философия науки и ее проблемное поле	391
12.5. Роль науки в жизни современного общества	401
Глава 13. Наука в ее историческом развитии	408
13.1. Проблема начала науки	408
13.2. Наука и типы цивилизационного развития. Протонаука в структуре традиционных цивилизаций	411
13.3. Античный идеал науки	417
13.4. Зарождение опытных наук	419
13.5. Классический, неклассический и постнеклассический этапы в развитии науки	422
Глава 14. Структура и динамика научного познания	426
14.1. Эмпирический и теоретический уровни научного познания, их единство и различие	426
14.2. Метатеоретические основания науки.	432
14.3. Диалектика развивающейся науки. Природа и типы научных революций	438
Глава 15. Методологический инструментарий современной науки	445
15.1. Специфика философско-методологического анализа науки. Понятие метода и методологии	445
15.2. Научное исследование в методологическом осмыслении.	449
15.3. Современные методологические новации.	464
15.4. Язык науки и его специфика	469
Глава 16. Диалектическая логика как методология научного познания	475
16.1. Становление диалектической логики.	475
16.2. Диалектическая логика как учение о диалектике мышления	479
16.3. Диалектическая логика как инструмент научного познания	482
Глава 17. Наука как социальный институт.	488
17.1. Наука — важнейшая подсистема современного социума.	488
17.2. Эволюция организационных форм научного познания и институализация науки	491

17.3. Субъект и объект научного исследования. Понятие научного сообщества	499
17.4. Специфика коммуникации в научном сообществе и способы трансляции научного знания	504
17.5. Социальная регуляция науки	507
Глава 18. Наука в системе социальных ценностей	513
18.1. Аксиологическое измерение науки	513
18.2. Амбивалентность науки. Внутринаучные ценности и социокультурная детерминация науки	517
18.3. Смена ценностных приоритетов и перспективы науки	521
<hr/>	
РАЗДЕЛ III. ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ДИСЦИПЛИНАРНО-ОРГАНИЗОВАННОЙ НАУКИ	528
<hr/>	
Глава 19. Основные парадигмы в развитии естественнонаучного знания.	528
19.1. Классическое естествознание. Физика и ее место в системе естественных наук	528
19.2. Неклассическое естествознание и его специфические черты	533
19.3. Постнеклассическое естествознание: смена парадигм и новые ценностные ориентиры	541
Глава 20. Философия техники и техническая рациональность	548
20.1. Техника как объект философской рефлексии. Предмет и структура философии техники	548
20.2. Инженерное мышление и формирование технократических представлений о развитии общества	553
20.3. Человек в техносфере. Экономические, социокультурные и экологические последствия развития техники	559
20.4. Виртуальная реальность как социокультурное явление информационного общества	562
Глава 21. Философия социально-гуманитарного познания	567
21.1. Философские проблемы социально-гуманитарных наук	567
21.2. Специфика социогуманитарного познания	573
21.3. Основные исследовательские программы в обществознании	580
21.4. Объяснение, понимание и интерпретация в социогуманитарном знании ...	590
<hr/>	
РАЗДЕЛ IV. ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	596
<hr/>	
Глава 22. Философия, наука, человек в начале III тысячелетия	596
22.1. Ценности и цели философии в эпоху постмодерна	596
22.2. Человечество в начале XXI века: проблемы и противоречия	602
22.3. Экологический императив современности. Духовно-экологическая цивилизация как идеал и цель развития человечества	613
22.4. Философия и футурология. Проблема будущего в духовном опыте человечества	623
	639

Учебное издание

Кирвель Чеслав Станиславович
Зеленков Анатолий Изотович
Мельникова Любовь Леонидовна и др.

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

Учебное пособие

Редактор *Т.С. Житкевич*
Художественный редактор *Т.В. Шабунько*
Технический редактор *Н.А. Лебедевич*
Корректоры *Н.Г. Баранова, Е.З. Литень*
Компьютерная верстка *Ю.Н. Трусович*

Подписано в печать 27.08.2012. Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Garamond
NapowC». Офсетная печать. Усл. печ. л. 37,2. Уч.-изд. л. 41,5. Тираж 900 экз. Заказ 273

Республиканское унитарное предприятие «Издательство “Вышэйшая школа”». ЛИ № 02330/
0494062 от 03.02.2009. Пр. Победителей, 11, 220048, Минск. e-mail: market@vshph.com
<http://vshph.com>

Открытое акционерное общество «Полиграфкомбинат имени Я. Колоса». ЛП № 02330/0150496
от 11.03.2009. Ул. Корженевского, 20, 220024, Минск